ЦЕНТР НАУЧНЫХ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ (ЦНИОП)

LITTERA SCRIPTA MANET

ISSN 2225-756X

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

Scopus Q1

Clarivate Web of Science

OPEN ACCESS

We are Crossref Member

НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА eLIBRARY.RU РИНЦ

DOAJ

ERIHPLUS

Dimensions

Google scholar

CYBERLENINKA

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

ISSN 2225-756X (Print)
ISSN 2227-1295 (Online)

Научный диалог

Том 15, выпуск 3, 2026

Nauchnyi Dialog

Volume 15, Issue 3, 2026

CC BY OPEN ACCESS

ISSN 2225-756X

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

Том 15, выпуск 3, 2026

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых ВАК

ISSN	2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online)
Свидетельство о регистрации	ПИ № ФС 77-86214 от 27.10.2023 г., Роскомнадзор
DOI:	10.24224
Год основания	2012
Периодичность	10 раз в год
Представление в каталогах, индексирование	• WoS (Emerging Sources Citation Index) • Scopus • DOAJ • ERIH PLUS • Российский индекс научного цитирования – РИНЦ • КиберЛенинка
Подписной индекс	29255, Объединенный каталог «Пресса России»
Адрес редакции	620135, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, оф. 57
Телефон редакции	8(343)3458984
E-mail редакции	nauka-dialog@mail.ru
Учредитель / Издатель	ООО «Центр научных и образовательных проектов»
Электронный адрес издателя	http://www.nauka-dialog.ru/
Адрес издателя	620135, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, к. 57
E-mail издателя	cniop@bk.ru
Типография	ООО «Издательский Дом «Ажур». 620075, г. Екатеринбург, ул. Восточная, 54. Тел. (343) 350-78-28, 350-78-49.
Тираж	500 экземпляров

СТАТИСТИКА ВЫПУСКА

География авторов выпуска	Архангельск	Красноярск
	Брянск	Москва
	Волгоград	Набережные Челны
	Гомель (Беларусь)	Санкт-Петербург
	Долгопрудный	Саранск
	Екатеринбург	Семей (Казахстан)
	Ереван (Республика Армения)	Тамбов
	Казань	Тюмень
	Кемерово	Ханчжоу (Китай)
Авторы, имеющие ученую степень	87 %	

© Центр научных и образовательных проектов, 2026

Дата выхода в свет 13.04.2026

ISSN 2225-756X

Nauchnyi dialog
(Naučnyj dialog = Nauchnyy dialog = Scientific Dialogue = ND)

Volume 15, Issue 3, 2026

ISSN	ISSN 2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online) Key title: Naučnyj dialog, Abbreviated key title: Naučn. dialog
Creative Commons	Attribution license 4.0 International (CC BY 4.0)
Mass Media Registration Certificate (by Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications)	PI № FS 77-86214 of 27.10.2023
DOI:	10.24224
Subscription Code	29255, Union Catalog “Pressa Rossii” (Russian Press)
Coverage	Russian Federation, foreign countries
Publication Frequency	10 issues per year
Publicher	Centr naučnyh i obrazovatel′nyh proektov, 620135, Yekaterinburg, Kosmonavtov Ave., 43, fl. 57
Presence in Citation Bases, indexation	• WoS (Emerging Sources Citation Index) • Scopus • DOAJ • ERIH PLUS • Science Index (Rus) • CyberLeninka
Text Presentation Form	• Science Index (Rus) — All published articles are public-ly available for reading and citing on the journal’s web-site and in the National E-Library • CyberLeninka
Printing house	• LLC Publishing House Azhur. 620075, Yekaterinburg, st. Vostochnaya, 54. Tel. (343) 350-78-28, 350-78-49.
Circulation	• 500 copies
Reviewing	All manuscripts submitted to the editorial office are to be reviewed

© LLC Center for Scientific and Educational Projects, 2026

Тематика журнала «Научный диалог»: Россия и мир в диалоге

- ✓ Русский мир: язык, литература, фольклор, история
- ✓ История зарубежья глазами русских исследователей
- ✓ Русский мир в окружении других культур: сопоставительные исследования
- ✓ Медиакоммуникации и журналистика: мир без границ
- ✓ Теория и методология исследований языка и литературы как пространство диалога разных научных традиций

Главный редактор: Татьяна Валерьевна Леонтьева, доктор филологических наук, заведующая кафедрой, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Россия, Екатеринбург)

Ответственный секретарь: Анна Викторовна Щетинина, кандидат филологических наук, доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Россия, Екатеринбург)

Английский перевод метаданных: Ирина Владимировна Волгина, Doctor of Philosophy (in Pedagogic), доцент, Уральский государственный медицинский университет (Россия, Екатеринбург)

Редакционная коллегия

Анна Викторовна Щетинина, кандидат филологических наук, доцент (Россия, Екатеринбург)
Александр Геннадиевич Нестеров, доктор исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)
Сергей Николаевич Пяткин, доктор филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)
Лариса Николаевна Ребрина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Волгоград)
Татьяна Владимировна Гусейнова, доктор педагогических наук, профессор (Таджикистан, Душанбе)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Языкознание. Медиакоммуникации. Журналистика

Александр Константинович Киклевич, доктор филологических наук, профессор (Польша, Ольштын)
Андреана Борисова Ефтимова, доктор наук, профессор (Болгария, София)
Арто Мустайоки, доктор философии (русский язык), профессор (Финляндия, Хельсинки)
Биляна Марич, доктор филологических наук, доцент (Сербия, Белград)
Евгения Викторовна Терехова, доктор филологических наук, профессор (Россия, Владивосток)
Мария Кирилова Китанова-Маркова, доктор филологических наук, профессор (Болгария, София)
Нина Марковна Разинкина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Москва)
Рафаэль Гусман Тирадо, доктор филологических наук, профессор (Испания, Гранада)
Ренате Ратмайр, доктор филологических наук, профессор (Австрия, Вена)
Татьяна Геннадьевна Никитина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Псков)
Тимур Беньюминович Радбиль, доктор филологических наук, профессор (Россия, Нижний Новгород)

Литературоведение. Фольклористика

Сергей Николаевич Пяткин, доктор филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)
Александр Самуилович Кацев, доктор филологических наук, профессор (Кыргызская Республика, Бишкек)
Алексей Валериевич Юдин, кандидат филологических наук, профессор (Бельгия, Гент)
Иво Поспишил, доктор наук (Чешская Республика, Брно)
Ирина Леонардовна Савкина, доктор философии (Финляндия, Тампере)
Ольга Юрьевна Осьмухина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Саранск)
Татьяна Алексеевна Савоськина, кандидат филологических наук, доцент (Украина, Измаил)
Татьяна Васильевна Володина, доктор наук, доцент (Беларусь, Минск)

Исторические науки

Александр Геннадиевич Нестеров, доктор исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)
Алессандро Витале, доктор наук, профессор (Италия, Милан)
Альбина Советовна Жанбосинова, доктор исторических наук, профессор (Казахстан, Астана)
Иван Иванович Думиика, доктор исторических наук (Молдова, Кишинев)
Ирина Ромуальдовна Чикалова, доктор исторических наук, профессор (Беларусь, Минск)
Юрий Дмитриевич Анчабадзе, доктор исторических наук, профессор (Россия, Москва)

Editor-in-Chief: Tatyana V. Leontyeva, Doctor of Philology, Head of the Department of Mass Communication Languages, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Russia, Yekaterinburg)

Responsible secretary: Anna V. Shchetinina, PhD in Philology, associate professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Russia, Yekaterinburg)

English translation: Irina V. Volgina, Doctor of Philosophy (in Pedagogic), associate professor, Urals State Medical University (Russia, Yekaterinburg)

EDITORIAL BOARD

Alexandr G. Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)
Anna V. Shchetinina, PhD in Philology, associate professor (Russia, Yekaterinburg)
Larisa N. Rebrina, Doctor of Philology, professor (Russia, Volgograd)
Sergey N. Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)
Tatyana V. Guseynova, Doctor of Education, professor (Tajikistan, Dushanbe)

EDITORIAL COUNCIL

LINGUISTICS. MEDIA COMMUNICATIONS. JOURNALISM

Aleksander Kiklewicz, Doctor of Philology, associate professor (Poland, Olsztyn)
Andreana B. Eftimova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)
Arto Mustajoki, Doctor of Philosophy (Russian), associate professor (Finland, Helsinki)
Biljana Marič, Doctor of Philology, associate professor (Serbia, Belgrad)
Evgeniya V. Terekhova, Doctor of Philology, professor (Russia, Vladivostok)
Marija K. Kitanova-Markova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)
Nina M. Razinkina, Doctor of Philology, professor (Russia, Moscow)
Rafael G. Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)
Renate Rathmayr, Doctor of Philology, professor (Austria, Vienna)
Tatyana G. Nikitina, Doctor of Philology, professor (Russia, Pskov)
Timur B. Radbil, Doctor of Philology, professor (Russia, Nizhny Novgorod)

LITERARY STUDIES. FOLKLORE

Sergey N. Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)
Aleksandr S. Katsev, Doctor of Philology, professor (Kyrgyz Republic, Bishkek)
Aleksey V. Yudin, Ph.D. in Philology, professor (Belgium, Ghent)
Irina L. Savkina, Doctor of Philosophy, professor (Finland, Tampere)
Ivo Pospíšil, Doctor of Philology, professor (Чешская Республика, Брно (Czech Republic, Brno)
Olga Yu. Osmukhina, Doctor of Philology, professor (Russia, Saransk)
Tatyana A. Savoskina, PhD in Philology, associate professor (Ukraine, Izmail)
Tatsiana V. Valodzina, Doctor of Philology, associate professor (Belarus, Minsk)

HISTORY

Alessandro Vitale, Doctor of Science, professor (Italy, Milan)
Alexandr G. Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)
Albina S. Zhanbosinova, Doctor of History, professor (Kazakhstan, Astana)
Ivan I. Duminica, Doctor of History (Moldova, Kishinev)
Irina R. Chikalova Doctor of History, professor (Belarus, Minsk)
Yuri D. Anchabadze, Doctor of History, professor (Russia, Moscow)

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(3), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Содержание

Языкознание

Бабенко Л. Г. Лексикографические форматы и параметры пространственного моделирования внешней структуры и внутренней архитектоники идеографических словарей 9

Бронникова О. В., Головко А. С., Ульянова О. Б. Доминанты репрезентации времени в произведении А. Неркаги «Белый Ягель» 32

Кондратьева О. Н. Лингвомаркетологический подход в изучении эргонимов (на материале названий адвокатских организаций Кемеровской области — Кузбасса) 51

Кузнецова Е. Д., Юдин Н. О. Нарушение языковой нормы немецкого языка под влиянием феминистской политики современной Германии 71

Леонтьева Т. В. Клишированные ответные реплики в коммуникации молодежи: семантика, аксиология, прагматика и социокультурные функции 90

Меркурьева Н. Ю. Тег-фразы в диалогах пьесы Бена Джонсона 113

Ничипорчик Е. В., Стародубец С. Н. Региональная паремиография (к вопросу о сохранении национального паремиологического наследия) 130

Степыкин Н. И. Степень близости значения слов в ментальном лексиконе 151

Коммуникация. Медиатехнологии. Журналистика

Бабикова М. Р., Злоказов К. В., Мешкова Н. В. Асоциальная креативность сквозь призму экспериментальных исследований 169

Брюхачева Я. А. Языковые средства репрезентации идеи сотрудничества России и Китая (на материале интернет-дискурса) 187

Захарова М. А., Тишина Е. В., Калинина М. В. Речевое поведение студентов в групповых чатах : прогнозы и перспективы (по результатам анкетирования) 210

Литературоведение. Фольклористика

Богданова О. В. Художник и поэт Ольга Розанова (творчество начала 1910-х годов) 227

Вальянов Н. А. «Сибирский текст» в художественной традиции М. А. Тарковского : поэтика хронотопа и образ героя 246

Ламзина А. В. Апокалипсический архетип стихотворений М. Волошина времен Октябрьской революции и Гражданской войны : рамочный текст и сюжетика 270

Осьмухина О. Ю., Наумкина К. О. Специфика «перелома» в раннем творчестве Г. Газданова (от «Гостиницы грядущего» к «Вечеру у Клэр») 292

Синь Мэнфэй, Ван Юн. Обзор исследований Горького в Китае на основе базы данных CNKI 312

Швецова Т. В. Динамика русского литературного процесса XIX века в аспекте категории поступка литературного героя 332

Исторические науки

Атантаева Б. Ж., Ахметова Р. Д., Турлыбаев М. Е. Восстание Фёдора Толстоухова как форма крестьянского сопротивления в 1930 году 353

Барышников М. Н. Учреждение и перспективы функционирования регулярной судоходной линии между Россией и Болгарией (1880—1913 годы)..... 375

Закарян Л. С., Казарян Г. Х., Сукиасян А. К. Потребление пива в Армении в годы новой экономической политики (1921—1928 годы) 398

Иванов А. А. «Русские не сдаются» : история зарождения и распространения лозунга в Российской империи 419

Магсумов Т. А. Хозяйственные комитеты средних школ позднеимперской России : модернизация внутришкольного управления 441

Миронова Е. В. Трансформация помещичьего хозяйства в юго-западной части Казанской губернии в пореформенный период 463

Мотревич В. П., Мамяченков В. Н. Производственная деятельность совхозов Башкирской АССР в 1945—1953 годах 479

Райнхардт Р. О., Буслаев Г. Н. Несостоявшаяся «научная репатриация» профессора Филиппа Шварца в Германию после Второй мировой войны..... 499

Топильский А. Г., Житин Р. М. Аграрное просвещение земледельцев королевства Галиции и Лодомерии во второй половине XIX — начале XX веков 521

Ху Лиян, Зубарева С. С., Колегов С. С. Республика Сингапур и Китайская Народная Республика : особенности сотрудничества (1990—2025)..... 541

АВТОРАМ..... 560

CONTENTS..... 566

ЯЗЫКОЗНАНИЕ
LINGUISTICS

Анна Сергеевна Головко, канд. филол. наук (Тюмень)
Екатерина Дмитриевна Кузнецова, аспирант (Москва)
Елена Владимировна Ничипорчик, д-р филол. наук (Гомель, Беларусь)
Людмила Григорьевна Бабенко, д-р филол. наук (Екатеринбург)
Наталья Юрьевна Меркурьева, канд. хим. наук (Москва)
Никита Олегович Юдин, канд. полит. наук (Москва)
Николай Иванович Степыкин, д-р филол. наук (Москва)
Ольга Борисовна Ульянова, канд. филол. наук (Тюмень)
Ольга Васильевна Бронникова, канд. филол. наук (Тюмень)
Ольга Николаевна Кондратьева, д-р филол. наук (Кемерово)
Светлана Николаевна Стародубец, д-р филол. наук (Брянск)
Татьяна Валерьевна Леонтьева, д-р филол. наук (Екатеринбург)

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(3), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]
Check for updates

Информация для цитирования:

Бабенко Л. Г. Лексикографические форматы и параметры пространственного моделирования внешней структуры и внутренней архитектоники идеографических словарей / Л. Г. Бабенко // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 3. — С. 9—31. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-3-9-31.

Babenko, L. G. (2025). Lexicographic Formats and Parameters of Spatial Modeling of External Structure and Internal Architectonics of Ideographic Dictionaries. *Nauchnyi dialog, 15* (3): 9-31. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-3-9-31. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus Q1 · DOAJ · ERIH PLUS · eLIBRARY.RU РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Лексикографические форматы и параметры пространственного моделирования внешней структуры и внутренней архитектоники идеографических словарей

Бабенко Людмила Григорьевна
orcid.org/0000-0002-9250-3232
доктор филологических наук,
профессор,
кафедра фундаментальной
и прикладной лингвистики
и текстоведении
lgbabenko@yandex.ru

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Российского научного фонда,
проект № 22-18-00352,
https://rscf.ru/en/project/22-18-00352/

Lexicographic Formats and Parameters of Spatial Modeling of External Structure and Internal Architectonics of Ideographic Dictionaries

Liudmila G. Babenko
orcid.org/0000-0002-9250-3232
Doctor of Philology, Professor,
Department of Fundamental and
Applied Linguistics
and Textual Studies
lgbabenko@yandex.ru

Ural Federal University
named after the First President of Russia
B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 22-18-00352,
https://rscf.ru/en/project/22-18-00352/

© Бабенко Л. Г., 2026

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследуется динамика конструирования вариантов внешнего и внутреннего моделирования архитектоники лексических множеств в идеографических словарях. Идеографические словари рассматриваются в контексте лексикографического дискурса как способ категоризации и концептуализации мира с помощью системно организованных множеств языковых единиц, организуемых благодаря пространственным форматам разного типа. Подчеркивается, что пространственные модели структурирования множеств отражают степень глубины лексической разработки, стратегий конкретизации и расширения их состава, его особенностей и значимости лексических множеств различного ранга в их структуре. Выделены разновидности моделей архитектоники идеографических словарей (глобальных и локальных): таксономия, синопсис, полевая структура; к ним в качестве новой перспективной для рассмотрения единицы добавляется денотативно-идеографическая карта. Отмечается, что достаточно глубоко освоены таксономия и полевая структура, меньше — синопсис. Доказано, что в изучении форматов и параметров русских идеографических словарей наблюдается динамика их интерпретации: от простой классификации — к таксономии, синопсису, полевой структуре, а далее в перспективе — к концептуально-тематическому формату когнитивно-языковых (денотативно-идеографических) карт.

Ключевые слова:
лексикографический дискурс; пространственное моделирование; идеографический словарь: таксономия; полевая структура; синопсис; когнитивно-идеографическая карта.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This paper investigates the dynamics underlying the construction of external and internal models of the architectonics of lexical sets within ideographic dictionaries. Ideographic dictionaries are examined within the framework of lexicographic discourse as a means of categorizing and conceptualizing the world through systematically organized sets of linguistic units, which are arranged by means of various spatial formats. It is emphasized that spatial models for structuring lexical sets reflect the depth of lexical elaboration, as well as strategies for specification and expansion of their composition, along with the distinctive features and significance of lexical sets of varying rank within their structure. The study identifies several types of architectonic models employed in ideographic dictionaries, distinguishing between global and local models: taxonomy, synopsis, and field structure; to these, a novel and promising unit — the denotative-ideographic map — is added as an emerging format. It is noted that taxonomy and field structure have been extensively explored, whereas the synopsis model remains relatively underdeveloped. The analysis demonstrates that research into the formats and parameters of Russian ideographic dictionaries reveals a dynamic trajectory in their interpretation: progressing from simple classification to taxonomy, synopsis, and field structure, and ultimately moving toward a conceptual-thematic format embodied in cognitive-linguistic (denotative-ideographic) maps.

Key words:
lexicographic discourse; spatial modeling; ideographic dictionary; taxonomy; field structure; synopsis; cognitive-ideographic map.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(3), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 81’37 81’374 811.161.1’374.221
DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-3-9-31

Научная специальность ВАК
5.9.5. Русский язык. Языки народов России
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Лексикографические форматы и параметры пространственного моделирования внешней структуры и внутренней архитектоники идеографических словарей

© Бабенко Л. Г., 2026

1. Введение = Introduction

Цель данной статьи — пространственный анализ лексикографического дискурса с акцентом на выявление особенностей моделирования внешней и внутренней архитектоники лексических множеств в глобальной структуре идеографических словарей (далее — ИС), основанной на определенных правилах форматирования их внешнего расположения и внутреннего наполнения, степени и характера глубины их лексической разработки, а также определения значимости лексических множеств различного ранга в их структуре. Все ИС конструируются на основе когнитивных стратегий категоризации и концептуализации мира, что объясняет моделирование внутритекстовых категорий с учетом их горизонтально-вертикального представления, составляющих их основу, уточняемых и конкретизируемых в различных лексикографических параметрах. Ранее наше внимание было сосредоточено на изучении различных аспектов проявления пространственного измерения в лексикографическом дискурсе ИС, таких как типология лингвистических пространств, взаимодействие пространства языка и языка пространств, жанровая природа ИС, их концептуальная основа и др. В настоящей статье заявлен новый поворот в изучении пространственной организации ИС, связанный со специальным углубленным рассмотрением типологии внутренних и внешних форматов и параметров, таких как таксономия, полевая структура, синопсис и когнитивно-языковая (или денотативно-идеографическая) карта, рассматриваемых в динамике их использования. Подобная проблематика является принципиально новой и актуальной.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом наблюдения является серия ИС различной жанровой природы, подготовленных учеными-лексикографами Уральской семантиче-

ской школы (далее — УСШ), всего 26 словарей, в том числе словари-тезаурусы списочного демонстрационного типа [СТСРР; СТСРЯ; СТРП; АЭ СТЭЛ], толковые идеографические словари дескриптивного типа [БТСРГ; БТСРС], комплексные толковые идеографические словари расширенного типа [БТССРР; РГПЭСС; КРЯКК-2010; КРЯКК-2017; БТИССАК]. Объект наблюдения в них составляет структурная организация ИС, предмет рассмотрения — основные форматы и параметры их пространственного конструирования. Фактически ИС рассматриваются в пространственном измерении в контексте фундаментальной проблемы взаимодействия «пространства языка и языка пространств», на которую в свое время обратила внимание Е. С. Кубрякова [Кубрякова, 2004] и которая была и остается одной из центральных проблем теоретической семантики сегодня. Основные труды в этой области были созданы в последней трети XX — начале XXI веков в контексте структурно-семантического и функционального подходов [Апресян, 1962; Кубрякова, 1967; Кубрякова, 2004; Степанов, 1985; Яковлева, 1994 и др.], позднее дополненных теоретическими положениями когнитивно-дискурсивного направления [Болдырев, 2018]. Модели пространственного конструирования рассматриваются в статье в аспекте лексикографической параметризации с учетом вариантов их репрезентации в разных ИС, что не утратило актуальности и значимости. Нас также интересует эта проблема, и мы в последние годы неоднократно обращались к ее рассмотрению [Бабенко, 2020, 2024а; Бабенко, 2024б; Бабенко, 2025].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

В качестве основных моделей архитектоники структур ИС (глобальных и локальных) мы предлагаем рассмотреть следующую парадигму лексикографических форматов: таксономия, синопсис, полевая структура, а в перспективе еще и денотативно-идеографическая карта. Логика их рассмотрения опирается на следующий алгоритм: 1) формат пространственного измерения; 2) тип множеств единиц определенного ИС и основной принцип их размещения в его структуре в аспекте их соположения; 3) особенности внешней структуры ИС и схемы ее заполнения различными типами множеств единиц ИС; 4) особенности внутренней макроструктуры словарных статей ИС и принципы их наполнения множеством единиц по определенной схеме.

3.1. Таксономия как основной тип пространственного формата конструирования внешней и внутренней организации ИС: структурно-семантический аспект

Этот тип пространственного представления лексических множеств в структуре ИС с учетом когнитивной стратегии их описания и общей конструктивной направленности связан с их горизонтально-вертикальным

CC BY

членением, фактически полностью опирается на него и включает его в качестве структурной основы. Таксономия основана также на систематизации и иерархизации множеств в структурах ИС, отображающих языковую картину мира (далее — ЯКМ) или его частные фрагменты, в чем проявляется ее нацеленность на содержательный аспект отображения мира. Вследствие этого основополагающими факторами ее организации являются механизмы категоризации и концептуализации.

При конструировании внешней структуры ИС в качестве основного пространственного формата в таксономии используется принцип иерархии, разграничивающий по рангам и уровням выявленные категории и сформированные на их основе множества единиц ИС, которые размещаются в их общей структуре на основе этого принципа и содержат следующие иерархические категории: мегакатегории, суперкатегории, базовые категории и субкатегории. Они различаются по месту расположения и статусу в общей структуре ИС, их типовой семантике и когнитивно-дискурсивной функции. Мегакатегории объединяют в общее множество единицы словаря, отображающие многокомпонентные комплексные сферы, близко расположенные в денотативно-идеографическом пространстве словаря и выполняющие функцию их выделения и номинации. Например, к мегакатегориям относится денотативная сфера ДЕЙСТВИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ в словаре глаголов [БТСРГ]. Суперкатегории занимают следующий за мегакатегорией нижележащий уровень и объединяют языковые единицы на его уровне в семантические поля и классы, например, класс РЕЧЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ в составе глаголов деятельности; классы ИНТЕЛЛЕКТ, ЭМОЦИИ, ОЦЕНКА в словаре существительных и др. Далее в иерархии на следующем уровне находятся базовые категории, которые формируют лексико-семантические группы, например, ЛСГ глаголов РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ. Субкатегории формируют нижележащие подгруппы.

Таксономия как тип пространственного измерения является самым частотным и конструктивно организующим форматом для большинства ИС, а таксономический принцип пространственной организации используется как основа иерархической организации всех типов лексических множеств в составе ИС. Прежде всего она свойственна словарям-тезаурусам списочного типа. Она также формирует большинство словарных зон Универсального идеографического словаря-тезауруса русского языка [УИСТРЯ 2024], который охватывает свод поличастеречных множеств лексики русского языка объемом около 70 тыс. единиц. Наряду с лексикой единицами таксономического описания могут быть синтаксические единицы, фразеологизмы, паремии и др. Вследствие этого парадигма единиц ИС включает фактически все типы множеств, являющихся объектом описания в разных

CC BY

ИС: лексико-семантические (ЛСГ), функционально-семантические (ФСГ), денотативно-идеографические группы (ДИГ), когнитивно-дискурсивные множества (КДМ) и др. При этом в лексикографическом дискурсе комбинации и архитектоника категорий каждой денотативной сферы ИС обладают уникальной структурной спецификой и своеобразием. Например, в словаре существительных чаще всего встречаются многоступенчатые иерархические структуры, что, вероятно, обусловлено наличием в предметной картине мира сложно организованных денотативных сфер, таких как ЖИВОЕ СУЩЕСТВО, РАСТЕНИЯ И ГРИБЫ, ИСКУССТВО и др., в которых выявляются по пять и более иерархических уровней разного формата таксономических измерений: сферы, поля, классы, группы, подгруппы. Вследствие этого количество категорий и уровней в зависимости от их семантики и статуса может быть полным и соответствовать указанному выше прототипическому набору — четыре уровня, может быть расширенным до пяти-шести уровней (ЖИВОЕ СУЩЕСТВО, РАСТЕНИЯ И ГРИБЫ), а может быть и неполным, состоящим из двух уровней. Например, НАЦИИ, РОДСТВЕННЫЕ И СЕМЕЙНЫЕ ОТОШЕНИЯ, СВЕРХЪЕСТВЕСТВЕННОЕ, НАСЕЛЕННЫЙ ПУНКТ и др.

Результаты идеографического пространственного анализа с учетом типологии, расположения, степени глубины и значимости групп лексических множеств в структуре ИС позволяют судить как об особенностях их иерархической структурной организации, так и об отображении в ней реального мироустройства, что позволяет говорить также и о двух фундаментальных аспектах иерархической организации: во-первых, о реальной категоризации сложно организованных объектов и фрагментов мира и, во-вторых, об уровне знаний в области их систематизации, отображаемых в языке и речи, в том числе в структуре ИС.

Итак, к таксономическим относятся классификации, главным принципом конструирования которых является принцип иерархичности, предполагающий ранжирование ее элементов, проявляющееся в расположении множеств единиц на разных уровнях иерархии, связанных отношениями последовательного включения от низшего уровня к высшему (гипогиперонимических), с одной стороны, и отношениями от высшего уровня к низшему — отношениями конкретизации, преимущественно гиперо-гипонимическими, с другой стороны. В результате на каждом уровне иерархии выделяются множества единиц разной степени обобщенности / конкретности: чем выше уровень — тем более отвлеченной является семантика единиц словаря, и наоборот: чем ниже уровень структуры ИС, тем конкретнее семантика составляющих их единиц. Например, в классе глаголов речевой деятельности вершину классификации занимают глаголы *говорить* / *ска-*

CC BY

зать, актуализирующие семантику речи, в ЛСГ характеризованной речевой деятельности базовый глагол: *произносить* / *произнести* и рядовые члены данной ЛСГ конкретизируют его семантику в аспекте ее произносительных особенностей — четкости, интенсивности и др.: *бормотать, ворчать*, *бредить, брюзжать* и др. Всего группу составляют 76 единиц анализа.

По нашим наблюдениям, во всем множестве классификаций ИС формата таксономии в зависимости от объекта выявляются их семиологические разновидности, к которым относятся следующие типы: 1) **естественная первичная таксономия**, опирающаяся на типологию самих отображаемых объектов, выводимая из обобщения их признаков, то есть фактически **денотативная** таксономия; она отображается в основной идеографической части словаря, например, ЖИВАЯ ПРИРОДА; 2) **когнитивно-дискурсивная**, выявляемая на основе знаний о логической соотносительности различных множеств, что требует специального анализа подобной соотносительности и обобщения полученных результатов; она отображается в интерпретационной части словаря, например, УНИВЕРСАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ; 3) **оценочная**, основанная на аксиологической интерпретации объектов внешнего мира, воплощаемая в лексической семантике единиц ИС, например, ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА; 4) **модальная**, связанная с ее субъективной интерпретацией и квалификацией; освещается в специальной словарной зоне, посвященной модальной семантике и средствам ее выражения, например, ВОЗМОЖНОСТЬ — НЕВОЗМОЖНОСТЬ; 5) **перцептивная**, отображающая основные каналы направленной спецификации восприятия мира, которая также рассматривается в специальной словарной зоне, например, ЗРИТЕЛЬНОЕ ВОСПРИЯТИЕ.

3.2. Полевая структура как формат организации внешнего и внутреннего лингвистического пространства ИС: функциональный аспект

Данный конструктивный формат в структуре ИС направлен на отображение специфического пространственного представления объемных множеств языковых и речевых единиц, связанного с концепцией функционально-семантического поля в лингвистике, идеи которой были сформулированы во второй половине XX века, получили бурное развитие в дальнейшем и остаются актуальными до сих пор (И. Трир, И. В. Порциг, В. Г. Адмони, А. В. Бондарко, А. В. Гулыга, Г. А. Золотова, Ю. Н. Караулов, Ю. С. Степанов, Г. С. Щур и мн. др.). Сейчас эта концепция, основанная прежде всего на постулатах лексической семантики, семасиологии и теории функционализма, расширила сферу применения и активно используется в области лексической, синтаксической и текстовой парадигматики, в концептологии и концептографии. В деятельности УСШ она также нашла применение в идеографической лексикографии.

CC BY

Многоаспектность изучения феномена лингвистического поля способствовала его рассмотрению в широком смысле как универсальной полевой модели языковых структур, имеющих сложную многослойную организацию. Ее основу также составляет горизонтально-вертикальная организация, в которой горизонталь формируется благодаря категоризации и отражается в соотносительности полей, их взаимодействии, а вертикаль — в развертывании их внутренней специфической структуры. Главные свойства поля, такие как *системность, семантическая однородность единиц поля*, частично совпадают с другими лингвистическими пространствами, но при этом в лингвистическом поле ИС допускается их структурная разнородность при единой функционально-семантической направленности, а также особая специфическая для поля форма его мысленного представления, зачастую отображаемая в его графическом изображении.

Языковые пространства, метафорически рассматриваемые как поле и уподобляемые природному ограниченному пространству, воспринимаются как место, имеющее круговую форму и центр. Они обычно представляют собой множество языковых или речевых единиц, специфически организованных. Полевой принцип конструирования формата языкового пространства предполагает устойчивую универсальную структуру, в которой имеется центр / ядро (1) и, как минимум, три структурные зоны: приядерная (2), ближайшей (3) и дальнейшей (4) периферии, имеющие свои специфические особенности наполнения в зависимости от семантико-грамматической и функциональной природы рассматриваемых языковых / речевых единиц в составе одного поля. При этом они имеют общие тенденции семиологического означивания, проявляющиеся в наполнении этих зон: **ядро** замещается наиболее типичным семантико-функциональным представителем всего множества, оно выполнят функцию его прототипа, семантической доминанты, репрезентируемой наиболее типичной для множества единицей обобщенной семантики, нейтральной и частотной. **Приядерная зона** заполняется лексикой, конкретизирующей различные аспекты и признаки прототипа, такие как субъектность, объектность, интенсивность, темпоральность и пр. **Ближайшая периферия** включает единицы, семантика которых основана на ментальной интеграции и которые отображают регулярные случаи пересекаемости и взаимодействия полей в своей совмещенной комплексной семантике. **Зона дальнейшей периферии** связана с прагматикой, с отображением образности, оценочности, модальности, свойственных единицам того или иного поля. Разные поля пересекаются, накладываются друг на друга, формируя зоны переходности, что следует рассматривать как проявление закона полевой организации. Таким образом, при изучении лингвистического поля акцент следует

CC BY

делать на форме организации пространства, основанной на отображении единиц поля различной функциональной значимости и семантики, играющих разную роль в создании его как пространственного формата, вместилища однотипных по статусу единиц, различающихся степенью содержательной глубины и полноты, а также соответствия базовой семантической идее множества.

В лексикографическом дискурсе УСШ есть разные варианты применения полевой структуры в качестве главного принципа конструирования лексикографических структур. Например, это наблюдается при лексикографировании русских глагольных предложений в экспериментальном синтаксическом словаре [РГПЭСС] и при конструировании концептов в словаре коцептосферы русского языка [КРЯКК-2017].

Возьмем в качестве иллюстрации словарную статью 1.7.1 из экспериментального синтаксического словаря «Предложения, отображающие ситуацию характеризованной речевой деятельности». В качестве ядра поля приводятся компоненты глубинной семантики анализируемого типа предложений: его типовая семантика (*Человек произносит что-л. каким-л. образом, обнаруживая характерные особенности говорения*), базовая модель (СУБЪЕКТ — ПРЕДИКАТ ХАРАКТЕРИЗОВАННОЙ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ) и репрезентирующие их базовые глаголы-предикаты (*говорить, произносить*). В качестве вариантов их репрезентации приводятся высказывания с глаголами-предикатами одного функционально-синтаксического множества слов, семиологически ориентированные на три модели репрезентации: приядерную зону конкретизации типовой семантики, интегративную зону совмещения и зону прагматики, прежде всего связанную с образными ассоциациями. Указанные варианты лексической репрезентации базовой семантической модели размещаются по полевому принципу.

Ядром модели является базовая семантическая структура, отображающая основную ситуацию и обладающая типовой семантикой, а ее лексические репрезентации осуществляются в соответствии с тремя когнитивными стратегиями, согласно которым они распределяются по трем словарным зонам — приядерной, ближайшей и дальнейшей периферии. Так, приядерную зону избранной словарной статьи составляют основные лексические репрезентации, полностью изоморфные базовой семантической модели, но конкретизирующие ее типовой смысл. Выявлено всего восемь основных лексических вариантов репрезентации базовой модели, включающих 40 глаголов-предикатов, реализующих основные значения (*излагать*, *выговаривать, басить, бормотать*, *лопотать* и др.). Словарная зона ближайшей периферии профилирована для размещения совмещенных семантических моделей, репрезентируемых комплексными

CC BY

глаголами-предикатами с включенной и совмещенной пропозицией, основанными на механизмах ментальной интеграции и отображающими их взаимодействие и пересекаемость с другими ментальными пространствами. Всего в данной словарной статье пять подобных моделей, формируемых 31 единицей глаголов-предикатов (*браниться*, *брюзжать, шипеть, бредить, ворчать, злословить* и др.). В словарной зоне дальнейшей периферии приводятся данные об ассоциативно-образных вариантах базовой семантической модели, содержащих 16 метафорических глаголов-предикатов (*брякать, выдавливать, взрываться, продребезжать, вырываться* и др.). Всего реализовано 19 моделей, формируемых 87 глаголами-предикатами. Как можно заметить, модель интерпретации глаголов характеризованной речевой деятельности нацелена на выявление в их структуре разных языковых пространств: основного денотативного, концептуально-логического, интегративного ментального и прагматического ассоциативно образного пространства.

Еще один опыт применения полевого принципа в лексикографическом дискурсе связан с лингвокультурологическим словарем ключевых концептов УСШ, в котором в полной мере и многоаспектно использована полевая модель в качестве конструктивной основы [КРЯКК-2017]. В нем этот принцип, с одной стороны, предстает в расщепленном виде как компонент части словарной статьи, связанной с ментальной структурой концепта, содержащей выявление и описание его когнитивных признаков, распределенных по словарным зонам согласно полевому принципу: ядро, приядерная зона, ближайшая и дальнейшая периферия; с другой стороны — как компонент части словарной статьи, связанной с репрезентацией КДМ — лексем, фразеологизмов, паремий, также организованных согласно полевому принципу и участвующих в репрезентации концепта как полевой структуры.

Возьмем, к примеру, концепт ПРОСЬБА. Его ядро представляет следующий развернутый когнитивный признак в формате суждения: *Высказывание, содержащее обращение к кому-л., призывающее исполнить желаемое действие, разрешить сделать что-л., согласиться на что-л., предоставить получение чего-л.* В приядерную зону включаются когнитивные признаки, уточняющие субъекта просьбы, адресата просьбы — человека или официальные организации, и форму изложения — устная, письменная, ее содержание и причина, аргументация, степень интенсивности. В периферийной зоне концепта размещаются модели ментальной интеграции просьбы с сопряженными с ней эмоциями, использованием дополнительных действий, приемов воздействия на собеседника, в том числе речевого воздействия, словесных формул. В зоне прагматики указывается, что факт просьбы не осуждается, но она может восприниматься как униже-

CC BY

ние для просящего и обычно произносится в модальности необходимости долженствования.

В зоне репрезентации данного концепта насчитывается около 200 лексем, в том числе основных репрезентаций 83 (*просьба, мольба, ходатай, проситель, челобитная*), совмещенных — 23 *(звать / позвать, взывать*), фразеологизмов — 40 (*взывать о помощи*, *ходить с шапкой по кругу),* речевых формул — 17 (*Христа ради; не в службу, а в дружбу*), пословиц — 36 (*За спрос не бьют в нос; проси и дастся*; *спрос не грех*, *отказ не беда*).

Итак, формат полевой структуры применительно к ИС позволяет рассматривать совокупность семиологически и грамматически разнородных речевых единиц как единое когнитивно-дискурсивное множество, совпадающее в процессе отображения мира в аспектах когнитивных стратегий и коммуникативных целей.

3.3. Синопсис: когнитивно-семантический аспект

Термин *синопсис* активно используется в лексикографическом дискурсе УСШ для обозначения структуры ИС в аспекте ее внешнего формата в виде схемы, отображающей системную организацию составляющих его категорий, представленных в статусе отдельно выделенной самостоятельной главы или совмещенно с его оглавлением. Он органично включается в парадигму терминов современной лингвистики с семантикой пространственного измерения, тесно взаимодействуя и пересекаясь с ними. В то же время он обладает собственным лингвистическим содержанием, функционалом и когнитивно-дискурсивными особенностями, приобретенными в процессе использования в научном лексикографическом дискурсе, своеобразно проявляемыми и осмысляемыми в разные временные периоды с учетом динамики его формирования в различных контекстах его употребления. По данным словарей, толковых и энциклопедических, он традиционно означает сводное суммарное изложение в общем обзоре одного целого предмета или одной области знаний в сжатой форме без подробной аргументации и детальных теоретических рассуждений. Этот термин широко используется как структурный формат рассматриваемых единиц в разных гуманитарных дисциплинах, в том числе наметилась тенденция его применения и в лексикографическом дискурсе, преимущественно в области идеографических словарей. Например, он играет ключевую роль в системной организации единиц Словаря-тезауруса современной русской идиоматики под редакцией А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского [СТСРИ], а также активно используется в серии идеографических словарей УСШ. При этом он осмысляется и формулируется по-разному в указанных лексикографических дискурсах.

В Словаре-тезаурусе современной русской идиоматики синопсису прежде всего определена прагматическая функция: он входит в его служебную

CC BY

часть наряду с легендой и указателем. Авторы словаря так определяют его предназначение: «Цель синопсиса — дать читателю общее представление о структуре основного корпуса тезауруса. В синопсисе указываются все таксоны с подтаксонами и соответствующими парадигматическими отсылками» [Баранов и др., 2007, с. 6]. В серии ИС УСШ прослеживается конструирование их синопсисов как специфических текстов лексикографического дискурса особого включенного формата — как текста в тексте, который обусловлен различиями используемых принципов их формирования, типом словарей, их жанровой природой. В осмыслении роли и когнитивной стратегии их синоптической организации в ИС УСШ прослеживается динамика и намечаются этапы разработки *синопсисов* на материале серии ИС в разные периоды их создания.

Как показало исследование, в структуре ИС синопсис репрезентируется двояко: в явно выраженном виде как его самостоятельная отдельная часть, озаглавленная как «Синопсис», или в неявном виде в статусе оглавления словаря как перечень выявленных в ИС и определенным образом структурированных категорий. В том и другом случае синопсис связан с отражением когнитивных стратегий категоризации и концептуализации мира в ИС в формате перечня систематизированных категорий разного ранга, схематически отображающих ЯКМ или ее значимые фрагменты.

В качестве основной структурно-содержательной особенности ИС следует отметить взаимодействие ментального представления ЯКМ, схематически отображенной в их синопсисе, в ее оформления в виде горизонтально-вертикальной структуры категорий разного уровня и ранга, как мы отмечали ранее, отображаемых в двух пространственных измерениях: по горизонтали — категоризация и по вертикали — концептуализация. В контексте УСШ синопсис рассматривается в содержательном аспекте одновременно как инструмент познания мира действительности и оформления его результатов — полученных знаний в формате системы категорий. В зависимости от объема и типологии лексических множеств различных ИС их синопсисы структурируются по-разному: они используются либо для номинации отдельных классификаций сложно организованных однородных единиц, либо для их свода — объединенных в одно общее целое, в одно мегамножество единиц разных словарей. Это способствует формированию обобщенных классификаций обычно таксономического типа, внешне оформленных в виде целостных схем общей денотативно-идеографической структуры ИС. При этом синопсисы делятся на два различных типа, что обусловлено как содержательно (особенностями отображения целостного мира или только его фрагментов), так и структурно (степенью широты охвата лексики, ограниченной семантико-грамматическими па-

CC BY

раметрами: частный автономный синопсис — или не ограниченной ими: универсальный синопсис).

3.3.1. Синопсис как частный пространственный формат ИС, отображающий локальные картины мира

Подобный тип синопсиса представляет собой схему, отражающую классификацию однородных единиц ИС в формате оглавления и содержащую перечень выявленной системы категорий, репрезентируемых единицами общей семантико-грамматической природы. Это **частный автономный синопсис отдельно взятого для рассмотрения ИС**. Подобные синопсисы ИС отображают обычно различные фрагменты мира действительности, например, процессуально-событийного [БТСРГ, РГПЭСС], предметного [БТСРС], признакового [СТСРЯ], эмотивно-психологического [АЭ СТЭЛ] и др. Так, например, в словаре глаголов [БТСРГ] синопсис устроен следующим образом: вершину классификации первого высшего уровня представляют три блока мегакатегорий, формирующих денотативно-идеографические сферы: 1. ДЕЙСТВИЕ и ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ; II. БЫТИЕ, СОСТОЯНИЕ и КАЧЕСТВО; III. ОТНОШЕНИЕ. Далее они конкретизируются на уровне суперкатегорий (второй уровень сверху), включающих семантические поля и классы: 1.1. ДВИЖЕНИЕ, 2.1. БЫТИЕ и 2.2. КАЧЕСТВЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, и на базовом уровне (третий уровень сверху) — ДИГ: 1.1.1. *Поступательное движение субъекта*; 2.1.1. *Начальная фаза бытия*; 2.1.2. *Существование*; 2.1.3. *Прекращение бытия*. Завершается структура второго блока синопсиса категориями четвертого уровня, формирующего подгруппы. Например, в ДИГ 2.1.1. *Начальная фаза бытия, существования* это будут денотативно-идеографические подгруппы: 2.1.1.1. *Глаголы каузации существования*; 2.1.1.2. *Глаголы начала существования*; 2.1.1.3. *Глаголы начала события, действия*. В каждом отдельном случае, в каждом ИС имеется свой набор категорий.

Использование термина *синопсис* в лексикографическом дискурсе УСШ и осмысление в теоретическом аспекте обнаруживают динамику его развития. В каждом ИС УСШ оглавление предваряет основную денотативно-идеографическую часть, которая одновременно основывается на синопсисе-оглавлении и отображает систему категорий, выявленных в результате анализа семантической категоризации лексики определенного семантико-грамматического класса. Оглавление являет собой по факту схему систематизации этой лексики по категориям разного ранга, представляя частный автономный синопсис лексики словаря. Первое упоминание данного термина в лексикографическом дискурсе УСШ отмечено в 2008 году в Большом толковом словаре синонимов русской речи, где он следующим образом сформулирован в качестве заголовка системы категорий всех описанных в словаре

CC BY

единиц: «Синопсис идеографической классификации синонимов русской речи» [БТССРР, с. 689–691]. В дальнейшем он стал активно употребляться в лексикографическом дискурсе всех последующих ИС УСШ.

Частные варианты ЯКМ воссоздаются в структуре дифференциальных ИС, ограниченных семантико-грамматическими параметрами составляющих их единиц, нацеленных на определенные фрагменты бытия: процессуально-событийный, предметный, признаковый, эмотивный и др. Эти словари можно рассматривать в качестве компонентов глобальных ЯКМ, крупным планом воссоздающих ее значимые сферы, которые отображают их автономные синопсисы.

Главная проблема, важнейшая при конструировании синопсисов, связана с пространственным представлением, размещением выявленных категорий в аспектах их архитектоники, объема, значимости и соотносительности, взаимодействия между собой, конфигурации. Основную роль в решении данной проблемы сыграл словарь существительных, в котором была максимально подробно разработана система категорий, выявленных в структуре 41 денотативной сферы, исходным центром которых при их расположении относительно друг друга была избрана сфера «Живое существо» [БТСРС]. Остальные 40 сфер, формирующих пять блоков пространственных зон, были размещены с учетом их соотносительности друг с другом и степени удаленности от центра. Модель описания ЯКМ, репрезентируемая всей совокупностью ДИГ этого ИС, была сконструирована таким образом, что она структурно отображала воображаемую логику восприятия, познания, осознания человеком окружающего мира и формирования им антропологически наивной картины мира, в которой выявляются следующие глобальные сферы:

1. «Человек как Живое существо» — центр.

2. Сферы, которые изначально тесно связаны с ней: «Растения», «Неживая природа», «Родственные и семейные отношения», «Нации».

3. Сферы, связанные с осознанием человеком себя как высокоразвитой личности: «Интеллект», «Эмоции», «Речь», «Оценка».

4. Сферы, соотносимые с осмыслением и познанием универсальных категорий устройства внешнего окружающего мира: «Время», «Пространство», «Предмет», «Вещество», «Форма», «Количество», «Явление и событие», «Религия», «Сверхъестественное».

5. Сферы, отображающие обыденные потребности человека: «Быт», «Питание», «Одежда».

6. Сферы, отражающие различные виды социальной деятельности человека: «Охота и рыболовство», «Сельское хозяйство», «Производство», «Техника», «Военная служба», «Медицина», «Строительство», «Сфера

CC BY

обслуживания», «Транспорт», «Наука», «Образование», «Спорт», «Искусство», «Средства массовой информации», «Экономика», «Социальные отношения», «Управление», «Политика», «Дипломатия», «Право».

Следует отметить наряду с объективным фактором роль субъективного фактора при восприятии мира, его категоризации и интерпретации, обнаруживаемых в семантических словарях разных авторов и авторских коллективов. Так, сопоставление репрезентации категоризации мира, представленной в словарях УСШ, с его категоризацией в словаре идиоматики под редакцией А. Н. Баранова и О. Д. Добровольского демонстрирует подобную роль субъективного фактора при восприятии мира и его научной категоризации. Принцип, который был использован в основе соположения категорий в синопсисе идиоматического словаря, значительно отличается от указанного выше варианта их расположения в ИС УСШ, является логически противоположным ему. В словаре русской идиоматики репрезентация выявленных категорий осуществляется в направлении от абстрактных категорий к конкретным, на что его редакторы указали в предисловии словаря: «Таксоны в основном корпусе тезауруса упорядочены по степени абстрактности — от более абстрактных (ВРЕМЯ, ПРОСТРАНСТВО, КОЛИЧЕСТВО) к менее абстрактным (АРТЕФАКТ, ОДЕЖДА) [Баранов и др., 2007, с. 6]. Вследствие подобной четко сформулированной позиции в указанном словаре рассмотрение таксонов начинается с отвлеченной категории ВРЕМЯ и заканчивается конкретными таксонами 86. ЦВЕТ, УЗОР. 87. ВЕЩЕСТВО. В нашем случае логика размещения категорий противоположная: от конкретных (сфера «НЕЖИВАЯ ПРИРОДА, занимающая позицию в начале словаря) к отвлеченным (сфера УНИВЕРСАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ, СМЫСЛЫ И ОТНОШЕНИЯ, завершающая словарь).

3.3.2. Синопсис как универсальный пространственный формат, репрезентирующий поличастеречный свод лексики и представляющий глобальную денотативно-идеографическую карту мира

Данный формат характеризует Универсальный лексический синопсис общего свода лексики, состоящего из единиц разных ИС, объединенных в общее поличастеречное объемное когнитивно-дискурсивное множество, формирующее образ целостной глобальной картины мира. Идея расположения в синопсисе денотативных сфер по принципу их осмысления и освоения человеком и представления в наивной картине мере, реализованная в словаре существительных [БТСРС], была взята за основу и при конструировании универсального синопсиса. Она использовалась при создании более развернутой и упорядоченной модели категоризации мира и формирования ее в виде иерархизированной таксономической классификации. Первоначально она была реализована на основе обобщения трех ранее

CC BY

созданных словарей УСШ: русских глаголов [БТСРГ, 2007], существительных [БТСРС, 2005], Словаря-тезауруса синонимов русской речи [СТСРР, 2007] — и была опубликована как сводная классификация, обозначенная следующим образом: «Категоризация мира по данным идеографических словарей» [КРЯКК, 2010, с. 25—51].

В то же время в предисловии к проспекту словаря концептов, в котором она была опубликована, она была именована термином *синопсис*, содержание которого подробно рассматривалось в нем в разных аспектах. Так, он интерпретировался в аспекте формирования поличастеречного свода, представляющего собой совокупность категорий, отображающих картину мира, что позволило рассматривать его как синописис универсального типа, на основе которого осуществляется концептуализация мира [Бабенко, 2010, с. 4]. Было подчеркнуто, что идеографическая часть словаря «Концептосфера русского языка» [КРЯКК-2010] основана на синопсисе, который представляет собой опыт категоризации мира в виде совокупности категорий разного уровня и значимости, выстроенных с учетом их иерархии, на основе которых и осуществляется такая концептуализация.

Позднее синопсис был опубликован в проспекте толкового Универсального идеографического словаря русского языка [УИСРЯ] и внедрен в практику создания всех других последующих ИС УСШ с новым названием: «Синопсис (свод) идеографической классификации русской лексики (общая глобальная структура словаря)» [Бабенко, 2015, с. 22—42], которое закрепилось за ним и используется до сих пор. Именно с этого времени он осмысляется как **глобальный универсальный лексический синопсис,** формирующий панорамный взгляд на мир действительности, способствующий конструированию целостной ЯКМ, репрезентируемой универсальным идеографическим словарем [Там же].

Обобщая результаты анализа употребления термина *синопсис* в лексикографическом дискурсе УСШ, отметим, что он был впервые использован в словаре синонимов [БТССРР, 2008], теоретически объяснен и стал активно употребляться начиная с 2015 года, когда был поставлен вопрос об Универсальном идеографическом толковом словаре и опубликован его проспект, предваряемый синопсисом — обобщенной классификацией поличастеречного свода рассматриваемых единиц [УИСРЯ, 2015, с. 22–43]. Сейчас актуальной для коллектива лексикографов УСШ стала работа по совершенствованию имеющегося **Глобального универсального лексического синопсиса**, созданного и используемого применительно к новому Универсальному идеографическому словарю-тезаурусу русского языка [УИСТРЯ, 2025], с перспективой конструирования на его основе нового укрупненного варианта синопсиса.

CC BY

3.4. Денотативно-идеографическая карта мира как концептуально-тематический формат репрезентации действительности: Глобальный универсальный лексический синопсис (УИСТРЯ)

С учетом степени широты охвата и глубины отображения действительности синопсис в содержательном плане может быть рассмотрен как один из важнейших способов осознания, хранения и выражения знаний о мире, как способ конструирования его языковой картины. Это обусловлено соотнесенностью и связью пространственного моделирования и ЯКМ, о чем писала Е. С. Кубрякова, отмечавшая, что вопрос о пространственном моделировании лингвистических систем объясняет организацию языка с помощью представления о его стратификации в многомерном признаковом пространстве и « может указать в этой связи и на близость подобных представлений — или же аналогичных им — *с понятиями языковой картины мира, с понятиями когнитивно-языковых карт* (курсив наш. — *Л. Б.*)» [Кубрякова, 2004, с. 478]». Как видим, ученый в одном ряду употребляет два близких, но не тождественных термина, которые и в настоящее время употребляются параллельно. Наряду с традиционным термином *ЯКМ*, традиционно используемым для отображения мира действительности, стал использоваться термин *карта мира*, обычно актуализирующий результаты анализа категоризации языковых единиц в аспекте отображения картины мира как системы иерархически организованных категорий, внешне оформленных в виде схемы денотативно-идеографической структуры, имеющий когнитивно-языковую природу. Подобный формат интерпретации лексических множеств разного рода только получает в настоящее время научное развитие.

Сейчас актуальным для коллектива лексикографов УСШ является рассмотрение созданного **Глобального универсального лексического синопсиса** прежде всего применительно к Универсальному идеографическому словарю-тезаурусу русского языка [УИСТРЯ]. Интерпретация его в новом пространственном формате как основы выявления языковой денотативно-идеографической карты мира — задача будущего исследования.

В настоящее время синопсис частично преобразован, создан его новый вариант, основные модификации которого коснулись прежде всего вершинной главной части его глобальной структуры, повлекшей, в свою очередь, переструктуризацию и изменение отображения таксономической иерархии категорий с учетом их типологии в общей структуре [УИСТРЯ].

Принципиальные изменения обусловлены когнитивно-функциональным фактором и связаны как с общим формальным сокращением суперкатегорий, так и с целенаправленным отображением в общей структуре синопсиса базовых тенденций их концептуально-тематического членения

CC BY

с учетом трех типов стратегий категоризации: естественной, перцептивной, интерпретационной. В новом универсальном лексическом синопсисе все категории укрупнены — вместо 15 выделено 11 суперкатегорий, разграниченных на три типа: естественные бытийные, перцептивные антропологические и интерпретационные. Структура последнего варианта синопсиса имеет в вершине таксономии указанные выше три лингвокогнитивных центра, включающих в свой состав 11 категорий нижележащих уровней. Фактически эти семантико-когнитивные совокупности с учетом их соотносительности представляют собой базовый каркас языковой карты мира, которая воспроизводится Универсальным лексическим синопсисом. В списочном виде она выглядят следующим образом:

А. Естественная категоризация мира действительности: I. Природа. II. Человек как часть природы. III. Действие и деятельность. IV. Внутренний мир человека: эмоции и речемыслительная деятельность. V. Общество и государство. VI. Социальная деятельность и социальные отношения.

Б. Категоризация восприятия мира действительности: перцептивные категории. VII. Восприятие внешнего и внутреннего мира: Зрительное восприятие. Акустическое восприятие. Обонятельное восприятие. Осязательное восприятие. Вкусовое восприятие. Восприятие предмета. Пространство. Время. Количество

В. **Интерпретация мира: Интерпретационные категории**. VIII. Универсальные представления. IX. Логико-семантические универсальные отношения. X. Модальность и модальные интерпретации. XI. Оценка и оценочная интерпретация.

В меньшей степени изменения коснулись лексического состава частных денотативно-идеографических групп и подгрупп низшего уровня категоризации, связанных с конкретизацией указанных базовых лингвоцентров. Их интерпретацию на пространстве денотативно-идеографической карты мира планируется осуществить с помощью картосхем — еще одного нового типа пространственного формата репрезентации лексических множеств, который заслуживает отдельного внимания и будет рассмотрен в специальной статье по причине неразработанности и принципиальной новизны вопроса.

Решение поставленных проблем в перспективе позволит выявить и показать в динамике разработку лексикографических форматов «упаковки» идеографических словарей, новизну и преемственность принципов и результатов моделирования структуры ИС, их общей архитектоники — внешней глобальной структуры и внутренней макроструктуры словарных статей определенных множеств единиц.

CC BY

4. Заключение = Conclusions

Характеризуя созданные в УСШ идеографические словари в аспекте пространственного моделирования лингвистической семантики в их структуре, мы можем отметить, что в каждом из них в разной степени находят отображение в различных комбинациях лексикографических параметров все выявленные типы пространственных представлений, связанные с конструированием внешней структуры ИС. При этом они могут представать в формате как целостного открытого языкового пространства, так и относительно ограниченного пространства таксономии, синопсиса, поля, карты, обладающих своеобразной структурной организацией. Следует отметить, что эти пространства неодинаково моделируются в лексикографических параметрах в разных словарях и приобретают различную значимость в их структуре, обусловливающую их пространственную доминанту. Например, в словаре «Русские глагольные предложения. Экспериментальный синтаксический словарь» [РГПЭСС] это денотативное пространство, отображаемое в формате поля, в словаре «Концептосфера русского языка. Ключевые концепты и их репрезентации» [КРЯКК-2017] это концептуальное пространство, также представленное по полевому признаку, в толковых идеографических словарях русских глаголов [БТСРГ] и русских существительных [БТСРС] — лексико-семантическое пространство в формате таксономии и др.

Моделирование лингвистической семантики с учетом комплекса определенных пространственных понятий формирует представление о стратификации языковых объектов разного рода в многомерном и многоаспектном пространстве языка, с помощью которого достигаются прежде всего категоризация, концептуализация, а также объяснение, интерпретация языка, в частности, его объемных по количественному составу единиц — объектов лексикографического идеографического дискурса. Следует добавить, что в изучении форматов и параметров русских ИС наблюдается динамика их интерпретации: от простой классификации — к таксономии, синопсису, полевой структуре, а далее в перспективе — к концептуально-тематическому формату когнитивно-языковых, или денотативно-идеографических карт.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. АЭ СТЭЛ — *Бабенко Л. Г.* Алфавит эмоций : словарь-тезаурус эмотивной лексики / Л. Г. Бабенко. — Екатеринбург ; Москва : Кабинетный ученый, 2021. — 432 с. — ISBN 978-5-6041789-2-8.

2. БТИССАК — *Большой* толковый идеографический словарь синонимико-антонимических комплексов : материалы словаря / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. — Москва ; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2021. — 414 с. — ISBN 978-5-6044025-4-2.

3. БТСРГ — *Большой* толковый словарь русских глаголов : Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. Английские эквиваленты / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. — 2-е изд. — Москва : АСТ-Пресс Книга, 2007. — 573 с. — ISBN 978-5-462-00615-9.

4. БТСРС — *Большой* толковый словарь русских существительных : Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. — Москва : АСТ-Пресс Книга, 2005. — 862 с. — ISBN 5-462-00358-7.

5. БТССРР — *Большой* толковый словарь синонимов русской речи : идеографическое описание, антонимы, фразеологизмы / под ред. проф. Л. Г. Бабенко. — Москва : АСТ-Пресс Книга, 2008. — 752 с. — ISBN 978-5-462-00893-1.

6. КРЯКК-2010 — *Концептосфера* русского языка : ключевые концепты и их репрезентации в языке и речи (на материале лексики, фразеологии и паремиологии) : проспект словаря / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. — Москва : Азбуковник, 2010. — 340 с.

7. КРЯКК-2017 — *Концептосфера* русского языка : ключевые концепты и их репрезентации в языке и речи (на материале лексики, фразеологии и паремиологии) : словарь / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. — Москва : Азбуковник, 2017. — 1023 с. — ISBN 978-5-91172-128-2.

8. РГПЭСС — *Русские* глагольные предложения : экспериментальный синтаксический словарь / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. — Москва : Словари.Ру, 2016. — 463 с. — ISBN 5-89349-374-5.

9. СТРП — *Словарь-тезаурус* русских прилагательных, распределенных по тематическим группам / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. — Москва : Словари.Ру, 2016. — 224 с. — ISBN 978-5-392-12243-1.

10. СТСРИ — Словарь-тезаурус современной русской идиоматики : около 8 000 идиом современного русского языка / [Баранов А. Н. и др.] ; под ред. А. Н. Баранова, Д. О. Добровольского. — Москва : Мир энциклопедий Аванта+, 2007. — 1134, [2] с.

11. СТСРР — *Словарь-тезаурус* синонимов русской речи / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. — Москва : АСТ-Пресс Книга, 2007. — 448 с. — ISBN 978-5-462-00729-3.

12. СТСРЯ — Словарь-тезаурус синонимов русского языка / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. — Москва : Словари XXI века, 2017. — 448 с. — ISBN 978-5-6048410-2-0.

13. УИСРЯ — *Универсальный* идеографический словарь русского языка : проспект / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. — Москва ; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2015. — 208 с.

14. УИСТРЯ — *Универсальный* идеографический словарь-тезаурус русского языка [рукопись] / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. — 2025. — [Б. м. : б. и.], 2025. [Б. паг.].

Литература

1. *Апресян Ю. Д.* Дистрибутивный анализ значения в структуре семантического поля / Ю. Д. Апресян // Лексикологический сборник. — Вып. 5. — Москва : [Б. и.], 1962. — С. 27—39.

2. *Бабенко Л. Г.* Идеографические словари сквозь призму жанровых характеристик / Л. Г. Бабенко // Когнитивные исследования языка. — 2024а. — Выпуск 2 (58). — Ч. 1. — С. 23—26.

3. *Бабенко Л. Г.* Идеографический словарь как текст : основные категории, жанровые характеристики / Л. Г. Бабенко // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2024. — № 4б. — С. 15—32. — DOI: https://doi.org/10.20916/1812-3228-2024-4-15-32.

4. *Бабенко Л. Г.* Концептуально-тематическое картирование как вариант пространственного измерения лексических множеств в структуре идеографических словарей : проект / Л. Г. Бабенко // Когнитивные исследования языка. — 2025. — Выпуск 2 (63) : Взаимодействие мыслительных и языковых структур : собрание научной школы : материалы Всероссийской конференции с международным участием, г. Тамбов, 18—19 сентября 2025. — Ч. 1. — С. 126—131.

5. *Бабенко Л. Г.* Концепция, структура и основные лексикографические параметры словаря / Л. Г. Бабенко // Концептосфера русского языка : ключевые концепты и их репрезентации : проспект словаря / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2010. — С. 5–22.

6. *Бабенко Л. Г.* Синопсис (свод) идеографической классификации русской лексики (общая глобальная структура словаря) / Л. Г. Бабенко // Универсальный идеографический словарь русского языка : проспект / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. — Москва ; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2015. — С. 22—42.

7. *Бабенко Л. Г.* Типы лексических множеств в структурно-семантическом, когнитивно-дискурсивном и лексикографическом освещении : динамика интерпретаций / Л. Г. Бабенко // Научный диалог. — 2020. — № 9. — С. 9—47.

8. *Баранов А. Н.* О пользовании словарем / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский // Словарь-тезаурус современной русской идиоматики. — Москва : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2007. — 1134 с. — ISBN 978-5-98986-143-9.

9. *Болдырев Н. Н.* Язык и система знаний: когнитивная теория языка / Н. Н. Болдырев. — Москва : ЯСК, 2018. — 480 с.

10. *Караулов Ю. Н.* Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка / Ю. Н. Караулов. — Москва : Наука, 1981. — 367 с.

11. *Кубрякова Е. С.* К вопросу о пространственном моделировании лингвистических систем / Е. С. Кубрякова // Вопросы языкознания. — 1967. — № 2. — С. 62—73.

12. *Кубрякова Е. С.* Язык пространства и пространство языка (к постановке проблемы) / Е. С. Кубрякова // Язык и знание : На пути получения знаний о языке : Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. акад. наук. Ин-т языкознания. — Москва : Языки славянской культуры, 2004. — С. 459–533. — ISBN 5-94457-174-8.

13. *Лингвистическая* семантика в пространственном измерении : Словарь. Дискурс. Корпус : монография / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. — Екатеринбург ; Москва : Кабинетный ученый, 2024. — 464 с. — ISBN 978-5-6046258-7-3.

14. *Степанов Ю. С.* В трехмерном пространстве языка : семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства / Ю. С. Степанов. — Москва : Наука, 1985. — 328 с.

15. *Щур Г. С.* Теория поля в лингвистике / Г. С. Щур. — Москва : URSS, 2007. — 264 с.

16. *Языковая* картина мира и системная лексикография / отв. ред. Ю. Д. Апресян. — Москва : Языки славянских культур, 2006. — 910 с. — ISBN 5-9551-0135-7.

17. *Яковлева Е. С.* Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия) / Е. С. Яковлева. – Москва : Гнозис, 1994. – 344 с.

Статья поступила в редакцию 12.11.2025,
одобрена после рецензирования 26.01.2026,
подготовлена к публикации 28.03.2026.

Material resources

AE STEL — Babenko, L. G. (2021). *Alphabet of emotions: a thesaurus of emotive vocabulary.* Yekaterinburg; Moscow: Cabinet Scientist. 432 p. ISBN 978-5-6041789-2-8. (In Russ.).

BTISSAK — Babenko, L. G. (ed.). (2021). *A large explanatory ideographic dictionary of synonymic-antonymic complexes: dictionary materials.* Moscow; Yekaterinburg: Cabinet Scientist. 414 p. ISBN 978-5-6044025-4-2. (In Russ.).

BTSRG — Babenko, L. G. (ed.). (2007). *A large explanatory dictionary of Russian verbs: An ideographic description. Synonyms. Antonyms. English equivalents. Moscow*: AST-Press Book. 573 p. ISBN 978-5-462-00615-9. (In Russ.).

BTSRS — Babenko, L. G. (ed.). (2005). *A large explanatory dictionary of Russian nouns: An ideographic description. Synonyms. Antonyms.* Moscow: AST-Press Book. 862 p. ISBN 5-462-00358-7. (In Russ.).

BTSSRR — Babenko, L. G. (ed.). (2008). *A large explanatory dictionary of synonyms of Russian speech: ideographic description, antonyms, phraseological units.* Moscow: AST-Press Book. 752 p. ISBN 978-5-462-00893-1. (In Russ.).

KRYaKK-2010 — Babenko, L. G. (ed.). (2010). *The conceptual sphere of the Russian language: key concepts and their representations in language and speech (based on vocabulary, phraseology and paremiology): dictionary.* Moscow: Azbukovnik. 340 p.

KRYaKK-2017 — Babenko, L. G. (ed.). (2017). *The conceptual sphere of the Russian language: key concepts and their representations in language and speech (based on vocabulary, phraseology and paremiology): dictionary.* Moscow: Azbukovnik. 1023 p. ISBN 978-5-91172-128-2. (In Russ.).

RGPESS — Babenko, L. G. (ed.). (2016). *Russian verb sentences: an experimental syntactic dictionary.* Moscow: Dictionaries.Ru. 463 p. ISBN 5-89349-374-5. (In Russ.).

STRP — Babenko, L. G. (ed.). (2016). *Dictionary-thesaurus of Russian adjectives, divided into thematic groups.* Moscow: Dictionaries.Ru. 224 p. ISBN 978-5-392-12243-1. (In Russ.).

STSRI — Baranov, A. N., Dobrovol'skiy, D. O. (Eds.). (2007). *Thesaurus dictionary of modern Russian idiomatics: About 8,000 idioms of the modern Russian language*. Moscow: Mir Entsiklopediy Avanta+. 1134 p. (In Russ.).

STSRR — Babenko, L. G. (ed.). (2007). *Thesaurus dictionary of synonyms of Russian speech.* Moscow: AST-Press Book. 448 p. ISBN 978-5-462-00729-3. (In Russ.).

STSRYa — Babenko, L. G. (ed.). (2017). *Dictionary-thesaurus of synonyms of the Russian.* Moscow: Dictionaries of the XXI century. 448 p. ISBN 978-5-6048410-2-0. (In Russ.).

UISRYa — Babenko, L. G. (ed.). (2025). *Universal ideographic dictionary of the Russian: prospectus*. — Moscow; Yekaterinburg: Kabinetnyy uchenyy, 2015. 208 p. (In Russ.).

UISTRYa — Babenko, L. G. (ed.). (2025). *Universal ideographic dictionary-thesaurus of the Russian: manuscript.* (In Russ.).

References

Apresyan, Yu. D. (1962). Distributional analysis of meaning in the structure of the semantic field. In: *Lexicological Collection*, *5*: 27–39. (In Russ.).

Apresyan, Yu. D. (ed.). (2006). *Linguistic worldview and systemic lexicography.* Moscow: Languages of Slavic Cultures. 910 p. ISBN 5-9551-0135-7. (In Russ.).

Babenko, L. G. (2010). The concept, structure, and main lexicographic parameters of the dictionary. In: Babenko, L. G. (ed.), *The conceptual sphere of the Russian language: Key concepts and their representations: Prospectus of the dictionary*. Yekaterinburg: Ural University Press. 5-22.

Babenko, L. G. (2015). Synopsis (summary) of the ideographic classification of Russian vocabulary (general global structure of the dictionary). In: *Universal ideographic dictionary of the Russian language: prospect.* Moscow; Yekaterinburg: Kabinetnyy uchenyy. 22—42. (In Russ.).

Babenko, L. G. (2020). Types of Lexical Sets in Structural-Semantic, Cognitive-Discursive and Lexicographic Coverage: Dynamics of Interpretations. *Nauchnyi dialog, 9:* 9—47. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-9-9-47. (In Russ.).

Babenko, L. G. (2024a). Ideographic dictionaries through the prism of genre characteristics. *Cognitive studies of language, 2 (58)/1:* 23—26. (In Russ.).

Babenko, L. G. (2024b). Ideographic dictionary as a text: main categories, genre characteristics. *Questions of cognitive linguistics, 4:* 15—32. DOI: https://doi.org/10.20916/1812-3228-2024-4-15-32. (In Russ.).

Babenko, L. G. (2025). Conceptual and thematic mapping as a variant of spatial measurement of lexical sets in the structure of ideographic dictionaries: a project. *Cognitive language research, 2* (63): 126—131. (In Russ.).

Babenko, L. G. (ed.). (2024). *Linguistic semantics in spatial dimension: Dictionary. The discourse. Corpus: monograph.* Yekaterinburg; Moscow: Kabinetnyy uchenyy. 464 p. ISBN 978-5-6046258-7-3. (In Russ.).

Baranov, A. N., Dobrovolsky, D. O. (2007). On the use of the dictionary. In: Baranov, A. N., Dobrovol'skiy, D. O. (Eds.). (2007). *Thesaurus dictionary of modern Russian idiomatics: About 8,000 idioms of the modern Russian language*. Moscow: Mir Entsiklopediy Avanta+. P. 5-11. ISBN 978-5-98986-143-9. (In Russ.).

Boldyrev, N. N. (2018). *Language and the system of knowledge: A cognitive theory of language*. Moscow: ЯСК. 480 p.

Karaulov, Yu. N. (1981). *Linguistic construction and thesaurus of literary language.* Moscow: Nauka Publ. 367 p. (In Russ.).

Kubryakova, E. S. (1967). On the issue of spatial modeling of linguistic systems. *Questions of linguistics, 2:* 62—73. (In Russ.).

Kubryakova, E. S. (2004). The language of space and the space of language (towards a problem statement). In: *Language and knowledge: On the way to gaining knowledge about language: Parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in cognition of the world.* Moscow: Languages of Slavic Culture. 459–533. ISBN 5-94457-174-8. (In Russ.).

Stepanov, Yu. S. (1985). *In the three-dimensional space of language: semiotic problems of linguistics, philosophy, art.* Moscow: Nauka Publ. 328 p. (In Russ.).

Shchur, G. S. (2007). *Field theory in linguistics*. Moscow: URSS. 264 c. (In Russ.).

Yakovleva, E. S. (1994). *Fragments of the Russian language picture of the world (models of space, time and perception)*. Moscow: Gnozis. 344 p. (In Russ.).

The article was submitted 12.11.2025;
approved after reviewing 26.01.2026;
accepted for publication 28.03.2026.

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(3), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Бронникова О. В. Доминанты репрезентации времени в произведении А. Неркаги «Белый Ягель» / О. В. Бронникова, А. С. Головко, О. Б. Ульянова // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 3. — С. 32—50. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-3-32-50.

Bronnikova, O. V., Golovko, A. S., Ulyanova, O. B. (2026). Dominants of Time Representation in A. Nerkagi's Novel "White Lichen". *Nauchnyi dialog, 15* (3): 32-50. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-3-32-50. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Доминанты репрезентации времени в произведении А. Неркаги «Белый Ягель»

Бронникова Ольга Васильевна
orcid.org/0000-0002-8082-4733
кандидат филологических наук,
кафедра прикладной
и теоретической лингвистики
o.v.bronnikova@utmn.ru

Головко Анна Сергеевна
orcid.org/0009-0008-8171-5791
кандидат филологических наук,
кафедра прикладной
и теоретической лингвистики,
корреспондирующий автор
a.s.golovko@utmn.ru

Ульянова Ольга Борисовна
orcid.org/0000-0002-7005-0295
кандидат филологических наук,
кафедра прикладной
и теоретической лингвистики
o.b.ulyanova@utmn.ru

Тюменский
государственный университет
(Тюмень, Россия)

Dominants of Time Representation in A. Nerkagi's Novel "White Lichen"

Olga V. Bronnikova
orcid.org/0000-0002-8082-4733
PhD in Philology,
Department of Applied
and Theoretical Linguistics
o.v.bronnikova@utmn.ru

Anna S. Golovko
orcid.org/0009-0008-8171-5791
PhD in Philology,
Department of Applied
and Theoretical Linguistics,
corresponding author
a.s.golovko@utmn.ru

Olga B. Ulyanova
orcid.org/0000-0002-7005-0295
PhD in Philology, Department of Applied
and Theoretical Linguistics
o.b.ulyanova@utmn.ru

University of Tyumen
(Tyumen, Russia)

© Бронникова О. В., Головко А. С., Ульянова О. Б., 2026

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Выявляются доминанты репрезентации времени в этнокультурном контексте произведения Анны Неркаги «Белый ягель». Актуальность исследования определяется тем, что лексико-грамматический инструментарий формирует этнически обусловленное представление о времени как категории внешнего жизненного пространства и внутреннего состояния человека тундры. Трансформация темпоральной лексической семантики приводит к денотативной онтологизации времени посредством номинативной единицы *жизнь* и предикативных элементов *быть* и *жить*, а также созданию образных аналогий между миром природы и человеком севера. Изменение грамматической семантики происходит не столько на уровне видовременных форм, сколько преимущественно через ситуационный контекст. Прошедшее время описывает опыт и поведение, размышления и переживания северного человека, используется для изображения действий и событий в динамической перспективе представления внешнего мира. Настоящее время отражает знакомый мир, создавая иллюзию видения или правды жизни. Будущее время формирует внутренний мир героев и определяет путь, подсказанный предками. В произведении «Белый ягель» находим пересечение временных векторов: грамматические формы настоящего и будущего времени, используемые в контексте прошедшего, представляют действия как реальные.

Ключевые слова:
этноспецифический вектор; художественное восприятие времени; доминанта; категория времени; Анна Неркаги.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The present study identifies the dominant strategies of time representation within the ethnocultural context of Anna Nerkagi's novel "White Lichen". The relevance of this research stems from the fact that the lexical and grammatical tools employed in the narrative construct an ethnically specific perception of time, conceptualized both as an external life space and as an internal state of the tundra dweller. The transformation of temporal lexical semantics leads to the denotative ontologization of time through the nominative unit *life* and predicative elements such as *to be* and *to live*, as well as to the creation of figurative analogies between the natural world and the northern human being. Changes in grammatical semantics occur not so much at the level of aspect-tense forms, but primarily through situational context. The past tense is used to describe the experience, behavior, reflections, and emotions of the northern individual, serving to depict actions and events within a dynamic perspective of the external world. The present tense reflects the familiar world, creating an illusion of vision or life's truth. The future tense shapes the inner world of the characters and determines the path guided by ancestral wisdom. In "White Lichen", we observe an intersection of temporal vectors: grammatical forms of the present and future tenses, when used in a past context, represent actions as real.

Key words:
ethnospecific vector; artistic perception of time; dominant; category of time; Anna Nerkagi.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(3), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 821.161.1Неркаги.07(571.121)+81’37
DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-3-32-50

Научная специальность ВАК
5.9.5. Русский язык. Языки народов России
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика
5.9.1. Русская литература и литературы
народов Российской Федерации

Доминанты репрезентации времени в произведении А. Неркаги «Белый Ягель»

© Бронникова О. В., Головко А. С., Ульянова О. Б., 2026

1. Введение = Introduction

Этноспецифический вектор исследования культурных доминант приводит нас к изучению вопроса восприятия категории времени в художественном пространстве произведения «Белый ягель» северной писательницы Анны Неркаги [Неркаги, 1996, с. 11—112]. По словам К. Я. Лагунова, никто не поведал миру о ненцах лучше, чем А. Неркаги — «истинная дочь Тундры… с ее курящимися дымками чумами и будто летящими в белом мареве оленьими упряжками…» [Лагунов, 1996]. «Белый ягель» воссоздает «небольшую по числу, но великолепно-яркую, запоминающуюся галерею отменных образов хозяев тундры…» [Там же]. Неркаги родилась в чуме в горах Полярного Урала, у подножия хребта Сайрей в ягельных долинах. В своих произведениях она размышляет о судьбе своего народа и о судьбе человечества, описывает повседневную жизнь, обычаи и ритуалы. В центре бытия ненца находятся атрибуты кочевой жизни (чум, огонь, стол, олень, нарты). В традиционном ненецком обществе строгое разделение обязанностей: мужчина занимает лидирующую позицию, а женщина играет ключевую роль в организации уклада жизни [Дрожащих, 2021, с. 84—85]. Она ухаживает за мужчиной и чумом, смотрит за огнем, может разговаривать с ним и вопрошать к нему как к божеству, понимая его ценность, а мужчина — охотится, защищает семью, разводит оленей, чинит нарты. Оставшись без женщины, мужчина становится беспомощным и отвергнутым обществом. Используя временные рамки одного чумовья, Неркаги показывает изменчивость мира, процессуальный характер его существования, повествуя о ненужных стариках и неблагодарной дочери, о сыне, который грезил своей прошлой привязанностью, но в настоящем вынужден жениться без любви по настоянию его пожилой матери, мечтающей о счастливой традиционной жизни для сына в будущем. У каждого

CC BY

героя своя правда и своя душевная боль, и лишь время, не подвластное человеку, создает непрерывный цикл бытия, в котором есть не только вещи, но и события. Универсальные образы создают своеобразную авторскую вселенную. Линия времени, которая связывает настоящее, прошлое и будущее через вековые традиции, становится константой, осуществляющей связь между поколениями в условиях современной цивилизации. Человеческое сознание и язык, взаимодействуя через призму этнокультуры, создают новые оттенки интерпретации категории времени, формируя определенные особенности восприятия, характерные для того или иного ареала. Предметом данной статьи выступают языковые единицы, вербализующие представление о времени в произведении «Белый ягель». Цель статьи — выявить доминанты репрезентации времени на материале произведения А. Неркаги «Белый ягель». Предполагаем, что единицы, вербализующие представления о времени, охватывают как поверхностные лексические и функциональные элементы текста, так и внутренние цепочки смыслов, порождаемые семантическими модуляциями и переходами в денотативном содержании таксонов времени.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Исследование посвящено интерпретации семантического пространства художественного текста, которое способно заключать в себе, хранить и передавать концентрированную информацию — результат авторского выбора, обусловленного уникальным социокультурным опытом писателя. Методологическая база сочетает семантический, когнитивный и прагматический подходы к комплексному исследованию художественного текста. Изучаются лексика, функциональные элементы текста, внутренние цепочки смыслов, которые структурируются (в том числе за счет метафорических моделей) и способствуют выявлению культурных (этноспецифических) доминант [Коннова, 2024].

Лингвисты давно занимаются разработкой и осмыслением образа времени и способов его концептуализации [Демина, 2024; Огнева и др., 2025; Эртнер, 2022], изучают темпоральные номинации с точки зрения морфологии, семантики, прагматики [Коннова, 2019; Коннова, 2024; Малинская, 2025].

В литературном произведении время формирует вокруг себя ряд онтологических и аксиологических признаков и указывает на синкретизм или фрагментарность художественного сознания. Многогранная семантика времени в рамках отдельного художественного произведения представляет собой объемную многомерную реляционную категорию, объединяющую объективное, субъективное, воспринимаемое и индивидуальное время,

CC BY

оно может иметь множество точек отсчета и упорядочивать события художественного текста во временном континууме несколькими способами [Усманов, 2024].

Время — это способ и результат интерпретации действительности [Бронникова, 2017]. В свою очередь, художественное время рассматривается как форма бытия идеального мира, а средства моделирования временных отношений в произведении выступают формой познания мира и включают элементы различных уровней, а именно: композицию произведения, лексико-грамматическое оформление, образы, актуализируемые в семантических переходах в единицах лексической, грамматической и текстовой семантики.

В рамках изучения литературы северных народов следует отметить ряд релевантных работ. О. К. Лагунова пишет о феномене творчества русскоязычных писателей ненцев и хантов последней трети XX века (Е. Д. Айпин, Ю. К. Вэлла, А. П. Неркаги) и художественной целостности их прозаических текстов [Лагунова, 2007; Лагунова и др., 2018]. Н. Ю. Третьякова изучает элементы идиостиля языковой личности А. П. Неркаги [Третьякова, 2010]. В монографии «Человек Севера в поликультурном и переводческом пространстве: творческое наследие Анны Неркаги» проанализирована авторская художественная концепция этнической и культурной идентичности северных народов [Человек ..., 2021]. Ученые отмечают, что рецепция прошлого, настоящего и будущего создает физическую заполненность горизонтали изображением событий как звеньев родовой цепи, важных для судьбы всего рода [Лагунова и др., 2018].

В настоящем исследовании акцент делается на выявлении противоречий между экспликацией и имплицитным содержанием категории времени в авторском каркасе художественного произведения *«У каждого времени свое лицо … и своя правда»* [Неркаги, 1996, с. 13]. Методология комплексного исследования включает ряд методов. Элементы корпусного анализа текста (онлайн инструмент istio.com) позволили выявить наиболее частотные темпоральные единицы и их синтагматические характеристики, а также видовременные формы, образующие функциональное поле времени. Контекстуальный анализ отобранных единиц послужил для верификации временной семантики и определения доминантного временного пласта на лексическом и грамматическом уровнях. Собранные текстовые данные послужили материалом для анализа когнитивных метафорических моделей.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Прежде всего, в художественном произведении «Белый ягель» темпоральные образы создаются на лексическом уровне посредством реализации

CC BY

денотативного значения имен существительных с временной семантикой, наречий и предлогов времени, прилагательных и глаголов с темпоральной семантикой, которые относятся к лексическим средствам выражения темпорального дейксиса.

Среди именных номинаций темпоральной семантики: *жизнь (185), время (75), ночь (51), год (45), утро (30), день (26), пора (23), осень (16), весна (13), зима (13), лето (13), час (11), век (9), вечер (9), минута (7), прошлое (7), мгновение (6), месяц (5), былое (4), миг (3), вечность (2), вчера (2), момент (2), давность (1), древность (1), секунда (1), срок (1)*, доминантой является *жизнь* героев, которая и подразумевает онтологическое время (*время* — вторая по частотности предметная номинация). Некоторые номинации времени не соотносятся с определенным количественным отрезком, они абстрактны (*пора, мгновение, былое, миг, вечность, момент, прошлое, давность, древность, срок*), а другие выражают конкретное предметное отношение (объективные показатели времени: *год, месяц, день, вчера, час, минута, секунда*; время суток: *ночь, утро, вечер, день*, времена года: *осень, весна, зима, лето*). Несмотря на категориальное отличие, они все задают внутренние (духовные — *Один миг трусости, немного хитрости с самим собой — любовь мертва* [Неркаги, 1996, с. 16]) и внешние (материальные — *Он отставил от себя пустую чашку, хотел откинуться на подушки и опять почувствовал себя как ночью* [Там же, с. 30]) аспекты описания жизни и отсылают читателя к пласту прошлого (*прошлое, былое, вчера, давность, древность*).

В произведении «Белый ягель» можно встретить имена существительные, не называющие непосредственно время, а указывающие на возрастной период человека на протяжении его жизни (этапы жизни): *детство, молодость, зрелость, старость* и *смерть* как конечную точку жизненного пути. Более того, герои произведения относятся к разным поколениям (Алешка, Пэтко, Вану, Хасава). Так, *детство* в контексте произведения находится на шкале положительной оценки (*В детстве ...**любил**...* [Там же, с. 60]), оно ассоциируется с замедленностью (*братья засыпали, мать медлила)*, тишиной *(еле слышные звуки, шорохи сливались)*, лаской *(будто журчал ласковый ручей)*. Молодость для героев мимолетна и уподобляется цветку, который цветет *час, минуту* (*...в хороший день под лучами солнца воспрянет, засияет, но так прекрасно молод он уже не будет* [Там же, с. 64—65]), это пора любви (*в молодости ... любовь становится властительницей души* [Там же, с. 64]).

Зрелость героев — это сила тела и духа (*Он шёл и чувствовал силу своих шагов. ... Так входит мужчина в пору своей зрелости* [Неркаги, 1996, с. 112].), а старость, прежде всего, — это *не возраст тела* (не дряхлость

CC BY

тела, не бессилие рук и ног, не ноющие по ночам суставы и согнутая спина), *а мудрость души* [Там же, с. 48]. Смерть представляется ненцам моментом освобождения (*поближе к смерти, освободить жизнь от лишних вещей ... Не только вещей, а может, и желаний, замыслов, ... — уйти таким же чистым, как пришёл* [Там же, с. 98]).

Среди признаковых единиц выделяются прилагательные: *старый (32), длинный (20), долгий (14), давний (11), вечный (9), старинный (6), прожитый (5), теперешний (3), вековой (2), вчерашний (2), вековечный (1), нынешний (1), прошлогодний (1), прошлый (1), сегодняшний (1)* — и наречия: *сейчас (66), теперь (57), всегда (39), снова (35), никогда (34), долго (33), быстро (28), потом (25), давно (22), сегодня (21), иногда (15), медленно (13), часто (11), завтра (7), недолго (5), однажды (5), на мгновение (4), неожиданно (4), рано (4), навсегда (3), рановато (3), время от времени (2), вчера (2), испокон (2), недавно (2), ненадолго (2), отныне (2), в старину (1), вечно (1), вмиг (1), вовремя (1), давеча (1), длинно (1), мгновенно (1), навеки (2), надолго (1), навечно (1), назавтра (1), некогда (1), немедленно (1), поздно (1), послезавтра (1), со временем (1)*, среди которых можно выявить единицы антонимичной семантики. Следовательно, доминантами признакового уровня являются прилагательное *старый* и наречия *сейчас* / *теперь*, что указывает на двойственное восприятие времени: с одной стороны, ненцы живут настоящим, а с другой стороны, ценят и уважают прошлое (*старые люди, старые птицы, старые слова, старые вещи, старые шесты, старые ненцы, старый «совет», старые деревья, старый друг*).

В контексте произведения среди предикативных элементов: *быть (в прошедшем времени 102), жить (41), прожить (21), уходить (18), начаться (14), торопиться (11), вспоминаться (7), проходить (7), стоять (5), дождаться (4), приходить (4), наступить (3), состариться (3), длиться (2), истлеть (2), оборваться (2), вечереть (1), встречать (1), выждать (1), играть (о времени 1), продлить (1), суетиться (1)*, а также причастия *ушедший (3), прошедший (1),* доминантными выступают глаголы *быть* и *жить*. Семантика глаголов неоднородна и охватывает начало (*начаться, встречать*) и конец действия (*прожить, проходить, истлеть, оборваться*), длительность действия или состояния (*стоять, длиться, продлить*), результат действия (*дождаться, состариться, вечереть*), скорость совершения действия (*торопиться, суетиться*).

Кроме того, необходимо отметить наличие предлогов, указывающих на время и отражающих динамику действий (*по ранней весне, по утрам, в ночи, с каждым днем, во все ночи лета*), изменчивость событий, действий или состояний (*через час, через год, через десять лет, после*) и процессуальность (*без жизни, с минуту*).

Анализ лексического материала указывает на то, что наиболее частотные лексемы смещают фокус с денотативно-прямых на денотативно-переносные номинации времени таким образом, что доминанта художественного времени произведения «Белый ягель» на лексическом уровне реализуется посредством бытийного времени через номинацию *жизнь* и предикации — *быть* и *жить*, выстраивая антропоморфные координаты через антонимичные признаки *старый* и *сейчас* и образные представления о жизни и ее этапах.

Описание доминант восприятия времени включает также аксиологические смыслы и метафорические образы, которые рождаются у ненцев в связи с синтезом объективных представлений и субъективных ощущений и опыта. Категория оценки темпоральных контекстов указывает на то, что ненцы достаточно позитивно представляют себе гипотетические — желательные — ситуации (*Он хотел, чтобы это было всегда. На всю жизнь. И днём, и утром, и ночью. И не так, как сейчас, а навсегда* [Неркаги, 1996, с. 64]), тогда как реальная жизнь — не такая привлекательная, в ней прошлое оказывается *темным* и *кровавым*, а час — *черным* и *страшным*.

Смежность темпоральной семантики и жизни человека объясняет антропоцентрические представления ненцев о времени. Антропоморфные предикаты сочетаются с единицами темпоральной семантики: *прийти (осень, время), наступить (ночь, осень, час), встречать (утро), играть (о времени), стоять (дни и годы)*, данные темпоральные единицы связаны с атрибутами человека (*лицо времени, дни идут, бег жизни, время пройдет, прошли те времена, много дней и лет пройдет, спит его прошлое, семь лет — семь надежд, поссориться со временем, не с кем встречать утро и солнце, не дождаться … желанной осени, ужасное лицо прошедшего дня, лето прошло, время оденет*).

Близость ненцев к природе предопределяет природоморфные метафорические образы. Метафорический перенос СТАРОСТЬ — ОСЕНЬ изображает человеческий возраст в терминах природы: *Глубокая пора* ***осени*** *чем-то походит на* ***старость*** [Неркаги, 1996, с. 104], где увядание человека ассоциируется с увяданием природы: … *листья* ***желтели старостью*** [Там же, с. 17]. Традиционное представление о жизни через стихию воды реализуется у ненцев в метафорической модели ЖИЗНЬ — РЕКА (*… давать* ***жизни течение****, чтобы она* ***не расплылась*** *и* ***не засохла****, как весенняя* ***лужа****, а* ***текла*** *бы* ***рекой****,* ***сохраняя*** *при этом свои* ***берега*** *и* ***бег*** [Там же, с. 18]). Река, будучи неотъемлемой частью жизни, источником воды, пищи, неисчерпаемой энергии, представляется человеку тундры самой жизнью, указывая на их слияние, которое проявляется в постоянном течении, изменчивости и способности к адаптации. На уровне текста это

CC BY

создается через высокую концентрацию лексических единиц, характеризующих как реку, так и жизнь человека. В авторском контексте возникает пересечение атрибутов времени и пространства через когнитивную метафору ЗАВТРАШНИЙ ДЕНЬ — НЕБО (***Смотреть в небо*** *— всё равно, что пытаться* ***увидеть*** *что-то в* ***дне завтрашнем*** [Там же, с. 23]), где метафорический перенос актуализируется через сенсорные предикаты (*смотреть, увидеть*), создавая аналогию между тем, что таит в себе небо и неизведанное будущее.

Обращение ненцев к прошлому приводит к метафорическому пересечению ПРОШЛОЕ — ДОРОГА. Кочевая жизнь, однажды начавшись, как и прошлое, не имеет конца: … ***пошёл*** *старик в* ***странную дорогу****: в* ***прошлое****, чтоб судить себя* [Там же, с. 36]; … ***путь у*** *него один — в* ***прошлое****, а эта* ***дорога*** *такая, сколько ни езди, ей* ***нет конца*** [Неркаги, 1996, с. 33], а служит ориентиром для будущего. Прошлое хранит в себе воспоминания, опыт и события, то есть ПРОШЛОЕ — ВМЕСТИЛИЩЕ: *Иногда в него страшно и жутко* ***входить****, как в* ***могилу****, а порой радостно* [Неркаги, 1996, с. 36]; *Побывав в* ***своём прошлом*** *…* [Там же, с. 39]. Метафорическая модель ПРОШЛОЕ — ПРЕДМЕТ актуализируется через номинативные конструкции с отрицательной коннотацией: *На них лежит* ***тяжесть прошлого*** [Неркаги, 1996, с. 18]. Однако этот контекст может сглаживаться противопоставлением образов обиды и святыни, которые кодируют двойственное восприятие прошлого: … *кто-то вынет* ***давнюю залежалую обиду*** *и бросит камнем в спину, а кто-то, словно* ***святыню … достанет из-под толщи годов когда-то принятую радость*** *и* ***вернёт*** *жалостью иль чашкой горячего чая* [Там же, с. 35—36].

В отличие от пережитого прошлого, ночь видится ненцам чем-то неизвестным и представляется синкретичной пространству: *Год назад* ***ушла в вечную ночь*** *его жена, не совсем старая женщина Ламдо* [Там же, с. 12]; ***Уходили*** *из жизни остатки, последние крохи его счастья, и все по одной дороге, в* ***сторону вечной ночи*** [Там же, с. 24]). Уход из жизни воспринимается как передвижение в пространстве, где конечной точкой является вечная ночь: используются глаголы движения (*ушла, уходили*) в форме прошедшего времени и ориентационный предлог (*в*). Мы видим аналогию между природным циклом (полярной ночью) и точкой в пространстве, откуда вернуться нельзя. Уходить в ночь могут как люди (НОЧЬ — ПРОСТРАНСТВО — СМЕРТЬ), так и атрибуты жизни, которые будут безвозвратно утеряны (НОЧЬ — ПРОСТРАНСТВО — КОНЕЦ).

Таким образом, человек и окружающее его пространство становятся источником формирования метафорических переносов, выдвигающих на первый план антропоморфные и природоморфные метафоры. Антропос-

CC BY

фера создает человекоподобный образ времени, который, подобно человеку, обладает физическими характеристиками, испытывает широкий спектр эмоций и по-разному осуществляет взаимодействие с миром. Природные номинации активируют метафорические модели времени через сферу-источник: время года (осень), стихия (вода / река, воздух / небо), пространство (дорога, вместилище, предмет, пространство), где ассоциативные компоненты привносят негативные импликации (увядания, неизвестности, бремени).

С логикой повествования связаны также грамматические средства передачи бытийности и событийности времени, которые используются автором, чтобы представить размышления и мысли героев и становятся проводником мнения самого автора произведения. Видовременные формы являются источником категориальных смыслов в выражении временных отношений. Категориальные грамматические значения форм времени реализуются во взаимодействии с контекстом и речевой ситуацией [Русская грамматика ..., 1989, с. 628]. Таким образом, выделяемые ниже типы временных контекстов передают темпоральную семантику целого высказывания, в котором глагольная форма, в том числе и некая связка, является доминантой смысла.

Выстраивая нарратив, Неркаги обращается к прошедшему времени, которое является доминантным прототипическим средством развертывания сюжета, имеет характер универсалии и субъективно восполняет семантику настоящего или будущего, тем самым укрепляя логику повествования.

В произведении «Белый ягель» автор ограничивается использованием основных форм прошедшего времени совершенного и несовершенного вида, избегая экспрессивные формы прошедшего времени, противоречащие внутреннему миру ненцев. Герои Неркаги много думают и мало говорят, тщательно подбирая слова для внутреннего монолога с самими собой и окружающими их людьми. Прошедшее время несовершенного вида относит длившиеся или повторяющиеся действия к пласту прошлого, не связанного с настоящим. В повествовании вектор прошлого не отражает последовательность событий, а живописно предстает в их развертывании без указания на какой-либо результат, изображая действительность в одной плоскости: … *не сразу ответил … сидел, … слышался … ни дети, ни взрослые не любили ее криков, … она вдруг начинала ныть и тяготить душу* [Неркаги, 1996, с. 28]. Вану не торопится с ответом на вопрос и размышляет, а употребляемые видовременные формы становятся средством описания ситуации и мыслей героя. Формы прошедшего времени совершенного вида в хронологической последовательности создают смену следующих друг за другом событий, действий и их результатов (*Вану …*

CC BY

постоял …, покачал головой, подошёл … и вытащил …, сложил вдвое, намотал на кулак [Там же, с. 59]), развертывают сюжетную линию и приближают к развязке, создавая динамизм повествования.

Формы настоящего и будущего, вклиниваясь в пласт прошедшего времени, метафорически создают темпоральную многомерность художественного дискурса, передавая контекстуально подвижные и разнообразные, субъективно изменчивые оттенки [Виноградов, 1986]. Употребление форм настоящего времени в значении прошлого основано на том, что настоящее может актуализовать действия, представлять их реальными [Раевская, 1973] через описание, обобщение, эмотивность и вневременность семантики всего высказывания.

В канве повествования формы настоящего описательного создают иллюзию видения, придают образность и живость рассказу о прошлом (*… как девчонка на побегушках … подобно юркой мыши, носится с поручениями* [Неркаги, 1996, с. 14]), как будто оно разворачивается перед глазами читателя, при этом совмещаются разные временные системы — персонажей, автора и читателя. В рамках настоящего описательного можно выделить: 1) описание обстановки: … *было тихо … он воочию представил, как сидят по обе стороны от огня две женщины* [Там же, с. 53]; 2) описание природы: … *от которого идёт огонь золотой, редкостный по цвету* [Там же, с. 32]; 3) описание ситуации / жизни, которое выполняет функцию экспозиции, введения перед основной мыслью: *Скаредничают люди около огней. Варят … сытные котлы* [Там же, с. 20]; … *мать застилает … постель* [Там же, с. 21]; *А сейчас то и дело слышишь: … подвязывается чем попало … сидит в чуме и про него говорят …* [Там же, с. 57]; *Непосильный груз тащит он в сердце из года в год* [Там же, с. 19]; 4) возвращение к прошлому через описание момента из прошлого: *Будучи мальчиком, он во время кочевания оставался один … и долго смотрел, как они скрываются, уползают дальше и дальше…* [Там же, с. 34].

Обращаясь к *настоящему обобщающему*, А. Неркаги дает комментарий к событиям из прошлого: *Были и упавшие лицом вниз, охватившие руками землю, и на четвереньках стояли. Смерть на позы щедра* [Там же,, с. 47]. Именно нулевая связка в данных фрагментах указывает на обобщающий характер высказывания.

Настоящее эмотивное ассоциируется с намерением совершить действие под влиянием эмоций или с потенциальной возможностью будущего действия: *Он знает, куда поедет. Он должен поехать. В такую дорогу человек едет лишь раз в жизни* [Там же, с. 42]. Данный тип настоящего несет семантику размышления и вовлекает читателя в переживания героев, передавая эмоциональное напряжение: *Бывает, хочется спрятать себя и*

душу … как делает, спасаясь от опасности, маленькое испуганное животное. А чем отличается он сейчас от мыши или ещё бескрылой птицы? Ничем. Он так же растерян и в панике, он загнан [Там же, с. 41—42]; … *но сейчас, когда он не такой, как они, кто они ему? Видимо, и вправду есть особое время. Время принятия и возвращения долгов* [Там же, с. 35]; *Тоска заливает душу, и он плачет на берегу жизни совсем как гагара* [Там же, с. 28]; в *молчании же есть особая нежность и страдание* [Там же, с. 15]; *И потом … кто сказал, что человек живёт без своей боли, без тайны души и святого места-уголка, куда не пускают и избранных. И почему он сейчас должен вырвать из себя дорогие мысли и чувства… Зачем отдавать их на суд человеку?* [Там же, с. 19]. В выделенных примерах настоящее эмотивное реализуется посредством эмотивной лексики (субстантивные номинации эмоций, признаковые эмотивные элементы, эмотивные предикаты) и риторических вопросительных конструкций. Не столько видовременные формы глагола, сколько контекст помогает вербализовать определенные темпоральные смыслы.

Для актуализации привычных, типичных ситуаций, опыта человека, приобретенного им в жизни, в труде, в общении с другими людьми и при наблюдении за живой и неживой природой, используется вневременное настоящее — «правда жизни». Данный вид настоящего может служить для характеризации следующих сторон действительности: 1) состояние человека: *Хотелось верить, что … рано ему плакать гагарой. Старость — гроб … Кости старых людей чувствуют непогоду, а душа — беду …* [Там же, с. 40]; 2) состояние природы: *Весной её обычно развозит целыми лужами, речками. В посёлок приезжаешь весь мокрый от брызг* [Там же, с. 42]; … *река перестает быть рекой … в ней умирает течение. Вода гниёт, зеленеет … берега зарастают жирной тухлой травой* [Там же, с. 39]; 3) быт человека: у *всякого мужчины есть упряжка … ту, что не боязно запрячь …, не стыдно показать …* [Там же, с. 40]; 4) обычаи и поведение: *Таких оленей не рука запрягает у мужчины, а душа* [Там же, с. 41]; *Жизнь — длинное кочевье, и дорогу … выбирает мужчина* [Там же, с. 31]; *Ненцы никогда не пьют без доброго слова* [Там же, с. 55]; *Только этого не знают ни мужчины, ни дети* [Там же, с. 56]; *Когда тяжело у ненца на душе, он всегда смотрит в глаза своему огню* [Там же, с. 56]; 5) судьбу: … *ненец лишь тяжело вздохнёт и не пошлёт хищнику вслед жестокого проклятия. Судьба то одна у всего живого* [Там же, с. 44]; 6) мудрость народа / предков: *Никогда человек не был сильнее жизни.... Одна травинка не делает луга, одно дерево не лес…* [Там же, с. 42]; *Эти мысли поглотили в нём обиду. Он не прав. Нельзя, съевши свою похлёбку, лезть ложкой в чужой котёл* [Там же, с. 24]; *Одиночество жестоко. А одиночество старо-*

CC BY

го человека — трагедия времени, его язва. Когда умирает женщина, она уносит с собой половину жизни. Правда жизни та же …правда жизни одна и суть её прежняя: жить и работать честно. Там, где дети, нет смерти … мужчина покупает жизнь. Верно, жизнь могуча и сильна, а я перед ней слепой и глупый щенок [Там же, с. 57]. Вневременное настоящее контекстуализируется через предикаты действия и состояния, которые создают момент «здесь и сейчас», оторванный от времени, где человек ощущает единство с окружающим миром.

В повествовании событий прошлого формы настоящего времени оживляют (онтологизируют) их и обеспечивают непрерывную связь между прошлым и будущим.

Формы будущего времени в произведении включены в описания устоявшегося уклада жизни и вековых обычаяев, которые сложно изменить, однако функционал этих языковых единиц достаточно широк. Глаголы будущего времени используются для репрезентации внутренней речи героев и выражения их мыслей, догадок или возможностей: *Захотят они — и сироте-старику … тепло её огня покажется студёным холодом* [Там же, с. 56]. Герои А. Неркаги размышляют о настоящем: *Вот такие у нас времена: хочешь с теплым огнём человеку в душу войти, а он возьмёт и увидит вместо огня в твоих руках палку* [Там же, с. 20]. Формы будущего времени выполняют функцию предугадывания ситуации, в которой логическим завершением является высокая вероятность совершения действия — уверенность: *Радости соседа не будет конца. За ней он не заметит…* [Там же, с. 38]; *… он знал: … он всё равно догонит их на своей лёгкой нарточке...* [Там же, с. 34]; *Вану был уверен: не будет на земле птичьих гнёзд … не станет и человеческих* [Там же, с. 28]; *… и собачья смерть не грозит … старость не согнет спины … не будет тоски перед смертью. … Время пройдет, он сам это поймёт…* [Там же, с. 22]; *Всё будет хорошо. Зря они, старики и старухи, плачут.... Дождя не будет, солнце выглянет* [Там же, с. 14]. В формах будущего времени потенциально заложена неуверенность с оттенками предположительной модальности: *Торопливый разговор с Огнём может обернуться горем, а может и счастьем. А кто поможет…* [Там же, с. 31], а также обещание со смещением перспективы в сферу побудительной модальности (через употребление частицы *не*): *Я не уроню слёзы на лицо твоё. Не пожалуюсь, и не прокляну* [Там же, с. 32]. В свою очередь, то, что должно случиться, предопределено чем-то предшествующим и представляет собой определенную предсказуемость — неизбежность, выражается конкретными единичными действиями в будущем: *Сейчас он приедет, и на лай собак выглянет жена. Как только он зайдёт, она кинется сначала к огню, подживит его, потом так же быстро кинется*

CC BY

к столу и поставит его перед ним. Нальёт ему чаю, сядет покорно и будет ждать, когда он выпьет одну чашку, и тут же нальёт вторую [Там же, с. 53].

В «Белом ягеле» восприятие времени многослойно, каждое состояние влияет на другое. Герои живут воспоминаниями о прошлом, испытывают трудности с настоящим и мысленно выстраивают будущее. Граммемы времени выступают как в прямом, так и в образном значении. Преобладание форм прошедшего времени контекстуально оправданно, потому что оно сочетает воспоминания о прошлом с надеждами на будущее. Настоящее и будущее проживаются через прошлое, а культурно обусловленные грамматические когнитивные модели служат механизмом структурирования действительности.

Грамматической метафорой времени выступает когнитивная модель ПРОШЛОЕ — ЭТО НАСТОЯЩЕЕ, где домен-источник — настоящее — является грамматическим отражением домена-цели — прошлое, что, по сути, актуализирует давно минувшие события, придавая им значимость в настоящем (*Будучи мальчиком, он во время кочевания оставался один … и долго смотрел, как они скрываются, уползают дальше и дальше…* [Там же, с. 34]). Другая когнитивная модель ПРОШЛОЕ — ЭТО БУДУЩЕЕ, где домен-источник — будущее — создает ментальную картину домена-цели — прошлое, что помогает человеку Севера проживать свои желания и страхи через размышления, а не через реальные действия. Контекст, заданный предикатом прошлого, к примеру, *был уверен* (*Вану был уверен: не будет на земле птичьих гнёзд … не станет и человеческих* [Неркаги, 1996, с. 28]), разворачивается посредством транспозиции видовременных форм будущего.

4. Заключение = Conclusions

Исследование темпоральных доминант в произведении «Белый ягель» через интерпретацию языковых средств выражения времени приводит нас к выводу о том, что время тесно вплетено в пространство Севера и неразрывно связано с кочевой жизнью ненцев, их мироощущением. В изучаемом произведении лексемы и граммемы вскрывают неоднородное восприятие времени, где границы между прошлым, настоящим и будущим размыты, однако фокус смещен в сторону прошлого. Языковые единицы отражают не только внешние действия героев, но и их внутренний мир через прямые номинации и переносные смыслы.

Лексический материал указывает, что наиболее частотная лексема *жизнь* (‘период существования от рождения до смерти’) является доминантой восприятия времени для героев произведения. Для них линейный

CC BY

процесс становится цикличным: человек на исходе жизни не умирает, а уходит в вечную ночь.

Во многих культурах метафорические образы формируются на пересечении доменов человека и природы, преобразуя временные представления в более конкретные смыслы, однако в произведении А. Неркаги они являются доминирующими. При этом особенностями интерпретации действительности с помощью времени являются такие природные метафорические домены, как РЕКА, ВРЕМЯ ГОДА, ВРЕМЯ СУТОК, ОБЪЕКТЫ ПРИРОДЫ. Модель ЖИЗНЬ — РЕКА иллюстрирует линейность времени, в то время как СТАРОСТЬ — ОСЕНЬ указывает на цикличность. Ночь также является частью природного цикла (НОЧЬ — ПРОСТРАНСТВО — СМЕРТЬ, НОЧЬ — ПРОСТРАНСТВО — КОНЕЦ) и воспринимается не как конец, а как переход к новой стадии существования. Завтрашний день рассматривается как неизбежное продолжение текущего момента (ЗАВТРАШНИЙ ДЕНЬ — НЕБО). Прошлое формирует жизненный путь (ПРОШЛОЕ — ДОРОГА) и помогает накопить опыт (ПРОШЛОЕ — ВМЕСТИЛИЩЕ), что позволяет говорить о прошлом как объекте (ПРОШЛОЕ — ПРЕДМЕТ), который может приобретать то или иное значение в зависимости от ситуации. Эти образы помогают создать многослойное понимание времени как явления, с одной стороны, линейного, а с другой стороны, цикличного, неотделимого от мира природы.

Интерпретация видовременных контекстов указывает на то, что динамичная канва произведения создается преимущественно формами прошедшего времени совершенного вида (*Старики пришли…Алешка посмотрел…мать провела и посадила*… [Неркаги, 1996, с. 15]) — это действия и события во внешнем мире, происходящие вокруг героев, а многомерность временного плана текста создается вкраплениями форм настоящего и будущего времени в контексты прошлого для представления действий как реальных, при этом настоящее время описывает узнаваемый и предсказуемый внешний мир, окружающий героев, а будущее — их внутренние переживания. В свою очередь, формы настоящего времени обеспечивают непрерывность существования между прошлым и будущим. Сочетание воспоминаний о прошлом с надеждами на будущее заставляет героев произведения испытывать трудности с принятием настоящего, создавая напряжение между ностальгией и ожиданием. Синкретизм временных систем персонажей, автора и читателя создает иллюзию постоянного видения и ощущения жизни и поведения при помощи *настоящего описательного* не только через описание обстановки, природы, ситуации / жизни, возвращение к прошлому, а через попытку объяснить эти действия, в частности, прибегая к описанию эмоций (*настоящее эмотивное*).

CC BY

Автор описывает действия вне временной данности, используя формы *настоящего обобщающего*, а также *вневременного настоящего* для представления типичных ситуаций, поведения, опыта — так называемой правды жизни в отношении *состояния человека* или *природы*, *быта*, *обычаев и поведения*, *судьбы, мудрости предков*. Посредством форм настоящего с семантикой *размышления* автор вовлекает читателя в события произведения и переживания героев: *Вой голодного волка отличается от песни сытого … особенно в морозные, тёмные и от этого ещё более жуткие плачи собратьев меньших* [Неркаги, 1996, с. 44].

Формы будущего времени представляют внутренний мир героев через семантику *предположения, догадки / возможности, размышления*, *уверенности / неуверенности, неизбежности, ритуала, обещания*.

Временные категории у Неркаги пересекаются и проникают друг в друга. Герои интерпретируют настоящие события через призму прошлого опыта, при этом формируя будущее поведение. Грамматические метафорические модели ПРОШЛОЕ — ЭТО НАСТОЯЩЕЕ и ПРОШЛОЕ — ЭТО БУДУЩЕЕ создают цикличность времени, вовлекая восприятие прошлого в более широкий контекст. Именно прошлое становится способом измерения всей жизни героев, в нем сосредоточены значимые события, поэтому моделирование настоящего и будущего через прошлое формирует реальность, замыкая цикл, давая возможность вернуться в точку отсчета.

Таким образом, доминантой репрезентации времени является семантика жизни, внешнего опыта и поведения, внутренних размышлений и переживаний северного человека, актуализируемые в исследуемом произведении. Выделенные темпоральные доминанты предопределены предками и не поддаются изменениям.

В свою очередь, образное формо- и словоупотребление порождает многомерность авторской категории времени и создает множество одновременных координат, пластов и точек отсчета.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.**
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Неркаги А. П.* Молчащий : повести / А. П. Наркаги. — Тюмень : Софтдизайн, 1996. — С. 11—112. — ISBN 5-88709-050-2.

2. *Семантический* анализ текста istio.com [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://istio.com/text/analyz (дата обращения 10.08.2025).

CC BY

Литература

1. *Бронникова О. В.* Модусный метаконцепт ВРЕМЯ/TIME в русском и английском языках : на материале данных национальных корпусов : диссертация … кандидата филологических наук : 10.02.20 / О. В. Бронникова. — Тюмень, 2017. — 344 с.

2. *Виноградов В. В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов. — Москва : Высшая школа, 1986. — 640 с.

3. *Коннова М. Н.* Метафорическая концептуализация времени в английском языке : аксиологический аспект / М. Н. Коннова // Евразийский гуманитарный журнал. — 2019. — № 2. — С. 16—28.

4. *Коннова М. Н.* Метафора времени в стихотворении А. С. Пушкина «Я возмужал среди печальных бурь» : ценностное измерение / М. Н. Коннова // Когнитивные исследования языка. — 2024. — Выпуск 5 (61). — С. 475—479.

5. *Лагунов К. Я.* Открытое письмо ненецкой писательнице Анне Павловне Неркаги. В кн. : Молчащий : повести / К. Я. Лагунов. — Тюмень : Софтдизайн, 1996. — С. 3—6. — ISBN 5-88709-050-2.

6. *Лагунова О. К* Феномен творчества русскоязычных писателей ненцев и хантов последней трети XX века (Е. Айпин, Ю. Вэлла, А. Неркаги) / О. К. Лагунова. — Тюмень : Издательство Тюменского государственного университета, 2007. — 258 с. — ISBN 978-5-88081-670-5.

7. *Лагунова О. К.* Художественная целостность прозаического текста онтологического типа последней трети XX века (Е. Айпин, Ч. Айтматов, А. Неркаги) / О. К. Лагунова, И. Р. Смирнова // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. — 2018. — Т. 4. — № 1. — С. 121—136. — DOI: 10.21684/2411-197X-2018-4-1-121-136.

8. *Малинская Т. В.* Темпоралема как неизосемический экспликатор времени в рассказе М. А. Шолохова «Пастух» / Т. В. Малинская // Отечественная филология. — 2025. — № 3. — С. 47—56. — DOI: 10.18384/2949-5008-2025-3-47-56.

9. *Огнева Е. А.* Интерпретативный потенциал текстовых темпоральных когнитивных моделей в диахроническом срезе / Е. А. Огнева, Е. И. Бузина. — Москва : Эдитус, 2025. — 210 с. — ISBN 978-5-00217-513-0.

10. *Раевская Н. Н.* Очерки по стилистической грамматике современного английского языка / Н. Н. Раевская. — Киев : Издательство Киевского университета, 1973. — 142 с.

11. *Третьякова Н. Ю.* Молчание и сравнение как элементы идиостиля языковой личности А. П. Неркаги : на материале повестей «Анико из рода Ного», «Илир», «Белый Ягель», «Молчащий» : диссертация … кандидата филологических наук : 10.02.01 / Н. Ю. Третьякова. — Тюмень, 2010. — 222 с.

12. *Усманов Ф.* Ценность — в призме аксиолингвистики и лингвокультурологии / Ф. Усманов // Зарубежная лингвистика и лингводидактика / Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2024. — Т. 2. — № 6. — С. 210—216. — DOI: 10.47689/2181-3701-vol2-iss6-pp210-216.

13. *Человек* Севера в поликультурном и переводческом пространстве : творческое наследие Анны Неркаги / Н. В. Дрожащих и др. — Тюмень : Издательство Тюменского государственного университета, 2021. — 216 с. — ISBN 978-5-400-01658-5.

14. *Эртнер Д. Е.* Этноспецифические коды : метафора и бытовая символизация опредмеченного пространства в повести А. Неркаги «Белый ягель» / Д. Е. Эртнер, О. Б. Ульянова, С. Б. Хабибуллина // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 8. — С. 294—311. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-294-311.

15. *Demina E. A.* Author's techniques of emphasizing temporal characteristics in R. Bradbury's novel "Frost and Fire" : A cognitive approach / E. A. Demina // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2024. — Т. 17. — Выпуск 10. — С. 3556—3561. — DOI: 10.30853/phil20240502.

Статья поступила в редакцию 23.09.2025,
одобрена после рецензирования 25.02.2026,
подготовлена к публикации 02.04.2026.

Material resources

Nerkagi, A. P. (1996). *Molchashchiy: Povesti.* Tyumen: Softdizayn. 11—112. ISBN 5-88709-050-2. (In Russ.).

Semantic analysis of the text istio.com. Available at: https://istio.com/text/analyz (accessed 10.08.2025). (In Russ.).

References

Bronnikova, O. V. (2017). *The modus meta-concept OF TIME / TIME in Russian and English: based on the data from national corpora.* PhD Diss. Tyumen. 344 p. (In Russ.).

Demina, E. A. (2024). Author's techniques of emphasizing temporal characteristics in R. Bradbury's novel "Frost and Fire": A cognitive approach. *Philological Sciences. Questions of theory and practice, 17 (10):* 3556—3561. DOI: 10.30853/phil20240502. (In Russ.).

Ertner, D. E., Ulyanova, O. B., Khabibullina, S. B. (2022). Ethno-Specifi c Codes: Metaphor and Everyday Symbolization of Objectifi ed Space in Anna Nerkagy's Story "The White Moss". *Nauchnyi dialog, 11 (8):* 294—311. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-294-311. (In Russ.).

Konnova, M. N. (2019). Metaphorical conceptualization of time in English: an axiological aspect. *Eurasian Humanitarian Journal, 2:* 16—28. (In Russ.).

Konnova, M. N. (2024). The metaphor of time in A. S. Pushkin's poem "I grew up among sad storms": a value dimension. *Cognitive studies of language, 5 (61):* 475—479. (In Russ.).

Lagunov, K. Ya. (1996). *An open letter to the Nenets writer Anna Pavlovna Nerkagi. In the book. The Silent One: stories.* Tyumen: Softdesign. 3—6. ISBN 5-88709-050-2. (In Russ.).

Lagunova, O. (2007). *On the phenomenon of creativity of Russian-speaking Nenets and Khanty writers of the last third of the twentieth century (E. Aipin, Y. Vella, A. Nerkagi).* Tyumen: Tyumen State University Press. 258 p. ISBN 978-5-88081-670-5. (In Russ.).

Lagunova, O. K., Smirnova, I. R. (2018). The artistic integrity of the prose text of the ontological type of the last third of the twentieth century (E. Aipin, Ch. Aitmatov, A. Nerkagi). *Bulletin of the Tyumen State University. Humanitarian studies. Humanitates, 4 (1):* 121—136. DOI: 10.21684/2411-197X-2018-4-1-121-136. (In Russ.).

Malinskaya, T. V. (2025). Temporalema as a non-isosemic explicator of time in M. A. Sholokhov's short story "The Shepherd". *Russian philology, 3:* 47—56. DOI: 10.18384/2949-5008-2025-3-47-56. (In Russ.).

Ogneva, E. A., Buzina, E. I. (2025). *Interpretative potential of textual temporal cognitive models in a diachronic context.* Moscow: Editus. 210 p. ISBN 978-5-00217-513-0. (In Russ.).

Raevskaya, N. N. (1973). *Essays on the stylistic grammar of modern English.* Kiev: Kiev University Press. 142 p. (In Russ.).

Shivering, N. V., Buzhan, I. A., Ulyanova, O. B. (2021). *The man of the North in the multicultural and translation space: the creative legacy of Anna Nerkaga.* Tyumen: Tyumen State University Press. 216 p. ISBN 978-5-400-01658-5. (In Russ.).

Tretyakova, N. Y. (2010). *Silence and comparison as elements of the idiosyncrasy of the linguistic personality of A. P. Nerkaga: based on the stories "Aniko from the family", "Ilir", "White Yagel", "Silent".* PhD Diss. Tyumen. 222 p. (In Russ.).

Usmanov, F. (2024). Value is in the prism of axiolinguistics and linguoculturology. *Foreign linguistics and linguodidactics / Linguistics and intercultural Communication, 2 (6):* 210—216. DOI: 10.47689/2181-3701-vol2-iss6-pp210-216. (In Russ.).

Vinogradov, V. V. (1986). *Russian language (Grammatical teaching of the word).* Moscow: Higher School. 640 p. (In Russ.).

The article was submitted 23.09.2025;
approved after reviewing 25.02.2026;
accepted for publication 02.04.2026.

CC BY

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(3), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Кондратьева О. Н. Лингвомаркетологический подход в изучении эргонимов (на материале названий адвокатских организаций Кемеровской области — Кузбасса) / О. Н. Кондратьева // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 3. — С. 51—70. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-3-51-70.

Kondratieva, O. N. (2026). Marketing-Oriented Analysis of Ergonomic Naming Practices in Law Firms from Kemerovo Region (Kuzbass). *Nauchnyi dialog, 15* (3): 51-70. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-3-51-70. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus Q1 · DOAJ · ERIHPLUS · eLIBRARY.RU РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Лингвомаркетологический подход в изучении эргонимов (на материале названий адвокатских организаций Кемеровской области — Кузбасса)

Кондратьева Ольга Николаевна
orcid.org/0000-0001-9469-3634
Scopus Author ID: 57192920663
доктор филологических наук, доцент,
кафедра русского языка и литературы
Olnik25@mail.ru

Кемеровский
государственный университет
(Кемерово, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Российского научного фонда,
проект № 25-28-20206,
https://rscf.ru/project/25-28-20206/
и Кемеровской области — Кузбасса

Marketing-Oriented Analysis of Ergonomic Naming Practices in Law Firms from Kemerovo Region (Kuzbass)

Olga N. Kondratieva
orcid.org/0000-0001-9469-3634
Scopus Author ID: 57192920663
Doctor of Philology, Associate Professor,
Department of Russian and Literature
Olnik25@mail.ru

Kemerovo State University
(Kemerovo, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 25-28-20206,
https://rscf.ru/project/25-28-20206 /
and the Kemerovo region — Kuzbass

© Кондратьева О. Н., 2026

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена изучению моделей номинации адвокатских объединений и определению их маркетингового потенциала. Материалом исследования послужили 285 эргонимов, извлеченных методом сплошной выборки из «Реестра адвокатских образований Адвокатской палаты Кемеровской области». Продемонстрировано, что при создании названий адвокатских организаций используются две модели — дескриптивная и ассоциативная, противопоставленные друг другу по ряду признаков, среди которых традиционность — новизна, типичность — креативность, объективность — субъективность, рациональность — эмоциональность. Дескриптивная модель представлена номенклатурными, топонимическими, антропонимическими и специализированными номинациями, ассоциативная — аксиологическими, мифологическими, метафорическими и рандомными. Осуществлена оценка каждого типа наименований с точки зрения их потенциальной успешности в глазах потребителя, выявлены вероятные риски, которые могут возникать при декодировании адресатом (потребителем) замысла адресанта (автора наименования), установлена специфика регионального нейминга в адвокатской сфере. Выявленные закономерности позволят в дальнейшем разработать систему рекомендаций по совершенствованию системы номинаций адвокатских организаций, что будет способствовать повышению их маркетинговой эффективности.

Ключевые слова:
эргонимы; модель номинации; лингвомаркетология; нейминг; юридический маркетинг; адвокатская организация.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This paper explores the naming strategies used by law firm associations and examines their implications for marketing effectiveness. Based on an analysis of 285 firm names systematically sampled from the register of legal entities maintained by the Bar Association of Kemerovo region, we identify two primary approaches to naming: descriptive and associative. Descriptive names rely on established conventions, including references to professional categories, geographic locations, individual founders' surnames, or specialized services offered. In contrast, associative names invoke abstract concepts, cultural symbols, metaphors, or even arbitrary signifiers. We evaluate each category's capacity to appeal effectively to consumers, highlighting potential challenges related to interpreting intended meanings. Furthermore, regional variations within the Russian context are analyzed, providing insights into how localized linguistic preferences shape corporate identity formation among law firms. Our findings suggest practical guidelines for optimizing future naming decisions to enhance brand recognition and market competitiveness.

Key words:
ergo-names; naming model; linguomarketing; branding; legal marketing; law firm organization.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(3), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 811.161.1’373.2::347.965.982
DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-3-51-70

Научная специальность ВАК
5.9.5. Русский язык. Языки народов России
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Лингвомаркетологический подход в изучении эргонимов (на материале названий адвокатских организаций Кемеровской области — Кузбасса)

© Кондратьева О. Н., 2026

1. Введение = Introduction

Рассмотрение эргонимов, представляющих собой «названия деловых объединений людей, например, союза, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружка» [Подольская, 1988, с. 151], является одним из активно развивающихся направлений отечественной лингвистики. Денотатом эргонимов являются два взаимосвязанных типа объектов: топографический объект (конкретное помещение или здание, где располагается организация) и юридическое лицо (организационно-правовая сущность, зарегистрированная в соответствии с законодательством). Данный класс языковых единиц является достаточно подвижным, зависящим от целого ряда экстралингвистических факторов (экономической ситуации на рынке в целом, состояния конкретной отрасли, уровня конкуренции в соответствующей сфере и т. д.), а также от национальных и региональных особенностей маркетинговой коммуникации. Все это в совокупности и определяет интерес лингвистов к изучению эргонимов не только в традиционном ономастическом аспекте, но и в лингвокультурологическом [Кривицкая, 2024; Шимкевич, 2002], психолингвистическом [Ваулина, 2022; Гридина и др., 2022], лингвокреативном [Гридина, 2023; Салимова, 2023], прагматическом [Васильева и др., 2023; Рожкова и др., 2020] и неймингловом [Юдина и др., 2020; Lutfullayeva et al., 2019] аспектах.

Новым, хотя и аккумулирующим достижения иных направлений в изучении эргонимии, является лингвомаркетологический подход, сосредоточенный на изучении роли эргонимов в маркетинговой коммуникации, в том числе в идентификации и выделении коммерческой организации среди класса подобных, конструировании бренда и имиджа коммерческой организации, привлечении потенциального потребителя и его информиро-

CC BY

вании о товарах и оказываемых организацией услугах, побуждении к коммерческим отношениям [Алистанова, 2023; Глазкова, 2022; Голомидова, 2012; Изотова и др., 2018; Мархеева, 2020; Sjöblom, 2016].

В настоящий момент лингвистами рассматриваются преимущественно названия организаций, имеющих главной задачей получение прибыли (магазинов, салонов красоты, заведений общественного питания и т. д.), однако в современном обществе в условиях рынка и конкурентной борьбы находятся и организации, предоставляющие достаточно специфические услуги (например, образовательные, медицинские), в том числе и профессиональные объединения, оказывающие квалифицированную юридическую помощь (юридические фирмы, адвокатские объединения, нотариальные конторы, компании, занимающиеся списанием долгов и банкротством), но названия подобных организаций до настоящего момента за редким исключением (см. [Замальдинов и др., 2023]) не попадали в фокус исследовательского внимания, что и определяет новизну предпринятого исследования.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Сфера права является достаточно консервативной, тем не менее в условиях жесткой конкуренции на рынке правовых услуг борьба за клиентов требует уже не только качественного оказания юридической помощи, но и умения выделиться из широкого ряда однотипных организаций, заинтересовать потенциального клиента и побудить его к выбору конкретного профессионального объединения для сотрудничества. И выбор коммерчески удачного названия адвокатской организации — важный шаг в данном процессе. Как отмечает юридический маркетолог А. Засухина, название — «это инструмент первого впечатления: самый важный и самый эффективный при правильном подходе» [Засухина].

Цель настоящей статьи — выявить модели создания эргонимов, денотатами которых выступают адвокатские объединения (бюро, коллегии, адвокатские кабинеты), и оценить их маркетинговый потенциал.

Адвокатура является одним из базовых институтов гражданского общества и правоохранительной системы, в настоящий момент «изучению особенностей менеджмента и маркетинга в деятельности адвокатских образований уделяется все большее внимание» [Селезнева, 2025, с. 5], соответственно, рассмотрение наименований адвокатских организаций органично вписывается как в собственно лингвистическую проблематику, так и в лингвомаркетологическую.

Вслед за М. В. Голомидовой мы интерпретируем эргоним как результат профессионального нейминга, «нематериальный актив организации», который «вовлекается в выполнение задач брендинга и служит одним из

CC BY

инструментов внедрения имиджевой информации в сознание массовой аудитории» [Голомидова, 2012, с. 63]. Соответственно, методология настоящего исследования базируется на исследованиях эргонимов, выполненных в русле ономастики (Голомидова, 2012; Замальдинов и др., 2023; Рожкова и др., 2020), лингвистического нейминга (Иссерс и др., 2025; Пономарева и др., 2025; Юдина и др., 2020) и лингвомаркетологии (Алистанова, 2023; Изотова и др., 2018; Мархеева, 2020).

Методика исследования включает несколько этапов: 1) выборку наименований адвокатских объединений Кемеровской области — Кузбасса (адвокатских коллегий, адвокатских бюро и адвокатских кабинетов); 2) выявление основных моделей номинации адвокатских организаций; 3) создание типологии подобных названий, 4) оценка каждого типа наименований с точки зрения их потенциальной успешности в глазах потребителя, 5) выявление вероятных рисков, которые могут возникать при декодировании адресатом (потребителем) замысла адресанта (автора наименования).

Для формирования исследовательской картотеки использовался метод сплошной выборки, для анализа языкового материала и интерпретации полученных результатов применялись методы компонентного и прагматического анализа, основными в исследовании являлись нейминговый и лингвомаркетологический анализ. Также использовались элементы количественного подсчета: в каждом типе номинаций в скобках указано количество эргонимов для 1) адвокатских объединений (коллегий и бюро) и 2) адвокатских кабинетов, то есть цифровая информация подается в формате (X+Y).

Материалом исследования послужили названия 285 адвокатских организаций, извлеченные из «Реестра адвокатских образований Адвокатской палаты Кемеровской области (АП КО)». Всего в «Реестре…» на начало 2025 года представлено 2 адвокатских бюро, 89 коллегий адвокатов и 193 адвокатских кабинета.

Использование регионального материала обусловлено не только условиями регионального гранта РНФ, но и повышенным интересом современной лингвистики к региональной эргонимии и региональной идентичности. Кроме того, согласимся с мнением О. С. Иссерс, что «в российской провинции еще не сложилась традиция прибегать к услугам профессиональных неймеров», а у мелких организаций «просто нет финансовой возможности для обращения к ним», что приводит к появлению «самодеятельного нейминга», отражающего «представления владельцев об эффективном “имени” для своего бизнеса» [Иссерс, 2018, с. 78—79]. Поэтому рассмотрение моделей номинации адвокатских организаций отдельного региона представляет интерес как для выявления специфики подобного вида нейминга применительно к сфере права, так и для оценки созданных

CC BY

обозначенным способом наименований для успешной маркетинговой коммуникации адвокатского объединения.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Структура эргонимов, денотатами которых являются адвокатские организации

В структуре большинства эргонимов выделяется три компонента: 1) лексемы, указывающие на организационно-правовую форму учреждения; 2) лексемы, обозначающие деятельность учреждения; 3) собственно ономастический компонент — наименования организаций. Подобную структуру имеют и названия адвокатских объединений, кроме того, в их состав зачастую входит указание на территориальное расположение и порядковый номер в реестре, например: «*Некоммерческая организация "Коллегия адвокатов «Защита и Содействие»" г. Кемерово Кемеровской области № 10» (Коллегия адвокатов «Защита и Содействие» КО)*; «*Некоммерческая организация "Коллегия адвокатов «Лойер ЛК» Кемеровской области — Кузбасса № 42/14» (Коллегия адвокатов «Лойер ЛК»)*.

Большинство исследователей выводит указания на организационно-правовую форму учреждения (*ООО, ОАО, ЗАО, НКО* и т. д.) за границу эргонимов и считает их обязательными компонентами только собственно наименования организаций (номинативы), а также слова-сопроводители (в иной терминологии — дескрипторы, идентификаторы или функционалы), указывающие на характер деятельности организации (*аптека, магазин, кафе* и т. д.) [Крыжановская, 2017, с. 30], такой подход будет использоваться и в данной статье, что обусловлено не только ориентацией на существующую лингвистическую традицию, но и тем, что в своей профессиональной деятельности, в информационных справочниках, рекламных материалах, вывесках адвокатские объединения используют подобные «усеченные» варианты названий (*Коллегия адвокатов «Защита и Содействие», Коллегия адвокатов «Лойер ЛК»*), для придания легитимности размещая их в «Реестре …» в скобках после полного официального наименования (см. примеры выше).

Следует отметить, что юридические эргонимы обладают рядом специфических характеристик, которые отличают их от эргонимов иных сфер, что обусловлено как характером деятельности номинируемых организаций и определенными законодательными ограничениями, действующими в адвокатской сфере, так и традициями наименования в этой сфере, оказывающими влияние на современный нейминг.

Многие современные организации, осуществляющие деятельность в сфере права, стремятся выделиться на фоне конкурентов и зачастую

CC BY

подходят достаточно креативно к способам указания на сферу своей деятельности. Обычным юридическим фирмам и компаниям противопоставляются юридические *агентства, лаборатории, салоны, студии* и даже *бутики.* Названия адвокатских организаций отличаются в этом отношении большей строгостью и консервативностью, для указания на сферу деятельности используются три традиционные номинации, закрепленные в законодательстве (№ 63-ФЗ от 06.04.2011, ст. 20) [Об адвокатской деятельности ..., 2011] — *адвокатское бюро, адвокатская коллегия* и *адвокатский кабинет*. Соответственно, разнообразие в эргонимах, денотатами которых являются адвокатские объединения, проявляется исключительно в собственно номинативной части.

3.2. Модели номинации адвокатских организаций

Номинативная часть эргонимов образуется по одной из двух основных моделей — дескриптивной и ассоциативной [Рожкова и др., 2020]. Дескриптивная модель основана на описании объекта, перечислении его характерных особенностей, ассоциативная — на использовании ассоциаций между различными пропозициональными структурами, одна из которых заведомо обладает в сознании реципиента позитивными характеристиками, которые при подобном способе номинации закономерно переносятся на называемый объект. Обе модели результативно используются при конструировании названий адвокатских организаций Кемеровской области.

3.2.1. Дескриптивная модель номинации адвокатских организаций

Созданные по дескриптивной модели эргонимы традиционно включают в свой состав «1) номенклатурное обозначение типа предприятия; 2) указание на тип товара; 3) собственное имя владельца; 4) указание на географическую привязку предприятия» [Рожкова, Рут 2020]. Соответственно, можно говорить о существовании четырех типов названий адвокатских организаций — номенклатурных, специализированных, антропонимических и топонимических.

1. ***Номенклатурные наименования (53+1)*** являются основным способом номинации адвокатских коллегий, 53 из 89 профессиональных объединений данного типа в Кемеровской области названы подобным способом. Номенклатурные эргонимы содержат указание на тип адвокатской организации (коллегия или кабинет), порядковый номер, название города и области, в которых осуществляет свою деятельность объединение: «*Коллегия адвокатов г. Анжеро-Судженска Кемеровской области № 24*», «*Коллегия адвокатов города Белово Кемеровской области № 25*», *«Коллегия адвокатов № 42/33 г. Мариинска и Мариинского района Кемеровской области — Кузбасса»* и др. В названиях адвокатских организаций более круп-

CC BY

ных городов в состав номинации включается также название района города, например, «*Коллегия адвокатов № 3 Заводского района г. Кемерово Кемеровской области», «Коллегия адвокатов № 43 Орджоникидзевского района г. Новокузнецка Кемеровской области».* Для названий адвокатских кабинетов подобный принцип номинации нетипичен, зафиксировано всего одно название такого вида — «*Адвокатский кабинет № 19 г. Кемерово».*

Номенклатурные номинации адвокатских организаций являются наследием советской эпохи, они типизированы, формализованы, кроме того, достаточно громоздки, не очень удобны для запоминания и лишены какой-либо индивидуальности, что не позволяет выделить организацию среди ряда подобных, продемонстрировать ее уникальность и специфику деятельности.

2. ***Специализированные наименования (13+11).*** Чтобы быть успешно декодированными потенциальными потребителями, эргонимы должны обладать устойчивой связью со сферой деятельности организации, иметь непосредственное отношение к предоставляемым ею услугам. Поэтому названия адвокатских объединений зачастую включают прилагательные, акцентирующие внимание на профессиональной деятельности организации, — *правовой, юридический, адвокатский: «Коллегия адвокатов "**Правовой Альянс**"», «Коллегия адвокатов "**Правовой** приоритет"», «Адвокатский кабинет "**Правовой** Гарант"», «Адвокатский кабинет "**Правовой** Центр"»*, — при этом зачастую прилагательные подвергаются аббревиации: *«Коллегия адвокатов "**Юр**Проект"», «Адвокатский кабинет "Сиб**Юст**"».*

Тесная связь права и бизнеса позволяет представителям адвокатских объединений выбирать названия, акцентирующие внимание на данной особенности и привлекать внимание целевой аудитории, ориентированной в первую очередь на решение вопросов, связанных с коммерческой сферой, при этом в приоритете адресатом выступают не отдельные лица (хотя теоретически это возможно), а крупные организации. В названии подобных адвокатских объединений присутствуют не только лексемы правовой сферы, но и сферы бизнеса — *бизнес, консалтинг, налоги*: *«Коллегия адвокатов "**Бизнес и право**"», «Коллегия адвокатов "**ЮрБизнес**Коллегия"», «Коллегия адвокатов "Альфа **Бизнес Консалтинг**"», «Адвокатский кабинет "**Налоги и право**"».*

В названиях адвокатских организаций специализированного типа также содержатся юридические термины — *адвокат, право, прецедент* и т. д.: *«Коллегия адвокатов "**Адвокат**"», «Адвокатский кабинет "Сельский **адвокат**"», «Коллегия адвокатов "Защита **права**"», «Коллегия адвокатов "Ваше **право**"», «Адвокатский кабинет "Абсолют-**Право**"», «Коллегия адвокатов "**Прецедент**"».*

CC BY

Следует отметить, что специализированные наименования успешны при условии использования широко известных юридических терминов, в то время как узкая специализированная терминология и профессионализмы не всегда будут успешно дешифрованы адресатом. Примером подобного не вполне удачного наименования, на наш взгляд, является эргоним «*Коллегия адвокатов "**Талион**"*». Талио́н (от лат. talio, род. п. talionis) — «'возмездие, равное по силе преступлению', принцип наказания, сложившийся в родовом обществе. Заключался в причинении виновному такого же вреда, который нанесен им (око за око, зуб за зуб)» [БЮС, 2001].

Сложным для адресата окажется, скорее всего, и термин «*дигест*» (лат. digesta) — «часть Свода Юстиниана. … систематическое собрание отрывков из сочинений римских классических юристов, в основном по вопросам частного права» [БЮС, 2001]: *«Адвокатский кабинет "**Дигест**"»*. Вызывает некое сомнение знание рядовым потребителем подобных тонкостей правовой сферы, соответственно, данные термины окажутся для них агнонимами и при прочих равных условиях не повлияют на выбор названного подобным способом адвокатского объединения.

Для усиления воздействующего эффекта при конструировании названий адвокатских организаций используются графические приемы, например, использование иностранных слов и транслитерация латиницей русских слов, в ряде случаев подобные элементы объединяются в одно слово, в результате создается окказиональная единица: *«Адвокатский кабинет "**Livepravo**"»*.

Также применяется прием имитации дореволюционной орфографии, в частности добавление буквы Ъ (ер) в конце слова, оканчивающегося на согласный: *«Адвокатский кабинет "**АДВОКАТЪ**"»*, *«Адвокатский кабинет "**СоветникЪ**"»*. Знаки «дореформенной кириллицы участвуют в формировании своеобразного ретро-стиля, создают у носителей языка иллюзию надёжности, несут информацию о высоком качестве отечественных услуг» [Замальдинов и др., 2023, с. 20]. Названия, созданные посредством графической игры, отличаются оригинальностью, отчасти они элитарны, так как предполагают у их потенциального адресата наличие определенного кругозора, знание иностранных языков, креативность, поэтому могут быть восприняты не всеми потенциальными клиентами.

В целом же названия адвокатских организаций специализированного типа являются одними из самых эффективных, так как позволяют четко идентифицировать тип организации, получить представление об оказываемых услугах, то есть четко ориентируют потенциального доверителя. К числу рискогенных факторов для данной группы номинаций является

CC BY

использование узко специализированной терминологии и злоупотребление элементами чуждых для потенциального адресата графических систем.

3. Антропонимические наименования (11+165). Подобный вид эргонимов является одним из наиболее традиционных для правовой сферы, фамилии партнеров в названии юридических фирм используются во всем мире. На это обращают внимание как сами адвокаты, так и специалисты в области юридического маркетинга: «Любое название будет слабее, чем использование фамилий, имеющих значительную устоявшуюся с годами ценность на рынке юруслуг. Для тех, кто уже наработал внушительный собственный нематериальный капитал, узнаваемость, репутацию, специализацию, предпочтительнее выносить фамилии в название фирмы» (директор по маркетингу и развитию КА «Ковалев, Тугуши и партнеры» Евгений Ковалев) [Забродин, 2018]. В идеале фамилии, включаемые в название организации, должны не только обладать репутационным весом, но и соответствовать лингвистическим критериям, среди которых звучная фонетика, легкая запоминаемость, читаемость, удобство транслитерации на другие языки, правильные ассоциации, что объективно не всегда выполнимо.

Антропонимический принцип является доминирующим при создании номинаций адвокатских кабинетов. Поскольку данная форма адвокатской организации представлена одним специалистом, то вполне закономерно, что его имя и фамилия выносятся в название. Единичными являются случаи, когда указываются только имя и фамилия, в подавляющем большинстве названий, соответствии с российской традицией, представлено также отчество адвоката: «*Адвокатский кабинет* ***Марины Ковалевой****», «Адвокатский кабинет* ***Туза Сергея Викторовича****»; «Адвокатский кабинет* ***Эммы Яковлевны Трегубовой****», «Адвокатский кабинет "Адвокат* ***Дугаева А. А****."».*

В названиях адвокатских бюро и коллегий, представляющих собой профессиональное объединение нескольких специалистов в области права, также активно используется антропонимический принцип. Указание только одной фамилии в названии подобных организаций предполагает наличие яркого и узнаваемого лидера, обладающего бесспорным профессиональным авторитетом и безупречной репутацией (см., например, название московской адвокатской организации — «Коллегия адвокатов "Павел Астахов"», где имя руководителя является брендом), для региональных объединений подобный прием номинации представляется не вполне удачным, так как при отсутствии узнаваемого бренда наличие команды выглядит в глазах потенциальных доверителей более предпочтительным.

В антропонимических названиях адвокатских организаций Кемеровской области используется фамилия руководителя, к которой с помощью

союза *и* добавляется лексема *партнеры*. Показательно, что в проанализированных эргонимах, в отличие от московских и иностранных организаций, не используется амперсанд «&», а также сочетание «& Со» (и компания), что свидетельствует об ориентации на отечественные традиции: «*Адвокатское бюро "**Караваев и Партнеры**"», «Адвокатское Бюро "**Шаройко и Партнеры**"», «Коллегия адвокатов "**Ворошилов и партнеры**"».*

В названии ряда адвокатских объединений фамилия употреблена во множественном числе либо перечислены фамилии двух основных представителей организации, а затем уже упоминаются партнеры: *«Коллегия адвокатов "**Насоновы и Партнеры**"», «Коллегия адвокатов "**Артымук, Шемет** и партнеры"», «Коллегия адвокатов "**Коломенков, Владимирова** и партнеры"».*

Антропонимические наименования обладают мощным прагматическим эффектом, поскольку актуализируют в сознании потенциального адресата такие темы, как «Традиция», «Надежность», «Сплоченность», «Лидерство». В задачи подобных названий входит 1) *идентификация,* поскольку потенциальный потребитель сразу понимает, кто оказывает юридические услуги в его городе и районе, имеет возможность ознакомиться с биографией специалиста, оценить его репутацию; 2) *гарантия качества*, так как есть возможность получить представление, кто является руководителем адвокатского объединения и несет ответственность за действия сотрудников, 3) *поддержание традиции*, поскольку отсылает как к традициям дореволюционной адвокатуры, так и к опыту западных стран.

Выбор в качестве основного элемента названия адвокатской организации фамилии ее руководителя является эффективным в маркетинговом отношении. Как отмечают сами адвокаты, «если в основу названия фирмы положена твоя фамилия, ты будешь максимально заботиться о репутации и качестве оказываемых услуг, поскольку при организации рабочих процессов фактически рискуешь своим именем. И клиенты тоже в определённой степени понимают это, ну или догадываются об этом» (управляющий партнёр АБ «Яблоков и партнёры» Вячеслав Яблоков) [Забродин, 2018].

4. Топонимические наименования (9+0). В названиях адвокатских организаций данного типа акцент делается на географической (в масштабах страны) привязке, что достигается за счет использования лексем *регион, региональный* либо лексем, указывающих на принадлежность адвокатской организации к Сибирскому федеральному округу, Кемеровской области – Кузбассу, например, *Сибирь / Западная Сибирь / сибирский, Кузбасс / кузбасский,* кроме того, для региональной идентификации используется автомобильный код области — *42*: «*Коллегия адвокатов "**Регионсервис**"*», «*Коллегия адвокатов "**Региональная**"*», «*Коллегия адвокатов "**Адвокаты***

CC BY

***Западно-Сибирского региона**”», «Коллегия адвокатов “**Сибирский Адвокатский Союз**”», «**Кузбасская коллегия адвокатов**», «Коллегия адвокатов “**А42**”».* Названия подобного плана основываются на концептуальной оппозиции «свое — чужое», в рамках которой «свое», «сибирское» оценивается положительно, кроме того, в большинстве эргонимов актуализируются позитивные смыслы, связанные с восприятием Сибири как места силы, и представления о сибирском характере, трудолюбии, мужестве, честности, любви к Родине и своему народу.

Топонимические номинации являются более краткими по сравнению с номенклатурными, они легче запоминаются, положительно позиционируют родной край и работающие на его территории профессиональные объединения. Наличие среди названий адвокатских организаций значительного пласта регионально маркированных наименований «свидетельствует о понимании жителями уникальности территории, позитивности ее восприятия, эмоциональной привязанности. … Совокупность этих факторов, по мнению исследователей, можно рассматривать как показатель существования «местного самосознания» и территориальной идентичности [Вепрева и др., 2023, с. 192].

Проведенный анализ позволяет отметить, что названия адвокатских объединений, образованные в рамках дескриптивной модели, достаточно традиционны (что достаточно важно для сферы правовых отношений), позволяют четко идентифицировать сферу деятельности организации, предоставляют более объективную информацию, апеллируют в большей степени к разуму потенциального доверителя, нежели к его эмоциям и чувствам.

3.2.1. Ассоциативная модель номинации адвокатских организаций

Созданные по ассоциативной модели эргонимы включают в свой состав слова-стимулы, вызывающие у потенциального потребителя необходимые создателю названия ассоциации. В качестве подобных стимулов могут выступать аксиологемы, мифологемы, метафоры, а также любые единицы, обладающие широким ассоциативным фоном.

1. ***Аксиологические наименования (5+8)***. Достаточно популярным приемом создания имени адвокатской организации является использование аксиологем, значимых для адвокатской деятельности. Под аксиолгомеми нами понимаются «те концепты (смыслы), которые воспринимаются носителями языка (точнее — лингвокультуры) как абсолютные ценности» [Кретов и др., 2016, с. 140].

К числу основных аксиологем подобного плана, безусловно, относятся аксиологемы «Защита» и «Помощь», так как именно они имеют первостепенное значение для человека, попавшего в трудную жизненную ситуацию. В название адвокатских объединений включаются лексемы *защита,*

CC BY

помощь, содействие, заступник, совет / советник: «*Коллегия адвокатов "**ЗАЩИТА**"», «Адвокатский кабинет "Гарант **защиты**"», «Коллегия адвокатов "**Защита и Содействие**"», «Коллегия адвокатов "**Правовая помощь**"», «Адвокатский кабинет "**Помощь**"», «Адвокатский кабинет "**Заступники**"», «Коллегия адвокатов "**Советник**"».*

Значимы в лингвомаркетологическом отношении также аксиологемы «Победа» и «Успех», указывающие на положительное решение сложных правовых вопросов: *«Адвокатский кабинет "**Успех**"»*. Однако подобные аксиологемы стоит использовать с осторожностью, чтобы, во-первых, не создавать у потенциального потребителя ложных иллюзий и, во-вторых, не гиперболизировать ситуацию, что может, напротив, вызывать некий скепсис у настороженного клиента, поскольку 100 % выигрыш всех дел объективно невозможен. Поэтому продуктивной является имплицитная апелляция к подобным аксиологемам, в частности, через использование мифологии (см. далее мифологические наименования).

2. *Мифологические наименования (2+2).* Еще одним традиционным приемом создания имени адвокатской организации является использование мифологем, то есть образов и сюжетов, имеющих источником мифы, преимущественно античные. Лидируют в этом отношении богиня права и законопорядка Фемида и главный бог греческого пантеона Зевс, а также их атрибуты.

Для экспликации аксиологемы «Защита» в названиях адвокатских организаций используется мифологема *эгида,* в греческой мифологии это накидка из козьей шкуры, принадлежавшая Зевсу и обладавшая волшебными защитными свойствами. Впоследствии выражение *под эгидой* стало обозначать нахождение ‘под покровительством, под защитой’. Подобные смыслы позволяют использовать мифологему *«Эгида»* в качестве названия адвокатского объединения: «*Коллегия адвокатов "**Эгида**"»*. В мифологических номинациях также используются имена богинь победы древнегреческого и римского пантеонов — Ника и Виктория (Victoria): «*Коллегия адвокатов "**НИКА**"», «Адвокатский кабинет "**VICTORIA**" Андрея Быкасова»*.

Мифологические наименования имеют имплицитный характер и апеллируют к эмоциям потенциального потребителя, аккуратно воздействуя на него и побуждая сделать выбор в пользу названной подобным образом адвокатской организации.

3. ***Метафорические наименования (2+2).*** Метафорические обозначения адвокатских организаций являются не только номинативными, но и когнитивно-образными, поскольку порождают ассоциативные смыслы у потенциальных потребителей. Номинации такого плана среди названий

CC BY

адвокатских организаций достаточно малочисленны, хотя, безусловно, привлекают внимание потенциального адресата.

В проанализированном материале для номинации адвокатских объединений используются архитектурные и зооморфные метафоры. Архитектурные метафоры основаны на использовании в переносном значении лексем *бастион* и *цитадель,* в состав которых входят семы ‘укрепление’ и ‘защита’, что и позволяет использовать названные лексемы для наименования адвокатских организаций, актуализируя прагматические смыслы защищенности и надежности: «*Коллегия адвокатов “**Бастион**”,* «*Адвокатский кабинет “**Цитадель**”».*

Зооморфные метафоры в названии адвокатских организаций связаны с представителями семейства кошачьих — барсом и гепардом, традиционно ассоциирующимися с силой и мощью, потенциальный доверитель чувствует надежность и уверенность с таким мощным представителем его интересов: «*Коллегия адвокатов “**Барс**”», «Коллегия адвокатов “**Гепард**”».*

Метафоры, как и аксиологемы и мифологемы, апеллируют к эмоциям потенциального потребителя и имплицитно воздействуют на него.

4. ***Рандомные наименования (2+0).*** В ряде случаев представители адвокатских организаций просто выбирают красивое звучное название, не имеющее прямого отношения к юриспруденции: *«Коллегия адвокатов “**Парадигма**”»,* «*Коллегия адвокатов “**Паритет**”».* Такие названия отличаются оригинальностью, их легко запомнить и произнести, отчасти это позволяет выделиться на форме безликих номерных наименований, но не создает отсылки к сфере права и не позволяет вне контекста определить сферу деятельности названной подобным образом адвокатской организации. Соответственно, подобное название, скорее всего, будет малоэффективно в маркетинговом отношении.

Названия адвокатских объединений, образованные в рамках ассоциативной модели, позволяют организации выделиться в обширном ряду однотипных номинаций, но далеко не всегда (особенно если название используется без дескриптора), позволяют идентифицировать организацию как относящуюся к сфере права. В прагматическом отношении названия адвокатских организаций, образованные по ассоциативной модели, обладают такими характеристиками, как 1) новизна, ассоциации иногда непредсказуемы, но достаточно легко «считываемы» адресатом; 2) эмоциональное воздействие, апелляция к эмоциям и чувствам, при этом создатели названий адвокатских организаций эффективно используют весь спектр эмоций, как негативных (страх, неуверенность, беззащитность), так и позитивных (надежда, защита, вера в успешное завершение дела).

CC BY

Названия адвокатских организаций, образованные в рамках ассоциативной модели, отличаются креативностью, представленная подобным образом информация более субъективна, а сами названия апеллируют в большей степени к эмоциям и чувствам потенциального доверителя, нежели к разуму.

4. Заключение = Conclusions

Названия являются важным элементом имиджа адвокатских объединений и мощным средством воздействия на потенциального доверителя. При конструировании названий адвокатских организаций используется две модели — дескриптивная и ассоциативная, противопоставленные друг другу по ряду признаков, среди которых традиционность — новизна, стандартность — креативность, объективность — субъективность, рациональность — эмоциональность.

Проанализированный материал позволил создать типологию названий адвокатских организаций, критерием послужил доминирующий в названии основной параметр номинации, являющийся «якорем» для потенциальных доверителей. Дескриптивные наименования эксплуатируют темы профессионализма, традиционности, репутации и лидерства, ассоциативные — темы помощи, защиты и победы, что имеет особую значимость для клиента, оказавшегося в трудной жизненной ситуации и нуждающегося в услугах адвоката.

В названиях адвокатских объединений Кемеровской области, являющихся преимущественно результатом «самодеятельного нейминга», обнаруживается определенная региональная специфика, в частности, это 1) существенное преобладание традиционных для правовой сферы эргонимов над креативными, 2) значительное количество топонимических номинаций, использующих тему сибирской уникальности, 3) практически полное отсутствие названий на английском языке и латыни, так как адвокатские организации области в большей степени ориентированы на массового потребителя, не обладающего широким кругозором.

Стоит отметить, что дескриптивные наименования позволяют четко идентифицировать принадлежность адвокатского объединения к сфере права, но в то же время не позволяют потенциальному потребителю выделить адвокатскую организацию на фоне подобных и оценить ее конкурентные преимущества. При этом некоторые оригинальные названия, отражающие специфику организации, являются потенциально рискогенными, они могут не прочитываться и прочитываться неточно потенциальными доверителями в силу незнания ими иностранного языка (*Livepravo*), специализированных юридических терминов (*Талион*) или античной мифологии (*Эгида*).

Соответственно, при выборе названия необходимо учитывать целевую аудиторию (солидная фирма, клиент с хорошим образованием и высоким доходом или широкие народные массы с базовым образованием и низким уровнем доходов). Наиболее эффективными в маркетинговом отношении представляются названия адвокатских организаций краткие, запоминающиеся, позволяющие четко определить принадлежность организации к сфере права и оценить предлагаемые ею услуги.

Перспективы исследования заключаются в проведении серии экспериментов по предъявлению испытуемым названий адвокатских организаций, выявлению и систематизации порождаемых ими ассоциаций, оценке уместности предлагаемых названий для правовой сферы, что в совокупности даст возможность подтвердить выдвинутые предположения о критериях эффективности названий адвокатских организаций и позволит разработать систему рекомендаций по их совершенствованию и повышению их маркетинговой продуктивности.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Забродин В.* Мировое знание, вечное право и звезда закона : названия и слоганы юрфирм [Электронный ресурс] / В. Забродин. — 2018. — 24 августа. — Режим доступа : https://www.cls.ru/rus/press-centr/publikacii/mirovoe-znanie-vechnoe-pravo-i-zvezda-zakona-nazvaniya-i-slogany-yurfirm/ (дата обращения 01.04.2025).

2. *Засухина А.* Название юридической фирмы : несколько идей [Электронный ресурс] / А. Засухина. — Режим доступа : https://jurmarketing.ru/besplatnye-idei/nazvanie-uridicheskoy-firmy-neskolko-idey.html (дата обращения 01.04.2025).

3. *Об адвокатской* деятельности и адвокатуре в Российской Федерации : Федеральный закон № 63-ФЗ от 06.04.2011 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36945/ (дата обращения 1.04.2025).

4. *Реестр* адвокатских образований Адвокатской палаты Кемеровской области (АП КО) [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://advpalatakem.ru/docs/reestr.php?id=2&year=2025&month=02 (дата обращения 23.12.2025).

Литература

1. *Алистанова Ф. Ф.* Эргоним как инструмент коммуникации «компания — потребитель» / Ф. Ф. Алистанова // Неделя науки — 2023 : сборник материалов научно-технической конференции. — Махачкала : ДГТУ, 2023. — С. 527—528.

2. БЮС — *Большой юридический словарь* / В. Н. Додонов, В. Д. Ермаков, М. А. Крылова. — Москва : ИНФРА- М, 2001. — 790 с. — ISBN 978-5-8041-0462-8.

3. *Васильева Ю. А.* Прагматический потенциал регионального эргонимикона / Ю. А. Васильева, Е. М. Маркова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2023. — № 4. — С. 170—174. — DOI: 10.52452/19931778_2023_4_170.

4. *Ваулина И. А.* Средства фоносемантического воздействия в эргонимической номинации Екатеринбурга / И. А. Ваулина // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. — 2022. — № 20. — С. 184—196.

5. *Глазкова Е. А.* Эргоним как инструмент бренд-коммуникации / Е. А. Глазкова // Брендинг как коммуникационная технология XXI века : материалы VIII Международной научно-практической конференции. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2022. — С. 127—129.

6. *Вепрева И. Т.* Ономастическое пространство Екатеринбурга : уровневая организация маркеров региональной идентичности / И. Т. Вепрева, А. В. Харитонова // Вопросы ономастики. — 2023. — Т. 20. — № 3. — С. 184—199. — DOI: 10.15826/vopr_onom.2023.20.3.037.

7. *Голомидова М. В.* Имятворчество в эргонимии : традиции vs актуальные тренды / М. В. Голомидова // Лингвистика креатива : коллект. моногр. / Под ред. Т. А. Гридиной. — Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2012. — С. 67—73.

8. *Гридина Т. А.* Языковая игра в эргономинациях : провокативность и эмоционально-коммуникативная рецепция / Т. А. Гридина // Quaestio Rossica. — 2023. — Т. 11. — № 1. — С. 243—257. — DOI: https://doi.org/10.15826/qr.2023.1.787.

9. *Гридина Т. А.* Лингвокреативный потенциал эргономинаций в аспекте их порождения и восприятия : экспериментальное исследование / Т. А. Гридина, Н. И. Коновалова // Вопросы психолингвистики. — 2022. — № 2 (52). — С. 30—45. — DOI: https://doi.org/10.30982/2077-5911-2022-52-2-30-45.

10. *Замальдинов В. Е.* Наименования юридических компаний в приволжском федеральном округе / В. Е. Замальдинов, М. С. Баринов // Русистика без границ. — 2023. — Т. 7. — № 1. — С. 19—23.

11. *Изотова Е. И.* Лингвомаркетинговые тенденции развития нейминга / Е. И. Изотова, В. В. Сизова // Вестник Тверского государственного технического университета. — Серия. Науки об обществе и гуманитарные науки. — 2018. — Выпуск 3. — С. 71—75.

12. *Иссерс О. С.* Между узнаваемостью и креативом : фрейминг как инструмент создания коммерческого имени / О. С. Иссерс // Лингвистика креатива-4 : коллективная монография / Под ред. Т. А. Гридиной. — Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2018. — С. 75—103.

13. *Иссерс О. С.* Нейминг учреждений здравоохранения в аспекте формирования медицинского бренда / О. С. Иссерс, В. А. Лоренц // Коммуникативные исследования. — 2025. — Т. 12. — № 2. — С. 406—420. — DOI: 10.24147/2413-6182.2025.12(2).406-420.

14. *Кретов А. А.* Русские аксиологемы по данным МАСА-2 / А. А. Кретов, Ю. А. Стародубцева // Политическая лингвистика. — 2016. — № 2 (56). — С. 140—154.

15. *Крыжановская В. А.* Эргонимы с элементами графической трансформации : структурно-семантический и прагматический аспекты : диссертация … кандидата филологических наук : 10.02.01 / В. А. Крыжановская. — Краснодар, 2017. — 241 с.

16. *Кривицкая А. В.* Эргонимы в лингвокультурном пространстве города (на материале питейных заведений республики Башкортостан) : диссертация … кандидата филологических наук : 10.02.01 / А. В. Кривицкая. — Екатеринбург, 2023. — 231 с.

17. *Мархеева Т. В.* Лингвомаркетинговый подход в изучении эргонимии (на материале эргонимов г. Улан-Удэ / Т. В. Мархеева // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. — 2020. — № 1. — С. 52—56.

18. *Подольская Н. В.* Словарь русской ономастической терминологии Н. В. Подольская. — Москва : Наука, 1988. — 170 с. — ISBN 5-256-00317-8.

19. *Пономарева А. М.* Креативные неймы как синтез стратегических содержательных элементов и техник имяобразования / А. М. Пономарева, О. Н. Шевцова // Знак : проблемное поле медиаобразования. — 2025. — № 1 (55). — С. 106—113. — DOI: 10.47475/2070-0695-2025-55-1-106-113.

20. *Рожкова П. А.* Модели коммерческой эргонимии в России на рубеже XIX—XX веков и в наши дни : смена традиции / П. А. Рожкова, М. Э. Рут // Вопросы ономастики. — 2020. — Т. 17. — № 2. — С. 303—311. — DOI: 10.15826/vopr_onom.2020.17.2.029.

21. *Селезнева Е. А.* Управление маркетингом в адвокатской деятельности : теоретические и практические аспекты : монография / Е. А. Селезнева. — Москва : ЮНИТИ—ДАНА, 2025. — 287 с. — ISBN 978-5-238-03827-8.

22. *Салимова Д. А.* Лингвокреативные тенденции в оформлении современного эргонимикона : на материале наименований билингвальной Казани / Д. А. Салимова // Многоязычие в образовательном пространстве. — 2023. — Т. 15. — № 2 (17). — С. 203—208. — DOI: doi.org/10.35634/2500-0748-2023-15-2-203-208.

23. *Шимкевич Н. В.* Русская коммерческая эргонимия: прагматический и лингвокуль турологический аспекты : диссертация … кандидата филологических наук : 10.02.01 / Н. В. Шимкевич. — Екатеринбург, 2002. — 179 с.

24. *Юдина Н. В.* Функции русскоязычных эргонимов и особенности креативного нейминга в профессиональном дискурсе XXI в. / Н. В. Юдина, Н. Б. Фельдман // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2020. — № 1. — С. 69—77. — DOI: 10.20916/1812-3228-2020-1-69-77.

25. *Lutfullayeva D.* Naming : The Technology of Creating a Name in the Language / D. Lutfullayeva, M. Saparniyazova // Test Engineering and Management. — United States : Mattingley Publishing Co., Inc., 2019. — P. 4184.

26. *Sjöblom P.* Commercial names / P. Sjöblom // The Oxford Handbook of Names and Naming. — Oxford : Oxford University Press, 2016. — Pp. 453—464.

Статья поступила в редакцию 20.11.2025,
одобрена после рецензирования 03.02.2026,
подготовлена к публикации 02.03.2026.

Material resources

On the Advocacy Activities and the Bar in the Russian Federation: Federal Law № 63-FZ, 06.04.2011. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36945/ (accessed 1.04.2025). (In Russ.).

Register of bar associations of the Kemerovo Region Bar Association. Available at: https://advpalatakem.ru/docs/reestr.php?id=2&year=2025&month=02 (accessed 23.12.2025). (In Russ.).

Zabrodin, V. (2018). *World knowledge, eternal law and the star of the law: names and slogans of law firms.* Available at: https://www.cls.ru/rus/press-centr/publikacii/mirovoe-znanie-vechnoe-pravo-i-zvezda-zakona-nazvaniya-i-slogany-yurfirm/ (accessed 01.04.2025). (In Russ.).

Zasukhina, A. *Name of the law firm: several ideas.* Available at: https://jurmarketing.ru/besplatnye-idei/nazvanie-uridicheskoy-firmy-neskolko-idey.html (accessed 01.04.2025). (In Russ.).

References

Alistanova, F. F. (2023). Ergonym as a communication tool "company — consumer". In: *Science Week — 2023: collection of materials of the scientific and technical conference.* Makhachkala: DSTU. 527—528. (In Russ.).

BUS — *Big legal dictionary.* (2001). Moscow: INFRA-M. 790 p. ISBN 978-5-8041-0462-8. (In Russ.).

Glazkova, E. A. (2022). Ergonym as a brand communication tool. In: *Branding as a communication technology of the XXI century: proceedings of the VIII International Scientific and Practical Conference.* Saint Petersburg: Saint Petersburg State University of Economics. 127—129. (In Russ.).

Golomidova, M. V., Gridina, T. A. (ed.). (2012). Name creation in ergonymy: traditions vs current trends. In: *Linguistics of creativity: collection. Monogr.* Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University. Univ. 67—73. (In Russ.).

Gridina, T. A. (2023). Language game in machinations: provocation and emotional-communicative reception. *Quaestio Rossica, 11 (1):* 243—257. DOI: https://doi.org/10.15826/qr.2023.1.787. (In Russ.).

Gridina, T. A., Konovalova, N. I. (2022). Linguocreative potential of ergonominations in the aspect of their generation and perception: an experimental study. *Questions of psycholinguistics, 2 (52):* 30—45. DOI: https://doi.org/10.30982/2077-5911-2022-52-2-30-45. (In Russ.).

Issers, O. S., Gridina, T. A. (ed.). (2018). Between recognition and creativity: framing as a tool for creating a commercial name. In: *Linguistics of creativity-4: a collective monograph.* Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University. Univ. 75—103. (In Russ.).

Issers, O. S., Lorenz, V. A. (2025). Naming of healthcare institutions in the aspect of forming a medical brand. *Communicative research, 12 (2):* 406—420. DOI: 10.24147/2413-6182.2025.12(2).406-420. (In Russ.).

Izotova, E. I., Sizova, V. V. (2018). Linguistic marketing trends in naming development. *Bulletin of Tver State Technical University. Series. Social sciences and humanities, 3:* 71—75. (In Russ.).

Kretov, A. A., Starodubtseva, Yu. A. (2016). Russian axiologems according to MASA-2. *Political linguistics, 2 (56):* 140—154. (In Russ.).

Krivitskaya, A. V. (2023). *Ergonyms in the linguistic and cultural space of the city (based on the drinking establishments of the Republic of Bashkortostan).* PhD Diss. Yekaterinburg. 231 p. (In Russ.).

Kryzhanovskaya, V. A. (2017). *Ergonyms with elements of graphic transformation: structural, semantic and pragmatic aspects.* PhD Diss. Krasnodar. 241 p. (In Russ.).

Lutfullayeva, D., Saparniyazova, M. (2019). Naming: The Technology of Creating a Name in the Language. In: *Test Engineering and Management.* United States: Mattingley Publishing Co., Inc. P. 4184.

Markheeva, T. V. (2020). Linguistic marketing approach in the study of ergonymy (based on the ergonyms of Ulan-Ude. *Bulletin of the Buryat State University. Language. Literature. Culture, 1:* 52—56. (In Russ.).

Podolskaya, N. V. (1988). *Dictionary of Russian onomastic terminology.* Moscow: Nauka Publ. 170 p. ISBN 5-256-00317-8. (In Russ.).

Ponomareva, A. M., Shevtsova, O. N. (2025). Creative names as a synthesis of strategic content elements and name formation techniques. *The sign: a problematic field of media education, 1 (55):* 106—113. DOI: 10.47475/2070-0695-2025-55-1-106-113. (In Russ.).

Rozhkova, P. A., Root, M. E. (2020). Models of commercial ergonymy in Russia at the turn of the XIX—XX centuries and in our days: a change of tradition. *Questions of onomastics, 17 (2):* 303—311. DOI: 10.15826/vopr_onom.2020.17.2.029. (In Russ.).

Salimova, D. A. (2023). Linguocreative trends in the design of the modern ergonymicon: based on the names of bilingual Kazan. *Multilingualism in the educational space, 15 / 2 (17):* 203—208. DOI: doi.org/10.35634/2500-0748-2023-15-2-203-208. (In Russ.).

Selezneva, E. A. (2025). *Marketing management in advocacy: theoretical and practical aspects: monograph.* Moscow: UNITY—DANA. 287 p. ISBN 978-5-238-03827-8. (In Russ.).

Shimkevich, N. V. (2002). *Russian commercial ergonymy: pragmatic and linguistic aspects.* PhD Diss. Yekaterinburg. 179 p. (In Russ.).

Sjöblom, P. (2016). Commercial names. In: *The Oxford Handbook of Names and Naming.* Oxford: Oxford University Press. 453—464.

Vasilyeva, Yu. A., Markova, E. M. (2023). Pragmatic potential of the regional ergonymicon. *Bulletin of the Nizhny Novgorod Lobachevsky University, 4:* 170—174. DOI: 10.52452/19931778_2023_4_170. (In Russ.).

Vaulina, I. A. (2022). Means of phonosemantic influence in the ergonymic nomination of Yekaterinburg. *Psycholinguistic aspects of the study of speech activity, 20:* 184—196. (In Russ.).

Vepreva, I. T., Kharitonova, A. V. (2023). Onomastic space of Yekaterinburg: a level-based organization of markers of regional identity. *Questions of onomastics, 20 (3):* 184—199. DOI: 10.15826/vopr_onom.2023.20.3.037. (In Russ.).

Yudina, N. V., Feldman, N. B. (2020). The functions of Russian-language ergonyms and the features of creative naming in the professional discourse of the 21st century. *Questions of cognitive linguistics, 1:* 69—77. DOI: 10.20916/1812-3228-2020-1-69-77. (In Russ.).

Zamaldinov, V. E., Barinov, M. C. (2023). Names of law firms in the Volga Federal District. *Russian studies without borders, 7 (1):* 19—23. (In Russ.).

The article was submitted 20.11.2025;
approved after reviewing 03.02.2026;
accepted for publication 02.03.2026.

CC BY

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(3), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Кузнецова Е. Д. Нарушение языковой нормы немецкого языка под влиянием феминистской политики современной Германии / Е. Д. Кузнецова, Н. О. Юдин // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 3. — С. 71—89. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-3-71-89.

Kuznetsova, E. D., Yudin, N. O. (2026). Violation of German Language Norms under Influence of Feminist Policy in Contemporary Germany. *Nauchnyi dialog, 15* (3): 71-89. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-3-71-89. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus Q1 · DOAJ · ERIHPLUS · eLIBRARY.RU РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Нарушение языковой нормы немецкого языка под влиянием феминистской политики современной Германии

Кузнецова Екатерина Дмитриевна
orcid.org/0009-0007-5619-5360
аспирант кафедры
немецкого языка
rio14032014@gmail.com

Юдин Никита Олегович
orcid.org/0000-0002-3579-0917
кандидат политических наук,
старший преподаватель
кафедры немецкого языка,
корреспондирующий автор
n.yudin@inno.mgimo.ru

Московский государственный институт
международных отношений
(университет)
Министерства иностранных дел
Российской Федерации
(Москва, Россия)

Violation of German Language Norms under Influence of Feminist Policy in Contemporary Germany

Ekaterina D. Kuznetsova
orcid.org/0009-0007-5619-5360
Postgraduate Student,
Department of German Language
rio14032014@gmail.com

Nikita O. Yudin
orcid.org/0000-0002-3579-0917
PhD in Political, Senior Lecturer,
Department of German Language,
corresponding author
n.yudin@inno.mgimo.ru

Moscow State Institute
of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation
(Moscow, Russia)

© Кузнецова Е. Д., Юдин Н. О., 2026

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследование посвящено анализу влияния феминистской политики современной Германии на устойчивость языковых норм в политическом дискурсе. В статье рассматривается процесс внедрения гендерных маркеров в язык, трактуемый как нарушение традиционной грамматической и орфографической нормы немецкого языка. Цель исследования заключается в выявлении лингвистических маркеров, свидетельствующих об искусственной трансформации языка под давлением новой политической повестки. В качестве материалов исследования привлекаются тексты двух программных документов, опубликованные в 2023 году министерством иностранных дел ФРГ и министерством экономического сотрудничества и развития ФРГ. В совокупности проанализировано 235 000 знаков эмпирического материала. На основе качественного и количественного анализа продемонстрировано, как концептуальное ядро феминистской политики эксплицируется через неканонические графические и морфологические средства, что ведет к нарушению языковой нормы современного немецкого языка. Авторы приходят к выводу, что наблюдаемая тенденция представляет собой форму политически мотивированного языкового вмешательства, которая формирует альтернативный узус, вступающий в противоречие с кодифицированной нормой.

Ключевые слова:
языковая норма; гендер; феминистская политика; политический дискурс; гендерная лингвистика; политкорректность.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study analyzes the impact of feminist policy in contemporary Germany on the stability of linguistic norms within political discourse. The article examines the process of integrating gender markers into the language, which is interpreted as a breach of traditional grammatical and orthographic norms in German. The research aims to identify linguistic markers that indicate artificial language transformation driven by new political agendas. The materials for this study include two policy documents published in 2023 by the Federal Foreign Office and the Federal Ministry for Economic Cooperation and Development of Germany, collectively comprising 235,000 characters of empirical data. Through qualitative and quantitative analysis, the study demonstrates how the conceptual core of feminist policy is expressed through non-canonical graphic and morphological means, leading to violations of the language norms in modern German. The authors conclude that the observed trend represents a form of politically motivated linguistic intervention, creating an alternative usage that contradicts codified norms.

Key words:
language norm; gender; feminist policy; political discourse; gender linguistics; political correctness.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(3), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 811.112.2’271.16
DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-3-71-89

Научная специальность ВАК
5.9.6. Языки народов зарубежных стран
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Нарушение языковой нормы немецкого языка под влиянием феминистской политики современной Германии

© Кузнецова Е. Д., Юдин Н. О., 2026

1. Введение = Introduction

Политическая сцена Германии в период с 2021 по 2025 годы характеризуется не только высоким представительством женщин на ключевых постах, но и внедрением новых подходов в политике, что создает уникальную исследовательскую ситуацию для анализа взаимосвязи между языком, властью и гендером.

В современной лингвистике наблюдается научный интерес к гендерным новациям в немецком языке, что находит отражение в трудах как зарубежных [Ängsal, 2020; Posch, 2024; Kotthoff, 2017], так и отечественных ученых [Чигашева, 2020; Кузнецова et al., 2025; Слинина et al., 2021; Нефедова, 2024]. Параллельно публикуются аналитические работы, исследующие политические аспекты феминистской повестки [Zilla, 2023; Fröhlich et al., 2023; Соколов et al., 2024]. В статье проблема гендера в языке рассматривается через призму конфликта между идеологическим прескриптивизмом и внутренней грамматической структурой языка, что восполняет теоретическую лакуну в изучении влияния экстралингвистических факторов на устойчивость языковой нормы. Для описания рассматриваемого феномена применяется понятие «гендерная политкорректность», используемое в отечественном академическом дискурсе [Николаева, 2010; Лалетина, 2010; Чигашева, 2020]. Анализ дискурса немецких политиков показывает, что так называемая «гендерная политкорректность» активно реализуется уже на уровне публичных выступлений, включая специфические обращения и культурно-обусловленную лексику [Чигашева и др., 2020]. В рамках настоящего исследования под *гендерной политкорректностью* понимается прескриптивная коммуникативная стратегия, направленная на изменение языкового узуса с целью устранения предполагаемой гендерной асимметрии.

CC BY

Идеологическим фундаментом в Германии для внедрения принципов гендерной политкорректности послужила доктрина феминистской политики, базирующаяся на принципе «3R»: **R**echte (права), **R**epräsentanz (представленность) и **R**essourcen (ресурсы) [Auswärtiges Amt ..., 2023], заимствованном из более ранних моделей, принятых в других странах ЕС, таких как, например, Швеция (2014). Для лингвистического анализа критическое значение имеет второй компонент триады — представленность.

Ряд представителей политического истеблишмента исходит из постулата, что полноценное участие женщин в принятии решений невозможно без их представленности, то есть эксплицитной «видимости» в языке. Эта установка вступает в системный конфликт с грамматическим строем немецкого языка, в частности, с традицией употребления мужского рода в обобщающем значении (generisches Maskulinum). Норма, исторически предполагающая использование мужского рода для обозначения смешанных групп как гендерно-нейтральный инструмент, подвергается сегодня критике и деконструкции [Günther, 2019; Maier, 2021; Braun et al., 2007]. В современном политическом дискурсе Германии под влиянием феминистской повестки происходит активная разработка замещающих конструкций. Таким образом, требование «языковой видимости» женщин становится инструментом политического давления, ведущим к трансформации профессиональной коммуникации и нарушению кодифицированных норм немецкого языка.

В связи с этим возникает следующая **гипотеза**: активное продвижение феминистской политики в Германии выступает катализатором искусственной трансформации немецкого языка, что ведет к размыванию грамматической категории рода и нарушению действующих языковых норм в официальном дискурсе. Настоящая гипотеза основывается на предположении о наличии прямой положительной корреляции между степенью артикуляции принципов феминистской политики и частотностью использования гендерно-маркированных единиц в программных документах, официально представленных женщинами-политиками рассматриваемого периода (2021—2025 годы). **Цель** исследования заключается в выявлении и систематизации лингвистических маркеров феминистской политики в официальном дискурсе Германии как индикаторов отклонения от языковой нормы.

2. Материал, методы, обзор = Materials, Methods, Review

Импульсом к лингвистическим трансформациям в немецкоязычном пространстве послужили социополитические сдвиги, связанные со второй волной феминизма в 70—80-е годы XX века. Этот период ознаменовался фундаментальной переоценкой правового статуса женщин и ростом общественного сознания в отношении языковой дискриминации. На академи-

CC BY

ческом уровне это нашло отражение в публикации работ по феминистской критике языка [Trömel-Plötz, 1979; Pusch, 1984; Hellinger, 1990]. Социальная трансформация общества сопровождалась реализацией идей феминистского изменения речевого употребления, что способствовало в том числе разработке и признанию ряда официальных документов. Знаковым событием стала ратификация бундестагом «Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин» (1979), за которой последовало принятие национальных «Директив по предотвращению сексистского употребления языка» (1990). Специально созданная рабочая группа бундестага «Язык права» занималась правовым регулированием наименований профессий и должностей по признаку пола [Антропова, 2016]. Дальнейшая легитимация была продолжена в рекомендациях немецкого отделения ЮНЕСКО «Язык для обоих полов» [Hellinger et al., 1993], а также в земельных законодательных актах, запрещающих использование существительных мужского рода в обобщающем значении (например, закон земли Северный Рейн-Вестфалия: Landesgleichstellungsgesetz NRW [Gesetz zur Gleichstellung ..., 1999]). В настоящее время продвижение концепции гендерной политкорректности в немецком языке осуществляется не только в академической среде ведущими университетами страны, но и на уровне ключевых политических институтов. По данным платформы «Geschickt Gendern», все партии, вошедшие в бундестаг 21 созыва, следовали требованиям гендерной политкорректности в своих предвыборных программах (за исключением партий «Альтернатива для Германии» и «Союз Сары Вагенкнехт») [Gendern-Wahlprogramm-Check, 2025].

В актуальных зарубежных исследованиях активно предпринимаются попытки установить взаимосвязь между политической поддержкой и нормализацией гендерной языковой практики. Так, научные работы К. Пош демонстрируют, что женщины-политики Австрии, используя гендерные языковые маркеры в официальных выступлениях или парламентских дебатах, переводят их из спорного объекта академических и общественных дискуссий в коммуникативную реальность [Posch, 2024]. В исследовании Д. Нюблинг рассматриваются изменения в официальных наименованиях должностей и профессий, в частности демонстрируется, что новации, инициированные «сверху» (например, в академических уставах или правительственных документах), потенциально ведут к сдвигам в языковой практике [Nübling, 2020]. Политический дискурс, таким образом, намеренно превращают в поле для продвижения новых гендерных практик в языке вопреки возможным нарушениям нормы.

Сторонники языковых реформ, как, например, немецкий исследователь А. Стефанович, артикулируют морально-этические императивы. В одной

CC BY

из своих работ автор подчеркивает, что использование гендерных маркеров в языке — это не вопрос грамматической или эстетической нормативности, а этический выбор и знак стремления общества к социальной справедливости [Stefanowitsch, 2018]. При этом стоит отметить, что далеко не все немецкие исследователи положительно оценивают гендерные новации в языке. Оппоненты, среди которых влиятельные лингвисты Г. Цифонун и П. Айзенберг, выступают с резкой системной критикой [Zifonun, 2018; Eisenberg, 2022]. Они указывают на риски чрезмерной идеологизации и принудительного вмешательства в языковую систему. По мнению ученых, принципы гендерной политкорректности в немецком языке представляют искаженную интерпретацию традиционных грамматических норм, в частности семантико-функциональной нагрузки существительных мужского рода в собирательном значении.

Внедрение гендерных маркеров, особенно в сфере официально-деловой коммуникации, вызвало критику со стороны немецких публицистов [Klein, 2021; Haberich, 2022; Müchler, 2023]. За последние годы был выпущен целый ряд материалов, в которых данная языковая практика обесценивается и характеризуется как «гендерная чепуха» (Gender-Gaga). Использование этого пренебрежительного клише служит цели стигматизации гендерно-ориентированных языковых изменений как явления идеологически ангажированного и лишенного научной основы [Kelle, 2020]. В контексте продолжающейся поляризации между общественно-политическим запросом и формальной сдержанностью анализ актуальных тенденций в сфере гендерной политкорректности официального дискурса Германии приобретает научную значимость.

Эмпирическим **материалом** исследования служит полный текст двух программных документов, опубликованных и представленных общественности в 2023 году министром иностранных дел Анналеной Бербок и министром экономического сотрудничества и развития Свеньей Шульце (правительство под руководством федерального канцлера О. Шольца (2021—2025 годы)): «Feministische Außenpolitik gestalten. Leitlinien des Auswärtigen Amts» (Формирование феминистской внешней политики. Руководящие принципы МИД ФРГ) и «Feministische Entwicklungspolitik. Strategie des Bundesministeriums für wirtschaftliche Zusammenarbeit und Entwicklung» (Феминистская политика развития. Стратегия министерства экономического сотрудничества и развития ФРГ). Общий объем анализируемого материала составил 235 000 знаков. Для проверки гипотез применялся комбинированный **метод** лингвистического исследования: количественный анализ (сплошная выборка, подсчет и классификация гендерно-маркированных единиц) и качественный анализ (идентификация и семантический

анализ гендерно-маркированных единиц, относящихся к концептуальному ядру феминистской политики, а также изучение их контекстуального употребления для иллюстрации идеологической функции).

3. Результаты исследования = Results and Discussion

3.1. Статистический анализ текстов

Анализ текстов программных документов позволяет подтвердить выдвинутую гипотезу о намеренной деформации языковой нормы под влиянием идей феминистской политики. Рассматриваемые документы представляют собой пример последовательной реализации концепции гендерной политкорректности с упором на феминизацию языка, ведущей, однако, к деструктивному вмешательству в морфологическую и орфографическую систему языка и нарушениям существующих норм. Лингвистический выбор в текстах представляется не столько нейтральным сопровождением феминистской повестки, сколько осознанным инструментом продвижения определенных идеологических установок. Стремление к максимальной «видимости» на практике зачастую приводит к намеренному усложнению текстов избыточными гендерными маркерами и перенасыщению языка, что может создавать излишнюю когнитивную нагрузку на читателя и негативно сказываться на стабильности языковых норм в сфере государственной коммуникации.

Эмпирическим подтверждением данной тенденции служат результаты статистического анализа программных текстов, в ходе которого был выявлен доминирующий гендерный маркер (рис.). Как показывает визуали-

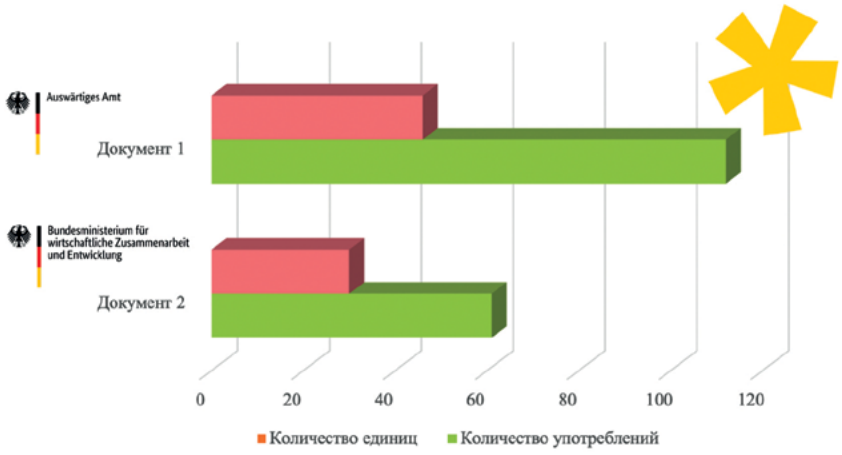

Рис. Количественная характеристика употребления гендерной звездочки

CC BY

зация данных, наиболее часто в текстах обоих программных документов используется гендерная звездочка (нем. Gendersternchen) — знак астериска, размещаемый между основой слова и гендерно-маркированным суффиксом для обеспечения языкового равенства полов. Это наиболее явная и идеологически выраженная в современном политическом дискурсе Германии форма гендерной неографии, официально принятая отдельными партиями и общественными движениями, в частности партией «Союз 90/Зелёные» [Beschluss Bündnis ..., 2015], как маркер политической идентичности.

Статистика использования гендерной звездочки, визуализированная на рисунке, раскрывает две стороны языковой практики: количественный охват и лексическое разнообразие. Документ МИД ФРГ характеризуется бóльшим числом употреблений (112) и более широким репертуаром форм (46 уникальных единиц), тогда как документ министерства экономического сотрудничества и развития — меньшими, но соизмеримыми показателями (61 употребление для 30 единиц). При этом интенсивность использования в обоих случаях сопоставима, о чем свидетельствует средняя частотность употребления в диапазоне от 2 до 2,5 повторов на единицу.

Наиболее частотными и репрезентативными примерами, извлеченными из текста, выступают лексемы: *Akteur*innen, Außenminister*innen, Partner*innen, Vertreter*innen, Staatssekretär*innen*, *Bewerber*innen, Generalist*innen, Mediator*innen, Zivilist*innen* и др. При этом в тексте активно употребляются грамматически некорректные сокращения, нарушающие нормы современного немецкого языка: *Anwält*innen, Beamt*innen, Expert*innen, Kolleg*innen*. Из-за перегласовки или выпадения отдельных частей слова наиболее «видимой» и орфографически маркированной становится феминная форма, что заведомо нарушает заявленное в принципах гендерной политкорректности равенство.

Новая практика применения гендерной звездочки в программных документах некоторых министерств прямо противоречит нормам немецкого языка. Совет по немецкому правописанию (Rat für deutsche Rechtschreibung) в своих решениях на протяжении нескольких лет последовательно отказывает включению гендерных знаков (звездочка, нижнее подчеркивание или двоеточие) в свод правил [Beschluss des Rats ..., 2023]. Эксперты Совета отмечают, что подобные орфографические гендерные новации нарушают «единство и понятность правописания». Согласно актуальной версии официального справочника по немецкой орфографии (Amtliches Regelwerk der deutschen Rechtschreibung) [Amtliches Regelwerk ..., 2024], данные символы относятся к внесистемным образованиям, затрудняющим автоматизированную обработку текстов и компьютерное чтение.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(3), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

3.2. Лингвокреативные стратегии гендерной политкорректности

Другим радикальным шагом в сторону нарушения языковой нормы, зафиксированным в анализируемых текстах, выступает применение языковых маркеров гендера по отношению к неодушевленным объектам. Так, в документе Министерства экономического сотрудничества и развития обезличенная оппозиция *Geber — Nehmer*, семантически включающая целые геополитические регионы (Глобальный Север — Глобальный Юг), заменена на гендерно-маркированные единицы *Geber*innen* и *Nehmer*innen*:

Die Beziehung zwischen ***dem Globalen Süden*** *und* ***Globalen Norden*** *ist noch immer höchst ungleich und insbesondere geprägt von einer wirtschaftlichen Ungleichheit und dadurch bedingten Abhängigkeitsverhältnissen zwischen* ***„Geber*innen“ und „Nehmer*innen“*** *(Отношения между Глобальным Югом и Глобальным Севером по-прежнему остаются далеко неравными и характеризуются экономическим неравенством и обусловленной им системой зависимостей между «донорами» и «реципиентами»)* (здесь и далее перевод наш. — *Е. К.*).

Подобное применение авторами текстов гендерных маркеров для обозначения социально-экономических категорий искусственно лишает язык способности к абстракции.

В Руководящих принципах МИД ФРГ также зафиксировано применение гендерной звездочки по отношению к сложносоставным словам, не представляющим прямую номинацию лиц (лат. nomina agentis):

Feministische Außenpolitik ist ***Chef*innensache****. Die Bundesministerin des Auswärtigen und die Leitung des Auswärtigen Amtes werden sie als solche behandeln (Феминистская внешняя политика — высший приоритет. Министр иностранных дел и руководство министерства будут исходить из этого принципа).*

Это яркий пример проявления гендерной лингвокреативности, свойственной речи женщин-политиков рассматриваемого периода, в частности Анналены Бербок. Традиционная форма лексемы *Chefsache* (дело высшего приоритета), в котором компонент *Chef-* уже утратил прямую связь с конкретным лицом мужского пола и функционировал абстрактно, была трансформирована в *Chef*innensache* с помощью гендерной звездочки и феминного суффикса, что значительно расширило референцию слова. Данный процесс можно охарактеризовать как явление гендерной де-реификации (De-Reifizierung), когда абстрактный концепт «приоритетной задачи» вновь связывается с половой принадлежностью лиц, принимающих решения.

Применение двух гендерных маркеров к одному сложносоставному слову, не являющемуся прямой номинацией персон, является грубым нарушением языковой нормы. Выход за рамки простой номинации лиц и актив-

CC BY

ное вторжение в сферу абстрактных или ситуативных понятий несут для авторов программных документов символическое значение, направленное на сознательную деконструкцию упоминаемых некоторыми немецкими исследователями андроцентричных стереотипов в языке вопреки явному нарушению действующей нормы.

Значимый языковой прецедент в политическом дискурсе создала предвыборная кампания Анналены Бербок, активно артикулирующая такие понятия, как *Kanzlerinnenamt* или *Kanzlerinnenkandidatin*, в которых феминизация распространяется на оба конституэнта сложносоставного слова, что лингвистически избыточно и ведет к гендерной асимметрии [Кузнецова и др., 2025]. Склонность к оговоркам и языковым новациям в политическом дискурсе стала визитной карточкой А. Бербок, что, как правило, негативно отражается на ее восприятии в обществе, выполняя, в терминологии О. В. Принципаловой, имидженарушающую функцию [Принципалова и др., 2020].

В то же время некоторые немецкие исследователи описывают дискриминационный потенциал словосложений с маскулинным ядром, что находит подтверждение в справочных изданиях [Steinhauer et al., 2022]. В качестве консервативного решения проблемы, не нарушающего нормы языка, зачастую предлагается стратегия гендерной нейтрализации, элиминирующая прямое указание на пол (например, ***Anfänger****kurs* — ***Einstiegs****kur*s). Тем не менее немецкий автор К. Олдердиссен в своей книге «Genderleicht» утверждает, что двойная феминизация и распространение гендерного маркера на неодушевленные объекты, референтно связанные с персоналиями и гендерными ролями (например, Kanzlerinnenamt = die Kanzlerin und ihr Amt), обладают лингвистической легитимностью. Эти стратегии, по мнению исследователя, не противоречат системным закономерностям языка, а, напротив, раскрывают его креативный потенциал для репрезентации новой социально-политической реальности [Olderdissen, 2021].

Косвенно на процесс феминизации политического дискурса Германии оказала влияние и фигура Ангелы Меркель. «Эра» ее правления длиной в 16 лет не только привлекла больше женщин в политику, но и породила лингвистический прецедент: феминитив *Bundeskanzlerin* стал «словом года» в самом начале ее карьеры на высшем политическом посту страны (2005) и прочно вошел в узус. Однако, как отмечают немецкие исследователи, в тот период общество еще не было готово к более радикальным языковым изменениям, таким как, например, лингвистическая феминизация самого института (Kanzlerinnenamt) [Olderdissen, 2021]. С позиции системно-функциональной лингвистики (например, в трактовке П. Айзенберга), закрепление формы *Bundeskanzlerin* рассматривается как естественная ре-

ализация словообразовательного потенциала (суффикс *-in*), однако попытки феминизации неодушевленных существительных, обозначающих, например, ведомства, воспринимаются консервативным крылом лингвистов как избыточное идеологическое вмешательство в грамматику [Eisenberg, 2022].

3.3. Механизмы феминизации современного немецкого языка

Наблюдаемые в настоящее время процессы гендерной трансформации немецкого языка, часто воспринимаемые как новации de novo, в действительности представляют собой намеренный «откат» к активистским словообразовательным моделям, впервые апробированным еще в 1980-х годах на волне подъема феминистских движений в Германии. Ключевыми площадками для лингвистических экспериментов того времени стали женские журналы, в первую очередь «Courage» и «Emma». Авторы стремились феминизировать абстрактные и собирательные понятия, вводя в оборот такие лексемы, как *Freundinnenschaft, Helferinnenrolle, Spezialistinnentum, Siegerinnenpose*. В лингвистических трудах подобные гендерные неологизмы были описаны как проявление радикальной «феминистской конгруэнтности» [Pusch, 1984, с. 105]. Несмотря на лингвистическую продуктивность моделей, гендерные формы слов были квалифицированы как учеными, так и рядовыми носителями языка как идеологически мотивированные окказионализмы, не соответствующие «чувству языка» (нем. Sprachgefühl).

Современная языковая ситуация демонстрирует возвращение к этим искусственным словообразовательным моделям. Ключевым отличием является смена агентов: от активистов, находящихся в оппозиции, к самим представителям власти как драйверам процесса феминизации. Коммуникативное продвижение гендерных неологизмов в индивидуальном политическом дискурсе женщин-лидеров (в частности, Анналены Бербок) переводит эти формы из периферии в центр политической дискуссии.

Анализируемые документы выходят за рамки простого требования видимости женщин и переходят к активной феминизации языка политики. Особого внимания заслуживает использование феминитива *Treiberinnen* (движущие силы) для обозначения абстрактных субъектов: *Kultur, Wissenschaft und Forschung, Bildung und Sport sowie Medien sind* ***Treiberinnen*** *gesellschaftlicher Entwicklung (Культура, наука и исследования, образование и спорт, а также средства массовой информации являются* ***движущими силами*** *общественного развития).*

Этот пример демонстрирует сознательное нарушение семантико-референциальных норм немецкого языка с целью метафорической феминизации политического дискурса. Данный прием преследует цель не столько описать реальность, сколько переформатировать ее восприятие. Ассо-

CC BY

циируя прогрессивные и динамичные концепты (наука, культура, спорт) с грамматическим женским родом, авторы документов пытаются оспорить устоявшуюся, на их взгляд, андроцентричную связь в языке «мужское = активное, агентное», что вступает, однако, в противоречие с нормами немецкого языка и лингвистическим опытом реципиентов.

Подобная сознательная смена мышления достигается через языковые средства выражения новых идей, в том числе посредством использования имплицитных обобщений по женскому роду (нем. generisches Femininum). Лингвистически эта стратегия сигнализирует о том, что цель достигается не только административно (например, введением квот, то есть законодательных мер для увеличения до 30 % доли женщин на руководящих должностях в крупных компаниях и государственных структурах), но и путем превентивного изменения языковой структуры: новое языковое поведение делает женщину-лидера нормой, а не исключением, в первую очередь лингвистически. Так, в приведенном ниже примере использование феминитива *Botschafterin* для обозначения новой позиции в структуре МИД ФРГ, кандидат на которую еще не выбран, можно считать одним из случаев практической реализации описываемой стратегии: *Mainstreaming wird eine Schlüsselrolle spielen. Dies soll in Zukunft* ***eine Botschafterin des Auswärtigen Amts*** *für feministische Außenpolitik leisten (Продвижение играет ключевую роль. В будущем этим вопросом будет заниматься посол по вопросам феминистской внешней политики).*

В приведенном примере грамматический род выполняет не дескриптивную (описание реальности), а прескриптивную (конструирование желаемой реальности) функцию. Это своего рода «лингвистический авангард», который навязывает адресату определенный образ должности как единственно верный в рамках новой повестки.

3.4. Альтернативные стратегии выражения гендера в языке

Менее ярко выражена в текстах документов стратегия парного упоминания как обращение к представителям обоих полов — одна повторяющаяся единица в двух доктринах: *Frauen und Männer*. Авторы чаще используют парные сочетания не в классической форме противопоставления полов, а в тематической феминистской интерпретации, например, *Frauen und Mädchen* (21 повторение).

Второй по частотности стратегией, применяемой в документах, выступает гендерная нейтрализация. Она достигается за счет использования гендерно неспецифичных существительных, грамматический род которых не совпадает с биологическим полом и несет обобщающее метагендерное значение (например, субстантивированные прилагательные и причастия, собирательные имена и др.): *Kulturschaffende, Entsandte, Verhandlungsfüh-*

rende, Promovierende, Nachwuchskräfte, Ansprechpersonen. Одни из самых частотных гендерно-нейтральные единиц текстов: *die Beschäftigten* (27 повторений) и *die Personen* (16 повторений).

Как отмечает Ю. Г. Тимралиева, стремление к нейтрализации также не всегда оправданно. В отдельных случаях оно приводит к семантической депривации и потере точности высказывания [Тимралиева и др., 2025]. Использование гендерно-нейтральных форм смещает акцент с профессиональной идентичности на сиюминутное действие, что может приводить к стилистической тяжеловесности текстов как «канцеляритов» (в терминологии К. И. Чуковского).

При анализе программных документов почти не было выявлено случаев использования обобщений по мужскому роду (нем. generisches Maskulinum). Напротив, тексты демонстрируют сознательное и последовательное избегание этой формы, что иллюстрирует радикальный отход от традиционного стиля немецких официальных документов. Так, согласно справочнику по нормотворческой технике (das Handbuch der Rechtsförmlichkeit des BMJ [Handbuch ..., 2024]), универсальные имена существительные мужского рода используются в собирательном значении, подразумевая лиц как мужского, так и женского пола, а также юридических лиц. Авторы текстов почти полностью избегают использования мужского рода в обобщающем значении, что является сознательным лингвистическим выбором. Исключением выступают лишь две единицы (die Gesprächspartner, die Täter), использованные как элементы цитат. Эти примеры лишь подчеркивают, насколько тотальной была гендерная правка текстов.

На основе полученных результатов можно констатировать, что наблюдаемая в программных документах современной Германии гендерная трансформация языка представляет собой процесс намеренно производимого размывания лингвистических норм. Использование внесистемных графических символов и форсированная феминизация абстрактных понятий не способствуют реальному социальному равенству, но существенно снижают качество официальной коммуникации в государственных структурах, делая ее двусмысленной и идеологически перегруженной. С позиции классического языкознания рассмотренные в статье гендерные новации являются не естественным развитием языка, а его идеологической инструментализацией, что требует критического переосмысления в академической среде.

4. Заключение = Conclusions

Проведенное исследование позволяет утверждать, что реализация феминистской политики в современной Германии выступает катализатором

искусственной трансформации немецкого языка. Анализ даже ограниченного количества программных документов подтверждает гипотезу о том, что текущие языковые процессы представляют собой форму «языковой инженерии» (Language Engineering), направленную на намеренную деконструкцию языковой нормы в угоду идеологическим установкам.

Выявленные в ходе работы лингвистические маркеры, в первую очередь, частотное использование внесистемных графических символов (гендерная звездочка), принципы феминистской конгруэнтности и феминизация абстрактных понятий свидетельствуют о системном конфликте между политическим прескриптивизмом и грамматической структурой языка. Внедрение подобных новаций, в том числе в сложносоставные слова, не являющиеся прямой номинацией лиц, ведет к размыванию грамматической категории рода и нарушению кодифицированных орфографических и морфологических норм.

Особого внимания заслуживает тот факт, что стремление к «языковой видимости» женщин на практике оборачивается снижением качества официальной коммуникации. Перенасыщение текстов избыточными гендерными маркерами создает неоправданную когнитивную нагрузку на реципиента, делая официальный дискурс двусмысленным и тяжеловесным. Лингвистический выбор в рассмотренных программных документах перестает быть нейтральным инструментом передачи информации, превращаясь в средство идеологической манипуляции.

Таким образом, наблюдаемая гендерная трансформация современного немецкого языка рассматривается не как этап его естественной эволюции, а скорее, как процесс деструктивного вмешательства в устойчивую языковую систему. С позиций классического языкознания, приоритет идеологических требований над внутренней логикой языка создает опасный прецедент подмены языкового стандарта, что требует дальнейшего критического осмысления в академической среде и оценки долгосрочных последствий для целостности языковой культуры.

Перспективным направлением дальнейших научных изысканий представляется анализ восприятия описанных в статье гендерных новаций будущими специалистами в области международных отношений. Экспериментальный ракурс исследования уже доказал свою эффективность при изучении восприятия гендерных дериваций носителями русского языка, выявив тенденцию к соблюдению норм и языковому консерватизму среди представителей молодого поколения [Игнатова, 2019]. Применение аналогичной экспериментальной парадигмы к материалу немецкого языка позволит существенно углубить понимание динамики и оценки языковых изменений в профессиональном политическом дискурсе.

CC BY

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Amtliches* Regelwerk der deutschen Rechtschreibung. — Mannheim : Leibniz-Institut für Deutsche Sprache, 2024. — 348 p.

2. *Auswärtiges Amt.* Feministische Außenpolitik gestalten. Leitlinien [Electronic resource]. — 2023. — Access mode : https://www.auswaertiges-amt.de (accessed 15.10.2025).

3. *Bundesministerium* für wirtschaftliche Zusammenarbeit und Entwicklung. Feministische Entwicklungspolitik [Electronic resource]. — 2023. — Access mode : https://www.bmz.de (accessed 15.10.2025).

4. *Beschluss* Bündnis 90/Die Grünen : Geschlechtergerechte Sprache in Anträgen an die BDK // 39. Ordentliche Bundesdelegiertenkonferenz. — Halle, 20—22.11.2015.

5. *Beschluss* des Rats für deutsche Rechtschreibung vom 14.07.2023, 26.03.2021 und 16.11.2018.

6. *Gendern-Wahlprogramm-Check* 2025 [Electronic resource] // Geschickt Gendern. — 07.02.2025. — Access mode : https://geschicktgendern.de (accessed 25.10.2025).

7. *Gesetz* zur Gleichstellung von Frauen und Männern für das Land. Nordrhein-Westfalen (Landesgleichstellungsgesetz — LGG). — 09.11.1999. — Access mode : https://recht.nrw.de/lmi/owa/br_text_anzeigen?v_id=220071121100436242 (accessed 27.10.2025).

8. *Handbuch* der Rechtsförmlichkeit des BMJ [Electronic resource]. — 4. Aufl. — 2024. — Access mode : https://www.bmj.de (accessed 27.10.2025).

9. *Landesgleichstellungsgesetz* Nordrhein-Westfalen (LGG) [Electronic resource]. — 09.11.1999. — Access mode : https://recht.nrw.de (accessed 20.10.2025).

Литература

1. *Антропова Н. А.* К вопросу гендерно-корректного употребления немецкого языка / Н. А. Антропова // Зарубежная филология. — 2016. — Т. 11. — № 3. — С. 49—55.

2. *Игнатова Е. М.* Гендерная деривация: женские варианты названий профессий глазами студентов МГИМО (экспериментальное исследование) / Е. М. Игнатова // Филологические науки в МГИМО. — 2019. — № 4 (20). — С. 40—49. — DOI: 10.24833/2410-2423-2019-4-20-40-49.

3. *Кузнецова Е. Д.* Гендерная лингвокреативность современного немецкого языка (на примере дискурса А. Бербок) / Е. Д. Кузнецова, М. А. Чигашева // Политическая лингвистика. — 2025. — № 3 (111). — С. 73—84.

4. *Лалетина А. О.* Нормы гендерной политкорректности в различных дискурсивных практиках / А. О. Лалетина // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. — 2010. — № 2. — С. 179—183.

5. *Нефедова Л. А.* Гендерно инклюзивная фразеология немецкого и русского языков : новые аспекты изучения гендера в языке и коммуникации / Л. А. Нефедова // Когнитивные исследования языка. — 2024. — № 4 (60). — С. 241—249.

6. *Николаева Н. Н.* Гендерная политкорректность в языке и истоки ее идеологии / Н. Н. Николаева // Вестник ИрГТУ. — 2007. — № 1 (29). — С. 137—138.

7. *Принципалова О. В.* Вербализация имидженарушающих интенций в немецком политическом дискурсе / О. В. Принципалова, В. М. Глушак // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2020. — № 4. — С. 92—99.

8. *Слинина Л. Я.* Гендерная справедливость как объект любительской языковой критики в немецких СМИ / Л. Я. Слинина, Д. Е. Нифонтова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. — 2021. — Т. 18. — № 4. — С. 847—862.

9. *Соколов А. П.* Концепция Zeitenwende в зеркале стратегических документов правительства Олафа Шольца / А. П. Соколов, С. Е. Проценко // Вестник МГИМО-Университета. — 2024. — Т. 17. — № 6. — С. 230—251. — DOI: 10.24833/2071-8160-2024-6-99-230-251.

10. *Тимралиева Ю. Г.* Проблемы использования гендерно нейтрального языка в Германии / Ю. Г. Тимралиева, А. Л. Ломоносова // Дискурс. — 2025. — Т. 11. — № 3. — С. 131—140. — DOI: http://doi.org/10.32603/2412-8562-2025-11-3-131-140.

11. *Чигашева М. А.* Гендерная политкорректность в немецком языке (на материале публичных выступлений политических деятелей) / М. А. Чигашева // Филологические науки в МГИМО. — 2020. — № 3 (23). — С. 72—79. — DOI: 10.24833/2410-2423-2020-3-23-72-79.

12. *Чигашева М. А.* Национально-культурная специфика политического языка лидеров блока ХДС/ХСС / М. А. Чигашева, М. А. Елизарьева, Т. С. Ларина // Полис. Политические исследования. — 2020. — № 4. — С. 152—165. — DOI 10.17976/jpps/2020.04.11.

13. *Ängsal M.* Wortkritik in der Feministischen Sprachkritik / M. Ängsal // Handbuch Sprachkritik. — Berlin : J. B. Metzler, 2020. — S. 66—72.

14. *Braun F.* Der Einfluss generisch maskuliner und alternativer Personenbezeichnungen auf die kognitive Verarbeitung von Texten / F. Braun, S. Oelkers, K. Rogalski, J. Bosak, S. Sczesny // Psychologische Rundschau. — 2007. — Vol. 58. — № 3. — S. 183—189.

15. *Eisenberg P.* Weder geschlechtergerecht noch gendersensibel. Geschlechtergerechte Sprache / P. Eisenberg // Aus Politik und Zeitgeschichte. Zeitschrift der Bundeszentrale für politische Bildung. — 2022. — № 5. — S. 30—35.

16. *Fröhlich M.* Feministische Außenpolitik — Hintergründe und Praxis [Electronic resource] / M. Fröhlich, A. Hauschildt // Aus Politik und Zeitgeschichte. — 2023. — Access mode : https://www.bpb.de (accessed 15.11.2025).

17. *Günther S.* Sprachwissenschaft und Geschlechterforschung: Übermittelt unsere Sprache ein androzentrisches Weltbild? / S. Günther // Handbuch Interdisziplinäre Geschlechterforschung : in 2 Bd. — Wiesbaden : Springer VS, 2019. — Bd. 1. — S. 571—579.

18. *Haberich M.* Gendern? Nein, danke! Wurzeln und Auswirkungen der Gender-Ideologie / M. Haberich. — Paderborn : IFB Verlag Deutsche Sprache, 2022. — 218 p.

19. *Hellinger M.* Kontrastive feministische Linguistik: Mechanismen sprachlicher Diskriminierung im Englischen und Deutschen / M. Hellinger. — Ismaning : Hueber, 1990. — 176 p. — ISBN 3190066051.

20. *Hellinger M.* Eine Sprache für beide Geschlechter : Richtlinien für einen nichtsexistischen Sprachgebrauch / M. Hellinger, C. Bierbach. — Bonn : Dt. UNESCO-Komm., 1993. — Pp. 33—39.

21. *Kelle B.* Gender-Gaga. Wie eine absurde Ideologie unseren Alltag erobern will / B. Kelle. — München : Finanzbuch Verlag, 2020. — 224 p. — ISBN 978-3960927884.

22. *Klein M.* Das Ende der Gender-Sprache : Genderismus, Sprachkrampf, Tiefenpsychologie / M. Klein. — Lengerich : Pabst Science Publishers, 2021. — 321 p.

23. *Kotthoff H.* Von Syrx, Sternchen, großem I und bedeutungsschweren Strichen / H. Kotthoff // Osnabrücker Beiträge zur Sprachtheorie. — 2017. — Nr. 90. — S. 91—117.

24. *Maier T.* Re:framing Gender. Geschlechtergerechte politische Kommunikation verstehen und umsetzen / T. Maier. — Bonn : Friedrich-Ebert-Stiftung, 2021. — 241 p.

25. *Müchler G.* Das Gender-Diktat : Wie eine Minderheit unsere Sprache / G. Müchler. — Münster : Aschendorff Verlag, 2023. — 165 p. — ISBN‍978-3402250006.

26. *Nübling D.* Genus und Geschlecht : Zum Zusammenhang von grammatischer, biologischer und sozialer Kategorisierung / D. Nübling. — Mainz ; Stuttgart : Akademie der Wissenschaften und der Literatur ; Franz Steiner, 2020. — 32 p. — ISBN 978-3515126793.

27. *Olderdissen C.* Genderleicht. Wie Sprache für alle elegant gelingt / C. Olderdissen. — Berlin : Duden-Verlag, 2021. — 224 p. — ISBN 978-3411756759.

28. *Posch C.* Feministische Sprachpolitik in Österreich — Hot Topic oder Fail? / C. Posch // Sprachenpolitik in Österreich. — Berlin ; Boston : De Gruyter, 2024. — Pp. 449—476.

29. *Pusch L. F.* Deutsch als Männersprache / L. F. Pusch. — Frankfurt a. M. : Suhrkamp, 1984. — Pp. 194—200.

30. *Stefanowitsch A.* Eine Frage der Moral : Warum wir politisch korrekte Sprache brauchen / A. Stefanowitsch. — Berlin : Duden-Verlag, 2018. — 425 p. — ISBN 978-3411743582.

31. *Steinhauer A.* Handbuch gendergerechte Sprache / A. Steinhauer, G. Diewald. — Berlin : Duden-Verlag, 2022. — 280 p. — ISBN 9783411912964.

32. *Trömel-Plötz S.* Frauensprache — Sprache der Veränderung / S. Trömel-Plötz. — Frankfurt a. M. : Fischer, 1979. — 218 p.

33. *Zifonun G.* Die demokratische Pflicht und das Sprachsystem / G. Zifonun // Sprachreport. — 2018. — Nr. 34. — S. 44—56.

34. *Zilla C.* Neuausrichtung der Außenpolitik / C. Zilla // SWP-Aktuell. — 2023. — A21. — DOI: 10.18449/2023A21.

Статья поступила в редакцию 02.12.2025,
одобрена после рецензирования 25.02.2026,
подготовлена к публикации 25.03.2026.

Material resources

Amtliches Regelwerk der deutschen Rechtschreibung. (2024). Mannheim: Leibniz-Institut für Deutsche Sprache. 348 p. (In Germ.).

Auswärtiges Amt. Feministische Außenpolitik gestalten. Leitlinien. (2023). Available at: https://www.auswaertiges-amt.de (accessed 15.10.2025). (In Germ.).

Beschluss Bündnis 90/Die Grünen: Geschlechtergerechte Sprache in Anträgen an die BDK. (2015). *Ordentliche Bundesdelegiertenkonferenz.* Halle. (In Germ.).

Beschluss des Rats für deutsche Rechtschreibung vom 14.07.2023, 26.03.2021 und 16.11.2018. (In Germ.).

Bundesministerium für wirtschaftliche Zusammenarbeit und Entwicklung. Feministische Entwicklungspolitik. (2023). Available at: https://www.bmz.de (accessed 15.10.2025). (In Germ.).

Gendern-Wahlprogramm-Check 2025. (2025). *Geschickt Gendern.* Available at: https://geschicktgendern.de (accessed 25.10.2025). (In Germ.).

Gesetz zur Gleichstellung von Frauen und Männern für das Land. Nordrhein-Westfalen (Landesgleichstellungsgesetz — LGG). (1999). 09.11. Available at: https://recht.nrw.de/lmi/owa/br_text_anzeigen?v_id=220071121100436242 (accessed 27.10.2025). (In Germ.).

Handbuch der Rechtsförmlichkeit des BMJ. (2024). Available at: https://www.bmj.de (accessed 27.10.2025). (In Germ.).

Landesgleichstellungsgesetz Nordrhein-Westfalen (LGG). (1999). Available at: https://recht.nrw.de (accessed 20.10.2025). (In Germ.).

References

Ängsal, M. (2020). Wortkritik in der Feministischen Sprachkritik. In: *Handbuch Sprachkritik.* Berlin: J. B. Metzler. 66—72. (In Germ.).

Antropova, N. A. (2016). On the issue of gender-correct use of the German language. *Foreign Philology, 11 (3):* 49—55. (In Russ.).

Braun, F., Oelkers, S., Rogalski, K., Bosak, J., Sczesny, S. (2007). Der Einfluss generisch maskuliner und alternativer Personenbezeichnungen auf die kognitive Verarbeitung von Texten. *Psychologische Rundschau, 58 (3):* 183—189. (In Germ.).

Chigasheva, M. A. (2020). Gender political correctness in the German language (based on the material of public speeches by political figures). *Philological Sciences at MGIMO, 3 (23):* 72—79. DOI: 10.24833/2410-2423-2020-3-23-72-79. (In Russ.).

Chigasheva, M. A., Elizar'eva, M. A., & Larina, T. S. (2020). The National-Cultural Profile of the Political Language of CDU/CSU Leaders. *Polis. Political Studies*, *4*: 152—165. DOI 10.17976/jpps/2020.04.11. (In Russ.).

Eisenberg, P. (2022). Weder geschlechtergerecht noch gendersensibel. Geschlechtergerechte Sprache. *Aus Politik und Zeitgeschichte. Zeitschrift der Bundeszentrale für politische Bildung, 5:* 30—35. (In Germ.).

Fröhlich, M., Hauschildt, A. (2023). Feministische Außenpolitik — Hintergründe und Praxis. *Aus Politik und Zeitgeschichte.* Available at: https://www.bpb.de (accessed 15.11.2025). (In Germ.).

Günther, S. (2019). Sprachwissenschaft und Geschlechterforschung: Übermittelt unsere Sprache ein androzentrisches Weltbild? In: *Handbuch Interdisziplinäre Geschlechterforschung: in 2 Bd., 1.* Wiesbaden: Springer VS. 571—579. (In Germ.).

Haberich, M. (2022). *Gendern? Nein, danke! Wurzeln und Auswirkungen der Gender-Ideologie.* Paderborn: IFB Verlag Deutsche Sprache. 218 p. (In Germ.).

Hellinger, M. (1990). *Kontrastive feministische Linguistik: Mechanismen sprachlicher Diskriminierung im Englischen und Deutschen.* Ismaning: Hueber. 176 p. ISBN 3190066051. (In Germ.).

Hellinger, M., Bierbach, C. (1993). *Eine Sprache für beide Geschlechter: Richtlinien für einen nicht-sexistischen Sprachgebrauch.* Bonn: Dt. UNESCO-Komm. 33—39. (In Germ.).

Ignatova, E. M. (2019). Gender derivation: female variants of profession names through the eyes of MGIMO students (experimental study). *Philological Sciences at MGIMO, 4 (20):* 40—49. DOI: 10.24833/2410-2423-2019-4-20-40-49. (In Russ.).

Kelle, B. (2020). *Gender-Gaga. Wie eine absurde Ideologie unseren Alltag erobern will.* München: Finanzbuch Verlag. 224 p. ISBN 978-3960927884. (In Germ.).

Klein, M. (2021). *Das Ende der Gender-Sprache: Genderismus, Sprachkrampf, Tiefenpsychologie.* Lengerich: Pabst Science Publishers. 321 p. (In Germ.).

Kotthoff, H. (2017). Von Syrx, Sternchen, großem I und bedeutungsschweren Strichen. *Osnabrücker Beiträge zur Sprachtheorie, 90:* 91—117. (In Germ.).

Kuznetsova, E. D., Chigasheva, M. A. (2025). Gender linguistic creativity of the modern German language (on the example of A. Berbok's discourse). *Political Linguistics, 3 (111):* 73—84. (In Russ.).

Laletina, A. O. (2010). Norms of gender political correctness in various discursive practices. *Bulletin of the N. A. Nekrasov Moscow State University, 2:* 179—183. (In Russ.).

Maier, T. (2021). *Reframing Gender. Geschlechtergerechte politische Kommunikation verstehen und umsetzen.* Bonn: Friedrich-Ebert-Stiftung. 241 p. (In Germ.).

Müchler, G. (2023). *Das Gender-Diktat: Wie eine Minderheit unsere Sprache.* Münster: Aschendorff Verlag. 165 p. ISBN 978-3402250006. (In Germ.).

Nefedova, L. A. (2024). Gender-inclusive phraseology of German and Russian languages: new aspects of studying gender in language and communication. *Cognitive language research, 4 (60):* 241—249. (In Russ.).

Nikolaeva, N. N. (2007). Gender political correctness in language and the origins of its ideology. *Bulletin of the IrGTU, 1 (29):* 137—138. (In Russ.).

Nübling, D. (2020). *Genus und Geschlecht: Zum Zusammenhang von grammatischer, biologischer und sozialer Kategorisierung.* Mainz; Stuttgart: Akademie der Wissenschaften und der Literatur; Franz Steiner. 32 p. ISBN 978-3515126793. (In Germ.).

Olderdissen, C. (2021). *Genderleicht. Wie Sprache für alle elegant gelingt.* Berlin: Duden-Verlag. 224 p. ISBN 978-3411756759. (In Germ.).

Posch, C. (2024). Feministische Sprachpolitik in Österreich — Hot Topic oder Fail? In: *Sprachenpolitik in Österreich.* Berlin; Boston: De Gruyter. 449—476. (In Germ.).

Principalova, O. V., Glushak, V. M. (2020). Verbalization of image-destroying intentions in German political discourse. *Questions of cognitive linguistics, 4:* 92—99. (In Russ.).

Pusch, L. F. (1984). *Deutsch als Männersprache.* Frankfurt a. M.: Suhrkamp. 194—200. (In Germ.).

Slinina, L. Ya., Nifontova, D. E. (2021). Gender justice as an object of amateur language criticism in the German media. *Bulletin of St. Petersburg University. Language and literature, 18 (4):* 847—862. (In Russ.).

Sokolov, A. P., Protsenko, S. E. (2024). The Zeitenwende concept in the mirror of the strategic documents of the government of Olaf Scholz. *Bulletin of MGIMO University, 17 (6):* 230—251. DOI: 10.24833/2071-8160-2024-6-99-230-251. (In Russ.).

Stefanowitsch, A. (2018). *Eine Frage der Moral: Warum wir politisch korrekte Sprache brauchen.* Berlin: Duden-Verlag. 425 p. ISBN 978-3411743582. (In Germ.).

Steinhauer, A., Diewald, G. (2022). *Handbuch gendergerechte Sprache.* Berlin: Duden-Verlag. 280 p. ISBN 9783411912964. (In Germ.).

Timralieva, Yu. G., Lomonosova, A. L. (2025). The problems of using a gender-neutral language in Germany. *Discourse, 11 (3):* 131—140. DOI: http://doi.org/10.32603/2412-8562-2025-11-3-131-140. (In Russ.).

Trömel-Plötz, S. (1979). *Frauensprache — Sprache der Veränderung.* Frankfurt a. M.: Fischer. 218 p. (In Germ.).

Zifonun, G. (2018). Die demokratische Pflicht und das Sprachsystem. *Sprachreport, 34:* 44—56. (In Germ.).

Zilla, C. (2023). Neuausrichtung der Außenpolitik. *SWP-Aktuell. A21.* DOI: 10.18449/2023A21. (In Germ.).

The article was submitted 02.12.2025;
approved after reviewing 25.02.2026;
accepted for publication 25.03.2026.

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(3), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Леонтьева Т. В. Клишированные ответные реплики в коммуникации молодежи: семантика, аксиология, прагматика и социокультурные функции / Т. В. Леонтьева // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 3. — С. 90—112. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-3-90-112.

Leontyeva, T. V. (2026). Clichéd Responses in Youth Communication: Semantics, Axiology, Pragmatics, and Sociocultural Functions. *Nauchnyi dialog, 15* (3): 90-112. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-3-90-112. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Клишированные ответные реплики в коммуникации молодежи: семантика, аксиология, прагматика и социокультурные функции

Леонтьева Татьяна Валерьевна
orcid.org/0000-0002-7213-1582
WoS ResearcherID: F-6156-2016
ScopusAuthorID: 56728772100
доктор филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой
языков массовых коммуникаций
t.v.leontieva@urfu.ru

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
за счет средств гранта
Российского научного фонда,
проект № 25-28-01168 Ценностные
смыслы в персональном нарративе
российских молодежных блогеров,
https://rscf.ru/project/25-28-01168/

Clichéd Responses in Youth Communication: Semantics, Axiology, Pragmatics, and Sociocultural Functions

Tatyana V. Leontyeva
orcid.org/0000-0002-7213-1582
WoS ResearcherID: F-6156-2016
ScopusAuthorID: 56728772100
Doctor of Philology, Associate Professor,
Head of the Department
of Mass Communication Languages
t.v.leontieva@urfu.ru

Ural Federal University
named after the first President
of Russia B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 25-28-01168
“Value Meanings
in the Personal Narrative
of Russian Youth Bloggers”,
https://rscf.ru/project/25-28-01168/

© Леонтьева Т. В., 2026

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(3), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Выполнен анализ клишированных ответных реплик в речи молодежи, рассматриваемых как пропозеомы (*Осуждаю; Понял, принял, обработал; Знаю, умею, практикую* и под.). Данные реплики предлагается считать единицей промежуточного статуса между фразеологической единицей, имеющей предикативную основу, и свободным предложением. Изучается их структурно-функциональная специфика: отсутствие образности, роль в организации диалога и др. Установлено, что данные реплики представляют собой речевые штампы (готовые речевые решения), обеспечивающие моментальное реагирование в типовых коммуникативных ситуациях, освобождая говорящего или пишущего от «когнитивных затрат» на формулирование развернутого личного высказывания. Подчеркивается, что они являются коммуникативным инструментом, заполняя типичные слоты в диалоге в роли метаязыковых маркеров различной семантической специализации. Отмечено, что такие конструкции являются маркерами культурной идентичности современного «цифрового» поколения, отражающими изменения в стиле общения и ценностных ориентациях молодых носителей языка. Показано, что проанализированные устойчивые репликиклише из речи современной молодежи маркируют ценностные фиксации носителей языка на самопрезентации через личный опыт, информационно-цифровом взаимодействии, визуальной чувствительности, ритуализованном нормативно-ценностном дистанцировании. Отмечается, что совокупность этих ценностных слотов складывается в психографический профиль молодого поколения.

Ключевые слова:
социальные сети; коммуникативные роли; интернет-мем; неология; неологизм.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This paper presents an analysis of formulaic response utterances in youth speech, conceptualized as *propozeomas* (e.g., *Osuzhdayu* [“I condemn it”], *Ponyal, prinyal, obrabotal* [“Got it, received, processed”], *Znayu, umeyu, praktikuyu* [“I know, I can, I practice”] etc.). These utterances are proposed as units of intermediate status between phraseological units with a predicative basis and free sentences. The study examines their structural and functional specificity, including the absence of imagery and their role in dialogue organization, among other features. It is established that these utterances function as speech clichés or ready-made verbal solutions, enabling instantaneous reactions in typical communicative situations and relieving speakers or writers from the cognitive effort required to formulate extended personal statements. Emphasis is placed on their role as a communicative tool that fills typical slots in dialogue, serving as metalinguistic markers with varying semantic specialization. It is noted that such constructions act as markers of cultural identity for the contemporary “digital” generation, reflecting shifts in communication styles and value orientations among young language users. The analysis demonstrates that the examined stable cliché-utterances from modern youth speech mark value fixations centered on self-presentation through personal experience, information-digital interaction, visual sensitivity, and ritualized normative-value distancing. It is further observed that the aggregate of these value slots constructs a psychographic profile of the younger generation.

Key words:
social networks; communicative roles; internet meme; neology; neologism.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(3), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 811.161.1’37+81’42:004.738.5
DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-3-90-112

Научная специальность ВАК
5.9.5. Русский язык. Языки народов России
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Клишированные ответные реплики в коммуникации молодежи: семантика, аксиология, прагматика и социокультурные функции

© Леонтьева Т. В., 2026

1. Введение = Introduction

Научные исследования показывают устойчивый интерес к новым явлениям в молодёжном лексиконе, в том числе в области фразеологического состава и паремиологии. Условно промежуточную позицию между лексико-фразеологическими единицами как корпусом языковых данных, планомерно регистрируемых учеными, и, с другой стороны, текстами, образующими различные дискурсы, занимают высказывания несвободного характера, обладающие свойством относительной устойчивости (хотя они могут иметь вариации плана выражения), то есть воспроизводимые в неизменном виде. Мы остановимся на тех из них, которые можно увидеть в качестве письменных реплик в интернет-общении, а также — и это, вероятно, вторично — в устной живой речи молодежи, и этот последний вариант как раз более интересен, поскольку показывает стилистическую и лингвопрагматическую эволюцию одного из видов структурно-семантических единств, совершающуюся в связи с трансформацией сферы коммуникации в условиях технологизации каналов общения и, как следствие, изменением ментальной и аксиологической базы носителей языка.

Речь идет о своего рода паремиологических единицах, которые можно отграничить от фразеологии по таким критериям, как предикативность, структурно-семантическая цельность и завершенность, воспроизводимость и функция ответной реплики в диалоге, например:

Понял, принял, обработал.
Знаю, умею, практикую.
Очень интересно, но ничего не понятно.
Зовите / Вызываю пояснительную бригаду
А так можно было?
Не знаем, не слышали.

CC BY

Ну такое.
Такое себе.
Есть вопросики.
Осуждаю.
Не читал, но осуждаю
Но это не точно.
Справедливо.
Теперь я видел всё.
Жизнь меня к такому не готовила.
Я никогда не буду прежней.
Мир не будет прежним.
Кто молодец? – Я молодец!
Это фиаско, братан.

Все эти конструкции, повторимся, оформлены как завершенные предложения. Этим они отличаются от фразеологизмов и фразеосхем, которые могут быть частью предложения, то есть замещают одну из синтаксических позиций в его составе, ср. фразеологические единицы:

В любой непонятной ситуации*… улыбайся / ложись спать /* (В любой непонятной ситуации меняй губернаторов! (Сергей Елкин // ЖЖ, 01.10.2017, https://ellustrator.livejournal.com/853002.html) [АА];

… ***чуть более чем полностью***. (В последующие годы состав менялся чуть более чем полностью (ЖЖ, 2024, https://baft_fellows.livejournal.com/); То, как все представлено в СМИ и телеграм-каналах – криво чуть более чем полностью (ЖЖ, 2021, https://zergulio.livejournal.com/) [АА]);

… ***от слова совсем***. (Восток устроен именно так. Доброта и всепрощение там не работают от слова «совсем» (ЖЖ, 2024, https://ilyavaliev.livejournal.com/) [АА]).

Это тоже любопытные единицы, они обладают мощным притяжением для лингвистов, привлекают внимание исследователей. Только конструкции *от слова совсем* посвящен целый ряд научных публикаций, в которых ее статус квалифицируется различно (*модальный оператор, парцеллированный интенсификатор, формальная идиома, метаязыковой оператор, сленговый аграмматизм, фразеосхема*) [Белоусов, 2016; Вознесенская и др., 2019; Зеленин, 2022; Локалина, 2022; Баякова, 2024; Локалина, 2024; Треблер, 2025].

Однако далее речь пойдет только о завершенных репликах-предложениях устойчивого лексического состава, в значении которых отсутствует образная составляющая. Часть из них по происхождению соотносительны с культурой мемов как интернет-жанра (у которого сложилась сеть субжанров), то есть являются по сути прецедентами, другие никак не соотносятся с «визуально-мемной» культурой.

CC BY

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Надо полагать, конструкции описанного типа следует рассматривать в рамках теории речевых актов и концепций, предполагающих выделение и описание дискурсивных формул, или иллокутивных единиц, или единиц с иллокутивной семантикой.

Дискурсивные слова стали предметом рассмотрения еще в 1990-х годах: «...единицы особого типа», «дискурсивные слова», «с одной стороны, обеспечивают связность текста» и, с другой стороны, «отражают процесс взаимодействия говорящего и слушающего» [Баранов и др., 1993, с. 7]. Но под ними подразумевались служебные слова.

С течением времени концепция дискурсивных конструкций получила развитие. Дискурсивные формулы, или дискурсивы, стали пониматься шире — как «языковые единицы за пределами речевого акта, а именно, специальный класс идиоматичных ответных реплик» [Рахилина и др., 2021, с. 7], отражающих «процесс взаимодействия говорящего и слушающего» [Баранов и др., 1993, с. 7].

«Под дискурсивными формулами понимаются устойчивые, легко воспроизводимые изолированные конструкции, ср.: *Еще бы! Не то слово! То-то же* и под. Они служат ответными репликами в диалоге и в отличие от традиционных конструкций не содержат переменных внутри себя» [Жукова и др., 2019, с. 142].

«Дискурсивные формулы представляют собой отдельный класс некомпозициональных (см. Fillmore 1988) единиц — это разговорные реплики, как рус. *Еще бы, Ну и ну*, англ. *Come on, No way, You bet*, слвн. *Ne bi rekel, Točno tako*, состоящие из нескольких элементов и выражающие прагматические значения: отказ, согласие выполнить просьбу, удивление, подтверждение и пр.» [Бычкова, 2020, с. 112]. Ср.: «реплика-формула» [Там же, с. 117]: «...дискурсивные формулы, как реплики диалогов, представляют другую область — языка: здесь вступают в действие обычно нерелевантные для лексики параметры — оценки, ожидания, интенции, отношения между говорящим и адресатом» [Там же, 113].

П. А. Бычкова выделяет фреймы подтверждения: очевидности (*еще бы, а как же, а ты как думал, на разумеется, ясное дело*), экспертной оценки (*так и есть, именно так, совершено верно*), осознания (*вот именно, тоже верно, и то верно, пожалуй что, твоя правда*), солидарности (*и не говори, не то слово*) [Бычкова, 2020]. Исследовательница ставит вопрос о возможности сопряжения различных лингвистических теоретических концепций: «Основной вопрос, поставленный в этой работе, звучал так: применим ли к **прагматическим единицам** опыт **лексической типологии**?» [Бычкова, 2020, с. 126].

CC BY

Осмыслению и разработке подлежал и терминологический аппарат этого направления лингвистических исследований:

— элементы готовой цитации [Блох, 2004; с. 69];

— пропозеомы [Блох, 2004; с. 69];

— иллокутивные показатели [Падучева, 2010, с. 300];

— средства выражения коммуникативного намерения [Падучева, 2010, с. 300];

— дискурсивные формулы [Жукова и др., 2019, с. 142];

— иллокутивы [Кустова и др., 2012, с. 355];

— иллокутивные фраземы [Кустова и др., 2012, с. 349];

— иллокутивные идиомы [Кустова и др., 2012, с. 349];

— иллокутивные клише [Кустова и др., 2012, с. 356];

— дискурсивы [Кустова и др., 2012, с. 363];

— дискурсивные маркеры [Иоанесян, 2022, с. 35];

— коммуникативы [Шаронов, 2018];

— прагматические единицы [Иоанесян, 2022, с. 35];

— единицы с прагматическим значением — эмфатического согласия, одобрения, отрицания и проч. [Жукова и др., 2019, с. 143].

Так, Г. И. Кустова пишет об «иллокутивных идиомах» (*Сойдёт! Зашибись. Во даёт!* и др.), отмечая: «На следующем шаге эволюции многие иллокутивы превращаются в дискурсивы — метатекстовые показатели<...>, выполняющие в составе разных речевых актов специальные функции: привлечь внимание адресата, усилить воздействие на него, придать больший вес своему высказыванию, выразить свое отношение к чему-л. и под. (под дискурсивами, или дискурсивными словами, понимают не только метатекстовые (вводные, парентетические) слова и конструкции, но также частицы и модальные слова <...> — важно, что все они служат организации текста» [Кустова и др., 2012, с. 363].

По мнению И. А. Шаронова, «коммуникатив — это самостоятельная реплика» [Шаронов, 2018, с. 66] (*Сделай одолжение! Будь добр!*); «...коммуникативы служат для выражения ответного речевого акта, а вводные могут быть использованы только для его уточнения и усиления» [Там же, с. 5]; «Свойство иметь репликовое употребление может быть временным» [Та же, с. 64].

Наконец, напомним, что Марк Яковлевич Блох, характеризуя «сегментные уровни языка», выделяет фонематический, морфематический, лексематический, фразематический, пропозематический и надпропозематический («надпредложенческий») уровни [Блох, 2004, с. 62—69]. Комментируя пропозематический уровень, он соотносит его с единицей «предложение» (= пропозема, предикативная единица, препозитивное со-

CC BY

держание этой единицы имеет два аспекта: номинативный и предикативный) и делает вскользь следующее замечание, оказывающее некоторую поддержку нашим наблюдениям: «Известно, что в языке имеется некоторое количество устойчивых предложений в виде элементов “готовой цитации”. Эти предложения, наряду с устойчивыми фраземами (фразеомами), составляют предмет фразеологии. Ср.: *Live and learn. Let us return to our muttons. You may rest assured. God bless my soul!* и т. д. Продолжая терминологическую линию, принятую в данном исследовании, можно назвать фиксированное речение типа вышеприведенных “пропозеомой”. Пропозеомы, будучи единицами предикативными, обладают яркой спецификой и требуют, как и фразеомы, выделения в особый раздел лингвистического описания» [Блох, 2004, с. 69].

Опираясь на опыт разработки данной темы в языкознании, далее в статье мы остановимся выборочно на отдельных примерах репликовых единиц, которые функционируют в речи современной молодежи.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Вербальные формулы эмпатической поддержки собеседника

Итак, чтобы разобраться в специфике и коммуникативном назначении ответных клишированных реплик, проанализируем далее ряд речевых образцов этого типа.

Вначале остановимся на выражении, восходящем к мему 2017 года: *Это фиаско, братан!* 26 сентября 2017 года интернет-пользователь Владимир Лавров на YouTube-канале Shiba Stiv разместил видеоролик о собаке, неловко упавшей в ручей с бревна. Он сопроводил видеозапись данной фразой в качестве аудиокомментария и подписи (рис. 1).

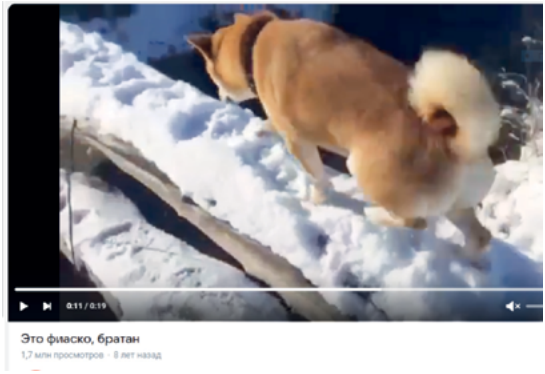

Рис. 1. Стоп-кадр из видеозаписи, ставей интернет-мемом, 2017

CC BY

С 2017 года эта фраза, подхваченная интернет-пользователями, стала популярной и начала жить своей жизнью в русской речи, в том числе в интернет-дискурсе (здесь и далее в иллюстративном материале сохранены орфография и пунктуация источников):

(1) *Ну что сказать о Пари Фесте? Это фиаско, братан* (Сабина Мельник // ВК, 25.08.2025) [АА].

(2) *С тех пор как мы были здесь в прошлый раз локация немного изменилась к лучшему: открыли мини-музей «Ржевская операция» и столовую. Музей с моей т.з. — позорный: огромный комплекс и музей размером с торговую палатку из 90-х — это фиаско, братан, это фиаско* (ЖЖ, 2025, https://sntdpni.livejournal.com/) [АА].

(3) *Остаётся час до старта и захода в зону иду собирать спиннинг и понимаю что я всем всё взял, а свой рюкзак с катушками и приманками забыл – это фиаско братан* (Саша Петровский // ВК, 15.09.2025) [АА].

В статье М. А. Шолохова, предложившего «классификацию вербальных интернет-мемов» по соотнесению вербального и визуального кодов, выделяется пять видов мемов, из которых первый — «чисто вербальный мем», второй — «коннотативное наименование видео-мема», и к нему автор статьи относит мем «Это фиаско братан», подчеркивая: «Выражение же стало самостоятельным вербальным мемом, олицетворяющим неудачу, невезение» [Шолохов, 2019, с. 174—175]. Неясно, что автор статьи подразумевал под коннотативностью в данном случае, но очевидно, что вербальная часть мема отделилась от визуальной части, стала способной соединяться с любыми другими изображениями и видео, а также функционировать без иконической поддержки.

Важно, что выражение характеризуется «диалоговой прототипичностью», так как содержит обращение (*братан!*).

Эта фраза свободно встраивается как самостоятельное предложение или часть высказывания в монологический текст в роли оценочного квалификатора, являясь полным аналогом клишированного восклицания *Это провал!*

В монологе это вербальное средство конструирует условный «диалог пишущего с самим собой» (*Я сделал* [что-либо]. *Это фиаско, братан*!) либо реализует риторический прием — восклицание, моделирующее констатирующий смысл (‘это плохое решение, неудача, промах’) с введением своего рода «чучела собеседника» для экспрессивизации речи.

Потенциально заложенная в этом прецеденте диалогичность обусловила возможность его использования в письменном и устном диалоге (ср. включение анализируемой реплики в диалог из телесериала «Улица» (https://www.vokrug.tv/video/show/1f5f0e93a8c61a61f7940660087d0723_

CC BY

ulitsa_eto_fiasko_bratan/) [AA]), в котором у говорящего есть реальный собеседник, рассказывающий историю о своем негативном опыте / результате в чем-либо и ожидающий по логике развития разговора признания собственной меры страдания, а также сопереживания. С позиций лингвопрагматики основная функция этой конструкции в составе реального диалога, вероятно, заключается не столько в оценочной маркировке, которая и так контекстно очевидна для всех собеседников, ведь говорящий уже дал оценку ситуации либо своим или чужим действиям как провальным, сколько в подтверждении, легитимации оценки в поддержку эмоционального тона самого сообщения — требующего сочувствия либо иронического. В сущности, следует признать за анализируемой фразой функцию речевой поддержки собеседника.

3.2. Метакоммуникативные вербальные формулы со значением согласия, или подтверждения информационной успешности речевого взаимодействия

Устойчивый конструкт *Понял, принял, обработал* не соотносится с культурой интернет-мемов. Для него роль диалоговой ответной реплики является не потенциальной, а профилирующей. Высказывание имеет трехчастную структуру с перечислением по типу приема градации. Нельзя не заметить, что подобные структуры имеют популярность в качестве средства воздействия (например, в рекламных текстах или в жаргонизированной речи с характерной для них высокой степенью экспрессии):

Стильно, модно, молодежно.

От души душевно в душу.

Знаю, умею, практикую.

Большую поддержку экспрессивной тональности оказывает яркий интонационный рисунок, ритмизованный характер высказывания — с хореическим размером (двусложным, с ударением на нечетных слогах).

Если придирчивым взглядом присмотреться к порядку следования глаголов в анализируемой конструкции и если воспринимать ее как фреймовую структуру (то есть предполагать в соотносительной реальности ситуативную сцепку между обозначаемыми действиями), то окажется, что при таком порядке слов в некотором смысле нарушена житейская логика. Если *принял* употреблено в значении осуществления контакта как первой точки для передачи информации, то этот компонент должен стоять первым, а далее логично было бы ожидать последовательность: *обработал* > *понял*. Если же под *принял* подразумевается рефлекс идиомы *принять к действию*, то логически точнее было бы разместить его последним в ряду. Но понятно, что варианты *Принял, обработал, понял* и *Обработал, понял, принял* не годятся на роль популярной, быстро воспроизводимой формулы.

CC BY

Застывший порядок слов в этой идиоматической структуре обусловлен, по всей вероятности, тем, что она развилась по модели избыточного разворачивания одиночного самодостаточного предиката «Понял», занимающего прочные позиции в качестве ответной реплики в диалогах. Показателен в этом смысле разговор, воспроизведенный интернет-пользователем на ресурсе «Ответы мейл.ру», с последующим вопросом как раз о значении услышанного выражения:

(4) *С мальчиком переписывались, диалог:*
Он: дома дела ещё
Я: поняла
Он: обработала
Я спросила в смысле, чего???
Он: ну у нас так говорят понял принял обработал (luch_solntsa_143 // https://otvet.mail.ru/question/215063272).

За счет повтора смысла, посредством нанизывания сходных номинаций, описывающих актуальный для коммуникации процесс действий адресата, получателя информации, однословный предикат разросся до речевого оборота.

По-видимому, это регулярная динамическая модель продуцирования выражений, когда исходной точкой является односложный ответ, а далее этот единственный и вполне смыслово достаточный элемент в режиме языковой игры дополняется другим, привносящим экспрессию, например: *Знаю > Знаю, мама писала; Я в курсе > Я в курсе, мать писала*.

Выбор носителем языка присоединяемых компонентов не случаен, предопределен речевой культурой, современной периоду появления клишированного высказывания. И если для *Я в курсе, мать писала* донором наверняка стала армейская либо уголовная среда, то для популярного у сегодняшней молодежи *Понял, принял, обработал* источником выступила информационно-технологическая культура. Во-первых, в диалогах делового характера приобрел широкое распространение вариант *Принято* наряду с прочими статусами порученных заданий *Взял в работу, Получено, Делаю, Работаем над вопросом*, широко используемыми в переписке: мессенджерах и электронных письмах — для профилактики недопонимания и срыва коллективного рабочего процесса с этапным распределением задач. Во-вторых, в актуальном поле лингвокультуры технологизированного общества находится фрейм обмена информацией (в том числе через посредство программного обеспечения), один из семантических слотов которого соотносителен с этапом интерпретации каких-либо сведений. В языке это находит отражение в терминологической сочетаемости слов: *анализ больших данных, валидизация данных, фильтрация данных, нормализация*

данных, стандартизация данных, интеллектуальный анализ данных, обработка данных, обработка персональных данных и под., — а ввиду проницаемости культурных стратов, выступающих «резервуарами» для языковых единиц, специальная лексика проникает как минимум в пассивный запас носителей языка. Таким образом, вовлекаясь в языковую игру, носитель языка опирается на свои знания и те когнитивные структуры, которые сформировались у него под давлением среды, в данном случае — процессов организации обмена информацией в цифровом обществе.

Этот речевой конструкт — продукт своей эпохи. И носители языка даже проявляют приверженность, своеобразную симпатию к этому выражению: по запросу Телеграм выдает аккаунты пользователей, которые избрали его своим ником (сетевым именем):

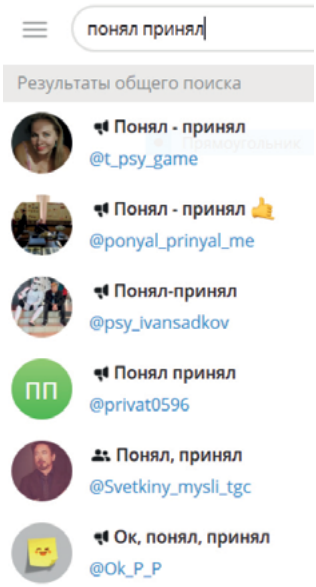

Рис. 2. Результаты запроса в Телеграм:
аккаунты пользователей с сетевым ником «Понял, принял», 2025 год

Прагматика анализируемого выражения, по нашим наблюдениям, заключается в речевой поддержке гармоничной, неконфликтной коммуникации через прямо выраженную согласительную позицию, которая эксплицитно подчеркивается последним элементом в вариации *Понял, принял, осознал*.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(3), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

3.3. Вербальные формулы самопрезентации через личный опыт

Если конструкция *Понял, принял, обработал* выполняет функцию подтверждения установления контакта и успешности передачи информации, выступает речевой поддержкой диалога, то другой структурно похожий на нее конструкт, тоже трехчастный, тоже с фокусированной семантикой подтверждения (хотя объективированной по другому поводу), используется в качестве самохарактеристики со значением признания своих качеств с несколько акцентированной экспрессией: *Знаю, умею, практикую* (вариант: *Могу, умею, практикую*).

В данном выражении диалогичность присутствует в связи с тем, что это рефлексив. Оно занимает второй модуль при вербальной (иногда — опосредованно акциональной) актуализации модели «событие (из моей жизни) — реакция (саморефлексия)», фиксирует личностную практику самооценки в условном или реальном диалоге. Соответствующий сегмент текста (в частности, диалога) включает две последовательных транзакции: «сообщение о микрособытии или действии» – «сообщение о частотности подобных событий в своей жизни, что определенным образом характеризует субъекта».

Это может быть монологический текст, диалог с самим собой или беседа, а также разговор между несколькими коммуникантами.

(5) [Человек, идущий по коридору, врезается в угол при повороте].

— *Что-то ты, сын, себя не бережешь.*

— ***Могу, умею, практикую***.

(6) *Я честно-пречестно пыталась выполнить рекомендации своего врача и вести дневник, но АД работают лучше. Не знаю, в какой момент я свернула не туда (да ладно,* ***знаю, умею, практикую*** *и регулярно сворачиваю), но пилюля счастья работает лучше, чем поведенческая терапия* (ЖЖ, 2024, https://catarina_rina.livejournal.com/).

(7) *И из всех этих способов надо было даже не выбрать — а скомпилировать свой собственный, подходящий моему, конкретному ребенку. И как только какая-то проблема решалась <…> я мысленно ставила себе пятерку –* ***знаю, умею, практикую****, справилась! Это потому что я хорошая мать* (ЖЖ, 2018, https://flash_and_ice.livejournal.com/)

Как мы можем наблюдать, оценочный регистр этого конструкта амбивалентен. В одних случаях высказыванию предшествует сообщение о положительном опыте, а интересующая нас фраза усиливает через обобщение и генерализацию позитивного смысла положительную самохарактеристику — похвалу, признание своей ценности. В других случаях предшествующий нарратив содержит сообщение о досадной неудаче, промахе, а фраза *Знаю, умею, практикую* реализует задачу минимизации психологического дискомфорта через юмор, становится оператором самоуспокоения.

CC BY

Тот и другой вариант служат речевым средством адаптации к различным контекстам: говорящий помещает себя на один из полюсов шкалы «неудачливый» — «успешный», всерьез или в шутку презентуя свою психологическую идентичность.

(8) *Про дистанционное образование могу не одну статью написать. И писал, даже публикации кое-где есть… короче* ***знаю, умею, практикую*** (ЖЖ, 13.01.2015, https://otrip.livejournal.com/).

(9) *Прийти на Старкон с севшим аккумулятором у фотоаппарата -* ***знаю***, ***умею***, ***практикую****!* (Костюмированная вечеринка // ЖЖ, 2016, https://asio.livejournal.com/).

Отметим, что в речи возможна ротация состава этого фразеологизированного выражения (*умею* выносится в сильную первую позицию; или *могу* замещает начальное *знаю*) или его усечение (за счет элиминации компонента *знаю*).

(10) *Мыть ножницы и глубоко парезать палец.* ***Умею***, ***знаю***, ***практикую****!* (ЖЖ, 2014, https://femilia.livejournal.com/).

(11) *Нормально я вчера съездила за покупками <…> Купила сланцы и один потеряла по дороге, купила купальник (в итоге положили два верха без трусов). Офигенный шопинг!* ***Умею, практикую!*** (Л. Кудрявцева, 2019 // https://m.5-tv.ru/news/252677/kak-lera-kudravceva-shodila-zapokupkami-foto/).

Итак, проанализированный конструкт является форматом утверждения собственного опыта. Говорящий использует этот оборот в ситуациях самоиронии или самопрезентации, подчёркивая свою компетентность либо привычность какого-либо поведения (чаще неловких действий).

По аналогии с *Понял, принял, обработал, Я в курсе, мать писала* исследуемый оборот по крайней мере в двух вариациях, когда началом является слово *Умею* или *Могу*, позволяет увидеть силу первого компонента как семантического инициатора, подтягивающего последующие избыточные компоненты для интенсификации смысла: в речи часто и давно используются пропозиции со значением признания неудач типа *Ну, это я могу* или *Это мы умеем*.

3.4. Этикетные формулы с акцентированной визуально-тактильной чувствительностью

Типовыми для диалогов являются, конечно, формулы вежливости. В жаргонизированной речи молодежи они тоже присутствуют, приобретая игровой характер, а вместе с ним и дополнительные функции: собственно вежливость редуцируется, уступая место демонстративной самопрезентации. Так, в роли этикетной формулы прощания используется 4-компонентная предикативная конструкция, описывающая в режиме разворачивания

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(3), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

фрейма реальную ситуацию прощания: *Обнял, приподнял, покружил, поставил на место.*

Она фигурирует в соцсетях как письменная формула прощания и интересна тем, что является вербальной моделью невербальных действий, то есть представляет собой одно из многочисленных средств объективации такого конститутивного свойства современной коммуникации, как «чувствительность», «новая искренность», наряду со смайликами, с жестами выражения чувств типа «сердечко», с лавинообразными публикациями гипертрофированно эмоционального видеоконтента блогеров, практикующих «проговаривание чувств», с видеофиксацией первой реакции на прослушивание песни, с лексическими маркерами типа *мурашки, мимими* и мемами с котиками, с популярностью стриминговых платформ, предоставляющих пользователям возможность пассивного наблюдения за игрой геймеров, которые, как правило, не экономят на экспрессивности собственных комментариев, увлекая зрителей демонстрацией, что называется, «естественных чувств».

3.5. Ритуализированные формулы эмблематического нормативно-ценностного дистанцирования

Именно в коммуникации пользователей на стриминговой платформе (если верить свидетельствам, которые обнаруживаются в сети Интернет) зародилась следующая фраза, участвующая сегодня в трансформации общественных практик осуждения: *Осуждаю*. В письменной коммуникации она фигурирует в ином графическом оформлении — *Асуждаю*, имитирующем один из сленговых вариантов русского языка в начала 2000-х годов (язык падонкафф, олбанский йезыг), основанный на умышленном искажении слова в нарушение орфографических норм (этому языковому феномену посвящено множество публикаций; см., например, [Кронгауз, 2013]). Акцентированно экспрессивный вариант, в структурном плане избыточно развернутый в игровом режиме, включает глагол *поддерживать*, антонимичный опорному глаголу *осуждать*, с двойным усиленным отрицанием: *ОСУЖДАЮ НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ НЕ ПОДДЕРЖИВАЮ*. Кроме того, в интернет-диалогах большую популярность имеет иронический трансформ: *Не читал, но осуждаю.*

Поясним, что Twitch — платформа для прямых трансляций, популярная среди любителей видеоигр. Пользователи могут наблюдать за тем, как играет геймер, в прямом эфире или в записи, общаясь с другими участниками трансляции. Согласно правилам сообщества «Твич», если стример или участники общения допускают нарушение правил поведения во время «стрима», аккаунт игрока, на котором ведется трансляция, блокируется на некоторое время вплоть до удаления запрещенного контента. Так,

CC BY

в условиях пользования платформой заявляется: «Независимо от ваших намерений, вы не имеете права: пропагандировать, прославлять насилие или смерть; <...> использовать оскорбительные высказывания, разжигающие ненависть; <...> выражать презрение или отвращение; <...> продвигать расстройства пищевого поведения; <...>распространять графические сведения о предсмертных записках или попытках самоубийства» и т. д.; «Насилие на Twitch воспринимается серьёзно и считается нарушением нулевой терпимости» [Twitch]. (Для справки: *Нулевая терпимость*, или *нулевая толерантность* — это политика абсолютного неприятия любых нарушений установленных норм и правил, предусматривающая диспропорционально жёсткие меры наказания за малейшие отклонения от требований и стандартов поведения).

Стремясь избежать блокировки аккаунта, их владельцы (стримеры), заметив допущенное кем-либо из зрителей стрима нарушение, якобы выкрикивают или пишут в чате слово «Осуждаю», полагая, что это принимается в расчет модераторами и вместе с мерой удаления данного фрагмента видеозаписи позволяет стримеру остаться ненаказанным.

На самом деле поверхностное знакомство с контентом платформы не позволяет нам заключить, что система установленных в сообществе правил допустимого поведения исправно функционирует, но, например, интервью с одним из стримеров содержит элементы метарефлексии относительно использования фразы «Осуждаю»: *[Вопрос: насколько ты устаешь от слова «осуждаю»?] Оно меня [достало] уже, это слово! Но я же должен среагировать на нарушение правил, на Twitch же важна сама* ***реакция****. Слово «осуждаю» тебе ничего не дает как таковое, но тебя банят из-за* ***реакции****. То, что ты* ***отреагировал*** *негативно на запретку, спасает. Я сейчас, может, какую-то тайну раскрою, но на Twitch тебя забанят за запретку, если у тебя отсутствует* ***реакция*** (Олег stray228 Бочаров // ВК, https://vk.com/wall-52079251_1221149) [AA].

Как бы то ни было, хотелось бы обратить внимание на ключевое слово приведенного отрывка — *реакция*, на количество его употреблений в одном абзаце. Симптоматичен выбор слова интервьюируемым, как и оценка высокой значимости соответствующего объекта и понятия для организации коммуникации. За этим просматривается не индивидуальное восприятие говорящего и даже не групповое мировоззрение стримеров, а целая культура, сформировавшаяся в эпоху новых технологий в соцсетях. Нельзя упустить из внимания, что современные алгоритмы социальных платформ определяют популярность контента именно исходя из числа откликов аудитории, включающих лайки, дизлайки, комментарии и репосты [Черный и др., 2021, с. 18]. Сложился новый стандарт успешности публичного деятеля, показа-

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(3), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

тель вовлеченности аудитории стал важнейшей метрикой эффективности онлайн-коммуникаций, реакция приобретает значение валюты, капитализируется в связи с действием рекомендательных алгоритмов, влияющих на распределение трафика: чем больше положительных отзывов получает пост, тем выше шансы на распространение среди широкой аудитории.

Сегодняшняя реальность диктует необходимость учета реакций практически во всех областях человеческой деятельности: от индивидуальных авторов и блогеров, стремящихся привлечь аудиторию и повысить свою репутацию, до крупных брендов, заинтересованных в укреплении лояльности потребителей, и органов власти, которым важно своевременно реагировать на общественные настроения и эффективно управлять кризисными ситуациями. Учет мнений и реакций становится универсальным механизмом управления взаимоотношениями с аудиторией, определяющим успех как частных лиц, так и корпораций и государственных институтов. Ср.: «В условиях цифровизации публичной сферы “прямое политическое обращение” перестаёт быть однонаправленным речевым актом (телевизионное или парламентское обращение) и превращается в постоянный, платформенно опосредованный цикл “адресация → обратная связь → доработка повестки”. На уровне теории публичной сферы это соответствует сдвигу от классической делиберативной модели к “кумулятивной делиберации”, где мнения складываются через множество микро-действий пользователей (лайки, комментарии, репосты), а не через единый рациональный диалог. Этот сдвиг объясняет рост доли “фрагментарных” реакций граждан на обращения власти онлайн и потребность в институтах, которые умеют собирать и агрегировать рассеянную реакцию аудитории» [Акопян, 2025, с. 53].

Добавим, что реакции самым серьезным образом вовлечены в современные протоколы коммуникации. Значение измерений реагирования заключается в обеспечении разворачивания коммуникации, ее организации, так как учет реакций «стимулирует адаптацию контента» [Базлуцкая и др., 2024, с. 52].

Всё сказанное не может не найти отражения в языковых данных. Появление жаргонных единиц, а также специализированных терминов свидетельствует о закреплении реакции как центрального элемента современной культуры коммуникаций: *реакции* ‘метрика в социальных сетях, измеряющая количество лайков, комментариев, репостов’, *вовлеченность* ‘метрика в социальных сетях, оцениваемая суммой всех доступных пользователям реакций на контент автора (лайков, комментариев и репостов)’, *обратная связь, лайк, дизлайк, смайлик, фидбек* (ср. даже предложение ввести термин *индекс фидбека аудитории* [Волкова и др., 2024]), *экономика реакции* [Davies, 2023] и т. д.

CC BY

В контексте темы важной представляется чрезмерная прямота формулировки. В естественной коммуникации человеку не пришло бы в голову выбрать такое средство выражения отрицательной оценки, как личная форма перформатива (речевого факта, одновременно являющегося собственно действием) в 1 лице, ед. числе, так как это своего рода этикетное и этическое нарушение, разновидность речевой агрессии (вспомним, что точно так же неузуальна форма 1 лица ед. числа от глагола *клеймить*, хоть она и фиксируется словарями, — **клеймлю*, но Национальный корпус русского языка дает лишь 10 примеров его употребления (во всех подкорпусах совокупно): *У Бори на душе грех — он выступал за исключение Б.Л. из ССП. Он этим мучается, а я клеймлю тех, кто так поступал, не называя имени* (А. К. Гладков. Дневник, 1971) [НКРЯ], *Другим я прощаю огрехи — никогда не клеймлю, не делаю замечаний, если только сами не спросят* (Леонид Броневой: играл в домино, чтобы прокормиться // Аргументы и факты, 2003.12.16 [НКРЯ] и др.). Заметим, что всё это монологические нарративы, иногда они содержат отрицание, а оно существенно меняет тональность высказывания, смягчает ее, так как позиционирует, наоборот, терпимость, даже личную программу отказа от осуждения как разновидности жестоких практик.

Однословный предикативный конструкт *Осуждаю* следует рассматривать в контексте общественых практик осуждения, с учетом современной ситуации его функционирования в дискурсе социальных сетей – публичного осуждения. По замечанию А. Юнусова, «вменение моральной ответственности — практика, в которой каждый из нас в своей жизни неизбежно участвует с обеих сторон» [Юнусов, 2025, с. 157]. Таким образом, фраза «Осуждаю» представляет собой формулировку выбора этической позиции, неэтичную по степени жесткости формы выражения. Это инструмент публичной презентации социальной идентичности — принадлежности к группе, занимающей ведущие позици и обладающей властью подавлять условно маргинальные единицы (ср. современное *отмена культуры* или *отмена /отменить [какого либо человека]*).

4. Заключение = Conclusions

Итак, мы представили некоторые наблюдения над функциональными характеристиками ряда выражений, распространённых в речи современной молодежи, в повседневном взаимодействии.

Каждое из них является предикативной единицей, представляет собой цельное предложение и одновременно устойчивую формулу, не имеющую образности и обладающую воспроизводимостью в неизменном виде.

Эти выражения чаще всего функционируют как в устной, так и в письменной речи. При этом надо полагать, что первичной средой для них была

CC BY

как раз письменная форма коммуникации: большинство из них сформировались, вероятнее всего, в интернет-общении, во взаимодействии пользователей социальных сетей.

Лаконичность этих высказываний обусловлена спецификой современной письменной интернет-речи: следуя принципу экономии усилий, носитель языка стремится писать кратко.

Они функционируют в виде языкового субстрата, который ощущается как чуждый искусственный элемент на фоне прочих высказываний, образующих естественно разворачивающийся нарратив.

Чаще всего их можно встретить в составе диалога, они представляют собой ответные реплики-акценты в разговоре, застывший частотный ответ в определенных дискурсивных обстоятельствах.

Они являются коммуникативным инструментом, заполняя некоторые типичные слоты в диалоге в роли речевых поддержек или метаязыковых маркеров иной семантической специализации. Иногда это способ заполнить такую позицию, которая по сути предполагает ожидаемую реакцию.

Такие единицы представляют собой типовую модель реагирования на частотный стимул (вопрос, утверждение, сообщение) в рамках стандартной диалоговой ситуации, обеспечивают быстрое реагирование, соответствующее моменту, освобождая говорящего или пишущего от «когнитивных затрат» на формулирование развернутого личного высказывания.

Это готовые формулы, готовые речевые решения — «костыли коммуникаци». Причем решения, а не шаблоны для заполнения.

Часть из них имеют оценочный характер. Как ни странно, они выполняют функцию снижения напряженности диалога за счет нивелированной индивидуальности в оценочном реагировании.

Верификационной процедурой, выявляющей назначение анализируемого типа вербальных конструктов, может служить поиск ответа на вопрос: если бы «готовой клишированной реплики» не было, то как пришлось бы выразить этот смысл? Вероятно, говорящему (или пишущему) следовало бы составить развернутое высказывание, притом в большинстве случаев — оценочного типа. Подбор стилистического регистра и мера вежливости в выражении мысли, а значит, и коммуникативный эффект зависели бы от говорящего — от выбора им словесного материала, в то время как уже имеющиеся в памяти говорящего (пишущего) конструкты предоставляют возможность не решать столь сложные коммуникативные задачи.

Подчеркнем, что клишированные репликовые формулы не предназначены для дескрипции реалий, не выражают эксплицированно мнение или сентенцию, то есть не описывают сущностную часть картины мира, как пословицы и поговорки, устанавливающие какие-либо этические импера-

CC BY

тивы или фиксирующие типичные характеристики людей и закономерностей организации жизни и быта.

При этом содержательно и по своему происхождению они, несомненно, основываются на опыте общения носителей языка в цифровой среде, привносят экспрессию в диалог и являются результатом адаптации коммуникативных процессов к лингвокультуре эпохи.

Такие конструкции являются знаками своего времени, появившись в ней и сразу став употребительными, то есть проявив аномальную активность в речевой практике человеческого сообщества. Это своеобразные маркеры стиля общения и культурного сознания молодого поколения носителей русского языка начала XXI века. В перспективе дальнейшего развития языка и смены поколений они, вероятно, вряд ли сохранят свои позиции. Неслучайно Е. Р. Иоанесян, описывая формулы согласия и подтверждения, несогласия и отрицания, удивления, подчеркивает их лингвоспецифичность: «Важность и актуальность изучения дискурсивных формул обусловлена большой ролью дискурсивов в процессах устной коммуникации, а также тем, что в значительной степени они являются лингвоспецифичными» [Иоанесян, 2022, с. 26]. Добавим, что формулы этого типа чувствительны к изменениям коммуникативных практик, поэтому в пределах одной лингвокультуры они волнообразно сменяют друг друга, так как принадлежат к живой разговорной речи, в которой доминирует диалоговый формат, и представляют собой поколенчески специфичные языковые средства, поэтому фиксируют ментальные, в том числе аксиологические реалии той или иной эпохи. Так, проанализированные в статье устойчивые реплики-клише из речи современной молодежи маркируют, как было показано, ценностные фиксации носителей языка на самопрезентации через личный опыт, информационно-цифровом взаимодействии, визуальной чувствительности, ритуализованном нормативно-ценностном дистанцировании. Можно заметить, что совокупность этих ценностных слотов складывается в своего рода психографический профиль молодого поколения.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. АА — *Архив* авторов.

2. НКРЯ — *Национальный* корпус русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.ruscorpora.ru (дата обращения: 12.11.2025).

3. *Twitch:* Community Guidelines [Electronic resource]. — Access mode : https://safety.twitch.tv/s/article/Community-Guidelines?language=en_US (accessed 12.11.2025).

CC BY

Литература

Акопян Д. В. Трансформация института прямого политического обращения в условиях цифровизации публичной сферы / Д. В. Акопян // Закон и власть. — 2025. — № 9. — С. 52—56.

Базлуцкая М. М. Вовлеченность аудитории как показатель эффективности цифровой дипломатии / М. М. Базлуцкая, А. Н. Сытник, Н. А. Цветкова // Вестник МГИМО-Университета. — 2024. — Т. 17, № 4. — С. 48—82. — DOI 10.24833/2071-8160-2024-4-97-48-82.

Баранов А. Н. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка / А. Н. Баранов, В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина. — Москва : Помовский и партнеры, 1993. — 207 с.

Баякова Д. О выражении усилительной семантики в конструкции «от слова совсем» / Д. Баякова // Русский язык в XXI веке: исследования молодых : материалы XI международной научной студенческой конференции, Астана, 13—14 февраля 2024 года. — Астана: Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, 2024. — С. 5—8.

Белова В. М. Дискурсивные слова в мемуарах монтажного типа: семантика, функции, прагматика диссертация ... кандидата филологических наук 10.02.01 / Валентина Михайловна Белова. Череповец, 2011. — 187 с.

Белоусов С. С. От слова совсем как грамматическая конструкция / С. С. Белоусов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. — 2016. — № 7-1(160). — С. 72—77.

Блох М. Я. Теоретические основы грамматики / М. Я. Блох. — Москва : Высшая школа, 2004. — 239 с. — ISBN 5-06-004215-4.

Бычкова П. А. Дискурсивные формулы подтверждения в типологической перспективе / П. А. Бычкова // Jezikoslovni Zapiski. — 2020. — № 27. — С. 111—128.

Вознесенская М. М. «Ни разу от слова совсем»: усилительная семантика сленговых аграмматизмов / М. М. Вознесенская, О. И. Северская // Русская грамматика: активные процессы в языке и речи : сборник научных трудов Международного научного симпозиума, Ярославль, 17–19 мая 2019 года / Научный редактор В. Н. Степанов. — Ярославль : Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, 2019. — С. 470—480.

Волкова А. В. Метод анализа обратной связи в социальных сетях: индекс фидбека аудитории / А. В. Волкова, А. А. Назаров, Р. А. Пряников // Вестник факультета Социальных технологий и экономики данных : сборник научно-теоретических статей XXVI Международного Балтийского коммуникационного форума, Санкт-Петербург, 06–07 декабря 2024 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича, 2024. – С. 87-91.

Дискурсивные слова русского языка : опыт контекстно-семантического описания / под. ред. К. Киселевой, Д. Пайара. — Москва : Метатекст, 1998. — 446 с. — ISBN 5-89672-005-X.

Жукова С. Ю. Дискурсивные формулы русского языка : диахронический подход / С. Ю. Жукова, Б. В. Орехов, Е. В. Рахилина // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. — 2019. — № 21. — С. 142—164.

Зеленин А. В. Синтаксическая аномалия: «от слова совсем» / А. В. Зеленин // Русский язык в школе. – 2022. – Т. 83, № 1. – С. 67-77. – DOI 10.30515/0131-6141-2022-83-1-67-77.

Иоанесян Е. Р. Дискурсивные формулы, производные от пропозициональных предикатов / Е. Р. Иоанесян // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 8. — С. 24-39. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-24-39.

Кронгауз М. А. Самоучитель Олбанского / М. А. Кронгауз. — Москва : АСТ, 2013. — 416 с. — ISBN 978-5-17-077807-2.

Кустова Г. И. Об иллокутивной фразеологии. Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты / Г. И. Кустова // Сборник статей в честь 80-летия И. А. Мельчука. — Москва : Языки славянской культуры, 2012. — С. 349—366.

Локалина Ю. С. Конструкция *от слова совсем* как устойчивое сочетание / Ю. С. Локалина // Современная русская лексикология, лексикография и лингвогеография. – 2022. – № 4. – С. 104-111.

Локалина Ю. С. Функционирование устойчивой модели X от слова Y в современном интернет-пространстве / Ю. С. Локалина // Компьютерная лингвистика и вычислительные онтологии. – 2024. – № 7. – С. 32-41. – DOI 10.17586/2541-9781-2024-7-32-41.

Рахилина Е. В. Речевые акты как лингвистическая категория : дискурсивные формул / Е. В. Рахилина, П. А. Бычкова, С. Ю. Жукова // Вопросы языкознания. — 2021. — № 2. — С. 7—27. — DOI: 10.31857/0373-658X.2021.2.7-27.

Северская О. И. Рефрейминг идиом и паремий в коронавирусном дискурсе / О. И. Северская, Л. В. Селезнева // Слово.ру: балтийский акцент. – 2021. – Т. 12, № 1. – С. 96-109. – DOI 10.5922/2225-5346-2021-1-7.

Треблер С. М. К вопросу о статусе дискурсивных конструкций «от слова совсем», «двадцать четыре на семь» в современном русском языке / С. М. Треблер // Нургалиевские чтения-XIV: Научное сообщество ученых XXI столетия. Филологическиестолетия. науки : Международнойсборник научно- практической конференции, посвященной 85-летию академика НАН РК, докторафилологических наук, профессора РЫМГАЛИ НУРГАЛИ, Астана, 12–14 марта 2025 года. – Астана: Мастер ПО, 2025. – С. 159-163.

Черный В. А. О чем говорят рейтинги популярности в социальных медиа? / В. А. Черный, В. В. Вебер // Социодиггер. – 2021. – Т. 2, № 5(10). – С. 18-29.

Шаронов И. А. Семантические и прагматические аспекты описания вводных слов и коммуникативов / И. А. Шаронов // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2018. — № 51. — С. 58—68. — DOI: 10.17223/19986645/51/6.

Шолохов М. А. Лингвокультурная специфика вербальных интернет-мемов / М. А. Шолохов // Актуальные проблемы филологии. – 2019. – № 18. – С. 172-176.

Юнусов А. Зачем осуждать? Проблема обоснования практик возложения моральной ответственности / А. Юнусов // Логос. – 2025. – Т. 35, № 3(166). – С. 127-160. – DOI 10.17323/0869-5377-2025-3-127-160.

Davies W. The Reaction Economy [Electronic resource] / W. Davies // London Review of Books. — 2023. — Vol. 45, № 5. — Access mode : https://www.lrb.co.uk/the-paper/v45/n05/william-davies/the-reaction-economy (accessed 12.11.2025).

Статья поступила в редакцию 03.01.2026,
одобрена после рецензирования 20.03.2026,
подготовлена к публикации 07.04.2026.

Material resources

AA — *Authors' Archive.* (In Russ.).

NKRYa — (= *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka*) *Russian National Corpus*. Available at: http://ruscorpora.ru (accessed 12.11.2025). (In Russ.).

Twitch: Community Guidelines. Available at: https://safety.twitch.tv/s/article/Community-Guidelines?language=en_US (accessed 12.11.2025).

References

Akopyan, D. V. (2025). Transformation of the institute of direct political appeal in the context of digitalization of the public sphere. *Zakon i vlast'*, *9*: 52–56. (In Russ.).

Bazlutskaya, M. M., Sytnik, A. N., & Tsvetkova, N. A. (2024). Audience engagement as an indicator of digital diplomacy effectiveness. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, *17*(4), 48–82. DOI: 10.24833/2071-8160-2024-4-97-48-82. (In Russ.).

Baranov, A. N., Plungyan, V. A., & Rakhilina, E. V. (1993). *A guide to discourse markers in the Russian language*. Pomovsky i partnery. (In Russ.).

Bayakova, D. (2024). On the expression of intensifying semantics in the construction "ot slova sovsem". In *Russian language in the XXI century: research by young scholars: proceedings of the XI International Scientific Student Conference*. Astana: L.N. Gumilyov Eurasian National University. Pp. 5–8. (In Russ.).

Belova, V. M. (2011). *Discourse markers in montage-type memoirs: semantics, functions, pragmatics*: PhD. Diss. Cherepovets. 187 p. (In Russ.).

Belousov, S. S. (2016). "Ot slova sovsem" as a grammatical construction. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*, *7-1*(160), 72–77. (In Russ.).

Blokh, M. Ya. (2004). *Theoretical foundations of grammar*. Moscow: Vysshaya shkola. 239 p. ISBN 5-06-004215-4/ (In Russ.).

Bychkova, P. A. (2020). Discourse formulas of confirmation in a typological perspective. *Jezikoslovni Zapiski*, *27*: 111–128. (In Russ.).

Chernyi, V.A., & Veber, V.V. (2021). What do social media popularity ratings say? *Sotsiodygger*, *2*(5(10)): 18–29. (In Russ.).

Davies, W. (2023). The reaction economy. *London Review of Books*, *45*(5). Available at: https://www.lrb.co.uk/the-paper/v45/n05/william-davies/the-reaction-economy.

Ioanesyan, E.R. (2022). Discursive Formulas Derived from Propositional Predicates. *Nauchnyi dialog, 11*(8): 24-39. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-24-3. (In Russ.).

Kiseleva, K., & Payar, D. (eds.). (1998). *Discourse markers of the Russian language: experience of context-semantic description*. Moscow: Metatekst. 446 p. ISBN 5-89672-005-X. (In Russ.).

Krongauz, M. A. (2013). *Self-tutor in Olbanian*. Moscow: AST. 416 p. ISBN 978-5-17-077807-2. (In Russ.).

Kustova, G. I. (2012). On illocutionary phraseology. In *Collection of articles in honor of the 80th anniversary of I.A. Mel'chuk*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. Pp. 349–366. (In Russ.).

Lokalina, Yu. S. (2022). The construction "ot slova sovsem" as a stable combination. *Sovremennaya russkaya leksikologiya, leksikografiya i lingvogeografiya*, *4*: 104–111. (In Russ.).

Lokalina, Yu. S. (2024). Functioning of the stable model X ot slova Y in the modern Internet space. *Komp'yuternaya lingvistika i vychislitel'nye ontologii*, *7*: 32–41. DOI: 10.17586/2541-9781-2024-7-32-41. (In Russ.).

Rakhilina, E. V., Bychkova, P. A., & Zhukova, S. Yu. (2021). Speech acts as a linguistic category: discourse formulas. *Voprosy yazykoznaniya*, *2*: 7–27. DOI: 10.31857/0373-658X.2021.2.7-27

Severskaya, O. I., & Selezneva, L. V. (2021). Reframing idioms and paremias in coronavirus discourse. *Slovo.ru: baltiyskiy aktsent*, *12*(1): 96–109. DOI: 10.5922/2225-5346-2021-1-7. (In Russ.).

Trebler, S.M. (2025). On the status of discourse constructions "ot slova sovsem", "dvadtsat' chetyre na sem'" in modern Russian. In *Proceedings of the XIV Nurgaliev Readings:*

International collection of scientific and practical conference dedicated to the 85th anniversary of Academician Rymgali Nurgali. Astana: Master PO. Pp. 159–163. (In Russ.).

Sharonov, I.A. (2018). Semantic and pragmatic aspects of describing introductory words and communicatives. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. *Filologiya*, *51*: 58–68. DOI: 10.17223/19986645/51/6. (In Russ.).

Sholokhov, M.A. (2019). Linguocultural specificity of verbal internet memes. *Aktual'nye problemy filologii*, *18*: 172–176. (In Russ.).

Voznesenskaya, M. M., & Severskaya, O. I. (2019). "Ni razu ot slova sovsem": Intensifying semantics of slang agrammatisms. In V. N. Stepanov (Ed.), *Russian grammar: active processes in language and speech: collection of scientific papers of the International Scientific Symposium*. Yaroslavl: Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky. Pp. 470–480. (In Russ.).

Volkova, A. V., Nazarov, A. A., & Pryanikov, R. A. (2024). Method of feedback analysis in social networks: audience feedback index. In *Proceedings of the XXVI International Baltic Communication Forum*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University of Telecommunications named after prof. M.A. Bonch-Bruevich. Pp. 87–91. (In Russ.).

Yunusov, A. (2025). Why condemn? The problem of justifying practices of imposing moral responsibility. *Logos*, *35*(3(166)): 127–160. DOI: 0.17323/0869-5377-2025-3-127-160. (In Russ.).

Zelenin, A. V. (2022). Syntactic anomaly: "ot slova sovsem". *Russkiy yazyk v shkole*, 83(1), 67–77. DOI: 10.30515/0131-6141-2022-83-1-67-77. (In Russ.).

Zhukova, S. Yu., Orekhov, B. V., & Rakhilina, E. V. (2019). Discourse formulas of the Russian language: a diachronic approach. *Trudy Instituta russkogo yazyka imeni V.V. Vinogradova*, *21*, 142–164. (In Russ.).

The article was submitted 03.01.2026;
approved after reviewing 20.03.2026;
accepted for publication 07.04.2026.

CC BY

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(3), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Меркурьева Н. Ю. Тег-фразы в диалогах пьесы Бена Джонсона / Н. Ю. Меркурьева // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 3. — С. 113—129. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-3-113-129.

Merkuryeva, N. Yu. (2026). Tag Phrases in Dialogues of Ben Jonson's Play. *Nauchnyi dialog, 15* (3): 113-129. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-3-113-129. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus Q1 · DOAJ · ERIHPLUS · eLIBRARY.RU РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Тег-фразы в диалогах пьесы Бена Джонсона

Меркурьева Наталья Юрьевна
orcid.org/0009-0006-4144-3694
кандидат химических наук, доцент
кафедры английского языка № 3
nata2lya1@mail.ru

Московский государственный институт
международных отношений
(университет)
Министерства иностранных дел
Российской Федерации
(Москва, Россия)

Tag Phrases in Dialogues of Ben Jonson's Play

Natalya Yu. Merkuryeva
orcid.org/0009-0006-4144-3694
PhD in Chemical, Associate Professor,
Associate Professor of the English
Language Department № 3
nata2lya1@mail.ru

Moscow State Institute
of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation
(Moscow, Russia)

© Меркурьева Н. Ю., 2026

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена изучению конструкций разговорной диалогической речи, содержащих краткие структуры, построенные из личного местоимения и служебного глагола (модального, заместительного, вспомогательного, связочного). Для таких структур предлагается общее название *тег-фраза*. Исследуется четыре модели конструкций с тег-фразой, расположенной в одной синтагматической цепи с присоединяющим предложением или образующей самостоятельную реплику-реакцию в диалогическом единстве, как: (1) *Peter will come,* ***will he****?* (2) "*Peter will come*." "***Will he****?*" (3) *Peter will come,* ***he will***. (4) "*Will Peter come?*" "***He will***." На примере диалогов из текста комедии Бена Джонсона "*Every Man in His Humour*" (1598 год) изучаются конструкции с тег-фразой. Показано, что тег-фразы помогают придать разговорность диалогам, добавить естественность и эмоциональность в речь персонажей, размежевать объемные реплики, выделить определенные слова и сочетания, делая их более заметными для зрителя и читателя, дать представление о социальном статусе персонажа. Установлено, что в тексте перевода, осуществленного П. Н. Соколовой (1933 год), функции тег-фраз передаются за счет лексико-синтаксических особенностей русских предложений.

Ключевые слова:
Бен Джонсон; елизаветинская драма; художественный перевод; разделительный вопрос; тег-фразы; дискурсивные формулы; дискурсивные маркеры.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article investigates constructions of spoken dialogical speech that contain brief structures composed of a personal pronoun combined with an auxiliary verb (modal, substitute, auxiliary, or copula). A general term proposed for such structures is **tag phrase**. Four models of constructions featuring tag phrases are examined: those where the tag phrase appears within one syntagmatic chain together with an adjoining clause, or forms an independent reactive utterance in dialogue unity. These include examples like (1) *Peter will come, won't he?* (2) *"Peter will come." "Won't he?"* (3) *Peter will come, he will.* (4) *"Will Peter come?" "He will."*
Through analysis of dialogues from Ben Jonson's comedy *Every Man in His Humour* (1598), it is demonstrated how tag phrases contribute to conversational fluidity by adding naturalness and emotional nuances to character speeches, breaking up lengthy turns, highlighting specific words or combinations, making them more prominent for both audiences and readers, and conveying information about characters' social standing. It has been found that these functions are rendered in Russian translations via lexical-syntactic features of Russian sentences, as exemplified in P. N. Sokolova's translation published in 1933.

Key words:
Ben Jonson; Elizabethan drama; literary translation; disjunctive question; tag phrases; discourse formulas; discourse markers.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(3), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 811.111'255.2+821.111Jonson.08
DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-3-113-129

Научная специальность ВАК
5.9.6. Языки народов зарубежных стран
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Тег-фразы в диалогах пьесы Бена Джонсона

© Меркурьева Н. Ю., 2026

1. Введение = Introduction

Термином *тег-фраза* мы предлагаем называть краткие структуры, образующие присоединенные части в конструкциях вопросительного или повествовательного характера, а также реплики-реакции в диалогических единствах, которые представлены четырьмя моделями, например: (1) *Peter will come,* ***will he****?* (2) "*Peter will come*." "***Will he****?*" (3) *Peter will come,* ***he will***. (4) "*Will Peter come?*" "***He will***." Чем обусловлена необходимость введения нового термина для такого известного и распространенного явления, как краткие структуры, состоящие из личного местоимения и служебного глагола (модального, заместительного, вспомогательного, связочного)? Собственное сложившееся название имеет лишь конструкция модели (1) — разделительный, дизъюнктивный, расчлененный вопрос [Ахманова, 2004, с. 84—85; Халитова, 2010, с. 98] в отечественной лингвистической традиции и *tag-question* [Longman Grammar ..., 2007, p. 209; A Comprehensive Grammar ..., 2000, p. 814] в зарубежной. Это связано с тем, что из всех конструкций с тег-фразой эта модель является наиболее привлекательной для исследователей, интерес к ее изучению не угасает в первую очередь из-за присущих ей лингвоэкологичных коммуникативных характеристик [Лебедева, 2019; Селезнева и др., 2019]. Схожесть тег-фраз между собой не осталась незамеченной изучающими разговорную диалогическую речь. Существуют работы, в которых краткие структуры объединяются под названием *репрезентанты клаузем* [Прибыток, 2013; Яшина, 2004], *коммуникемы* [Меликян, 2014]. Очевидно, что термин *репрезентанты клаузем* в первую очередь указывает на лексико-грамматическую связь краткой структуры и присоединяющего / порождающего предложения. Термин *коммуникемы* отсылает к функционированию кратких структур в процессе речевого взаимодействия собеседников.

Термин *тег-фраза* представляется нам наиболее универсальным для названия кратких структур в моделях (1)—(4) по нескольким причинам. Во-первых, *тегами / тэгами* (*tags*) зарубежные и некоторые отечественные

CC BY

исследователи называют присоединенные структуры в конструкциях (1) и (3) [Селезнева и др., 2019; Longman Grammar ..., 2007; Carter et al., 1995; Tottie et al., 2006; Tottie et al., 2009]. Для реагирующих реплик диалогических конструкций (2) и (4) можно встретить термин *phrase* [Longman Grammar ..., 2007, с. 1106; Wells, 2007, p. 38], употребление которого связано с точкой зрения, что краткие структуры в них представляют собой подвергшиеся редукции (эллиптические) предложения. Во-вторых, такой термин позволит отделить предикативные элементы речи от непредикативных, таких как *right, of course* и др. Наконец, называя краткие структуры *тег-фразами*, а не *краткими предложениями, клауземами*, мы отмечаем своеобразие этих структур, невозможность их самостоятельного функционирования, зависимость от присоединяющего / порождающего предложения.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Источниками лингвистического материала послужили фрагменты текста пьесы Бена Джонсона «Every Man in His Humour», написанной в 1598 году, и их перевод на русский язык, осуществленный в 1933 году П. Н. Соколовой («Каждый по-своему»). Применены методы сопоставительного анализа, приемы прагматического анализа, дискурс-анализа.

Прагматические элементы речи, к которым относятся и тег-фразы, привлекают внимание исследователей вот уже несколько десятилетий. Важность и актуальность их изучения обусловлены большой ролью таких элементов в процессе устной коммуникации, а также их лингвоспецифичностью [Иоанесян, 2022]. Такие тег-фразы, как разделительные вопросы, причисляют к дискурсивным маркерам [Шустова и др., 2019]. Тег-фразы диалогических моделей близки к коммуникативам, понимаемым как «краткие ответные реплики диалога, репликовые слова и сочетания реактивного типа» [Шаронов, 2017, с. 115], а также к дискурсивным формулам, определяемым как «диалоговые шаблоны, которые запоминаются и воспроизводятся говорящим как есть» [Бычкова и др., 2019, с. 258], «устойчивые ответные реплики» [Бычкова, 2020, с. 188-189], «законченные неоднословные реплики в диалоге в ответ на вербальный стимул собеседника» [Жукова и др., 2019, с. 143]. Изучая подходы к переводу подобных речеязыковых единиц, исследователи отмечают зависимость вариантов перевода от функций таких единиц в тексте и ряда стилевых ограничений, а также роль индивидуальных предпочтений переводчика [Белов и др., 2024, с. 85]. Показано, что такие единицы зачастую относят к «трудноперевoдимым или непереводимым элементам языка» [Белов и др., 2025, с. 208], вероятно, именно этим обусловлено наблюдаемое «значительное разнообразие переводных эквивалентов» для них [Шилихина и др., 2021, с. 30].

CC BY

Чем обусловлен выбор лексического материала? Бен Джонсон, который признается исследователями замечательным драматургом золотого века елизаветинской литературы [Литвинова, 2008], считается создателем особой жанровой разновидности английской комедии — комедии гумора (humour comedy) [Чеснокова, 2013]. Слово *humour* в понимании Бена Джонсона означает вовсе не чудачество, нелепую эксцентричность, а «характер», «тип темперамента», «нрав», это «определяющая черта характера, которая настолько подчиняет себе все остальные страсти, что нарушает обычные нормы поведения человека и, будучи доведена до крайности, делает героя комическим персонажем» [Заблудовский, 1945, с. 84]. Именно это принимает во внимание переводчик П. Н. Соколова, давая произведению «Every Man in His Humour» название «Каждый по-своему».

Интерес отечественных исследователей к творчеству Бена Джонсона наблюдается уже со второй половины XIX века. Одной из причин внимания к текстам елизаветинской пьесы, возможно, является предположение о том, что язык комедий наиболее близок к естественному разговорному языку той эпохи, в которую создается произведение. По мнению самого Бена Джонсона, как показывает литературовед профессор Н. И. Стороженко в статье, написанной в 1893 году для «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Эфрона, герой пьесы должен быть «однимъ изъ тѣхъ людей, которыхъ мы ежедневно встрѣчаемъ на улицѣ. Такихъ героевъ онъ и даетъ въ своихъ многочисленныхъ бытовыхъ комедіяхъ …, представляющихъ вѣрную и потому драгоцѣнную в культурномъ отношениіи картину пороковъ современнаго ему общества. Но эта вѣрность скорѣе внѣшняя, чѣмъ внутренняя. Д. не обладалъ способностью создавать живыхъ людей; въ большинствѣ случаевъ его герои не болѣе, какъ олицетвореніе общихъ понятій и пороковъ» [Стороженко, 1893, с. 548]. Однако историк литературы С. А. Варшер отмечает, что первым и необходимым условием сценического искусства Бен Джонсон считал правдоподобие, и приводит слова самого драматурга из пролога «Every Man in His Humour» в следующей интерпретации: «У меня … всѣ говорятъ и поступаютъ какъ въ дѣйствительности; представляя вѣрное отраженіе людей и жизни, я буду изображать на сценѣ только такія дѣйствія и употреблять только такія слова, какія встрѣчаются въ жизни» [Варшер, 1886]. Творчество Бена Джонсона не утратило привлекательность и для современных исследователей. Так, В. А. Рогатин полагает, что «успех к Джонсону пришел благодаря комедиям, что в значительной степени было следствием их четко просчитанной классицистической структуры и естественного, хотя и очищенного от площадных крайностей языка» [Рогатин, 2020, с. 27].

Все вышесказанное позволяет предположить, что элементы разговорной речи, употребленные драматургом в выбранном для анализа произ-

CC BY

ведении, отражены в тексте в наиболее естественных для конца XVI века формах и использованы в соответствующих ситуациях, что, несомненно, представляет научный интерес, поскольку способствует лучшему пониманию и современных речеязыковых структур, позволяет наблюдать социальные и культурные процессы в обществе.

Специальные исследования, посвященные рассмотрению конструкций с тег-фразой в диалогах комедии и подходам к их переводу, нам не встретились. Однако в ряде работ рассматривается перевод некоторых разновидностей конструкций, содержащих тег-фразы, в том числе разделительного вопроса, на русский язык. Отмечается, что при передаче тега могут быть использованы вопросительные частицы, такие как *не так ли? ведь так? так ведь, согласитесь? да?* Кроме того, иногда при переводе тег лишают материализации, осуществляя перевод при помощи синтаксического построения предложения [Луговская, 2023; Луговская, 2024; Халитова, 2010; Халитова, 2012].

Отсутствие тег-фраз в русском языке обусловливает наш интерес к вариантам их перевода. Интересно также посмотреть, как автор оригинального текста подходит к использованию разнообразия тег-фраз и какими видит конструкции с тег-фразой в тексте первоисточника переводчик.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

В комедии «Every Man in His Humour» Бен Джонсон показывает один день из жизни персонажей, действие происходит в Лондоне. Центральной фигурой является пожилой джентльмен по имени Новель, чрезмерно заботливый отец, все действия которого направлены на то, чтобы образумить своего сына Эдварда и не позволить ему ступить на тропу безнравственности. Слуга Брейн-ворм, находящийся на службе отца-Новеля, помогает сыну-Новелю, одурачивая всех при помощи переодевания. Персонаж параллельного сюжета, купец Кители, без всяких оснований подозревающий свою жену в изменах с кем-то из завсегдатаев своего дома, мучается ревностью.

Для анализа мы выбрали несколько отрывков из диалогов пьесы с конструкциями, в которых тег-фразы построены из местоимений *I / you* и глаголов *will / shall (should)*.

3.1. Модель (1). Вопрос с присоединенной тег-фразой (разделительный вопрос)

Рассмотрим пример:

Mr Stephen: […]How doe my coussin Edward, vncle?

Kno'well: O, well cousse, goe in and see: I doubt he be scarse stirring yet.

Mr Stephen: Vncle, afore I goe in, can you tell me, an' he haue ere a booke of the sciences of hawking, and hunting? I would faine borrow it.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(3), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Kno'well: ***Why, I hope*** *you will not a hawking now,* ***will you****?*

Mr Stephen: No wusse; but I'll practise against next yeere vncle: I haue bought me a hawke, and a hood, and bells, and all; I lacke nothing but a booke to keepe it by.

Know. Oh, most ridiculous!

В данном отрывке в одной из реплик Новеля можно видеть три фатических элемента *Why, I hope, will you*, окружающих информативную часть конструкции *you will not a hawking now*. Обилие неинформативных элементов, скорее всего, обусловлено намерением автора обратить внимание зрителя на эту реплику Новеля, делая ее заметной в диалоге. Вполне вероятно, это задумано для того, чтобы усилить юмористический эффект следующей реплики, произносимой племянником Новеля, в которой тот длинно и занудно объясняет, что у него все уже есть для соколиной охоты, кроме книги (хотя охотиться он собирается лишь через год). Очевидно, более логичным было бы сначала изучить теорию, изложенную в учебнике, а затем уже приступать к закупке всего необходимого, а не наоборот (для тех, кто все-таки не понял колкость, автор приводит реплику *Oh, most ridiculous!*, финальную в анализируемом отрывке). Можно предположить, что Новель произносит свои слова с некоторой иронией, насмешливо. Как и сочетание *goe in and see*, которое можно видеть в одной из реплик отрывка, конструкция с разделительным вопросом помогает показать социальную дистанцию между дядюшкой из города и племянником из деревни.

Переводчик передает этот отрывок следующим образом:

Стефан: […] А что поделывает мой кузен Эдвард?

Новель: Поди и посмотри. Сомневаюсь, чтобы он уже из постели вылез.

Стефан: Дядюшка, прежде чем я пойду, скажите, есть ли у вас или у него учебник соколиной охоты или охоты вообще? Мне бы он очень пригодился.

Новель: Надеюсь, ты сейчас на охоту не собираешься?

Стефан: Конечно, нет, но я упражняюсь для будущего, дядя. Я купил сокола и колпачок, и колокольчик, и все прочее. Для полного комплекта мне больше ничего не нужно, кроме книги.

Новель: Ах, как глупо!

Из трех фатических элементов в предложении реплики Новеля переводчик оставляет только один — это прагматический маркер *надеюсь*, тегфраза не отражается. Отрывок передается стилистически нейтрально, выглядит несмешным и не совсем понятным, и, если не анализировать оригинал, трудно догадаться, почему Новель считает все услышанное глупым. Интересен способ передачи социальных отношений. В диалогах персонажей по ходу пьесы Бен Джонсон использует оба местоимения — и *thou*

CC BY

(ты), и *you* (вы). Однако, видимо, следуя русской традиции, в которой дядя племянника называет на «ты», обращения Новеля, в которых, как можно видеть выше, используется слово *you*, передаются более фамильярно, чем это предполагается в оригинале. Как известно, предпочтение слову *thou* словам *ye* в среднеанглийском, а в ранненовоанглийском *you* отдавалось для создания форм выражения почтительной вежливости и обходительного поведения [Jucker, 2012, p. 182].

Следующий пример демонстрирует положение конструкции (1) не в финале реплики, как в предшествующем отрывке, а в середине. Как и прагматический маркер *thinke you*, привязанный к вопросительному предложению *Could I keepe out all them*, тег *should I*, привязанный к декларативному вопросу *I should put my selfe, against halfe a dozen men?*, представляет собой эмоциональное восклицание, дополняющее окружающие его конструкции также эмоционально-восклицательного характера. Такой многословной репликой жена купца Кители отвечает своему брату, который упрекает ее за то, что в ее доме вращается слишком много мужчин:

Dame Kitely: God's my life! did you euer heare the like? what a strange man is this! Could I keepe out all them, thinke you? I should put my selfe, against halfe a dozen men? ***should I****? Good faith, you'ld mad the patient'st body in the world, to heare you talke so, without any sense, or reason!*

Присоединенная часть *should I* отделена от опорной вопросительным знаком, что позволяет автору показать относительно невысокий темп речи персонажа и эмоциональную паузу, предшествующую тег-фразе. Автор привлекает тег-фразу для придания естественности речи персонажа, создавая условия для возмущенного и нервозного ее проговаривания. Разговор происходит между стоящими на одной ступеньке социальной лестницы, отсюда обилие риторических вопросов и восклицаний.

Переводчик предлагает интерпретацию отрывка в следующем виде:

Дама Кители: Господи помилуй, слыхано ли что-нибудь подобное! Что за странный вы человек. Вы думаете, что я могу всех вон выгнать? Я должна, по-вашему, напасть на полдюжины мужчин! Честное слово, нужно иметь ангельское терпение, чтобы выслушивать ваши разговоры. Нет в них ни смысла, ни разума.

Конструкция с тег-фразой отражается русским *Я должна, по-вашему, напасть на полдюжины мужчин!* Риторичность вопроса подчеркивается восклицательным знаком. Для придания разговорности используется прагматический маркер *по-вашему*. Намерение Б. Джонсона сделать реплику негодующе-восклицательной воспринимается переводчиком и передается с помощью восклицательных знаков, клише *господи помилуй, честное слово, что за*. Сохраняется обращение на «вы», что соответствует оригиналу.

CC BY

3.2. Модель (2). Вопросительная тег-фраза в диалогической конструкции (усеченный вопрос)

Усеченный вопрос можно видеть в отрывке:

Brayne-Worme: Why, you were best get one o' the varlets o' the citie, a serieant. Ile appoint you one, if you please.

*Mr Matthew: **Will you**, sir? why, we can wish no better.*

В кратком вопросе комбинируются обращение *sir* и тег-фраза *will you*. Тег-фраза представляет собой повторение глагола *will* из сочетания *Ile* (такое сочетание находится в употреблении в XVI веке, а в XVII веке превращается в *I'll* [Etymology Dictionary ...]) предложения предшествующей реплики, местоимение *I* представлено дейктическим *you*. Автор использует фатические элементы для создания юмористического эффекта: слуга по имени Брейн-ворм, переодетый в солидного господина, старается соответствовать новому социальному статусу, выглядеть как можно более вежливым, чтобы не быть узнанным, добавляет к своему обещанию *if you please*. Его собеседник, знатный человек, также старается не отставать и отвечает настолько многословно, насколько это у него получается. Вопрос с тег-фразой помогает сделать реплику более объемной, а значит, и более учтивой, способствует созданию атмосферы любезности и светскости.

Переводчик передает тег-фразу с помощью слов-заместителей *сделаете это* для *я пошлю вам такого* из опорного предложения:

Брайн-ворм: Что ж, лучше всего вам поручить кому-нибудь из городских приставов. Я пошлю вам такого если угодно!

Матью: Вы сделаете это? Нам лучше нечего желать!

Намерение Б. Джонсона показать вежливое согласие наиболее многословным способом улавливается в русском варианте. Персонажи действуют сообразно своему социальному положению — благопристойно и почтительно.

3.3. Модель (3). Повествовательная конструкция с тег-фразой

Такую конструкцию можно видеть в отрывке:

*Stephen: Tut, Ile buy this I' the field, **so I will**, I haue a mind to't, because 'tis a field rapier. Tell me your lowest price.*

Ed. Kno'well: You shall not buy it, I say.

Stephen: By this money, but I will, though I giue more then 'tis worth.

Ed. Kno'well: Come away, you are a foole.

Тег-фраза содержит повторяемые из опорного предложения слова *I* и *will*, а также наречный элемент *so*. Очевидно, сочетание *so I will* помогает автору выделить часть *the field* для того, чтобы усилить юмористический эффект, основанный на игре слов (слово *field* в сочетании с названием оружия означает что-то мобильное и легкое для использования в бою [Hornby,

1982, p. 318], а не безлесную территорию, открытое пространство). Считается, что в средние века фехтованием занимались исключительно представители высших сословий [Талызов, 2019, с. 57], поэтому можно предположить, что Джонсон намекает на то, что приехавший из деревни родственник хочет всячески показать свое благородное происхождение, поскольку под *field rapier*, скорее всего, имеется в виду разновидность шпаги, которую первоначально носили придворные. Персонаж произносит *so I will* задиристо и упрямо, что в русском варианте переводчик показывает сочетанием *А вот я*, за которым вскоре следует *А у меня*:

Стефан: А вот я куплю ее здесь, в поле. А у меня такое настроение, потому что это полевая шпага. Говори свою последнюю цену.

Эдвард Новель: Вы ее не купите, говорю вам.

Стефан: Клянусь этими деньгами — куплю, хоть заплачу дороже, чем стоит!

Эдвард Новель: Уйдем, вы с ума сошли.

Эти сочетания помогают передать атмосферу азарта и нетерпения, хотя тег-фраза (как структура, построенная из повторяющихся элементов из опорного предложения) опускается. Эдвард и Стефан, приходящиеся друг другу двоюродными братьями, называют друг друга на «вы», что, как мы отмечали выше, соответствует тексту оригинала и отражает социальные тенденции XVI века.

3.4. Модель (4). Повествовательная тег-фраза в диалогической конструкции

Следующий отрывок представляет собой разговор купца Кители со своим кассиром. Три из четырех ответных реплик кассира построены с привлечением тег-фраз:

Kitely: […] And, Thomas, I pray you search the bookes ‘gainst my returne. For the receipts ‘twixt me, and Traps.

*Cash: **I will**, sir.*

Kitely: And, heare you, if your mistris brother, Wel-bred, Chance to bring hither any gentlemen. Ere I come backe; let one straight bring me word.

Cash: Very well, sir.

Kitely: To the Exchange; doe you heare? Or here in Colman-sireet, to lustice Clements. Forget it not, nor be not out of the way.

*Cash: **I will not**, sir.*

Kitely: I pray you haue a care on’t. Or whether he come, or no, if any other, Stranger, or else, faile not to send me word.

*Cash: **I shall not**, sir*.

Эти три краткие реплики созданы по единому образцу: «*I + will / shall + (not) + sir*» — и являются реакциями на реплики купца, содержащие

CC BY

предложения в повелительном наклонении. Смена *will* на *shall* в третьем высказывании может быть связана с различием в семантике глаголов: слово *will* происходит от древнеанглийского *willan / wyllan*, имеющего значения *wish, desire, be about to* «желать, быть готовым», слово *shall* — от древнеанглийского *sceal* со значениями *owe, will have to, ought to, must* «должен» [Etymology Dictionary ...]. Осуществляя такую замену, автор поддерживает речевое разнообразие и усиливает впечатление усердия, энтузиазма, исполнительности, производимое говорящим. Схожие между собой однотипные ответы персонажа использованы с целью обратить внимание зрителя на рвение героя, его готовность служить хозяину без лишних рассуждений, его серьезное отношение к службе. Интересен сам объем кратких реплик: они достаточно многословны (в сравнении с вполне пригодными здесь краткими *yes*), чтобы показать почтительность нижестоящего к вышестоящему, но недостаточно пространны для того, чтобы звучать фамильярно. Краткие реплики с тег-фразой также являются средством размежевания пространных инструкций Кители для облегчения их восприятия зрителем / читателем.

Переводчик предлагает следующую интерпретацию отрывка:

Кители: Подумать надо. Прошу вас, разыщите лучше книгу По делу Транса. Я вернусь.

Кач: Так точно.

Кители: И если Вельбред — брат моей жены — До моего прихода возвратится с друзьями, так сейчас мне дайте знать!

Кач: Я слушаю вас, сэр!

Кители: Я там, на бирже, Иль у судьи Клемента буду я, Вы слышали — не забывайте это!

Кач: Никак нет, сэр!

Кители: Прошу еще заметить: Придет ли брат, иль вовсе не придет, А кто-нибудь другой — за мною шлите!

Кач: Так точно, сэр!

Можно видеть, что на приказы хозяина кассир реагирует по-военному кратко и четко, выбор переводчика при интерпретации тег-фраз — это клише *так точно* и *никак нет*. Такие реплики позволяют создать у зрителя ощущение, что произносящий их достаточно вышколен и знает свое место.

4. Заключение = Conclusions

В настоящей работе предлагается термин *тег-фраза* для совместного описания кратких структур английского языка, состоящих из личного местоимения и служебного глагола. Тег-фразы рассматриваются как

CC BY

средство создания прагматических элементов в конструкциях сразу нескольких структурно разнородных речевых моделей. Исследование проводится на материале текста пьесы Бена Джонсона «Every Man in His Humour», ранее не привлекавшегося для изучения таких речевых элементов, как тег-фразы.

Показано, что автор включает в диалоги персонажей конструкции с тег-фразой разных типов, предпочитая употреблять краткие структуры состава «глагол + местоимение» и «местоимение + глагол» в основном без дополнительных компонентов. В авторском дискурсе тег-фразы выполняют различные функции: придают разговорность диалогам, добавляют естественность и эмоциональность в речь персонажей, размежевывают слишком объемные реплики, выделяют определенные слова и словосочетания, делая их более заметными для зрителя и читателя. Конструкции с тег-фразой автор использует также при обозначении разницы или схожести в социальном статусе персонажей. Такие конструкции привлекаются и как одно из средств создания атмосферы определенных сцен: почтительности и обходительности, насмешки и иронии, возмущения и негодования, рвения и энтузиазма.

Интерпретация тег-фраз при переводе на русский язык затруднительна вследствие отсутствия такого типа структур, состоящих из слов-заместителей, в русском языке, а также из-за разнообразия их значений в английской речи. Подбор эквивалента зависит от восприятия переводчиком конструкции с тег-фразой. В том случае, если конструкция представляется переводчику стилистически нейтральным рече-языковым средством, тег-фраза может опускаться. Если же она расценивается как необходимый элемент реплики, ее функции передаются за счет лексико-синтаксических особенностей русских предложений, а также путем добавления клише-восклицаний *честное слово, что за, господи помилуй, так точно* и др.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. — Москва : Едиториал УРСС, 2004. — 576 с. — ISBN 5-354-00600-7.

2. *Каждый* по-своему / Перевод П. Соколовой. В книге : Бен Джонсон. Драматические произведения. — Москва : Academia, 1933. — Т. 2. — С. 275—454.

3. *Etymology* Dictionary Online [Electronic resource]. — Access mode : https://www.etymonline.com (accessed 10.05.2025).

4. *Jonson B.* Euery Man in his Humour / B. Jonson. — Oxford : At the Clarendon Press, 1919. — 175 p.

Литература

1. *Белов В. А.* Проблема перевода дискурсивных слов (на материале русского и английского языков) / В. А. Белов, В. М. Белова // Technology and Language. — 2024. — № 5(4). — P. 84—102. — DOI: 10.48417/technolang.2024.04.07.

2. *Белов В. А.* Функциональный подход к описанию дискурсивных слов русского языка / В. А. Белов, В. М. Белова // Русистика. — 2025. — Т. 23. — № 2. — С. 206—224. — DOI: 10.22363/2618-8163-2025-23-2-206-224.

3. *Бычкова П.А.* Дискурсивные формулы, полисемия и жестовое маркирование / П. А. Бычкова, Е. В. Рахилина, Е. А. Слепак // Труды института русского языка им. В.В.Виноградова. — 2019. — Т. 21. — С. 256—283.

4. *Бычкова П. А.* Источники прагматикализации дискурсивных формул отрицания в типологическом освещении : русский и словенский / П. А. Бычкова // Филологические заметки. — 2020. — № 18. — С. 187—211.

5. *Варшер С. А.* Литературный противник Шекспира [Электронный ресурс] / С. А. Варшер // «Русская мысль». — 1886. — № 8. — Режим доступа : http://az.lib.ru/w/warsher_s_a/text_1886_lit_protivnik_shekspira_oldorfo.shtml (дата обращения 17.05.2025).

6. *Жукова С. Ю.* Дискурсивные формулы русского языка: диахронический подход / С. Ю. Жукова, Б. В. Орехов, Е. В. Рахилина // Труды института русского языка им. В. В. Виноградова. — 2019. — Т. 21. — С. 142—164.

7. *Заблудовский М. Д.* Бен Джонсон / М. Д. Заблудовский // История английской литературы. — Москва-Ленинград : Издательство Академии Наук СССР, 1945. — Т. 1. — 655 с.

8. *Иоанесян Е. Р.* Дискурсивные формулы, производные от пропозициональных предикатов / Е. Р. Иоанесян // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 8. — С. 24—39. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-24-39.

9. *Лебедева И. С.* «Разделительный вопрос» или универсальный коммуникативный ход? / И. С. Лебедева // Функционально-когнитивные аспекты актуализации грамматических форм и структур в синхронии и диахронии (на материале английского языка) ; колл. монография / под ред. проф. Т. С. Сорокиной. — Москва : ФГБОУ ВО МГЛУ, 2019. — С. 267—352. — ISBN 978-5-00120-055-0.

10. *Литвинова М. Д.* Оправдание Шекспира : [монография] / М. Д. Литвинова. — Москва : Вагриус, 2008. — 655 с. — ISBN 978-5-9697-0349-0.

11. *Луговская Е. Г.* Когнитивный и прагматический аспекты перевода стандартных разделительных вопросов (tag-questions) в кинотексте / Е. Г. Луговская // Многоязычие в образовательном пространстве. — 2024. — Т. 16. — № 1 (20). — С. 115—125. — DOI: https://doi.org/10.35634/2500-0748-2024-16-1-115-125.

12. *Луговская Е. Г.* Текстообразующая функция разделительных конструкций (tag questions) : проблемы перевода и адекватной интерпретации (на материале кинотекста) / Е. Г. Луговская // Многоязычие в образовательном пространстве. — 2023. — Т. 15. — № 3 (18). — С. 336—345. — DOI: https://doi.org/10.35634/2500-0748-2023-15-3-336-345.

13. *Меликян В. Ю.* Модели построения вопросительных коммуникем английского языка / В. Ю. Меликян // Язык. Текст. Дискурс. — 2014. — № 12—2. — С. 158—168.

14. *Прибыток И. И.* Репрезентанты предложений в английском языке / И. И. Прибыток // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Филология. Журналистика. — 2013. — Т. 13. — № 4. — С. 5—11.

15. *Рогатин В. А.* Попытка объединения жанра хроники с приемами классицизма в творчестве Бена Джонсона / В. А. Рогатин // Иностранные языки в высшей школе. — 2020. — № 1 (52). — С. 26—33. — DOI: 10.37724/RSU.2020.52.1.004.

16. *Селезнева В. В.* Английский разделительный вопрос как лингвоэкологичный феномен межличностного общения / В. В. Селезнева, Е. А. Евсикова, А. Ш. Тарвердян // Научный диалог. — 2019. — № 7. — С. 107—123. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-7-107-123.

17. *Стороженко Н. И.* Джонсонъ Бенджаминъ / Н. И. Стороженко // Энциклопедическій словарь. — Санкт-Петербург : Семеновская Типо-Литография И. А. Ефрона, 1893. — Т. X. — 960 с.

18. *Талызов С. Н.* Фехтование — история и современность / С. Н. Талызов // Физическая культура. Спорт. Туризм. Двигательная рекреация. — 2019. — Т. 4. — № 1. — С. 56—60.

19. *Халитова Л. К.* Роль дискурсивной лексики в создании гармоничного диалога (на примере контактоустанавливающих средств русского, английского и татарского языков) / Л. К. Халитова // Ученые записки Казанского университета. Серия : Гуманитарные науки. — 2010. — Т. 152. — № 6. — С. 95—105.

20. *Халитова Л. К.* Семантика и прагматика русских контактоустанавливающих частиц и английского разделительного вопроса : сравнительно-сопоставительный аспект / Л. К. Халитова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Сер. Филологические науки. — 2012. — Выпуск 5. — С. 408—412.

21. *Чеснокова Т. Г.* Об эстетических и морально-философских основаниях категории «юмор» в английской литературной критике XVII—XVIII веков / Т. Г. Чеснокова // Вестник МГПУ. Серия : Философские науки. — 2013. — № 1 (7). — С. 106—118.

22. *Шаронов И. А.* Коммуникативы в естественных и в художественных диалогах / И. А. Шаронов // Экология языка и коммуникативная практика. — 2017. — № 3. — С. 114—127.

23. *Шилихина К. М.* Дискурсивные маркеры проблемной достоверности в выступлениях TED Talks : корпусный анализ / К. М. Шилихина, В. В. Смирнова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2021. — № 3. — С. 30—38. — DOI https://doi.org/10.17308/lic.2021.3/3577.

24. *Шустова С. В.* Прагматический потенциал дискурсивных маркеров / С. В. Шустова, Н. М. Царенко // Теоретическая и прикладная лингвистика. — 2019. — Т. 5. — № 4. — С. 163—170.

25. *Яшина Е. В.* Репрезентанты английских предложений и клауз : автореферат диссертации …кандидата филологических наук : 10.02.04 / Е. В. Яшина. — Саратов, 2004. — 26 с.

26. *A Comprehensive* Grammar of the English Language / R. Quirk, S. Greenbaum, G. Leech, J. Svartvik. — London : Longman, 2000. — 1779 p. — ISBN 0-582-51734-6.

27. *Carter R.* Grammar and the Spoken Language / R. Carter, M. McCarthy // Applied Linguistics. — 1995. — Vol. 16. — № 2. — Pp. 141—158.

28. *Hornby A. S.* Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / A. S. Hornby. — Oxford : Oxford University Press, 1982. — V. 1. — 544 p.

29. *Jucker A. H.* Discourse Markers: Description and Theory / A. H. Jucker, Y. Ziv. — Amsterdam : Benjamins, 1998. — 366 p.

30. *Longman* Grammar of Spoken and Written English / D. Biber, S. Johansson, G. Leech, S. Conrad, E. Finegan. — Edinburgh : Longman, 2007. — 1204 p.

31. *Tottie G*. Tag Questions in British and American English / G. Tottie, S. Hoffmann // Journal of English Linguistics. — 2006. — V. 34. — № 4. — Pp. 283—311.

32. *Tottie G*. Tag Questions in English. The First Century / G. Tottie, S. Hoffmann // Journal of English Linguistics — 2009. — V. 37. — № 2. — Pp. 130—161.

33. *Wells J. C.* English intonation / J. C. Wells. — Cambridge : Cambridge university press. 2007. — 276 p.

Статья поступила в редакцию 10.07.2025,
одобрена после рецензирования 02.02.2026,
подготовлена к публикации 05.03.2026.

Material resources

Akhmanova, O. S. (2004). *Dictionary of linguistic terms.* Moscow: Unified URSS. 576 p. ISBN 5-354-00600-7. (In Russ.).

Each in his own way. In the book: Ben Johnson. Dramatic works, 2. (1933). Moscow: Academia. 275—454. (In Russ.).

Etymology Dictionary Online. Available at: https://www.etymonline.com (accessed 10.05.2025).

Jonson, B. (1919). *Euery Man in his Humour.* Oxford: At the Clarendon Press. 175 p.

References

Belov, V. A., Belova, V. M. (2024). The problem of translation of discourse words (based on Russian and English languages). *Technology and Language*, *5*(4): 84-102. DOI: 10.48417/technolang.2024.04.07. (In Russ.).

Belov, V. A., Belova, V. M. (2025). Functional approach to describing discursive words of the Russian language. *Russistika*, *23*(2): 206-224. DOI: 10.22363/2618-8163-2025-23-2-206-224. (In Russ.).

Biber, D., Johansson, S., Leech, G., Conrad, S., Finegan, E. (2007). *Longman Grammar of Spoken and Written English.* Edinburgh: Longman. 1204 p.

Bychkova, P. A. (2020). Sources of pragmaticization of negative discourse formulas from a typological perspective: Russian and Slovenian. *Philological Notes*, *18*: 187-211. (In Russ.).

Bychkova, P. A., Rahilina, E. V., Slepak, E. A. (2019). Discourse formulas, polysemy, and gestural marking. *Proceedings of the Vinogradov Russian Language Institute*, *21*: 256-283. (In Russ.).

Carter, R., McCarthy, M. (1995). Grammar and the Spoken Language. *Applied Linguistics, 16 (2):* 141—158.

Chesnokova, T. G. (2013). On the aesthetic and moral-philosophical foundations of the category “humor” in English literary criticism of the XVII—XVIII centuries. *Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. Series: Philosophical sciences, 1* (7): 106—118. (In Russ.).

Hornby, A. S. (1982). *Oxford Advanced Learner’s Dictionary of Current English, 1.* Oxford: Oxford University Press. 544 p.

Ioanesyan, E. R. (2022). Discursive Formulas Derived from Propositional Predicates. *Nauchnyi dialog, 11*(8): 24-39. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-24-39. (In Russ.).

Jucker, A. H. (1998). *Discourse Markers: Description and Theory.* Amsterdam: Benjamins. 366 p.

Khalitova, L. K. (2010). The role of discursive vocabulary in creating a harmonious dialogue (using the example of contact-fixing tools in Russian, English and Tatar languages). *Scientific Notes of Kazan University. Series: Humanities, 152* (6): 95—105. (In Russ.).

Khalitova, L. K. (2012). Semantics and pragmatics of Russian contact-fixing particles and the English dividing question: a comparative aspect. *Humanities, socio-economic and social sciences. Ser. Philological sciences, 5:* 408—412. (In Russ.).

Lebedeva, I. S. (2019). "Dividing question" or a universal communicative move? In: *Functional and cognitive aspects of actualization of grammatical forms and structures in synchrony and diachrony (based on the material of the English language); coll. Monograph.* Moscow: FSBEI IN MGLU. 267—352. ISBN 978-5-00120-055-0. (In Russ.).

Litvinova, M. D. (2008). *Shakespeare's justification: [monograph].* Moscow: Vagrius. 655 p. ISBN 978-5-9697-0349-0. (In Russ.).

Lugovskaya, E. G. (2023). Text-forming function of dividing constructions (tag questions): problems of translation and adequate interpretation (based on the material of the film text). *Multilingualism in the educational space, 15 / 3 (18):* 336—345. DOI: https://doi.org/10.35634/2500-0748-2023-15-3-336-345. (In Russ.).

Lugovskaya, E. G. (2024). Cognitive and pragmatic aspects of the translation of standard dividing questions (tag-questions) in the film text. *Multilingualism in the educational space, 16 / 1 (20):* 115—125. DOI: https://doi.org/10.35634/2500-0748-2024-16-1-115-125. (In Russ.).

Melikyan, V. Yu. (2014). Models of constructing interrogative English language communicemes. *Language. Text. Discourse, 12—2:* 158—168. (In Russ.).

Pribytok, I. I. (2013). Representatives of sentences in English. *Proceedings of the Saratov University. A new series. Series: Philology. Journalism, 13 (4):* 5—11. (In Russ.).

Quirk, R., Greenbaum, S., Leech, G., Svartvik, J. (2000). *A Comprehensive Grammar of the English Language.* London: Longman. 1779 p. ISBN 0-582-51734-6.

Rogatin, V. A. (2020). An attempt to combine the chronicle genre with the techniques of classicism in the works of Ben Johnson. *Foreign languages in higher education, 1* (52): 26—33. DOI: 10.37724/RSU.2020.52.1.004. (In Russ.).

Selezneva, V. V., Evsikova, E. A., Tarverdyan, A. Sh. (2019). English Tag Question as Linguo-Ecological Phenomenon of Interpersonal Communication. *Nauchnyi dialog, 7:* 107—123. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-7-107-123. (In Russ.).

Sharonov, I. A. (2017). Communicators in natural and artistic dialogues. *Ecology of Language and Communication Practice*, *3*: 114-127. (In Russ.).

Shilikhina, K. M., Smirnova, V. V. (2021). Discursive markers of problematic reliability in TED Talks presentations: corpus analysis. *Bulletin of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, *3*: 30-38. DOI: 10.17308/lic.2021.3/3577. (In Russ.).

Shustova, S. V., Tsarenko, N. M. (2019). Pragmatic potential of discursive markers. *Theoretical and Applied Linguistics*, *5*(4): 163-170. (In Russ.).

Storozhenko, N. I. (1893). Johnson, Benjamin. In: *The encyclopedic dictionary.* St. Petersburg: Semenovskaya Typograph by I. A. Efron. 960 p. (In Russ.).

Talyzov, S. N. (2019). Fencing — history and modernity. *Physical culture. Sport. Tourism. Motor recreation, 4* (1): 56—60. (In Russ.).

Tottie, G., Hoffmann, S. (2006). Tag Questions in British and American English. *Journal of English Linguistics, 34* (4): 283—311.

Tottie, G., Hoffmann, S. (2009). Tag Questions in English. The First Century. *Journal of English Linguistics, 37* (2): 130—161.

Varcher, S. A. (1886). Literary opponent of Shakespeare. *"Russian thought", 8.* Available at: http://az.lib.ru/w/warsher_s_a/text_1886_lit_protivnik_shekspira_oldorfo.shtml (accessed 17.05.2025). (In Russ.).

Wells, J. C. (2007). *English intonation.* Cambridge: Cambridge university press. 276 p.

Yashina, E. V. (2004). *Representatives of English sentences and clauses.* Author's abstract of PhD Diss. Saratov. 26 p. (In Russ.).

Zabludovsky, M. D. (1945). Ben Johnson. In: *History of English Literature, 1.* Moscow—Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 655 p. (In Russ.).

Zhukova, S. Y., Orekhov, B. V., Rahilina, E. V. (2019). Diachronic approach to discourse formulas of the Russian language. *Proceedings of the Vinogradov Russian Language Institute*, *21*: 142-164. (In Russ.).

The article was submitted 10.07.2025;
approved after reviewing 02.02.2026;
accepted for publication 05.03.2026.

CC BY

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(3), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Ничипорчик Е. В. Региональная паремиография (к вопросу о сохранении национального паремиологического наследия) / Е. В. Ничипорчик, С. Н. Стародубец // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 3. — С. 130—150. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-3-130-150.

Nichiporchik, E. V., Starodubets, S. N. (2026). Regional Paremiography (On Preservation of National Paremiological Heritage). *Nauchnyi dialog, 15* (3): 130-150. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-3-130-150. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus · Q1 · DOAJ · ERIHPLUS · eLIBRARY.RU · РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Региональная паремиография (к вопросу о сохранении национального паремиологического наследия)

Ничипорчик Елена Владимировна [1]
orcid.org/0000-0002-1284-6236
доктор филологических наук, профессор
кафедры русского, общего
и славянского языкознания
evnich@gmail.com

Стародубец Светлана Николаевна [2]
orcid.org/0000-0003-3135-6678
доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры
социально-экономических
и гуманитарных дисциплин,
корреспондирующий автор
starodubets.madam@yandex.ru

[1] Гомельский государственный
университет имени Ф. Скорины
(Гомель, Беларусь)

[2] Брянский государственный университет
имени академика И. Г. Петровского
(Брянск, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 25-28-00077 «Народная лингвокультура восточнославянского приграничья в условиях социально-политических изменений: фольклорно-этнографическое и этнолингвистическое исследование», https://rscf.ru/project/25-28-00077

Regional Paremiography (On Preservation of National Paremiological Heritage)

Elena V. Nichiporchik [1]
orcid.org/0000-0002-1284-6236
Doctor of Philology, Professor,
Department of Russian, General,
and Slavic Linguistics
evnich@gmail.com

Svetlana N. Starodubets [2]
orcid.org/0000-0003-3135-6678
Doctor of Philology, Professor,
Professor of the Department of Social,
Economic, and Humanitarian Disciplines,
corresponding author
starodubets.madam@yandex.ru

[1] Gomel State University
named after F. Skorina
(Gomel, Belarus)

[2] Bryansk State Academician
I. G. Petrovski University
(Bryansk, Russia)

Acknowledgments:
The study was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation, project № 25-28-00077 “The Folk Linguoculture of the East Slavic Borderlands in the Context of Socio-Political Changes: Folklore, Ethnography, and Ethnolinguistic Research”, https://rscf.ru/project/25-28-00077

© Ничипорчик Е. В., Стародубец С. Н., 2026

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Поднимается вопрос о значимости региональной паремиографии. В центре исследовательского внимания региональный словарь «Пословицы и поговорки Брянской области», анализируемый в сопоставлении с иными паремиологическими коллекциями. Установлено, что по своим макро- и микроструктурным характеристикам словарь пословиц и поговорок Брянщины, составленный В. Д. Глебовым, является продолжением лучших традиций русской паремиографии. В макроструктуре этого словаря представлены все сферы паремиологической концептуализации, репрезентируемые обычно в названиях тематических объединений паремий в словарях с тематическим принципом организации. В логической преемственности тематических разделов выявлены аналогии со схемой репрезентации тематического разнообразия паремий в словаре «Пословицы и поговорки русского народа» В. И. Даля. Сообщается, что профилирование тем труда и человека объединяет словарь В. Д. Глебова со словарем «Русские пословицы и поговорки» М. А. Рыбниковой. При сопоставлении словаря В. Д. Глебова с областными паремиологическими словарями отмечены различия, обусловленные выбором иного принципа расположения материала, иным количественным составом паремий и их группировкой. Специфика структурной организации словаря пословиц и поговорок Брянщины описана как изоморфное соотношение макро- и микроструктуры.

Ключевые слова:
паремиологическая картина мира; региональная паремиография; словарь; составитель словаря; паремия; пословица.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This paper addresses the significance of regional paremiography, focusing on the regional dictionary “Proverbs and Sayings of the Bryansk Region”. The study conducts a comparative analysis of this dictionary with other paremiological collections, revealing that, in terms of both macro- and microstructural characteristics, the dictionary compiled by V. D. Glebov continues the best traditions of Russian paremiography. The macrostructure of this dictionary encompasses all spheres of paremiological conceptualization, which are typically represented in the thematic groupings of proverbs in dictionaries organized by thematic principles. A logical continuity in thematic sections is identified, drawing analogies with the representation of thematic diversity in V. I. Dal’s dictionary “Proverbs and Sayings of the Russian People”. It is noted that the emphasis on themes of labor and humanity unites Glebov’s dictionary with M. A. Rybnikova’s “Russian Proverbs and Sayings”. Furthermore, a comparison with regional paremiological dictionaries highlights differences arising from alternative principles of material arrangement, varying quantitative compositions of proverbs, and their grouping. The structural organization of the Bryansk proverbs and sayings dictionary is described as an isomorphic relationship between its macro- and microstructure.

Key words:
paremiological worldview; regional paremiography; dictionary; compiler; paremia; proverb.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(3), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 811.161.1’374.3
DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-3-130-150

Научная специальность ВАК
5.9.5. Русский язык. Языки народов России
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Региональная паремиография (к вопросу о сохранении национального паремиологического наследия)

© Ничипорчик Е. В., Стародубец С. Н., 2026

1. Введение = Introduction

Практика создания словников паремий — метких высказываний преимущественно назидательного характера — имеет сложившуюся традицию. О культурной значимости такой практики свидетельствует тот факт, что представители самых древних цивилизаций заботились о сохранности мудрых изречений, облеченных в лаконичную форму, для последующих поколений.

Становление древнерусской культуры, «осуществлялось на мощном фундаменте богатейшей античной традиции», привнесенной на славянскую почву из Византии вместе с христианским учением [Воротников, 1991, с. 85—86]. В России начало письменной фиксации непереводных сентенций — жемчужин мысли, рожденных в устной речи простого народа, — положено еще в XVII веке (см. подробнее об истории русской паремиографии в монографии Л. Б. Савенковой [Савенкова, 2002, с. 15—55]). Фундаментальное собрание русских пословиц и поговорок «Пословицы и поговорки русского народа» В. И. Даля [ППРН], опубликованное во второй половине XIX века, стало вершиной русской паремиографической практики предшествующих столетий. XX и XXI века внесли свои коррективы в практику составления паремиологических словарей. Если в XX веке появлялись в основном небольшие по объему словари пословиц М. А. Рыбниковой [Рыбникова, 1961], А. И. Соболева [НПП], А. А. Разумова [МРП], В. П. Аникина [РППА], А. М. Жигулева [РППЖ], В. П. Жукова [Жуков, 1966], А. С. Спирина [Спирин, 1985], Ф. М. Селиванова, Б. П. Кирдан, В. П. Аникина [РППА] и др., то начало XXI ознаменовалось выходом паремиологической трилогии, созданной научным коллективом под руководством профессора В. М. Мокиенко, с общим количеством устойчивых выражений 155 тысяч единиц («Большой словарь русских поговорок»

CC BY

[БСПГ], «Большой словарь русских пословиц» [БСРС] и др.). Трилогия названа паремиологической в продолжение традиции, сложившейся в трудах паремиологов последней трети XX века, в соответствии с которой под паремиями понимались пословицы и поговорки, а также другие малые фольклорные жанры (прибаутки, присловья, приметы, загадки и т. п.). Поговорки, трактуемые составителями словаря как «народная фразеология» («меткие устойчивые выражения экспрессивно-образного типа, ярко характеризующие человека и окружающую действительность» [БСПГ, с. 3]), составили первый том трилогии (в нем зафиксировано более 40 000 образных выражений), а пословицы («синтаксически законченные мини-тексты с нравоучительным, философским и бытовым содержанием» [Мокиенко и др., 2010, с. 4]) вошли в третий том (около 70 000 единиц).

Значительную часть региональных пословичных единиц составители «Большого словаря русских пословиц» черпали из множества русских диалектных словарей и картотек центров региональной лексикографии России. Выборка пословиц из такого рода источников — труд кропотливый, требующий огромного терпения и больших временных затрат, — труд, достойный великого почтения. Если проанализировать списки лексикографических источников «Большого словаря русских пословиц», то можно прийти к выводу, что региональные словари, в которых зафиксированы преимущественно пословицы либо пословицы наряду с поговорками и некоторыми иными малыми жанрами фольклора (и о включении пословиц свидетельствует титульное название издания), представляют лишь небольшую их часть (см. словари Л. А. Баташёвой, Э. В. Копыловой [УРП], К. Н. Прокошевой [ССПП], В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитиной [СПП], Н. Т. Бухаревой, А. И. Федорова [СФУ]).

Словарь «Пословицы и поговорки Брянской области» [ППБ], составленный ведущим фольклористом Брянщины В. Д. Глебовым, не вошел в число источников паремиологической трилогии, так как ко времени выхода этого словаря в свет первые два тома паремиологической коллекции были уже опубликованы, а третий том, по всей вероятности, находился на завершающей стадии подготовки к опубликованию.

В контексте комплексного описания народной лингвокультуры восточнославянского пограничья [Пронченко и др., 2025; Стародубец и др., 2025] мы считаем необходимым и целесообразным обоснование немаловажной роли паремиологического регионального фонда.

Словарь пословиц и поговорок Брянщины ранее не был объектом специального изучения, хотя, по нашему мнению, представляет несомненный интерес для выяснения того, каким образом «живет» — формируется и развивается — провербиальное пространство региона.

CC BY

Цель настоящего исследования состоит в комплексном описании словаря «Пословицы и поговорки Брянской области», в выяснении того, в какой мере этот словарь отвечает традициям отечественной паремиографии и характеризуется самобытностью.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Словарь «Пословицы и поговорки Брянской области» (далее ППБ) привлекает внимание исследователей в первую очередь тем, что его материалы собраны «полевым» методом: паремиологические единицы записывались студентами, а также составителем словаря В. Д. Глебовым из уст респондентов — жителей городов и сел Брянской области. Картотека формировалась на протяжении четверти века, и важнейшим принципом полевых сборов было сохранение информации о респондентах. Правда, ввиду повтора одних и тех же паремий многими респондентами, составитель словаря отказался от первоначальной идеи паспортизировать каждую паремию (то есть снабдить все словарные единицы информацией о респонденте, месте и времени их фиксации поисковиками) [Глебов, 2008, с. 23—24]. В то же время Владимир Дмитриевич Глебов, испытывавший искреннее восхищение перед благородными душевными чертами и феноменальной памятью простых сельских жителей, исключительно внимательный ко всем, кто занимался полевыми сборами и предоставлял информацию для словаря, снабдил свой словарь приложениями, в которых дана полная информация и о респондентах, и о собирателях пословиц.

Второй причиной, которая побудила к изучению словаря пословиц и поговорок Брянщины, стало то, что данный словарь можно отнести к достаточно объемной паремиологической коллекции с тематическим принципом организации. Словарь содержит более 8000 провербиальных единиц и их вариантов и на этом основании может быть сопоставим с аналогичными по объему паремиологическими словарями, а также с иными словарями паремий, имеющими тематическую организацию. Таким образом, сопоставительный метод используется нами как ключевой метод для решения задач, связанных с выявлением содержательных и композиционных особенностей словаря ППБ. Использовались также и иные общенаучные методы: наблюдения, количественного анализа, обобщения.

Разумеется, проблемы и перспективы паремиографической практики в целом уже неоднократно становились объектом научного исследования [Мокиенко, 2001; Мокиенко, 2009; Мокиенко, 2010; Мокиенко, 2014; Мокиенко и др., 2019; Никитина, 2023; Ничипорчик, 2021]. Так, в работе «Проблемы славянской паремиологии (лингвистические аспекты)» В. М. Мокиенко ратует за бережное отношение к паремиографической практике

CC BY

прошлых столетий; осуждает вольное, некомпетентное обращение с диалектным материалом при «осовременивании» пословичных выражений; призывает при составлении новых словарей не игнорировать важнейших хронологических и пространственных характеристик паремиологических единиц, считываемых с их «паспортных» данных; приветствует издание малых паремиологических словарей, в которых проявляется избирательное отношение говорящих к паремиям, словарей, раскрывающих загадки образных основ паремиологических единиц, а также словарей, отражающих паремиологические новации в языке [Мокиенко, 2010, с. 167—189].

На сегодняшний день, по прошествии почти 15 лет после опубликования данной работы В. М. Мокиенко, паремиографическая копилка России пополнилась новыми словарями, в том числе словарями паремий малых народов Российской Федерации (см. издания последних лет: «Пословица недаром молвится: толковый словарь пословиц и поговорок нагайбакского народа» [ТСПН], «Народная мудрость: мордовские пословицы и поговорки» [СМП]). В то же время прицельное изучение региональных сводов пословичных выражений пока остается в тени. Причины заключаются в том, что региональные пословичные собрания в принципе немногочисленны, кроме того, не все издания региональных пословиц оказываются доступными для широкого читателя и, соответственно, для исследователей.

В отличие от региональной паремиографии, региональная фразеография характеризуется б**о**льшими достижениями. Обстоятельный анализ достижений и некоторых недостатков диалектной фразеографии представлен в работах И. А. Кобелевой [Кобелева, 2007; Кобелева, 2012]. В настоящее время определены перспективы развития региональной фразеографии; ждет реализации фразеографический проект, нацеленный на создание полного собрания региональных фразеологизмов, своеобразного атласа диалектной фразеологии (см. подробнее об этом в монографии В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной [Мокиенко и др., 2019]).

Словарь пословиц и поговорок Брянщины, составленный В. Д. Глебовым, бесспорно, заслуживает того, чтобы попасть в фокус научного интереса. И объем словаря, и состав фиксируемых в нем единиц позволяют отнести данный словарь к числу специализированных, имеющих несомненную культурную значимость паремиографических собраний.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Макроструктура паремиологического свода в словаре «Пословицы и поговорки Брянской области»

Как уже было отмечено выше, словарь ППБ является по своей организации тематическим. Составитель словаря считает тематический принцип

CC BY

расположения пословиц более рациональным, чем алфавитный, так как в тематически организованном словаре близкие по содержанию пословицы не удалены друг от друга, а находятся рядом [Глебов, 2008, с. 26].

Содержание словаря имеет двухуровневую организацию. Это означает, что отдельные тематические объединения входят в более крупные тематические блоки. Нужно заметить, что многие составители тематически организованных паремиологических словарей также считают предпочтительным не одноуровневое (как в словаре «Пословицы русского народа» В. И. Даля), а, как минимум, двухуровневое тематическое членение паремий. Двухуровневое тематическое членение паремий наблюдается, к примеру, в словарях М. А. Рыбниковой [Рыбникова, 1961], В. И. Зимина и А. С. Спирина [Зимин и др., 1996], К. Прокошевой [ССПП], В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной [Мокиенко и др., 2011].

В словаре ППБ на первом уровне членения 13 крупных тематических блоков. Приведем здесь их полный перечень в последовательности, предложенной составителем словаря: «Бог, религия», «Труд и быт человека», «Человек, его внешность, здоровье, возраст», «Характер и мораль человека», «Человек, его способности, претенциозность», «Правда и молва. Клевета и обман», «Правовые и финансовые отношения», «Дружба и любовь», «Семья и родственники», «Счастье, горе, судьба», «Родная земля», «Время», «Язык, учеба, знание». Есть в словаре еще одно объединение паремий, правда, оно является не тематическим, а жанровым («Присловья, приговорки»).

Примечательно, что многие паремиографы, как правило, не исключают из своих словарей провербы иных жанров, чем те жанры, которые заявлены на титульном листе. Так поступил В. И. Даль, включив в свой словарь, названный «Пословицы русского народа», наряду с пословицами также поговорки, присловья, скороговорки, прибаутки, загадки, приметы, суеверья и иные обороты речи. В. И. Даль отверг рекомендации критиков опубликовать отдельными книгами провербы, представляющие разные жанры, и указал на собственно языковую и интерпретативную значимость соседства в словаре разножанровых единиц [Даль, 2005, с. 8, с. 10].

К включению в пословичные словари немногочисленных провербов, представляющих собой прибаутки, присловья, приговорки, присказки и т. п., разумеется, можно относиться критически. Но на практике составителям паремиологических словарей, прошедшим длинный и тернистый путь сбора жемчужин народной мысли по крупицам, как правило, очень трудно отказаться от добавляющих немало ярких штрихов к паремиологической картине мира провербов непословичного типа. Составители словаря в этом случае рассчитывают на лингвистическую интуицию неис-

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(3), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

кушенного читателя и на благосклонность требовательного критика. Как известно, создатель монументального свода украинских паремий М. Номис с целью сгладить некоторую расплывчатость лексикографируемого материала назвал свой словарь «Українські приказки, прйслів'я і таке інше» [УКПП]. По справедливому замечанию В. М. Мокиенко, «і таке інше» весьма симптоматично и до сих пор «ни одно масштабное паремиологическое собрание не может полностью элиминировать "і такого іншого" из своих словников» [Мокиенко, 2009, с. 8]. Описывая опыт составления «Большого словаря русских пословиц», В. М. Мокиенко признается в том, при составлении этого словаря его авторы также «не могли — да и не хотели — порывать с уже сложившейся паремиологической традицией» и потому включили в словарь и такие паремии, которые не всегда «идеально» соответствовали принятому в словаре определению пословицы [Там же].

Если обратиться к анализу состава тематических блоков в словаре ППБ, то нужно признать, что составителю словаря удалось достаточно четко репрезентировать паремиологическую картину мира, реконструированную на основании полевых сборов. Предшествующие исследования ряда отечественных и зарубежных тематически организованных словарей показывают, что в качестве общих сфер паремиологической концептуализации, так или иначе проявляющихся при структурировании тематически организованных словарей, выступают: 1) среда обитания человека; 2) физическое в природе человека; 3) быт и материальные интересы человека; 4) трудовая деятельность человека; 5) человек и его семья; 6) общество, государство, мир и человек; 7) мораль и психический мир человека; 8) духовная жизнь человека [Ничипорчик, 2015, с. 27]. При этом направление «движения» по паремиологической картине мира, задаваемое последовательностью расположения тем, в тематически организованных паремиологических словарях у разных составителей может существенным образом разниться (см. об этом подробнее в статье Е. В. Ничипорчик [Ничипорчик, 2011]). Так, В. И. Даль начинает свой словарь «Пословицы и поговорки русского народа» с тематических объединений, в которых характеризуется духовная жизнь человека. От рассуждений о Боге, счастье, богатстве и бедности, добре и зле переходит к осмыслению правопорядка, государственного устройства, затем к темам войны и мира, согласия и вражды, жизни вообще. С темы «Человек» начинается обсуждение принадлежности человека к отечеству, социуму, языковому сообществу, затрагиваются семантические области одиночества и супружества, ведения хозяйства, своего и чужого, корректного и некорректного поведения личности в обществе, а также темы любви, дружбы, соседства, увлечений и страстей человека. Завершается знакомство читателя с русской паремиологической картиной

CC BY

мира в далевском словаре выходом во внешний мир: в конце словаря помещаются тематические объединения паремий о месяцеслове, природных стихиях, суевериях и приметах, о животном мире и флоре. Существенно отличается по своей макроструктуре от последнего, к примеру, один из наиболее крупных тематически организованных паремиологических словарей прошлого столетия (40 тысяч устойчивых выражений), составленный В. И. Зиминым и А. С. Спириным [Зимин и др., 1996]. В нем развитие паремиологического «сюжета» идет от темы «Человек», в которой человек рассматривается сквозь призму всех своих достоинств и недостатков, к темам, посвященным обществу, труду, важнейшим витальным ценностям, социальным отношениям и др.; завершается словарь тематическими объединения паремий о времени, родных местах, о таких категориях, как «малое, «большое», «причина», «начало», «конец».

В расположении тематических блоков в словаре ППБ его составитель, на наш взгляд, следует логической преемственности тем, намеченной в словаре В. И. Даля, и отчасти повторяет далевскую схему репрезентации тематического разнообразия паремий. От религиозных воззрений, отраженных в пословицах первого тематического блока, «путеводитель» направляет нас к тематическому блоку пословиц о труде, мыслимом как основа жизни, а далее к тематическим блокам пословиц о природе человека, его моральных и иных качествах, о правде и лжи, правовых и финансовых отношениях, дружбе и любви, семейных и родственных отношениях, счастье и жизненных неудачах, родине и чужбине; замыкающими композицию словаря являются тематические объединения паремий о времени, языке и познании мира.

Нужно сказать, что словарь В. Д. Глебова в плане композиционной организации отчасти перекликается и с тематически организованным словарем «Русские пословицы и поговорки» М. А. Рыбниковой, опубликованным (уже после ухода из жизни составителя словаря) в 1961 году. Правда, как явствует из предисловия «От редакции» к словарю М. А. Рыбниковой, издатели все же внесли некоторые изменения в последовательность расположения тематических блоков, хотя в целом стремились следовать авторскому замыслу [Рыбникова, 1961, с. 6]. В словаре М. А. Рыбниковой ядерные позиции занимают тематические объединения пословиц о труде, человеке, его внешних и внутренних качествах, периферийные — о семье, правде и лжи, добре и зле, языке и науке. Словарь В. Д. Глебова, как и словарь М. А. Рыбниковой, характеризуется профилированием темы труда и темы человека в совокупности его физических, интеллектуальных и моральных качеств. В то же время есть и существенные различия, касающиеся, прежде всего, характера представления в макроструктуре словаря тематических объединений пословиц

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(3), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

о религии, правовых и финансовых отношениях. В предисловии к своему словарю В. Д. Глебов пишет, что, хотя и есть множество пословиц, посвященных вечно живым темам (темам любви и дружбы, взаимоотношений в семье и др.) и многие паремиологические идеи остаются актуальным и поныне, время определяет отношение носителей языка к употреблению пословиц той или иной тематической принадлежности. «Если сравнивать сборник брянских пословиц и поговорок с подобными изданиями последних лет, — утверждает В. Д. Глебов, — то обращает на себя внимание изменение соотношения разных групп пословиц. Так, заметно увеличилось количество пословиц о Боге и религии (раньше печатались в основном произведения негативные, но, как оказалось, пословиц положительного содержания значительно больше). Более широкое распространение получили в наше время пословицы и поговорки о финансовых взаимоотношениях людей, об уме или бездарности человека, о возможных угрозах и об умении противостоять им, о лести, зазнайстве, высокомерии и т. п.» [Глебов, 2008, с. 8—9]. Выводы, к которым приходит составитель словаря, наблюдая над обусловленными временем «подвижками» в паремиологической картине мира, как видим, нашли отражение в порядке расположения тематических объединений в словаре пословиц и поговорок Брянщины. В словаре М. А. Рыбниковой, в соответствии с идеологией того времени, вопросы веры, финансовых отношений, своего и чужого затрагиваются в тематическом блоке, получившем весьма символическое название «Угнетатели и их мораль. Ее пережитки в сознании и быту».

Если сравнивать словарь В. Д. Глебова с областными паремиологическими словарями, изданными в последней трети двадцатого века и в начале нашего века, то здесь мы можем констатировать значительные различия, обусловленные совершенно другими факторами. Последовательность подачи материала в «Словаре псковских пословиц и поговорок» [СПП] строится с опорой на ключевые слова паремий. «Расположение пословиц, поговорок и сравнений по образному “стержню”, смысловой доминанте, как кажется, позволяет глубже заглянуть в их потаенный первоначальный смысл. Такое расположение дает возможность отразить и чисто языковую систему, в которой выкристаллизовывались перлы народной мудрости» [Мокиенко, 2001, с. 7]. С создателями данного словаря трудно не согласиться: действительно, алфавитно-гнездовой принцип составления паремиологического словаря вскрывает очень глубокие (ассоциативные, мифопоэтические, языковые) связи и отношения в паремиопространстве. В то же время нельзя отрицать важности отнесения пословицы в словаре к той или иной теме, порой это значительно облегчает понимание читателем верного смысла пословицы; составители «Словаря псковских пословиц

CC BY

и поговорок» учитывают это и дополняют свой словарь тематическим указателем.

Областной словарь «Сказано — связано. Пословицы и поговорки Прикамья» К. Н. Прокошевой [ССПП] очень мал по объему, чтобы можно было говорить о каких-либо сходствах и различиях в композиционной организации этого словаря при сопоставлении его со словарем В. Д. Глебова. В словаре пермских паремий всего лишь три больших тематических блока: «Родина. Дом. Семья», «Отношения в обществе», «Жизненная философия». Весьма симптоматично, что в аннотации к своему словарю К. Н. Прокошева отмечает, что основное содержание пословиц и поговорок, записанных на территории Пермской области, — это семья, дом, труд, жизнь [ССПП, с. 327]. Согласно исследованию одного из авторов настоящей статьи, названные категории относятся к числу доминантных ценностей в ряде европейских паремиологических картин мира (см. подробнее об этом в монографии Е. В. Ничипорчик [Ничипорчик, 2015]). Как видим, несмотря на нестатичность паремиологических картин мира, даже в малых паремиологических словарях своеобразно проявляются неподвластные времени совпадения ценностных предпочтений членов социума.

3.2. Микроструктуры словаря «Пословицы и поговорки Брянской области»

По мнению итальянского паремиолога и паремиографа В. Боджоне, организация паремиологического словаря призвана высвечивать густую сеть отношений, которыми стянуты различные пословицы, покрывающие весь контекст человеческого бытия [Boggione, 2007, p. XXXVI], и в этом бытии, в этой картине мира какой бы то ни было род разделения, любая прерывность, по мысли этого же исследователя, кажется искусственной и в той или иной мере спорной [Ibid., p. XXXIX]. Именно поэтому формирование макроструктуры словаря с тематическим принципом организации, обеспечение логической преемственности тем в последовательности их расположения оказываются на практике очень сложными задачами. Не менее сложно и не менее трудоемко определение внутреннего порядка пословиц в тематических объединениях. При составлении словаря «Пословицы русского народа» В. И. Даль уделял решению этой задачи особое внимание. Ведь верное определение места пословицы в ряду однородных по значению пословиц, как пишет В. Боджоне, делает почти прозрачным ее смысл, а объяснения ее значения лишними [Ibid., p. XXXIX]. К таким же выводам приходил и В. И. Даль; потому, когда работа над формированием цепочек близких по значению пословиц и определением последовательности подачи этих цепочек внутри тематических объединений была завершена, В. И. Даль с удовлетворением отмечает: «При таком расположении довольно полного сбор-

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(3), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

ника я уже не только тешусь остротою той либо другой пословицы, но вижу в них одну общую и цельную картину, в которой есть более глубокий смысл и значение, чем в одиночных заметках» [Даль, 2005, с. 15].

Нужно сказать, что В. Д. Глебов при составлении своего словаря также довольно успешно справился с задачей определения последовательности подачи паремий внутри тематических объединений. Этому отчасти способствовало двухуровневое тематическое членение. На втором уровне членения каждый из тематических блоков паремий представлен несколькими частными тематическими объединениями; например, тематический блок «Труд и быть человек» — такими объединениями, как «Дом, домашние дела», «Работа, трудолюбие», «Крестьянский труд», «Мастерство, навыки», «Нерадивость, лень». Внутри малых тематических объединений паремии стягивались в цепочки на основании близости значения, повтора когнитем, разнообразно объективируемых языковыми средствами, повтора «строительного материала» провербиальных единиц (см подробнее о системных отношения в паремиопространстве работы Е. И. Селиверстовой [Селиверстова, 2005; Селиверстова, 2009]). Проиллюстрируем сказанное двумя фрагментами из словаря:

(1) *Всякая молитва Богу угодна.*
Всякая молитва до Бога доходит.
Бог слышит всякую молитву.
Молитва всегда к месту.
С молитвой и дело спорится.
(2) *Маленькое дело лучше большого безделья.*
Будет охота — найдется и работа.
Была бы охота, а работа найдется.
Была бы охота — будет ладится и работа.
Без охоты неспоро у работы.
Было бы желанье, а дело всегда найдется.
Было бы желание, а повод найдется.
Охота — та же неволя.
Охота — пуще неволи.
Долог день до вечера, если делать нечего.

В первом фрагменте мы можем наблюдать объединение в одну цепочку паремий, в которых выражается идея побуждения к совершению молитв. В данной цепочке паремий есть много связующих элементов, используемых для объективации когнитем ‘Бог слышит молитвы’, ‘молитва — это благо’: это и ключевое слово *молитва*, и имя Бога, и кванторы общности (*всякая молитва, всегда к месту*), и мелиоративы (*угодна*, *доходит*, *к месту*). Во втором фрагменте можно увидеть, как тонко осуществляется пе-

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(3), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

реход от одной микротемы (и, соответственно, от одной цепочки паремий) к другой в тематическом объединении «Работа, трудолюбие»: здесь отражается связь ряда однородных и логически сопряженных понятий, имеющих непосредственное отношение к труду: «дело / «безделье», «дело» / «работа», «охота» / «желание», «охота / неволя».

Несомненно, наиболее ценную часть микроструктур словаря региональных паремий представляют самобытные паремии. Выявление такого рода пословиц и поговорок — достаточно сложная по своему решению задача. Дело в том, что лакунарность, обнаруживаемая в фундаментальных паремиологических словарях в результате сопоставления их с региональными словарями, является весьма относительной характеристикой. Причина кроется в необычайной гибкости формы, в которую облекаются провербиальные идеи. Зачастую та или иная пословица из сборника региональных пословиц, не зафиксированная в фундаментальных собраниях, является одним из вариантов пословицы, бытующей у всех на устах, либо одним из вариантов воплощения провербиальной идеи, общей для представительной данной этнической культуры и иных культур. Приведем для иллюстрации такого рода пословицы, зафиксированные нами в словаре «Пословицы и поговорки Брянской области».

Сравните: *Бог не Ермошка — видит немножко* [ППБ, с. 32] и *Бог не Микитка, ему сверху всё видко* [БСПП, с. 60], *Бог не Микитка, он всё видит* [БСПП, с. 60];

Бога чти, а дьявола не гневи [ППБ, с. 32] и *Бога моли, а чёрта не гневи* [БСПП, с. 70], *Бога не гневи, а чёрта не смеши* [БСПП, с. 70];

Кто без креста, тот без Христа [ППБ, с. 36]; *Без креста не узнаешь Христа* [ППБ, с. 36] и *Кто без крестов, тот не Христов* [БСПП, с. 451];

Пошел в попы — служи и панихиды [ППБ, с. 37] и *Нанялся в попы — служи и панихиды* [БСПП, с. 695];

Выпили на масленице, а похмелье пришло на радунице [ППБ, с. 195] и *Выпили пиво (на) Масленице, а похмелье ломало после Радуницы* [БСПП, с. 658];

Вино веселит, да потом все болит [ППБ, с. 193] и *Вино веселит, да от вина (же и) голова болит* [БСПП, с. 125];

Было ремесло, да вином заросло [ППБ, с. 194] и *Было ремесло, да вином залило* [БСПП, с. 753]; *Было ремесло, да хмелем заросло* [БСПП, с. 753].

Некоторые региональные пословицы при сопоставлении их с пословицами, зафиксированными в «Большом словаре русских пословиц», обнаруживают лишь переклички когнитем:

Сравните: *Начерта попу гармонь, если есть кадило* [ППБ, с. 37] и *Бондарь живёт долбилом, а поп — кадилом* [БСПП, с. 85];

CC BY

Днем грешит, а ночью грехи отмаливает [ППБ, с. 33] и *Кто больше спит, тот меньше грешит* [БСПП, с. 863]; *Кто спит — не грешит* [БСПП, с. 863].

Отец за чарочку, сыновья за ковши [ППБ, с. 194] и *Игуменьи за чарку (чарочку), сестры за ковши* [БСПП, с. 386].

Любовь — не картошка: получше немножко [ППБ, с. 202] и *Любовь не картошка — не выбросишь (не выкинешь) в окошко* [БСПП, с. 502]; *Любовь не картошка — в горшке не сваришь* [БСПП, с. 502] и т. п.

Фиксируемое в региональных сборниках паремий богатство вариантов общенациональных провербиальных единиц, приятно удивляющее свежими образами и ассоциациями, новыми рифмами, — яркое свидетельство реальной жизни слова на устах носителей обыденного сознания, бесконечного «движения» в паремиологической картине мира.

Если же в словаре обнаруживаются паремии, которые не характеризуются ни формальными, ни содержательными сходствами с паремиями, зафиксированными в фундаментальных словарях, на наш взгляд, нужны дополнительные изыскания, которые бы подтверждали региональную закрепленность и самобытность провербиальных единиц. Немаловажную роль здесь должна сыграть статистика — частотность фиксации региональной паремии в речи респондентов; целесообразно также проверить наличие / отсутствие паремии, оцениваемой как самобытная, в словарях соседних регионов, в Интернет-пространстве и др.

В паремиологической коллекции В. Д. Глебова, конечно же, есть паремии, которым не найдены соответствия в «Большом словаре русских пословиц»; приведем здесь некоторые из них: *Грешить только первый раз трудно; дальше легче пойдет* [ППБ, с. 33]; *Церкви — не овины: образа в них едины* [ППБ, с. 36]; *Поп сдачи не дает* [ППБ, с. 37]; *У нас режим: свалимся и лежим* [ППБ, с. 195]; *Пошел в гости на блины, а потом пропил штаны* [ППБ, с. 195]; *Пьешь вино, сосешь табак — значит, стал совсем дурак* [ППБ, с. 195]. Интересно, что за исключением последних двух пословиц все остальные единицы либо их строевые компоненты в составе близких по значению выражений найдены в сети Интернет. Значит, эти пословицы действительно на слуху и их фиксация в одном из региональных паремиологических собраний закономерна, хотя и не является свидетельством их ограниченной территориальной закрепленности.

Закономерно и то, что на составе паремиологических единиц, живущих в речи брянчан, сказалось нахождение Брянской области в приграничье с Беларусью и Украиной. В словаре ППБ фиксируем такие выражения: *Лепей у доме на соломе, чем у лесе на вересе* [ППБ, с. 38]; *Очи дивятся его,*

да не бачут ничего [ППБ, с. 64]; *Сажали бурак, а вышел дурак* [ППБ, с. 134]; *Как ни рядись, все равно гукнется* [ППБ, с. 113]; *Стыд — не брыд: глаза не выест* [ППБ, с. 92]. Составитель словаря пишет, что подобные паремии фиксировались на всей территории области и все они представляют значительный интерес для специалистов [Глебов, 2008, с. 24, 25].

4. Заключение = Conclusions

Словарь «Пословицы и поговорки Брянской области», составленный В. Д. Глебовым, по макро- и микроструктурным характеристикам можно определить как паремиологическую коллекцию, в которой продемонстрировано продолжение лучших традиций русской паремиографии. Преимущество тематического расположения паремий, избранного составителем словаря, заключается в том, что каждая паремия в системе региональных провербов получает свое место, и в случае затемненности ее смысла словарное окружение паремиологической единицы подскажет читателю верный путь к пониманию ее значения.

Гармоничный в композиционном отношении и репрезентативный по своему количественному составу словарь пословиц и поговорок Брянщины наряду с иными региональными паремиографическими словарями может послужить надежной основой для выявления той части общерусского паремиофонда, которая сохраняется в обыденном сознании носителей языка и характеризуется проверенной временем востребованностью.

Создание региональных паремиологических словарей, равно как и создание словарей паремий малых народов, в настоящее время является одной из приоритетных задач паремиологии. В подтверждение верности данного тезиса можно привести следующие аргументы.

1) Человеческое сознание неутомимо в стремлении выразить отношение к окружающему миру в меткой, ритмизованной и легко запоминающейся форме. Материалы черпаются из сокровищниц самого языка, поэтому число вариантов и трансформов провербиальных единиц неизбежно увеличивается. Каждый вариант воплощения провербиальной идеи ценен, и региональная паремиографическая практика способствует наиболее полной репрезентации русской паремиологической картины мира.

2) Мир человека как биосоциального существа, с одной стороны, статичен ввиду неизменности физической природы человека и некоторых социальных установок, с другой стороны, чрезвычайно подвижен. По этой причине человеку необходимо бережно относиться к опыту прошлого и достойно принимать вызовы настоящего. Фиксация состояния паремиофондов, чутко реагирующих на изменения в мире, особенно важна в условиях глобализации, когда постепенно уходят из жизни представители

CC BY

старшего поколения — коренные жители тех или иных областей — и все труднее сберечь то, что ранее делало людей одной большой семьей.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. БСПГ — *Мокиенко В. М.* Большой словарь русских поговорок. Более 40 000 образных выражений / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина ; под общ. ред. проф. В. М. Мокиенко. — Москва : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008. — 784 с. — ISBN 978-5-373-05079-1.

2. БСРС — *Мокиенко В. М.* Большой словарь русских пословиц / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева ; под общ. ред. В. М. Мокиенко. — Москва : ОЛМА Медиа Групп, 2010. — 1024 с. — ISBN 978-5-373-03250-6.

3. БСС — *Мокиенко В. М.* Большой словарь русских сравнений. Более 45 000 образных выражений / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина ; под общ. ред. проф. В. М. Мокиенко. — Москва : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008. — 800 с. — ISBN 978-5-373-01351-2.

4. *Жуков В. П.* Словарь русских пословиц и поговорок / В. П. Жуков. — Москва : Сов. энциклопедия, 1966. — 535 с.

5. *Зимин В. И.* Пословицы и поговорки русского народа. Объяснительный словарь / В. И. Зимин, А. С. Спирин. — Москва : Сюита, 1996. — 544 с. — ISBN 5-85541-042-0.

6. МРП — *Мудрое* слово. Русские пословицы и поговорки ; сост. А. А. Разумов. — Москва : Гос. изд-во детской лит-ры Министерства просв. РСФСР, 1957. — 239 с.

7. НПП — *Народные* пословицы и поговорки ; сост. А. И. Соболев. — Москва : Московский рабочий, 1956. — 155 с.

8. ППБ — *Пословицы* и поговорки Брянской области // Сост., вступ. ст., подгот. текстов и примеч. В. Д. Глебов. — Брянск : РИО БГУ , 2008. — 325 с. — ISBN 978-5-9734-0092-7.

9. ППРН — *Даль В. И.* Пословицы русского народа / В. И. Даль. — Москва : Изд-во Эксмо, Изд-во ННН, 2005. — С. 5—16. — ISBN 5-699-10849-1.

10. РППА — *Русские* пословицы и поговорки ; Под ред. В. П. Аникина ; Предисл. В. П. Аникина. Сост. Ф. М. Селиванов, Б. П. Кирдан, В. П. Аникин. — Москва : Художественная литература, 1988. — 431 с. — ISBN 5-280-00027-2.

11. РППЖ — *Русские* пословицы и поговорки ; сост. А. М. Жигулев. — Москва : Наука, 1969. — 360 с.

12. *Рыбникова М. А.* Русские пословицы и поговорки / М. А. Рыбникова. — Москва : Изд-во АН СССР, 1961. — 230 с.

13. Спирин 1985 — *Спирин А. С.* Русские пословицы. Сборник русских народных пословиц и поговорок, присловиц, молвушек, приговорок, присказок, крылатых выражений литературного происхождения / А. С. Спирин. — Ростов-на-Дону : Изд-во Ростов. гос. ун-та, 1985. — 204 с.

14. СМП — *Народная* мудрость : мордовские пословицы и поговорки / составитель А. И. Московкина. — Саранск : Мордовское книжное издательство, 2024. — 118 с.

15. СПП — *Словарь* псковских пословиц и поговорок / Сост. В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. — Санкт-Петербург : Норинт, 2001. — 176 с. — ISBN 5-7711-0118-4.

16. ССПП — *Сказано* — связано. Пословицы и поговорки Прикамья / Сост. К. Прокошева. — Пермь : Пермское книжное издательство, 1988. — 324 с. — ISBN 5-7625-0088-4.

17. СФУ — *Словарь* фразеологизмов и иных устойчивых словосочетаний русских говоров Сибири ; сост. : Н. Т. Бухарева, А. И. Федоров. — Новосибирск : Наука, 1972. — 207 с.

18. ТСПН — *Барышникова О. И.* Пословица недаром молвится : толковый словарь пословиц и поговорок нагайбакского народа / О. И. Барышникова, А. А. Осипова, С. Г. Шулежкова ; Науч-исследовательская словарная лаборатория НИИ ист. Антропологии и филологии МГПУ им. Г. И. Носова ; под ред. С. Г. Шулежковой. — Магнитогорск : Магнитогорский Дом печати. 2019. — 157 с. — ISBN 978-5-7114-0679-2.

19. УКПП — *Українські* приказки, прислів'я і таке інше : Зб. О. В. Марковича і других / спорудив М. Номис. — Санкт-Петербург : [б. и.], 1864; — 3е вид. Київ : Либідь, 1993.

20. УРП — *Устная* речь астраханцев: лексика, обороты речи, пословицы, тексты / авт.-сост. Л. А. Баташёва, Э. В. Копылова. — Астрахань : Астраханский ун-т, 2008. — 99 с. — ISBN 978-5-9926-0135-0.

Литература

1. *Аникин В. П.* Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор / В. П. Аникин. — Москва : Учпедгиз, 1957. — 240 с.

2. *Воротников Ю. Л.* Флорилегии / Ю. Л. Воротников // Русская речь. — 1991. — № 3. — С. 84—90.

3. *Глебов В. Д.* Брянские народные изречения / В. Д. Глебов // Пословицы и поговорки Брянской области / сост., подгот, текстов и примеч. В. Д. Глебова. — Брянск : РИО БГУ, 2008. — С. 3—28. — ISBN 978-5-9734-0092-7.

4. *Даль В. И.* Напутное / В. И. Даль // Пословицы русского народа. — Москва : Изд-во Эксмо, Изд-во ННН, 2005. — С. 5—16.

5. *Кобелева И. А.* Русская диалектная фразеография: грамматический аспект (на материале словарей говоров Русского Севера) / И. А. Кобелева. — Санкт-Петербург : Наука, 2007. — 200 с. — ISBN 978-5-02-026514-1.

6. *Кобелева И. А.* Современная русская диалектная фразеология : лексико-грамматический и лексикографический аспекты : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.01 / И. А. Кобелева. — Великий Новгород, 2012. — 355 с.

7. *Мокиенко В. М.* Большой словарь русских пословиц (опыт составления) / В. М. Мокиенко // Проблемы истории, филологии, культуры. — 2009. — № 2 (24). — С. 5—18.

8. *Мокиенко В. М.* Народная мудрость / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. — Москва : Олма Медиа-Групп, 2011. — 416 с. — ISBN 978-5-373-03942-0.

9. *Мокиенко В. М.* О словаре псковских пословиц и поговорок / В. М. Мокиенко // Словарь псковских пословиц и поговорок / сост. В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. — Санкт-Петербург : Норинт, 2001. — С. 5—11. — ISBN 5-7711-0118-4.

10. *Мокиенко В. М.* Параметры славянской фразеографии и паремиографии / В. М. Мокиенко // Славянская фразеография и паремиография : коллективная монография. — Greifswald : [б. и.], 2014. — С. 10—21.

11. *Мокиенко В. М.* Предисловие / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева // Большой словарь русских пословиц. — Москва : ОЛМА Медиа Групп, 2010. — С. 4—9. — ISBN 978-5-373-03250-6.

12. *Мокиенко В. М.* Проблемы славянской паремиологии (лингвистические аспекты) / В. М. Мокиенко // Славянская фразеология и паремиология в XXI веке : сб. науч. ст. / под ред. Е. Е. Иванова, В. М. Мокиенко. — Минск : Змицер Колас, 2010. — С. 167—189. — ISBN 9789856783947.

13. *Мокиенко В. М.* Рецензия : Зимин В. И., Спирин А. С. Пословицы и поговорки русского народа / В. М. Мокиенко. — Москва : Сюита, 1996. — 544 с.

14. *Мокиенко В. М.* Русская диалектная фразеография: дифференциальные и полные словари / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина ; ред. Х. Вальтер. — Санкт-Петербург. — Greifswald : СПбГУ—Universität Greifswald, 2019. — 310 с.

15. *Никитина Т. Г.* Русские пословицы в современной речи : к концепции комплексной лексикографической репрезентации / Т. Г. Никитина // Филологические науки. Вопросы теории и практики Philology. Theory & Practice. — 2023. — Т. 16. — Выпуск 11. — С. 3653—3658.

16. *Ничипорчик Е. В.* Мир человека в паремиографической репрезентации : актуальные проблемы и перспективы их решения / Е. В. Ничипорчик // Славянская фразеология и паремиология. Национальное и интернациональное. Стабильное и изменчивое. К 70-летию со дня рождения профессора В. И. Коваля : сборник научных статей / редкол. : Е. В. Ничипорчик (отв. ред.) и др. — Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2021. — С. 228—237. — ISBN 978-985-577-810-4.

17. *Ничипорчик Е. В.* Тематический принцип составления паремиологических словарей как отражение структуры провербиального пространства / Е. В. Ничипорчик // Славянская фразеология в синхронии и диахронии : сб. науч. Статей. — Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2011. — Выпуск 1. — С. 270—274. — ISBN 978-985-439-585-2.

18. *Ничипорчик Е. В.* Отражение ценностных ориентаций в паремиях / Е. В. Ничипорчик. — Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2015. — 358 с.

19. *Пронченко С. М.* Народная лингвокультура приграничного восточнославянского этноконтактного локуса : лексико-фразеологический аспект / С. М. Пронченко, С. Н. Стародубец, О. В. Белугина // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 6. — С. 355—376. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-6-355-376.

20. *Савенкова Л. Б.* Русская паремиология: семантический и лингвокуль-турологический аспекты / Л. Б. Савенкова. — Ростов-на-Дону : Издательство Ростовского университета, 2002. — 240 с. — ISBN 5-87963-021-8.

21. *Селиверстова Е. И.* Как «собрать» пословицу: некоторые средства и способы / Е. И. Селиверстова // Грани слова, сб. науч. статей к 65-летию проф. В. М. Мокиенко. — Москва : Флинта, 2005. — С. 135—142. — ISBN 5-902872-01-4.

22. *Селиверстова Е. И.* Пространство русской пословицы : постоянство и изменчивость / Е. И. Селиверстова. — Санкт-Петербург : МИРС, 2009. — 270 с. — ISBN 978-5-9765-3329-5.

23. *Стародубец С. Н.* Народная лингвокультура восточнославянского пограничья в условиях социально-политических изменений / С. Н. Стародубец, О. В. Белугина // Русский язык в поликультурном мире : Сборник научных статей IX Международного симпозиума, Ялта, 08—12 июня 2025 года. — Симферополь : Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, 2025. — С. 207—212.

CC BY

24. *Boggione V.* Lògos, dialogo, letteratura / V. Boggione // Dizionario dei proverbi. I proverbi italiani organizzati per temi. — Torino : UTET, 2007. — Pp. XXIII—XLVIII.

Статья поступила в редакцию 09.09.2025,
одобрена после рецензирования 02.12.2025,
подготовлена к публикации 23.03.2026.

Material resources

BSPG — Mokienko, V. M., Nikitina, T. G. (2008). *A large dictionary of Russian proverbs. More than 40,000 figurative expressions.* Moscow: OLMA Media Group CJSC. 784 p. ISBN 978-5-373-05079-1. (In Russ.).

BSPS — Mokienko, V. M., Nikitina, T. G., Nikolaeva, E. K. (2010). *A large dictionary of Russian proverbs.* Moscow: OLMA Media Group. 1024 p. ISBN 978-5-373-03250-6. (In Russ.).

BSS — Mokienko, V. M., Nikitina, T. G. (2008). *The Big Dictionary of Russian comparisons. More than 45,000 figurative expressions.* Moscow: OLMA Media Group CJSC. 800 p. ISBN 978-5-373-01351-2. (In Russ.).

MCI — *Wise word. Russian proverbs and sayings.* (1957). Moscow: State Publishing House of Children's Literature of the Ministry of Education. RSFSR. 239 p. (In Russ.).

NPP — *Folk proverbs and sayings.* (1956). Moscow: Moskovsky Rabochy Publ. 155 p. (In Russ.).

PPB — *Proverbs and sayings of the Bryansk region.* (2008). Bryansk: RIO BSU. 325 p. ISBN 978-5-9734-0092-7. (In Russ.).

PPRN — Dahl, V. I. (2005). *Proverbs of the Russian people.* Moscow: Eksmo Publishing House, NNH Publishing House. 5—16. ISBN 5-699-10849-1. (In Russ.).

RPPJ — *Russian proverbs and sayings.* (1969). Moscow: Nauka Publ. 360 p. (In Russ.).

RPPP — Anikin, V. P. (ed.). (1988). *Russian Proverbs and Sayings.* Moscow: Khudozhestvennaya literatura. 431 p. ISBN 5-280-00027-2. (In Russ.).

Rybnikova, M. A. (1961). *Russian proverbs and sayings.* Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 230 p. (In Russ.).

SibFU — *Dictionary of phraseological units and other stable phrases of Russian dialects of Siberia.* (1972). Novosibirsk: Nauka Publ. 207 p. (In Russ.).

SMP — *Folk wisdom: Mordovian proverbs and sayings.* (2024). Saransk: Mordovian Book Publishing House. 118 p. (In Russ.).

Spirin 1985 — Spirin, A. S. (1985). *Russian proverbs. Collection of Russian folk proverbs and sayings, sayings, sayings, sayings, sayings, winged expressions of literary origin.* Rostov-on-Don: Publishing House of Rostov State University. 204 p. (In Russ.).

SPP — *Dictionary of Pskov proverbs and sayings.* (2001). St. Petersburg: Norint. 176 p. ISBN 5-7711-0118-4. (In Russ.).

SSPP — *Said — Connected. Proverbs and sayings of the Kama region.* (1988). Perm: Perm Book Publishing House. 324 p. ISBN 5-7625-0088-4. (In Russ.).

TSPN — Baryshnikova, O. I., Osipova, A. A., Shulezhkova, S. G. (2019). *A proverb is said for a reason: an explanatory dictionary of proverbs and sayings of the Nagaibak people.* Magnitogorsk: Magnitogorsk House of Printing. 157 p. ISBN 978-5-7114-0679-2. (In Russ.).

UKPP — *Ukrainian orders, sent by me and others: Zb. O. V. Markovich and others.* (1864, 1993). St. Petersburg: [b. i.]. Kiev: Libid. (In Ukr.).

URP — *Oral speech of Astrakhan people: vocabulary, turns of speech, proverbs, texts.* (2008). Astrakhan: Astrakhan University. 99 p. ISBN 978-5-9926-0135-0. (In Russ.).

Zhukov, V. P. (1966). *Dictionary of Russian proverbs and Sayings.* Moscow: Soviet Encyclopedia. 535 p. (In Russ.).

Zimin, V. I., Spirin, A. S. (1996). *Proverbs and sayings of the Russian people. Explanatory dictionary.* Moscow: Suite. 544 p. ISBN 5-85541-042-0. (In Russ.).

References

Anikin, V. P. (1957). *Russian folk proverbs, sayings, riddles and children's folklore.* Moscow: Uchpedgiz Publ. 240 p. (In Russ.).

Boggione, V. (2007). Lògos, dialogo, letteratura. In: *Dizionario dei proverbi. I proverbi italiani organizzati per temi.* Torino: UTET. XXIII—XLVIII. (In Ital.).

Dahl, V. I. (2005). Naputnoe. In: *Proverbs of the Russian people.* Moscow: Eksmo Publishing House, NNH Publishing House. 5—16. (In Russ.).

Glebov, V. D. (2008). Bryansk folk sayings. In: *Proverbs and sayings of the Bryansk region.* Bryansk: RIO BSU. 3—28. ISBN 978-5-9734-0092-7. (In Russ.).

Kobeleva, I. A. (2007). *Russian dialect phraseography: a grammatical aspect (based on the material of dictionaries of dialects of the Russian North).* Saint Petersburg: Nauka Publ. 200 p. ISBN 978-5-02-026514-1. (In Russ.).

Kobeleva, I. A. (2012). *Modern Russian dialect phraseology: lexico-grammatical and lexicographic aspects.* Doct. Diss. Veliky Novgorod. 355 p. (In Russ.).

Mokienko, V. M. (1996). Review: Zimin V. I., Spirin A. S. (1996). *Proverbs and sayings of the Russian people.* Moscow: Suite. 544 p. (In Russ.).

Mokienko, V. M. (2001). On the dictionary of Pskov proverbs and sayings. In: *Dictionary of Pskov proverbs and sayings.* Saint Petersburg: Norint. 5—11. ISBN 5-7711-0118-4. (In Russ.).

Mokienko, V. M. (2009). A large dictionary of Russian proverbs (experience of compilation). *Problems of history, philology, and culture, 2 (24):* 5—18. (In Russ.).

Mokienko, V. M. (2010). Problems of Slavic paremiology (linguistic aspects). In: *Slavic phraseology and paremiology in the XXI century: collection of scientific articles.* Minsk: Zmitser Kolas Publ. 167—189. ISBN 9789856783947. (In Russ.).

Mokienko, V. M. (2014). Parameters of Slavic phraseography and paremiography. In: *Slavic phraseography and paremiography: a collective monograph.* Greifswald: [b. i.]. 10—21. (In Russ.).

Mokienko, V. M., Nikitina, T. G. (2011). *Folk wisdom.* Moscow: Olma Media Group. 416 p. ISBN 978-5-373-03942-0. (In Russ.).

Mokienko, V. M., Nikitina, T. G. (2019). *Russian dialect phraseography: differential and complete dictionaries.* Saint Petersburg: St. Petersburg State University. 310 p. (In Russ.).

Mokienko, V. M., Nikitina, T. G., Nikolaeva, E. K. (2010). Preface. In: *Big dictionary of Russian proverbs.* Moscow: OLMA Media Group. 4—9. ISBN 978-5-373-03250-6. (In Russ.).

Nichiporchik, E. V. (2011). The thematic principle of compiling paremiological dictionaries as a reflection of the structure of the proverbial space. In: *Slavic phraseology in synchrony and diachrony: collection of scientific papers. Articles, 1.* Gomel: F. Skorina State State University. 270—274. ISBN 978-985-439-585-2. (In Russ.).

Nichiporchik, E. V. (2015). *Reflection of value orientations in paremias.* Gomel: F. Skorina State State University. 358 p. (In Russ.).

Nichiporchik, E. V. (2021). The human world in paremiographic representation: actual problems and prospects for their solution. In: *Slavic phraseology and paremiology. National and international. Stable and changeable. On the 70th anniversary of the birth of Professor V. I. Koval: a collection of scientific articles.* Gomel: F. Skorina State State University. 228-237. ISBN 978-985-577-810-4. (In Russ.).

Nikitina, T. G. (2023). Russian proverbs in modern speech: towards the concept of complex lexicographic representation. *Philological Sciences. Questions of theory and practice of Philology. Theory & Practice, 16 (11):* 3653—3658. (In Russ.).

Pronchenko, S. M., Starodubets, S. N., Belugina, O. V. (2025). Folk Linguoculture of Borderland East Slavic Ethnocontact Locus: A Lexical-Phrazeological Perspective. *Nauchnyi dialog, 14 (6):* 355—376. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2025-14-6-355-376 (In Russ.).

Savenkova, L. B. (2002). *Russian paremiology: semantic and linguocultural aspects.* Rostov-on-Don: Rostov University Press. 240 p. ISBN 5-87963-021-8. (In Russ.).

Seliverstova, E. I. (2005). How to "collect" a proverb: some means and methods. In: *Facets of the word, collection of scientific. articles dedicated to the 65th anniversary of Professor V. M. Mokienko.* Moscow: Flinta Publ. 135—142. ISBN 5-902872-01-4. (In Russ.).

Seliverstova, E. I. (2009). *The space of the Russian proverb: constancy and variability.* Saint Petersburg: MIRS. 270 p. ISBN 978-5-9765-3329-5. (In Russ.).

Starodubets, S. N., Belugina, O. V. (2025). Folk linguoculture of the East Slavic borderland in the context of socio-political changes. In: *Russian language in the multicultural world: Collection of scientific articles of the IX International Symposium, Yalta, June 08—12, 2025.* Simferopol: Vernadsky Crimean Federal University. 207—212. (In Russ.).

Vorotnikov, Yu. L. (1991). Florilegia. *Russian speech, 3:* 84—90. (In Russ.).

The article was submitted 09.09.2025;
approved after reviewing 02.12.2025;
accepted for publication 23.03.2026.

CC BY

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(3), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Степыкин Н. И. Степень близости значения слов в ментальном лексиконе / Н. И. Степыкин // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 3. — С. 151—167. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-3-151-167.

Stepykin, N. I. (2026). Degree of Semantic Proximity of Words in Mental Lexicon. *Nauchnyi dialog, 15* (3): 151-167. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-3-151-167. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus Q1 · DOAJ · ERIHPLUS · eLIBRARY.RU РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Степень близости значения слов в ментальном лексиконе

Степыкин Николай Иванович [1, 2]
orcid.org/0000-0002-2802-5686
доктор филологических наук, доцент,
[1] профессор кафедры
иностранных языков;
[2] ведущий научный сотрудник
лаборатории психолингвистики
nick1086@mail.ru

[1] Национальный исследовательский
университет «МЭИ»
(Москва, Россия)

[2] Московский государственный
лингвистический университет
(Москва, Россия)

Degree of Semantic Proximity of Words in Mental Lexicon

Nikolay I. Stepykin [1, 2]
orcid.org/0000-0002-2802-5686
Doctor of Philology, Associate Professor,
[1] Professor, Department
of Foreign Languages;
[2] leading research scientist
of Psycholinguistics
nick1086@mail.ru

[1] National Research University
«Moscow Power Engineering Institute»
(Moscow, Russia)

[2] Moscow State
Linguistic University
(Moscow, Russia)

© Степыкин Н. И., 2026

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена актуальной проблеме психолингвистики — моделированию ментального лексикона как динамической структуры, определяющей процессы понимания и порождения речи. Целью исследования является определение степени близости значения слов в ментальном лексиконе. На материале разработанной нами базы данных «Интерактивная карта базовых ценностей Российской Федерации» с помощью сопоставительного анализа ассоциативного поля «Здоровье» и других полей слов, номинирующих ценности россиян, обнаружены ассоциаты-пересечения, представляющие собой общие признаки, на основе которых устанавливаются ментальные связи между анализируемыми словами. Проведённое исследование показало, что сила связи слов в ментальном лексиконе, степень близости их значения обусловлены индексом пересечения ассоциатов. Новизна исследования заключается в том, что на основе анализа величины индекса пересечения ассоциатов в работе удалось установить иерархию ценностей по степени близости их значения к слову *здоровье*, а также количественно объективировать доминантные признаки, отражающие взаимосвязь и взаимообусловленность базовых ценностей россиян. Автор приходит к выводу о том, что специфическим образом упорядоченная организация компонентов ментального лексикона детерминирует ценностную картину мира и потенциально возможные траектории развития личностных смыслов, которые реализуются в коммуникации.

Ключевые слова:
ассоциаты-пересечения; базовые ценности; индекс пересечения ассоциатов; ментальный лексикон; свободный ассоциативный эксперимент.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article addresses a pressing issue in psycholinguistics — namely, the modeling of the mental lexicon as a dynamic structure that underlies the processes of speech comprehension and production. The research aims to determine the degree of semantic proximity between words within the mental lexicon. Using a database developed by the authors, titled Interactive Map of Basic Values of the Russian Federation, the study conducts a comparative analysis of the associative field “Health” alongside other fields representing values significant to Russians. The analysis identifies overlapping associates — common semantic features that establish mental connections among the words under consideration. The findings demonstrate that the strength of lexical associations and the degree of semantic proximity between words are determined by the index of overlapping associates. The novelty of this research lies in its ability, through the analysis of the overlapping associates index, to establish a hierarchy of values based on their semantic proximity to the concept of “health,” as well as to quantitatively objectify dominant features that reflect the interrelation and interdependence of Russians’ basic values. The author concludes that the specifically organized structure of the mental lexicon components determines the value-based worldview and potentially possible trajectories for the development of personal meanings, which are realized in communication.

Key words:
overlapping associates; basic values; index of overlapping associates; mental lexicon; free associative experiment.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(3), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 81’23
DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-3-151-167

Научная специальность ВАК
5.9.5. Русский язык. Языки народов России
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Степень близости значения слов в ментальном лексиконе

© Степыкин Н. И., 2026

1. Введение = Introduction

Появление в научной литературе 60-х годов XX века термина *ментальный лексикон* (МЛ) связано с работой Э. Трейсман, впервые предложившей понятие «ментальный словарь» и соответствующую терминологическую номинацию для хранилища слов с их значениями в памяти человека [Treisman, 1961]. Ментальный лексикон — психическая сущность, недоступная прямому наблюдению, поэтому возникает необходимость его моделирования — представления в виде материального конструкта. В настоящее время разработано множество моделей МЛ для объяснения того, как организовано хранение слов, их значений и связанной с ними информации (лингвистической и экстралингвистической), которой обладает индивид. К наиболее распространённым моделям МЛ относятся лексический поиск [Forster, 1976], логогенная модель опознания слова [Morton, 1969] и модель интерактивной (распределительной) активации [McClelland et al., 1981].

Большинство современных исследователей рассматривают МЛ как динамическую сеть интерактивной активации контекстуально обусловленных смыслов [Bender de Sousa et al., 2015 и др.]. Этот подход теоретически обоснован моделями продуцирования речи распределительного характера [Dell, 1986; Seidenberg et al., 1989; Morsella et al., 2002 и др.], в которых предполагается «конкуренция» различных типов синтаксиса [Bates, 1976; Ахутина, 2007; Ахутина, 2022].

Чтобы термин *ментальный лексикон* не превратился в «миф», «важна разработка методологических принципов исследования, отвечающих современному научному уровню знаний о специфике обсуждаемого феномена» [Залевская, 2014, с. 44] с учётом его междисциплинарности [Пищальникова, 2020; Новые тенденции ..., 2024; Умарова и др., 2025]. В структуре ментального лексикона важное место занимает значение как познавательная единица, которая выводит на разнообразные формы хранения знаний об окружающем человека мире [Леонтьев, 2001]. С помощью значений как когнитивных структур язык «влияет на

CC BY

среду своего бытования — на ментальные процессы — и *упорядочивает* ее» [Пищальникова, 2005, с. 99]. Предложенное А. А. Леонтьевым понимание психологической структуры значения слова как его ассоциативной структуры [Леонтьев, 1971, с. 11] свидетельствует о том, что для изучения психологического значения как структурообразующего компонента ментального лексикона необходимо обращаться к анализу ассоциативных данных [Пищальникова, 2019] и интерпретировать формализованные квантитативные характеристики не только прямых, но и в особенности скрытых опосредованных связей слов [Степыкин, 2021]. Наиболее показательны в этом отношении выделенные составителями словаря ассоциативных норм Южной Флориды опосредования и пересечения ассоциатов, их количество и сила [Nelson et al., 2014]. Установлено, что ассоциаты-пересечения отражают признаки, детерминирующие связь слов в ментальном лексиконе, а индекс пересечения ассоциатов показывает степень близости психологического значения слов [Степыкин и др., 2023; Пищальникова и др., 2024].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Данное исследование предпринято с целью определения степени близости значения слов в анализируемом фрагменте ментального лексикона, включающем базовые ценности россиян.

Материал исследования — разработанная лабораторией психолингвистики база данных «Интерактивная карта базовых ценностей Российской Федерации»[1], которая представляет собой обработанные экспериментальные результаты, полученные при обследовании 9 городов РФ путем проведения массового свободного ассоциативного эксперимента, опроса и ранжирования.

Для обнаружения связи слов используется сопоставительный анализ ассоциативных полей, позволяющий выявить общие для них реакции — ассоциаты-пересечения (П). Поиск ассоциатов-пересечений можно осуществлять как в ручном режиме, так и с помощью специальных программ по сравнению текстов. В нашей работе применялась программа для определения дубликатов, размещенная в свободном доступе на сайте https://interplanety.org/tools/duplisearch.

Количество ассоциатов-пересечений (КП) отражает не только сходство двух полей как текстов, но и число признаков, на основании которых устанав-

1 Карта ценностей (КЦ) — свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2024626348 Российская Федерация. Интерактивная карта базовых ценностей Российской Федерации: заявл. 09.12.2024: опубл. 25.12.2024 / В. А. Пищальникова, З. Г. Адамова, Н. И. Степыкин, В. В. Изюмская-Капитонова; заявитель Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный лингвистический университет».

CC BY

ливается близость значения слов. Важной количественной характеристикой ассоциатов-пересечений является индекс актуализации реакции (ИАР) — отношение частоты ассоциата к общему количеству реакций в составе поля. Этот показатель, рассчитываемый для двух сопоставляемых полей, демонстрирует вероятность продуцирования речевого действия, одним из обязательных составляющих которых является *П*. Второй компонент — стимульные слова сопоставляемых полей ($АП_1$ и $АП_2$). ИАР рассчитывается для каждого соотношения стимулов $АП_1$ и $АП_2$ и ассоциата *П* соответственно. Умножив *ИАР* по стимулам $АП_1$ и $АП_2$, мы получаем индекс пересечения полей (ИПА), отражающий степень близости значения слов в ментальном лексиконе.

В рамках данного исследования планируется рассчитать обозначенные выше содержательные и квантитативные параметры, обусловливающие близость значения слова *здоровье* и других лексем, номинирующих базовые ценности россиян. Для решения этой задачи нами разработана пошаговая процедура, включающая следующие этапы:

1. Сопоставить ассоциативные поля слова *здоровье* и других лексем, номинирующих базовые ценности россиян, с целью обнаружения ассоциатов-пересечений (П).

2. Рассчитать ИАР для каждого соотношения стимула *здоровье* и обнаруженных общих реакций (П) с тем или иным словом. Для этого необходимо разделить частоту реакции на объём АП (общее количество реакций). Например, *важно* — общая реакция для слов *здоровье* и *семья*. Так как на стимул *здоровье* получено 10 ассоциатов *важно* при объёме поля в 160 реакций, ИАР по стимулу *здоровье* равен 0,06 (отношение 10 к 160).

3. Аналогичным образом рассчитать ИАР для соотношений слов, номинирующих базовые ценности россиян, и обнаруженных П. Например, на стимул *семья* получено 3 ассоциата *важно* при объёме поля в 160 реакций, поэтому ИАР по стимулу *семья* равен 0,02.

4. Вычислить ИПА по признаку *важно*. Для этого необходимо умножить ИАР по стимулу *здоровье* на ИАР по стимулу *семья.* Полученный ИПА является *мерой близости психологического значения* (курсив наш. — *Н. С.*) слов *семья* и *здоровье* по признаку *важно*.

5. Аналогичным образом рассчитать ИПА по остальным выявленным ассоциатам-пересечениям.

6. Суммировать вычисленные ИПА по каждому выявленному П.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Иерархия ценностей по данным опроса и ранжирования

Обратимся к базе данных «Интерактивная карта базовых ценностей Российской Федерации» (БД), включающей результаты опроса (статисти-

CC BY

ческий ранг, %) и ранжирования (ранг, весомость) среди жителей города Курска, в которых представлена иерархия базовых ценностей (табл. 1).

Таблица 1

Результаты опроса и ранжирования о значимости базовых ценностей

Ценность	**Ранг**	**Весомость**	**Статистический ранг**	**%**
Здоровье	1	0,012	1	82,9
Семья	2	0,011	2	66,4
Жизнь	3	0,009	6	60,5
Любовь	4	0,008	3	65,1
Безопасность	5	0,007	5	62,5
Доверие	6	0,006	9	48
Счастье	7	0,004	8	50
Успех	8	0,003	10	42,1
Дружба	9	0,002	4	64,5
Деньги	10	0,001	7	50,7

Данные таблицы показывают, что результаты эксперимента на ранжирование и опроса во многом совпадают: ценности *здоровье*, *семья* и *безопасность* получили одинаковую оценку (1, 2 и 5 ранги соответственно), что акцентирует стабильное отношение испытуемых к данным словам и их устойчивое место в структуре МЛ. По остальным ценностям можно отметить незначительные расхождения, обусловленные принципиальными различиями методов опроса и ранжирования как инструментов исследования.

Каждая из 10 лексем, номинирующих базовые ценности, представлена в карте ценностей в соответствующих ассоциативных полях. Анализ содержания этих полей, их пересечений позволяет выявить специфику организации ментального лексикона.

3.2. Близость значения слов *здоровье* и *деньги* в ментальном лексиконе

Рассчитаем ИПА, характеризующий близость значения слов *здоровье* и *деньги*, воспользовавшись процедурой, описанной в параграфе 2.

Первый шаг (сопоставительный анализ полей) позволяет ответить на два важных вопроса: 1) какие признаки являются общими для лексем *здоровье* и *деньги* (П) и 2) сколько общих признаков (КП) у этих слов.

По данным разработанной нами карты ценностей, поле «Здоровье» содержит следующие неединичные ассоциаты: «*крепкое 16, спорт 10, важно 10, жизнь 8, больница, счастье 6, здоровье 5, сила 4, благополучие,*

близкие, главное, деньги, ценность, я 3, важность, долголетие, здравоохранение, моё, ответственность, семьи, тело 2…» [КЦ].

Фрагмент ассоциативного поля «Деньги» представлен вербальными реакциями *работа 15, успех 15, возможности 10, много 10, счастье 5, бизнес 4, не главное 4, труд 4, цель 4, богатство 3, бумага 3, власть 3, возможность 3, деньги 3, достаток 3, есть 3, жизнь 3, необходимость 3, стабильность 3, большие 2, важно 2, заработок 2, зло 2, карьера 2, комфорт 2, много не бывает 2, не самое главное в жизни 2, потребность 2, путешествия 2, средство 2* [Там же].

Сопоставительный анализ фрагментов полей «Здоровье» и «Деньги» позволил выявить 4 ассоциата-пересечения (*счастье, жизнь, важно, деньги*). Эти общие для двух анализируемых полей ассоциаты наиболее существенным образом сближают значения слов *здоровье* и *деньги* в ментальном лексиконе.

Сопоставив единичные реакции на стимулы *деньги* и *здоровье*, мы дополнительно выявили 9 вербальных признаков (*сила, опора, основа, качество жизни, очень важно, побольше, свобода, отдых, люди*), устанавливающих психологически актуальную связь между словами *здоровье* и *деньги*.

Обобщим последовавшие процедурные моменты расчёта ИПА для полей «Здоровье» и «Деньги» (табл. 2).

Таблица 2

ИПА для полей «Здоровье» и «Деньги»

КП	**П**	**ИАР по стимулу здоровье**	**ИАР по стимулу деньги**	**ИПА здоровье — деньги**
1	Счастье	0,04	0,03	0,0012
2	Жизнь	0,05	0,02	0,001
3	Важно	0,06	0,01	0,0006
4	Деньги	0,02	0,02	0,0004
5	Сила	0,025	0,006	0,00015
6	Опора	0,006	0,006	0,00004
7	Основа	0,006	0,006	0,00004
8	Качество жизни	0,006	0,006	0,00004
9	Очень важно	0,006	0,006	0,00004
10	Побольше	0,006	0,006	0,00004
11	Свобода	0,006	0,006	0,00004
12	Отдых	0,006	0,006	0,00004
13	Люди	0,006	0,006	0,00004
ИПА здоровье — деньги				0,0037

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(3), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

По данным таблицы, поля «Здоровье» и «Деньги» имеют 13 пересечений с совокупным индексом пересечения ассоциатов 0,0037 (табл. 2). Наиболее актуальными признаками, сближающими значения слов *здоровье* и *деньги* в ментальном лексиконе, являются слова *счастье* (ИПА=0,0012) и *жизнь* (ИПА=0,001), которые также входят в перечень десяти наиболее важных базовых ценностей России. Акцентируем, что индексы пересечения верифицируют данные опроса и ранжирования (см. табл. 1). Очевидно, в результате соотношения трёх различных методов было установлено ядро ценностной картины мира. Кроме того, экспериментально выявленное пересечение слов *здоровье, счастье* и *деньги* проявляется в речи в наиболее типичных поздравлениях и пожеланиях, ведь «все, что есть в речи, текстах, так или иначе отражается в языковом сознании людей и формирует это сознание, а все, что есть в языковом сознании людей так или иначе реализуется (или, по крайней мере, всегда может реализоваться, готово реализоваться) в речи, текстах» [Мартинович, 1997, с. 34]. Ценность здоровья и денег подчёркнута ассоциатом *важно* (ИПА=0,0006). Слова *здоровье* и *деньги* также сближаются в ментальном лексиконе на основе признака *сила* (ИПА=0,00015). По остальным ассоциатам-пересечениям (*опора, основа, качество жизни, очень важно, побольше, свобода, отдых* и *люди*) выявлен минимальный ИПА (0,00004), следовательно, они формируют относительно небольшую зону сближения значения слов *здоровье* и *деньги*. Как показывает рисунок, зоны пересечения, формируемые словом *здоровье*, значительно шире и фактически вмещают в себя фигуру, образованную словом *деньги*, тем самым как бы подтверждая известное выражение *за деньги здоровье не купишь* (рис. 1).

Рис. 1. Пересечения слов *здоровье* и *деньги*. В ментальном лексиконе

3.3. Степень близости значения слов, номинирующих базовые ценности россиян, в ментальном лексиконе

С целью выявления степени близости слова *здоровье* и других лексем, номинирующих ценности россиян, были выявлены общие ассоциаты и рассчитаны индексы пересечения. Обобщим полученные результаты в таблице, отражающей иерархию ценностей по степени их связи со словом *здоровье*.

Таблица 3

Иерархия связанных со словом *здоровье* ценностей, выстроенная по величине ИПА

Ценность	КП	ИПА	П с ИПАmax	Величина ИПАmax
Семья	14	0,0049	Важно	0,0012
Любовь	7	0,0048	Счастье	0,0028
Счастье	14	0,0046	Жизнь	0,0020
Деньги	9	0,0037	Счастье	0,0012
Доверие	13	0,0036	Важно	0,0018
Безопасность	10	0,0035	Жизнь	0,0016
Жизнь	9	0,0033	Жизнь	0,0015
Успех	9	0,0030	Деньги	0,0012
Дружба	9	0,0023	Счастье	0,0010

В первом столбце таблицы представлены связанные со словом *здоровье* ценности, упорядоченные по числовым значениям ИПА. Второй столбец содержит информацию о количестве пересечений, то есть общих реакциях, продуцируемых при предъявлении слова *здоровье* и лексем, перечисленных в первом столбце. Далее дано экспериментально вычисленное значение индекса пересечения ассоциатов, демонстрирующего степень близости слова *здоровье* и представленных в первом столбце таблицы ценностей. В четвёртом и пятом столбцах отражены доминантные признаки, на основе которых установилась связь представленных в таблице ценностей со словом *здоровье* и их величина.

По данным таблицы 3, наибольшее количество пересечений (14) и самый высокий индекс пересечения ассоциатов (0,0049) выявлены для слов *здоровье* и *семья*, при этом доминантным признаком, на основе которого устанавливается близость психологического значения этих слов, является лексема оценочного характера *важно*. Представим пересечение слов *здоровье* и *семья* с учётом выявленных общих признаков и величин ИПА графически (рис. 2).

В результате пересечения слов *здоровье* и *семья* образуется фигура с разнонаправленным характером выраженности общих ассоциативных признаков. По большинству из признаков (*важно, жизнь, счастье* и т. д.) слово

Рис. 2. Пересечения слов *здоровье* и *семья* в ментальном лексиконе

здоровье охватывает слово *семья*. Исключением являются ассоциаты-пересечения *главное, семья* и *родители*. Также обнаружены признаки с равновесным значением ИПА (*близкие, самое главное, приоритет, важное* и *спокойствие*). Хотя слова *здоровье* и *любовь* имеют всего 7 общих ассоциатов, числовое значение их ИПА оказалось достаточно высоким (0,0048), всего на 0,0001 меньше по сравнению с величиной ИПА для слов *здоровье* и *семья*. Столь высокий индекс пересечения ассоциатов обусловлен величиной значения доминантного признака *счастье* (0,0028), прочно связывающего слова *здоровье* и *любовь* в ментальном лексиконе россиян (см. рис. 3).

Рис. 3. Пересечения слов *здоровье* и *любовь* в ментальном лексиконе»

Экспериментально выявленная внутренняя связь слов *здоровье* и *любовь*, объединяемых доминантным признаком *счастье*, в явной форме про-

является в коммуникации (типичные при поздравлении пожелания содержат, как правило, слова *счастье, здоровье* и *любовь*).

Третьим по величине значения ИПА стало соотношение слов *здоровье* и *счастье*, при этом *жизнь* как общий вербальный признак обусловливает максимальное сближение данных слов в ментальном лексиконе. Остальные 13 признаков значительно в меньшей степени связывают слова *здоровье* и *счастье*, что видно на рисунке (рис. 4).

Рис. 4. Пересечения слов *здоровье* и *счастье* в ментальном лексиконе»

Слова *здоровье* и *доверие* имеют 13 ассоциатов-пересечений (ИПА = 0,0036). Доминантным признаком, устанавливающим связь данных слов, является лексема *важно* (0,0018). Графически пересечение полей «Здоровье» и «Доверие» выглядит следующим образом (рис. 5).

Рис. 5. Пересечения слов *здоровье* и *доверие* в ментальном лексиконе

Слова *здоровье* и *безопасность* связывают 10 общих ассоциатов. Доминантным признаком, сближающим эти понятия, является слово *жизнь*. Отметим, что 5 из 10 общих признаков (*жизнь, свобода, судьба, родители* и *основа*) имеют одинаковое численное выражение. Безопасность оказалась весомее здоровья только по признаку *семьи*. По остальным ассоциатам-пересечениям (*важно, сила, деньги* и *я*) выявлен охват безопасности здоровьем, что можно заметить на рис. 6.

Рис. 6. Пересечения слов *здоровье* и *безопасность* в ментальном лексиконе

Слова *деньги, жизнь, успех* и *дружба* имеют по 9 ассоциатов-пересечений со словом *здоровье*, однако степень их связи (ИПА) и доминантные признаки пересечения принципиально различны (см. табл. 3). Ассоциативные данные показывают, что слово *здоровье* в большей степени связано со словом *деньги* (ИПА=0,0037), далее следует слово *жизнь* (ИПА=0,0033). В меньшей степени пересекаются слова *здоровье* и *успех* (ИПА=0,0030). Наименее психологически связанными оказались слова *здоровье* и *дружба* (ИПА=0,0023).

4. Заключение = Conclusions

В ходе данного исследования были установлены психологически актуальные связи слова *здоровье* и обозначений девяти других наиболее важных ценностей на материале базы данных «Интерактивная карта базовых ценностей Российской Федерации».

Сопоставительный анализ ассоциативных полей слов, номинирующих базовые ценности, позволил обнаружить ассоциаты-пересечения, представляющие собой общие признаки, на основе которых устанавливаются ментальные связи между анализируемыми словами. Наибольшее количе-

ство пересечений ассоциатов имеют поля «Здоровье» и «Семья» (14), а наименьшее — «Здоровье» и «Любовь» (7), при этом доказано, что сила связи слов в ментальном лексиконе, степень их близости обусловлены не количеством общих реакций, а совокупной вероятностью их актуализации при предъявлении сопоставляемых слов в качестве стимулов, то есть индексом пересечения ассоциатов. Индекс пересечения ассоциатов как объективный показатель близости значения слов в ментальном лексиконе позволил установить следующую иерархию ценностей по степени их связи со словом *здоровье*: *семья* (0,0049), *любовь* (0,0048), *счастье* (0,0046), *деньги* (0,0037), *доверие* (0,0036), *безопасность* (0,0035), *жизнь* (0,0033), *успех* (0,0030), *дружба* (0,0023).

Анализ общих ассоциатов с наибольшим индексом пересечения продемонстрировал взаимосвязь и взаимообусловленность слова *здоровье* и других лексем, называющих базовые ценности россиян. Поле «Здоровье» связано с полями «Любовь», «Деньги» и «Дружба» одним общим доминантным признаком — словом *счастье*, при этом по данному признаку наиболее близки значения слов *здоровье* и *любовь* (0,0028). Индекс пересечения ассоциатов для поля «Здоровье» с полями «Деньги» и «Дружба» значительно ниже (0,0012 и 0,0010 соответственно). Ассоциат *жизнь* с максимальной величиной индекса пересечения сближает значение слова *здоровье* со значениями слов *счастье, безопасность* и *жизнь* в соответствующем числовом отношении: 0,0020 / 0,0016 / 0,0015. Ассоциат *важно* устанавливает связь между полем «Здоровье» и полями «Семья» (0,0012) и «Доверие» (0,0018). Наконец, слова *здоровье* и *успех* максимально сближаются по интегративному вербальному признаку *деньги* (0,0012).

Экспериментально установленная близость значения слов как существенная характеристика структуры ментального лексикона детерминирует ценностную картину мира и задаёт потенциально возможные траектории развития личностного смысла, которые проявляются в сочетаемости и совместной встречаемости слов в речи.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

КЦ — *Карта* ценностей, свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2024626348 Российская Федерация. Интерактивная карта базовых ценностей Российской Федерации : заявл. 09.12.2024 : опубл. 25.12.2024 / В. А. Пищальникова, З. Г. Адамова, Н. И. Степыкин, В. В. Изюмская-Капитонова ; заявитель Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный лингвистический университет».

CC BY

Литература

1. *Ахутина Т. В.* Модель порождения речи Леонтьева — Рябовой : 1967—2005 / Т. В. Ахутина // Психология, лингвистика и междисциплинарные связи / под ред. Т. В. Ахутиной и Д. А. Леонтьева. — Москва : Смысл, 2008. — С. 79—104.

2. *Ахутина Т. В.* Модель порождения речи школы Л. С. Выготского : основы и верификация / Т. В. Ахутина // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. — 2022. — Т. 164. — Книга 1—2. — С. 7—27. — DOI: 10.26907/2541-7738.2022.1-2.7-27.

3. *Залевская А. А.* Ментальный лексикон : конструкт, метафора, миф? / А. А. Залевская // Global trends of development of ethnic languages in the context of providing International communications / traditions and moderns trends in the process of formation of humanitarian values. — London : Международная академия наук и высшего образования, 2014. — С. 42—44.

4. *Леонтьев А. А.* Деятельный ум (Деятельность, знак, личность) / А. А. Леонтьев. — Москва : Смысл, 2001. — 380 с. — ISBN 5-89357-106-1.

5. *Леонтьев А. А.* Психологическая структура значения / А. А. Леонтьев // Семантическая структура слова. — Москва : Наука, 1971. — С. 7—19.

6. *Мартинович Г. А.* Вербальные ассоциации в ассоциативном эксперименте / Г. А. Мартинович. — Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1997. — 72 с.

7. *Новые* тенденции восприятия / Н. Н. Пивкина, О. А. Чеботарева, Е. В. Умарова, М. В. Морозова // Глобальный научный потенциал. — 2024. — № 6 (159). — С. 25—28.

8. *Пищальникова В. А.* Речевое действие как смыслообразующий компонент коммуникации : психолингвистические параметры анализа / В. А. Пищальникова, Н. И. Степыкин // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2 : Языкознание. — 2024. — Т. 23. — № 3. — С. 6—16. — DOI: 10.15688/jvolsu2.2024.3.1.

9. *Пищальникова В. А.* Этническая картина мира : проблемы терминологии описания / В. А. Пищальникова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2020. — № 2. — С. 6—11. — DOI: https://doi.org/10.17308/lic.2020.2/2827.

10. *Пищальникова В. А.* Интерпретация ассоциативных данных как проблема методологии психолингвистики / В. А. Пищальникова // Russian Journal of Linguistics. — 2019. — Т. 23. — № 3. — С. 749—761. — DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-3-749-761.

11. *Пищальникова В. А.* Язык как когнитивно-коммуникативный механизм / В. А. Пищальникова // Университетская филология — образованию : человек в мире коммуникаций : материалы междунар. научн.-практич. конф. «Коммуникативистика в современном мире». — Барнаул : Алтайский гос. ун-т, 2005. — С. 46—51. — ISBN 5-7904-0462-6.

12. *Степыкин Н. И.* Потенциал применения формализованных параметров для моделирования речевого действия / Н. И. Степыкин // Научный диалог. — 2021. — № 8. — С. 112—127. — DOI: https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-8-112-127.

13. *Степыкин Н. И.* Исследование динамики ментального лексикона по данным свободного ассоциативного эксперимента / Н. И. Степыкин, Ж. Багана, К. Н. Слободова // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. — 2023. — Т. 9. — № 2. — С. 19—33. — DOI: 10.18413/2313-8912-2023-9-2-0-2.

14. *Умарова Е. В.* Междисциплинарность как основа современной лингвистики / Е. В. Умарова, О. А. Чеботарева, М. В. Морозова // II Образцовские чтения : иностранные языки в профессиональном образовании : Материалы II Международной научно-практической конференции, Москва, 26—28 марта 2025 года. — Москва : Академия базовой подготовки РУТ (МИИТ), 2025. — С. 52—56. — ISBN 978-5-605-21482-3.

15. *Bates E.* Language and Context : The Acquisition of Pragmatics / E. Bates. — New York : Acad. Press, 1976. — 375 p.

16. *Bender de Sousa L.* Does the mental lexicon exist? / L. Bender de Sousa, R. Gabriel // Revista de Estudos da Linguagem. — 2015. — V. 23. — № 2. — Pp. 335—361. — DOI: http://dx.doi.org/10.17851/2237-2083.23.2.335-361.

17. *Dell G. S.* A spreading activation theory of retrieval in language production / G. S. Dell // Psychological Review. — 1986. — V. 93. — Pp. 283—321.

18. *Forster K. I.* Accessing the mental lexicon / K. I. Forster // New approaches to language mechanisms. — Amsterdam : North-Holland Publ, 1976. — Pp. 257—287.

19. *Mcclelland J. L.* An interactive activation model of context effects in letter perception / J. L. Mcclelland, D. E. Rumelhart // Psychological Review. — 1981. — V. 88. — Part 1. — Pp. 375—407.

20. *Morsella E.* Evidence for a Cascade Model of Lexical Access in Speech Production / E. Morsella, M. Miozzo // Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory and Cognition. — 2002. — V. 28. — № 3. — Pp. 555—563. — DOI: http://dx.doi.org/10.1037//0278-7393.28.3.555.

21. *Morton J.* Interaction of information in word recognition / J. Morton // Psychological Review. — 1969. — Vol. 76. — № 2. — Pp. 165—178. — DOI: 10.1037/h0027366.

22. *Nelson D. L.* The University of South Florida free association, rhyme, and word fragment norms / D. L. Nelson, C. L. McEvoy, T. A. Schreiber // Behavior Research Methods, Instruments, & Computers. — 2004. — V. 36. — Pp. 402—407. — DOI: http://dx.doi.org/10.3758/BF03195588.

23. *Seidenberg M. S.* A distributed, developmental model of visual word recognition and naming / M. S. Seidenberg, J. L. Mcclelland // Psychological Review. — 1989. — V. 96. — Pp. 523—568. — DOI: http://dx.doi.org/10.1037//0033-295X.96.4.523.

24. *Treisman A. M.* Attention and speech : PhD dissertation / A. M. Treisman. — Oxford, 1961. — Pp. 24—30.

Статья поступила в редакцию 15.01.2026,
одобрена после рецензирования 20.03.2026,
подготовлена к публикации 01.04.2026.

Material resources

KTs — *Value Map*, *Certificate of State Registration of the Database No. 2024626348 Russian Federation. Interactive Map of the Fundamental Values of the Russian Federation: application 09.12.2024 : publ. 25.12.2024* (Pishchalnikova, V. A., Adamova, Z. G., Stepykin, N. I., Izyumskaya-Kapitonova, V. V.); applicant: Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education «Moscow State Linguistic University». (In Russ.).

References

Akhutina, T. V. (2008). Leontyev-Ryabova model of speech generation: 1967—2005. In: *Psychology, linguistics and interdisciplinary connections.* Moscow: Meaning. 79—104. (In Russ.).

Akhutina, T. V. (2022). Model of speech generation of the school of L. S. Vygotsky: fundamentals and verification. *Uchen. zap. Kazan. University. Ser. Humanite. Sciences, 164 (1—2):* 7—27. DOI: 10.26907/2541-7738.2022.1-2.7-27. (In Russ.).

Bates, E. (1976). *Language and Context: The Acquisition of Pragmatics.* New York: Acad. Press. 375 p.

Bender de Sousa, L., Gabriel, R. (2015). Does the mental lexicon exist? *Revista de Estudos da Linguagem, 23 (2):* 335—361. DOI: http://dx.doi.org/10.17851/2237-2083.23.2.335-361.

Dell, G. S. (1986). A spreading activation theory of retrieval in language production. *Psychological Review, 93:* 283—321.

Forster, K. I. (1976). Accessing the mental lexicon. In: *New approaches to language mechanisms.* Amsterdam: North-Holland Publ. 257—287.

Leontiev, A. A. (1971). Psychological structure of meaning. In: *Semantic structure of a word.* Moscow: Nauka. 7—19. (In Russ.).

Leontiev, A. A. (2001). *Active mind (Activity, sign, personality).* Moscow: Meaning. 380 p. ISBN 5-89357-106-1. (In Russ.).

Martinovich, G. A. (1997). *Verbal associations in an associative experiment.* St. Petersburg: Publishing house of St. Petersburg University. 72 p. (In Russ.).

Mcclelland, J. L., Rumelhart, D. E. (1981). An interactive activation model of context effects in letter perception. *Psychological Review, 88 (1):* 375—407.

Morsella, E., Miozzo, M. (2002). Evidence for a Cascade Model of Lexical Access in Speech Production. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory and Cognition, 28 (3):* 555—563. DOI: http://dx.doi.org/10.1037//0278-7393.28.3.555.

Morton, J. (1969). Interaction of information in word recognition. *Psychological Review, 76 (2):* 165—178. DOI: 10.1037/h0027366.

Nelson, D. L., McEvoy, C. L., Schreiber, T. A. (2004). The University of South Florida free association, rhyme, and word fragment norms. *Behavior Research Methods, Instruments, & Computers, 36:* 402—407. DOI: http://dx.doi.org/10.3758/BF03195588.

Pishchalnikova, V. A. (2005). Language as a cognitive-communicative mechanism. In: *University philology — education: a person in the world of communications: materials international. scientific-practical. conf. "Communication Science in the Modern World."* Barnaul: Altai state. un-t. 46—51. ISBN 5-7904-0462-6. (In Russ.).

Pishchalnikova, V. A. (2019). Interpretation of association data as a problem of the methodology of psycholinguistics. *Russian Journal of Linguistics, 23 (3):* 749—761. DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-3-749-761. (In Russ.).

Pishchalnikova, V. A. (2020). Ethnic picture of the world: problems of description terminology. *Bulletin of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication, 2:* 6—11. DOI: https://doi.org/10.17308/lic.2020.2/2827. (In Russ.).

Pishchalnikova, V. A., Stepykin, N. I. (2024). Speech action as a meaning-forming component of communication: psycholinguistic parameters of analysis. *Bulletin of Volgograd State University. Series 2: Linguistics, 23 (3):* 6—16. DOI: 10.15688/jvolsu2.2024.3.1. (In Russ.).

Pivkina, N. N., Chebotareva, O. A., Umarova, E. V., Morozova, M. V. (2024). New perceptual trends. *Global scientific potential, 6 (159):* 25—28. (In Russ.).

Seidenberg, M. S., Mcclelland, J. L. (1989). A distributed, developmental model of visual word recognition and naming. *Psychological Review, 96:* 523—568. DOI: http://dx.doi.org/10.1037//0033-295X.96.4.523.

Stepykin, N. I. (2021). Potential of Using Formalized Parameters for Modeling Speech Action. *Nauchnyi dialog, 8:* 112—127. https://doi.org/10.24224/227-1295-2021-8-112-127. (In Russ.).

Stepykin, N. I., Bagan, J., Slobodova, K. N. (2023). Study of the dynamics of the mental lexicon according to the data of a free associative experiment. *Scientific result. Questions of theoretical and applied linguistics, 9 (2):* 19—33. DOI: 10.18413/2313-8912-2023-9-2-0-2. (In Russ.).

Treisman, A. M. (1961). *Attention and speech.* PhD Diss. Oxford. 24—30.

Umarova, E. V., Chebotareva, O. A., Morozova, M. V. (2025). Interdisciplinarity as the basis of modern linguistics. In: *II Exemplary readings: foreign languages in vocational education: Materials of the II International Scientific and Practical Conference, Moscow, March 26—28, 2025.* Moscow: RUTH Basic Training Academy (MIIT). 52—56. ISBN 978-5-605-21482-3. (In Russ.).

Zalevskaya, A. A. (2014). Mental lexicon: construct, metaphor, myth? In*: Global trends of development of ethnic languages in the context of providing International communications / traditions and moderns trends in the process of formation of humanitarian values.* London: International Academy of Sciences and Higher Education. 42—44. (In Russ.).

The article was submitted 15.01.2026;
approved after reviewing 20.03.2026;
accepted for publication 01.04.2026.

CC BY
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(3), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

КОММУНИКАЦИЯ. МЕДИАТЕХНОЛОГИИ. ЖУРНАЛИСТИКА
COMMUNCATIONS. MEDIA TECHNOLOGES. JOURNALISM

Елена Валерьевна Тишина, канд. филол. наук (Москва)
Кирилл Витальевич Злоказов, д-р психол. наук (Санкт-Петербург)
Маргарита Владимировна Калинина, канд. филол. наук (Волгоград)
Марина Рашитовна Бабикова, канд. филол. наук (Екатеринбург)
Мария Алексеевна Захарова, канд. филол. наук (Волгоград)
Наталья Владимировна Мешкова, канд. психол. наук (Москва)
Ярослава Александровна Брюхачева, преподаватель (Москва)

CC BY

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(3), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Бабикова М. Р. Асоциальная креативность сквозь призму экспериментальных исследований / М. Р. Бабикова, К. В. Злоказов, Н. В. Мешкова // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 3. — С. 169—186. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-3-169-186.

Babikova, M. R., Zlokazov, K. V., Meshkova, N. V. (2026). Antisocial Creativity Through Lens of Experimental Research. *Nauchnyi dialog, 15* (3): 169-186. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-3-169-186. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus · Q1 · DOAJ · ERIHPLUS · eLIBRARY.RU · РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Асоциальная креативность сквозь призму экспериментальных исследований

Бабикова Марина Рашитовна [1]
orcid.org/0000-0003-0814-5936
кандидат филологических наук,
кафедра межкультурной коммуникации,
риторики, русского языка как иностранного,
корреспондирующий автор
mrbabikova@uspu.ru

Злоказов Кирилл Витальевич [2]
orcid.org/0000-0002-0664-8444
доктор психологических наук, доцент,
научно-исследовательский отдел
zkirvit@yandex.ru

Мешкова Наталья Владимировна [3]
orcid.org/0000-0003-3965-9382
кандидат психологических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник
meshkovanv@yandex.ru

[1] Уральский государственный
педагогический университет
(Екатеринбург, Россия)

[2] Санкт-Петербургский университет МВД России
(Санкт-Петербург, Россия)

[3] Московский государственный
психолого-педагогический университет
(Москва, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00486 «Эффекты влияния асоциальной креативности на формирование информационно-смыслового поля в условиях проблемности социальной ситуации развития современного человека (2025—2027)», https://rscf.ru/project/25-18-00486

Antisocial Creativity Through Lens of Experimental Research

Marina R. Babikova [1]
orcid.org/0000-0003-0814-5936
PhD in Philology, Department of Intercultural
Communication, Rhetoric,
Russian Language as a foreign,
correspondent author
mrbabikova@uspu.ru

Kirill V. Zlokazov [2]
orcid.org/0000-0002-0664-8444
Doctor of Psychology, Associate Professor,
Research Department
zkirvit@yandex.ru

Natalia V. Meshkova [3]
orcid.org/0000-0003-3965-9382
PhD in Psychology, Associate Professor,
leading research scientist
meshkovanv@yandex.ru

[1] Ural State Pedagogical University
(Yekaterinburg, Russia)

[2] St. Petersburg University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
(Saint Petersburg, Russia)

[3] Moscow State Psychological
and Pedagogical University
(Moscow, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported by Russian Science Foundation, project number 25-18-00486 “The effects of the influence of antisocial creativity on the formation of the information and semantic field in the problematic social situation of modern human development (2025—2027)”, https://rscf.ru/project/25-18-00486

© Бабикова М. Р., Злоказов К. В., Мешкова Н. В., 2026

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается феномен асоциальной креативности как специфической формы творческого самовыражения, противоречащей социальным и моральным нормам. Асоциальная креативность может проявляться в разнообразных формах — от граффити и вандализма до сленга, рэпа и цифровых мемов, — которые способны оказывать влияние на восприятие реальности и формирование социальных норм. Основное внимание уделяется исследованию несанкционированных граффити как одной из наиболее ярких форм репрезентации данного явления. Цель исследования — классификация тематической интерпретации граффити с помощью психолингвистического метода свободного ассоциативного эксперимента. В качестве материалов были использованы фотоизображения граффити. В результате анализа выделены ключевые характеристики восприятия вандальных граффити и представлена тематическая классификация, концептуализирующая исследуемую форму асоциальной креативности.

Показано, что ассоциативное поле граффити выявляет преобладание у респондентов негативных оценок, эмоциональных реакций, элементов самовыражения или протеста. Тематическая классификация включает правовые (правонарушения, наказания), культурно-эстетические (искусство, креативность), социальные (подростковая субкультура, протест), психологические (эмоции, агрессия) и экономические (ущерб, ремонт) аспекты.

Ключевые слова:
асоциальная креативность; граффити; вандализм; свободный ассоциативный эксперимент.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This paper examines the phenomenon of antisocial creativity as a distinctive mode of self-expression that challenges established social and moral norms. Antisocial creativity manifests in a wide range of forms — from graffiti and vandalism to slang, rap, and digital memes — each capable of shaping perceptions of reality and influencing the evolution of social norms. The study focuses primarily on unauthorized graffiti as a salient and illustrative form of this phenomenon. The research aims to classify the thematic interpretations of graffiti through a psycholinguistic free association experiment. Photographic images of graffiti served as the primary research material. The analysis identifies key characteristics in the perception of vandalistic graffiti and proposes a thematic classification that conceptualizes this form of antisocial creativity. The findings demonstrate that the associative field surrounding graffiti is dominated by respondents' negative evaluations, emotional responses, and expressions of individuality or protest. The thematic classification encompasses legal aspects (offenses, penalties), cultural-aesthetic dimensions (art, creativity), social contexts (youth subculture, protest), psychological factors (emotions, aggression), and economic considerations (damage, repair costs).

Key words:
antisocial creativity; graffiti; vandalism; free association experiment.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(3), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 811.161.1’42:75
DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-3-169-186

Научная специальность ВАК
5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика

Асоциальная креативность сквозь призму экспериментальных исследований

© Бабикова М. Р., Злоказов К. В., Мешкова Н. В., 2026

1. Введение = Introduction

Креативность — это фундаментальная способность человека генерировать новые идеи, решать проблемы нестандартно и преобразовывать окружающий мир. Она пронизывает все сферы жизни: от искусства и науки до повседневного общения. Креативность, противоречащая социальным и моральным нормам, проявляющаяся через различные формы творческого протеста и самовыражения, может рассматриваться как асоциальная креативность.

Так, например, асоциальная креативность находит отражение в таких культурных практиках, как граффити, специфический сленг, рэп-культура и цифровые мемы. Перечисленные формы создаются при активном творческом использовании языка, где слова, метафоры, ритмы и структуры становятся инструментами для выражения мыслей, эмоций и культурных ценностей. С их помощью возможно не только общение, но и формирование информационно-смыслового поля личности.

Объектом настоящего исследования выступают несанкционированные граффити, которые классифицируются как форма графического вандализма [Коробицына и др., 2025]. Такие повреждения наносят ущерб городской среде, участвуют в формировании картины мира горожан, оказывая влияние на эмоциональное состояние, настроение, определяя поступки и поведение жителей города. В исследованиях Н. В. Мешковой и С. Н. Ениколопова графический вандализм рассматривается как «антисоциально направленная креативность» [Мешкова и др., 2018, с. 280], а его интерпретация восходит к области исследований асоциальной креативности.

Понятие асоциальной креативности, введенное Д. Крупли с коллегами [Cropley et al., 2008], получило значительную разработку в последнее десятилетие [Zhou et al., 2023]. Несмотря на продолжение исследований «темной» креативности [McLaren, 1993] и изучение негативной креативности [Kapoor et al., 2016], востребованность концепта асоциальной креативности не снижается, напротив, предметом изучения становится асоциальная

CC BY

креативность в цифровой среде [Liu et al., 2024]. Исследования асоциальной креативности ведутся в двух основных направлениях: анализ внутренних психологических механизмов и внешних обусловливающих факторов.

Анализ психологического механизма асоциальной креативности показывает, что она тесно связана с рядом личностных черт: с самоуверенностью и макиавеллизмом [Szabó, 2022], склонностью к аморальности [Zhao et al., 2022], низкой приверженностью авторитетам [Kapoor et al., 2022], антагонистичностью и агрессивностью [Perchtold-Stefan, 2021]. В свою очередь, предпосылки к проявлению асоциальной креативности обнаруживаются в отношениях личности с социальным окружением. В частности, М. Гутворт с соавторами установила, что одобрение со стороны руководителей или коллег стимулировало асоциальную креативность даже в ситуациях запрета на ее выражение [Gutworth et al., 2018]. М. Баас с соавторами, изучая реакцию личности на различные социальные угрозы, приходят к выводу о стимуляции асоциальной креативности в целях уклонения или противодействия им [Baas, 2019]. Можно заключить, что специфика асоциальной креативности образуется за счет слияния психологической предрасположенности и социальных обстоятельств, подталкивающих к ее осуществлению. Таким образом, асоциальная креативность представляет собой форму творческого самовыражения, выходящую за рамки социальных норм, нацеленную на причинение вреда и часто выражающую протестные настроения.

Изучение того, как интерпретируется асоциальная креативность и каково отношение личности к этому явлению, еще не получило достаточного распространения. Поэтому интерес вызывают работы, посвященные оценке вандализма как выражения антисоциальной креативности [Tang, 2025], анализу влияния моральных норм на восприятие граффити [Mitchell et al., 2023], а также тому, как их оценивает городская молодежь [Zlokazov et al., 2021]. Следует отметить, что исследование различных аспектов асоциальной креативности с точки зрения психолингвистических подходов ранее не проводилось, в чем и заключается новизна и актуальность данного исследования.

Процесс осмысления информации, транслируемой граффити, носит вариативный характер, так как каждая личность формирует собственное отношение к представленным явлениям. Эта информация, как и любая другая, трансформирует информационно-смысловое поле, создавая эмоциональное напряжение и вызывая определенную реакцию адресата, проявляемую через формирование новых мотивов, целей и поведенческих моделей.

Исследование аспектов преломления элементов асоциальной креативности проводилось с помощью психолингвистического метода — свобод-

CC BY

ного ассоциативного эксперимента (далее — САЭ). Этот подход позволил изучить, как происходит восприятие и обработка асоциального дискурса в современном урбанистическом пространстве.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Представленное исследование опирается на теорию асоциальной креативности, элементами которой может быть графический вандализм [Мешкова и др., 2017, 2018]; работы, посвященные применению экспериментальных методов изучения городского пространства как культурного текста [Гридина и др., 2022a, 2022b, 2022c; Новиков и др., 2011].

Для достижения поставленной цели применялся метод САЭ, позволивший раскрыть способы восприятия и обработки асоциального дискурса.

Испытуемым были предложены фотоизображения несанкционированных граффити, на которые они должны были в течение пяти секунд привести первые приходящие им в голову ассоциации. Временное ограничение позволило минимизировать обдумывание вербально-визуальных компонентов стимулов, что гарантировало выявление наиболее типичных реакций на каждый из них.

Цель исследования заключается в выявлении и классификации направлений тематической интерпретации граффити как феномена асоциальной креативности в сознании современных носителей языка.

Материалом исследования послужили 5 фотографий несанкционированных граффити.

Выборка состояла из 300 респондентов — юношей и девушек в возрасте от 18 до 25 лет. Социальный статус не учитывался.

Проведенный эксперимент носил поисковый характер и был реализован на относительно ограниченном объеме стимульного материала. Полученные результаты в дальнейшем целесообразно уточнить при привлечении большего объема визуальных единиц. В качестве перспективы исследования также следует рассматривать применение направленного ассоциативного эксперимента с введением ограничений на реакции с тем, чтобы проанализировать осмысление не факта графического повреждения, а содержания таких изменений городской среды.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Предполагалось, что в зоне ядра и ближней периферии ассоциативного поля представленных в качестве стимулов граффити будут в большей степени отражены реакции, констатирующие факт графического вандализма или транслирующие отношение респондента к граффити низкого качества. Реакции, отражающие индивидуальное преломление смысла граффити,

будут представлены в зоне дальней периферии или сосредоточатся в зоне крайней периферии.

Представим полученные результаты (ассоциативные поля и доминанты оценочного восприятия граффити) на примере нескольких наиболее ярких стимулов, иллюстрирующих различные формы проявления асоциальной креативности в пределах городского пространства.

На первом изображении представлено типичное для городской среды «завандаленное» пространство — дверь, покрытая надписями со сложно считываемым смыслом, надписями, похожими на тегирование (подписи различных уличных художников).

Рис. 1. Граффити «Дверь с подписями уличных художников»

Количественная обработка полученных реакций позволяет следующим образом представить ядерные и периферийные зоны.

ЯДРО ПОЛЯ состоит из двух доминирующих ассоциаций: *вандализм* (86 упоминаний) и *граффити* (40 упоминаний). Это свидетельствует о том, что изображение воспринимается прежде всего как акт вандализма, выраженный через граффити, что подчеркивает его разрушительный и антисоциальный характер. Частотная реакция *вандализм* отражает негативную оценку порчи общественного пространства, а *граффити* — конкретный метод, часто ассоциируемый с молодежью или хулиганами. Ядерные реакции ориентированы на стереотипное представление о граффити как акте бессмысленного разрушения, в отличие от более личных ассоциаций в других зонах ассоциативного поля.

ЗОНА БЛИЖНЕЙ ПЕРИФЕРИИ включает ассоциации с частотами от 25 до 7, общим числом более 100 реакций. Ключевые темы:

CC BY

Социальные и поведенческие характеристики: *грязь* (25), *хулиганство* (21), *некрасиво* (13), *порча* (11), *подростки* (10), *невоспитанность* (10), *порча имущества* (8), *неуважение* (8), *глупость* (8), *уродство* (7). Реакции респондентов транслируют осуждение продемонстрированных на рисунке 1 действий, ассоциируют их с «грязным» и «аморальным» актом, связанным с хулиганством и отсутствием воспитания.

Материальные и пространственные аспекты: *дверь* (14), *подъезд* (7), *заброшенное здание* (6). Такие реакции демонстрируют ассоциирование изображения с урбанистической средой и порчей имущества, акцент делается на объектах (дверь, подъезд) и материалах (краски).

Оценки и эмоции: *ужас* (9), *страх* (6), *отвращение* (6). Полученные реакции, отражающие широкий спектр негативных эмоций (от ужаса до скуки), свидетельствуют об эмоциональной окраске осуждения.

Общая частота реакций, входящих в зону ядра и ближней периферии, демонстрирует фокус внимания респондентов на антисоциальном поведении, его визуальных и эмоциональных последствиях в общественных пространствах.

ЗОНА ДАЛЬНЕЙ ПЕРИФЕРИИ: сюда отнесены ассоциации с частотой от 5 и ниже, около 50 реакций. Они расширяют ассоциативное поле:

Оценки и эмоции: *преступление* (5), *правонарушение* (4), *безобразие* (3), *кошмар* (3), *аморально* (3), *глупо* (3), *хулиганы* (3), *наказание* (3), *позор* (2), *обыденность* (2), *печаль* (2), *ужасно* (2), *отвратительно* (2), *бессмысленно* (2), *бред* (2). Ассоциаты демонстрируют усиление негативной оценки: от позора до обыденности разрушения.

Социальные и поведенческие характеристики: *хаос* (4), *бедность* (4), *стыд* (3), *скука* (3), *общество* (2), *хамство* (2), *безразличие* (2), *безнаказанность* (2), *старость* (2), *неформалы* (2), *быдло* (2), *бессовестность* (2), *вандалы* (2), *хулиганы* (2), *ребячество* (2), *баловство* (2). Фокус внимания респондентов сосредоточен на социальных нормах, безнаказанности и стереотипах (неформалы, быдло).

Материальные и пространственные аспекты: *заброшенность* (5), *грязно* (4), *краски* (5), *цвет* (3), *крыша* (2), *улица* (2), *вход* (2), *магазин* (2), *баллончик* (2), *каракули* (2), *теги* (2), *мусор* (2), *имущество* (2), *разруха* (2), *неухоженность* (2), *заброшенный* (2), *гетто* (2). Ассоциации связаны с урбанистическими деталями и методами / формами нанесения граффити (баллончик, теги).

Другие оттенки восприятия: *самовыражение* (3), *искусство* (3), *нарушение* (2), *разбой* (2), *недопустимо* (2). Представленные реакции подчеркивают юридические и этические аспекты асоциального поведения.

Реакции зоны дальней периферии добавляют нюансы в осмысление социальных проблем и повседневности вандализма.

CC BY

ЗОНА КРАЙНЕЙ ПЕРИФЕРИИ представлена единичными реакциями, общее числов которых — 250 . Это субъективные ассоциации, не вошедшие в другие зоны, отражающие индивидуальные интерпретации стимульного материала: от редких эмоций до абстрактных идей, подчеркивающих вариативность восприятия граффити.

Полученные данные указывают на преобладание негативного восприятия стимула как формы девиантного поведения (вандализм, хулиганство, аморальность), связанного с молодежью, бедностью и урбанистическим упадком. Однако в оценке граффити присутствуют креативные аспекты (искусство, самовыражение, протест), что подтверждает концепцию асоциальной креативности — нарушение норм ради самовыражения, но с риском морального осуждения.

Второе изображение также представляет собой типичную для городской среды ситуацию (рис. 2) — надпись на стене или заборе. Количественная обработка полученных на данное граффити реакций позволяет следующим образом представить ядерные и периферийные зоны его ассоциативного поля.

Рис. 2. Граффити «Мне не нравится граффити»

ЯДРО ПОЛЯ состоит из двух доминирующих ассоциаций: *вандализм* (39 упоминаний) и *забор* (35 упоминаний). Аналогично результатам, полученным в ходе анализа первого изображения, представленное граффити воспринимается как типичный акт вандализма — порча общественного имущества (забора) путем нанесения надписи. В данном случае полученные реакции отражают негативную оценку и номинируют конкретный объект, подвергшийся преобразованию.

CC BY

ЗОНА БЛИЖНЕЙ ПЕРИФЕРИИ включает ассоциации с частотами от 27 до 6, общим числом около 50 реакций. Ключевые темы:

Оценки и эмоции: *противоречие* (27), *глупость* (23), *бессмысленность* (8), *некрасиво* (6), *забавно* (6), *смешно* (3), *юмор* (3), *эмоции* (3). Преобладающее большинство реакций указывают на восприятие изображения как иррационального, бессмысленного или эстетически неприемлемого. Однако в ассоциациях, вызванных изображением на рисунке 2, есть маркеры, отсылающие к иронии или забаве, что говорит о неоднозначности его восприятия.

Социальные и поведенческие характеристики: *граффити* (19), *порча* (13), *порча имущества* (11), *надпись* (10), *хулиганство* (10), *самовыражение* (6), *протест* (6). Здесь проявляется двойственность интерпретации этого явления: с одной стороны, граффити как акт вандализма, с другой — как способ выразить мнение или протест, что добавляет креативный оттенок его характеристике.

ЗОНА ДАЛЬНЕЙ ПЕРИФЕРИИ включает ассоциации с частотами 5 и ниже, около 30 реакций.

Социальные и поведенческие характеристики: *бред* (5), *ужас* (4), *негатив* (3), *ирония* (4), *безвкусица* (2), *быдло* (2), *недопустимость* (2), *невоспитанность* (2), *колхоз* (2). Эти реакции фиксируют негативную оценку, связывая изображение с низкой культурой его автора или отсутствием у него социальных норм.

Абстрактные концепции: *оксюморон* (2), *контраст* (2), *абсурд* (2), *смысл* (2). Указывают на восприятие граффити как чего-то парадоксального (например, «мазня» на заборе как оксюморон).

Последствия и реакции: *ремонт* (2), *наказание* (2), *испорченный забор* (2). Фокус на восстановлении ущерба или наказании.

Эта зона подчеркивает более глубокие социальные и психологические аспекты, такие как культурный конфликт или эмоциональный отклик.

ЗОНА КРАЙНЕЙ ПЕРИФЕРИИ представлена более чем 280 единичными реакциями. Это разнообразные индивидуальные ассоциации, не вошедшие в другие зоны, что отражает субъективность восприятия графического стимула респондентами. Они могут включать редкие реакции вроде *импровизация*, *бунт*, *искусство* и др. Большой объем таких ассоциаций указывает на широкое поле интерпретаций изображения, от личных воспоминаний до абстрактных идей, что типично для ассоциативных экспериментов с визуальными стимулами.

Эксперимент выявляет доминирующую негативную оценку граффити (рис. 2) как акта вандализма, ассоциирующегося с глупостью, бессмысленностью и осуждением. Однако присутствуют позитивные или нейтральные

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(3), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

реакции (*самовыражение, протест, юмор*), что говорит о неоднозначности интерпретации: граффити может восприниматься как креативный акт или социальный комментарий. Темы подросткового поведения, контраста (возможно, цветового) и эмоционального отклика (*злость, забава*) подчеркивают культурный контекст, где вандализм балансирует между разрушением и самовыражением.

На третьем изображении (рис. 3) представлено графическое повреждение частной собственности — автомобиля, порча которого, вероятно, связана с личными эмоциями, такими как месть или обида. Такое проявление вандализма не является типичным и способно вызывать большее количество эмоциональных реакций. Анализ полученных в ходе эксперимента ассоциаций позволяет следующим образом представить ядерные и периферийные зоны ассоциативного поля.

Рис 3. Графическое повреждение на автомобиле

ЯДРО ПОЛЯ состоит из трех доминирующих ассоциаций: *месть* (35), *глупость* (25) и *машина* (23). Это свидетельствует о том, что изображение воспринимается как акт мести, иррациональный и глупый. *Месть* отражает эмоциональный мотив, *глупость* подчеркивает негативную оценку бессмысленного или импульсивного поведения, а *машина* — конкретный объект порчи, что делает ядро ориентированным на личные конфликты и материальный ущерб. Эти реакции указывают на представление о граффити как о способе мести, ассоциируемом с эмоциональной несдержанностью.

ЗОНА БЛИЖНЕЙ ПЕРИФЕРИИ включает ассоциации с частотностью от 19 до 6, общим числом около 40 реакций. Ключевые темы:

Оценки и эмоции: *порча имущества* (19), *вандализм* (17), *порча* (15), *обида* (12), *измена* (11), *любовь* (11), *отчаяние* (9), *хулиганство* (8), *злость* (7), *расставание* (6), *ужас* (6), *разочарование* (6), *кринж* (6), *банально* (6).

CC BY

Эти реакции подчеркивают восприятие изображения как отражения глубоких личных переживаний, связанных с романтическими отношениями (любовь, измена, расставание), что придает драматический оттенок осмысляемому граффити. Кроме того, реакции отражают осуждение акта вандализма респондентами, но с фокусом на личные мотивы, такие как обида или отчаяние автора граффити.

Социальные и гендерные аспекты: *женщина* (9), *бывшая* (3). Ассоциации с женщиной и «бывшей» предполагают контекст, в котором месть направлена на бывшего партнера, возможно, посредством порчи его автомобиля, что добавляет гендерный и реляционный слой в восприятие изображения.

Другие оценки: *смешно* (4), *креативность* (4), *признание* (4). Несмотря на преобладание негативных реакций, подчеркиваются ирония и креативность, указывающие на неоднозначность оценок: акт может восприниматься как забавный или творческий, хотя и недопустимый.

Ассоциации в зоне ближней периферии фокусируются на эмоциональном и социальном контексте: месть как реакция на личные обиды с элементами осуждения и ироничного одобрения.

ЗОНА ДАЛЬНЕЙ ПЕРИФЕРИИ включает ассоциации с частотами от 5 и ниже, около 40 реакций.

Оценки и эмоции: *грусть* (5), *боль* (5), *чувства* (5), *эмоции* (4), *предательство* (4), *безысходность* (4), *бывший* (2), *ссора* (2), *несдержанность* (2), *разлука* (2), *идиотизм* (2), *ненависть* (2), *унижение* (2), *оскорбление* (2), *жалко* (2), *жалость* (2), *трогательно* (2), *эмоциональность* (2), *самовыражение* (2), *импульсивность* (2), *привязанность* (2). Представленные ассоциации развивают тему личных эмоций (от ненависти до жалости), что делает восприятие более нюансированным.

Последствия и реакции: *неуважение* (5), *глупо* (5), *преступление* (4), *инфантильность* (4), *позор* (3), *бред* (3), *некрасиво* (3), *ошибка* (2), *бессмысленность* (2), *забавно* (2), *странно* (2), *непонятно* (2), *развод* (2), *печаль* (2), *ремонт* (2), *правонарушение* (3), *нарушение* (2). В них реализуется фокус на абсурдности акта, его юридических аспектах (нарушение) и последствиях (ремонт).

Материальные и пространственные аспекты: *граффити* (2), *баллончик* (2), *надпись* (2). Ассоциации транслируют урбанистический аспект феномена асоциальной креативности.

Эта зона реакций добавляет глубину восприятию граффити, связывая изображение с психологическими механизмами (импульсивность, привязанность) и социальными нормами (правонарушение).

ЗОНА КРАЙНЕЙ ПЕРИФЕРИИ представлена более чем 200 единичными реакциями. Это разнообразные индивидуальные ассоциации, не во-

CC BY

шедшие в другие зоны, что отражает субъективность восприятия стимульного изображения. Они включают реакции вроде *страсть*, *ревность* или *восстановление* и др., подтверждают широту интерпретаций.

Результаты количественной обработки показывают, что центр ассоциативного поля (ядро) также сосредоточен вокруг тематики вандализма и уличного искусства как проявления противоправного, деструктивного поведения. Периферийные зоны отражают более разнообразные и иногда более негативные представления о проблематике, связанной с городской средой, субкультурами и социальным пространством. Кроме того, тема, транслируемая данным повреждением, обусловливает возникновение реакций-рассуждений, оценивающих поступок адресанта (обида, измена, любовь, женщина, отчаяние, злость, расставание, развод и пр.) и представленных не только в зоне крайней периферии.

Качественный анализ полученных экспериментальных данных представляет собой выявление и классификацию тематических реакций, позволяющих оценить актуальные контекстные смыслы, отражающие преломление стимульного материала в сознании респондентов с учетом их личностного опыта и индивидуальной картины мира. Тематические реакции ситуативны и возможны только в рамках определённого контекста, что делает их инструментом для выявления потенциальных зон осмысления проявлений асоциальной креативности (граффити) [Бабикова, 2025].

В результате проведения качественного анализа данных САЭ была получена тематическая классификация, концептуализирующая асоциальную креативность. Классификация выявляет общие темы, характерные для всех изображений: группируются ассоциации из ядерных и периферийных зон (ядро, ближняя периферия, дальняя периферия, крайняя периферия). Темы выделены на основе повторяющихся мотивов: негативные оценки, эмоции, социальные аспекты, материальные элементы, формы самовыражения и последствия. Общий объем крайних периферий отражает субъективность, подчеркивает вариативность восприятия стимулов. Их разнообразие расширяет потенциальные направления восприятия феноменов асоциальной креативности, не меняя их принципиально.

П р а в о в а я р е а к ц и я . К данной тематической группе относятся реакции, номинирующие последствия и юридические аспекты проявлений графического вандализма. Фокус внимания сконцентрирован на ущербе, наказании и нарушении норм. Ассоциации связаны с вандализмом, правонарушениями и преступлениями, разрушением имущества, встречаются реакции с упоминанием различных видов наказаний и штрафов (некоторые примеры: *вандализм, порча, порча имущества, хулиганство, правонарушение, преступление, наказание* и пр).

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(3), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Культурная и эстетическая реакции. Группа объединяет ассоциации, транслирующие двойственность восприятия элементов асоциальной креативности: от вандализма к искусству, протесту или иронии. Среди ассоциаций данной группы фигурируют упоминания современного искусства, противопоставленность его классическому искусству, актуализируется связь граффити со стрит-артом. Эстетический аспект отражен в ассоциациях — оценках стимулов с позиций красоты / безобразности (некоторые примеры: *граффити, ужас, искусство, грязь, противоречие, некрасиво, картина, банально, кошмар, уродство, современное искусство, творчество, грязно, креативность, креативно, живопись, культура, современность, андеграунд, стрит-арт* и пр).

Социальные и демографические реакции. Представление об асоциальной креативности концептуализировано через такие смысловые сгустки, как связь с подростковой субкультурой, ассоциации с протестом, отношение к граффити как к проявлению неуважения, другие социальные нормы и контексты (некоторые примеры: *неуважение, подростки, невоспитанность, самовыражение, женщина, выражение мнения, протест, вандалы, ребячество, быдло, аморально, хаос, привлечение внимания, бывшая, молодежь, отсутствие воспитания, неформалы, развод, привязанность* и пр).

Психологическая реакция. Группа концентрирует ассоциации, транслирующие эмоциональные состояния и реакции, выражение чувств, от негативных эмоций до иронии, отражающих психологический отклик на стимул (некоторые примеры: *месть, злость, агрессия, страх, боль, эмоции, отчаяние, смешно, ненависть, чувства, инфантильность, ирония, необдуманность* и пр).

Экономическая реакция. Представляет собой группу ассоциаций, связанных с упоминанием убытков и трат, необходимостью ремонта, порчей имущества (некоторые примеры: *ремонт, ущерб, вред, деньги, испорченность, испорчено, имущество, дорого, убытки* и пр).

Выделим также группу «урбанистические реакции». В тематическую группу объединены номинации объектов, материалов, элементов урбанистической среды как носителей асоциальной креативности. В пределах проведенного эксперимента было получено достаточно большое количество подобных реакций (некоторые примеры: *забор, дверь, краски, надпись, подъезд, заброшенное здание, баллончик, каракули, стройка, крыша, улица, магазин* и пр.).

Тематический анализ полученных ассоциаций демонстрирует наличие преобладающих мотивов в восприятии объектов асоциальной креативности: в общем объеме реакций респондентов на все фотографические

CC BY

изображения граффити доминируют негативные оценки (*вандализм, глупость*), но в отношении восприятия рисунка 3 добавляется личный эмоциональный слой (*месть, обида*) в отличие от более социального фокуса реакций на рисунки 1 и 2 (*урбанистический хаос, протест*). Эмоциональные и креативные темы (самовыражение, ирония) присутствуют в восприятии всех проанализированных примеров проявления асоциальной креативности, но актуализируются среди реакци на рисунки 2 (протест) и 3 (личные конфликты). Реакции, относящиеся к крайней периферии (единичные ассоциации вроде *страсть* или *бунт*, >200—280 реакций), подчеркивают возможность субъективной интерпретации объектов. Представленный материал иллюстрирует восприятие граффити как элементов проявления асоциальной креативности — от разрушения к самовыражению, с балансом осуждения и неоднозначности.

4. Заключение = Conclusions

Полученные результаты подтверждают, что граффити как форма асоциальной креативности представляет собой сложный феномен, сочетающий в себе деструктивные и креативные элементы, требует комплексного подхода к его изучению и регулированию.

Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы.

Доминирующая оценка граффити как формы асоциальной креативности носит преимущественно негативный характер, что подтверждается: преобладанием ассоциаций, связанных с вандализмом, а также высокой частотой реакций, указывающих на порчу имущества, в целом — активным использованием негативных оценок.

Многоаспектность восприятия граффити проявляется в следующих тематических блоках классификации: правовой аспект (правонарушения, преступления, наказания); культурно-эстетический компонент (искусство, творчество, креативность); социальный контекст (подростковая субкультура, протест); психологический пласт (эмоциональные реакции, агрессия); экономический фактор (ущерб, ремонт, траты).

Ключевыми характеристиками восприятия граффити являются деструктивная характеристика феномена, наличие двойственности оценок (от вандализма к искусству), утверждение связи с эмоциональными состояниями (месть, обида, злость), признание присутствия элементов креативного самовыражения.

Исследование подтверждает, что асоциальная креативность требует дальнейшего изучения как значимое явление современной культуры, влияющее на формирование информационно-смыслового поля воспринимающего сообщества. Используемый психолингвистический подход позволяет

CC BY

раскрыть ранее не излучавшиеся аспекты этого явления, предоставляет эффективный инструментарий для такого исследования.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Литература

1. *Бабикова М. Р.* Асоциальная креативность в информационно-смысловом поле личности: результаты психолингвистического эксперимента / М. Р. Бабикова // Политическая лингвистика. — 2025. — № 5 (113). — С. 136—140.

2. *Гридина Т. А.* «Читаем знаки» : аспекты восприятия игрового поликодового текста в пространстве современного города / Т. А. Гридина, Н. И. Коновалова // Научный диалог. — 2022a. — Т. 11. — № 8. — С. 166—184. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-166-184.

3. *Гридина Т. А.* Лингвокреативный потенциал эргономинаций в аспекте их порождения и восприятия : экспериментальное исследование / Т. А. Гридина, Н. И. Коновалова // Вопросы психолингвистики. — 2022b. — № 2 (52). — С. 30—45. — DOI: 10.30982/2077-5911-2022-52-2-30-45.

4. *Гридина Т. А.* Социокультурные аспекты восприятия игровых поликодовых текстов в пространстве современного города / Т. А. Гридина, Н. И. Коновалова // Политическая лингвистика. — 2022c. — № 5 (95). — С. 49—59. — DOI: 10.26170/1999-2629_2022_05_04.

5. *Коробицына Л. В.* Вандализм и трансформация исторической памяти : теория и практика / Л. В. Коробицына, О. В. Кружкова // Диалог со временем. — 2025. — № 91. — С. 237—250.

6. *Мешкова Н. В.* Асоциальная креативность : исследования в психологии / Н. В. Мешкова, С. Н. Ениколопов // Вестник практической психологии образования. — 2017. — № 2 (51). — С. 53—57.

7. *Мешкова Н. В.* Креативность и девиантность : связь и взаимодействие / Н. В. Мешкова, С. Н. Ениколопов // Психология. Журнал Высшей школы экономики. — 2018. — Т. 15. — № 2. — С. 279—290. — DOI: 10.17323/1813-8918-2018-2-279-290.

8. *Новиков А. Л.* Метод семантического дифференциала : теоретические основы и практика применения в лингвистических и психологических исследованиях / А. Л. Новиков, И. А. Новикова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2011. — № 3. — С. 63—71.

9. *Baas M.* Why social threat motivates malevolent creativity / M. Baas // Personality and Social Psychology Bulletin. — 2019. — Vol. 45. — № 11. — Pp. 1590—1602. — DOI: 10.1177/0146167219838551.

10. *Cropley D. H.* Malevolent creativity : A functional model of creativity in terrorism and crime / D. H. Cropley, J. C. Kaufman, A. J. Cropley // Creativity Research Journal. — 2008. — Vol. 20. — № 2. — Pp. 105—115.

11. *Gutworth M. B.* Creativity for deliberate harm : Malevolent creativity and social information processing theory / M. B. Gutworth, L. Cushenbery, S. T. Hunter // The Journal of Creative Behavior. — 2018. — Vol. 52. — № 4. — Pp. 305—322.

12. *Kapoor H.* Unbound : The relationship among creativity, moral foundations, and dark personality / H. Kapoor, J. C. Kaufman // The Journal of Creative Behavior. — 2022. — Vol. 56. — № 2. — Pp. 182—193. — DOI: 10.1002/jocb.523.

13. *Kapoor H.* The measurement of negative creativity : Metrics and relationships / H. Kapoor, A. Khan // Creativity Research Journal. — 2016. — Vol. 28. — № 4. — Pp. 407—416.

14. *Liu C.* Development and Testing of the Cyber Malevolent Creativity Behavior Scale / C. Liu, L. Li, Z. Gong // The Journal of Creative Behavior. — 2024. — Vol. 58. — № 3. — Pp. 478—49. — DOI: 10.1002/jocb.669.

15. *McLaren R. B.* The dark side of creativity / R. B. McLaren // Creativity Research Journal. — 1993. — Vol. 6. — № 1—2. — Pp. 137—144.

16. *Mitchell K. S.* Malevolent creativity : Personality, process, and the larger creativity field / K. S. Mitchell, R. Reiter-Palmon. — Creativity and morality. — Academic Press. — 2023. — Pp. 47—68. — DOI: 10.1016/B978-0-323-85667-6.00004-9.

17. *Perchtold-Stefan C. M.* Creative, antagonistic, and angry? Exploring the roots of malevolent creativity with a real-world idea generation task / C. M. Perchtold-Stefan, A. Fink, C. Rominger, I. Papousek // The Journal of Creative Behavior. — 2021. — Vol. 55. — № 3. — Pp. 710—722. — DOI: 10.1002/jocb.484.

18. *Szabó E.* Personality traits as predictors of malevolent creative ideation in offenders / E. Szabó, A. Körmendi, G. Kurucz, D. Cropley, T. Olajos, N. Pataky // Behavioral Sciences. — 2022. — T. 12. — № 7. — Pp. 242.

19. *Tang R.* Malevolent Creativity Graffiti Test—A New Measurement Method for Malevolent Creative Behavior / R. Tang, Li Q, Z. Gong Z. // The Journal of Creative Behavior. — 2025. — Vol. 59 (3). — DOI: 10.1002/jocb.1523.

20. *Zhao J.* When do creative people engage in malevolent behaviors? The moderating role of moral reasoning / J. Zhao, X. Xu, W. Pang // Personality and Individual Differences. — 2022. — Vol. 186. — Pp. 111—386. — DOI: 10.1016/j.paid.2021.111386.

21. *Zhou J.* Hotspots and research trends of the 'dark side of creativity'in the last decade / J. Zhou, B. Zhao, M. Zhang // Heliyon. — 2023. — Vol. 9. — № 10. — e20392. — DOI: 10.1016/j.heliyon.2023.e20392.

22. *Zlokazov K. V.* Urban Vandalism in the Eyes of Youth : an Empirical Study of Its Causes Attribution / K. V. Zlokazov, Y. M. Karayani, A. G. Karayani, A. V. Shakhmatov // Psychology and Law. — 2021. — № 11 (3). — Pp. 77—93. — DOI: 10.17759/psylaw.2021110306.

Статья поступила в редакцию 02.10.2025,
одобрена после рецензирования 05.11.2025,
подготовлена к публикации 23.03.2026.

References

Baas, M. (2019). Why social threat motivates malevolent creativity. *Personality and Social Psychology Bulletin, 45 (11):* 1590—1602. DOI: 10.1177/0146167219838551.

Babikova, M. R. (2025). Antisocial creativity in the information and semantic field of personality: results of a psycholinguistic experiment. *Political linguistics, 5* (113): 136—140. (In Russ.).

Cropley, D. H., Kaufman, J. C., Cropley, A. J. Malevolent creativity: a functional model of creativity in terrorism and crime. *Creativity Research Journal, 20 (2):* 105—115.

Gridina, T. A., Konovalova, N. I. (2022). "Reading the Signs": Aspects of Perception of a Game Polycode Text in Space of a Modern City. *Nauchnyi dialog, 11 (8):* 166—184. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-166-184. (In Russ.).

Gridina, T. A., Konovalova, N. I. (2022). Linguocreative potential of ergonominations in the aspect of their generation and perception: an experimental study. *Questions of psycholinguistics, 2 (52):* 30—45. DOI: 10.30982/2077-5911-2022-52-2-30-45. (In Russ.).

Gridina, T. A., Konovalova, N. I. (2022). Sociocultural aspects of the perception of game polycode texts in the space of a modern city. *Political Linguistics, 5 (95):* 49—59. DOI: 10.26170/1999-2629_2022_05_04. (In Russ.).

Gutworth, M. B., Cushenbery, L., Hunter, S. T. (2018). Creativity for deliberate harm: malevolent creativity and social information processing theory. *The Journal of Creative Behavior, 52 (4):* 305—322.

Kapoor, H., Kaufman, J. C. (2022). Unbound: the relationship among creativity, moral foundations, and dark personality. *The Journal of Creative Behavior, 56 (2):* 182—193. DOI: 10.1002/jocb.523.

Kapoor, H., Khan, A. (2016). The measurement of negative creativity: metrics and relationships. *Creativity Research Journal, 28 (4):* 407—416.

Korobitsyna, L. V., Kruzhkova, O. V. (2025). Vandalism and transformation of historical memory: theory and practice. *Dialogue with time, 91:* 237—250. (In Russ.).

Liu, C., Li L., Gong, Z. (2024). Development and Testing of the Cyber Malevolent Creativity Behavior Scale. *The Journal of Creative Behavior, 58 (3):* 478—49. DOI: 10.1002/jocb.669.

McLaren, R. B. (1993). The dark side of creativity. *Creativity Research Journal, 6 (1—2):* 137—144.

Meshkova, N. V., Enikolopov, S. N. (2017). Antisocial creativity: research in psychology. *Bulletin of practical Psychology of education, 2 (51):* 53—57. (In Russ.).

Meshkova, N. V., Enikolopov, S. N. (2018). Creativity and deviance: communication and interaction. Psychology. *Journal of the Higher School of Economics, 15 (2):* 279—290. DOI: 10.17323/1813-8918-2018-2-279-290. (In Russ.).

Mitchell, K. S., Reiter-Palmon, R. (2023). Malevolent creativity: personality, process, and the larger creativity field. *Creativity and morality. Academic Press.* 47—68. DOI: 10.1016/B978-0-323-85667-6.00004-9.

Novikov, A. L., Novikova, I. A. (2011). Method of semantic differential: theoretical foundations and practice of application in linguistic and psychological research. *Bulletin of the People's Friendship University of Russia. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics, 3:* 63—71. (In Russ.).

Perchtold-Stefan, C. M., Fink, A., Rominger, C., Papousek, I. (2021). Creative, antagonistic, and angry? Exploring the roots of malevolent creativity with a real-world idea generation task. *The Journal of Creative Behavior, 55 (3):* 710—722. DOI: 10.1002/jocb.484.

Szabó, E., Körmendi, A., Kurucz, G., Cropley, D., Olajos, T., Pataky, N. (2022). Personality traits as predictors of malevolent creative ideation in offenders. *Behavioral Sciences, 12 (7):* P. 242.

Tang, R., Li, Q., Gong, Z. (2025). Malevolent Creativity Graffiti Test — A New Measurement Method for Malevolent Creative Behavior. The Journal of Creative Behavior, 59 (3). DOI: 10.1002/jocb.1523.

Zhao, J., Xu, X., Pang, W. (2022). When do creative people engage in malevolent behaviors? The moderating role of moral reasoning. , 111—386. DOI: 10.1016/j.paid.2021.111386.

Zhou, J., Zhao, B., Zhang, M. (2023). Hotspots and research trends of the 'dark side of creativity' in the last decade. *Heliyon, 9 (10):* e20392. DOI: 10.1016/j.heliyon.2023.e20392.

Zlokazov, K. V., Karayani, Y. M., Karayani, A. G., Shakhmatov, A. V. (2021). Urban Vandalism in the Eyes of Youth: an Empirical Study of Its Causes Attribution. *Psychology and Law, 11 (3):* 77—93. DOI: 10.17759/psylaw.2021110306.

The article was submitted 02.10.2025;
approved after reviewing 05.11.2025;
accepted for publication 23.03.2026.

CC BY

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(3), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Брюхачева Я. А. Языковые средства репрезентации идеи сотрудничества России и Китая (на материале интернет-дискурса) / Я. А. Брюхачева // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 3. — С. 187—209. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-3-187-209.

Bryukhacheva, Ya. A. (2026). Linguistic Representation of Russia-China Cooperation in Internet Discourse. *Nauchnyi dialog, 15* (3): 187-209. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-3-187-209. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus · Q1 · DOAJ · ERIHPLUS · eLIBRARY.RU РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Языковые средства репрезентации идеи сотрудничества России и Китая (на материале интернет-дискурса)

Брюхачева Ярослава Александровна
orcid.org/0000-0003-0858-0428
магистр, преподаватель кафедры
иностранных языков
и межкультурной коммуникации
YAaLevchenko@fa.ru

Финансовый университет
при Правительстве РФ
(Москва, Россия)

Linguistic Representation of Russia-China Cooperation in Internet Discourse

Yaroslava A. Bryukhacheva
orcid.org/0000-0003-0858-0428
Master's Degree, Lecturer, Department
of Foreign Languages and
Intercultural Communication
YAaLevchenko@fa.ru

Financial University
under the Government
of the Russian Federation
(Moscow, Russia)

© Брюхачева Я. А., 2026

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследуются языковые средства репрезентации идеи сотрудничества России и Китая в современном интернет-дискурсе. Цель исследования состоит в выявлении языковых средств медийной репрезентации российско-китайского взаимодействия. Эмпирическую базу составили медиатексты ведущих российских и китайских СМИ за 2025 год. Проанализировано 390 единиц материала, имеющих специфическую направленность на репрезентацию идеи сотрудничества. Применяются методы контент-анализа, дискурс-анализа, структурно-семантический и сопоставительный, позволяющие учитывать в языковых исследованиях культурный и политический контексты высказываний, особенности коммуникативных практик. Показано, что дискурс обеих стран нацелен на передачу идеи сотрудничества: широко употребляются лексемы, связанные с дружбой, доверием, взаимной выгодой, историческими аллюзиями и идеологемами многополярности. Отмечается, что выявленные языковые средства относятся к различным уровням: лексическому (клишированные официальные обороты, образная лексика, метафорические конструкции), морфологическому (инклюзивное «мы», имена числительные), синтаксическому (параллелизм, многокомпонентная структура конструкции), а также являются супертекстовыми (прецедентные феномены из сферы истории). Полученные данные расширяют представления о когнитивно-прагматических механизмах репрезентации идеи партнерства в современном медиадискурсе.

Ключевые слова:
Россия; Китай; СМИ; интернет-дискурс; языковые средства; сотрудничество.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study investigates linguistic means for representing the idea of cooperation between Russia and China within contemporary internet discourse. The research aims to identify language tools used by media outlets to represent Russian-Chinese interactions. The empirical basis consists of media texts from leading Russian and Chinese news agencies published in 2025. A total of 390 texts specifically focused on conveying ideas about collaboration were analyzed using methods such as content analysis, discourse analysis, structural-semantic analysis, and comparative approaches. These methodologies allow researchers to account for cultural and political contexts, along with specific communication practices embedded in language use. Findings demonstrate that both countries' discourses emphasize collaborative efforts through frequent usage of lexemes related to friendship, trust, mutual benefit, historical allusions, and ideological constructs promoting multipolarity. Identified linguistic strategies span various levels: lexical (official clichés, imagery-laden vocabulary, metaphorical constructions); morphological (inclusive pronouns like “we,” numerals); syntactic (parallel structures, multicomponent construction patterns); and supratextual phenomena derived from historical precedents. Overall, these findings contribute to a deeper understanding of cognitive-pragmatic mechanisms underlying representations of partnership in modern media discourse.

Key words:
Russia; China; mass media; internet discourse; linguistic representation; cooperation

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(3), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 811.161.1’42+811.581’42
DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-3-187-209

Научная специальность ВАК
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика
5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика

Языковые средства репрезентации идеи сотрудничества России и Китая (на материале интернет-дискурса)

© Брюхачева Я. А., 2026

1. Введение = Introduction

Россия и Китай как ключевые мировые державы и ближайшие соседи заинтересованы в формировании общего коммуникативного пространства. По мере развития стратегического партнерства и взаимодействия совместный медиадискурс обретает разнообразный и многоплановый характер: в российских СМИ усиливается внимание к публикациям китайской тематики, в китайских — к публикациям о России. При этом образы стран «становятся всё более позитивными и популярными», целенаправленно усиливается «распространение контента, посвящённого стратегическому партнёрству России и Китая» [Кун Мэннань, 2025, с. 70]. Интернет-издания используют широкий спектр языковых средств для репрезентации образа страны-соседа. Актуальность данного исследования обусловлена возрастающей ролью интернет-дискурса в репрезентации идеи сотрудничества государств-партнеров. В условиях интенсификации российско-китайского взаимодействия средства массовой информации становятся основным каналом, посредством которого транслируются стереотипы и идеологические установки, создаются символические рамки двустороннего сотрудничества.

«Интернет-дискурс» понимается нами, вслед за Е. С. Юртаевой, как «речевая ситуация (текст), погруженная в ситуацию общения в пределах пространства всемирной паутины» [Юртаева, 2016, с. 312]. Сегмент этого дискурса, ставший предметом исследования в данной работе, посвящен освещению и обсуждению международных событий, процессов и образов. Он формируется в цифровой среде (новостные порталы, социальные сети, мультимедийные платформы), на пересечении национальных информационных пространств. Его участники — СМИ, государственные структуры, частные лица.

Специфика современного интернет-дискурса, посвящённого сотрудничеству России и Китая, определяется рядом взаимосвязанных факторов.

Во-первых, языковые средства интернет-дискурса не ограничиваются функцией отражения действительности, а становятся активным инструментом конструирования образа партнера. Так, президент Российской Федерации В. В. Путин акцентирует внимание на необходимости быть открытыми к диалогу и культурному обмену, подчеркивая, что «Россия всегда была и остается страной, открытой для общения и созидательного сотрудничества» [Россия и Китай…, 2025]. Установка российского лидера на продвижение собственного нарратива и формирование позитивного международного образа созвучна подходу, который выражает лидер КНР Си Цзиньпин: 要加快构建中国话语和中国叙事体系， 用中国理论阐释中国实践， 用中国实践升华中国理论，打造融通中外的新概念、 新范畴、 新表述， 更加充分、 更加鲜明地展现中国故事及其背后的思想力量和精神力量 [Ускорить создание …, 2025] (Необходимо ускорить построение китайской системы дискурса и системы нарратива, объяснять практику Китая с помощью китайской теории, поднимать теорию через практику, создавать новые концепты, новые категории, новые выражения, создающие связь между Китаем и внешним миром; более полно и ясно раскрывать китайскую историю и лежащие за ней идеологические и духовные силы) (здесь и далее перевод наш. — *Я. Б.*).

Во-вторых, язык интенет-дискурса выступает медиатором и транслятором культурных кодов. Как отмечает А. Ж. Закирова, «поведенческие матрицы и схемы, стереотипные образы упрощают социокультурное взаимодействие, помогая представителям разных культур ориентироваться в культурном многообразии современного мира» [Закирова, 2025, с. 46], тем самым влияя на формирование оценочных моделей и установок в общественном сознании.

В-третьих, анализ языковых средств, репрезентирующих в интернет-дискурсе идею российско-китайского сотрудничества, позволяет совершенствовать методы лингвистического изучения медиатекстов и открывает новые перспективы для углубленных сопоставительных исследований двусторонней медиакоммуникации.

Совокупность данных факторов демонстрирует, что исследование языковых средств, представляющих в медиа идею сотрудничества России и Китая, обладает теоретической и практической ценностью для выработки эффективных стратегий взаимодействия в гуманитарной, экономической и информационной сферах.

Целью работы стало выявление и описание языковых средств, используемых в интернет-дискурсе и служащих для репрезентации идеи сотрудничества между Россией и Китаем. Задачи исследования включают выявление основных языковых структур, анализ лингвистических

CC BY

средств и формирование выводов об оценке отношений двух стран в медиаполе.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Методологическую основу исследования составил комплексный подход, сочетающий контент-анализ, структурно-семантический и сопоставительный методы, элементы дискурс-анализа. Для формирования материала исследования были отобраны публикации из крупных и авторитетных интернет-СМИ России (РИА «Новости», ТАСС, «Известия», РБК и пр.) и Китая (агентства «Синьхуа», «Чжунсин» / CNS и др.), посвященные тематике двустороннего сотрудничества. Корпус публикаций включает новостные заметки, официальные заявления, интервью с должностными лицами и экспертами, а также аналитические комментарии. Материал, в свою очередь, ранжируется по тематике и сферам употребления (политика, экономика, культура / гуманитарные связи, наука и технологии). В дополнение к качественному анализу была проведена количественная обработка материала: подсчитано число ключевых языковых единиц, передающих идею сотрудничества между Россией и Китаем; рассчитано их процентное распределение по анализируемому корпусу медиатекстов российских и китайских СМИ 2025 года. Всего выделено 390 дискурсивных единиц (176 — в российских медиатекстах и 214 — в китайских). Внимание обращалось не на все лингвистические средства (естественно, в каждом тексте присутствуют эпитеты, метафоры и другие единицы), а на те, которые служат репрезентации идеи сотрудничества. Такой подбор материала обеспечивает репрезентативность результатов исследования.

Объектом исследования является интернет-дискурс, посвящённый сотрудничеству России и Китая и представленный в СМИ обеих стран, а именно — тексты, опубликованные в течение 2025 года. Предметом исследования выступают языковые средства, с помощью которых в российско-китайском интернет-дискурсе передаётся идея двустороннего сотрудничества, партнерских инициатив и совместных достижений.

Научные публикации, посвященные темам взаимоотношения России и Китая, нацелены преимущественно на анализ имиджа государств, формирование медиаобразов стран [Бай Юньчун, 2022; Варова, 2023; Ерофеева и др., 2021; Сюн Икунь, 2024; Фэн Сюечэнь, 2021; Чэнь Ци, 2020], в том числе с точки зрения их эволюции [Бицуева, 2020]. Вопросы языка публикаций при этом затрагиваются далеко не в первую очередь. Анализ работ, посвященных языковым средствам выражения тематики партнерства между Россией и Китаем, показывает, что медиадискурс данного типа изучается в трех ключевых аспектах: 1) имагологическом (образы своего /

CC BY

чужого и их языковые маркеры); 2) с точки зрения стратегических нарративов (интеграция / многополярность / обоюдный выигрыш); 3) с позиции институциональных механизмов и форматов медиа-кооперации (совместные проекты, кроссплатформенная дистрибуция, инфополитика).

При этом отмечаются разные аспекты медийных традиций двух стран. Так, Н. Н. Кошкарова и И. О. Мукушев, описывая образ России в китайских СМИ, подчеркивают, что в китайском медиаполе Россия позиционируется как стратегический партнер и «близкий по интересам актор», при этом положительная валентность образа поддерживается устойчивым набором лексико-семантических средств: а) коллокациями *стратегическое взаимодействие, многополярность мира*; б) частотными эпитетами *важный, ключевой, надежный*; в) стереотипами, национальными образами, служащими построению ассоциаций [Кошкарова и др., 2021, с. 91—92]. Го Лицзюнь анализирует лексическую репрезентацию образа Китая в российском публицистическом дискурсе с помощью наименований *Китай, КНР, Поднебесная, Поднебесная империя, Поднебесная ойкумена* и отмечает, что это образ «мирового лидера, имеющего специфические социокультурные и политические характеристики» [Го Лицзюнь, 2019, с. 38].

Описание тематической палитры публикаций российских СМИ о Китае предлагает Сунь Ичжэнь. На материале статей «Известий», «Коммерсанта» и «Российской газеты» за 2024 год автор выявляет системные различия: деловая журналистика освещает прагматические вопросы (инвестиции, логистика, рыночные показатели), «официальный» сегмент медиапространства нацелен на институциональную повестку (соглашения, протокольные визиты, межведомственные форматы), тогда как новостные СМИ концентрируются на описании событий. При этом в последних используют событийно-метафорическое кодирование (*коридоры, опоры сотрудничества*), что повышает выразительность статей и облегчает понимание материала для широкой аудитории. Данные наблюдения автор фиксирует как жанрово обусловленное распределение лексико-семантических средств и тропов, сопровождаемое варьированием модальности (от *готов / намерен / будет* в институциональном регистре до оценочных эпитетов *ключевой/масштабный* в общенациональном новостном регистре) [Сунь Ичжэнь, 2024, с. 191—196].

Образ Китая в российских СМИ рассматривает Ли Цичжэн, опираясь на данные Национального корпуса русского языка. Автор отмечает, что российские издания системно маркируют Китай как сильное, прагматичное государство с высокой технологичностью и культурной самобытностью. Вместе с этим образ формируется посредством набора семантических доминант (*инновации, рост, инвестиции*), тогда как конфликтные

CC BY

сюжеты выводятся в режим нейтрального информирования. Ли Цичжэн рассматривает также фразеологические обороты и выражения высокой стилистической окраски, используемые для описания партнерства КНР с Россией [Ли Цичжэн, 2024, с. 58—60].

На примере репрезентации российско-украинского конфликта в социальных медиа Китая О. И. Калинин подмечает феномен «дипломатии памяти» и отсылки к истории. Автор уделяет внимание тематическим группам используемых лексем, отмечая, что освещение политики реализуется посредством номинаций *политика, общество, цель, геополитика*; экономики — номинаций *средства, фонды, ресурсы, инвестиции, финансы*; истории — *СССР, Ленин* [Калинин, 2024].

Сопоставительные исследования в научной литературе встречаются реже. Н. Б. Руженцева и Ю. А. Антонова приходят к выводу, что межнациональный дискурс Китая и России включает ассоциативные образы (в тексте и визуальном оформлении), метафоры и синонимы для усиления воздействия на адресата, в том числе на основе национальных символов и традиций. Кроме того, авторы отмечают приоритет безличных конструкций в российском и личных — в китайском дискурсе [Руженцева и др., 2012].

В работе А. В. Багдуевой и Н. Н. Рогозной отмечается нацеленность дискурса на партнерство, добрососедские отношения. Авторы акцентируют внимание на культурном взаимодействии двух стран. По их мнению, Россия в китайских медиа представляется посредством таких ценностей, как коллективизм с тенденцией к индивидуализму, дистанцированность власти от народа, мировосприятие через феминность, страх перед неизвестностью и влияние социальных норм на массовое сознание; напротив, Китай в российском интернет-пространстве рассматривается сквозь призму чистого коллективизма, отстраненности и независимости власти, выражения власти через принуждение. Общим, по мнению авторов, является ориентация обеих стран на долгосрочное культурное и политическое сотрудничество [Багдуева и др., 2020].

З. А. Хубежова и Ф. И. Шарков на примере материалов BBC, Russia Today, China Daily, посвященных взаимодействию России и Китая, указывают на создание «сильного и могущественного партнерства» между странами. В частности, в российском медиадискурсе Китай изображается как неформальный регулятор политико-экономических процессов, для чего используются метафорические высказывания, эпитеты и эмоционально-окрашенные выражения. Отмечается, что китайские авторы более сдержанны и китайский медиадискурс является более официальным [Хубежова и др., 2022].

Мэн Жу, анализируя российско-китайское взаимодействие в политическом дискурсе, отмечает такие речевые средства, как клишированная

CC BY

официальная и эмоционально окрашенная лексика, метафоры. Автор обращает внимание на обилие цитирования (в китайском дискурсе — прямое, в российском — косвенное), аллюзии и аппликации [Мэн Жу, 2003].

Настоящее исследование проводится в сопоставительном ключе и фокусируется на дискурсе сотрудничества, то есть на том, какими лингвистическими средствами описываются совместные усилия, партнерские инициативы и двусторонние достижения.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Нами выделен комплекс языковых средств, которые транслируют в анализируемом материале идею российско-китайского сотрудничества. Рассмотрим основные, наиболее частотные из них.

3.1. Клишированные официальные обороты, передающие идею сотрудничества

В медиадискурсе российских и китайских изданий обнаруживается устойчивый пласт официальной лексики и клишированных оборотов, призванных конструировать позитивный образ страны и передавать идею партнерства. Максимально высокий статус отношений по дипломатической шкале создаёт частотное выражение *всеобъемлющее стратегическое партнерство* (в китайском варианте 新时代中俄全面战略协作伙伴关系) [Первая перспектива…, 2025; Россия и Китай…, 2025]. В русскоязычных материалах регулярно встречаются клишированные обороты: *стратегическое взаимодействие* [Володин, 2025], *тандем РФ с Китаем* [Эксперт назвал…, 2025], *беспрецедентная «дипломатия лидеров»* [Моргулов, 2025], которые служат языковыми маркерами значительной развитости российско-китайских связей. Наглядной иллюстрацией указанного дискурсивного ряда выступает следующий пример: *Российско-китайское сотрудничество в гуманитарной сфере является важнейшей составляющей многопланового комплекса двусторонних отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия* [Гуманитарное сотрудничество…, 2025]. Такая официальная лексика и клишированные обороты прагматически ориентированы, выполняют перлокутивную функцию: создают эффект надежности и устойчивости, усиливают взаимное доверие и формируют позитивное восприятие партнерства у аудитории. Частотное использование ключевых формул (например, *всеобъемлющее партнерство, стратегическое взаимодействие*) способствует закреплению в массовом сознании положительного образа двусторонних отношений.

Указанные клишированные структуры имеют прямые соответствия в китайских текстах: 深化合作 (углубленное сотрудничество), 务实合作 (практическое сотрудничество), 双边关系 (двусторонние отношения), 合

作共赢 (сотрудничество, выгодное для всех) [Ван И, 2025, 10 мая]. Сходство лексическое и коннотативное: обе стороны используют лексему *сотрудничество* как центр конструкции, сопровождая ее эпитетами *стратегическое, всеобъемлющее, углубленное* и создавая таким образом ощущение стабильности, равноправия и долгосрочности партнерства: 务实合作持续深化，保障了两个大国各自的发展振兴 [Ян Дэхун, 2025] (Практическое сотрудничество неуклонно углубляется, обеспечивая развитие и возрождение обеих великих держав). Повторение ключевых слов и маркеров конструирует позитивную повестку в восприятии аудитории, оставляет впечатление устойчивости и предсказуемости отношений, транслирует информацию о надежности партнера и взаимной выгоде. В китайских текстах выражения типа 务实合作 (деловое сотрудничество) и 合作共赢 (взаимовыгодное сотрудничество) служат интенсификации положительной оценки и вовлечению адресата в дискурс «совместного успеха», закрепляя в массовом сознании идею долгосрочного, взаимовыгодного партнерства.

3.2. Образная лексика, метафорические конструкции

Помимо официальной терминологии значимым пластом языка интернет-дискурса выступает образная лексика, включающая метафоры и сравнения, которые позволяют концептуализировать партнерство как живой, динамичный процесс и наделяют его дополнительными эмоциональными и ценностными смыслами. Так, в публикациях китайских авторов функционируют метафоры из таких тематических сфер-источников, как: 1) природные стихии (климатическая метафора): 任凭国际风云变幻， 中俄关系都将从容前行 [Ян Дэхун, 2025] (Независимо от того, как меняются ветры и облака международной сцены); 2) передвижение в пространстве (транспортная метафора) как образная проекция мотивов преодоления испытаний и сотрудничества: 中俄互利合作的‘高速列车’翻山越岭、跨越江河、攀登高坡、克服重重障碍，走过了非凡的历程 — («Скоростной поезд» взаимовыгодного сотрудничества между Китаем и Россией преодолел горы и реки, взбирался на холмы и преодолевал препятствия, проделав невероятный путь) [Си Цзиньпин и Президент России Путин…, 2025]; 3) пища (кулинарная метафора) как символ экономического изобилия: 做大共同利益蛋糕 [Ван И, 2025, 1 апреля] (увеличивать пирог общих выгод); 4) водное пространство: 顺应历史发展潮流，把握时代发展大势 [Мощный импульс…, 2025] (Китай и Россия «следуют потоку истории»); 注入澎湃动力 [Там же] («вливать бурную силу / мощный импульс» в совместное продвижение глобальной инициативы); 5) архитектура: 构建 互联互通格局 [Си Цзиньпин провел переговоры…, 2025] (строить модель взаимных связей); 6) дружба и добрососедство: 中俄是搬不走的好邻居，是患难与共、相互支持、共同发展的真朋友 [Си Цзиньпин провел теле-

CC BY

фонный разговор…, 2025] (Китай и Россия — надежные соседи, истинные друзья, которые разделяют и беду, и счастье, взаимно поддерживают и развиваются вместе).

По нашим наблюдениям, природно-стихийные метафоры функционируют как средство репрезентации динамики внешнеполитических процессов и связанной с ними эмоциональной напряженности при одновременном акцентировании устойчивости отношений и баланса взаимодействия. Апелляция к образам стихий обеспечивает смысловую основу для восприятия взаимодействия («ветры бушуют, но корабль партнерства продолжает движение»), позволяя передать мысль о стойкости и уверенности курса. Архитектурные метафоры акцентируют конструктивный и планово-организованный характер сотрудничества: партнерство предстает как проект, строительный объект, возведение которого требует системных усилий и обеспечивает создание функциональной инфраструктуры совместной деятельности. Метафоры испытания («проверка временем», «преодоление ветров») выполняют легитимирующую функцию, закрепляя образ текущих отношений как проверенных, зрелых и заслуживающих доверия. Экономические образы (например, «пирог», символизирующий распределяемые выгоды) переводят абстрактные политические категории в осязаемые, прагматически привлекательные формы, подчеркивая взаимную выгоду и материальную измеримость сотрудничества.

Прагматический эффект реализуется в воздействующей функции представленных образов: метафоры делают официальные тексты более эмоционально насыщенными, усиливают запоминаемость и вовлекают аудиторию, переводя абстрактные категории (сотрудничество, партнёрство) в конкретизированные, близкие повседневному опыту картины (поезд, пирог, строительство, соседство). Тем самым формируется эффект доверия, устойчивости и совместного успеха, который поддерживает имидж партнерства и мобилизует общественное мнение.

В российских медиа, в свою очередь, преобладают образы из таких тематических сфер, как 1) техника, инфраструктура и транспорт (локомотив, мосты): *ШОС является локомотивом многополярности и мирового развития* [Путин назвал…, 2025]; *Воздушные мосты между Китаем и Россией в 2025 году — это именно та возможность, которая может вывести ваш бизнес на новый уровень эффективности* [Иванова, 2025]; 2) семейные отношения: *Двери организации всегда открыты, и мы уверены, что в будущем в «большую ШОСовскую семью» войдут новые члены* [ШОС стала…, 2025]. Образы, связанные с машинами, механизмами, дорогами и коммуникациями, помогают воспринимать сотрудничество как управляемый, целенаправленный процесс, задающий скорость, направление интеграции.

CC BY

Они подчеркивают прагматизм, конструктивность и институциональную направленность сотрудничества. Семейная метафорика создает образы доверия, сплоченности и исторической преемственности.

3.3. Инклюзивное «мы» как средство стратегии вовлечения

Партнерские отношения в медиадискурсе обеих стран выражаются через использование инклюзивного местоимения *мы* в значении «наши страны» и «мы как лидеры государств», которое создает эффект совместной субъектности и согласованности действий. Например, в беседе с «Синьхуа» В. В. Путин подчеркивает: *Кстати, в мае мы с председателем Си Цзиньпином условились, что в 2026—2027 годах в наших странах пройдут "перекрестные" Годы образования* [Путин: Россия и Китай…, 2025].

В китайских СМИ аналогичный прием реализуется через выражения 我们将继续 (мы будем продолжать), 双方共同 (обе стороны), подчеркивающие коллективную ответственность и взаимное участие. Например: 我们同总统先生视频会晤，对全年中俄关系发展作出规划引领，就一系列重大国际和地区问题加强协调 [Си Цзиньпин провел телефонный разговор…, 2025] (Мы вместе с господином президентом провели видеовстречу, наметили план и задали ориентиры развития российско-китайских отношений на весь год). Данное языковое средство отражает стратегию вовлечения, усиливающую репрезентацию партнерства как совместного и взаимно осуществляемого проекта.

3.4. Имена числительные

Интернет-дискурс строится не только на абстрактных оборотах, но и на конкретных цифрах, которые приводятся в качестве доказательства успеха сотрудничества. Поэтому в текстах анализируемой тематики традиционно употребляется много имён числительных, прежде всего количественных, причём «СМИ используют позитивную статистику» [Лапко, 2022, с. 19]. Например, посол Китая в России Чжан Ханьхуэй приводит данные: 在俄罗斯教育机构有6万多名中国学生留学，在中国约有1.6万名俄罗斯大学生留学 [Посол Китая в России…, 2025] (В российских учебных заведениях обучается более 60 тыс. китайских студентов, а в Китае — около 16 тыс. российских студентов).

3.5. Синтаксические средства

В медиатекстах о сотрудничестве России и Китая используются различные средства выразительного синтаксиса: параллелизм, многочленные конструкции и др.

Повтор синтаксической структуры выступает одним из наиболее устойчивых приемов, придающих тексту внутреннюю симметрию и усиленную экспрессивность: *В «двадцатке» вместе с единомышленниками, прежде всего из числа стран БРИКС, сфокусировали повестку на обсуждении*

тем, волнующих мировое большинство, — перечислил Путин, — укрепили данный формат за счет Африканского союза, упрочили связи группы и БРИКС» [Путин: сотрудничество…, 2025]. Последовательные предикаты (*сфокусировали — укрепили — упрочили*) создают эффект поступательного движения и программного характера высказывания. Трехчастная организация материала в данном случае не только повышает ритмичность текста, но и способствует лучшей запоминаемости, превращая перечисление действий в своеобразный план официальной политики. Данный прием одновременно выполняет когнитивную и прагматическую функцию: облегчает восприятие сложной информации и усиливает перлокутивный эффект речи. В китайских СМИ он также применяется, ср., например, трехкратный параллелизм отрицаний: 只要中俄两个大国肩并肩站在一起、背靠背紧密协作，国际秩序就乱不了，世界公理就倒不了，强权政治就得逞不了 [Ван И, 2025, 10 мая] (Пока Китай и Россия плечом к плечу и спина к спине тесно взаимодействуют, мировой порядок не будет разрушен, принципы справедливости не падут, а политика силы не возобладает).

3.6. Прецедентные феномены из сферы истории

Прецедентные феномены такого типа формируют в анализируемых текстах исторические отсылки и выступают как маркеры «дипломатии памяти». Используемые прецеденты из сферы истории указывают на «восприятие современной языковой личностью исторических событий, фактов, персонажей, истории вообще и своего места в истории» [Крылова, 2017, с. 32]. Медиатексты апеллируют к общему историческому опыту, прежде всего к совместной борьбе во Второй мировой / Великой Отечественной и антияпонской войнах. Публикации, посвященные 80-летию Победы, памяти о совместном противостоянии агрессии, освещают знаковые исторические события как моральную основу текущего сближения. Обращение к прецедентным ситуациям выполняет одновременно нормативно-легитимирующую, эмоционально-интегративную и риторическую функции: прошлое становится аргументом актуальной политики, создает образ исторической преемственности, подчеркивается моральное родство и долговременность сотрудничества. Показательным примером языковой репрезентации «дипломатии памяти» является следующий фрагмент: 在纪念中国人民抗日战争和苏联伟大卫国战争胜利80周年之际， 中俄两国要开展更多连民心、接地气、 有温度的人文交流活动， 夯实两国友好的社会民意基础， 促进两国人民更加相知相亲， 为发展中俄新时代全面战略协作伙伴关系增添新光彩 [Укрепление народного сотрудничества…, 2025] (В ознаменование 80-летия Победы в Войне сопротивления китайского народа японским захватчикам и Великой Отечественной войне Советского Союза Китай и Россия должны активизировать гуманитарные, дружественные и теплые

культурные обмены, чтобы укрепить социальную и общественную основу дружбы между двумя странами, содействовать более глубокому взаимопониманию и дружбе между народами двух стран и придать новый импульс развитию отношений всеобъемлющего стратегического партнерства и взаимодействия между Китаем и Россией в новую эпоху).

3.7. Функции средств интернет-дискурса, репрезентирующих идею сотрудничества России и Китая

Выявленные языковые средства актуализируют как когнитивный, так и прагматический уровни медиадискурса. На когнитивном уровне языковые единицы структурируют представления аудитории о российско-китайском партнерстве, воспроизводят идеи взаимной выгоды и исторической преемственности, переводят абстрактные политические категории в конкретные и наглядные сценарии. На прагматическом уровне те же средства выполняют воздействующую и легитимирующую функцию: повышают убедительность и запоминаемость сообщений, формируют эмоциональный фон доверия и устойчивости, вовлекают адресата в нарратив «совместного успеха» и закрепляют в массовом сознании положительный образ двусторонних отношений. Количественный анализ подтверждает данные наблюдения: во всех основных рубриках доминируют номинации партнерства и стратегического взаимодействия. Суммарные показатели основных языковых средств, выявленных в корпусе медиатекстов, представлены далее (табл., рис.).

Таблица

Распределение ключевых языковых средств репрезентации идеи сотрудничества в русских и китайских медиатекстах 2025 года

Рубрика	Русские медиатексты (кол-во / %)	Китайские медиатексты (кол-во / %)
Клишированные официальные обороты	68 / 38,6 %	74 / 34,6 %
Образная лексика, метафорические конструкции	35 / 19,9 %	48 / 22,4 %
Инклюзивное «мы»	22 / 12,5 %	29 / 13,6 %
Имена числительные	14 / 8,0 %	11 / 5,1 %
Синтаксические средства (параллелизм, трехчастная структура)	19 / 10,8 %	25 / 11,7 %
Прецедентные феномены из сферы истории	18 / 10,2 %	27 / 12,6 %

Для наглядности данные представлены в виде диаграммы: столбцы показывают долю каждой категории в общем объеме дискурсивных единиц подкорпусов.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(3), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

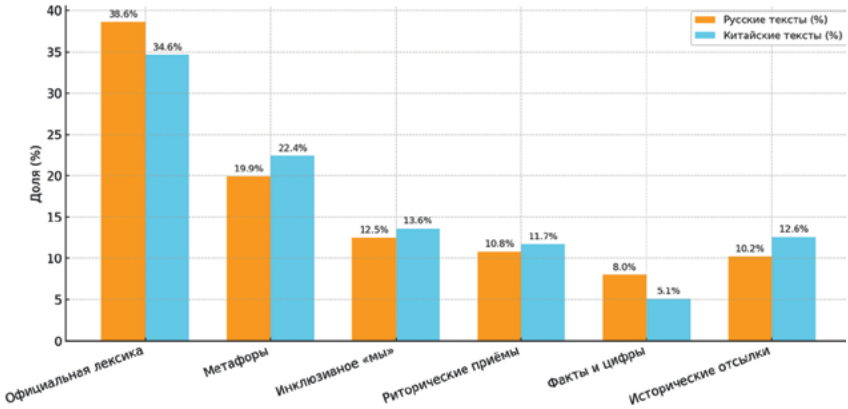

Рис. Количественное сопоставление языковых средств репрезентации идеи сотрудничества в российско-китайском медиадискурсе

В Российских СМИ образ Китая и тема сотрудничества с ним становятся в настоящий момент всё более значимыми, что связано с его «немаловажной ролью в политическом устройстве современного мира, в мировой экономике» [Крылова, 2016, с. 234]. В настоящий момент происходит изменение полярности мира, что не может не отражаться на интернет-дискурсе и находит репрезентацию в комплексе лингвистических средств обоих языков.

4. Заключение = Conclusions

Количественный анализ выявил устойчивое преобладание прямых номинаций партнерства в двух подкорпусах. При этом для китайских текстов характерна более высокая степень метафоризации — 48 метафорических конструкций при 35 в русских (22,4 % и 19,9 % соответственно). Здесь активнее используются динамичные образы, которые концептуализируют партнерство как живой организм или поток, движущийся в направлении общего будущего. Дополнительно китайский подкорпус текстов демонстрирует более высокую частотность исторических апелляций (так называемой «дипломатии памяти»): 27 упоминаний по сравнению с 18 (12,6 % и 10,2 %), а также инклюзивных формул («мы»: 29 и 22 упоминания соответственно; 13,6 % и 12,5 %). В русских медиатекстах, напротив, более выражена технико-инфраструктурная метафорика, переводящая двусторонние отношения в категорию крупных системных проектов. По показателю числовой аргументации русские материалы содержат 14 упоминаний (8,0 %), а китайские — 11 (5,1 %). Клишированная официальная лексика

CC BY

доминирует в обоих подкорпусах (68 и 74 упоминания; 38,6 % и 34,6 %). В целом прямые номинации партнерства и положительная оценочная лексика составляют более 70 % всех упоминаний.

Проведенный анализ показал, что современный интернет-дискурс явно транслирует идею сотрудничества России и Китая, опираясь при этом на устойчивую систему языковых средств, отражающих не только идею двусторонних отношений, но и их ценностно-символическую и прагматическую составляющие.

В российском и китайском сегментах интернет-дискурса выявлена в целом схожая система лингвистических средств, способствующих репрезентации идеи сотрудничества и относящихся к различным языковым уровням. На лексическом уровне идея сотрудничества оформляется посредством клишированных официальных оборотов, образной лексики, метафорических конструкций (в первую очередь концептуальных метафор). Образная лексика и метафорические конструкции придают дискурсу динамичность и эмоциональную насыщенность. Смысловая интенсивность дискурса также достигается благодаря использованию разнообразных метафорических конструкций, включая концептуальные метафоры. Партнерство предстает как живой процесс: в китайских текстах доминируют образы стихии, пути, экономические и архитектурные ассоциации; в российских источниках распространены метафоры техники, инфраструктуры, транспорта и семьи. Различия задают национальные акценты, а совпадения (мотивы добрососедства, общей судьбы, испытания временем) демонстрируют общую символическую основу идеи сотрудничества.

Средствами морфологического уровня выступают инклюзивное «мы», имена числительные, передающие позитивную статистическую информацию. Средства синтаксического уровня обеспечивают выразительность текста (параллелизм, многокомпонентная структура конструкции). К супертекстовым элементам системы относятся прецедентные феномены из сферы истории, участвующие в создании «дипломатии памяти».

Исторические аналогии, инклюзивное «мы» как компонент общего нарратива, параллелизм и многочленные конструкции усиливают воздействие медиатекстов на аудиторию. При этом аргументация через факты и статистику снижает абстрактность дискурса и придает ему убедительность.

В результате в современных российских и китайских медиа формируется многослойная репрезентация партнерства как стабильного, динамичного и взаимовыгодного процесса, высоко оценивается дипломатический статус отношений, создается эффект равноправия и долгосрочности сотрудничества. Языковые средства репрезентации идеи сотрудничества

России и Китая в интернет-дискурсе выступают активным инструментом формирования в сознании читателя динамичного и прагматически привлекательного образа двусторонних отношений.

Сопоставительное исследование дискурса различных временных периодов (более раннего и современного) с целью выявления динамики оценки российско-китайского сотрудничества в СМИ является перспективой данного исследования.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Ван И.* Взяв на себя ответственность за поддержание справедливости, извлекая уроки из истории на будущее [Электронный ресурс] / Ван И // Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики. — 10.05.2025. — Режим доступа : https://www.fmprc.gov.cn/wjb_673085/zzjg_673183/xws_674681/xgxw_674683/202505/t20250510_11618730.shtml (дата обращения 14.09.2025) (**王毅**. 铁肩担道义，历史鉴未来 // **中**华人民共和国外交部. — 10.05.2025. — 访问模式：https://www.fmprc.gov.cn/wjb_673085/zzjg_673183/xws_674681/xgxw_674683/202505/t20250510_11618730.shtml（访问14.09.2025)).

2. *Ван И.* Китайско-российские отношения способствуют продвижению многополярного мира [Электронный ресурс] / Ван И. — 01.04.2025. — Режим доступа : https://www.mfa.gov.cn/web/wjbzhd/202504/t20250401_11585713.shtml (дата обращения 13.09.2025) (王毅： 中俄关系有利于推进世界多极化// 外交部. — 01.04.2025. — 访问模式：https://www.mfa.gov.cn/web/wjbzhd/202504/t20250401_11585713.shtml （访问13.09.2025））.

3. *Володин* : РФ и Китай развивают стратегическое взаимодействие, преодолевая вызовы [Электронный ресурс] // ТАСС. — 2025. — 25 августа. — Режим доступа : https://tass.ru/politika/24867593 (дата обращения 13.09.2025).

4. *Гуманитарное сотрудничество* России и Китая является важнейшей частью многопланового комплекса отношений двух стран — МИД РФ [Электронный ресурс] // Синьхуа Новости (Russian.News.Cn). — 28.03.2025. — Режим доступа : https://russian.news.cn/20250328/9fb080851800462ea7d47b0691f12e80/c.html (дата обращения 13.09.2025).

5. *Иванова К.* Воздушные мосты между Китаем и Россией : как изменились маршруты доставки [Электронный ресурс] / К. Иванова // РБК Компании. — 04.04.2025. — Режим доступа : https://companies.rbc.ru/news/2Bj1IUmT0Q/vozdushnyie-mostyi-mezhdu-kitaem-i-rossiej-kak-izmenilis-marshrutyi-dostavki/?utm (дата обращения 14.09.2025).

6. *Моргулов И.* Текст выступления на конференции «Россия и Китай : сотрудничество в новую эпоху» [Электронный ресурс] / И. Моргунов // Российский совет по международным делам. — 01.06.2025. — Режим доступа : https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/tekst-vystupleniya-na-konferentsii-rossiya-i-kitay-sotrudnichestvo-v-novuyu-epokhu-2025/ (дата обращения 13.09.2025).

7. *Придав мощный импульс* построению сообщества единой судьбы человечества, инициативы председателя Си Цзиньпина в области глобального управления вызвали бурную реакцию и резонанс в международном сообществе [Электронный ресурс] // Информационное агентство Синьхуа. — 02.09.2025. — Режим доступа : https://cn.chinadiplomacy.org.cn/gdi/2025-09/02/content_118055735.shtml?utm (дата обращения 13.09.2025) (为携手迈向人类命运共同体注入澎湃动力 — 习近平主席提出全球治理倡议引发国际社会强烈反响与共鸣 // 新华网. — 02.09.2025. — 访问模式：https://cn.chinadiplomacy.org.cn/gdi/2025-09/02/content_118055735.shtml?utm （访问13.09.2025）).

8. *Первая перспектива* | Дальнейшее углубление китайско-российских отношений всеобъемлющего стратегического партнёрства и взаимодействия в новую эпоху [Электронный ресурс] // Агентство Синьхуа. — 10.05.2025. — Режим доступа : http://www.news.cn/politics/leaders/20250510/3ede121b26354350b0e5ecec8b164c2b/c.html (дата обращения 13.09.2025) (第1视点丨进一步深化中俄新时代全面战略协作伙伴关系 // 新华网. — 10.05.2025. — 访问模式：http://www.news.cn/politics/leaders/20250510/3ede121b26354350b0e5ecec8b164c2b/c.html （访问13.09.2025）).

9. *Посол Китая в России* Чжан Ханьхуэй заявил, что в российских учебных заведениях обучаются более 60 тыс. китайских студентов, а в Китае — около 16 тыс. студентов российских вузов [Электронный ресурс] // Информационное агентство Sputnik. — 29.01.2025. — Режим доступа : https://sputniknews.cn/20250129/1063865022.html?utm (дата обращения 14.09.2025). (中国驻俄罗斯大使张汉晖表示，有6万多名中国学生在俄罗斯教育机构留学，约有16000名俄罗斯大学生在中国留学 // 俄罗斯卫星通讯社. — 29.01.2025. — 访问模式：https://sputniknews.cn/20250129/1063865022.html?utm （访问14.09.2025）).

10. *Путин назвал* ШОС мощным локомотивом многополярности и мирового развития [Электронный ресурс] // Известия. — 01.09.2025. — Режим доступа : https://iz.ru/1946354/2025-09-01/putin-nazval-shos-moshchnym-lokomotivom-mnogopoliarnosti-i-mirovogo-razvitiia (дата обращения 14.09.2025).

11. *Путин : Россия и Китай* проведут «перекрестные» Годы образования [Электронный ресурс] // ТАСС. — 30.08.2025. — Режим доступа : https://tass.ru/politika/24909009 (дата обращения 14.09.2025).

12. *Путин : сотрудничество* РФ и КНР изменило в лучшую сторону работу G20 и АТЭС [Электронный ресурс] // ТАСС. — 30.08.2025. — Режим доступа : https://tass.ru/politika/24908977 (дата обращения 14.09.2025).

13. *Россия и Китай* подписали ряд документов по развитию сотрудничества [Электронный ресурс] // ТАСС. — 14.02.2025. — Режим доступа : https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/23138997 (дата обращения 13.09.2025).

14. *Си Цзиньпин и Президент России Путин* провели совместную пресс-конференцию [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики. — 08.05.2025. — Режим доступа : https://www.mfa.gov.cn/zyxw/202505/t20250508_11617598.shtml?utm (дата обращения 13.09.2025) (习近平同俄罗斯总统普京共同会见记者 // 中华人民共和国外交部. — 05/08/2025. — 访问模式：https://www.mfa.gov.cn/zyxw/202505/t20250508_11617598.shtml?utm （访问13.09.2025）).

15. *Си Цзиньпин провел переговоры* с президентом России Владимиром Путиным [Электронный ресурс] // Агентство Синьхуа. — 08.05.2025. — Режим доступа : https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202505/content_7022992.htm?utm (дата обращения 13.09.2025) (习近平同俄罗斯总统普京会谈 // 新华社. — 08.05.2025. — 访问模式：https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202505/content_7022992.htm?utm （访问13.09.2025）).

16. *Си Цзиньпин провел телефонный разговор* с президентом России Владимиром Путиным [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики. — 24.02.2025. — Режим доступа : https://www.fmprc.gov.cn/zyxw/202502/t20250224_11561364.shtml?utm (дата обращения 16.09.2025) (习近平同俄罗斯总统普京通电话 // 中华人民共和国外交部. — 24.02.2025. — 访问模式：https://www.fmprc.gov.cn/zyxw/202502/t20250224_11561364.shtml?utm （访问16.09.2025）).

17. *ШОС стала* надежной опорой государств-членов для поддержания региональной стабильности и достижения совместного развития — посол КНР в РФ [Электронный ресурс] // Синьхуа Новости. — 25.08.2025. — Режим доступа : https://russian.news.cn/20250826/5386fcc4cc8b433ea5002109d781a7e9/c.html?utm (дата обращения 13.09.2025).

18. *Укрепление народного сотрудничества* и развитие великой дружбы — поздравительное послание председателя Си Цзиньпина придаёт новый импульс взаимопониманию и привязанности между китайским и российским народами [Электронный ресурс] // Новости CCTV. — 09.05.2025. — Режим доступа : https://news.cctv.com/2025/05/09/ARTIUygTV9bGKsfSvbMdMVZx250509.shtml?utm (дата обращения 14.09.2025). (加强人文交流 传承伟大友谊 — 习近平主席贺信为中俄人民相知相亲注入新动力 // 央视新闻. — 09.05.2025. — 访问模式：https://news.cctv.com/2025/05/09/ARTIUygTV9bGKsfSvbMdMVZx250509.shtml?utm （访问14.09.2025).

19. *Ускорить создание* китайской дискурсивной и нарративной системы [Электронный ресурс] // Информационное агентство Синьхуа. — 22.06.2025. — Режим доступа : http://www.xinhuanet.com/politics/20250722/82bae59977b54dcaa2bb3f6065b37103/c.html (дата обращения 20.09.2025) (加快构建中国话语和中国叙事体系 // 新华社. — 22.06.2025. — 访问模式：http://www.xinhuanet.com/politics/20250722/82bae59977b54dcaa2bb3f6065b37103/c.html （访问20.09.2025）).

20. *Эксперт назвал* союз России и КНР опорой, способной стать точкой притяжения [Электронный ресурс] // РИА Новости. — 19.06.2025. — Режим доступа : https://ria.ru/20250619/soyuz-2023900716.html (дата обращения 13.09.2025).

21. *Ян Дэхун*. Несмотря на меняющиеся обстоятельства, китайско-российские отношения развиваются спокойно [Электронный ресурс] / Ян Дэхун // Информационное агентство Синьхуа. — 07.05.2025. — Режим доступа : https://cn.chinadiplomacy.org.cn/2025-05/07/content_117863620.shtml?utm (дата обращения 13.09.2025) (严德宏. 任凭风云变幻 中俄关系从容前行 // 新华社. — 07.05.2025. — 访问模式：https://cn.chinadiplomacy.org.cn/2025-05/07/content_117863620.shtml?utm （访问13.09.2025）).

Литература

1. *Багдуева А. В.* Межкультурные контакты России и Китая : Новейший период / А. В. Багдуева, Н. Н. Рогозная // Российско-китайские исследования. — 2020. — Т. 4. — № 2. — С. 157—169. — DOI: 10.17150/2587-7445.2020.4(2).157-169.

2. *Бай Юньчун.* Образ России в китайских СМИ / Бай Юньчун // Язык. Словесность. Культура. — 2022. — Т. 12. — № 3. — С. 2—9. — DOI: 10.34670/AR.2022.36.82.001.

3. *Бицуева И. В.* Эволюция образа Китая в российских СМИ (XVIII — начало XX в.) / И. В. Бицуева // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. — 2020. — № 4 (96). — С. 97—103. — DOI: 10.35330/1991-6639-2020-4-96-97-103.

4. *Варова Е. И.* Образ России в СМИ Китая / Е. И. Варова // Межкультурная коммуникация и СМИ. — 2023. — № 24. — С. 20—22.

5. *Го Лицзюнь*. Лексическая репрезентация образа Китая в российском публицистическом дискурсе / Го Лицзюнь // Научный диалог. — 2019. — № 3. — С. 38—53. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-3-38-53.

6. *Ерофеева И. В.* Когнитивно-языковой инструментарий моделирования медиаобраза страны : дискурс Китая о России / И. В. Ерофеева, А. В. Муравьёв // Российско-китайские исследования. — 2021. — Т. 5. — № 2. — С. 83—93. — DOI: 10.17150/2587-7445.2021.5(2).83-93.

7. *Закирова А. Ж.* Этнические стереотипы : к пониманию сущности / А. Ж. Закирова // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. — 2025. — № 83. — С. 39—48. — DOI: 10.17223/1998863X/83/5.

8. *Калинин О. И.* Образ России в дискурсе социальных сетей Китая: лингвопрагматический анализ репрезентации российско-украинского конфликта / О. И. Калинин // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия : Гуманитарные и социальные науки. — 2024. — Т. 24. — № 6. — С. 83—91. — DOI: 10.37482/2687-1505-V392.

9. *Кошкарова Н. Н.* Образ России в китайских СМИ / Н. Н. Кошкарова, И. О. Мукушев // Политическая лингвистика. — 2021. — № 3 (87). — С. 87—100. — DOI: 10.26170/1999-2629_2021_03_08.

10. *Крылова М. Н.* Символика Китая в современной русской литературе / М. Н. Крылова // Критика и семиотика. — 2016. — № 1. — С. 227—235.

11. *Крылова М. Н.* «Молчит как партизан». Прецедентные сравнения из сферы истории / М. Н. Крылова // Русская речь. — 2017. — № 6. — С. 31—35.

12. *Кун Мэннань*. Национальный имидж России в китайских социальных сетях (на примере деятельности аккаунта RT в Weibo) / Кун Мэннань // Филология: научные исследования. — 2025. — № 6. — С. 69—81. — DOI: 10.7256/2454-0749.2025.6.73866.

13. *Лапко А. В.* Особенности репрезентации образа зарубежной страны в российских СМИ (на примере медиаобраза Китая) / А. В. Лапко // Успехи гуманитарных наук. — 2022. — № 10. — С. 17—25.

14. *Ли Цичжэн*. Образ Китая в современных российских СМИ (по материалам Национального корпуса русского языка) / Ли Цичжэн // Litera. — 2024. — № 5. — С. 51—60. — DOI: 10.25136/2409-8698.2024.5.70692.

15. *Мэн Жу.* Сравнительное исследование интертекстуальности в российском и китайском политическом дискурсе / Мэн Жу// Политическая лингвистика. — 2023. — № 5. — С. 202—209.

16. *Руженцева Н. Б.* Межнациональный дискурс : к проблеме описания / Н. Б. Руженцева, Ю. А. Антонова // Политическая лингвистика. — 2012. — № 3 (41). — С. 9—16.

17. *Сунь Ичжэнь*. Образ Китая в российских СМИ (на основе статей, опубликованных в «Известиях», «Коммерсанте» и «Российской газете» в 2024 г.) / Сунь Ичжэнь // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова. — 2025. — Т. 22. — № 2. — С. 188—203. — DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-2-188-203.

18. *Сюн Икунь.* Формирование образа Китая в российских СМИ / Сюн Икунь // Наука. Образование. Современность. — 2024. — № 2. — С. 63—66. — DOI: 10.24412/2658-7335-2024-2-15.

19. *Фэн Сюечэнь*. Исследование имиджа Китая в России / Фэн Сюечэнь // Теории и проблемы политических исследований. — 2021. — Т. 10. — № 3А. — С. 129—136. — DOI: 10.34670/AR.2021.15.54.016.

20. *Хубежова З. А.* Российско-китайский дискурс в современных условиях (на примере Russia Today, China Daily, BBC) / З. А. Хубежова, Ф. И. Шарков // Коммуникология: электронный научный журнал. — 2022. — Т. 7. — № 2. — С. 114—120.

21. *Чэнь Ци.* Образ России в китайских СМИ / Чэнь Ци // Культура и цивилизация. — 2020. — Т. 10. — № 2—1. — С. 22—28. — DOI: 10.34670/AR.2020.44.23.002.

22. *Юртаева Е. С.* Характеристики виртуальной языковой личности в коммуникативном пространстве Интернет-дискурса / Е. С. Юртаева // Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации. — 2016. — С. 307—312.

Статья поступила в редакцию 28.10.2025,
одобрена после рецензирования 12.03.2026,
подготовлена к публикации 20.03.2026.

Material resources

Accelerate the creation of China's discursive and narrative system. (2025). *Xinhua News Agency.* Available at: http://www.xinhuanet.com/politics/20250722/82bae59977b54dcaa2bb3f6065b37103/c.html (accessed September 20, 2025). (In Chin.).

Chinese Ambassador to Russia Zhang Hanhui stated that more than 60,000 Chinese students are studying in Russian educational institutions, while about 16,000 students from Russian universities are studying in China. (2025). *Sputnik News Agency.* Available at: https://sputniknews.cn/20250129/1063865022.html?utm (accessed 14.09.2025). (In Chin.).

Expert calls Russia-China alliance a pillar capable of becoming a point of attraction. (2025). *RIA Novosti.* Available at: https://ria.ru/20250619/soyuz-2023900716.html (accessed 13.09.2025). (In Russ.).

First Prospect | Further Deepening of China-Russia Comprehensive Strategic Partnership of Coordination in the New Era. (2025). *Xinhua News Agency.* Available at: http://www.news.cn/politics/leaders/20250510/3ede121b26354350b0e5ecec8b164c2b/c.html (accessed 13.09.2025). (In Chin.).

Having given a powerful impetus to building a community with a shared future for humanity, Chairman Xi Jinping's initiatives in the field of global governance have provoked a strong reaction and resonance in the international community. (2025). *Xinhua News Agency.* Available at: https://cn.chinadiplomacy.org.cn/gdi/2025-09/02/content_118055735.shtml?utm (accessed 13.09.2025). (In Chin.).

Humanitarian cooperation between Russia and China is the most important part of the multifaceted complex of relations between the two countries — Russian Foreign Ministry. (2025). *Xinhua News (Russian.News.Cn).* Available at: https://russian.news.cn/20250328/9fb080851800462ea7d47b0691f12e80/c.html (accessed 13.09.2025). (In Russ.).

Ivanova, K. (2025). Air bridges between China and Russia: how delivery routes have changed. *RBC Companies.* Available at: https://companies.rbc.ru/news/2Bj1IUmT0Q/vozdushnyie-mostyi-mezhdu-kitaem-i-rossiej-kak-izmenilis-marshrutyi-dostavki/?utm (accessed 14.09.2025). (In Russ.).

Morgulov, I. (2025). Text of the speech at the conference "Russia and China: Cooperation in the New Era". *Russian International Affairs Council.* Available at: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/tekst-vystupleniya-na-konferentsii-rossiya-i-kitay-sotrudnichestvo-v-novuyu-epokhu-2025/ (accessed 13.09.2025). (In Russ.).

Putin called the SCO a powerful locomotive of multipolarity and global development. (2025). *Izvestia.* Available at: https://iz.ru/1946354/2025-09-01/putin-nazval-shos-moshchnym-lokomotivom-mnogopoliarnosti-i-mirovogo-razvitiia (accessed 14.09. 2025). (In Russ.).

Putin: Russia and China will hold "cross" Years of Education. (2025). *TASS.* Available at: https://tass.ru/politika/24909009 (accessed 14.09.2025). (In Russ.).

Putin: Russia-China cooperation has improved the work of the G20 and APEC. (2025). *TASS.* Available at: https://tass.ru/politika/24908977 (accessed 14.09. 2025). (In Russ.).

Russia and China signed a number of documents on developing cooperation. (2025). *TASS.* Available at: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/23138997 (accessed 13.09.2025). (In Russ.).

Strengthening people-to-people cooperation and developing great friendship — President Xi Jinping's congratulatory message gives new impetus to mutual understanding and affection between the Chinese and Russian peoples. (2025). *CCTV News.* Available at: https://news.cctv.com/2025/05/09/ARTIUygTV9bGKsfSvbMdMVZx250509.shtml?utm (accessed 09/14/2025). (In Chin.).

The SCO has become a reliable support for member states in maintaining regional stability and achieving common development — Chinese Ambassador to the Russian Federation. (2025). *Xinhua News.* Available at: https://russian.news.cn/20250826/5386fcc4cc8b433ea5002109d781a7e9/c.html?utm (accessed 13.09.2025). (In Russ.).

Volodin: Russia and China are developing strategic interaction, overcoming challenges. (2025). *TASS.* Available at: https://tass.ru/politika/24867593 (accessed 13.09.2025). (In Russ.).

Wang Yi. (2025). *Sino-Russian Relations Contribute to the Advancement of a Multipolar World.* Available at: https://www.mfa.gov.cn/web/wjbzhd/202504/t20250401_11585713.shtml (accessed 13.09.2025). (In Chin.).

Wang Yi. (2025). *Taking Responsibility for Upholding Justice, Drawing Lessons from History for the Future. Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China.* Available at: https://www.fmprc.gov.cn/wjb_673085/zzjg_673183/xws_674681/xgxw_674683/202505/t20250510_11618730.shtml (accessed 14.09.2025). (In Chin.).

Xi Jinping and Russian President Putin held a joint press conference. (2025). *Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China.* Available at: https://www.mfa.gov.cn/zyxw/202505/t20250508_11617598.shtml?utm (accessed 13.09.2025). (In Chin.).

Xi Jinping held a telephone conversation with Russian President Vladimir Putin. (2025). *Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China.* Available at: https://www.fmprc.gov.cn/zyxw/202502/t20250224_11561364.shtml?utm (accessed 16.09.2025). (In Chin.).

Xi Jinping held talks with Russian President Vladimir Putin. (2025). *Xinhua Agency.* Available at: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202505/content_7022992.htm?utm (accessed 13.09.2025). (In Chin.).

Yang Dehong. (2025). Despite changing circumstances, Chinese-Russian relations are developing calmly. *Xinhua News Agency.* Available at: https://cn.chinadiplomacy.org.cn/2025-05/07/content_117863620.shtml?utm (accessed 13.09.2025). (In Chin.).

References

Bagdueva, A. V., Rogoznaya, N. N. (2020). Intercultural Contacts between Russia and China: The Modern Period. *Russian-Chinese Studies, 4 (2):* 157—169. DOI: 10.17150/2587-7445.2020.4(2).157-169. (In Russ.).

Bai Yunchong. (2022). The Image of Russia in Chinese Media. *Language. Literature. Culture, 12 (3):* 2—9. DOI: 10.34670/AR.2022.36.82.001. (In Russ.).

Bitsueva, I. V. (2020). Evolution of the Image of China in Russian Media (18th — Early 20th Century). *Bulletin of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 4 (96):* 97—103. DOI: 10.35330/1991-6639-2020-4-96-97-103. (In Russ.).

Chen Qi. (2020). The Image of Russia in Chinese Media. *Culture and Civilization, 10 (2—1):* 22—28. DOI: 10.34670/AR.2020.44.23.002.

Erofeeva, I. V., Muravyov, A. V. (2021). Cognitive-linguistic tools for modeling the country's media image: China's discourse on Russia. *Russian-Chinese studies, 5 (2):* 83—93. DOI: 10.17150/2587-7445.2021.5(2).83-93. (In Russ.).

Feng Xuechen. (2021). A Study of China's Image in Russia. *Theories and Problems of Political Research, 10 (3A):* 129—136. DOI: 10.34670/AR.2021.15.54.016. (In Russ.).

Guo L. (2019). Lexical Representation of Image of China in Russian Publicistic Discourse. *Nauchnyi dialog, 3:* 38—53. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-3-38-53. (In Russ.).

Kalinin, O. I. (2024). The Image of Russia in the Discourse of Chinese Social Networks: A Lingvopragmatic Analysis of the Representation of the Russian-Ukrainian Conflict. *Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences, 24 (6):* 83—91. DOI: 10.37482/2687-1505-V392. (In Russ.).

Khubezhova, Z. A., Sharkov, F. I. (2022). Russian-Chinese Discourse in Modern Conditions (Based on Russia Today, China Daily, BBC). *Communicology: Electronic Scientific Journal, 7 (2):* 114—120. (In Russ.).

Kong Mengnan. (2025). Russia's National Image in Chinese Social Media (Based on the RT Weibo Account). *Philology: Research, 6:* 69—81. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.6.73866. (In Russ.).

Koshkarova, N. N., Mukushev, I. O. (2021). The Image of Russia in Chinese Media. *Political Linguistics, 3 (87):* 87—100. DOI: 10.26170/1999-2629_2021_03_08. (In Russ.).

Krylova, M. N. (2016). Symbolism of China in Modern Russian Literature. *Criticism and Semiotics, 1:* 227—235. (In Russ.).

Krylova, M. N. (2017). "Silent as a Partisan." Precedent Comparisons from the Sphere of History. *Russian Speech, 6:* 31—35. (In Russ.).

Lapko, A. V. (2022). Features of Representation of the Image of a Foreign Country in Russian Media (Based on the Media Image of China). *Uspehi gumanitarnykh nauk, 10:* 17—25. (In Russ.).

Li Qizheng. (2024). The Image of China in Modern Russian Media (Based on the Materials of the National Corpus of the Russian Language). *Litera, 5:* 51—60. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.5.70692. (In Russ.).

Meng Zhu. (2023). Comparative Study of Intertextuality in Russian and Chinese Political Discourse. *Political Linguistics, 5:* 202—209. (In Russ.).

Ruzhentseva, N. B., Antonova, Yu. A. (2012). Interethnic Discourse: Towards the Problem of Description. *Political Linguistics, 3 (41):* 9—16. (In Russ.).

Sun Yizhen. (2025). The Image of China in Russian Media (Based on Articles Published in Izvestia, Kommersant, and Rossiyskaya Gazeta in 2024). *Bulletin of the M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, 22 (2):* 188—203. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-2-188-203. (In Russ.).

Varova, E. I. (2023). Image of Russia in Chinese Media. *Intercultural Communication and Media, 24:* 20—22. (In Russ.).

Xiong Yikun. (2024). Formation of the Image of China in Russian Media. *Science. Education. Modernity, 2:* 63—66. DOI: 10.24412/2658-7335-2024-2-15. (In Russ.).

Yurtaeva, E. S. (2016). Characteristics of a Virtual Linguistic Personality in the Communicative Space of Internet Discourse. *Foreign Languages in the Context of Intercultural Communication.* 307—312. (In Russ.).

Zakirova, A. Zh. (2025). Ethnic stereotypes: towards understanding the essence. *Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science, 83:* 39—48. DOI: 10.17223/1998863X/83/5. (In Russ.).

The article was submitted 28.10.2025;
approved after reviewing 12.03.2026;
accepted for publication 20.03.2026.

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(3), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Захарова М. А. Речевое поведение студентов в групповых чатах : прогнозы и перспективы (по результатам анкетирования) / М. А. Захарова, Е. В. Тишина, М. В. Калинина // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 3. — С. 210—225. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-3-210-225.

Zakharova, M. A., Tishina, E. V., Kalinina, M. V. (2026). Students' Speech Behavior in Group Chats: Predictions and Prospects. *Nauchnyi dialog, 15* (3): 210-225. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-3-210-225. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Речевое поведение студентов в групповых чатах: прогнозы и перспективы (по результатам анкетирования)

Захарова Мария Алексеевна [1]
orcid.org/0009-0000-2856-1254
кандидат филологических наук,
преподаватель кафедры
гуманитарных дисциплин
forestwell@yandex.ru

Тишина Елена Валерьевна [2]
orcid.org/0009-0001-0419-5269
кандидат филологических наук,
доцент кафедры филологии
Lena-tishina@yandex.ru

Калинина Маргарита Владимировна [1]
orcid.org/0000-0002-4096-9663
кандидат филологических наук, доцент
кафедры гуманитарных дисциплин,
корреспондирующий автор
kalinina_8181@mail.ru

[1] Волгоградский государственный
институт искусств и культуры
(Волгоград, Россия)

[2] Московский университет «Синергия»
(Москва, Россия)

Students' Speech Behavior in Group Chats: Predictions and Prospects

Maria A. Zakharova [1]
orcid.org/0009-0000-2856-1254
PhD in Philology, Lecturer,
Department of Humanities
forestwell@yandex.ru

Elena V. Tishina [2]
orcid.org/0009-0001-0419-5269
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Philology
Lena-tishina@yandex.ru

Margarita V. Kalinina [1]
orcid.org/0000-0002-4096-9663
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Humanities,
corresponding author
kalinina_8181@mail.ru

[1] Volgograd State Institute
of Arts and Culture
(Volgograd, Russia)

[2] Synergy University of Moscow
(Moscow, Russia)

© Захарова М. А., Тишина Е. В., Калинина М. В., 2026

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье исследуются некоторые устойчивые тенденции прагматической трансформации орфографических и пунктуационных норм русского языка в студенческой онлайн-среде на примере чат-коммуникации. Эмпирическую базу исследования составили данные, собранные посредством онлайн-опроса, который проводился в ноябре и декабре 2024 года среди учащихся творческих специальностей Волгоградского государственного института искусств и культуры. Анализ собранного материала позволил выявить устойчивые тенденции прагматической трансформации норм русского языка в студенческой онлайн-среде: более терпимое отношение к орфографическим ошибкам (в том числе к написанию имени собственного с маленькой буквы), неоднозначное отношение к пунктуационным ошибкам, так как они могут затруднять понимание текста и искажать его содержание. Делается вывод о том, что многие новые явления, которые пока воспринимаются обществом как нарушение языковой нормы, вскоре могут приобрести статус допустимого употребления, ограниченного сферой неформальной интернет-коммуникации. Результаты исследования показали, что в чатах молодёжь всё более спокойно и с пониманием относится к отступлениям от норм орфографии и пунктуации, чат-переписка становится свободной от традиционных нормативных предписаний, в рамках неофициального контакта мы сталкиваемся с формированием нового онлайн-этикета, для которого самой главной становится быстрота передачи и получения информации при сохранении ясности и понятности сообщения.

Ключевые слова:
орфографические и пунктуационные нормы; онлайн-этикет; язык чатов; групповая чат-коммуникация; лингвистическое прогнозирование.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This paper investigates several persistent trends of pragmatic transformation in Russian spelling and punctuation norms within the student online environment using chat communication as a case study. The empirical basis for this research consists of data collected through an online survey conducted among students majoring in creative disciplines at Volgograd State Institute of Arts and Culture during November–December 2024. Analysis of the gathered material revealed consistent tendencies toward pragmatic transformations in Russian language usage among students in their online interactions: notably, more tolerant attitudes towards misspellings (including lowercase capitalization of proper names) and ambiguous views on punctuation errors due to potential difficulties they may cause in understanding text content. It is concluded that many new phenomena currently perceived by society as violations of linguistic standards might soon gain acceptance as permissible forms limited to informal internet-based communication contexts. Findings suggest that young people are increasingly relaxed about deviations from traditional rules of spelling and punctuation in chats, with such communications becoming free from conventional normative constraints. Within the framework of casual interaction, we observe the emergence of a novel online etiquette where speed of information exchange takes precedence over strict adherence to formal conventions while maintaining clarity and comprehensibility of messages.

Key words:
spelling and punctuation norms; online etiquette; chat language; group chat communication; linguistic forecasting

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(3), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 811.161.1’42:004.738.5
DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-3-210-225

Научная специальность ВАК
5.9.5. Русский язык. Языки народов России
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика
5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика

Речевое поведение студентов в групповых чатах: прогнозы и перспективы (по результатам анкетирования)

© Захарова М. А., Тишина Е. В., Калинина М. В., 2026

1. Введение = Introduction

Современное компьютеризированное общество характеризуется повсеместным распространением мобильных устройств, меняющих прежние способы коммуникации и оказывающих значительное влияние на развитие языка. Одним из ключевых каналов такого воздействия становятся групповые чаты, в которых представлены совершенно новые речевые практики. Их изучение значимо не только для лингвистов, исследующих функционирование языка в новых условиях, но и для социологов, культурологов, психологов.

Трансформация норм литературного языка — это неминуемый процесс, который обусловлен бурным развитием технологий, изменением образа жизни человека и его менталитета. Важнейшим вектором влияния на современный язык стало появление возможности быстрого ввода сообщений, для обмена которыми существует множество популярных сервисов. Сегодня чат-коммуникация, охватывающая все сферы нашей жизни, становится важнейшим каналом формирования и распространения языковых новообразований. Анализ особенностей языкового поведения студентов в этой среде позволяет выявлять тенденции эволюции литературного языка, прогнозировать возможные изменения норм, оценивать степень их влияния на общее языковое развитие, изучать новые ценности и нормы поведения, актуальные в молодёжной среде. Необходимость прогнозирования развития языка и установление перспективных, наиболее вероятных форм выражения в будущем — это не отвлечённая схоластика, не гимнастика ума, а нужное дело, подсказанное самой общественной жизнью [Горбачевич, 1990, с. 70]. Поэтому считаем, что исследование тенденций эволюции литературного русского языка через изучение чат-коммуникации, студенческой языковой среды, языковой личности и её речевого поведения — одна из актуальных и насущных задач современной лингвистики.

CC BY

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Целью данной статьи стало выявление особенностей языкового поведения студентов — участников групповых чатов с целью прогнозирования некоторых устойчивых тенденций прагматической трансформации орфографических и пунктуационных норм русского языка в студенческой онлайн-среде на примере чат-коммуникации.

Настоящая работа является логическим продолжением исследования [Тишина и др., 2025], в котором были описаны особенности трансформации этических и коммуникативных норм в жанре группового студенческого чата. В данной статье мы представляем результаты анализа языкового поведения студентов в чат-коммуникации. Эмпирическую базу исследования составили данные, собранные посредством онлайн-опроса (ноябрь-декабрь 2024 года) с использованием Google Forms. Опрос проводился среди учащихся Волгоградского государственного института искусств и культуры. Заметим, что, в связи с небольшим объёмом выборки (95 ответов), а также её характером (в опросе принимали участие студенты творческих специальностей), проводимая работа носит характер пилотного исследования. В ней будут намечены некоторые подходы к проблеме для её дальнейшего, более масштабного изучения. Необходимо уточнить, что итоги исследования не могут претендовать на отражение предпочтений всей студенческой аудитории.

Проблема воздействия информационно-коммуникационных технологий на развитие языка является относительно новой в языкознании и до сих пор изучена недостаточно. Однако уже сейчас можно выделить некоторые значимые исследования, сделанные в этом направлении.

Теоретической основой настоящего исследования стали зарубежные работы, в которых изучаются особенности развития английского и китайского языков в условиях компьютерной коммуникации [Baron, 2010; Gao, 2001; Gao, 2004; Gao, 2006]; гендерные и культурные особенности мобильной телефонии [Baron, 2012]; коммуникативные стратегии в переписке подростков противоположного пола [Baron, 2014].

Из новейших отечественных работ необходимо отметить коллективную монографию «Русский язык и новые технологии» [Русский язык…, 2014], посвящённую изучению взаимовлияния современного русского, а также некоторых других языков народов РФ и новых информационных технологий. Авторы показывают, как воздействуют на языковые сообщества новые формы социальной коммуникации, как сам интернет становится ресурсом для изучения языка. С. Ф. Барышева обращается к рассмотрению в сетевой коммуникации фонетических написаний, порождённых устно-письменной формой речи [Барышева, 2021]; И. С. Брилёва оцени-

вает особенности интернет-коммуникации на примере общения молодёжи в студенческих и подростковых чатах, изучает процессы сближения переписки в виртуальном пространстве с устной формой речи [Брилёва, 2021]. Заслуживает внимания и статья Н. И. Клушиной, анализирующей изменения, происходящие в лексической системе языка под влиянием новых «норм» интернет-общения [Клушина, 2023]. Этический аспект чат-коммуникации (стратегия вежливости) становится объектом рассмотрения статьи С. Ю. Глушковой и А. Р. Аликберовой [Глушкова, 2022], культура делового общения в мессенджерах исследуется в работе Т. А. Литвяковой [Литвякова, 2023]. О. В. Лукинова в одной из своих последних статей, посвященных правилам речевого поведения в сети, обращается к проблеме языковой рефлексии, наблюдает за тем, насколько те или иные формулы коммуникации принимаются обществом [Лукинова, 2023].

В рамках настоящего эмпирического исследования были использованы **метод обобщения** и **метод количественного подсчёта.** Метод обобщения помог нам систематизировать собранные анкетные данные; метод количественного подсчёта обеспечил объективность и точность результатов. Сочетание этих методов позволило не только описать и систематизировать наблюдаемые явления, но и установить их количественные характеристики, что является необходимым условием для формирования обоснованных выводов и прогнозов.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Работа выполнена на основе анализа и обработки ответов на 5 вопросов, которые были посвящены нормам орфографии и пунктуации. Респондентам нужно было сформулировать своё отношение к некоторым наиболее частотным нарушениям орфографических и пунктуационных норм, аргументировав ответы. Высказалось 95 информантов. В приводимых ниже примерах-цитатах сохранены авторские орфография и пунктуация. Объёмные ответы цитируются частично: приводится наиболее значимая, на наш взгляд, аргументация позиции респондента.

Количественный аспект исследования кратко представлен в таблице (табл. 1).

Перейдём к интерпретации собранного материала.

3.1. Отношение к орфографическим и (или) пунктуационным ошибкам и опечаткам в сообщениях

Безразлично в целом (39 человек, 41,1 %). Отдельные респонденты аргументируют свои ответы так: «*…многие не специально так пишут, а случайно или их исправляет Т9*». Опрошенные также указывали на неформальный характер чат-коммуникации, предполагающий более свободное отно-

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(3), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Таблица 1

Отношение респондентов к орфографическому и пунктуационному оформлению сообщений в групповых чатах

Отношение		Речевое явление			
		Орфографические, пунктуационные ошибки, опечатки	**Игнорирование знаков препинания**	**Имя собеседника (обращение) с маленькой буквы**	**Разбиение целостного по смыслу сообщения на несколько**
Нравится / одобряю		—	1,05 %	—	4,21 %
Терпимо / с пониманием		8,4 %	4,21 %	12,63 %	14,8 %
Безразлично	В целом	41,1 %	26,32 %	49,47 %	43,1 %
	При опр. условиях	8,4 %	4,21 %		
Не нравится	В целом	32,6 %	52,63 %	33,69 %	25,26 %
	Зависит от ситуации	5,3 %	6,32 %		10,53 %
Чётко не выраженное отношение, попытки осмыслить и интерпретировать конкретное речевое явление		—	—	—	—
Нерелевантные ответы		4,2 %	5,26 %	4,21 %	2,1 %

шение к нормам письменной речи по сравнению с официальной перепиской: «*Сообщения не предполагают идеальное соблюдение правил письма*».

Безразлично при определённых условиях (8 человек, 8,4 %). Респонденты этой группы отмечают, что нейтрально относятся к ошибкам при условии, что сообщение понятно: «*Не замечаю, если там не ошибки, при которых приходится напрягаться, чтобы понять, что написал человек*». При этом многие опрашиваемые, будучи терпимыми к ошибкам других, сами стремятся к грамотности: «*…всё-таки правильно написанный текст радует глаз*». Одна участница опроса отмечает: «*…сама предпочитаю писать грамотно*». Некоторые респонденты подчеркивают, что не обращают внимания на ошибки, встречающиеся «*в умеренном количестве*» и не препятствующие пониманию смысла сообщения, но реагируют на множественные ошибки, затрудняющие чтение и понимание текста: «*Мне это безразлично. Однако если написано так что читать не возможно, то попрошу переписать текст*». При этом часть респондентов, в свою оче-

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(3), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

редь, не соблюдают как правила постановки запятой в сложном предложении, так и правило, регламентирующее слитное и раздельное написание ***не*** с самостоятельными частями речи.

Терпимое отношение (8 человек, 8,4 %). Анализ комментариев, оставленных респондентами, выявил ряд характерных обоснований их терпимости к ошибкам: причиной нарушения норм может быть некорректная работа автоматической замены текста (“T9”), случайность (невнимательность), неродной язык (в случае с иностранцами), занятость, темп набора текста в условиях динамичного онлайн-общения. Если человек заметил ошибку, то, по мнению респондентов, «*лучше всегда исправлять текст*». Отдельные информанты отмечают, что «*опечатки могут быть у каждого*», при этом один участник полагает, что «*не всегда нужно ставить точки, или соблюдать строгую форму общения в простом общении между одногруппниками*». Ошибки, таким образом, часто могут быть случайными, а динамичный характер онлайн-общения делает соблюдение правил в неформальной беседе второстепенным.

Ошибки в целом раздражают, но оценка коммуникативного поведения зависит от ситуации (5 человек, 5,3 %). Чётко разграничиваются опечатки и собственно ошибки, при этом отношение к отступлениям от орфографических и пунктуационных норм варьируется. Орфографические ошибки практически всегда воспринимаются негативно: «*…это всегда неприятно (за исключением тех случаев, когда это словоискажение и является фишкой или сленгом)*». Отношение к пунктуационным ошибкам и особенностям графического построения текста зависит от ситуации и контекста: «*Пунктуационные ошибки, есть два случая: 1. Сообщение пишется огромным массивом текста — очень сильно раздражает — читать невозможно. 2. Сообщение разбивается по предложениям / словосочетаниям / словам — совсем не раздражает, также появляется четкое интонирование, выделение необходимых для красочности слов*». Вместе с тем ответы респондентов данной группы свидетельствуют о том, что характер ошибок предопределяет возможность дальнейшего общения с ним: «*Если это глупые ошибки, то пропадает желание общаться с человеком, если это какие-то сложные слова и все в этом роде, то не обращаю внимания*». Кроме того, ошибки в учебном чате оцениваются отдельными участниками опроса как неуважение к собеседникам.

Не нравится в целом (31 человек, 32,6 %). Причины отрицательного отношения к ошибкам:

- Ошибки мешают восприятию информации, могут привести к искажению смысла сообщения или даже сделать невозможным понимание сообщения: «*Мне не нравится, потому что теряется смысл фразы*», «*Не нра-*

CC BY

вятся, так как информация может быть поняла не точно или неправильно. Но иногда может случаться в качестве автоисправлений или опечаток».

• Ошибки обращают на себя внимание, вызывают раздражение, дискомфорт: «*неприятно смотреть*», «*цепляет взгляд*», «*может вызывать раздражение*», «*невозможно читать*».

• Ошибки свидетельствуют о низкой культуре письменной речи, о пренебрежении родным языком, нежелании соблюдать его нормы: «*Это говорит о халатном отношении человека к своему языку и нежелании разбираться в орфографии*», «*Мне это не нравится, потому что нужно знать свой язык*», «*Не нравится, хочется общаться с грамотными людьми*».

• Ошибки являются признаком неуважения к коллективу: «*Если это учебный / рабочий чат, мне это не нравится, потому что это неуважение к собеседнику*».

• Служат признаком неуважения к самому (самой) себе: «*Мне это не нравится, потому что это отражает безразличие человека к своей персоне внутри коллектива*».

Таким образом, некоторые респонденты расценивают наличие ошибок как проявление определённых социально-психологических установок, что может создать негативное впечатление об авторе сообщения. Для ряда опрошенных грамотность собеседника — показатель его образованности. Это особенно актуально, как отметили некоторые респонденты, в деловых чатах, где грамотность является важным требованием. При этом некоторые из опрашиваемых, как было отмечено выше, сами не соблюдают правила орфографии и постановки знаков препинания при ответе на вопросы анкеты.

Нерелевантные ответы (4 человека, 4,2 %). Один информант заявил, что подобные ошибки он(а) считает нормой. Ещё один респондент не смог сформулировать свое отношение к ошибкам, а другой отметил, что вообще не сталкивался с ошибками в чатах («*Такого нет. Все грамотные*»), что может свидетельствовать либо о нежелании развернуто ответить на вопрос анкеты, либо о невнимательности или безразличии к соблюдению ортологических норм в чатах.

3.2. Отношение к игнорированию знаков препинания

В данном вопросе респондентам предлагалось оценить сообщения, подобные такому: “*а что у нас разве не будет пары кто сказал*”.

Не нравится в целом (50 человек, 52,63 %). Игнорирование знаков препинания вызывает отрицательные эмоции: «*неприятно*», «*раздражает*», затрудняет или делает невозможным восприятие текста и понимание смысла сообщения: «*Очень трудно читать и воспринимать мысли собеседника*», «*иногда и смысл предложения меняется*». Респонденты также отмечают, что по письменной речи не всегда можно восстановить инто-

CC BY

нацию адресанта; кроме того, должны соблюдаться базовые правила пунктуации (в частности, запятая перед союзами *«а»*, *«но»*). Пропуск знаков препинания влияет на мотивацию к дальнейшему общению: «*…пропадает желание общаться*», «*Сделай так, чтобы люди поняли тебя, а иначе ответа не жди*»; отражает отношение к коллективу: «*…это выражает неуважение к читающему*» — и к самому себе в рамках этого коллектива: «*…это отражает безразличие человека к статусу своей персоны внутри коллектива*». Один респондент отметил, что игнорирование знаков препинания «*сильно цепляет взгляд*», однако одновременно помогает тренировать пунктуационные навыки: «*…тренируюсь ставить запятые мысленно*». Кроме того, некоторые респонденты выразили недовольство тем, что им приходится тратить больше времени на понимание текста с пропущенными знаками препинания. Для многих участников опроса правильная пунктуация является неотъемлемой частью грамотности человека: «*Мне это не нравится, потому что проблема с незнанием своего языка*».

Не нравится в зависимости от ситуации (6 человек, 6,32 %). Намеренный пропуск знаков препинания вызывает интенсивную негативную реакцию. Отношение к пропуску знаков препинания зависит от срочности и важности решаемой задачи, типа и объёма текста: «*…когда не соблюдается пунктуация при важном сообщении (сценарий, роли, распределения, задачи) подбешивает*», «*…в коротких сообщениях, не имеющих в себе ёмкого смыслового подтекста это еще приемлемо, но в длинных текстах это просто кошмар*», «*В официальной переписке однозначно не нравится, но при высокой скорости письма и экстренных обстоятельствах — раздражения не вызывает*».

Безразлично в целом (25 человек, 26,32 %). Два респондента отмечают, что для них важно самим соблюдать нормы письменной речи: «*…главное, что я знаю правила*», «*…сама предпочитаю писать грамотно*».

Безразлично, но есть исключительные ситуации (4 человека, 4,21 %). По мнению респондентов данной группы, некоторые адресанты не знают пунктуационных правил, что затрудняет понимание сообщения: «*Такое читать сложно, но возможно*», «*иногда бывает тяжело понять мысль человека*» — или вызывает неприятные чувства: «*не особо приятно такое видеть*». В этом случае, по мнению одного из участников опроса, «*можно использовать такую конструкцию предложения, в которой, на ваш взгляд, точно не нужны знаки препинания*». Иными словами, отношение к отсутствию знаков препинания нейтральное, «*[е]сли это не меняет контекст сообщения*». Некоторые респонденты признавали, что сами иногда не ставят знаки препинания и поэтому не видят в этом проблемы, если смысл сообщения не искажён.

CC BY

С пониманием относятся 4 человека (4,21 %). Игнорирование знаков препинания может объясняться неформальным характером общения, спешкой или ленью: «*В неформальной переписке уместно*», «*Все понимают, что это особенность неформального общения и не воспринимают это как ошибку или попытку выразить неуважение к кому-то*», «*Очень часто стали так писать, так как лень уже даже [поставить] знак препинания*». Наблюдается понимание того, что в переписке иногда важнее скорость, чем форма, на это в своих рассуждениях обращает внимание А. В. Занадворова, говоря, что главной задачей переписки в мессенджере является поддержание темпа общения, поэтому более вежливо ответить быстро (пусть и без знаков препинания и с большим количеством опечаток), чем заставлять собеседника ждать [Занадворова, 2014, с. 97]. Однако в официальной переписке, при обсуждении важных вопросов или когда сообщение несёт в себе важную информацию, отсутствие знаков препинания, по мнению опрошенных, неприемлемо.

Одобряет игнорирование знаков препинания в групповых чатах 1 респондент (1,05 %), при этом отмечая, что всегда так делает сам.

Нерелевантные (неопределённые) ответы (5 человек, 5,26 %). Респонденты данной группы дали ответы, которые не поддаются однозначной интерпретации: «*Такого нет*», «*Холодно*», «*Да*», — поэтому они были выделены в отдельную категорию. Один участник называет такое построение «*нормой*». Данный ответ, на наш взгляд, может свидетельствовать о несерьёзном отношении респондента к вопросу, нежелании отвечать.

3.3. Отношение к написанию обращения — имени собеседника с маленькой буквы

Безразлично (47 человек, 49,47 %). Эта группа респондентов в целом не видит в таком написании признаков неуважения или нарушения языковых и этических норм, однако один респондент всё же отмечает, что подобное написание противоречит правилам. Ярко выраженного неприятия к написанию обращения с маленькой буквы, однако, данный информант не выражает.

Не нравится (32 человека, 33,69 %). Эта группа респондентов считает такое написание проявлением неуважения, невнимательности или безграмотности, что вызывает раздражение: «*…кажется, будто что-то не так, это неуважение, непростительно, нельзя к человеку обращаться с маленькой буквы, это грубая ошибка*», «*Не нравится, так как можно воспринимать, как неуважение*», «*Немного постарайся и прояви уважение*». Многие респонденты подчеркивают, что «*ещё со школы каждый должен знать, что ФИО пишется с большой буквы*» и что это «*глупая ошибка*».

Терпимо, с попытками объяснить причины такого речевого выбора (описать ситуации, в которых такое возможно) (12 человек, 12,63 %).

CC BY

Основные причины написания имени собеседника с маленькой буквы, по мнению респондентов, — это некорректная работа «Т9», настройки клавиатуры и личные предпочтения. Играет роль степень формальности общения: «*Ничего страшного, если это переписка дружеская. В ином случае это выглядит странно. Не раздражает, но вызывает недоумение, когда в официальной группе есть подобные помарки*».

Слишком частое написание обращения с маленькой буквы свидетельствует, по мнению одного из участников опроса, о пренебрежении со стороны пишущего: «*…если это повторяется часто, значит, человек пренебрегает вами*». Информанты отмечают, что большинство пишет имена собственные с маленькой буквы: «*Сейчас писать с маленькой буквы стало модно*», «*Стало нормой в электронном общении*», но написание имени с заглавной буквы воспринимается как более уважительное: «*…конечно, приятно видеть, это говорит об уважении человека*»; кроме того, это азы культуры речи, прививаемые с начальной школы. Интересен ответ, учитывающий степень эмоциональной привязанности к адресату: в целом писать обращение с маленькой буквы «*можно, но если я сильно люблю человека пишу с большой*». В связи с этими рассуждениями можно вспомнить об «этическом взаимопонимании» [Wimmer, 2009, S. 88] и о том, что его достижение в процессе общения в чатах является необходимым условием корректной коммуникации. Л. А. Брусенская утверждает, что норма теснейшим образом связана с этикой общения: «Этические нормы традиционно упоминались при анализе параметров культуры речи, — таких как уважение к адресату, учет его возможностей восприятия и понимания, стремление избежать грубости» [Брусенская и др., 2022, с. 9].

Нерелевантные ответы дали 4 респондента (4,21 %). Один человек оценил написание обращения с маленькой буквы как ***«норму»***. В данном случае, на наш взгляд, ответ может отражать как реальное, так и ироничное отношение к вопросу.

3.4. Разбиение целостного по смыслу сообщения на несколько реплик

Далее мы проанализировали отношение респондентов к практике разбиения целостного по смыслу сообщения на несколько реплик. Например:

меня сегодня не будет
по семейным
скажите всем плиз

Безразлично (41 человек, 43,1 %). К ответам этой группы примыкают ответы, отнесённые нами к группам ***«Нейтрально, терпимо»*** (14 человек, 14,8 %) и ***«Положительно, нравится»*** (4 человека, 4,21 %). Респонденты, ответы которых составили вторую и третью группы, отмечают, что сами

CC BY

используют такой формат сообщений ввиду постоянной спешки и невозможности «*быстро донести информацию в одном сообщении*». Отправка сообщения фрагментами уместна, по мнению опрошенных, в неформальной переписке. Такой формат можно рассматривать как «*стиль общения, который может быть присущ конкретному человеку*»; кроме того, «*в таких сообщениях пропуски являются запятыми. Иногда это удобнее и быстрее чем искать запятую*». Иными словами, респонденты данных групп считают такую форму коммуникации обычной и даже предпочтительной, особенно в условиях высокой динамики общения.

Двойственное отношение (10 человек, 10,53 %) — в целом нейтральное, переходящее при определённых обстоятельствах в негативное. Респонденты данной группы отмечают, что такой формат сообщений ранее не нравился, однако постепенно стал привычным: «*…сейчас привыкла видеть такие сообщения. Так общаются многие*». Одна участница опроса отмечает, что в целом «*лояльно*» относится к такому формату, «*но предпочла бы, чтобы человек писал все слитно*». Часть респондентов отмечает, что фрагментация цельного сообщения «*порой раздражает*», потому что «*тяжело читать*». Отдельные информанты оценивают такую практику с точки зрения тех, кому они такие сообщения отправляют: «*Сам злоупотребляю, но знаю что других это раздражает*» (личное отношение высказано опосредованно, через глагол *«злоупотреблять»*), «*…не злоупотребляю таким но иногда бывает когда тороплюсь*». Восприятие фрагментированных сообщений также зависит от того, сами ли информанты используют данный способ или это делает другой человек: «*Сам так иногда пишу, но когда делает кто-то другой, то сильно раздражает*». Один участник отмечает, что дробление цельного сообщения неприемлемо при решении учебной или рабочей задачи: «*…если так писать сценарий я просто очень негативно выскажусь по этому поводу*». Таким образом, некоторые участники опроса видят в разбиении сообщения на фрагменты некую форму экономии времени и сил, а также удобства при быстром обмене информацией, однако далеко не во всех случаях, по их мнению, фрагментация сообщения оправданна.

Не нравится (24 человека, 25,26 %). Отправка сообщения фрагментами затрудняет понимание его смысла: «*…мысль разрывается, это нервирует*», приводит к трате времени адресата «*на прочтение и собирание смысла написанного воедино*», рассеивает внимание и вызывает агрессию: «*[Ч]то за проблема изъяснить свою мысль одним сообщением?*», «*…не вижу смысла писать по отдельности если можно всё в одном сообщении переслать*». Таким образом, разбиение единого целого на отдельные сообщения воспринимается респондентами данной группы как неприемлемое.

CC BY

Два респондента (2,1 %) дали ***ответ, не поддающийся однозначной трактовке***.

Интересными нам показались наблюдения О. В. Лутовиновой, экспериментально доказавшей, что использование в интернет-коммуникации кем-либо из пользователей письменной речи, построенной в соответствии с правилами литературного языка, воспринимается участниками коммуникации как насмешка, издёвка, позиционирование данным пользователем себя выше других [Лутовинова, 2008]. Эту же мысль продолжает и Л. В. Дубина, говорящая о том, что «непроизвольные нарушения орфографических и стилевых норм являются закономерным следствием развития в пространстве Интернета сферы неформального общения. В свободном общении строгое соблюдение норм языка не только не обязательно, но и почти столь же предосудительно, как их нарушение в общении формальном, официальном» [Дубинина, 2013, с. 179]. Таким образом, мы можем говорить о «новой грамотности», связанной с освоением современных форм интернет-коммуникации. Она включает умения обмениваться мгновенными сообщениями, переписываться посредством электронной почты, общаться в социальных сетях и чатах [Никитина, 2021, с. 81].

4. Заключение = Conclusions

Проведенное исследование демонстрирует, что язык молодёжи остаётся мощным генератором языковых инноваций. Интернет-общение, в свою очередь, оказывает всё более заметное влияние на письменную речь студенчества, которая всё дальше отходит от традиционных нормативных предписаний. Формирующаяся интернет-грамотность («новая грамотность»), как показало наше исследование, допускает проявления орфографической, пунктуационной и иной языковой небрежности по самым разным причинам: от незнания правил русского языка и осознанной языковой игры до стремления быстро передавать и получать информацию.

Приведённые цифровые показатели, отражающие оценки студентами рассмотренных явлений в чат-коммуникации, должны, на наш взгляд, послужить тревожным сигналом для лингвистов. Контрастные результаты оценок свидетельствуют о продолжающихся процессах, связанных с размыванием языковых норм в неформальном онлайн-общении и формированием новой, альтернативной грамотности, где во главу угла ставится скорость. Можно предположить, что многие из этих новых явлений, которые пока воспринимаются как нарушения, в недалеком будущем могут обрести статус допустимых норм, ограниченных сферой неформальной интернет-коммуникации.

Мы считаем, что дальнейшее исследование данного вопроса является перспективным и актуальным. Оно может быть связано с проведением много-

CC BY

уровневого лингвистического анализа полимодальных сообщений, включающих в себя текст, аудио- и видеоматериалы. Также интересным представляется изучение креолизованных текстов, которые формируют особый речевой этикет студенческой переписки. Глубокое изучение этих процессов позволит нам лучше понять эволюцию языка в условиях современной цифровой среды.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Литература

1. *Брусенская Л. А.* Этико-речевые нормы современного русского языка / Л. А. Брусенская, В. В. Барабаш, Э. Г. Куликова. — Москва : Флинта, 2022. — 164 с. — ISBN 978-5-9765-4902-9.

2. *Барышева С. Ф.* «Устно-письменная» форма речи в интернет-коммуникации как проявление тенденции к разговорности и диалогичности / С. Ф. Барышева // Мир лингвистики и коммуникации : электронный научный журнал. — 2021. — № 64. — С. 34—47.

3. *Брилёва И. С.* «Живи как хочешь, пиши с точками!» (о языке интернет-коммуникации на материале «разговоров» в мессенджерах) / И. С. Брилёва // Профессорский журнал. Серия : Русский язык и литература. — 2021. — № 3 (7). — С. 16—24. — DOI: 10.18572/2687-0339-2021-3-16-24.

4. *Горбачевич К.* Дано ли нам предугадать? (О будущем русского языка) / К. Горбачевич // Русистика. — 1990. — № 2. — С. 70—80.

5. *Глушкова С. Ю.* Стратегии вежливости в компьютерно-опосредованной связи в публичных чатах WECHAT / С. Ю. Глушкова, А. Р. Аликберова // Modern oriental studies. — 2022. — Т. 4. — № 3. — С. 38—45. — DOI: 0000-0002-5187-3632.

6. *Дубина Л. В.* Тенденции развития русского языка в условиях интернет-коммуникации / Л. В. Дубина // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2013. — № 2 (130). — С. 177—181.

7. *Занадворова А. В*. Саморегуляция в нерегламентируемых сферах интернет-общения : речевой этикет в Живом журнале / А. В. Занадворова // Современный русский язык в интернете / ред. Я. Э. Ахапкина, Е. В. Рахилина. — Москва : Языки славянской культуры, 2014. — С. 93—113.

8. *Клушина Н. И*. Тенденции развития лексики русского языка в коммуникативном пространстве интернета / Н. И. Клушина // Terra Linguistica. — 2023. — Т. 14. — № 3. — С. 52—60. — DOI: 10.18721/JHSS.14305.

9. *Литвякова Т. А.* Мессенджеры в деловой коммуникации в аспекте цифрового этикета / Т. А. Литвякова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. — 2023. — Т. 9. — № 3. — С. 76—87.

10. *Лукинова О. В.* Языковая рефлексия: цифровой этикет / О. В. Лукинова // МИРС. — 2023. — № 3. — С. 22—29. — DOI: 10.21638/spbu30.2023.303.

11. *Лутовинова О. В.* Интернет как новая «устно-письменная» система коммуникации / О. В. Лутовинова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — 2008. — № 71. — С. 58—65.

12. *Никитина Л. Б.* Трансформации грамотности в интернет-общении / Л. Б. Никитина // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. — 2021. — № 1 (30). — С. 81—86. — DOI: 10.36809/2309-9380-2021-30-81-86.

13. *Русский* язык и новые технологии: коллективная монография // Школа актуальных гуманитарных исследований ; сост. Г. Ч. Гусейнов ; под ред. М. В. Ахметовой, В. И. Беликова. — Москва : Новое литературное обозрение, 2014. — 256 с. — ISBN 978-5-4448-0207-6.

14. *Тишина Е. В.* Отношение к этическим и коммуникативным нормам в студенческих групповых чатах (по результатам социолингвистического опроса) / Е. В. Тишина, М. А. Захарова, М. В. Калинина // Научный диалог. — 2025. — № 14 (3). — С. 81—100. — DOI: https://doi.org/10.24224/2227-1295-2025-14-3-81-100.

15. *Baron N. S.* Always on : Language in an Online and Mobile World / N. S. Baron. — Oxford : Oxford University Press, 2010. — 304 p.

16. *Gao L.* Digital Age, Digital English / L. Gao // English Today. — 2001. — Т. 17. — № 03. — Pp. 17—23.

17. *Gao L.* Chinese Internet Language : A Study of Identity Construction : Thesis (Ph.D.) / L. Gao. — Champaign : University of Illinois at Urbana-Champaign, 2004. — 172 p.

18. *Gao L.* Language contact and convergence in computer-mediated communication / L. Gao // World Englishes. — 2006. — Т. 25. — № 2. — Pp. 299—308.

19. *Baron N.* Talking Takes Too Long : Gender and Cultural Patterns in Mobile Telephony / N. Baron, E. Campbell // Language Sciences. — 2012. — № 34. — Pp. 13—27.

20. *Baron N.* Girls Text Really Weird : Gender, Texting and Identity Among Teens / N. Baron, A. Lenhart, S. W. Campbell // Journal of Children and Media. — 2014. — № 8 (4). — Pp. 423—439. — DOI: 10.1080/17482798.2014.931290.

21. *Wimmer R.* Die Sprachkritik kommt aus der Sprache selbst : Reflektiertheit ist gefragt / R. Wimmer // Der Sprachdienst. — 2009. — Jg. 53. — H. 3/4. — Pp. 77—90.

Статья поступила в редакцию 26.08.2025,
одобрена после рецензирования 23.01.2026,
подготовлена к публикации 20.03.2026.

References

Akhmetova, M. V., Belikov, V. I. (eds.). (2014). Russian language and new technologies: a collective monograph. In: *School of Current Humanitarian Studies*. Moscow: New Literary Review. 256 p. ISBN 978-5-4448-0207-6. (In Russ.).

Baron, N. S. (2010). *Always on: Language in an Online and Mobile World.* Oxford: Oxford University Press. 304 p.

Baron, N., Campbell, E. (2012). Talking Takes Too Long: Gender and Cultural Patterns in Mobile Telephony. *Language Sciences, 34:* 13—27.

Baron, N., Lenhart, A., Campbell, S. W. (2014). Girls Text Really Weird: Gender, Texting and Identity Among Teens. *Journal of Children and Media, 8 (4):* 423—439. DOI: 10.1080/17482798.2014.931290.

Barysheva, S. F. (2021). "Oral-written" form of speech in Internet communication as a manifestation of the tendency to colloquiality and dialogic. *The world of linguistics and communication: an electronic scientific journal, 64:* 34—47. (In Russ.).

Brileva, I. S. (2021). "Live as you want, write with dots!" (on the language of Internet communication based on the material of "conversations" in messengers). *Professorial Jour-*

nal. Series: Russian language and Literature, 3 (7): 16—4. DOI: 10.18572/2687-0339-2021-3-16-24. (In Russ.).

Brusenskaya, L. A., Barabash, V. V., Kulikova, E. G. (2022). *Ethical and speech norms of the modern Russian language.* Moscow: Flinta. 164 p. ISBN 978-5-9765-4902-9. (In Russ.).

Dubina, L. V. (2013). Trends in the development of the Russian language in the context of Internet communication. *Bulletin of Tomsk State Pedagogical University, 2 (130):* 177—181. (In Russ.).

Gao, L. (2001). Digital Age, Digital English. *English Today, 17 (03):* 17—23.

Gao, L. (2004). *Chinese Internet Language: A Study of Identity Construction: Thesis (Ph.D.).* Champaign: University of Illinois at Urbana-Champaign. 172 p.

Gao, L. (2006). Language contact and convergence in computer-mediated communication. *World Englishes, 25 (2):* 299—308.

Glushkova, S. Y., Alikberova, A. R. (2022). Strategies of politeness in computer-mediated communication in public WeChat chats. *Modern oriental studies, 4 (3):* 38—45. DOI: 0000-0002-5187-3632. (In Russ.).

Gorbachevich, K. (1990). Is it given to us to predict? (On the future of the Russian language). *Russian Studies, 2:* 70—80. (In Russ.).

Klushina, N. I. (2023). Trends in the development of the vocabulary of the Russian language in the communicative space of the Internet. *Terra Linguistica, 14 (3):* 52—60. DOI: 10.18721/JHSS.14305. (In Russ.).

Litvyakova, T. A. (2023). Messengers in business communication in the aspect of digital etiquette. *Scientific Notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological sciences, 9 (3):* 76—87. (In Russ.).

Lukinova, O. V. (2023). Linguistic reflection: digital etiquette. *MIRS, 3:* 22—29. DOI: 10.21638/spbu30.2023.303. (In Russ.).

Lutovinova, O. V. (2008). The Internet as a new “oral and written” communication system. *Proceedings of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen, 71:* 58—65. (In Russ.).

Nikitina, L. B. (2021). Transformations of literacy in Internet communication. *Bulletin of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian studies, 1 (30):* 81—86. DOI: 10.36809/2309-9380-2021-30-81-86. (In Russ.).

Tishina, E. V., Zakharova, M. A., Kalinina, M. V. (2025). Attitudes Toward Ethical and Communicative Norms in Student Group Chats: Findings from a Sociolinguistic Survey. *Nauchnyi dialog, 14 (3):* 81—100. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-3-81-100. (In Russ.).

Wimmer, R. (2009). Die Sprachkritik kommt aus der Sprache selbst: Reflektiertheit ist gefragt. *Der Sprachdienst, 53 (3/4):* 77—90. (In Germ.).

Zanadvorova, A. V. (2014). Self-regulation in unregulated areas of Internet communication: speech etiquette in LiveJournal. In: *Modern Russian on the Internet.* Moscow: Languages of Slavic Culture. 93—113. (In Russ.).

The article was submitted 26.08.2025;
approved after reviewing 23.01.2026;
accepted for publication 20.03.2026.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(3), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА
LITERARY STUDIES. FOLKLORE

Анна Владиславовна Ламзина, канд. филол. наук (Долгопрудный)
Ван Юн, д-р филол. наук (Ханчжоу, Китай)
Ксения Олеговна Наумкина, независимый исследователь (Саранск)
Никита Александрович Вальянов, канд. филол. наук (Красноярск)
Ольга Владимировна Богданова, д-р филол. наук (Санкт-Петербург)
Ольга Юрьевна Осьмухина, д-р филол. наук (Саранск, Санкт-Петербург)
Синь Мэнфэй, аспирант (Ханчжоу, Китай)
Татьяна Васильевна Швецова, канд. филол. наук (Архангельск)

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(3), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]
Check for updates

Информация для цитирования:

Богданова О. В. Художник и поэт Ольга Розанова (творчество начала 1910-х годов) / О. В. Богданова // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 3. — С. 227—245. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-3-227-245.

Bogdanova, O. V. (2026). Olga Rozanova: Artist and Poet (Works of Early 1910s). *Nauchnyi dialog, 15* (3): 227-245. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-3-227-245. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus Q1 · DOAJ · ERIHPLUS · eLIBRARY.RU РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Художник и поэт Ольга Розанова (творчество начала 1910-х годов)

Богданова Ольга Владимировна
orcid.org/0000-0001-6007-7657
ResearcherID: C-5907-2016
ScopusAuthorID 57219902824
доктор филологических наук,
профессор,
кафедра культурологии,
педагогики и искусств
olgabogdanova03@mail.ru

Русская христианская
гуманитарная академия
им. Ф. М. Достоевского
(Санкт-Петербург, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
при поддержке
Российского научного фонда,
проект № 25-18-00764
(Русская христианская
гуманитарная академия
им. Ф. М. Достоевского)

Olga Rozanova: Artist and Poet (Works of Early 1910s)

Olga V. Bogdanova
orcid.org/0000-0001-6007-7657
ResearcherID: C-5907-2016
ScopusAuthorID 57219902824
Doctor of Philology, Professor,
Department of Cultural Studies,
Pedagogy and Arts
olgabogdanova03@mail.ru

Russian Christian Academy
for Humanities named after
Fyodor Dostoevsky
(St. Petersburg, Russia)

Acknowledgments:
The research was supported
by the Russian Science Foundation,
Project № 25-18-00764
(Russian Christian Academy
for Humanities named after
Fyodor Dostoevsky)

© Богданова О. В., 2026

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Впервые предложена интерпретация ряда футуристических текстов художницы и поэтессы первого русского авангардиста Ольги Розановой (1886—1918), крайне редко привлекаемых к детальному филологическому анализу. На материале первых теоретических трудов О. Розановой, в частности «Манифеста “Союза молодежи”» (1913), прослежено, какие принципы художественного творчества художница считает центральными звеньями Нового Искусства и в какой мере она сама следует программным положениям манифеста в своем художественном творчестве 1910-х годов. Показано, что яркие изобразительные особенности манеры О. Розановой, проявившиеся в ее живописном творчестве, оказались тесно связанными с ее поэтическими опытами. Внимание к цвету стало одним из характернейших знаков ее поэзии петербургского периода, отразилось на образно-символической насыщенности ее стихов. На примере стихотворения «Сон ли то…» и живописной картины «Пожар в городе» показано, как сильно взаимосвязаны художнические и поэтические практики О. Розановой. Выдвинуто предположение о новой датировке стихотворения «Сон ли то…». Датой написания стихотворения предложено считать не 1917, как прежде полагали исследователи, но 1914 год. Сделан вывод, что тщательный сопоставительный анализ живописного и стихотворного творчества О. Розановой позволяет уточнить время создания и полную хронографию ее поэтических текстов.

Ключевые слова:
В. Розанова; живописное и поэтическое; кубофутуризм; первый русский авангард; вербальное и визуальное в творчестве Розановой.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article offers a novel interpretation of a number of futurist texts by Olga Rozanova (1886—1918), an artist and poet who ranks among the pioneers of the Russian avant-garde and whose literary output has seldom been subjected to detailed philological scrutiny. Drawing on Rozanova's earliest theoretical writings, notably the *Manifesto of the "Union of Youth"* (1913), the study traces the artistic principles that she regarded as central to the New Art movement and examines the extent to which her own creative practice in the 1910s adhered to the programmatic statements of the manifesto. It is demonstrated that the striking visual characteristics of Rozanova's painting style are closely intertwined with her poetic experiments. A particular focus on color emerges as a hallmark of her poetry from the St. Petersburg period, imbuing her verse with rich imagery and symbolic resonance. The interrelation between her visual and verbal art is illustrated through an analysis of the poem *"Is It a Dream…"* and the painting *"Fire in the City"*, revealing profound synergies between Rozanova's painterly and poetic practices. The paper also proposes a revised dating of *"Is It a Dream…"*, suggesting that it was composed in 1914 rather than 1917, as previously assumed by scholars. The conclusion emphasizes that a meticulous comparative analysis of Rozanova's visual and literary oeuvre enables a more precise reconstruction of the chronology and dating of her poetic texts.

Key words:
Olga Rozanova; visual and verbal art; cubo-futurism; first Russian avant-garde; painting and poetry; Rozanova's chronology.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(3), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 821.161.1Розанова.07
DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-3-227-245

Научная специальность ВАК
5.9.1. Русская литература и литературы народов РФ

Художник и поэт Ольга Розанова (творчество начала 1910-х годов)

© Богданова О. В., 2026

1. Введение = Introduction

В истории первого русского авангарда Ольга Розанова (1886—1918) известна как яркий талантливый художник, теоретик и организатор движения нового искусства. Между тем, как известно, авангард начала XX века отличался тем, что в его рамках художники с одинаковой активностью проявляли себя как поэты — поэты же, наоборот, живо прибегали к художническим экспериментам. Пример тому поэтическое и изобразительное творчество Д. Бурлюка, В. Маяковского, А. Крученых, Е. Гуро, М. Матюшина, П. Филонова и мн. др.; см. об этом: [Альфонсов, 1999; Баран, 2001; Васильев, 2000; Злыднева, 2013; Иванюшина, 2003; Орлицкий, 1995; Харджиев, 1997, 2006; Шевчук, 2014; Gold, 1944; Gray, 1962]. В этот ряд должна быть включена и Ольга Розанова, которая, с одной стороны, с юных лет уверенно выбрала для себя путь художника (после окончания женской гимназии во Владимире — Художественное училище живописи и скульптуры А. П. Большакова в Москве, ученичество в школе-мастерской К. Ф. Юона, частная художественная школа Е. Н. Званцевой в Петербурге), с другой — в 1910-х, наряду с занятиями живописью и графикой, она обратилась к поэзии и была признана современниками поэтом «настоящим» [Крученых, 1923, с. 19].

«Это была крупная индивидуальность, человек, твердо знавший, чего он хочет в искусстве, и шедший к намеченной цели особыми, не похожими ни на чьи другие, путями» [Лившиц, 1989, с. 412], — писал о Розановой в «Полутораглазом стрельце» Б. Лившиц.

Возникает вопрос: пересекалась ли живопись Розановой с ее поэзией и насколько ее опыты в различных видах искусства отвечали тем программным положениям, которые она обнаруживала в своих теоретических статьях?

На рубеже XIX—XX веков, в период бурного расцвета литературы и особенно поэзии, едва ли можно было найти образованных молодых юношей и девушек, кто бы не увлекался искусством, не зачитывался литерату-

CC BY

рой и не пробовал писать стихи. Именно эту склонность подчеркнул в Розановой И. Клюн, говоря о начале 1900-х годов: «В эти годы <она> интересовалась литературой, музыкой и скульптурой, пробуя свои силы во всех этих областях» [Б. п., 1919, с. 2]. Исследователь Н. Гурьянова добавляет: «… символизм и модерн были <…> важными источниками поэтики начального этапа ее творчества (включая и юношеские стихи в духе наивного подражания символизму)» [Гурьянова, 2002]. Ту же мысль подтвердит Н. Власова [Власова, 2017] и повторит В. Терехина: «Ольга Розанова еще в гимназические годы во Владимире начала писать стихи» [Терехина, 2020].

Недоступность текстов ранней поэзии Розановой вынуждает положиться на суждение Н. Гурьяновой, которая работала (в том числе с зарубежными) архивами художницы. К тому же в период взрыва нового искусства Серебряного века по-иному вряд ли могло сложиться — Розанова должна была, подобно молодым светским дамам своего времени, непременно писать стихи; ср. также: [Минц, 2004; Орлицкий, 2022; Осьмухина, 2025; Тарасенко, 1999; Тернова, 2025, Филиппов, 2017]. Другое дело, что в период расцвета творческой деятельности Розановой, в ее зрелые годы стихотворчество сильно и всерьез овладело ею.

2. Материал, методы, обзор = Material, methods, review

Специалистами-искусствоведами признано, что наиболее плодотворный период творчества Розановой начинается с 1910 года, когда художница переезжает из Москвы в Петербург и входит в состав «Союза молодежи», примыкая к деятелям петербургского художественного авангарда во главе с М. Матюшиным и Е. Гуро; об этом см.: [Альфонсов, 1999; Гаспаров, 1993; Минц, 2004; Сарычев, 1991 и др.]. К этому времени относится регулярное участие Розановой в ряде авангардистских выставок — «Союз молодежи» (апрель 1911, Санкт-Петербург), «Союз молодежи» (январь 1912, Санкт-Петербург), совместная выставка художников «Союза молодежи» и «Ослиного хвоста» (март 1912, Училище живописи, ваяния и зодчества, Москва), «Союз молодежи» (октябрь 1913, Санкт-Петербург) и др.

Среди живописных работ Розановой этих лет — полотна всех основных изобразительных жанров: пейзаж, портрет, натюрморт. Пейзажные работы преимущественно связаны с городскими образами родного Владимира, куда (как и многие художники того времени) она отправлялась в летнее время для работы — «Городской пейзаж с извозчиком» (1910), «Красный дом» (1910), «На бульваре» (1911—1912), «Кузница» (1911—1912), «Городской пейзаж. Крыши» (1912). Тогда же петербургская тема — «Ресторан (Кафе)» (1911), «В кафе» (1912). Среди портретов — «Портрет девочки» (1910—1911), «Портрет Анны Владимировны Розановой» (1912), «Ав-

CC BY

топортрет» (1912), «Портрет дамы в зеленом платье» (1913). Многочислен ряд натюрмортов — «Натюрморт с помидорами» (1910—1911), «Кувшин с цветами» (1911—1912), «Натюрморт с кувшином и яблоками» (1911—1912), «Натюрморт с зеленым кувшином» (1912), «Ваза» (1912), «Голубая ваза с цветами» (1912—1913), «Натюрморт. Глоксинии» (1913) и др.

Именно в эти годы проявилась организаторская роль Розановой. С момента вхождения в «Союз молодежи» она занимала ключевые позиции в объединении: участвовала в подготовке выставок, занималась рекламой, подготовкой объявлений и деклараций, активно включалась в обсуждение творческих вопросов на собраниях и диспутах, в 1913 году она стала членом правления «Союза молодежи». Тогда же она приступила к разработке теоретических основ и обоснованию ведущих принципов нового искусства — в частности, весной 1913 года ею был подготовлен «Манифест “Союза молодежи”» [Манифест ..., 1913]. Примечательно, насколько собственное творчество Розановой согласовывалось с теми тенденциями и направлениями, которые она провозглашала как *Credo*.

Материалом исследования явились, во-первых, теоретическая работа Розановой «Манифест “Союза молодежи”», во-вторых, стихотворение «Сон ли то…», обнаруживающее эксплицированные связи и пересечения с ее картиной «Пожар в городе», которые были выявлены посредством сравнительно-исторического метода.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Творческие принципы Розановой в работе над манифестом «Союза молодежи»

Задачу общества художников «Союз молодежи» Ольга Розанова видела в том, чтобы дать «возможность интересующейся искусством публике ознакомиться с состоянием Современной Молодой Живописи» и раскрыть перед нею «наше боевое художественное *Credo*» [Манифест ..., 1913]. При этом в качестве главных «цепей повседневности», сковавших Свободное Искусство, Розанова выводит (квалифицирует) три основных звена: «политика, литература и кошмар психологических эффектов» [Там же].

Что касается *политики*, то с этой категорией в целом все понятно: Свободное Искусство потому и свободно, что не может и не должно состоять на службе государства, политических партий или практического разрешения социальных проблем[1]. Свободное искусство есть искусство для искусства, фактически «чистое искусство». И этой грани служения творчество

1 Хотя другие художники, современники Розановой, манифестационно трактовал задачи искусства как практическое служение и как один из действенных способов построения будущего общества, а позже вставали на службу коммунистической партии.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(3), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Розановой никак не касается (если только отраженно — в интерпретации поздней социологизированной критики).

С категорий *литературности* дело обстоит сложнее. От сюжетности в живописи (= литературности) новое искусство действительно как будто бы дистанцируется, особенно в контексте уже намечавшихся в живописи 1910-х мощных тенденций к кубофутуризму и абстракционизму. Между тем в работах самой Розановой той поры сюжетность / литературность еще явно не преодолена. Не только ее городские сценки, но и самый простой натюрморт выстраивает и прописывает видимый и отчетливый сюжетный ряд. Такова, например, «Голубая ваза с цветами», где присутствие мотива зеркала, то есть отраженной реальности, эксплицирует авторское (и зрительское) размышление, рассуждение, апелляцию к литературной традиции символического (и символистского) восприятия «другой» реальности. Преодоление границ видимого и невидимого, реального и фантазийного, истинного и зеркально преломленного занимает художницу и семантически пронизывает ряд ее работ тех лет.

Однако особенно любопытны низвергающие апелляции художницы к «*кошмару психологических эффектов*» — к той теоретической позиции, которая многократно акцентирована в манифесте и отрефлексирована в различных ее огласовках.

Так, Розанова императивно заявляет в манифесте: «Мы объявляем борьбу всем культивирующим *сентиментальность личных переживаний* (курсив наш. — *О. Б.*) самовлюбленным Нарциссам, для которых нет ничего дорогого, кроме собственного, без конца ими отражаемого лика!» [Манифест, 1913]. Понятно, что речь не идет об автопортретах, но шире — о позиции художника, о возможности через картину передать, перевоссоздать, выявить субъективность личных переживаний. Или, как еще более резко определит далее Розанова, — «тиранию душевных переживаний» [Там же]. Иными словами, речь идет о психологизме, о психологической манере письма, которая традиционно и намеренно была эксплицирована на картине художника-реалиста. Очевидно, что, высказывая упрек в психологизме, Розанова имеет в виду главным образом «художников Прежнего Искусства» — художников «Мира искусства» и особенно «Союза русских художников», «эпигонов передвижничества», всех тех, которые «обречены не поспевать за стремительным бегом времени» [Там же].

Между тем, если взглянуть на работы Розановой «Городской пейзаж с извозчиком», «Красный дом», «На бульваре», «Кузница» и др., то в них (и в «Ресторане» или «В кафе») открыто и ощутимо *личное переживание* художницы. Само обращение к картинкам города юности, воспроизведение его знакомых уголков и улиц, воспоминания о родном доме и даже

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(3), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

крышах — видимое проявление сентиментальности, путь психологизации живописи, от которой в манифесте Розанова решительно отрекается.

Как справедливо пишут В. Гусев и Е. Петрова об одной из лучших работ Розановой того периода «Кузница», уже вскоре «ее умом целиком завладеют идеи футуризма, и она будет воспевать <…> “абстрактное творчество” и “жажду вечного обновления”» [Русский музей ..., 2013, с. 294], пока же «Кузница» (и др. полотна) еще «парадоксально представляет собой то “знакомое и понятное”, что вскоре художница начнет отрицать» [Там же]. Акцентированное искусствоведами «знакомое» и «понятное»[1] и есть тот знак психологизма, та сентиментальность, те душевные переживания, которые «тиранят» саму Розанову и от которых она манифестационно призывает избавиться.

3.2. Творческий импульс в сотрудничестве с А. Крученых

Нет сомнения, что именно в рамках петербургского периода Ольга Розанова обратилась к созданию стихов по сути «профессионально», в попытке реализации себя в новом виде искусства. Относительно художнических приоритетов Розановой этого периода писал А. Эфрос: «Розанова родилась футуристкой. Если бы движение не пришло ей навстречу уже сложившимся и готовым, она должна была бы изобрести нечто подобное, очень близкое по форме и совершенно тождественное по сути» [Эфрос, 1930, с. 229]. Естественно предположить, что и в поэзии Розанова должна была тяготеть к футуристическим практикам, тем более что в атмосфере таковых она и пребывала в Петербурге.

Причинами смещения вектора творческого поиска стали для Розановой обстоятельства объективные и субъективные. Важно, что Розанова была непосредственным свидетелем живого процесса сближения живописи и поэзии в начале XX века — как на примере творческой деятельности художников-поэтов (например, поэта и живописца Д. Бурлюка, тепло расположившего ее к себе), так в процессе интенсивной работы над оформлением десятков книг своих собратьев-стихотворцев. С одной стороны, новая поэзия широко звучала на творческих вечерах и литературных диспутах, в которых принимали участие художники и поэты, с другой — Розанова была активно вовлечена в создавание футуристических книг, например, А. Крученых [Ковтун, 2014]. Она придумывала обложки к более чем десятку крученовских книг, своей рукой вписывала его текст, делала акварельную раскраску графических (литографических) листов, цветом тонировала страницы. Весь тираж крученовских книг оказывался фактиче-

1 Оба понятия почерпнуты критиками у самой Розановой из ее статьи «Основы Нового Творчества и причины его непонимания» (1913), где художница столь же решительно дистанцируется от «сентиментальности личных переживаний» [Розанова, 1913, с. 14—22].

CC BY

ски рукописным, в значительной степени ее, розановским. В этой связи искусствоведы настойчиво повторяют мысль, что в выполненных изданиях тексты Крученых и рисунки Розановой «вплетены друг в друга и образуют единую композицию», «цвет и слово действуют синхронно и сонаправленно <…> становясь единым целым» [Ковтун, 2014, с. 111, 115]. Или: художник оказывается той силой, которая способна «передать эмоции и ощущения автора, “неукладывающиеся в слова”» [Бобринская, 2006, с. 186]. Нет сомнения, что подобные утверждения совершенно справедливы. Однако применительно к Розановой новая роль художника, тесное взаимодействие с поэтом в процессе создания книг акцентируют и дополнительный ракурс — работа со сборниками Крученых погружала Розанову в его стихотворные тексты, на эмоциональном уровне побуждала проникать в их необычное звучание и постигать особый ритм. Личное общение с Крученых оставляло свой след. Объективно не оказаться под обаянием оригинальной поэзии Крученых и его личности Розанова не могла: творчески одаренная, с юности увлеченная поэзией, она неизбежно должна была подойти к попытке создания ее собственных стихотворных текстов. Подобного рода динамика была ожидаема, и импульсом ее во многом действительно стал Крученых. Примерно так, как когда-то М. Ларионов переориентировал Н. Гончарову с занятий скульптурой на живопись, так и Крученых, без сомнения, повлиял на рождение особых стихотворных опытов Розановой.

Хорошо известно, что Крученых продвигал поэзию Розановой и по-своему покровительствовал ей, в частности — в связи возможными публикациями розановских стихов издателем и литератором, купцом и меценатом А. А. Шемшуриным[1]. В отношениях с Шемшуриным Крученых был активным и настойчивым инициатором совместной издательской деятельности и заинтересованно увлекал мецената творческим (хотя и мистифицируемым[2]) феноменом Розановой-поэта.

Участие Крученых в судьбе Розановой обнаруживается и в живых интерпретациях, предлагаемых им, известным поэтом, стихов поэтессы малоизвестной. Так, на примере стихотворения Розановой «Лефанта чиол» Крученых пояснял Шемшурину в частной переписке суть законов нового искусства: если автор не хочет быть связан с уже затертыми и приевшимися словами, например словом «люблю», то он должен заменить его на свободный язык: «…это и будет лефанте чиол или раз фаз газ... хо-бо-ро мо-чо-ро = и мрачность, и нуль, и новое искусство!» [Письмо Крученых, 1916].

1 Известно о готовившемся сборнике стихов О. Розановой «Превыше всего».
2 В переписке Розановой и Крученых сохранилось известие, что она как поэт готова была выступать в печати под псевдонимом Васильев.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(3), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Лефанта чиол
миал-анта
имиол неуломае
Сама смиотт ае
чигил-оф-унт
Аваренест
и-г-гиол-ат-та-трест [Розанова, 2022]

В представлении Крученых, строка стихотворения Розановой «Лефанта чиол» должна быть сочтена афоризмом футуристов. Крученых включил эти очаровавшие его строки в свою пьесу «Глы-глы» (1916—1917)[1].

Один из сохранившихся и напечатанных текстов Розановой — «Наездница» — явно демонстрирует редакторскую, по сути — *соавторскую* вовлеченность Крученых. Присланный Розановой в письме к Крученых текст «Наездницы» был правлен поэтом и позже опубликован в сборнике «Нестрочье» (Тифлис, Сарыкамыш, 1917). Поощряемый Розановой, Крученых «безжалостно» (как определяет Н. Гурьянова) изъял из стихотворения все, что счел «предметным» и «конкретным», те «изящества», в которых Розанова признавалась в ходе переписки: «Когда я писала тебе, что завидую в том, что элемент страшного можешь довести до напряженности, то этим хочу еще сказать, что боюсь за себя, что не свободна от “изящества”, которое своего рода цепь» [Письмо Розановой, 1917]. В итоге в сборнике «Нестрочье» текст «Наездницы» подписан уже двумя именами — Розанова и Крученых. То есть стихотворные опыты Розановой 1910-х действительно во многом опирались на авторитет Крученых.

Между тем поэзия Розановой может быть рассмотрена не только через посредство Крученых, но и в контексте ее собственных исканий — художнических и стихотворных. Как помним, юная Розанова писала стихи задолго до встречи с Крученых.

3.3. Вербальное и визуальное (вопрос датировки стихотворения «Сон ли то…»)

Прежде всего следует упомянуть, что датировка стихотворений Ольги Розановой весьма условна и предположительна, то есть не точна — тогда как хронология живописных картин и графики Розановой прочнее привязана к календарному времени, так как сохранились достоверные сведения о том, какие из розановских картин участвовали в той или иной художественной выставке, какие из иллюстрированных ею книг вышли в том или ином издательстве. Учитывая объективные законы творчества и целост-

1 Пьеса «Глы-глы» написана А. Крученых для первого номера журнала К. Малевича «Супремус», не увидевшего свет.

CC BY

ность личности творца, можно предположить, что манера писания изобразительных полотен и словесных текстов в определенной мере должны были пересекаться и взаимодействовать. Именно это обстоятельство позволяет уточнить время создания и более точной датировки отдельных стихотворных текстов Розановой.

Будучи художником, мощно работающим с цветом (ср.: [Гукосьянц, 2022]), Розанова-поэт вряд ли могла бы легко отказаться от зримых и видимых образов в ее поэзии. Именно о подобного рода прочной взаимосвязи свидетельствует, например, сопоставление живописного и поэтического творчества Д. Бурлюка или В. Каменского; см.: [Богданова, 2025а, б; Орлицкий, 1995, Gold, 1944]. Можно предположить, что и Розанова-поэт органично сохраняла в себе яркое цветовое видение Розановой-художника.

Обратимся к стихотворению Розановой «Сон ли то…»

Сон ли то…
Люлька ли
В окне красном
Захлопнутом
В пламени захлебнувшемся
Кумача
Огня
Медленно качается
Приветливо баюкает
Пристально укутывает
От взглядов дня.
В огне красном
С фонарем хрустальным
Рубиновый свет заливает, как ядом.
И каждым атом
Хрустально малый
Пронзает светом
Больным и алым.
И каждый малый
Певуч, как жало.
Как жало тонок.
Как жало ранит
И раним
Жалом
Опечалит

CC BY

Начало
Жизни
Цветочно-алой [Стихи, 1919, с. 1].

Стихотворение Розановой «Сон ли то…» было опубликовано посмертно, в 1919 году, в газете «Искусство» и — обратим внимание — вышло без датировки [Стихи, 1919, с. 1]. На авторитетном сайте владимирского «Розановского центра» этот текст условно отнесен к 1917 году (<1917>). Между тем, на наш взгляд, образно-поэтическая система стихотворения свидетельствует об ином.

С точки зрения стиховедческой, текст написан без соблюдения академически выстроенной рифмы, но организован четким звонким ритмом, выразительным движением, ощутимой звуковой динамикой и лишь в отдельных фрагментах оформлен в подобии рубленного, но неточного двустопного ямба.

Сюжетность и литературность, от которых Розанова декларативно отказывалась в манифесте в 1913 году, в этом стихотворении еще открыто просматриваются. Более того, стихотворение выглядит фабульным и даже конкретным, связанным с реальностью и важным зрительным впечатлением.

Без сомнения, в стихотворении изображен пожар — пожар в городе. Весь текст насыщен красным цветом, который густо заполняет стихотворение и демонстрирует различную колористическую насыщенность поэтической картины. Доминирующий цвет в стихе красный в его различных оттенках — *красный, кумачовый,* снова *красный, рубиновый, алый, цветочно-алый*. Образный ряд стихотворных строк таков, что слагающие его предметы и образы словно бы отражают красный цвет и тем самым усиливают всполохи огненного пламени и закрепляются (=отражаются) в номинациях *пламя, огонь, свет, окна, фонарь*. Слова, оказавшиеся рядом, закрепленные в пары, в единой синтагме аккумулируют и нагнетают впечатление разбушевавшегося яростного пожара: *окно красное, кумач огня, огонь красный, рубиновый свет. Фонарь хрустальный* — как фантасмагорический калейдоскоп — словно бы дробит образы на части *хрустально малые*, пронзает их *светом больным и алым*.

Центральным образом стихотворения оказывается детская люлька. Словно во сне («Сон ли то…»), люлька качается в *окне красном* // *огне красном*, окне захлопнутом, охваченном пламенем, кумачом огня. Рядом с качающейся колыбелью младенца, *приветливо баюкающей*, *присталь-но укутывающей*, рубиновый свет пламени уподоблен *яду*, угрожающему жгучей болью и смертью. Слово-сигнал *яд* пробуждает цепочку семантически связанных образов: хрустально малые отблески света распадают-

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(3), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

ся на *атомы*, и каждый из них подобен жалу — *Как жало тонок. / Как жало ранит; Певуч, как жало.* Нагнетаемое и нагнетенное упоминание жала (4 раза) вызывает печаль (*опечалит*) и тревогу за жизнь ужаленного (*ра́ним жалом*) младенца, за гибель его *цветочно*-алой жизни (осколок фразеологемы: дети — цветы жизни).

Нет сомнения, что образы, воссозданные Розановой, имеют под собой реалистическую основу — подобное трудно выдумать. Вероятно, художница либо сама видела нечто подобное, либо слышала яркий рассказ об этом. И тогда невольно возникает стойкая апелляция к розановской картине «Пожар в городе» (рис. 1).

Рис. 1. О. Розанова. Пожар в городе. 1914

Подобно стихотворению «Сон ли то…», картина «Пожар в городе» выстроена на четком ритме и звучных динамичных шагах, *движении*. Чеканный марш на полотне создается слаженной и организованной работой пожарной команды, четкими действиями ее подразделений-бригад. Доминирующим цветом картины вновь оказывается красный, который пронизывает полотно, дробит его на части, режущие глаз. Красные диски колес пожарных машин и лошадиных колясок (кубо)футуристически распадаются

CC BY

на части, на сегменты и сектора, мощно заполняющие центр картины, обещая решительную схватку пожарных с буйствующим огнем. Образ острого болезненно-смертельного жала, настойчиво звучавший в стихах, перекликается с образом мелких пятнышек, *атомов* разрывающихся языков пламени, похожих на маленьких ядовитых ос (*Певуч, как жало*) в левом верхнем углу картины и поддержанных брызгами-искрами из-под грохочущих по булыжнику колес и лошадиных копыт в нижнем углу. Широкие оранжево-красные всполохи пожара в верху домов дробятся (как в калейдоскопе) на полный спектр цветов радуги, порождаемых оптикой мощного потока водяной струи пожарного брандспойта.

Отчетливо выписанные блестящие каски пожарников в левом нижнем углу картины фантастично превращаются в подобие золотых церковных куполов в центре картины. Метафора *шлемы-купола* преображает воинов-пожарников в спасителей, превращает в христово воинство, утверждающее веру в неизбежность победы над страшной и неуправляемой стихией огня.

Кажется, единственное, чего нет на живописном полотне, — детской люльки, мирно и безмятежно качающейся за запахнутым окном. Однако если вглядеться, то помимо толпы зевак справа, кроме случайных прохожих, сгорбившихся от страха и ужаса, помимо испуганной заливающейся лаем собачки внизу полотна чуть выше слева на металлических перекладинах пожарных лестниц можно увидеть силуэт человека, точнее чьи-то ноги — то ли пожарника, взбирающегося вверх, чтобы спасти невидимого младенца, то ли некой простолюдинки, может быть, матери, бросающейся на помощь своему ребенку. Примечательно, что спектр цветов радуги — согласно детской присказке «Каждый охотник желает знать…» — направлен именно на эту часть изобразительного пространства, где, согласно логике стихотворения, и могла располагаться невидимая на картине люлька.

Художница воспроизводит, как толпа зрителей и зевак справа замерла в ужасе и испуге. Обратим внимание: впереди толпы зевак выделяется силуэт молодой женщины в светлой шляпке. Можно предположить, что это авто-образ самой Розановой, оказавшейся реальной свидетельницей человеческой трагедии на пожаре. Именно на высокое окно расположенного напротив дома и направлен взгляд-диагональ молодой дамы на картине.

Личностное присутствие Розановой-свидетеля, глубоко потрясенной увиденным страшным событием, буквально кричит в художественной (и поэтической) атмосфере работы. При этом должно утверждать, что на картине Розановой изображен пожар не в городе Владимире, где, как полагают местные искусствоведы, художница и могла увидеть пожар. Действительно, могла, но мелькнувший на заднем плане картины силуэт трамвая, усиливающий нагнетание красного цвета и сопутствующий стремительной

CC BY

динамике события, указывает на то, что речь не идет о провинциальном Владимире, на улицах которого трамвайного движения долго еще не было. Без сомнения, трамвай мог появиться на полотне и ассоциативно — но в рамках столь точного и насыщенного деталями изобразительного текста это утверждение воспринимается как неубедительное.

Итак, все слагаемые поэтического текста находят перекличку с изобразительным планом картины: дома, окна, улица, ночь, фонари, жало-яд. Ритм движения поэтического текста словно слышится в сталкивающихся, скрипящих, трещащих, ломающихся друг о друга плоскостях, поверхностях, кубах и сферах на футуристической картине Розановой. Однако составившая центр поэтического текста детская люлька в живописной картине отражения не нашла. Почему? Можно предположить, что образ детской люльки в хаосе дробящегося и бьющегося пожара был бы чужеродным, не вполне понятным, в итоге — излишним. Или: первоначально люлька былá на картине, и только позднее по воле автора оказалась размытой радугой брандспойта. Присутствие незримой детской колыбельки «внутри» полотна картины вполне допустимо.

Названия стихотворения и картины — «Пожар в городе» и «Сон ли то…» — не совпадают, не дублируют друг друга. Но нейтральное название живописной картины акцентировано больной эмоцией переживаемого ужаса в стихотворении — увиденный губительный пожар подобен страшному сну.

Близость вербального и визуального текстов Розановой очевидна, едва ли не буквальна. Потому можно предположить, что стихотворение «Сон ли то…» было создано тогда же, когда и картина «Пожар в городе», или очень вскоре после ее написания. Вряд ли точные образные детали настолько явственно сохранились бы в поэтическом тексте, если бы он был создан несколько лет спустя (<1917>). Таким образом, стихотворение «Сон ли то…» (по-прежнему условно, но) более точно, на наш взгляд, можно датировать 1914 годом, временем написания живописной картины, когда яркость пораженного бедствием пожара воображения художницы / поэтессы еще не ослабла, не оказалась потеснена другими впечатлениями и событиями.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, можно сделать вывод, что если теоретические положения, разрабатываемые Розановой, например, в «Манифесте “Союза молодежи”» формулировались ею в документе четко и радикально, жестко и определенно, то ее художественное творчество не было впрямую подчинено выдвинутым декларативным принципам — индивидуальное (= интуитивное) художницы доминировало над групповым.

CC BY

Между тем внутри собственного творчества Розанова демонстрировала тесную взаимозависимость и двустороннюю связь живописного и поэтического начал — именно это обстоятельство позволяет уточнить датировку ее отдельных стихотворных текстов. Как было показано в ходе анализа, стихотворение Розановой «Сон ли то…» и картина «Пожар в городе» обнаруживают на редкость эксплицированные связи и пересечения — как в образной системе и цветовой гамме, так и в эмоциональном настрое работ. Именно продемонстрированные в ходе наблюдений точки взаимодействия стихотворного текста и живописного полотна позволяют уточнить предположительную датировку стихотворения и сместить ее к 1914 году, известному времени создания живописной картины.

Дальнейшее сравнительно-сопоставительное изучение живописных и стихотворных текстов Ольги Розановой позволит расширить представление о ее поэтическом даре и может предоставить новые данные для будущих текстологических и археографических исследований, касающихся поэзии начала XX века, эпохи первого русского авангарда.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Клюн И.* Памяти О.В. Розановой / И. Клюн // Искусство. — 1919. — № 1. — 5 января. — С. 2.

2. *Крученых А*. Фактура слова / А. Крученых. — Москва : Скоропеч. ЦИТ, 1923. — 22 с.

3. *Лившиц Б*. Полутораглазый стрелец. Стихотворения. Переводы. Воспоминания / Б. Лившиц. — Ленинград : Советский писатель, 1989. — 718 с.

4. *Манифест* «Союза молодежи» [Электронный ресурс]. — Санкт-Петербург : Тип. «Живое слово», 1913. — Режим доступа : https://rozanova.net/article/125.html (дата обращения 21.12.2025).

5. *Письмо* А. Кручёных А. Шемшурину от 19 августа 1916 г. [Электронный ресурс] // ОР РГБ. — Ф. 339. — Оп. 4. — Ед. хр. 2. — Л. 32. — Режим доступа : https://розанова.рф/second_page.pl?id=311&catid=10 (дата обращения 21.12.2025).

6. *Письмо* О. Розановой А. Крученых. <1917> Частное собрание, Москва // Розанова О. «Лефанта чиол…» / вступ. статья, публ. писем и комм. В Терехиной. — Москва : RA, 2002. — 388 с.

7. *Розанова О.* Основы Нового Творчества и причины его непонимания / О. В. Розанова // Союз молодежи. — 1913. — № 3. — С. 14—22.

8. *Розанова О.* Статьи. Стихи. Письма [Электронный ресурс] / О.В. Розанова. — 2022. — Режим доступа : https://traumlibrary.ru/book/rozanova-avangard/rozanova-avangard.html?ysclid=mid4wkarlp820718641#s003 (дата обращения 21.12.2025).

9. *Розанова О*. Стихи Ольги Розановой / О. В. Розанова // Искусство. — 1919. — № 4. — С. 1.

10. *Эфрос А*. Профили / А. Эфрос. — Москва : Федерация, 1930. — 306 с.

CC BY

Литература

1. *Альфонсов В. Н.* Поэзия русского футуризма / В. Н. Альфонсов // Поэзия русского футуризма. — Санкт-Петербург : Академический проект, 1999. — С. 5—66.

2. *Баран Х* Футуризм / Х. Баран, Н. Гурьянова // Русская литература рубежа веков (1890-е — начало 1920-х гг.) : в 2 кн. / отв. ред. В. А. Келдыш. — Москва : ИМЛИ РАН; Наследие, 2001. — Книга 2. — С. 501—574. — ISBN 5-9208-0063-1.

3. *Бобринская Е. А*. Русский авангард : границы искусства / Е. А. Бобринская. — Москва : Новое литературное обозрение : Гос. ин-т искусствознания, 2006. — 294 с. — ISBN 5-86793-448-9.

4. *Богданова О. В*. «Лучший поэт среди художников» : Давид Бурлюк / О. В. Богданова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2025а. — Т. 18. — Выпуск 9. — С. 3889—3900. — DOI: 10.30853/phil20250534.

5. *Богданова О. В*. Опыты визуальной поэзии Василия Каменского / О. В. Богданова // Научный диалог. — 2025б. — Т. 14. — № 5. — С. 289—303. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-5-289-303.

6. *Васильев И. Е.* Русский поэтический авангард XX века / И. Е. Васильев. — Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2000. — 320 с. — ISBN 5-7525-0719-7.

7. *Власова Н. И.* Владимирская земская женская гимназия / Н. И. Власова // Розановский сборник / авт.-сост. и науч. ред. А. В. Бражкина. — Владимир : Издат-Принт, 2017. — С. 67—74. — ISBN 978-5-9500326-5-3.

9. *Гаспаров М. Л.* Русские стихи 1890-х — 1925 годов в комментариях / М. Л. Гаспаров. — Москва : Высшая школа, 1993. — 271 с.

10. *Гукосьянц О. Ю.* Роль цвета и цветономинаций в поликодовом тексте / О. Ю. Гукосьянц, О. А. Алимурадов, А. А. Горжая // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 10. — С. 140—155. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-10-140-155.

11. *Гурьянова Н.* Ольга Розанова и ранний русский авангард / Н. Гурьянова. — Москва : Гилея, 2002. — 319 с. — ISBN 5-87987-021-9.

12. *Злыднева Н*. Визуальный нарратив : опыт мифопоэтического прочтения Н. Злыднева. — Москва : Индрик, 2013. — 360 с. — ISBN 978-5-91674-266-2.

13. *Иванюшина И. Ю.* Русский футуризм : идеология, поэтика, прагматика : автореферат диссертации … доктора филологических наук : 10.01.01 / И. Ю. Иванюшина. — Саратов, 2003. — 46 с.

14. *Ковтун Е. Ф.* Русская футуристическая книга / Е. Ф. Ковтун. — Москва : РИП-холдинг, 2014. — 229 с. — ISBN 9785903190669.

15. *Минц З. Г.* Футуризм и «неоромантизм» (к проблеме генезиса и структуры «Истории бедного рыцаря» Е. Гуро / З. Г. Минц // Поэтика русского символизма. — Санкт-Петербург : [б. и.], 2004. — С. 317—326.

16. *Орлицкий Ю. Б.* Визуальный компонент в современной русской поэзии / Ю. Б. Орлицкий // Новое литературное обозрение. — 1995. — № 16. — С. 181—192.

17. *Орлицкий Ю. Б.* Стихотворные идиостили мастеров русского верлибра / Ю. Б. Орлицкий // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. — Москва : ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН, 2022. — № 1. — С. 330—344.

18. *Осьмухина О. Ю*. Концепт *ужас* в прозе Серебряного века (на материале «вампирских» рассказов А. Амфитеатрова) / О. Ю. Осьмухина // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 6. — С. 333—354. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-6-333-354.

19. *Русский* музей. От иконы до современности / авт. ст. В. Гусев, Е. Петрова. — Санкт-Петербург : Palace Editions, 2013. — 391 с. — ISBN 978-5-93332-466-9.

CC BY

20. *Сарычев В. А.* Эстетика русского модернизма : проблема жизнетворчества / В. А. Сарычев. — Воронеж : Воронежский ГУ, 1991. — 316 с.

21. *Тарасенко О.* Сакральные мотивы в системе символоживописи Е. Гуро и М. Матюшина (радуга, вода, драгоценный камень) / О. Тарасенко // Studia Slavica Finlandensia. — 1999. — Т. 16 (2). — С. 214—234.

22. *Терехина В.* Ольга Розанова — художница с поэтическим чувством [Электронный ресурс] / В. Терехина. — 2020. — Режим доступа : https://rozanova.net/article/274.html (дата обращения 21.12.2025).

23. *Тернова Т. А.* Универсалии цивилизации в литературе русского авангарда первой трети XX века / Т. А. Тернова. — Воронеж : ВГУ, 2025. — 190 с. — ISBN 978-5-9273-4149-8.

24. *Филиппова О. Н.* Елена Гуро — поэт и художник / О. Н. Филиппова // Искусство Евразии. — 2017. — № 2 (5). — С. 71—81. — DOI: 10.25712/ASTU.2518-7767.2017.02.006.

25. *Харджиев Н. И.* От Маяковского до Крученых. Избранные работы о русском футуризме / Н. И. Харджиев. — Москва : Гилея, 2006. — 557 с. — ISBN 5-87987-038-3.

26. *Харджиев Н. И.* Статьи об авангарде : в 2 т. / Н. И. Харджиев. — Москва : RA, 1997. — 712 с. — ISBN 5-85164-035-9.

27. *Шевчук В. Г.* Синтез искусства как отличительная особенность творчества Д. Бурлюка начала XX века / В. Г. Шевчук // Ученые записки Таврического национального ун-та им. В. И. Вернадского. — Сер. Философия. Культурология. Политология. Социология. — 2014. — Т. 27 (66). — № 1. — С. 230—241.

28. *Gold M.* David Burliuk : artist-scholar, father of Russian futurism / M. Gold. — New York : A.C.A. Gallery, 1944. — 238 p.

29. *Gray C.* The great experiment : Russian art 1863—1922 / C. Gray. — London : [b. i.], 1962. — 301 p.

Статья поступила в редакцию 02.12.2025,
одобрена после рецензирования 25.02.2026,
подготовлена к публикации 07.04.2026.

Material resources

Klyun, I. (1919). In memory of O. V. Rozanova. *Art, 1:* P. 2. (In Russ.).

Kruchenykh, A. (1923). *The texture of the word.* Moscow: Skoropech. CIT. 22 p. (In Russ.).

Livshits, B. (1989). *The Half-eyed Sagittarius. Poems. Translations. Memoirs.* Leningrad: Soviet writer. 718 p. (In Russ.).

Manifesto of the Union of Youth. (1913). St. Petersburg: Zhivoe Slovo Publishing House. Available at: https://rozanova.net/article/125.html (accessed 21.12.2025). (In Russ.).

Letter from A. Kruchenykh to A. Shemshurin dated August 19, 1916. OR RGB. F. 339. Op. 4. Ed. chr. 2. L. 32. Available at: https://розанова.Russian Federation/second_page.pl?id=311&catid=10 (accessed 21.12.2025). (In Russ.).

Letter from O. Rozanova to A. Kruchenykh. <1917> Private collection, Moscow. (2002). In: *Rozanova O.* "Lefanta chiol...". Moscow: RA. 388 p. (In Russ.).

Rozanova, O. (1913). The foundations of New Creativity and the reasons for its misunderstanding. *Union of Youth, 3:* 14—22. (In Russ.).

Rozanova, O. (2022). *Articles. Poems. Letters.* Available at: https://traumlibrary.ru/book/rozanova-avangard/rozanova-avangard.html?ysclid=mid4wkarlp820718641#s003 (accessed 21.12.2025). (In Russ.).

Rozanova, O. (1919). Poems by Olga Rozanova. *Art, 4:* P. 1. (In Russ.).
Efros, A. (1930). *Profiles.* Moscow: Federation Publ. 306 p. (In Russ.).

References

Alfonsov, V. N. (1999). Poetry of Russian Futurism. In: *Poetry of Russian Futurism*. Saint Petersburg: Academic Project. 5—66. (In Russ.).
Baran, H., Guryanova, N. (2001). Futurism. In: *Russian literature of the turn of the century (1890s — early 1920s): in 2 books, 2.* Moscow: IMLI RAS; Heritage. 501—574. ISBN 5-9208-0063-1. (In Russ.).
Bobrinskaya, E. A. (2006). *Russian avant-garde: the boundaries of art.* Moscow: New Literary Review: State Institute of Art Studies. 294 p. ISBN 5-86793-448-9. (In Russ.).
Bogdanova, O. V. (2025). Visual Poetry of Vasily Kamensky. *Nauchnyi dialog, 14 (5):* 289—303. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2025-14-5-289-303 (In Russ.).
Bogdanova, O. V. (2025a). "The best poet among artists": David Burlyuk. *Philological Sciences. Questions of theory and practice, 18 (9):* 3889—3900. DOI: 10.30853/phil20250534. (In Russ.).
Filippova, O. N. (2017). Elena Guro — poet and artist. *Art of Eurasia, 2 (5):* 71—81. DOI: 10.25712/ASTU.2518-7767.2017.02.006. (In Russ.).
Gasparov, M. L. (1993). *Russian poems of the 1890s — 1925 in the comments.* Moscow: Vysshaya Shkola Publ. 271 p. (In Russ.).
Gold, M. (1944). *David Burliuk: artist-scholar, father of Russian futurism.* New York: A.C.A. Gallery. 238 p.
Gray, C. (1962). *The great experiment: Russian art 1863—1922*. London: [b. i.]. 301 p.
Gukosiants, O. Y., Alimuradov, O. A., Gorzhaya, A. A. Color and Color Nominations in Polycode Text. *Nauchnyi dialog, 11* (10): 140—155. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-10-140-155. (In Russ.).
Guryanova, N. (2002). *Olga Rozanova and the early Russian avant-garde.* Moscow: Gileya Publ. 319 p. ISBN 5-87987-021-9. (In Russ.).
Gusev, V., Petrova, E. (eds.). (2013). *The Russian Museum. From the icon to the present.* St. Petersburg: Palace Editions. 391 p. ISBN 978-5-93332-466-9. (In Russ.).
Ivanyushina, I. Y. (2003). *Russian futurism: ideology, poetics, pragmatics.* Author's abstract of PhD Diss. Saratov. 46 p. (In Russ.).
Khardjiev, N. I. (1997). *Articles on the avant-garde: in 2 volumes.* Moscow: RA. 712 p. ISBN 5-85164-035-9. (In Russ.).
Khardjiev, N. I. (2006). *From Mayakovsky to Kruchenykh. Selected works on Russian Futurism.* Moscow: Gileya. 557 p. ISBN 5-87987-038-3. (In Russ.).
Kovtun, E. F. (2014). *Russian futuristic book.* Moscow: RIP-holding. 229 p. ISBN 9785903190669. (In Russ.).
Mints, Z. G. (2004). Futurism and "neo-Romanticism" (on the problem of the genesis and structure of the "Story of the Poor Knight" by E. Guro. In: *Poetics of Russian symbolism.* Saint Petersburg: [b. i.]. 317—326. (In Russ.).
Orlitsky, Yu. B. (1995). Visual component in modern Russian poetry. *New Literary Review, 16:* 181—192. (In Russ.).
Orlitsky, Yu. B. (2022). Poetic idioms of the masters of the Russian verlibra. In: *Proceedings of the Vinogradov Institute of the Russian Language, 1.* Moscow: V. V. Vinogradov Institute of the Russian Academy of Sciences. 330—344. (In Russ.).

Osmukhina, O. Y. (2025). The concept of horror in the prose of the Silver Age (based on the "vampire" stories by A. Amfiteatrov). *Nauchnyi dialog, 14 (6):* 333—354. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-6-333-354. (In Russ.).

Sarychev, V. A. (1991). *Aesthetics of Russian modernism: the problem of life creation.* Voronezh: Voronezh State University. 316 p. (In Russ.).

Shevchuk, V. G. (2014). Synthesis of art as a distinctive feature of D. Burliuk's work at the beginning of the twentieth century. *Scientific Notes of the Tauride National University named after V. I. Vernadsky. Ser. Philosophy. Cultural studies. Political science. Sociology, 27 (66) / 1:* 230—241. (In Russ.).

Tarasenko, O. (1999). Sacred motifs in the system of symbolic painting by E. Guro and M. Matyushin (rainbow, water, gemstone). *Studia Slavica Finlandensia, 16 (2):* 214—234. (In Russ.).

Terekhina, V. (2020). *Olga Rozanova — an artist with a poetic feeling.* Available at: https://rozanova.net/article/274.html (accessed 21.12.2025). (In Russ.).

Ternova, T. A. (2025). *Universals of civilization in the literature of the Russian avant-garde of the first third of the twentieth century.* Voronezh: VSU. 190 p. ISBN 978-5-9273-4149-8. (In Russ.).

Vasilyev, I. E. (2000). *Russian poetic avant-garde of the XX century.* Yekaterinburg: Publishing House of the Ural University. 320 p. ISBN 5-7525-0719-7. (In Russ.).

Vlasova, N. I. (2017). Vladimir Zemsky women's gymnasium. In: *Rozanovsky collection.* Vladimir: Izdat-Print. 67—74. ISBN 978-5-9500326-5-3. (In Russ.).

Zlydneva, N. (2013). *Visual narrative: the experience of mythopoeic reading by N. Zlydneva.* Moscow: Indrik. 360 p. ISBN 978-5-91674-266-2. (In Russ.).

The article was submitted 02.12.2025;
approved after reviewing 25.02.2026;
accepted for publication 07.04.2026.

CC BY

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(3), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Вальянов Н. А. «Сибирский текст» в художественной традиции М. А. Тарковского : поэтика хронотопа и образ героя / Н. А. Вальянов // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 3. — С. 246—269. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-3-246-269.

Valyanov, N. A. (2026). "Siberian Text" in Literary Tradition of M. A. Tarkovsky: Poetics of Chronotope and Figure of Hero. *Nauchnyi dialog, 15* (3): 246-269. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-3-246-269. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus · Q1 · DOAJ · ERIHPLUS · eLIBRARY.RU РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

«Сибирский текст» в художественной традиции М. А. Тарковского: поэтика хронотопа и образ героя

Вальянов Никита Александрович [1,2]
orcid.org/0000-0002-0005-1372
кандидат филологических наук,
кафедра мировой литературы
и методики ее преподавания
nick.valyanov@yandex.ru

[1] Красноярский государственный
педагогический университет
им. В. П. Астафьева
(Красноярск, Россия)

[2] Русская христианская гуманитарная
академия им. Ф. М. Достоевского
(Санкт-Петербург, Россия)

"Siberian Text" in Literary Tradition of M. A. Tarkovsky: Poetics of Chronotope and Figure of Hero

Nikita A. Valyanov [1,2]
orcid.org/0000-0002-0005-1372
PhD in Philology, Department of World
Literature and Teaching Methodology
nick.valyanov@yandex.ru

[1] Krasnoyarsk State Pedagogical University
named after V. P. Astafyev
(Krasnoyarsk, Russia)

[2] Russian Christian Academy for
Humanities
named after Fyodor Dostoevsky
(St. Petersburg, Russia)

© Вальянов Н. А., 2026

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена анализу поэтики «сибирского текста» художественного мира Михаила Александровича Тарковского как одного из заметных представителей современной русской прозы. Материалом исследования послужили художественные произведения сибирского автора: рассказы и повести, вошедшие в сборник «Избранное» (2014), роман «Тойота-креста» (2017). Впервые предлагается опыт литературоведческого осмысления творчества писателя в контексте выбранной проблематики. Выполнен обзор ключевых академических подходов к пониманию «сибирского текста» в актуальном литературоведении. Проанализированы особенности «сибирского текста» писателя через призму важнейших художественно-эстетических констант: хронотопа и литературного героя. Установлено, что хронотоп сибирской тайги и образы персонажей определяют идиллическую модель мироздания в авторском повествовании. Выявлено, что писатель предлагает новую парадигму осмысления Сибири, которая вступает в противоречие с устоявшимся в классической литературе (Ф. Достоевский, Л. Толстой, А. Чехов) восприятием этой территории как места ссылки — пространства с инфернальной или лиминальной семантикой.

Ключевые слова:
Михаил Тарковский; современная проза; сибирский текст; образ героя; хронотоп.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article undertakes a comprehensive analysis of the poetics of the “Siberian text” within the fictional universe of Mikhail Alexandrovich Tarkovsky, a prominent contemporary Russian prose writer. The research is based on a selection of the author’s works, including short stories and novellas featured in the collection “Selected Works” (2014), as well as the novel “Toyota-Cresta” (2017). This study represents the first attempt at a scholarly interpretation of Tarkovsky’s oeuvre within the framework of this specific thematic discourse. A critical review of major academic approaches to the concept of the “Siberian text” in contemporary literary studies is provided. The article examines the distinctive features of Tarkovsky’s “Siberian text” through the lens of fundamental artistic and aesthetic constants, notably chronotope and literary hero. It is established that the chronotope of the Siberian taiga and the portrayal of characters underpin an idyllic model of existence within the author’s narrative. Furthermore, it is argued that Tarkovsky proposes a new paradigm for conceptualizing Siberia, one that stands in contrast to the traditional perception of this territory in classical literature (e.g., Dostoevsky, Tolstoy, Chekhov), where it is often depicted as a place of exile — a space imbued with infernal or liminal semantics.

Key words:
Mikhail Tarkovsky; contemporary prose; Siberian text; figure of the hero; chronotope.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(3), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 821.161.1
DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-3-246-269

Научная специальность ВАК
5.9.1. Русская литература и литературы
народов Российской Федерации

«Сибирский текст» в художественной традиции М. А. Тарковского: поэтика хронотопа и образ героя

© Вальянов Н. А., 2026

1. Введение = Introduction

Устойчивый интерес современных славистов к геопоэтике [Замятин, 2004] как одному из ключевых направлений современного литературоведения порождает ряд исследований, посвященных изучению *локального текста* [Геопоэтика …, 2016] с его внутренней семантико-семиотической структурой. С указанным литературоведческим термином понятийно соотносимы термины *местный колорит* («воспроизведение в художественной литературе особенностей национального быта, пейзажа, языка, свойственных сугубо определенной местности или области» [ЛЭС, 1987, с. 217]) и *региональная литература* (к ней относят художественные произведения, «концентрирующие свое внимание на изображении определенной местности (обычно сельской) и людей, ее населяющих» [ЛЭТП, 2001, с. 864]). В локальном тексте русской литературы, по мнению Т. А. Богумил, утверждается либо *критерий места*, выражающий биографическую связь автора с пространством, либо *тема*, представленная географически окрашенным образно-мотивным комплексом; отмечается, что «… в круг региональной словесности вовлекались либо произведения, написанные на любую тему, но уроженцем края, либо посвященные региону …» [Богумил, 2017, с. 3].

Известные в отечественном литературоведении подходы к определению понятия *сибирского текста* порождают как общность, так и неоднозначность толкования этого феномена. Возникновение сибирского текста как территориального (вслед за петербургским текстом, по определению В. Топорова [Топоров, 1995]) определило его статус как «политекстуального единства, складывающегося вокруг топонимов высокой культурной значимости» [Тюпа, 2011, с. 122]. Иной литературоведческий подход определяет сибирский текст как «аутентичную локальную словесность, катализатором которой служит территориальная идентичность» [Сибирский текст ..., 2010, с. 3]. Не исключено, что указанные подходы являются взаимодополняющими, поскольку сибирский текст, с одной стороны, представ-

CC BY

ляет собой «огромный массив текстов о Сибири», а с другой, — предполагает «опыт становления сначала местной рукописной, а затем и литературной в собственном смысле традиций» [Сибирский текст …, 2010, с. 3].

А. С. Янушкевич, рассматривая проблему сибирского текста в русской словесности, отмечает, что «семантическая насыщенность Сибири как историко-культурного ландшафта обусловила амбивалентность и диалектичность» его структуры, а в исследовательской перспективе это породило дискуссию о границах и объеме самого понятия [Янушкевич, 2004, с. 227]. Одни предполагают, что это литература «родившаяся в недрах Сибири и созданная «природными сибиряками», другие склонны полагать, что сибирскую литературу необходимо рассматривать как «органическую часть общероссийской культуры» [Янушкевич, 2004, с. 228].

Устоявшиеся представления о Сибири, обретшей в отечественной литературной традиции «характеристики и свойства мифологической страны мертвых» [Тюпа, 2002, с. 27], оказываются контрадикторными утверждению славистов о том, что избранная мифологема наделяется «витальной» атрибутивностью, функционально связанной с мотивом воскрешения, сюжетами внутреннего перерождения. Эти положения развивает Ю. Лотман в известной работе «Сюжетное пространство русского романа». По мнению структуралиста, «…сюжетное звено смерть — ад — воскресение в широком круге русских сюжетов подменяется другим — преступление (подлинное или мнимое) — ссылка в Сибирь — воскресение» [Лотман, 1997, с. 723—724]. В ряде классических текстов последней трети XIX века (Ф. Достоевский, Л. Толстой, А. Чехов) Сибирь репрезентируется как пространство инициации — «чистилище», пройдя через которое герой обретает новый духовно-социальный статус [Лотман, 1997, с. 724—725; Тюпа, 2006].

Множественность теорий сибирского текста, с одной стороны, обусловила полемичность подходов в актуальном сибиреведении, с другой — предопределила их исследовательскую разнородность. Пространство Сибири рассматривается как *место каторги и ссылки*, неимоверно влекущее смерть [Тюпа, 2002], как *земной рай / «благословенная земля»* [Габдуллина, 2015], как *новая Атлантида* или *утопические Китеж и Беловодье* [Ковтун, 2009]. Основательно подчеркнутый дуализм семиотической природы сибирского текста организует спектр культурных представлений о мифологеме Сибири: от инфернально-негативного до утопически позитивного.

Как отмечает К. В. Анисимов, подобная «семантическая “вибрация” <…> от идеи “чужого” как “ада” к “чужому” как “раю”, от условного “умерщвления” героя к условному его “оживлению” составляет суть двуединой “сибирской” мотивно-образной парадигмы. Подбор прочих, част-

CC BY

ных, мотивов зависит от авторского самоопределения в рамках этой антитезы» [Анисимов, 2007, с. 68].

На формирование и становление сибирской словесности, её литературной эстетики особое влияние оказали писатели-классики: от традиции Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого, где звучат мотивы духовного воскресения человека через страдание, приобщения к Сибири как пространству, наделенному сакральным статусом, тема постижения Бога [Габдулина, 2016], к художественному опыту А. П. Чехова — с его авторской установкой на преодоление устойчивых культурных стереотипов, демифологизацию образа Сибири, «реконструкцию» сибирского пространства в его целостности [Макарова, 2011, с. 270]. «Особость» пути Сибири и её дальнейшего развития отмечали «старшие» областники — Н. М. Ядринцев и Г. Н. Потанин, усмотревшие в ее «неправильности» и «отсталости» значительный ресурс для «трансформационного прорыва» России, который позволит занять имперскому государству лидирующие позиции среди западных и восточных держав [Горбенко, 2023, с. 107]. В этом контексте необходимо отметить и художественное влияние Г. Д. Гребенщикова [Маркина, 2016, с. 96—102], который определяет Сибирь («страну двух народов») как пространство, где должно возникнуть «теснейшее культурное единение самых великих наций и где дружески протянут друг другу руки Восток и Запад» [Гребенщиков, 2002, с. 15]. В художественной поэтике С. Залыгина («На Иртыше», «Комиссия», «После бури») отражение сибирской тематики обусловлено жизненным материалом, который «породил картину мира, вариант культурной модели национального и человеческого бытия [Ковтун, 2008], то, что может быть обозначено “сибирским текстом о национальной и человеческой истории”» [Рыбальченко, 2004, с. 97].

Репрезентация художественной словесности Сибири в актуальном литературоведении обширна. Как отмечает Н. В. Ковтун, *сибирский миф* разворачивается в национальной литературе коренных народов, концептуализируется в локальных текстах русской культуры («сибирский текст», «северный текст», «алтайский текст»), наконец, представлен через постановку крупнейших писателей в парадигму общенациональных деятелей культуры [Комаров, 2016] — от А. Вампилова [Плеханова, 2016], В. Астафьева [Разувалова, 2014], В. Распутина [Анисимов и др., 2014; Ковтун, 2017] до М. Тарковского [Вальянов, 2020], А. Антипина [Брюханова, 2025].

Для поэтики М. А. Тарковского характерна традиционалистская концепция литературно-эстетического восприятия Сибири. М. Тарковский рассматривается нами как представитель современной традиционалистской прозы, последователь художественной традиции писателей-«деревенщиков» (прежде всего, В. Астафьева и В. Распутина). Об этом

см. труды: [Вальянов, 2020; Ковтун, 2017; Степанова, 2017]. Писатели-традиционалисты не случайно связывают перспективу исхода из «секулярного ада современности» с образом русского Севера, Сибири. Из географического места Сибирь превращается в понятие «нравственное, сулящее какое-то неясное, но желанное обновление» [Распутин, 1994, Т. 3, С. 7—9]. Мифология Сибири связана с представлениями об исключительности, метафизическом статусе самого места, изначально свободного от чужеземного и государственного ига, от власти стяжательства и нигилизма. Сибирский миф развернут в текстах В. Астафьева (новеллы «Уха на Боганиде», «Сон о белых горах» в «Царь-рыбе», 1972—1975), В. Белова, В. Распутина, В. Личутина [Ковтун, 2017]. «Инфернальные» контексты повествования — известные в русской литературе образы тюрьмы / каторги, мотивы страдания — сменяются идеей паломничества. В прозе В. Г. Распутина посещение Сибири приравнивается к *хожению в святые земли* : «...гордятся одним лишь быванием в Сибири, подобно тому, как прежде гордились и обольщались походом в святые места <…>»; «...возвращение к Сибири <…> дарует надежду на будущее» [Распутин, 1994, с. 272—278].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Цель исследования — проанализировать особенности поэтики «сибирского текста», представленной в художественной прозе М. Тарковского.

Предмет исследования — особенности хронотопа и специфика образа литературного героя, определяющие идиллическую модель художественного мироздания сибирского писателя.

Объект исследования — «сибирский текст» художественной прозы писателя.

Материалом исследования являются рассказы и повести писателя, вошедшие в сборник «Избранное» (2014), роман «Тойота-креста» (2017).

Методология исследования включает аспектный анализ художественного текста, сравнительно-сопоставительный метод, мифопоэтический анализ.

Теоретической основой статьи послужили ведущие литературоведческие работы, посвященные исследованию проблематики сибирского текста [Анисимов, 2007; Тюпа, 2002; Тюпа, 2006; Янушкевич, 2004]; изучению литературы Сибири [Брюханова, 2025; Горбенко, 2023; Плеханова, 2016], исследованию «деревенской» прозы и традиционализма [Ковтун, 2017; Разувалова, 2015] как актуального вектора развития литературного процесса второй половины XX века — начала XXI веков; литературного творчества М. А. Тарковского [Вальянов, 2020; Митрофанова, 2009].

Далее в работе осуществляется выявление поэтических особенностей «сибирского текста» прозы М. А. Тарковского, проводится анализ хроното-

па и образа героя как художественно-эстетических категорий, определяющих идиллическую модель творческого мироздания современного сибирского писателя.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

М. А. Тарковский — один из заметных представителей современной отечественной литературы, чье творчество исследователи относят к русской традиционалистской прозе, апеллирующей к идейно-тематическим, сюжетно-мотивным, образно-художественным контекстам «деревенской прозы», ставшей, по сути, её основанием [Ковтун, 2017; Цветова, 2007]. Указанный термин — *русская традиционалисткая (традиционная) проза* — мы используем вслед за Н. В. Ковтун и Н. С. Цветовой, см.: [Ковтун, 2009; Ковтун, 2017; Цветова, 2007; Цветова, 2018]. Представителей «деревенской прозы» мы упоминаем как писателей-традиционалистов.

В отличие от писателей-традиционалистов (Ф. Абрамов, В. Астафьев, В. Белов, В. Распутин, А. Солженицын, В. Шукшин), в художественном мире которых ключевой представлена бинарная пространственная оппозиция *город* ↔ *деревня*, в поэтике М. Тарковского репрезентируется тернарная структура: *город* ↔ *деревня* ↔ *тайга* [Вальянов, 2020; Степанова, 2017]. Представленная схема определяет сюжетное перемещение героев, следовательно, модели их культурного поведения и ценностные установки. Следовательно, классический в художественном наследии традиционалистов *конфликт центра и периферии* в прозе современного писателя сохраняется, однако усложняется его семантика, меняется авторская точка зрения.

3.1. Особенности сибирского хронотопа. Тайга как избранное пространство. Хронотоп Енисея

В художественном мире М. Тарковского представлено несколько типических моделей жизнеустроения. Первая пространственная модель *деревня → город* идеологически отражает проблему национального самосознания, развивает и логически продолжает проблематику художественных текстов поздней «деревенской прозы» — в ситуации, когда герой покидает отчий дом с целью утвердиться в пределах «гремлинов цивилизации», однако обрекает себя на добровольное бродяжничество и сиротство. Подобные мотивы встречаем у позднего В. Шукшина, В. Астафьева, В. Распутина. В границах указанной жизнеустроительной модели в поэтике М. Тарковского особое внимание акцентируется на архетипическом образе блудного сына («Стройка бани», 1999; «Петрович», 2001).

Вторая характерная модель жизнеустроения, репрезентируемая в творчестве современного сибирского писателя, — *деревня → город → деревня* (*тайга → город → тайга*). Сама перспектива возвращения указывает на

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(3), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

способность возможность героев обозреть собственный жизнестроительный путь, осмыслить непосредственно ценность и необходимость возвращения в пространство сибирской деревни (или тайги — что является более характерным и принципиальным для самого автора), осознать жизненное предназначение. В рассказе «Замороженное время» (2004) Валя открывает смысл жизни в любви и заботе о будущей семье и родной обители, куда вновь возвращается идиллия, в отношениях между Гошей и Валей наступает гармония, пространство дома оживает, в нем снова теплится жизнь. Финальный фрагмент повествования отражает семейно-идиллическую модель мироздания: «Ночью лежали накормленные собаки в будках, лодка темнела кверху дном у ограды, оббитый об кедрины “буранишко” с измочаленными в наледях гусеницами стоял, как брат, укрытый брезентом. Котя, угнездившись в ногах, тарахтел смешным кошачьим дизельком, и ровно дышала, положив голову на Гошину грудь Валя, и сам Гоша спал спокойно и счастливо, потому, что все, без чего нельзя жить, было наконец подтянуто к дому» [Тарковский, 2014, с. 138]. В таежную деревню Бахту возвращается Петрович («Петрович», 2001). В тайгу от равнодушного города по велению сердца «смотреть красоты» сбегает Прокопич («Енисей, отпусти!», 2006), осознающий, что там, в таежной глуши, где «Бога больше», «он только и был самим собой» и «все главное протекало в этой тайге» [Тарковский, 2014, с. 284]. Главным образом к деревенскому быту привязаны женщины, к таежному — мужчины — охотники и промысловики; об этом М. Тарковский размышляет в повести «Енисей, отпусти!»: «В деревне каждый больше, чем просто мужчина или женщина, и острее раздел: та даль, что за оградой, — хозяина, а та, что внутри, — хозяйкина, и чья бездонней — еще поглядеть. Если добытчик мужик, вся окрестность, как брага, на него работает и к горловине дома стекается, а уж перегнать ее да на любви-заботе настоять — это хозяйкино дело» [Тарковский, 2014, с. 286].

Третья ключевая модель *город* → *дер*евня / *тайга* представлена автором как диаметрально противоположная первой, о чем свидетельствует биографический опыт М. Тарковского. Уникальность судьбы московского интеллигента, по воле случая ставшего известным писателем, отражает историю жизни его центрального персонажа (по сути, *ego* самого автора) — интеллектуала, книжника, перемещающегося в заповедное пространство сибирской тайги (рассказы : «Ветер», 1995; Охота», 1998; «Ледоход», 2001; «Осень», 2001; повести : «Лерочка», 1999; «Шыштындыр», 2000; «Фундамент», 2004).

Ситуация перемещения из интеллектуального / культурного пространства в пределы необитаемого / неосвоенного / чужеземного определяет своеобразную установку на «жизнестроительство». Биографический опыт

CC BY

писателя, переехавшего в 1986 году из Москвы в северно-таежное поселение Бахта Красноярского края, в художественно-метафорическом смысле определяет *миф о покорении Сибири.* В этом отношении примечательной в прозе М. Тарковского (повесть «С высоты», 2001) является история охотника и писателя Игната Кузнецова (сосланного на поселение в Сибирь), развернутая в сюжет инициации: среднерусский крестьянин, интеллектуал, зрит сибирское раздолье и, «едва не спятив от изобилия зверя и рыбы, благодарит судьбу за подарок и, засучив рукава, берется за дело» [Тарковский, 2009, с. 158].

Тайга как избранное пространство. Топос первозданной сибирской тайги в художественном представлении М. Тарковского наделяется сакральными, идиллическими признаками, что, собственно, принципиально, отличает его прозу от текстов классической литературной традиции. Сибирь — это не «мертвое», пустое и «безжизненное» пространство, наделенное приметами лиминального топоса. Напротив, это «край самого главного», где «<…> так манит все неуловимое, вроде сладкого дыма» [Тарковский, 2014, с. 309], тайга словно становится своеобразным «брендом» енисейской Сибири. Пространство сибирской тайги — ключевое в авторской модели мира, и представлено оно достаточно разнопланово; подробнее об этом см.: [Вальянов, 2020].

Тайга — это место труда. В основном корпусе художественных текстов писателя отражены «бытовые» сюжеты — строительства («Фундамент», «Стройка бани»), охоты («Осень», «Охота», «Вековечно»), рыболовства («Дед», «Енисей, отпусти», «Туристы»), персонажи занимаются обустройством тайги, «одомашнивают» природный мир, приручают, делают его «своим». Труд на земле, по сути, и становится в тайге мерилом жизни, что дает герою опору, ощущение незыблемости бытия. Возвращающийся в тайгу Павел размышляет в самолете о том, как ему придется возобновить прежнюю таёжную жизнь: «Он вспомнил, как когда-то <…> насаживал отцовский топор на новое топорище, как держал его, гладкое и белое, на весу топором вниз, постукивая по торцу, и как волшебно-послушно карабкался по топорищу при каждом ударе топор. Он думал о том, как нескоро вернется былая и зыбкая устойчивость его жизни, дающаяся только каждодневным мужицким трудом, и о том, что только от этого труда и зависит его душевное равновесие» [Тарковский, 2014, с. 209]. Труд определяет тесную и нерушимую связь с тайгой. Человеку остается «в рукопашной схватке с работой, замесив в одно соленое тесто снег, опилки, кровь, рыбью слизь, бревна и солярный выхлоп, надеяться, что заметит небо твой грубый хлеб и в один великий вечер так одарит закатом, что не останется сомнения — признало» [Тарковский, 2014, с. 310]. В рас-

CC BY

сказе «Охота» явлен образ труженика Тимофея, который «любил живое дерево» и «все делал сам»: ему нравились бревенчатые стены, струганые доски, лавки, лодки [Тарковский, 2014, с. 65]. Пафос текстов названной проблематики, безусловно, отсылает к натурфилософской / онтологической прозе, прежде всего, связанной с традициями охотничьих рассказов (М. Пришвин, Ю. Казаков, Ю. Нагибин), а также с произведениям С. Залыгина («Комиссия», 1976), В. Астафьева (от «Стародуба» до «Царь-рыбы»), В. Распутина (от «Прощания с Матёрой» до рассказов 1990-х годов), своеобразно коррелирует с текстами «нового реализма» («Зона затопления» Р. Сенчина, малая проза А. Антипина, А. Байбородина).

Для автобиографического героя пределы тайги ассоциируются с пространством инициации, где возможно постижение сакрального опыта. Мужской труд на земле становится особым испытанием — в новом, осваиваемом сибирском пространстве герой преображается: трансформируется его жизненный взгляд, меняется отношение к людям, животным, судьбе — обретается мудрость. В стремлении к внутреннему покою, гармонии и красоте, что в пределах художественной философии писателя отражает истину в сознании персонажей, рождается избранный герой — профессиональный охотник, промысловик, пути которого открываются в инопространство. В пределах тайги — дикой, нетронутой, девственной — закон открывается лишь посвященным, избранным. Сакральность сибирского пространства принципиально подчёркнута — тайга представляется раем, явление в таежные пределы знаменуется огромными воротами, «отстоявшими и окрепшими в воображении», вхождение в которые становилось ритуалом, посвящением: «<…> казалось, когда он войдет в них по-настоящему, сотрясут все его существо до самых глубин <…>»[Тарковский, 2014, с. 283].

Не менее важной оказывается авторская идея о воплощении топоса тайги как исповедального пространства, куда герои стремятся, чтобы очистить душу от повседневной скверны, это место самоопределения, открытости Богу. Внутренние открытия, совершаемые героем, напоминают своеобразную исповедь, в которой «будто в светящемся коридоре» устилается сокровенное прошлое. Примечательна в этом контексте история Прокопича («Енисей, отпусти»), чья судьба ретроспективно вкраплена в ход литературного повествования: «Прожил он долгую и трудную жизнь < …> с первой женой прожил он несчастливо и расстался < …> Позже встретил и полюбил другую женщину, но и с ней долгих отношений не вышло <…> оставил тайгу и все, в ней нажитое, и уехал в город» [Тарковский, 2014, с. 272]. Истиной становится только «совесть, память и то, как укладывается неподъемная бухта жизни в сердце и голове» [Тарковский,

2014, с. 278]. Подобным образом организуется сюжет повести «Стройка бани» (1998): возведение истопки сопровождается воспоминаниями Иваныча, ожидающего возвращения в отчую обитель единственного сына Сереги, покинувшего тайгу и отправившегося в поисках лучшей жизни в город. «Серегино письмо как обычно растревожило, напомнило о том, о чем Иваныч старался не думать, о том, что сын уже несколько лет живет в городе, живет совсем по-другому, и все то, на что Иваныч положил жизнь, ему попросту не нужно < …> и вся жизнь Иваныча рассыпается и требует теперь особенной внутренней собранности» [Тарковский, 2014, с. 145—146]. В памяти старика оживают фрагменты идиллической жизни с женой и сыном, облегчающие неуемное одиночество опытного таежника. Возвращение в прошлое помогает Иванычу достроить баню как символ надежды на скорое возвращение наследника. Сибирский колорит, представленный автором в описании ряда эпизодов таежной природы, усиливает значение пространства в сознании повествователя и героя, возводя его в высшую ценность — Абсолют. В философии творчества Тарковского маркирована знаковость природы: это «самый простой язык, на котором небо разговаривает с людьми» [Тарковский, 2014, с. 83]. Искренний диалог между человеком и природой — вот что рождает проза М. Тарковского. Направляя своих персонажей в пределы первородной тайги, которой они беззаветно служат, автор словно сподвигает их на исповедальный, молитвенный разговор с мирозданием. Иваныч, опасаясь собственных дурных мыслей (быть искушенным и обольщенным женской телесностью и красотой), признается себе, что именно в тайге, наедине с самим собой, «обязан только этой минутой отчаяния, единственным достоинством которой было сознание того, что никто никогда не узнает, о чем он думал» [Тарковский, 2014, с. 178]. В этом смысле знаковыми оказываются финальные фрагменты художественного повествования, где читатель как свидетель приобщается к размышлениям-истинам повествователя: о смысле жизни и смерти («Каждому свое», «Вековечно»), о бесконечной любви к природе («Охота», «Осень»), о благодарности судьбе («Замороженное время»), о ценности труда («Фундамент», «Стройка бани»), о глубине и противоречии человеческой натуры («Дед»,) о любви и семейных ценностях («Таня», «Осень», «Замороженное время», «Ложка супа»).

Тайга наделяется приметами идиллического топоса, где герой находит гармонию с собой и природным миром. А. Митрофанова замечает: «Мир, который создает Михаил Тарковский, — мир идиллический. Его главные составляющие: особенный хронотоп, признание природы как великого хозяина и родного дома, незыблемая крепость человеческих отношений, физический умелый труд, семейное тепло, свободное суще-

CC BY

ствование исполненного достоинства человека» [Митрофанова, 2009, с. 432—438]. Семейно-бытовая идиллия, выстроенная в прозе сибирского писателя, как отмечает исследовательница, совпадает с положениями об идиллическом хронотопе, сформулированными М. Бахтиным: «Идиллический хронотоп представляет пространство, прикрепленное к родному дому; в этом ограниченном мире проходит жизнь нескольких поколений, незаметная смена которых снимает переживание трагизма бытия, связанное с осознанием быстротекущего необратимого времени и непреодолимое для индивидуалистического сознания» [Бахтин, 2000, с. 158].

Хронотоп Енисея. Художественное воплощение образа сибирской реки — могучей, величественной, многоводной — в прозе М. Тарковского продолжает традиции В. Астафьева, который конструирует собственное предание об Енисее, наделяя его мифопоэтической семантикой, героическими мотивами, «эпическим» колоритом («Последний поклон», «Царь-рыба»).

Следуя «литературным» заветам предшественника, М. Тарковский обращается к выразительному и живописному образу сибирской реки, которая атрибутивно и функционально связана с мотивами *труда* («Охота», «Осень», «Стройка бани»), *новой жизни* («Ледоход»), *спасения* («Полёт совы»), *наставничества* («Тойота-креста»), *родства* («Ложка супа», «Енисей, отпусти»). Топос Енисея в поэтике современного сибирского писателя рассматривается как граница / переправа между городом и деревней («Петрович», «Вековечно», «Фундамент»,), связан с идеей преодоления власти пространства («Тойота-креста»). Жизнь на Енисее маркируется художником как «на краю студеного кратера» [Тарковский, 2014, с. 294]. Образ реки выписан и осмысляется автором не только в прямом значении, но и метафорически. Помимо водного пространства или географической границы, Енисей наделяется семантикой перехода в инобытие («Енисей, отпусти!», «Фундамент»). Одновременно река изображается автором как живое существо, с этим архетипом неизменно связывается идея родственной близости. Например, Енисей выступает как «старший брат» («Ложка супа»): « <…> тихо плескался Енисей у ног. Плескался, как близкое существо, как старший брат, с которого берут пример, по которому ровняют свою жизнь <…> у которого учатся <…> И Парень шел, потрагивая Енисей веревкой и зная, что связан с ним этой веревкой навсегда» [Тарковский, 2014, с. 237]. Избранных Енисей «берет на духовное иждивение» («Енисей, отпусти»), выбираясь из города, словно в рай, «постепенно забирает душу» исполняющих праведно завет и сохраняющих отцовское наследие. В романе «Тойота-Креста» — этапном произведении писателя — этот мотив усиливается: сибирской реке принадлежит роль

CC BY

батюшки-исповедника, к которому приходят причаститься, отвести душу. Функционально река играет значительную роль в формировании пейзажа («Осень», «Туристы»), трансформации образов героев — их становлении и взрослении («Васька», «Бабушкин спирт», «Ложка супа»).

3.2. Деревня и город, Сибирь vs. столица: к проблеме центра и периферии

В литературном творчестве М. Тарковского акцентируется внимание на важнейшей антиномии, присущей текстам «деревенской прозы» — *деревня / город*. Об основных концептах и поэтике этого литературного направления основательно размышляет К. Партэ — западная славистка, исследовательница русской традиционной прозы — в монографии «Русская деревенская проза: светлое прошлое» [Партэ, 2004].

В художественной прозе М. Тарковского противостояние городского и деревенского сохраняется, однако лишено глубинного трагизма, отличающего классическую традиционалистскую прозу — произведения В. Шукшина («Сельские жители»), В. Распутина («Последний срок», «Прощание Матёрой»), В. Астафьева («Последний поклон»). Городское пространство необходимо современному автору как некий «социокультурный негатив», в своих произведениях писатель разворачивает целый спектр антиурбанистических мотивов: город представлен как *обман*, *иллюзия*, *наваждение*, здесь герой испытывает тяжелые чувства (от страха до усталости, внутреннего опустошения, растерянности). В ряде произведений автора («Замороженное время», «Фундамент», «Петрович», «Енисей, отпусти!») город представлен Другим, иным, где герой должен самоутвердиться заново, познать себя.

Отъезд героев М. Тарковского в город, уход из деревни рассматривается как подготовка к «другой», «чужой» жизни (чаще окрашенной в атмосферу пошлости, стяжательства, шутовства), что для избранных персонажей мучительно, требует затем искупления. Такой акцент характерен для многих произведений писателя («Стройка бани», «Замороженное время», «Енисей, отпусти!», «Тойота-Креста», «Полёт совы»), однако в романе «Тойота-Креста» образ города усложняется, предпринимаются попытки «приятия» цивилизационного пространства через традиционные образы-проводники (образы православного храма, енисейской реки и дороги).

Мотив ухода / отъезда соотносится с проблемой личного выбора. Совершение жизненного выбора рассматривается М. Тарковским как этап взросления персонажа. В прозе писателя «другой» жизни ищут юные герои, жаждущие испытать себя, старики же остаются на своей земле, выступают «хранителями» традиций, «своего», деревенского мира. Отказ от патриархального быта или таёжного промысла воспринимается как неизменная черта кризисности. Город (или другое, по теории Ю. Лотмана, «не-

CC BY

пространство») меняет облик, быт персонажей, как правило, превращая их в скитальцев, искателей приключений, которых открывшиеся дали зачастую порабощают («Петрович», «Замороженное время»).

Мотив испытания городом — один из ведущих в прозе М. Тарковского. С ним тесно связан мотив судьбы героев. Одни персонажи не находят оснований для дальнейшего существования в пределах цивилизации, но и не возвращаются домой, что свидетельствует о разрыве с домом, традицией, родовой памятью и культурой («Стройка бани»). Другие «испытываются» цивилизацией, что усиливает чувство сопричастности отеческой земле («Петрович», «Енисей, отпусти!», «Замороженное время»). Город в произведениях писателя представляется не только как место «мнимой» самореализации или самоутверждения, но и как пространство, где у сильных, волевых героев появляется возможность заработать себе на хлеб, проверить себя, обрести новую профессию, опыт. Охотники нередко уезжают в город, чтобы продать пушнину, рыбу, обменять хозяйственно-бытовые инструменты, наконец, приобщиться к высокой культуре, стать частью истории. Надежность техники, которую везут из города, обеспечивает выживание в суровых условиях тайги, что подчеркивает необходимость диалога между мирами, потребность их взаимообогащения, о чем свидетельствовал В. Шукшин.

Конфликт центра и периферии намечен в рассказе «С высоты». В истории писательской судьбы Игната Кузнецова показано, как Москва забирает книги, испытывает славой, порабощает человеческую душу; Сибирь же, напротив, призывает героя вернуться, чтобы «копить опыт души», наживать мудрость.

В романе «Тойота-креста» Москва как прозападная территория противостоит остальному «восточному» миру — Сибири и Дальнему Востоку. Указанная антиномия на сюжетно-образном уровне повествования отражена во второй части произведения, когда Евгений Барковец, главный герой романа, приезжает в Москву. Столица оказывается чужда герою: «везде царила затрапезная ничейность мировой провинции» [Тарковский, 2016, с. 86]. Европейский город рисуется как «стальной», «гранитный», «стеклянный». Москва-река в сознании героя представлена «заплутавшей», «в полуталом перепутье». Женя не принимает столицу: «...тревожно, остро и зияюще пусто было на душе от неподъемности этого города» [Тарковский, 2016, с. 86]. Встреча с московским храмом меняет отношение героя к столице, что заметно выражается на идейном уровне: «Это был родной и старший брат енисейского монастыря» [Тарковский, 2016, с. 164]. Здесь, у монастыря, московская земля заговорила «понятным языком». Писатель неслучайно вводит данный художественный образ: монастырь — про-

CC BY

странство духовного единения. Примечательно и то, что обращен храм лицом к востоку, словно ведет диалог с енисейским храмом. Ситуация ссоры и последующий сюжет расставания с возлюбленной сопровождается описанием опустевшей, одинокой Москвы, будто лишившейся сокровенного. Барковец оставляет любимую, продает «кресту», отправляется в обратный путь — в Сибирь.

Автор усиливает поэтику раздвоенности, показывает судьбу Евгения на перепутье: он «лежал меж ними пластом, и вставали горы по правую руку, и лежала по левую равнина с болотняками» [Тарковский, 2016, с. 122]. Символически эта сцена отсылает к евангельским мотивам: фигура героя словно соотносится с образом распятого Христа, по правую сторону которого находился праведный мир, по левую — грешный. Возвращение героя в Сибирь (на границу между западом и востоком) воплотит авторскую идею о том, что Россия осталась на распутье, однако писатель проводит мысль о духовном единении народа. Так вводится тема сохранения исторического предназначения сибирской земли — воссоединения русского народа. Как России суждено соединить в мировом сообществе Запад и Восток, так и Сибири (внутри самой России) принадлежит скрепить Москву с остальным русским миром. Сюжет возвращения трех братьев на Родину подчеркивает авторскую интенцию — призыва русского народа к объединению. Мотив отчего дома выражается сыновним почтением и преданной любовью. Главный герой обретает дом-Сибирь, выступающий аналогом Руси-хранительницы.

3.3. Образ литературного героя

Уже в ранней прозе писателя намечен принципиально новый для традиционалистской прозы тип героя, который совершает «обратный» путь — из города в сибирскую деревню или тайгу, что контрастирует с жизнеустроительными моделями молодых персонажей «деревенской прозы» («Характеры» В. Шукшина; «Людочка» В. Астафьева; «Последний срок», «Прощание с Матёрой» В. Распутина), покинувших деревенскую обитель и отправившихся в город в поисках собственного удела.

Сюжетное перемещение персонажей из одного художественного пространства в другое обусловливает типологию героев (патриархальный тип, маргинал, интеллигент), каждый из который находит жизненное предназначение в городе, деревне или тайге. Изменение художественного пространства и трансформация героя в прозе М. Тарковского формируют логику его художественной прозы, продиктованную, в свою очередь, биографическим опытом писателя. Согласимся с утверждением Н. Ковтун, верно подметившей, что город и деревня «описываются без экзальтации», комфортность городского бытия «не вызывает чувства вины перед наро-

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(3), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

дом, свойственного русской интеллигенции»; деревня «не утопизируется и не оплакивается» жителями [Ковтун, 2017, с. 43]. Тайга становится тем идиллическим пространством, где совершается посвящение героя-интеллектуала в тайны бытия и природы.

Хранитель традиции. Выразителями авторской идеологии в художественной картине мира М. Тарковского являются герои патриархального сознания, оставленные судьбой на перепутье истории, но не утратившие в себе естественность, простоту, мудрость в понимании и приятии жизни. В литературных сюжетах писателя встречается природный пахарь («Енисей, отпусти», «Стройка бани»), герой-праведник («Бабушкин спирт», «Ложка супа»), наставник («Васька», «Вековечно»). В повести «Стройка бани» образ Иваныча — опытного, закоренелого мужика — маркируется канонически, подсвечен приметами богатыря: «... крепкий, как кряж, большегубый, курносый, с твердым нависающим чубом, с мясистым, как бы надвое, рассеченным лицом <…> рядом лежала такая же крепкая и мясистая его рука, темная и тяжелая загорелая кисть, даже в расслабленном состоянии стянутая мышцами и мозолями и похожая на клешню, все будто продолжающую сжимать рукоятку молотка или топорище» [Тарковский, 2014, с. 140]. Посвятивший жизнь беззаветному служению земле и дому, старик обретает великое знание в собственном ремесле. Автор весьма предусмотрителен в описании художественных сцен возведения бани, для него достаточно важно, как старик тешет бревна, кладет венцы, заливает фундамент, лихо управляясь с рабочими инструментами. Первостепенным для Иваныча оказывается исполнить завет, передать мастеровой опыт, учение по наследству единственному сыну, который не думает возвращаться обратно в деревню. Повесть пронизана ностальгическими мотивами; в пределах литературного повествования утверждается образ героя, олицетворяющего патриархальную Русь.

Маргинальный герой. Кризис национальной идентичности, мотив расшатывания дома / деревни, намеченные в уже в ведущих текстах «деревенской прозы», обозначат в поэтике М. Тарковского героя-маргинала: алкоголиков («Бабушкин спирт», «Ложка супа»), чудика («Дед», «Вековечно»), странника («Петрович»), юродивого («Фундамент»). Герои, утратив опору в пространстве, ищут тайну в иных измерениях: в изменчивости времени, стремлении к вечности. Зачастую фигуры персонажей очерчены условно, схематически: они лишены приемлемых жизненных ориентиров, брошены на произвол судьбы; утрачена их связь с прежними поколениями. Вослед предшественникам — В. Распутину, В. Астафьеву, Б. Екимову — писатель показывает, что в ситуации расшатавшегося и гибнущего Дома *путь* вполне оправданно «становится общей судьбой

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(3), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

человечества» (Н. В. Ковтун). Контекстуально наглядна судьба бездомного Ваньки («Фундамент») — бродяги, «невнятно торчащего» в пьяной компании, которого интеллигент Федор берет с собой возводить фундамент дома. Образ попутчика динамичен: от Иванушки-дурачка, шатуна, изгоя он преображается, метафорически воссоздается фигура юродивого: «... он напоминал слепого лирника или гусляра, пришедшего из бездонной старины опеть-оплакать нашу глупую пору» [Тарковский, 2014, с. 116]. Возведение дома — души Мира / Вселенной — как инициация свидетельствует о духовной трансформации героя, который, несмотря на свое бедствующее положение, отказывается от денег за выполненную физическую работу.

Однако необходимо отметить, что положение пограничных персонажей в художественном мире М. Тарковского менее драматично, чем в произведениях «деревенской прозы». В авторской прозе герои находят собственное спасение в игре («Дед»), в труде («Бабушкин спирт»), в единении с природой («Ложка супа»), в помощи окружающим («Фундамент»), наконец, в странствиях («Петрович»), когда открывается перспектива самопознания.

Биография охотника / промысловика — сокровенного героя прозы Тарковского — начинается в Бахте — таежном поселении на севере Красноярского края. В сознании художника деревня рисуется особенным пространством, где время циклично, человек еще верен традиции и оценивается исключительно по труду. Мотив обетованности тайги подчеркивается уже в ранних рассказах писателя («Васька», «Вековечно», «Лес»), в зрелых повестях («Енисей, отпусти», «Шыштындыр») природа наделяется утопическими чертами. Тайга как сакральное пространство отделена от прочих земель — вход туда осуществляется для избранных. Облик охотника символически наделен чертами, изначально присущими и патриархальному типу, он тесно связан с образом пахаря. Герой, выполняя крестьянскую работу, совмещает ее с основным родом деятельности — ловит рыбу, увлекается охотой, занимается обустройством таёжного пространства, овладевает орудиями труда (баргуза, гагарка, кулёмка, пазовка, печурка, пялка, тозовка), в общении применяет профессиональную, диалектную лексику (*быгать, обрезать, осеновать, оснять соболя* и др.).

В более поздних произведениях заметно усиливается роль и значение автобиографического героя — героя-интеллектуала, непосредственно выражающего авторское «Я» в лице рассказчика / повествователя. С этой фигурой связана *идея единения* важнейших сибирских пространств — тайги, города и деревни, в каждом из которых персонаж ищет жизненное предназначение, открывая себя для писательского творчества

CC BY

(«Охота»), любви и дружбы («Таня»), взаимопомощи и поддержки («Ледоход», «Фундамент»), интересных знакомств («Туристы»). Становление культурного героя обусловлено биографическим опытом писателя, покинувшего цивилизацию во имя уединенной жизни в сибирской тайге, что в целом и отразилось на идеологии авторской картины мира М. Тарковского. Писательство и охота становятся главным делом жизни и автора и его героев: труд сакрализован, и обращение к книге в пределах тайги считается ненужным, избыточным [Степанова, 2017]. В рассказе «Осень» наблюдаем: рассказчик во время путешествия по реке лишается любимых книг, уложенных им вместе с пульками и батарейками в огромный сундук — герой осознает, что они «просто оказались лишними» на лодке [Тарковский, 2014, с. 80]. Так восстанавливается гармония в русской национальной культурной модели — герой из столичного общества, русский интеллигент с неуспокоенной душой, в труде интеллектуальном и физическом объединяется с русскими мужиками-охотниками в пространстве Сибири, тайги.

4. Заключение = Conclusions

Итак, изучение сибирского текста — одно из знаковых направлений современного отечественного литературоведения. В академической традиции, как мы пытались показать, обнаружена трансформация исследовательских взглядов и подходов в понимании данного феномена: от восприятия Сибири как лиминального / инфернального пространства, топоса инициации к осознанию её как «благословенной земли» в ряде художественных текстов второй половины XX — рубежа XXI веков.

Поэтика М. Тарковского в контексте изучения сибирского текста — достаточно любопытное и заметное явление в современной литературной традиции, продиктованное жизненным опытом писателя, его переездом из столицы в Сибирь.

Сюжетное перемещение героев в его творчестве организует несколько жизнестроительных моделей. Писатель, апеллируя к традициям «деревенской прозы», воссоздает идиллическую модель мироздания, воплоенную главным образом в хронотопе сибирской тайги, которая явлена «счастливым пространством» (Г. Башляр) и представлена многогранно: и как пространство труда, и как место исповедания, и как пределы, в которых возможна инициация. Колоритность повествованию придает хронотоп Енисея, наделенный мифопоэтической семантикой. Примечательно атрибутивное и функциональное наполнение отмеченного образа: от границы / переправы до значения сибирской реки как брата, наставника, «души Универсума».

Нами проанализирован образ литературного героя в прозе писателя. Отправление литературного героя к пределам Сибири, в тайгу — к «чи-

CC BY

стым» и «неизведанным землям» (К. Чистов) — обусловлено внутренним порывом, желанием вновь обратиться к земле, соприкоснуться с почвой, живой водой — открыть основы существования. Герои М. Тарковского постоянно находятся в пути. Дорога для них — особое пространство; повествователь словно замирает на перекрестке, дорога становится устойчивым топосом («будто на века»).

Установлено, что в ранних текстах М. Тарковского представлен патриархальный тип и герой-охотник, в зрелых текстах писатель обращается к «пограничным» персонажам, в более поздних усиливается роль фигуры интеллектуала как отражения *ego* самого автора. Наделенные даром смирения, прозрения и добродетели, готовые к испытаниям, они свидетельствуют об исторических переменах и потрясениях, преодоление которых, видимо, и станет задачей нового культурного героя, способного ответить на вызов истории.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Гребенщиков Г. Д.* Моя Сибирь / Г. Д. Гребенщиков. — Барнаул : Издательство АлтГУ, 2002. — 214 с. — ISBN 5-7904-0218-6.

2. ЛЭТП — *Литературная* энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А. Н. Николюкина. — Москва : НПК «Интелвак», 2001. — 1600 с. — ISBN 5-93264-026-X.

3. ЛЭС — *Литературный* энциклопедический словарь / Под общ. ред. В. М. Кожевникова и П. А. Николаева. — Москва : Советская энциклопедия, 1987. — 751 с.

4. *Распутин В. Г.* Собрание сочинений : в 3 т. / В. Г. Распутин. — Москва : Молодая гвардия : Вече-АСТ, 1994. — Т. 3. — 493 с. — ISBN 5-235-02227-0.

5. *Тарковский М. А*. Замороженное время / М. А. Тарковский. — Новосибирск : Историческое наследие Сибири, 2009. — 416 с. — ISBN 5-8402-0227-4.

6. *Тарковский М. А*. Избранное / М. А. Тарковский. — Новосибирск : Историческое наследие Сибири, 2014. — 496 с. — ISBN 5-8402-0336-3.

7. *Тарковский М. А*. Тойота-Креста / М. А. Тарковский. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 416 с. — ISBN 5-8402-0336-3.

Литература

1. *Алтайский* текст в русской культуре : сборник статей / Под ред. М. П. Гребневой. — Барнаул : Издательство Алтайского университета, 2015. — Выпуск 6. — 444 с. — ISBN 978-5-7904-2020-7.

2. *Анисимов К. В*. Парадигматика и синтагматика сибирского текста русской литературы / К. В. Анисимов // Сибирский текст в русской культуре : сборник статей; Под ред. А. П. Казаркина, Н. В. Серебренникова. — Томск : ТГУ : Томский МИОН, 2007. — Выпуск 2. — С. 60—76. — ISBN 978-5-7511-1795-5.

3. *Анисимов К. В*. Проблемы поэтики Сибири XIX — начала XX века : особенности становления и развития региональной литературной традиции : диссертация … доктора филологических наук : 10.01.01 / К. В. Анисимов. — Томск, 2005. — 344 с.

CC BY

4. *Анисимов К. В*. Два века две грани сибирского текста : областники vs. «деревенщики» / К. В. Анисимов, А. И. Разувалова // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2014. — № 1 (27). — С. 75—101.

5. *Бахтин М. М*. Эпос и роман / М. М. Бахтин. — Санкт-Петербург : Азбука, 2000. — 305 с. — ISBN 5-267-00273-9.

6. *Богумил Т. А*. Региональная литература : Сибирь, Алтай, Барнаул / Т. А. Богумил. — Барнаул : АлтГПУ, 2017. — 69 с. — ISBN 978-5-88210-868-6.

7. *Брюханова Ю. М*. Сибирь : попытка современной рефлексии / Ю. М. Брюханова // Литература Сибири : рефлексия и саморефлексия : Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Иркутск, 24—25 октября 2024 года. — Иркутск : Иркутский государственный университет, 2025. — С. 9—15. — ISBN 978-5-9624-2358-6.

8. *Вальянов Н. А*. Поэтика М. А. Тарковского : проблема хронотопа и образ героя : монография / Н. А. Вальянов. — Москва : Флинта, 2020. — 224 с. — ISBN 978-5-00102-363-3.

9. *Габдуллина В. И*. «Сибирский текст» Достоевского : образ провинции / В. И. Габдуллина // Культура и текст. — 2016. — № 3. — С. 93—106.

10. *Габдуллина В. И*. Мотив «возрождение Сибирью» в эпистолярном, художественном и публицистическом дискурсе Достоевского / В. И. Габдуллина // Алтайский текст в русской культуре : сборник статей; под ред. М. П. Гребневой. — Барнаул : Издательство Алтайского университета, 2015. — С. 86—98. — ISBN 978-5-7904-2020-7.

11. *Геопоэтика* писателей Сибири и Алтая : сборник научных статей / Отв. ред. А. И. Куляпин. — Барнаул : АлтГПУ, 2016. — 168 с. — ISBN 978-5-88210-836-5.

12. *Горбенко А. Ю*. «Особый путь» литературы Сибири? (опыт реконструкции историософских и литературно-критических источников сибирского областничества) / А. Ю. Горбенко // Сибирский филологический журнал. — 2023. — № 2. — С. 98—111. — DOI: 10.17223/18137083/83/8.

13. *Замятин Д. Н*. Метагеография : пространство образов и образы пространства / Д. Н. Замятин. — Москва : Аграф, 2004. — 512 с. — ISBN 5-7784-0237-6.

14. *Ковтун Н. В*. «Деревенская проза» в зеркале утопии : монография / Н. В. Ковтун. — Новосибирск : Из-во СО РАН, 2009. — 494 с. — ISBN 978-5-7692-1013-6.

15. *Ковтун Н. В.* Малая проза М. Тарковского в контексте «нового реализма» / Н. В. Ковтун // Гуманитарный вектор. — 2019. — Выпуск 14. — № 5. — С. 39—50. — DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-5-39-50.

16. *Ковтун Н. В*. Русская традиционалистская проза XX—XXI веков : генезис, мифопоэтика, контексты / Н. В. Ковтун. — Москва : Флинта : Наука, 2017. — 595 с. — ISBN 978-5-9765-3330-1.

17. *Ковтун Н. В*. «Сибирский текст» в прозе второй половины XX века (на материале романа С. Залыгина «Комиссия») / Н. В. Ковтун // Литература Урала : история и современность. — 2008. — Выпуск 4. — С. 102—111.

18. *Комаров С. А*. Литература Сибири : миссия, этничность, аксиология : монография / С. А. Комаров, О. К. Лагунова. — Тюмень : Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2016. — 197 с. — ISBN 978-5-400-01156-6.

19. *Лотман Ю. М*. Сюжетное пространство русского романа XIX столетия / Ю. М. Лотман // В школе поэтического слова : Пушкин. Лермонтов. Гоголь. — Москва : Просвещение, 1988. — С. 325—348. — ISBN 5-09-000544-3.

20. *Макарова Е. А*. Сибирь Чехова и Сибирь о Чехове : к проблеме диалога русско-европейского и регионального сознания / Е. А. Макарова // Чехов и время. Серия

«Русская классика : исследования и материалы» / Под ред. Е. Г. Новиковой. — Томск : Издательство Томского университета, 2011. — С. 261—279. — 978-5-7511-2042-9.

21. *Маркина П. В.* Мифопоэтические образы и мотивы в книге Г. Д. Гребенщикова «Моя Сибирь» / П. В. Маркина // Геопоэтика писателей Сибири и Алтая : сборник научных статей. — Барнаул : Алтайский государственный педагогический университет, 2016. — С. 96—102. — ISBN 978-5-88210-836-5.

22. *Митрофанова А. А.* Идиллия Михаила Тарковского / А. А. Митрофанова // Современность в зеркале рефлексии : язык — культура — образование. — Иркутск : Иркутский государственный университет, 2009. — С. 432—438. — ISBN 978-5-9624-0330-4.

23. *Партэ К.* Русская деревенская проза : светлое прошлое / К. Партэ ; пер. И. М. Чеканниковой и Е. С. Кирилловой. — Томск : Издательство Томского университета, 2004. — 204 с. — ISBN 5-7511-1851-0.

24. *Плеханова И. И.* Александр Вампилов и Валентин Распутин : диалог художественных систем : монография / И. И. Плеханова. — Иркутск : Изд-во ИГУ, 2016. — 329 с. — ISBN 978-5-9624-1344-0.

25. *Разувалова А. И.* «Сибирский текст» в прозе В. П. Астафьева (к постановке проблемы) / А. И. Разувалова // Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве : коллективная монография / Отв. ред. К. В. Анисимов. — Москва : ФЛИНТА, 2014. — С. 191—212. — ISBN 978-5-7638-1923-6.

26. *Разувалова А. И.* Писатели-«деревенщики» : литература и консервативная идеология 1970-х годов. — Москва : Новое литературное обозрение, 2015. — 616 с. — ISBN 978-5-4448-0285-4.

27. *Рыбальченко Т. Л.* Мифологемы образа Сибири в русской прозе второй половины XX века / Т. Л. Рыбальченко // Сибирь : Взгляд извне и изнутри. Духовное измерение пространства. — Иркутск : Иркутский МИОН, 2004. — С. 291—303. — ISBN 5-7430-0793-4.

28. *Сибирский* текст в национальном сюжетном пространстве : монография / отв. ред. К. В. Анисимов. — Красноярск : СФУ, 2010. — 236 с. — ISBN 978-5-7638-1923-6.

29. *Степанова В. А.* Хронотоп прозы М. Тарковского : переосмысление традиционализма / В. А. Степанова // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. — 2017. — № 1 (39). — С. 216—222.

30. *Топоров В. Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. Избранное / В. Н. Топоров. — Москва : Издательская группа «Прогресс» — «Культура», 1995. — С. 259—367. — ISBN 5-01-003942-7.

31. *Тюпа В. И.* Мифологема Сибири : к вопросу о сибирском тексте русской литературы / В. И. Тюпа // Сибирский филологический журнал. — 2002. — № 1. — С. 27—35.

32. *Тюпа В. И.* Сибирский интертекст русской литературы / В. И. Тюпа // Анализ художественного текста. — Москва : Academia, 2006. — С. 254—264. — ISBN 5-7695-2466-9.

33. *Тюпа В. И.* Мифопоэтика сопряжения художника и жизни / В. И. Тюпа // Новый филологический вестник. — 2011. — № 3 (18) — С. 122—137.

34. *Цветова Н. С.* Традиционная проза второй половины XX : сюжеты, герои, поэтика / Н. С. Цветова. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2007. — 102 с. — ISBN 943-5-5684-5531-1.

35. *Цветова Н. С.* Русская традиционная проза второй половины XX века как историко-литературный феномен / Н. С. Цветова // Вестник ВГУ. Серия : Филология. Журналистика. — 2018. — № 2. — С. 66—71.

36. *Янушкевич А. С.* Сибирский текст : взгляд извне и изнутри / А. С. Янушкевич // Сибирь : взгляд извне и изнутри. Духовное измерение пространства. — Иркутск : Иркутский МИОН, 2004. — С. 227—235. — ISBN 5-7430-0793-4.

Статья поступила в редакцию 30.09.2025,
одобрена после рецензирования 05.02.2026,
подготовлена к публикации 06.04.2026.

Material resources

Grebenshchikov, G. D. (2002). *My Siberia.* Barnaul: AltGU Publishing House. 214 p. ISBN 5-7904-0218-6. (In Russ.).

LES — Kozhevnikov, V. M., Nikolaev, P. A. (eds.). (1987). *Literary encyclopedic dictionary.* Moscow: Soviet Encyclopedia. 751 p. (In Russ.).

LETP — Nikolyukin, A. N. (ed.). (2001). *Literary Encyclopedia of terms and concepts.* Moscow: NPK Intelvak. 1600 p. ISBN 5-93264-026-X. (In Russ.).

Rasputin, V. G. (1994). *Collected works: in 3 volumes, 3.* Moscow: Molodaya Gvardiya: Veche-AST. 493 p. ISBN 5-235-02227-0. (In Russ.).

Tarkovsky, M. A. (2009). *Frozen time.* Novosibirsk: Historical Heritage of Siberia. 416 p. ISBN 5-8402-0227-4. (In Russ.).

Tarkovsky, M. A. (2014). *Favorites.* Novosibirsk: Historical Heritage of Siberia. 496 p. ISBN 5-8402-0336-3. (In Russ.).

Tarkovsky, M. A. (2016). *Toyota Kresta.* Moscow: Publishing House “E”. 416 p. ISBN 5-8402-0336-3. (In Russ.).

References

Anisimov, K. V. (2005). *Problems of poetics of Siberia of the XIX — early XX century: features of the formation and development of the regional literary tradition.* Doct. Diss. Tomsk. 344 p. (In Russ.).

Anisimov, K. V. (2007). Paradigmatics and syntagmatics of the Siberian text of Russian literature. In: *Siberian text in Russian Culture: a collection of articles, 2.* Tomsk: TSU: Tomsk MION. 60—76. ISBN 978-5-7511-1795-5. (In Russ.).

Anisimov, K. V. (ed.). (2010). *The Siberian text in the national plot space: a monograph.* Krasnoyarsk: SFU. 236 p. ISBN 978-5-7638-1923-6. (In Russ.).

Anisimov, K. V., Razuvalova, A. I. (2014). Two centuries, two facets of the Siberian text: oblasts vs. “The hillbillies”. *Bulletin of Tomsk State University. Philology, 1 (27):* 75—101. (In Russ.).

Bakhtin, M. M. (2000). *Epic and novel.* St. Petersburg: ABC. 305 p. ISBN 5-267-00273-9. (In Russ.).

Bogumil, T. A. (2017). *Regional literature: Siberia, Altai, Barnaul.* Barnaul: AltGPU. 69 p. ISBN 978-5-88210-868-6. (In Russ.).

Bryukhanova, Yu. M. (2025). Siberia: an attempt at modern reflection. In: *Literature of Siberia: reflection and self-reflection: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Irkutsk, October 24—25, 2024.* Irkutsk: Irkutsk State University. 9—15. ISBN 978-5-9624-2358-6. (In Russ.).

Gabdullina, V. I. (2015). The motif “Rebirth by Siberia” in Dostoevsky’s epistolary, artistic and journalistic discourse. In: *Altai text in Russian culture: a collection of articles.* Barnaul: Altai University Press. 86—98. ISBN 978-5-7904-2020-7. (In Russ.).

Gabdullina, V. I. (2016). Dostoevsky's "Siberian Text": the image of a province. *Culture and Text, 3:* 93—106. (In Russ.).

Gorbenko, A. Y. (2012). "A special way" of Siberian literature? (experience of reconstruction of historiosophical and literary-critical sources of the Siberian regionalism). *Siberian Philological Journal, 2:* 98—111. DOI: 10.17223/18137083/83/8. (In Russ.).

Grebneva, M. P. (ed.). (2015). *The Altai text in Russian culture: a collection of articles, 6.* Barnaul: Altai University Press. 444 p. ISBN 978-5-7904-2020-7. (In Russ.).

Komarov, S. A., Lagunova, O. K. (2016). *Literature of Siberia: mission, ethnicity, axiology: a monograph.* Tyumen: Publishing House of Tyumen State University. 197 p. ISBN 978-5-400-01156-6. (In Russ.).

Kovtun, N. V. (2008). "The Siberian text" in prose of the second half of the 20th century (based on S. Zalygin's novel "The Commission"). *Literature of the Urals: History and Modernity, 4:* 102—111. (In Russ.).

Kovtun, N. V. (2009). *"Village prose" in the mirror of utopia: a monograph.* Novosibirsk: Publishing House of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 494 p. ISBN 978-5-7692-1013-6. (In Russ.).

Kovtun, N. V. (2017). *Russian traditionalist prose of the XX—XXI centuries: genesis, mythopoetics, contexts.* Moscow: Flint: Nauka. 595 p. ISBN 978-5-9765-3330-1. (In Russ.).

Kovtun, N. V. (2019). The small prose of M. Tarkovsky in the context of "new realism". *Humanitarian vector, 14 (5):* 39—50. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-5-39-50. (In Russ.).

Kulyapin, A. I. (ed.). (2016). *Geopoetics of writers of Siberia and Altai: a collection of scientific articles.* Barnaul: AltGPU. 168 p. ISBN 978-5-88210-836-5. (In Russ.).

Lotman, Yu. M. (1988). The plot space of the Russian novel of the XIX century. In: *At the school of the poetic word: Pushkin. Lermontov. Gogol.* Moscow: Prosveshchenie Publ. 325—348. ISBN 5-09-000544-3. (In Russ.).

Makarova, E. A. (2011). Chekhov's Siberia and Siberia about Chekhov: towards the problem of dialogue between Russian-European and regional consciousness. In: *Chekhov and Time. The series "Russian Classics: research and materials".* Tomsk: Tomsk University Press. 261—279. - 978-5-7511-2042-9. (In Russ.).

Markina, P. V. (2016). Mythopoetic images and motifs in G. D. Grebenshchikov's book "My Siberia". In: *Geopoetics of writers of Siberia and Altai: a collection of scientific articles.* Barnaul: Altai State Pedagogical University. 96—102. ISBN 978-5-88210-836-5. (In Russ.).

Mitrofanova, A. A. (2009). The Idyll of Mikhail Tarkovsky. In: *Modernity in the mirror of reflection: language — culture — education.* Irkutsk: Irkutsk State University. 432—438. ISBN 978-5-9624-0330-4. (In Russ.).

Parte, K. (2004). *Russian village prose: a bright past.* Tomsk: Tomsk University Press. 204 p. ISBN 5-7511-1851-0. (In Russ.).

Plekhanova, I. I. (2016). *Alexander Vampilov and Valentin Rasputin: a dialogue of artistic systems: a monograph.* Irkutsk: IGU Publishing House. 329 p. ISBN 978-5-9624-1344-0. (In Russ.).

Razuvalova, A. I. (2014). "The Siberian text" in the prose of V. P. Astafiev (towards the formulation of the problem). In: *The Siberian text in the national plot space: a collective monograph.* Moscow: FLINTA. 191—212. ISBN 978-5-7638-1923-6. (In Russ.).

Razuvalova, A. I. (2015). *Writers-"hillbillies": literature and conservative ideology of the 1970s.* Moscow: New Literary Review. 616 p. ISBN 978-5-4448-0285-4. (In Russ.).

Rybalchenko, T. L. (2004). Mythologemes of the image of Siberia in Russian prose of the second half of the 20th century. In: *Siberia: A view from the outside and from the inside. The spiritual dimension of space.* Irkutsk: Irkutsk MION. 291—303. ISBN 5-7430-0793-4. (In Russ.).

Stepanova, V. A. (2017). Chronotope of M. Tarkovsky's prose: rethinking traditionalism. *Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafiev, 1 (39):* 216—222. (In Russ.).

Toporov, V. N. (1995). *Myth. The ritual. Symbol. Image. Research in the field of the mythopoeic. Favorites.* Moscow: Progress Publishing Group — Kultura. 259—367. ISBN 5-01-003942-7. (In Russ.).

Tsvetova, N. S. (2007). *Traditional prose of the second half of the twentieth century: plots, heroes, poetics.* Saint Petersburg: Saint Petersburg State University. 102 p. ISBN 943-5-5684-5531-1. (In Russ.).

Tsvetova, N. S. (2018). Russian traditional prose of the second half of the 20th century as a historical and literary phenomenon. *Bulletin of the VSU. Series: Philology. Journalism, 2:* 66—71. (In Russ.).

Tyupa, V. I. (2002). The mythologeme of Siberia: on the question of the Siberian text of Russian literature. *Siberian Philological Journal, 1:* 27—35. (In Russ.).

Tyupa, V. I. (2006). The Siberian intertext of Russian literature. In: *Analysis of literary text.* Moscow: Academia. 254—264. ISBN 5-7695-2466-9. (In Russ.).

Tyupa, V. I. (2011). Mythopoetics of the conjugation of the artist and life. *New Philological Bulletin, 3 (18):* 122—137. (In Russ.).

Valyanov, N. A. (2020). *M. A. Tarkovsky's poetics: the problem of chronotope and the image of the hero: a monograph.* Moscow: Flinta. 224 p. ISBN 978-5-00102-363-3. (In Russ.).

Yanushkevich, A. S. (2004). Siberian text: a view from the outside and from the inside. In: *Siberia: a view from the outside and from the inside. The spiritual dimension of space.* Irkutsk: Irkutsk MION. 227—235. ISBN 5-7430-0793-4. (In Russ.).

Zamyatin, D. N. (2004). *Metageography: the space of images and images of space.* Moscow: Agraf. 512 p. ISBN 5-7784-0237-6. (In Russ.).

The article was submitted 30.09.2025;
approved after reviewing 05.02.2026;
accepted for publication 06.04.2026.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(3), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]
Check for updates

Информация для цитирования:

Ламзина А. В. Апокалипсический архетип стихотворений М. Волошина времен Октябрьской революции и Гражданской войны : рамочный текст и сюжетика / А. В. Ламзина // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 3. — С. 270—291. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-3-270-291.

Lamzina, A. V. (2026). Apocalyptic Archetypes in M. Voloshin's Poetry of October Revolution and Civil War: Frame Text and Plot Structure. *Nauchnyi dialog, 15* (3): 270-291. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-3-270-291. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus Q1 · DOAJ · ERIHPLUS · eLIBRARY.RU РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Апокалипсический архетип стихотворений М. Волошина времен Октябрьской революции и Гражданской войны: рамочный текст и сюжетика

Ламзина Анна Владиславовна
orcid.org/0000-0001-6464-9675
кандидат филологических наук,
департамент иностранных языков
alamzina@mail.ru

Московский физико-технический институт (научно-исследовательский университет)
(Долгопрудный, Россия)

Apocalyptic Archetypes in M. Voloshin's Poetry of October Revolution and Civil War: Frame Text and Plot Structure

Anna V. Lamzina
orcid.org/0000-0001-6464-9675
PhD in Philology,
Department of Foreign Languages
alamzina@mail.ru

Moscow Institute
of Physics and Technology
(National Research University)
(Dolgoprudny, Russia)

© Ламзина А. В., 2026

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(3), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена вопросам проявления библейской семантики и эсхатологической семиосферы в рамочном тексте лирики М. А. Волошина периода Гражданской войны. Источниками выступили стихотворения, включенные автором в сборник «Неопалимая Купина» в совокупности его различных редакций, созданных автором с 1917 по 1923 годы. Представлены результаты сопоставительного анализа вариантов стихотворений разных лет. Разработана типология рамочного текста в соответствии с основными смыслами библейской семантики, проявляемыми в раме и в тексте стихотворения. Подчеркивается, что отсылки к Библии, в частности Откровения, сопровождаются мотивами бесовщины и ада на Земле. Выявлено, что поэт рассматривает народное бедствие как наказание за грехи с возможностью искупления через страдания. Сделан вывод, что ветхозаветные и новозаветные цитаты и аллюзии, пронизывающие текстовые рамы отдельных стихотворений и циклов, выполняют апперцептивную и суггестивную функции, формируя у читателей смысловые параллели между библейскими пророчествами и современными реалиями. Доказано, что библейская образность и эсхатологические интуиции паратекстуальных компонентов позволили Волошину придать национальной катастрофе более глубокий духовно-символический смысл и внушить надежду на «пост-апокалиптическое» возрождение.

Ключевые слова:
Максимилиан Волошин; сборник *Неопалимая купина*; рамочный текст; символика заглавий и эпиграфов; библейские мотивы; апокалипсический нарратив; историософские параллели; новозаветные архетипы.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the manifestation of biblical semantics and the eschatological semiosphere within the frame text of M. A. Voloshin's lyrical works composed during the Russian Civil War. The primary sources are the poems included by the author in the collection "The Unburnt Bush" (Neopalimaya Kupina), considered in the aggregate of its various editions compiled between 1917 and 1923. The study presents the results of a comparative analysis of different versions of the poems across these years. A typology of frame text is developed in accordance with the principal meanings of biblical semantics as expressed both in the frame and in the poetic text itself. It is emphasized that references to the Bible, particularly to the Book of Revelation, are accompanied by motifs of demonic possession and hell on earth. The analysis reveals that the poet interprets national calamity as a punishment for sins, with the possibility of redemption through suffering. The article concludes that Old and New Testament quotations and allusions, which permeate the textual frames of individual poems and cycles, fulfill an apperceptive and suggestive function, establishing semantic parallels between biblical prophecy and contemporary reality for the reader. It is demonstrated that biblical imagery and eschatological intuitions embedded in paratextual components enabled Voloshin to infuse the national catastrophe with a deeper spiritual and symbolic meaning, while also instilling hope for a "post-apocalyptic" rebirth.

Key words:
Maximilian Voloshin; The Unburnt Bush; frame text; symbolism of titles and epigraphs; biblical motifs; apocalyptic narrative; historiosophical parallels; New Testament archetypes.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(3), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 821.161.1Волошин.07
DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-3-270-291

Научная специальность ВАК
5.9.1. Русская литература и литературы
народов Российской Федерации

Апокалипсический архетип стихотворений М. Волошина времен Октябрьской революции и Гражданской войны: рамочный текст и сюжетика

© Ламзина А. В., 2026

1. Введение = Introduction

Максимилиан Волошин (1877—1932) — русский поэт, переживший и выразивший в своем творчестве те чувства, которые охватили его современников в связи с потрясениями начала XX века: Первой мировой войной, революцией 1917 года и последующей Гражданской войной. Лирика Волошина этих лет отмечена стремительным переосмыслением современной истории в религиозно-мифологическом ключе.

Актуальность исследования обусловлена не только все более повышающимся интересом к постреволюционному творчеству Волошина в отечественном литературоведении, но и тем, что рамочный текст Волошина как феномен — при всей его символической и интертекстуальной интенциальности — в настоящее время остается малоисследованным. Новизна исследования видится в том, что впервые проанализирован рамочный текст произведений Максимилиана Волошина в контексте не только отдельных стихотворений и циклов, но общей концепции сборника, как она виделась автору, который передавал свой замысел читателю через совокупность заглавий, эпиграфов и финальных авторских помет. Анализируются историософские и символические функции заглавий и эпиграфов, отсылающих к библейским архетипам и тем самым уподобляющих бытие России времен смуты библейским событиям.

Поэзия Волошина глубоко исследована в отношении отражения им образов Гражданской войны [Рубенкова, 2018] и связи их с апокалиптической тематикой [Смагина, 2019; Бурмистров, 2021; Сейранян, 2025; Юдахин, 2025а; Юдахин, 2025б]. Вопросы семантического комплекса Апокалипсиса в литературе начала XX столетия подробно проработаны в диссертации М. В. Яковлева [Яковлев, 2016], в исследовании В. В. Полонского [Polonsky, 2022] и других авторов. Особый интерес представляет анализ рамы текста как инструмента передачи скрытых смыслов. В этом

CC BY

отношении методологически полезными являются такие исследования, как [Хомяков, 2020; Королева, 2022; Ламзина, 2025], в которых освещается вопрос значимости авторских помет, заголовков, посвящений, эпиграфов и датировки стихотворений, в совокупности составляющих так называемый «рамочный текст», передающий коммуникативные интенции автора и его видение разделения текста.

2. Материалы и методы = Methods & Material

В контексте задач настоящего исследования рассмотрены стихотворения 1917—1923 годов, собранные М. А. Волошиным в сборник «Неопалимая Купина», в динамике развития цикла. Для творчества М. А. Волошина всегда была важна античная мифология (см. [Заяц, 2014; Пинаев, 2022; Колла, 2025; Рункова, 2025]), однако под влиянием невиданной национальной катастрофы он все более обращается к образам и повествованиям из Библии, стараясь вписать происходящие события в универсальный контекст священной истории [Смагина, 2019].

Современники отмечали профетический, пророческий тон его поэзии военных лет; сам Волошин искал в библейских пророчествах и откровениях слова и смыслы, соразмерные его личным переживаниям и широкому историческому контексту, что впоследствии нашло неожиданное отражение в народном культе М. А. Волошина [Громов, 2024].

Стихи этого периода, вошедшие в книгу «Неопалимая Купина. Стихи о войне и революции» (опубликована в 1924 году) и в поэму «Путями Каина» (1921), насыщены библейскими аллюзиями и прямыми цитатами, благодаря которым современность осмысляется через призму вечных религиозных категорий — греха и наказания, Апокалипсиса и Страшного суда, жертвы и искупления.

Цель настоящего исследования — выявить закономерности и специфику отражения библейской образности в «рамочном тексте» и сюжетике стихотворений и циклов М. Волошина, посвященных осмыслению судьбы России в эпоху великого перелома (1917—1923). Под *рамочным текстом* в данном случае понимаются заглавия, эпиграфы, посвящения и другие элементы, не входящие в основной текст стихотворений, которые тем не менее важны для глубокого понимания и интерпретации произведений [Ламзина, 2025].

В фокусе анализа настоящего исследования следующие аспекты: 1) символика заглавий и эпиграфов, отсылающих к библейским реалиям и тем самым создающих параллель между современностью и библейской историей; 2) представление революции и войны в категориях апокалиптических пророчеств (конца света, Страшного суда и др.); 3) образ Гражданской войны как подобия ада, земной преисподней; 4) мотив «бесовщи-

CC BY

ны» — вселенского наваждения злых сил, охвативших Россию; 5) трактовка народных бедствий как кары Божьей за прежние грехи, совмещенной с идеей очищения и искупления через страдание; 6) образ лирического героя Волошина как пророка и искупителя, готового принять страдание и своим жертвенным служением приближающего духовное возрождение Родины. Ниже эти аспекты рассматриваются последовательно с опорой на поэтические тексты Волошина указанного периода.

3. Результаты и обсуждение = Results and discussion

3.1. Библейские мотивы в заглавиях и эпиграфах волошинской лирики 1917—1923 годов

Первым уровнем, на котором библейская семантика заявляет о себе в поэзии Волошина времен революции и Гражданской войны, являются такие элементы рамочного текста, как заглавия и эпиграфы, которые в совокупности задают читателю определенный интерпретационный ракурс. Волошин насыщает заглавия своих стихов и циклов прямыми библейскими отсылками. Так, уже название сборника стихов о войне и революции — «Неопалимая Купина» — представляет собой библейский образ: несгораемый терновый куст, в котором Бог явился Моисею (Исх. 3:2). В религиозной традиции Неопалимая Купина символизирует горение и страдание без уничтожения. Не случайно Волошин избирает этот образ в качестве метафоры для России начала XX века, стремясь выразить идею о том, что пламя войны и революции испепеляет страну, но не уничтожает ее духовной сущности. В своих стихах этого цикла поэт прямо отождествляет родину с образом явившегося Моисею горящего и не сгорающего куста, через который Божья воля являет себя в историческом пламени. Таким образом, само заглавие книги формирует у читателя ассоциацию: Россия подобна неопалимому кусту — она охвачена огнем социальных катаклизмов, но через эти испытания может проявиться некая высшая судьба, возможно, даже богоявление. В. Д. Серафимова отмечает семантику библейского образа как знака связи времен — через упоминание в стихотворении других военных конфликтов, которые переживала Россия [Серафимова, 2006, с. 16], Барбара Уокер связывает эти мотивы с насущными вопросами выживания, несомненно, волновавшими всех культурных деятелей начала XX столетия и находившими свое отражение в поэзии [Уокер, 2022].

Большой интерес представляет динамика развития цикла в аспекте рамочного текста: «Неопалимая Купина» создавалась автором в различных редакциях, варьировался в том числе рамочный текст.

Так, первый раздел, в окончательной редакции озаглавленный «Война», в первой авторской версии назывался «Ангел Мщенья» и сопрово-

CC BY

ждался эпиграфом из «Жития протопопа Аввакума»: «Выпросил у Бога светлую Россию Сатана да очервленит ю кровью мученическою» [Волошин, 2003, с. 507]. Контекст «Жития» связывает события раскола между староверами и представителями новой веры с Апокалипсисом и Страшным судом, а использование этого высказывания в качестве компонента рамочного текста, в свою очередь, погружает события войны и революции в контекст Апокалипсиса и в целом библейских аллюзий [Аввакум, 1934, с. 63—157].

В раме текста «Неопалимой Купины» присутствует множество отсылок к библейскому тексту, которые при этом сконцентрированы в первой части цикла: после стихотворения «Родина», размещенного автором в середине раздела «Пути России», эпиграфы и авторские пометы не содержат отсылок к тексту Священного Писания.

Стихотворению «Усталость» предпослан эпиграф из книги Исайи «Трости надломленной не преломит / И льна дымящегося не угасит» [Волошин, 2003, с. 236]. Стихотворение «Демоны глухонемые» (1917) также снабжено эпиграфом из книги пророка Исайи: «Кто так слеп, как раб Мой? и глух, как вестник Мой, Мною посланный?» (Ис. 42:19) [Там же, с. 261]. Эти слова Господа, укоряющего слепоту и глухоту своего народа, выступают ключом к пониманию образов самого стихотворения: Волошин изображает некие слепые и глухие силы, действующие в разгар революционных событий. Благодаря эпиграфу читатель опознает в этих силах своего рода «рабов Божьих», не сознающих своей миссии, — то есть революционные массы и стихии бунта предстают, парадоксально, как исполнители высшего промысла, хотя сами они слепы к нему.

К стихотворению «Родина» Волошин также ставит эпиграф из книги Исайи: «Каждый побрел в свою сторону / и никто не спасет тебя», — сопроводив его пояснением: «Слова Исайи, открывшиеся в ночь на 1918 г.» [Там же, с. 263]. В примечаниях к этому эпиграфу указано: «Начиная с 1910, Волошин гадал в ночь под Новый год, — несколько раз открывая наугад книгу (обычно Библию) и записывая “выпавшие” слова в “творческой тетради”» [Там же, с. 527]. Таким образом, слова Исайи выпали в качестве предсказания на грядущий Новый год. При самом стихотворении стоит помета о дате создания «30 мая 1918 года», то есть Волошин акцентирует тот момент, что прошло уже почти полгода и предсказанное начинает сбываться.

Интересно, что далее, после «Родины», в «Неопалимой купине» практически не встречается отсылок к библейскому контексту в раме текста: происходящее во время Революции и Гражданской войны переосмысливается в контексте событий Смутного времени, Раскола и в дальнейшем

CC BY

автор переходит к описанию актуальной на тот момент картины мира — «личин» Гражданской войны («Красногвардеец», «Матрос», «Большевик», «Буржуй», «Спекулянт»). Сам автор позиционирует «Личины» как исторические заметки, которые призваны зафиксировать достоверные моменты периода революции: документы пропадут, а стихотворения останутся [Басина, 2016, с. 40].

Отсылка к библейскому контексту возобновляется в последнем разделе «Возношения», где присутствуют стихотворения «Видение Иезекииля», «Иуда Апостол», «Святой Франциск», «Хвала Богоматери», не снабженные эпиграфами, — отсылка к Библии присутствует именно в заглавиях и непосредственно в тексте стихотворений.

Стратагему рамочного текста в отношении библейского семантического комплекса, таким образом, можно описать как использование отсылки к Библии в «главном» заголовке — названии всего цикла, затем следует перекличка заголовков и рамы текста с пометами о месте и времени создания текста.

Тот же вариант стратегии озаглавливания и использования других элементов рамочного текста проявляется в созданном 1922—1923 годах цикле «Путями Каина» (который автор называл как циклом, так и поэмой [Волошин, 2004, с. 641]). При этом в цикл включены два более ранних стихотворения — «Левиафан» и «Суд» 1915 года. Рамочный текст цикла в беловой редакции чрезвычайно лаконичен: в него включены названия стихотворений и пометы о месте и времени их создания, и только у стихотворения «Левиафан», созданного в 1915 году, приведен эпиграф из одноименного труда Томаса Гоббса, понимавшего под «Левиафаном» уничтожающую человека силу государства. Также всему циклу предпослан подзаголовок «трагедия материальной культуры».

Цикл состоит из 15 стихотворений, название каждого из которых представляет собой существительное в именительном падеже: Мятеж, Огонь, Магия, Кулак, Меч, Порох, Пар, Машина, Бунтовщик, Война, Космос, Таноб, Государство, Левиафан, Суд. У ряда стихотворений при первой публикации было иное название (табл.).

Как видно из представленной выше таблицы, первоначальная коммуникативная интенция автора при публикации стихотворений предполагала использование большего количества библейских отсылок, чем вошло в окончательную редакцию. Так, в раме текста упоминался Аполлион (ангел смерти), присутствовали эпиграфы из текстов, входящих в Библию, а концепт «суда» представлялся через образ Страшного суда, что прочитывается в заголовке “Dies illa…”, отсылающем к контексту средневековой секвенции “Dies irae, dies illa”, описывающей реалии Страшного суда.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(3), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Таблица

Состав цикла «Путями Каина», М. Волошин (1922—1923)

Окончательное название	**Первоначальное название**
Мятеж	«Пролог» [Там же, с. 644]
Огонь	—
Магия	«Война и мир» [Там же, с. 645]
Кулак	—
Меч	—
Порох	—
Пар	—
Машина	—
Бунтовщик	«Пророк» [Там же, с. 650]
Война	«Аполлион» [Там же, с. 652] в редакции 1915 года
Космос	—
Таноб	—
Государство	В рукописной редакции имело подзаголовок: «Государство империалистического типа». Предполагались подзаголовки частей, такие, как «1. Культура. 2. Монополия крови. 3. Воспитание. 4. Фиск. 5. Парламентаризм. 6. Пресса. 7. Буржуазные революции» [Там же, с. 657]
Левиафан	В первом варианте публикации присутствовал также эпиграф из книги Иова: «Сердце его твердо, как камень, и жестко, как нижний жернов ... На все высокое он смотрит смело, Он царь надо всеми сынами гордости» [Там же]
Суд	“Dies illa tam amara” («День этот так горек») с эпиграфом «И отдала земля мертвых, бывших в ней» из Откровения Иоанна Богослова [Там же, с. 658]

Формирование цикла «Путями Каина» как совокупности стихотворений о гибели культуры и индустриализации привело к изменению коммуникативной стратегии прочтения текста: «Война» (ранее «Аполлион») встроена в контекст стихотворений «Мятеж», «Огонь», «Пар», а «Левиафан» при помощи замены элементов рамочного текста — от библейского эпиграфа к Томасу Гоббсу — прочитывается через образ государства, разрушающего личность и культуру. Общий подзаголовок цикла «гибель материальной культуры» указывает на вектор восприятия: инфраструктура города, государства, индустриализации как сила, разрушающая естественную — Божественную — природу человека. При этом сам заголовок, отсылающий

CC BY

к образу библейского братоубийцы, указывает на сохранение в тексте и библейской оптики прочтения: промышленная революция, события Гражданской войны, Первой Мировой войны представляют собой убийство человека-Авеля его братом-Каином.

В части указаний о месте и времени создания произведений Волошин только в «Суде» и «Левиафане» сохраняет пометы «1915 г., Париж», 9 декабря и 5 февраля соответственно. Остальные произведения, включая переработанную по сравнению с вариантом 1915 «Войну», отнесены к 1922 и 1923 году, Феодосии и Коктебелю. Оставляя даты и место создания, Волошин отмечает своеобразные вехи развития процесса: индустриальный процесс разрушения материальной культуры охватывает период как Первой мировой войны (1915 год), так и Гражданской (1922—1923), в территориальном отношении — как Францию (Париж), так и Россию (Феодосия, Коктебель).

Во многих стихотворениях Волошина данного периода эпиграфы из Священного Писания направляют понимание текста, создавая параллели между библейскими пророчествами и современными реалиями. Например, подобным же образом библейский эпиграф из Апокалипсиса Иоанна Богослова предваряет стихотворение Волошина «Армагеддон» (1917): «Три духа, имеющие вид жаб… соберут царей вселенной для великой битвы… в место, называемое Армагеддон» (Откр. 16:13-16) [Волошин, 2003, с. 232]. Это прямое указание на пророчество о последних временах — битве царей в Армагеддоне — выдает замысел Волошина: осмыслить мировую войну как финальную битву добра и зла. Эпиграф создает в сознании читателя ассоциации с тремя «духами-жабами» из Апокалипсиса, которые традиционно трактуются как бесовские духи, наущающие правителей воевать. Таким образом, уже рамочный текст («заголовочный» эпиграф) переводит тему мировой войны в апокалиптический план, намекая, что за кулисами великих битв действуют темные духи, попущенные для свершения предначертанного в Писании.

Сам Волошин писал в эти годы: «Только в Библии можно найти слова, равносильные пафосу, нами переживаемому» [Там же, с. 356]. В полной мере эта установка реализуется именно на уровне заглавий и эпиграфов его стихов. «Красная Пасха» (1921) [Там же, с. 342], «Святая Русь» [Там же, с. 257], «Иуда апостол» [Там же, с. 359], «Видение Иезекииля» [Там же] — все эти названия стихотворений Волошина времен Гражданской войны напрямую отсылают к библейским образцам (Пасха и воскресение, Страшный Суд, святость Руси как богоизбранного народа, фигура Иуды, пророческое видение пророка Иезекииля). Они задают определенные рамки восприятия: Россия представлена то в образе ветхозаветного Израи-

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(3), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

ля, то в образе грешного Иуды; эпоха революции осмысляется как время «видений» в духе пророков или как новая Страстная седмица. Подобные библейские ассоциации в заглавиях несут историософскую функцию — вписывают историю России 1917—1921 годов в масштаб священной истории, переносят акценты с преходящего на вечное. Символическая же их функция состоит в эмоционально-мифологическом обобщении: так, слово «Армагеддон» сразу окрашивает изображаемое как вселенскую катастрофу, «Неопалимая Купина» — как таинственное горение, обусловленное божественным присутствием, «Пасха» — как время возможного чудесного обновления, соединенного, впрочем, с кровью жертвы.

Таким образом, «рамочный текст» волошинской лирики военного лихолетья формирует для читателя своего рода параллельную библейскую реальность. Через библейские имена и цитаты Волошин дает понять читателю, что происходящее — не случайный хаос, но повторение или продолжение библейской драмы: будь то повторение пути Каина (братоубийство), новое Вавилонское столпотворение и Армагеддон (мировая война) или новая Голгофа и Страстная Пятница (страдания России). Заглавия и эпиграфы становятся первым «ключом» к раскрытию этого замысла.

3.2. Гражданская война как «семиосфера» ада в произведениях М. Волошина

Наряду с мотивами Апокалипсиса в число центральных в поэзии Волошина 1917—1923 годов вошли образы ада, земного «дна» ужаса, преисподней, в которую провалилась Россия. Если небесно-эсхатологические образы (Страшный суд, зверь Апокалипсиса) позволяли поэту заглянуть в метафизический смысл событий, то образы преисподней отражали конкретно-эмпирическое переживание происходящего как воплощенного ада на земле. Волошин как свидетель Гражданской войны в Крыму воочию наблюдал сцены, которые иначе как адскими не назовешь: голод, разруха, насилие, круговорот мести, горы трупов. Неудивительно, что в стихах этого периода Россия уподобляется дантовскому аду или библейской геенне.

В уже цитированном стихотворении «Красная Пасха» (1921) [Там же, с. 342] создается впечатляющая картина земного ада. Весна, обычно символ жизни, у Волошина отравлена смертью:

Зимою вдоль дорог валялись трупы
Людей и лошадей. И стаи псов
Въедались им в живот и рвали мясо.
...
Весна пришла
Зловещая, голодная, больная.
Глядело солнце в мир незрячим оком.

CC BY

Из сжатых чресл рождались недоноски
Безрукие, безглазые… Не грязь,
А сукровица поползла по скатам.

Повсюду признаки разложения: трупы людей и лошадей валяются вдоль дорог, собаки пожирают их внутренности, цветы пропитаны тленом, снег тает, обнажая кости. Но еще страшнее — семиотический уровень этого ада: душевный и духовный. Волошин показывает, как рушатся привычные значения и связи, как из недр смерти рождается нечто нечистое. Души убитых, ставшие беспокойными призраками, смешались с вихрями пыли — это буквально инфернальная метафора, где реальность Гражданской войны уподоблена гиенне, населенной неприкаянными духами. Эти духи заражают живых безумием, жаждой мести и иррациональным страхом; иначе говоря, война представлена как демоническая эпидемия, распространившаяся по земле. Анализируя эти строки, можно говорить о создании Волошиным модели «семиосферы ада»: все знаки жизни оборачиваются знаками смерти, воздух пропитан разложением и безумием, люди превращаются в носителей адских смыслов, сама природа демонизирована.

В другом стихотворении, «На дне преисподней» (1921) [Там же, с. 347], Волошин прямым текстом заявляет, что его поколение оказалось на самом дне ада. Это стихотворение открывает цикл «Усобица», программно задавая тон: поэт как бы спускается в преисподнюю, чтобы оттуда говорить о случившемся. Достаточно взглянуть на последовательность названий цикла «Усобица», чтобы понять логику автора: «Гражданская война», «Бойня», «Террор», «Голод», «На дне преисподней», «Готовность», «Потомкам». Вершиной отчаяния выступает именно «дно преисподней», за которым следует лишь голос из этой бездны («Готовность») и обращение к потомкам. Таким образом, пережитая война для Волошина равнозначна нисхождению в ад.

В стихотворении «Потомкам» (1921) [Там же, с. 349] адские картины Гражданской войны выписаны предельно откровенно: «Но мрак и брань, и мор, и трус, и глад / Застигли нас посереди дороги: / Разверзлись хляби душ и недра жизни, / И нас слизнул ночной водоворот. / Стал человек — один другому — дьявол; / Кровь — спайкой душ; борьба за жизнь — законом; / И долгом — месть». В этих строках представлена тотальная моральная и онтологическая катастрофа: все скрепы мира рушатся («разверзлись хляби душ» — разворот глубин зла, хляби бездны из Откровения?), людей поглотил ночной водоворот хаоса, человек человеку сделался дьяволом, кровь — единственной связью между людьми, борьба за выживание — единственным законом, а месть — единственным долгом. Перед нами антимир, полный перевертыш всех христианских ценностей (вместо любви — ненависть,

CC BY

вместо прощения — месть, вместо Бога в человеке — дьявол). Это и есть ад на земле во всей полноте — как нравственный, так и физический. Волошин фиксирует это без прикрас, будто бы становясь летописцем ада.

Итак, мотивы ада, преисподней у Волошина служат для подчеркнуто реалистического изображения ужасов Гражданской войны и одновременно для их мифологического обобщения. Россия явлена как адское пространство, где нарушены законы жизни и торжествуют демонические силы. Данная метафора помогает осознать глубину падения, трагизм происходящего, выразить то, что обычным языком сложно описать. В то же время, как будет показано далее, даже из этого ада Волошин пытается вынести искупительный смысл — однако сперва необходимо рассмотреть, каким он видел природу самих демонических сил, захвативших мир.

3.3. «Бесовщина», овладевшая Россией

В лексиконе Волошина времен революции неоднократно звучит слово «бесы» и производное от него — «бесовщина». Поэт ощущал происходящее как некий вселенский шабаш тёмных сил, буквально наваждение, которое захватило разум масс. Здесь можно усмотреть преемственность с пушкинским образом вихря-бесов из стихотворения «Бесы» (во время метели путники сбиваются, окруженные хороводом бесов) и с известным романом Ф. М. Достоевского «Бесы» о бесноватом состоянии революционных нигилистов. Волошин, будучи человеком глубоко религиозным и мистически восприимчивым, склонен видеть за явлениями революции пробуждение демонических начал.

Стихотворение «Демоны глухонемые» (декабрь 1917) [Там же, с. 261] — один из ключевых текстов, где за внешним описанием революционных массовых беспорядков проступает демонологический план. Уже эпиграф из Исайи о «слепом рабе» и «глухом вестнике» наводит на мысль, что речь пойдет о силах, которые, сами того не ведая, творят нечто роковое. Первые же строки вводят образ демонов: «Они проходят по земле, / Слепые и глухонемые, / И чертят знаки огневые / В распахивающейся мгле».

Эти странные «они» — кто? Явно не люди, по крайней мере не обычные: у них нет зрения и слуха, но они чертят огненные знаки во тьме. Можно интерпретировать их как революционные силы — стихийные, иррациональные, творящие разрушение (огненные знаки — пожары, выстрелы?). Волошин зовет их *демонами*, причем «глухонемыми». Это название, как выясняется, подсказано поэту строкой Ф. И. Тютчева из стихотворения «Ночное небо так угрюмо…»: «Одни зарницы огневые, / Воспламеняясь чередой, / Как демоны глухонемые, / Ведут беседу меж собой» [Тютчев, с. 410].

У Тютчева «демоны глухонемые» — метафора молний во время грозы. Волошин творчески переосмысляет ее: глухонемые демоны у него — это

CC BY

участники бушующей «грозы» революции, молнии без грома. Они слепы и глухи духовно, не ведают, что творят (отсылка к Евангелию: «не знают, что творят»), но их действия имеют сакральное значение. Поэт пишет: «Их судьбы — это лик Господний, / Во мраке явленный из туч» [Волошин, 2003, с. 261]. Удивительный поворот: судьбы демонов оказываются «ликом Господним во мраке»! Здесь Волошин вновь следует своей парадоксальной логике: даже в бесовском разгуле он усматривает образ Божьего лица, хотя и «во мраке, из туч». Иными словами, бесы революции — лишь орудия, через которые грозно и скрытно действует Господь, ниспославший испытание.

Тем не менее эти демоны несут хаос и разрушение: «Они творят, не постигая предназначенья своего» [Там же]. Здесь сформулирован главный признак бесовщины: действие без сознания, разрушительное творчество без понимания цели. Бесы Волошина — это духи отрицания, «слепые силы». Не случайно поэт говорит о «мятежном духе» революции, который врывается в мир.

Образ «бесовщины», наваждения нечистой силы наиболее прозрачно проявляется в том же стихотворении «Потомкам» [Там же, с. 349]. Волошин отмечает: «...нас слизнул ночной водоворот», — воронка хаоса буквально втягивает людей во тьму. И далее: «Стал человек — один другому — дьявол». Зло овладело человеческими душами настолько, что брат видит в брате воплощение дьявола и обращается с ним соответственно. Так разрывается ткань общности, любовь сменяется ненавистью — это признак бесовского воздействия. В продолжении той же строки: «кровь — спайкой душ; борьба за жизнь — законом; и долгом — месть». Все эти инверсии ценностей традиционно в христианском сознании ассоциируются с дьявольским переворотом (ведь дьявол — «обезьяна Бога», искажает добро во зло). Волошин запечатлел, как революция и война выпустили на волю именно такие обезумевшие, инфернальные энергии.

Кроме того, в цикле «Неопалимая Купина» автор реализует символическую парадигму бесовщины через образ революционной толпы, наделяя массовое движение чертами иррациональной, разрушительной силы. В стихотворении «Русь гулящая» (1919) [Там же, с. 289] Волошин рисует аллегорический образ России, пустившейся в разгул (гулящая — ‘распутная’). Само сочетание *гулящая Русь* противопоставлено традиционному *Святая Русь*. Россия утрачивает свой священный ореол, изображается одержимой страстями — разнузданной. Описывается разгул черни, вакханалия (отголосок термидорианских образов революции как оргии). Этот «карнавально-бесовский» мотив у Волошина присутствует оттенком: демоны его нередко сравнимы с элементалями хаоса, устраивающими шабаш.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(3), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

В целом мотив бесовщины в поэзии Волошина тесно связан с мотивом ада, но ад — это скорее пространство и состояние, а бесы — действующие силы зла, субъекты этого ада. Волошин, как видно, не персонифицирует зло в конкретных людях (он нигде, например, не называет ни Ленина, ни других вождей прямо «дьяволом»), но обобщенно говорит о принципе: «человек человеку стал дьяволом». И наоборот: он стремится видеть за каждым бесом пленённого ангела. Но в пределах рассматриваемого цикла воссоздается ощущение, что Россию захлестнула бесовщина — буйство темных инстинктов, разрушительных энергий, которые ослепляют людей, одержимость.

Итак, Волошин в своих стихах 1917—1923 годов последовательно демонологизирует революцию и Гражданскую войну. Он использует лексику «бесовского» и «дьявольского», чтобы подчеркнуть противоестественность, антигуманность происходящего. Это, с одной стороны, позволяет ему выразить весь ужас времени (нет ничего хуже, чем бесовщина, когда сами люди превращаются в демонов), а с другой — он вписывает катастрофу в духовно-нравственную плоскость: трагедия нации осмысляется как результат высвобождения дьявольских сил, оторвавшихся от Божьего промысла. Тем самым Волошин предупреждает: падение нравственных устоев чревато бесовщиной, и случившаяся беда — не просто случайность, а последствие отпадения людей от Бога, погружения в стихии мятежа и ненависти.

3.4. Война и революция как наказание и искупление

Для Волошина, воспитанного в традициях русского религиозного сознания, было естественно искать в национальных бедствиях смысл высшей кары за коллективные грехи. В его поэзии времен Гражданской войны ярко проявляется идея Божьего наказания: страдания народа предстают не бессмысленным злым роком, а закономерным возмездием за прежние грехи России. Одновременно с этим звучит и утешительная нота: кара несет в себе и очищение, искупление через страдание — если принять ее смиренно. Подобная парадигма (грех — наказание — покаяние / искупление) восходит к библейской историософии (вспомним книгу Судей, Пророков: грехи Израиля, за ними наказания Господни, затем покаяние и спасение) и была близка религиозно мыслящим русским людям начала XX века (включая философов, деятелей церкви). Волошин выразил эту идею в поэтической форме, вначале с гневной обличительностью, а затем — с покаянным смирением.

Стихотворение «Мир» (23 ноября 1917), написанное вскоре после Октябрьского переворота, представляет собой яркий образец обличительно-покаянной тональности. Оно открывается резким заявлением: «С Россией кончено… На последях / Ее мы прогалдели, проболтали, / Пролузгали, пропили, проплевали… / И родину народ / Сам выволок на гноище, как падаль» [Там же, с. 259]. В этих строках Волошин через метафору народ-

CC BY

ного голоса признает национальную вину: Россия погибла из-за собственного легкомыслия, болтовни, пьянства, сквернословия, из-за того, что сам народ выбросил родину на свалку истории как падаль. Это чрезвычайно смелое и горькое обвинение, брошенное своему народу: поэт осуждает общее недостойное отношение к отечеству, к вере, к царю — ко всему, что раньше скрепляло Россию. Далее следует прямая молитва о наказании: «О, Господи, разверзни, расточи, / Пошли на нас огнь, язвы и бичи, / Германцев с запада, Монгол с востока, / Отдай нас в рабство вновь и навсегда, / Чтоб искупить смиренно и глубоко / Иудин грех до Страшного Суда!» [Там же]. Здесь звучат все основные мотивы теодицеи, связывающей воедино наказание и искупление, притом грех назван *Иудиным*, а это наивысшая степень греха: предательство Бога.

Волошин, очевидно, считал, что в 1917 году Россия совершила страшное, отказавшись от своей исторической миссии, отвергнув монархию (помазанника Божьего), пойдя против братской любви, тем самым обрекла свой народ на страдания. Стилизация под ветхозаветно-апокалиптический язык ясно передает умонастроение поэта: он видит революцию как заслуженную кару и призывает Бога не щадить, но испепелить зло, чтобы тем глубже было покаяние.

Однако ключевым произведением, где Волошин переходит от гневного призыва к наказанию к его смиренному принятию и осмыслению как очищения, является стихотворение «Готовность» (24 октября 1921) [Там же, с. 348]. Само название указывает на готовность принять страдание. Здесь лирический герой от лица всего поколения заявляет о полном смирении перед Божьим судом. Если в 1917 году он взывал: «пошли на нас язвы», то в 1921 году он говорит: «Верю в правоту верховных сил, / Расковавших древние стихии, / И из недр обугленной России / Говорю: “Ты прав, что так судил!”». Это, по сути, покаянная молитва: душа пришла к признанию справедливости Божьей кары. Здесь же развивается и мотив очищающего огня: «Надо до алмазного закала / Прокалить всю толщу бытия».

Эти строки содержат метафору, близкую к библейскому мотиву (Пс. 65:10: «ты переплавил нас, как переплавляют серебро»). Волошин глубоко верит, что через огненные испытания народ и человечество станут чище и крепче. Более того — и это чрезвычайно важно — он готов отдать в этот очищающий огонь самого себя: «Если ж дров в плавильной печи мало: / Господи! Вот плоть моя». Этот финал стихотворения — кульминация темы искупления. В этом жесте явственно подражание Христу — самопожертвование ради спасения других. Лирический герой становится образом страждущего праведника, принимающего страдание не только как кару за свои грехи, но и как искупительную миссию.

CC BY

Таким образом, в творчестве Волошина времён смуты прослеживается переход от восприятия войны и революции исключительно как наказания за грехи — к восприятию их как очистительного испытания, которое при верном духовном отношении может привести к искуплению. Картина наказания у него всегда двуедина: Бог карает, но, карая, — лечит, ибо «Господь, кого любит, того наказывает» (Евр. 12:6). Волошин, претерпев ненависть, ужас и отчаяние, смиренно соглашается с Божьим судом и видит в страданиях путь к искуплению России. Поэт становится как бы ходатаем перед Богом за свой народ: сначала он просит Бога наказать народ (в «Мире»), затем — от лица народа принимает наказание («Готовность»).

Если в будущем восторжествует мир любви и гармонии, то это будет достигнуто ценой жертвенности его поколения. Так поэт утверждает идею искупительной жертвы поколения 1917—1921 годов: их кровь и муки стали жертвой, благодаря которой потомки могут получить лучший мир. Это глубоко христианская по духу идея — идея искупления чужих грехов собственной жертвой (как сделал Иисус).

Одним из важнейших аспектов библейской семантики в волошинской лирике данного периода является образ самого лирического героя, который поэт конструирует по модельному подобию библейских пророков и даже Христа-спасителя. Волошин не только описывает окружающий ад, но и вырабатывает позицию, позволяющую противостоять злу духовно. Эту позицию он черпает в христианстве: поэт становится пророком, молитвенником, ходатаем за народ и одновременно готовым агнцем, принимающим страдания на себя ради будущего. В ряде стихотворений Волошин от первого лица высказывает пророческие и жертвенные интенции, прямо заявляя о своем предназначении как духовного водителя в тьме.

Еще в годы мировой войны Волошин избрал для себя роль наблюдателя и молитвенника, стараясь не участвовать ни в каком братоубийстве. Он жил в Коктебеле и известен был тем, что укрывал у себя в доме и белых, и красных — кого бы ни преследовали, спасал людей вне зависимости от их лагеря.

В стихотворении «Готовность» образ лирического «я»-пророка достигает, пожалуй, апогея в идее самопожертвования. Мы уже цитировали финал: «Господи! Вот плоть моя» — эта жертвенническая нота делает героя сродни библейским праведникам, которые предлагали себя Богу за искупление народа (например, Моисей предлагал изгладить его имя из книги жизни вместо Израиля, апостол Павел желал быть отлученным, лишь бы братья спаслись). Волошин готов ввергнуть свою плоть в огонь истории ради будущего — что же это, как не поведение подлинного мессианского типа героя? Конечно, Волошин не равняет себя с Христом, но христианский архетип «страждущего

CC BY

праведника» явно проецируется на его лирического героя. Герой «Готовности» говорит: «Я не сам ли выбрал час рожденья… / чтоб пройти сквозь муки и крещенье / совести, огня и вод?» [Там же, с. 348]. Здесь он осознает свое рождение в эту эпоху как сознательный выбор души — чтобы пройти через «крещение совести, огня и вод». Три вида крещения (совестью — моральное испытание, огнем — страдание, водой — скорбь) намекают, что герой добровольно принял миссию очищения. Это опять-таки признаки пророческого самосознания: пророки нередко еще до рождения предназначались Богом на служение, и Волошин словно чувствует себя избранным пройти сквозь эти испытания ради великой цели.

Итак, лирический герой Волошина соответствует канону библейского пророка и христианского праведника. Этот герой — провидец, который воспринимает явления века в свете вечности и библейских пророчеств; он — ходатай и молитель за народ (молится за всех, даже за врагов); он — страдалец, терпящий мучения вместе с народом, но выносящий из них веру и любовь; наконец, он — носитель надежды, пророчествующий о будущем духовном возрождении (ср.: [Selg, 2022]). Волошин создает образ идеального поэта-пророка, соединяющего в себе ветхозаветную строгость (обличение грехов, провозглашение кары) и новозаветную любовь (молитва за палачей, принесение себя в жертву). В этом образе воплотился весь пафос его библейской семантики: поэт увидел себя современным пророком, призванным осмыслить Апокалипсис Родины и провести ее через ад к надежде воскресения.

4. Заключение = Conclusion

Лирика Максимилиана Волошина 1917—1923 годов представляется ярким примером того, как национальная поэзия может стать средством духовно-историософского постижения эпохи через призму священных смыслов. Проведенное исследование показало, что Волошин последовательно интегрировал библейскую семантику во все уровни своего поэтического текста — от рамочных элементов текста до глубинной мифопоэтической структуры образов. Заглавия стихов и циклов (такие как «Неопалимая Купина», «Путями Каина», «Красная Пасха» и др.) придали происходящим событиям символическую соотнесенность с библейской историей. Эпиграфы из Писания (Ис. 42:19 в «Демонах глухонемых», Откр. 16:16 в «Армагеддоне» и др.) задали прямые параллели между пророчествами и современностью, подготовив читателя к восприятию революции как исполнения библейских пророчеств.

Волошин осмыслил катаклизмы Первой мировой, революции и Гражданской войны как явление исторического Апокалипсиса. В его стихах

CC BY

современность изображена языком Откровения Иоанна Богослова: войны названы Армагеддоном, революция — появлением «зверя апокалиптического», происходящее уподоблено Страшному суду и концу мира. Через эти образы поэт не только выразил космический размах и судьбоносность переживаемой драмы, но и нашел утешение в мысли, что история движется по Божьему промыслу (даже если это путь через катастрофу к обновлению). Одновременно Волошин воспроизвел в своих стихах и образы ада на земле: беспримерные ужасы Гражданской войны он описал как погружение России в преисподнюю, где царят смерть, разложение и демоническое безумие. Инфернальная метафорика передала весь трагизм национальной катастрофы.

Волошин, таким образом, сумел соединить личное переживание эпохи с универсальным библейским мифом. Его поэтическая хроника революции превратилась в духовную эпопею о грехопадении и возможном воскресении народа. Библейская семантика стала тем инструментом, который позволил ему выразить невыразимое — ужасы современности — и одновременно внушить читателю утешительную надежду.

В целом творчество Максимилиана Волошина 1917—1923 годов предстает выдающимся памятником русской религиозно-философской поэзии, где Библия становится призмой для осмысления национальной истории. Через библейские образы — Апокалипсис, ад, бесов, пророков, Голгофу и воскресение — поэт раскрыл глубинный смысл пережитой трагедии и утвердил идею о духовном возрождении России. Его пророческий голос, звучавший со страниц «Неопалимой Купины» и «Путями Каина», свидетельствует, что даже в самое мрачное время слово поэта может нести свет веры и надежды.

При этом охват библейской истории в стихотворениях Волошина — от первого убийства в истории человечества (к которому отсылает образ Каина) до гибели всего человечества вообще (Апокалипсиса и Страшного Суда). Таким образом, история событий, переживаемых и отрефлексированных поэтом в стихах, отсылает к библейской истории человечества, проходя путь от первого злодейства до последнего.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Аввакум.* Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения / Аввакум. — Москва : Academia, 1934. — 498 с.

2. *Волошин М. А.* Собрание сочинений : в 8 т. / М. А. Волошин. — Москва : Эллис Лак, 2003. — Т. 1. — 610 с. — ISBN 5-902152-05-4.

CC BY

3. *Волошин М. А.* Собрание сочинений : в 8 т. / М. А. Волошин. — Москва : Эллис Лак, 2004. — Т. 2. — 770 с. — ISBN 5-902125-05-4.

4. *Тютчев Ф. И.* Стихотворения / Ф. И. Тютчев. — Москва : Эксмо, 2012. — 608 с. — ISBN 9785998923478.

Литература

1. *Басина О. А.* Личины революции 1917 года в интерпретации М. Волошина (на примере книги стихов «Неопалимая купина») / О. А. Басина // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. — 2016. — № 4. — С. 38—42.

2. *Бурмистров К. Ю.* «Господь дохнул на преисподний лик» : Максимилиан Волошин и Каббала / К. Ю. Бурмистров // Соловьевские исследования. — 2021. — № 1 (69). — С. 125—149. — DOI: 10.17588/2076-9210.2021.1.125-149.

3. *Громов Д. В.* Камни-записки на могиле Максимилиана Волошина / Д. В. Громов // Вестник РГГУ. Серия : Литературоведение. Языкознание. Культурология. — 2024. — № 4. — С. 92—111. — DOI: 10.28995/2686-7249-2024-4-92-111.

4. *Заяц С. М.* Лик М. Волошина на перекрестке мировых культур и цивилизаций / С. М. Заяц // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2014. — № 11—1 (41). — С. 82—84.

5. *Зорин А. В.* Пророк в своем отечестве. Максимилиан Волошин [Электронный ресурс] / А. В. Зорин // Ахилла : Интернет-журнал. — Режим доступа : https://ahilla.ru/prorok-v-svoem-otechestve-maksimilian-voloshin (дата обращения 10.09.2025).

6. *Колла Е.* К проблеме описания метрического репертуара Максимилиана Волошина / Е. Колла // Русская филология: Сборник научных работ молодых филологов. — Тарту : Tartu University Press. 2025. — С. 68—89.

7. *Королева А. М.* Поэтика заглавия : из истории почти 100-летних наблюдений / А. М. Королева // Журнал филологических исследований. — 2022. — Т. 6. — № 4. — С. 55—60.

8. *Ламзина А. В.* Латинский код в «раме текста» сборника «Cor Ardens» / А. В. Ламзина // Научный диалог. — 2025. — № 14 (2). — С. 250—272. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-250-272.

9. *Пинаев С. М.* Семантика эроса в философско-поэтическом творчестве Вячеслава Иванова и Максимилиана Волошина / С. М. Пинаев // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2022. — Т. 13. — № 3. — С. 815—826. — DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-3-815-826.

10. *Рубенкова Т. С.* Тема войны и революции в произведениях М. Волошина / Т. С. Рубенкова // Наука. Искусство. Культура. — 2018. — № 3 (19). — С. 94—103.

11. *Рункова А. В.* Максимилиан Волошин — «Странник по земле, по звездам, по Вселенной» / А. В. Рункова // Центр и периферия. — 2025. — Т. 20. — № 1. — С. 85—91.

12. *Сейранян Л. Б.* Сравнительный анализ библейских образов в циклах стихотворений «Неопалимая купина» Максимилиана Волошина и Ваагна Давтяна / Л. Б. Сейранян, Э. В. Григорян, С. С. Абрамян // Религиоведение. — 2025. — № 1. — С. 77—85. — DOI: 10.22250/2072-8662-2025-1-77-85.

13. *Серафимова В. Д.* Библейские мотивы и образы в творчестве М. Волошина, А. Платонова, Б. Пильняка / В. Д. Серафимова // Русская речь. — 2006. — № 3. — С. 14—21.

CC BY

14. *Смагина Е. Б.* Пути Библии : к трактовке античных и библейских мотивов в творчестве М. А. Волошина / Е. Б. Смагина // Соловьевские исследования. — 2019. — № 4. — С. 177—190. — DOI: 10.17588/ 2076-9210.2019.4.177-190.

15. *Уокер Б.* Максимилиан Волошин и русский литературный кружок : культура и выживание в эпоху революции. / Б. Уокер. — Бостон ; Санкт-Петербург : Academic Studies Press / Библиороссика, 2022. — 335 с. — ISBN 9781644698143.

17. *Хомяков С. А.* Рамочный комплекс как ключ к пониманию книги стихов (на материале сборника «Сокращая расставание» В. Борисова) / С. А. Хомяков // Вестник Московского государственного областного университета. Серия : Русская филология. — 2020. — № 3. — С. 119—124. — DOI: 10.18384/2310-7278-2020-3-119-124.

18. *Юдахин А. А.* Мессианские мотивы в творчестве поэтов Серебряного века (М. А. Волошин, А. А. Блок, С. А. Есенин) / А. А. Юдахин // Неофилология. — 2025а. — Т. 11. — № 1 (41). — С. 98—111. — DOI: 10.20310/2587-6953-2025-11-1-98-111.

19. *Юдахин А. А.* Революция 1917 г. и Гражданская война 1917—1922 гг. в историософской оптике М. А. Волошина / А. А. Юдахин // Неофилология. — 2025б. — Т. 11. — № 4. — С. 916—928. — DOI: 10.20310/2587-6953-2025-11-4-916-928.

20. *Яковлев М. В.* Апокалиптическое направление в русской поэзии XX века : специфика авторского мышления, религиозные идеи и символы, жанрово-стилевые решения : диссертация … кандидата филологических наук : 10.01.01 / М. В. Яковлев. — Москва, 2016. — 526 с.

21. *Polonsky V. V.* Thirst for apocalyptic whirlwinds and creating a new world : russian literature of the 20th century from the silver age to the soviet years aesthetics / V. V. Polonsky // Studia Litterarum. — 2022. — V. 7. — Pp. 188—203.

22. *Selg P.* Maximilian Voloshin : A Russian Pacifist. / P. Selg. — New York : Steiner-Books, 2022. — 120 p.

Статья поступила в редакцию 18.11.2025,
одобрена после рецензирования 25.02.2026,
подготовлена к публикации 24.03.2026.

Material resources

Avvakum. (1934). *The life of Protopop Avvakum, written by himself and his other writings.* Moscow: Academia. 498 p. (In Russ.).

Tyutchev, F. I. (2012). *Poems.* Moscow: Eksmo. 608 p. ISBN 9785998923478. (In Russ.).

Voloshin, M. A. (2003). *Collected works: in 8 volumes, 1.* Moscow: Ellis Luck. 610 p. ISBN 5-902152-05-4. (In Russ.).

Voloshin, M. A. (2004). *Collected works: in 8 volumes, 2.* Moscow: Ellis Luck. 770 p. ISBN 5-902125-05-4. (In Russ.).

References

Basina, O. A. (2016). The disguises of the 1917 Revolution as interpreted by M. Voloshin (on the example of the book of poems “The Burning Bush”). *Proceedings of the Dagestan State Pedagogical University. Social sciences and humanities, 4:* 38—42. (In Russ.).

Burmistrov, K. Y. (2021). “The Lord breathed on the face of hell”: Maximilian Voloshin and Kabbalah. *Solovyov studies, 1 (69):* 125—149. DOI: 10.17588/2076-9210.2021.1.125-149. (In Russ.).

Gromov, D. V. (2024). Stones-notes on the grave of Maximilian Voloshin. *Bulletin of the Russian State University. Series: Literary Studies. Linguistics. Cultural studies, 4:* 92—111. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-4-92-111. (In Russ.).

Khomyakov, S. A. (2020). The framework complex as a key to understanding a book of poetry (based on the collection "Shortening the Separation" by V. Borisov). *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Russian Philology, 3:* 119—124. DOI: 10.18384/2310-7278-2020-3-119-124. (In Russ.).

Kolla, E. (2025). On the problem of describing the metrical repertoire of Maximilian Voloshin. In: *Russian Philology: A collection of scientific papers by young philologists.* Tartu: Tartu University Press. 68—89. (In Russ.).

Koroleva, A. M. (2022). Poetics of the title: from the history of almost 100 years of observations. *Journal of Philological Research, 6 (4):* 55—60. (In Russ.).

Lamzina, A. V. (2025). Latin Code in "Frame of Text" of Collection "Cor Ardens". *Nauchnyi dialog, 14 (20:* 250—272. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2025-14-2-250-272. (In Russ.).

Pinaev, S. M. (2022). Semantics of eros in the philosophical and poetic works of Vyacheslav Ivanov and Maximilian Voloshin. *Bulletin of the People's Friendship University of Russia. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics, 13 (3):* 815—826. DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-3-815-826. (In Russ.).

Polonsky, V. V. (2022). Thirst for apocalyptic whirlwinds and creating a new world: russian literature of the 20th century from the silver age to the soviet years aesthetics. *Studia Litterarum, 7:* 188—203.

Rubenkova, T. S. (2018). The theme of war and revolution in the works of M. Voloshin. *Science. Art. Culture, 3 (19):* 94—103. (In Russ.).

Runkova, A. V. (2025). Maximilian Voloshin — "A wanderer through the earth, through the stars, through the Universe". *Center and periphery, 20 (1):* 85—91. (In Russ.).

Selg, P. (2022). *Maximilian Voloshin: A Russian Pacifist.* New York: SteinerBooks. 120 p.

Serafimova, V. D. (2006). Biblical motifs and images in the works of M. Voloshin, A. Platonov, B. Pilnyak. *Russian speech, 3:* 14—21. (In Russ.).

Seyranyan, L. B., Grigoryan, E. V., Abrahamyan, S. S. (2025). Comparative analysis of biblical images in the cycles of poems "The Burning Bush" by Maximilian Voloshin and Vahagn Davtyan. *Religious studies, 1:* 77—85. DOI: 10.22250/2072-8662-2025-1-77-85. (In Russ.).

Smagina, E. B. (2019). Ways of the Bible: towards an interpretation of ancient and Biblical motifs in the works of M. A. Voloshin. *Solovyov Studies, 4:* 177—190. DOI: 10.17588/ 2076-9210.2019.4.177-190. (In Russ.).

Walker, B. (2022). *Maximilian Voloshin and the Russian literary circle: culture and survival in the age of revolution.* Boston; St. Petersburg: Academic Studies Press / Biblioros-sika. 335 p. ISBN 9781644698143. (In Russ.).

Yakovlev, M. V. (2016). *The apocalyptic trend in Russian poetry of the XX century: the specifics of the author's thinking, religious ideas and symbols, genre and style solutions.* PhD Diss. Moscow. 526 p. (In Russ.).

Yudakhin, A. A. (2025a). Messianic motifs in the works of poets of the Silver Age (M. A. Voloshin, A. A. Blok, S. A. Yesenin). *Neophilology, 11* / 1 (41): 98—111. DOI: 10.20310/2587-6953-2025-11-1-98-111. (In Russ.).

Yudakhin, A. A. (2025b). The Revolution of 1917 and the Civil War of 1917—1922. In the historiosophical optics of M. A. Voloshin. *Neophilology, 11* (4): 916—928. DOI: 10.20310/2587-6953-2025-11-4-916-928. (In Russ.).

Zayats, S. M. (2014). The face of M. Voloshin at the crossroads of world cultures and civilizations. *Philological Sciences. Questions of theory and practice, 11—1 (41):* 82—84. (In Russ.).

Zorin, A. V. The Prophet in his fatherland. Maximilian Voloshin. *Achilla: Online magazine.* Available at: https://ahilla.ru/prorok-v-svoem-otechestve-maksimilian-voloshin (accessed 10.09.2025). (In Russ.).

The article was submitted 18.11.2025;
approved after reviewing 25.02.2026;
accepted for publication 24.03.2026.

CC BY

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(3), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Осьмухина О. Ю. Специфика «перелома» в раннем творчестве Г. Газданова (от «Гостиницы грядущего» к «Вечеру у Клэр») / О. Ю. Осьмухина, К. О. Наумкина // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 3. — С. 292—311. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-3-292-311.

Osmukhina, O. Yu., Naumkina, K. O. (2026). Specifics of "Turning Point" in G. Gazdanov's Early Work (from "The Hotel of the Future" to "An Evening with Claire"). *Nauchnyi dialog, 15* (3): 292-311. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-3-292-311. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus · Q1 · DOAJ · ERIHPLUS · eLIBRARY.RU · РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Специфика «перелома» в раннем творчестве Г. Газданова (от «Гостиницы грядущего» к «Вечеру у Клэр»)

Осьмухина Ольга Юрьевна [1,2]
orcid.org/0000-0002-1456-4793
доктор филологических наук,
профессор, заведующий кафедрой
русской и зарубежной литературы
корреспондирующий автор
osmukhina@inbox.ru

Наумкина Ксения Олеговна
orcid.org/0009-0004-5727-8748
независимый исследователь
dvoretskayko@mail.ru

[1] Национальный исследовательский
Мордовский государственный
университет им. Н. П. Огарева
(Саранск, Россия)

[2] Русская христианская гуманитарная
академия им. Ф. М. Достоевского
(Санкт-Петербург, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда
№ 25-18-00764,
https://rscf.ru/project/25-18-00764/;
Русская христианская гуманитарная
академия им. Ф. М. Достоевского

Specifics of "Turning Point" in G. Gazdanov's Early Work (from "The Hotel of the Future" to "An Evening with Claire")

Olga Yu. Osmukhina [1,2]
orcid.org/0000-0002-1456-4793
Doctor of Philology, Professor,
Head of the Department
of Russian and Foreign Literature,
corresponding author
osmukhina@inbox.ru

Naumkina Ksenia Olegovna
orcid.org/0009-0004-5727-8748
Independent Scholar
dvoretskayko@mail.ru

[1] National Research Ogarev
Mordovia State University
(Saransk, Russia)

[2] Russian Christian Academy
for Humanities named after
Fyodor Dostoevsky
(St. Petersburg, Russia)

Acknowledgments:
The study was supported by a grant
from the Russian Science Foundation
№ 25-18-00764,
https://rscf.ru/project/25-18-00764/;
Russian Christian Academy for Humanities
named after Fyodor Dostoevsky

© Осьмухина О. Ю., Наумкина К. О., 2026

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена осмыслению прозы представителя поколения младоэмигрантов «первой волны» Г. Газданова. Цель исследования — выявить изменения в стиле Гайто Газданова от его первой публикации до принесшего писателю широкую известность в литературных кругах русской эмиграции романа «Вечер у Клэр». Научная новизна статьи состоит в том, что впервые в результате сравнительно-сопоставительного анализа рассказов, изданных в 1926—1928 годах, выявлены стилевые и поэтологические изменения, ставшие переломными для прозы писателя. В результате установлено, что эволюция стиля, поэтических приёмов происходила постепенно — от рассказа «Гостиница грядущего» до романа «Вечер у Клэр», и «переломным» на этом пути становится рассказ «Дракон», в котором репрезентированы ключевые особенности зрелой газдановской прозы: очевидное «смягчение» нарративной техники; появление рассказчика, наделенного рефлектирующим сознанием и автобиографическими «подробностями». Выявлено, что изображение тотальной рефлексии героя сочетается с изображением картин вещного мира; вслед за прозаиками Серебряного века писатель широко использует музыкальный мотив, непосредственно взаимосвязанный с мотивом смерти; вводит образ женщины — Музы. Подчеркивается, что в «Драконе» Г. Газданов впервые воплощает идею «второго» внутреннего существования, а также обращается к автобиографическому эпизоду смерти отца.

Ключевые слова:
Гайто Газданов; *первая волна* русской эмиграции; поколение писателей-младоэмигрантов; мотивный комплекс малой прозы; традиция Серебряного века в рассказах Газданова.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to understanding the prose of G. Gazdanov, a representative of the "first wave" generation of young émigrés. The aim of the study is to identify changes in Gaito Gazdanov's style from his first publication to the novel "An Evening with Claire," which brought the writer widespread recognition in the literary circles of the Russian emigration. The scientific novelty of the article lies in the fact that, for the first time, as a result of a comparative analysis of short stories published in 1926—1928, stylistic and poetological changes that became pivotal for the writer's prose have been identified. It has been established that the evolution of style and poetic devices occurred gradually — from the story "The Hotel of the Future" to the novel "An Evening with Claire," and the "turning point" on this path is the story "The Dragon," which represents the key features of Gazdanov's mature prose: a clear "softening" of narrative technique; the appearance of a narrator endowed with reflective consciousness and autobiographical "details." It has been revealed that the depiction of the hero's total reflection is combined with the depiction of scenes from the material world; following the prose writers of the Silver Age, the writer widely uses the musical motif, directly interconnected with the motif of death; he introduces the image of a woman — a Muse. In "The Dragon," G. Gazdanov first embodies the idea of a "second" inner existence, and also turns to the autobiographical episode of his father's death.

Key words:
Gayto Gazdanov; the first wave of Russian emigration; the generation of young émigré writers; the motif complex of short prose's; the Silver Age tradition in Gazdanov's stories.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(3), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 821.161.1Газданов.07
DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-3-292-311

Научная специальность ВАК
5.9.1. Русская литература и литературы
народов Российской Федерации

Специфика «перелома» в раннем творчестве Гайто Газданова (от «Гостиницы грядущего» к «Вечеру у Клэр»)

© Осьмухина О. Ю., Наумкина К. О., 2026

1. Введение = Introduction

В начале XXI столетия становится очевидным пристальное внимание к эмигрантской литературе, которая вплоть до конца 1980-х годов в силу известных идеологических причин была фактически недоступна отечественным читателям и критикам. И старшее поколение эмигрантов, обретшее известность еще до революции, и младоэмигранты «первой волны», получившие признание вне родины, в центрах «русского рассеянья», сформировались культурой дореволюционной и мыслили себя продолжателями ее традиций и наследниками классики и Серебряного века и одновременно тосковали по разрушенной гармонии, надеясь на её обретение в будущем.

Отметим, что творчество поколения младоэмигрантов (В. Набоков, Ю. Фельзен, Г. Газданов и др.), сыгравших немаловажную роль в контексте «первой волны» русского зарубежья, активно изучается в последние десятилетия [Агеносов и др., 2020; Иванов, 2021; Иванов и др., 2021; Кузнецова, 2012; Матвеева, 2008а; Матвеева, 2008б; Осьмухина, 2019; Проскурина, 2013; Проскурина, 2015; Проскурина, 2016; Хетени, 2021 и др.]. Анализ составных частей этого наследия, предусматривающий детальное изучение жанрового, проблемного, сюжетно-тематического диапазона литературы эмиграции, устранение лакун в осмыслении индивидуальных поэтических и стилевых систем писателей-эмигрантов позволяют раскрыть специфические черты прозы русского зарубежья «первой волны» с максимальной степенью убедительности и доказательности. В этом отношении ***актуальность*** настоящей статьи обусловлена необходимостью изучения раннего творчества Г. Газданова как одного из крупнейших, наряду с В. Набоковым (Сириным), младоэмигрантов прежде всего в сравнительно-сопоставительном аспекте его рассказов с романом «Вечер у Клэр», что позволит исследовать арсенал приемов, которым располагает писатель, ос-

CC BY

мыслить механизмы взаимодействия между автором и читателем, автором и его персонажами, «высвечивающие» не просто становление его художественной прозы, но и «перелом» в его творческой манере, ознаменовавший обретение прозаиком собственного языка и стиля. Как справедливо отмечает С. М. Кабалоти, Газданов, наследник русской классической словесности, синтезировавший традиции отечественной и западной прозы, «дебютировал, с одной стороны, в постницшеанской ситуации в истории искусства <…>; с другой стороны, дебют этот происходил исторически как бы в арьергарде авангардного искусства» [Кабалоти, 1998, с. 16].

Подчеркнем, что творчество Г. Газданова «зрелого» периода разительно отличается от его ранней прозы: к примеру, сложно поверить, что рассказ «Гостиница грядущего» написан автором романа «Вечера у Клэр». Стремление выявить «переломный» момент в газдановской прозе определяет решение следующих задач: осмысление специфики повествовательной манеры ранних рассказов; анализ воплощения музыкального мотива в рассказах Г. Газданова 1926—1929 годов; определение роли рассказов «Римляне» и «Дракон» в творческой эволюции писателя.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

При всем многообразии исследований литературы русского зарубежья «первой волны», а также работ, сосредоточенных на изучении первого крупного произведения Г. Газданова «Вечер у Клэр» [Агеносов и др., 2020; Кабалоти, 1998], ***теоретической базой*** статьи явились работы Л. Диенеша [Dienes, 1982], С. Р. Федякина [Федякин, 2000; Федякин, 2013], Ю. В. Матвеевой [Матвеева, 2008б], Е. В. Кузнецовой [Кузнецова, 2012], непосредственно посвященные раннему творчеству писателя.

Напомним, что первый исследователь творчества Г. Газданова Л. Диенеш в книге «Russian Literature in Exile: The Life and Work of Gajto Gazdanov» («Русская литература в изгнании: Жизнь и творчество Гайто Газданова») относит к раннему творчеству Газданова всё, что было написано до «Вечера у Клэр». Он выделяет особенности стиля ранней прозы Газданова: ощутимое влияние советской прозы, стремление к оригинальности выражений и образов, использование типографских приемов, внедрение поэзии в прозу и прочее [Dienes, 1982]. С. М. Кабалоти рассматривает раннюю прозу писателя лишь абрисно, полагая, что жанрово-стилистические особенности «раннего» Газданова, к которым относятся «техника потока сознания и элементы сюрреализма» [Кабалоти, 1998, с. 128], воплощаются и в его произведениях 1930-х годов. При этом исследователь не анализирует ранние рассказы детально, сосредотачиваясь на «Превращении», «Водяной тюрьме», «Мартыне Расколиносе», «Повести о трех неудачах», и не

CC BY

конкретизирует переломный момент в газдановской поэтике и стилистике. С. Р. Федякин в статьях «Гайто Газданов: искусство изобразительности» и «Лица Парижа в творчестве Газданова» [Федякин, 2000; Федякин, 2013] сравнивает ранний и зрелый стили прозаика на примере одного эпизода из рассказа «Шпион» и романа «Призрак Александра Вольфа» и отмечает черты зрелого стиля Газданова: длинные фразы, стремление объяснить собственные состояния, особый, «эластичный» ритм повествования [Федякин, 2013]. В монографии «Самосознание поколения в творчестве писателей-младоэмигрантов» Ю. В. Матвеева пишет о ранних рассказах Газданова, отмечая, что в них романтизируется образ революционного времени. Началом уменьшения значения этой темы Ю. В. Матвеева примерно указывает рассказ «Превращение». Кроме того, в книге отмечается присутствие в ранних рассказах «лирического “мы”» и сквозного мотива мушкетерства [Матвеева, 2008б, с. 30—41].

Все эти работы, безусловно, серьёзно рассматривают раннее творчество Гайто Газданова, но не определяют «перелом» в творческой манере писателя, хотя и указывают на серьёзные изменения в его поэтической системе, произошедшие в 1928 году. Граница между двумя типами повествования проводится лишь в монографии Е. В. Кузнецовой, по мнению которой, рассказы «Дракон», «Превращение», «Гавайские гитары» «знаменуют следующий этап эволюции повествовательных форм в его творчестве» [Кузнецова, 2012, с. 159], они характеризуются лиризацией, повышенным вниманием к чувствам, снам и фантазиям героя. В книге исследовательницы анализируются образы и символы рассказов этого типа, однако стилевые и поэтологические изменения, ставшие переломными для прозы писателя, литературовед не выявляет.

Материалом исследования явились последовательно рассматриваемые нами рассказы Г. Газданова 1926—1929 годов, включая и опубликованные в газете «Дни», которые сопоставляются с эпизодами романа «Вечер Клэр» [Газданов, 2009]. Кроме того, нами были привлечены критические выступления в периодике русского зарубежья Г. Адамовича, И. Бунина, М. Слонима [Адамович; Бунин, 1926; Слоним, 1929; Слоним, 1930].

Методологическую основу нашей работы составили метод целостного анализа, благодаря которому ранняя проза Г. Газданова была осмыслена в единстве её поэтики и проблематики, а также сравнительно-исторический метод, позволивший не только проанализировать рассказы писателя в сравнительно-сопоставительном аспекте, но и выявить их связь с новеллистикой Серебряного века.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его материалов, результатов и выводов в вузовском курсе

CC BY

истории русско литературы XX века, спецкурсах, посвященных прозе писателей-младоэмигрантов и творчеству Г. Газданова.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Повествовательная техника ранних рассказов Г. Газданова

Первый опубликованный рассказ Г. Газданова «Гостиница грядущего» наполнен парадоксами, «странными» оборотами речи, гротескными трюизмами. Фразы короткие, абзацы зачастую состоят из одной строки, искусственные остановки внутри предложений. Например: «В орнаменте: ежедневных обедов и жизней легких, как облако. Гостиница грядущего» [Газданов, т. 1, с. 493]. Или: «Раз в сутки в Париже бывает вечер» [Там же, с. 496]. Повествователь внятно не персонифицирован. Рассказ насыщен прямой речью, но фразы такие же короткие, как и в авторской, только без нарочитой прерывистости и затрудненности. Или же прямая речь идёт после авторской, описывающей появление или действие персонажа: «В три часа дня возвращается Бланш: — Губы негров, негритянок» [Там же, с. 495]. Подчеркнутая стилистическая экспрессивность подчеркивает экстатическую образность, характерную для рассказа.

Справедливости ради, заметим, однако, что в рассказе есть диалоги, в которых один из участников читателю не представлен. Он не назван предварительно, как остальные персонажи, не раскрывается после диалога. Например: « — Скажите, Бланш, чем вы, собственно говоря, занимаетесь? — Привилегия любопытства принадлежит женщинам. — Я знаю, Бланш, что за любопытство выгоняют из рая. Но если рай хоть немного похож на эту улицу, то мне остается только пожелать, чтобы меня выгнали возможно скорей» [Там же, с. 494].

Последняя реплика слишком характерна, чтобы быть гипотетической, она явно принадлежит некоему «не представленному» автором персонажу. Бланш продолжает разговаривать с ним, и на её рассуждения о губах он отвечает ей очень конкретно: « — Приходите вечером, сейчас не мешайте. Я погружаюсь в работу» [Там же, с. 496]. Выясняется, что у персонажа есть занятие, которое требует уединения и концентрации и которым он занимается в номере гостиницы. Логично предположить, что это писательство.

Во второй части повествователь называет реплики «непредставленного» персонажа «третьим голосом». Этот «третий голос» беседует с Ульрихом в тот момент, когда в гостинице горит свет лишь в двух комнатах на пятом этаже, то есть в гостинице бодрствуют только Ульрих и «непредставленный» герой. Кроме того, Бланш говорит Марго, что на пятом этаже живёт её знакомый русский. Известно, что он хорошо образован, и это очевидно из его тирады о крестоносцах и современной жизни.

CC BY

Таким образом, уже в рассказе «Гостиница грядущего» наличествует герой-рассказчик, наделенный автобиографическими чертами: русский, находящийся в эмиграции в Париже, занимающийся литературным творчеством. Но его образ соответствует ориентации рассказа на дискретность восприятия и повествования.

В «Повести о трёх неудачах», опубликованной в 1927 году, нарратор не скрывается за третьеличной формой повествования, но в тексте вновь сохраняется стремление к парадоксам и нарочитым трюизмам, остаются короткие предложения и фразы, дробление предложения двоеточиями: «Мой пес умер потому, что не понял революции» [Там же, с. 500]. Или: «В свое время мы родились незаряжавленными и молодыми [Там же, с. 501].

В третьей части рассказа проявляется интерес прозаика к «не своему» записанному слову, сохранившийся на протяжении всего творческого пути (к примеру, роман «Эвелина и её друзья» насыщен цитатами из книги, которую пишет не рассказчик, но его друг Артур). Цитаты из «голубиной книги» Аристархова перемешиваются с комментариями рассказчика. Очевидно, что рассказчик не разделяет мнения Аристархова, считает его восторженным и не приспособленным к реальности. Начинается «голубиная книга» эпически, с попытки мыслить космическими масштабами: «Вселенная была в беспорядке…» [Там же, с. 511], — а завершается абсурдными советами и бытовыми страхами. Книга Аристархова показывает бесплодность переоценивания революции и приравнивания России к масштабам Вселенной. Подоплекой такого мировоззрения оказывается сумасшествие, и без красивых фраз — банальной смесью маний величия и преследования (справедливости ради, напомним, что Т. Н. Красавченко в статье «Писатель и политика: Гайто Газданов» приводит архивные сведения, свидетельствующие о том, что Газданов публично называл революцию событием локального значения [Красавченко, 2019]).

Уже Л. Диенеш указал на композиционной сходство «Повести…» и «Рассказов о свободном времени» — их «трехчастную структуру» [Dienes, 1982], которая сочетается с модернистской монтажностью. Равно как и в «Повести…», рассказчик в «Рассказах о свободном времени» также оказывается восторженным, стремясь осознать и описать революцию и Гражданскую войну. Аскет, цитата из рукописи которого стала эпиграфом всего рассказа, пытается охладить пыл рассказчика: «Оставьте лирический тон, не надо держать себя в таком постоянном напряжении. <…> не надо говорить в повышенном тоне о неприятном запахе истории» [Там же, с. 540]. В замечаниях Аскета множество перекличек с комментариями самого рассказчика из «Повести…» и с записками Аристархова. Аскет говорит о «неприятном запахе истории», что соответствует «запаху разложения побеж-

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(3), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

денных» (помимо биологического смысла) в книге Аристархова. «Лирический», «повышенный» тон также характеризует речь большей части этой книги. «Напряжение» — повторяет комментарий рассказчика «Повести…» о книге Аристархова: «она напряжённа». Читатель не видит всего диалога, но ответы Аскета позволяют понять, что по образу мыслей рассказчик ближе Аристрахову, чем Аскету. Позиция Аскета, его заявления, что «бескорыстие бесплодно», и согласие быть «безучастным созерцателем» приводят к наркотической зависимости, что вполне можно сопоставить с сумасшествием Аристархова в «Повести…», мистические «прозрения» которого переходят в безумие, что воплощено в стилистической экспрессии.

В обоих рассказах ведется спор о прошлом России, но не в категориях «левые — правые», которые были Газданову почти не важны, что отмечали многие исследователи, а в категориях «экзистенциального переживания» [Матвеева, 2008, с. 121]. Герой-рассказчик Газданова каждый раз оказывается в оппозиции к другому рассказчику: с Аристарховым он скептик, с Аскетом — романтик. Сочетание «пристрастности и отстранённости», о которых пишет Ю. В. Матвеева, неоднородно: с помощью вставных рассказчиков Газданов разрабатывает обе позиции, поочередно концентрируясь на каждой и противопоставляя ей позицию героя-рассказчика (сам герой имеет много черт «автора реального» и даже является автором первой части «Рассказов…», в которой описывается бильярдная Туп-Тап). Аскет иронически замечает рассказчику: «...не надо делать героических усилий, описывая бильярдную…» [Газданов, 2009, с. 54]). Обе крайности, — наглядно показывает писатель, — приводят к потере собственной личности.

Композиционно эти два рассказа очень близки: отчетливо выраженные автобиографические мотивы, трехчастная форма, сюжетное движение от революционной России к эмиграции. Но стиль «Рассказов…» уже меняется: замедляется ритм, тон становится мягче. Во второй части длина предложений приближается к повседневной письменной речи, нет назывных или сложносочиненных, составленных только из грамматических основ предложений, нет разбивки предложения на строки и отступов различной ширины. В отдельных моментах уже слышна интонация «Вечера у Клэр» — смесь лиризма и иронии, описание внешнего мира через собственное впечатление: «Из окна моей комнаты я видел лишь крыши и куски неба и редкими ночами — зарева пожаров на азиатской стороне, голые, отчаянные люди, которых я принимал сперва за сумасшедших спортсменов, но которые оказались просто пожарными, бешено мчались по тихим ночным улицам Константинополя» [Газданов, 2009, с. 533].

Но это скорее исключение, в большинстве же длинных сложносочиненных предложений сохраняется обилие эпитетов, усиление мысли через

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(3), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

повторы, отвлеченность вместо детальности описания: «Затем, когда нам надоели сверкающий вид Босфора и прохладные ночи над мечетями, мы прокляли постигнутую тайну ориентализма и нашли иные пути, чтобы сохранить себя; < … > мы, ростки, вырастающие из обгоревших головней такой пламенной, такой неповторимой революции, такого великолепного костра» [Газданов, 2009, с. 533].

3.2. Специфика воплощения музыкального мотива в ранних рассказах Г. Газданова

В последнем рассказе 1927 года «Общество восьмерки пик» снова используется графическое выделение текста для описания песни Джэн. Так маркируется эпизод, связанный только с внутренней жизнью повествователя — появляется бесспорно значимый для Газданова мотив музыки, характерный для литературы Серебряного века (от «Симфоний» А. Белого, «Тетради № 1» А. М. Добролюбова до прозы И. Бунина или рассказов Б. Зайцева), но переданный специфически — графическим расположением строк, «напоминающим верлибр» [Кабалоти, 1998, с. 35] и нацеленным на передачу нюансировки пения героини:

«Песнь идет так:
она начинается колеблющейся нотой,
медленными, извилистыми, раскачивающимися
звуками,
<…>
и сдвигает сердце,
и опоясывает его
…
…пронзительным ощущением
улетающих призраков памяти…» [Газданов, 2009, т. 1, с. 548].

Мотив музыки в творчестве Газданова привлекал внимание многих исследователей. Так, Е. В. Кузнецова о музыкальном мотиве пишет, что в романных произведениях он становится маркером исключительности героев, лучший пример которых — Николай Соседов и его отец, а в рассказе «Гавайские гитары» мотив музыки связан с мотивом смерти. А. А. Нижник и Н. З. Кольцова указывают, что музыка у Газданова «выступает в роли своеобразного медиатора <…> между темами войны, любви, утраченной родины» [Нижник и др., 2018]. В работах о теме музыки других исследователей [Андреева, 2010; Кухтенкова, 2021] рассматриваются «История одного путешествия», «Призрак Александра Вольфа», «Возвращение Будды», «Пробуждение» и др. Но «пронзительная» сила музыки впервые была обозначена в рассказе «Общество восьмерки пик», на наш взгляд, ориентированном на традицию Серебряного века (достаточно вспомнить, к примеру, бунин-

CC BY

скую прозу, где музыка сопутствует самой жизни, измеряет её искусством, разрушая привычное, и противостоит гибели). Подчеркнем, что в рассказе Г. Газданова для описания пения Джэн используется графическое выделение, соответствующее душевному волнению. В «Вечере у Клэр», кстати, используется тот же эпитет, что и в рассказе, — *пронзительный*: «Самым прекрасным, самым пронзительным чувствам, которые я когда-либо испытывал, я обязан был музыке <…>» [Газданов, 2009, т. 1, с. 48].

Примечательно, что музыкальная тема в «Обществе восьмерки пик» непосредственно взаимосвязана с темой смерти: трагическая гибель ожидает Джэн. Не случайно и то, что Вася-фантазёр рассказывал на прощание с Джэн, будто «родился скрипачом» и «был убит завистливыми музыкантами» [Там же, с. 557], — он тоже был убит.

Интонация, лирическая и одновременно ироническая, пронизывает рассказ и лишь отдалённо напоминает «Вечер у Клэр». Квартира Маруси выступает в качестве центрального локуса повествования, функционируя как пространство регулярных встреч Общества. Именно в пределах этого интерьера концентрируются ключевые сюжетные события, а также достигается максимальная степень эмоционального напряжения, охватывающего как персонажей, так и повествователя. Однако описание квартиры не обходится без иронии: она «была устроена как-то так, что стульев, например, там не было». «Не своим» записанным словом в рассказе служат протоколы заседаний общества Восьмерки Пик. Авантюрное содержание вступает, таким образом, в комическое противоречие с официальным языком записей.

Образ «воспевательницы Восьмерки Пик» отмечен несколькими штрихами. По классификации женских образов Е. В. Кузнецовой [Кузнецова, 2012, с. 55], Джэн не определена, лишь упоминается в ряду «романтических героинь» раннего творчества. Но Джэн более яркий и самостоятельный персонаж, нежели Роза Шмидт. О силе чувств, вызываемых в людях пением Джэн, многократно говорит повествователь, и образ женщины преломляется в его сознании ретроспективно — она неотделима от времени, когда они встретились: «В пролете эпох мы не любили других женщин» [Газданов, 2009, с. 553]. Джэн — «творимая Муза», что также отчетливо отсылает к литературе Серебряного века с её идеей одухотворяющей и спасающей «Вечной женственности» (достаточно вспомнить героиню «Стихов о Прекрасной Даме» А. Блока, становящуюся символом воплощенного совершенства, или «Симфонии» Андрея Белого, где образ Жены, Облеченной в Солнце, знаменует грядущее апокалиптическое преображение человека). Кроме того, Джэн вдохновляет повествователя тем, *что* он в неё вкладывает, — «исключительностью» её голоса, — и становится воплощением женственности и гармонии.

CC BY

Примечательно, что в 1928 году вышел первый рассказ Газданова с именем женщины в заглавии — «Товарищ Брак», следующей в ряду «творимых муз». Татьяна Брак, равно как и Клэр, по определению Горького [Газданов, 2009, т. 5, с. 39], — направление повествования, а не главная героиня; в центре же сюжета находится описание чувств рассказчика, его тотальная рефлексия. Но если в «Повести…» и особенно «Рассказах…» рассказчик словно ставит «метку»: деталь связывается с определенным периодом жизни, репрезентирует это время в памяти рассказчика (удары бильярдных шаров — революционные годы в России), то начиная с рассказа «Товарищ Брак» рефлексия об испытанных чувствах оказывается значительно глубже. Для художественного метода «Рассказов…» было бы достаточно связать описываемое время и силуэт героини, теперь же рассказчик Газданова задаётся вопросом о том, почему героиня так много значила для него.

Тема музыки здесь становится ещё значительнее: воспоминание о прошедшем невозможно без воспоминания о звучащей музыке. Картина, воссозданная в рассказе, уже схожа с «Вечером у Клэр»: «…романс “чуть позабудешься ночью морозною”… снежные пирамиды деревьев, эти лампы ресторанов, где собирались спекулянты, этот разреженный и острый ветер свободы и духовые оркестры революции… нам не перестает слышаться торжественная музыка того времени» [Газданов, 2009, т. 1, с. 568]. Или в «Вечере у Клэр»: «Тогда, в России, был холоден воздух, был глубок снег, чернели дома, играла музыка и все текло передо мной … ясно доходил до меня голос хромого солдата: Горел-шумел пожар московский...» [Там же, с. 106].

Справедливости ради отметим, что практически параллельно с выходом в свет романа «Вечер у Клэр» и «Водяной тюрьмы» появился и рассказ Г. Газданова «Гавайские гитары», поэтика которого также подчеркнуто модернистская. Центр повествования здесь перенесен внутрь, внимание сконцентрировано не на объектном мире, но на рефлексии субъекта, направленной на него. Предметом изображения является исключительно субъективное сознание героя, а различные планы реальности, преломляясь в потоке сознания, сплетаются и синтезируются в сюжетно-фабульной структуре рассказа, причем граница между ними становится неотличимой. При этом вещная реальность уже не противопоставляется реальности психической. В потоке сознания и та, и другая приобретают характер и значение равноценных планов реальности, способных взаимодействовать, воздействовать друг на друга. Чередуясь, они скорее дополняют, нежели опровергают одна другую, но особое значение приобретают пограничные состояния сознания: состояния сна, предсонья, погруженности в воспоминания. Музыку гавайских гитар рассказчик впервые слышит именно в состоянии предсонья: «…вдруг комната заполнилась протяжными, ви-

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(3), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

брирующими звуками, соединение которых мгновенно залило мое воображение. Я не мог проснуться и открыть глаз; но я ясно слышал эти звуки и следил за их плачущим мотивом. — Снится мне это или нет? — спрашивал я себя. — Наверное, нет, потому что такую музыку я никогда бы не мог придумать. — Я долго слышал ее, вероятно, дольше, чем она продолжалась; но она становилась все тише и тише и стала смешиваться с каким-то другим шумом» [Газданов, 2009, т. 1, с. 51]. Рассказав позднее хозяевам квартиры об услышанном ранним утром, он узнает, что ничего подобного быть не могло. Романтическое двоемирие, всякий раз по-новому выраженное в поэтике рассказов «Превращение», «Мартын Расколинос», «Водяная тюрьма», представлено в «Гавайских гитарах» в глубинной амбивалентности жизни и смерти и вновь взаимосвязано с музыкально темой.

Возвращаясь к рассказу «Товарищ Брак», отметим, что предложения в нем уже удлинились, исчезли рубленые фразы, но описания все ещё изобилуют эпитетами, до трёх к одному существительному: «Но нам была органически противна его длинная, худая, гибкая фигура, необыкновенно тонкие и липкие пальцы, быстрые, обезьяньи, отвратительные движения» [Газданов, 2009, т. 1, с. 569]. Сравним с описанием фигуры и движений персонажа в «Вечере у Клэр»: «Движения его во время опасности были быстры, как движения японского фокусника или акробата … фигура Аркадия, стоявшего впереди и глядевшего перед собой, — несмотря на то, что в такой позе его не было ничего неожиданного и непривычного, — казалась мне мрачной статуей на машине войны» [Газданов, 2009, с. 145]. Сравнение с акробатом позволяет избавиться от множества уточняющих эпитетов: точные, ловкие, умелые и т. д. движения; статуя на машине войны и «внушительная», и «грозная», и оставляет в фокусе восприятие рассказчика. С образом же Татьяны Брак вновь связан музыкальный мотив: героиня символически объединяет музыку, любовь в её чувственной и «рыцарственной» ипостасях и ушедшую эпоху, не случайно не только генерал Сойкин, влюбленный в музыку, буквально оправдывает своё существование, когда Татьяна «просила его спеть еще что-нибудь» [Газданов, 2009, т. 1, с. 565], или Рашевский с его музыкой, которую герои «еще никогда не слыхали», но и сам нарратор, ностальгически вспоминая о ней, заключает: «Только Татьяна Брак могла воскресить перед нами эти пустыни поэзии, в синей белизне которых нам не перестает слышаться торжественная музыка того времени» [Газданов, 2009, т. 1, с. 569].

3.3. Рассказы «Римляне» и «Дракон» в творческой эволюции писателя

Описание через эмоции рассказчика становится значительнее в рассказе «Римляне». Равно как и во всех предыдущих рассказах, его тема —

CC BY

осмысление социального перелома, произошедшего в России в 1917 году, и изменений, которые за ним последовали. Но если ранее рассказчик был взрослым человеком, вспоминавшим события и последовательное воспроизводившим связанные с ними образы, то в «Римлянах» рассказчик — гимназист, и всё видимое изображается глазами подростка, подается сквозь призму детского сознания. Лишь в финале повествователь отделяется от наблюдателя-ребёнка. Это же свойство сознания — полностью переноситься в прошлое, словно забывая то, что за ним следовало, — принадлежит и рассказчику «Вечера у Клэр», о котором он сам говорит так: «… я точно не видел и не знал всего, что со мной случилось после того момента, который я воскрешал: и я оказывался попеременно то кадетом, то школьником, то солдатом — и только им …» [Газданов, 2009, т. 1, с. 51].

В рассказе «Римляне» впервые подробно разрабатывается гимназическая тема. Параллели между учителями мальчика в «Вечере у Клэр» и «Римлянах» очевидны: увлечённость своим предметом, обширные знания и способность заражать учеников характеризуют и Василия Николаевича («Вечер…»), и Алексея Борисовича («Римляне»). Сила влияния последнего описывается не через последовательность эпитетов, а через эмоцию рассказчика: «… когда он взмахивал руками в том месте, где Александр Невский обрушивался на своих врагов, я вздрагивал от волнения» [Там же, с. 579].

Через личное чувство подаётся и религиозное сопровождение гимназистской жизни. Нарисованный Сергей Радонежский стоял на траве, и герою казалось, что у святого мерзнут ноги. Вполне соотносимы, на наш взгляд, и учителя веры в рассказе и романе. Они описываются с уважением и теплотой, даже несмотря на проговариваемое каждым героем отрицательное отношение к религиозности, явное и общее в «Вечере у Клэр»: «Я питал неприязнь к людям духовного звания» [Там же, с. 113]. Или более частное, смутное в «Римлянах»: «Я питал к нему [Сергею Радонежскому] смешанное чувство — недоброжелательства, как к святому…» [Там же, с. 581]. Их объединяет и образованность: отец Иоанн («Римляне»), «академик и религиозно-литературный критик», законоучитель Коли Соседова «академик и философ». Они не педанты: один спокойно отвечает ребенку, почему святые в одежде, похожей на женскую, другой обсуждает с подростком «Великого инквизитора», и оба погибают спустя несколько лет после революции. Но в «Вечере у Клэр» личное чувство, предельно субъективный взгляд — основа всего повествования. Переживание сопровождает и смерть преподавателя: «Известие о его смерти мне было тем более тягостно …». В рассказе же отношение к этому искусственно отстраненное: «Отец Иоанн умер от огорчения религиозного характера …» [Газданов, 2009, с. 586]. Смерти двух

CC BY

столь близких друг другу персонажей — яркий пример различных подходов в отношении к смерти (Е. Н. Проскурина однозначно соотносит их с новеллистикой и романной прозой), которые грубо можно определить как смерти-трагедии и «проходное явление» [Проскурина, 2013].

Изменение стиля Гайто Газданова за период с 1926 года по начало 1928 года (рассказ «Римляне» опубликован 18 марта в газете «Дни») значительно: предложения стали длиннее, а ритм более плавным, появились воспринятые у творцов Серебряного века мотивы (тотальная саморефлексия, музыка) и образы (героини как символы Вечной Женственности), получившие впоследствии развитие в романе, возникла рефлексия по поводу прошедших событий и испытанных чувств, фокус повествования сместился на внутреннюю жизнь рассказчика не в её статичной форме («В картинной галерее моего воображения я поставлю…» — «Рассказы о свободном времени»), но в постоянно изменяющейся.

Однако черты зрелости творческой у писателя — стиля, мотивики, образности романа «Вечера у Клэр» — воплощены в следующем рассказе, также опубликованном в 1928 году в газете «Дни». Это рассказ «Дракон».

Фабулы рассказа и романа совпадают — герой находится в парижской квартире и вспоминает свою жизнь. Глубина погружения в прошлое и удаление от центрального образа ограничиваются в рассказе только его объёмом. Рассказчик «Дракона» говорит то, что позже озвучит и рассказчик «Вечера у Клэр»: самое главное — реальность не только обыденной жизни, видимой всем, но и второй — внутренней, более ценной: «Это второе существование, несравненно более значительное…» [Газданов, 2009, т. 1, с. 590]. Теми же словами, кстати, говорит и герой «Вечера у Клэр»: «…мое глухое, внутреннее существование оставалось для меня исполненным несравненно большей значительности» [Там же, с. 49].

Но не просто факт этой жизни един для рассказчиков. Они оба её слышат, ощущают в себе как лёгкий «шум жизни», который звучит постоянно. В «Драконе» тишина значит смерть: «...легкий шум моей второй жизни начинал по-прежнему звучать. … и если этот шум прекратится, то я умру» [Там же, с. 590]. В «Вечере…» исчезновение этого шума — трагедия: «… если где-то далеко внутри меня наступает тишина, заменяющая тот тихий непрестанный шум моей душевной жизни. <…> это значит, что произошла катастрофа» [Там же, с. 63].

Рассказ содержит одну эмоциональную ось, вокруг которой собираются воспоминания и эмоции рассказчика — образ дракона. Сложными отношениями рассказчика с драконом в его «второй» жизни объясняет Е. В. Кузнецова [Кузнецова, 2012, с. 159] самый напряженный момент рассказа: «Я проснулся не таким, каким заснул, и ясно увидел себя со сторо-

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(3), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

ны: тело, ноги, лицо, глаза. Особенно — глаза; и с тех пор, когда я подходил к зеркалу, я неизменно встречал всегда чужой, но что-то отдаленно напоминающий взгляд — безличный и жестокий. <…> дракон опять появлялся передо мной» [Там же, с. 590].

Причины изменения в рассказе не прояснены. Но есть точное указание на место и время случившегося — Украина, и рассказчику тогда было всего восемь лет. Сопоставление с романом «Вечер у Клэр» дает объяснение такой страшной трансформации рассказчика. В восьмилетнем возрасте на Украине Николай Соседов потерял отца. В романе есть описание ужаса, которое испытал мальчик, заглянув в гроб: «… ледяное чувство смерти охватило меня, и я ощутил болезненное исступление, сразу увидев где-то в бесконечной дали мою собственную кончину…» [Там же, с. 59]. Очевидно, что ощущение неизбежности смерти навсегда поселяется в его сознании именно после этого пробуждения. После похорон Николай Соседов заболел дифтеритом и долго бредил в жару. Окончательное выздоровление пришлось на начало осени, но он приходил в сознание и раньше. В летнее украинское утро проснулся с новым жутким знанием и безымянный рассказчик «Дракона». Боль личной потери, которую пережил сам Газданов, стала объектом рефлексии сначала в рассказе «Дракон», а затем в «Вечере у Клэр». Она окрашивает детские воспоминания повествователя, и это определяет его трагическое восприятие мира и появление в рассказе «метароманного лейтмотива страха смерти» [Проскурина, 2015]. Приведенные цитаты, на наш взгляд, отчетливо демонстрируют и синтаксическое сходство: предложения строятся так же, как и в романе: длинные, сложноподчинённые, с обилием запятых, тире и точек с запятой.

Между датой окончания романа, указанной автором, — июль 1929 года — и публикацией рассказа «Дракон» был опубликован лишь рассказ «Превращение». В «Превращении» тот же рассказчик — глубоко погруженный в себя, наделенный рефлектирующим сознанием, с напряжённой, иногда до болезненности, внутренней жизнью. Он не вспоминает свое бытие, но сосредотачивается на отдельных моментах, например повторяющемся сне, в котором слышится музыка старинных часов, но прошлое всё равно прорывается: революция, война, странствия. Если сюжетная композиция «Превращения» построена через нанизывание визионерских наплывов — путешествий сознания, а объективный мир лишь эпизодически обозначается как фон, причем крайне неопределенный по характеру, то в «Драконе» и «Вечере у Клэр» картины и образы вещного мира органично сочетаются с рефлексией и саморефлексией персонажа, причем рассказчик здесь отмечает, что внутренняя жизнь имеет звуковую окраску, лёгкий шум. В «Превращении» внутренняя жизнь также связана со звука-

CC BY

ми: «Гигантский и шумный мир вмещался в меня… начинали стрекотать кузнечики …» [Газданов, 2009, т. 1, с. 593].

О рассказе «Превращение», равно как и о «Драконе», на наш взгляд, вполне уместны слова М. Слонима, сказанные о романе «Вечер у Клэр»: «… эмоциональность, взволнованность, беспокойство, прорывающееся и в лирике, и в иронии, — вот что составляет главные элементы газдановской манеры» [Слоним, 1930, с. 456]. Синтаксически эта манера выражается обилием тире, придаточных и деепричастных оборотов, точек с запятой, разделяющих части длинных сложносочинённых предложений, — именно здесь, судя по всему, «долгое дыхание», нужное для романа, писателем уже было взято, что свидетельствовало об очевидной его эволюции за 1926 по 1929 годы.

4. Заключение = Conclusions

Итак, мы пришли к следующим выводам. Вплоть до публикации рассказа «Дракон» повествовательные модели рассказов Г. Газданова («Гостиница грядущего», «Римляне», «Гавайские гитары», «Товарищ Брак») были идентичными: от коротких фраз с искусственными остановками внутри предложений с третьеличной формой повествования к длинным, сложноподчинённым предложениям с акцентуацией на перволичной форме. Ключевую роль в ранней малой прозе писателя играет мотив музыки, чье воплощение соотносимо с репрезентацией музыкального мотива в прозе Серебряного века: музыка всегда сопутствует приближающейся смерти. Наконец, значимым мотивом ранней газдановской прозы, основанной на романтическом двоемирии, становится саморефлексия, порождающая визионерские «путешествия» сознания. В большинстве ранних рассказов репрезентирован образ героини, связанный с музыкальным мотивом и символизирующий культ Вечной Женственности (Джэн в «Обществе восьмерки пик», Роза Шмидт, Екатерина из «Рассказов…», Татьяна из «Товарища Брак»).

Заключим, что все значительные изменения в поэтическом мире Г. Газданова, его стилевой манере произошли не мгновенно: от произведения к произведению появлялись новые мотивы, которые развивались на протяжении всей творческой жизни, находились новые интонации, рассказчик начинал иначе относиться к прошлому и к своей памяти, иначе описывать увиденное. Стиль, свойственный роману «Вечер Клэр», принесшему писателю всеобщую известность среди литературных кругов «первой волны» эмиграции, впервые был найден весной 1928 года при написании короткого рассказа «Дракон», который маркирует «перелом» в творчестве прозаика — от ранних рассказов к зрелой, романной манере, когда прозаик

окончательно отказывается от экспрессивной, монтажной манеры и концентрируется на изображении рефлектирующего сознания.

Перспективы дальнейшего исследования видятся нам, во-первых, в детальном изучении творчества Г. Газданова в контексте литературы русского зарубежья «первой волны», во-вторых, в сравнительно-сопоставительном аспекте малой прозы Г. Газданова и других младоэмигрантов с целью выявления общей образности и мотивики.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Адамович Г.* <Молодые прозаики в журнале «Своими путями»> [Электронный ресурс] / Г. Адамович // Литературные беседы. Книга вторая («Звено» : 1926—1928). — Режим доступа : https://www.rulit.me/books/literaturnye-besedy-kniga-vtoraya-zveno-1926-1928-read-63812-11.html (дата обращения 13.02.2026).

2. *Бунин И. А.* «Своими путями» / И. А. Бунин // Возрождение. — 1926. — 22 июля (№ 415). — С. 3.

3. *Газданов Г.* Собрание сочинений : в 5 т. / Г. Газданов ; под общей редакцией Т. Н. Красавченко. — Москва : Эллис Лак, 2009. — Т. 1. — 880 с. — ISBN 978-5-902152-72-9

4. *Газданов Г.* Собрание сочинений : в 5 т. / Г. Газданов ; под общей редакцией Т. Н. Красавченко. — Москва : Эллис Лак, 2009. — Т. 5. — 733 с. — ISBN 978-5-902152-78-1.

5. *Слоним М.* Литературный дневник. Два Маяковских. Роман Газданова / М. Слоним // Воля России. — 1930. — № 5/6. — С. 446—457.

6. *Слоним М.* Молодые писатели за рубежом / М. Слоним // Воля России. — 1929. — № 10/11. — С. 116—117.

Литература

1. *Агеносов В. В.* История литературы Русского Зарубежья. Вторая и третья волны / В. В. Агеносов, Н. С. Выгон, А. В. Леденев. — Москва : Юрайт, 2020. — 176 с. — ISBN 978-5-534-07235-8.

2. *Андреева В. А.* Мир как музыка в прозе И. Бунина и Г. Газданова / В. А. Андреева // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2010. — № 2 (46). — С. 150—153.

3. *Иванов Е.* Нуминозное в прозе Г. Газданова / Е. Иванов // Вестник государственного гуманитарно-технологического университета. — 2021. — № 1. — С. 54—59.

4. *Иванов Е.* Сон в прозе Гайто Газданова как литературная проблема / Е. Иванов, Г. Иванова // Неофилология. — 2021. — Т. 7. — № 25. — С. 91—101.

5. *Кабалоти С. М.* Поэтика прозы Гайто Газданова 20 — 30-х годов / С. М. Кабалоти. — Санкт-Петербург : Петербургский писатель, 1998. — 336 с. — ISBN 5-88986-007-0.

6. *Красавченко Т. М.* Писатель и политика : Гайто Газданов / Т. М. Красавченко // Литературное зарубежье как культурный феномен : Сборник научных трудов. Сер. «Те-

CC BY

ория и история литературоведения». — Москва : ИНИОН РАН, 2019. — Выпуск 2. — С. 105—116.

7. *Кузнецова Е. В.* Поэтика прозы Гайто Газданова и закономерности ее развития в контексте традиций русской литературы первой трети XX века : монография / Е. В. Кузнецова. — Астрахань : Издатель : Сорокин Роман Васильевич, 2012. — 244 с. — ISBN 978-5-91910-136-9.

8. *Кухтенкова А. А.* «Лирический мир» как одно из проявлений экзистенциальных исканий героев произведений Г. И. Газданова при восприятии музыки / А. А. Кухтенкова // Филология и человек. — 2021. — № 1. — С. 134—144. — DOI: 10.14258/filichel(2021)1-09.

9. *Матвеева Ю. В.* Гражданская война как метатема «младшего» литературного поколения первой русской эмиграции : В. Андреев, Г. Газданов / Ю. В. Матвеева // Вестник Челябинского гос. ун-та. — 2008а. — № 30 (131). — С. 87—94.

10. *Матвеева Ю. В.* Самосознание поколения в творчестве писателей-младоэмигрантов / Ю. В. Матвеева. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2008б. — 194 с.

11. *Нижник А. В.* Музыка в творчестве Г. Газданова («безмолвный концерт» в «Вечере у Клэр» и «немая симфония» в «Эвелине и её друзьях») / А. В. Нижник, Н. З. Кольцова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия : Русская филология. — 2018. — № 3. — С. 111—120. — DOI: 10.18384/2310-7278-2018-3-111-120.

12. *Никоненко С. С.* Гайто Газданов : проблема понимания [Электронный ресурс] / С. С. Никоненко. — Режим доступа : http://hrono.ru/statii/2001/gazdan06.html (дата обращения 12.02.2026).

13. *Осьмухина О. Ю.* В. Набоков & V. Nabokov : проза как культурный феномен: монография / О. Ю. Осьмухина. — Нижний Новгород : Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2019. — 160 с. — ISBN 978-5-91326-501-2.

14. *Проскурина Е. Н.* Художественная философия смерти в новеллистике Г. Газданова / Е. Н. Проскурина // Сибирский филологический журнал. — 2016. — № 2. — С. 72—82. — DOI: 10.17223/18137083/55/9.

15. *Проскурина Е. Н.* Танатологический сюжетно-мотивный комплекс в романной прозе Г. Газданова / Е. Н. Проскурина // Критика и семиотика. — 2013. — № 2 (19). — С. 196—219.

16. *Проскурина Е. Н.* Поэтика эсхатологического сюжета в романной прозе Г. Газданова / Е. Н. Проскурина // Культура и текст. — 2015. — № 3 (21). — С. 141—158.

17. *Федякин С. Р.* Лица Парижа в творчестве Газданова / С. Р. Федякин // Русское зарубежье, библиотека-фонд (Москва). Материалы и исследования / Библиотека-фонд «Русское зарубежье». — Москва : Русский путь, 2000. — Выпуск 1. — 308 с. — ISBN 5-85887-099-6.

18. Федякин С. Р. Гайто Газданов : искусство изобразительности / С. Р. Федякин // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. — 2013. — № 4 (120). — С. 242—251.

19. *Хетени Ж.* Прах и промах. А. Белый и В. Набоков : полигенетизм, параллель, пародия / Ж. Хетени // Studia Slavica. — 2021. — № 66 (1). — С. 41—51. — DOI: 10.1556/060.2021.00004.

20. *Dienes L.* Russian Literature in Exile : The Life and Work of Gajto Gazdanov. Slavistische Beiträge / L. Dienes. — Munich : Verlag Otto Sagner, 1982. — Vol. 154. — 241 p. — ISBN 3-87690-223-1.

Статья поступила в редакцию 16.12.2025,
одобрена после рецензирования 19.03.2026,
подготовлена к публикации 07.04.2026.

Material resources

Adamovich, G. <Young prose writers in the magazine "In their own ways">. *Literary conversations. The second book ("The Link": 1926—1928).* Available at: https://www.rulit.me/books/literaturnye-besedy-kniga-vtoraya-zveno-1926-1928-read-63812-11.html (accessed 13.02.2026). (In Russ.).

Bunin, I. A. (1926). "In his own way". *Vozrozhdenie, 415:* P. 3. (In Russ.).

Gazdanov, G. (2009). *Collected works: in 5 volumes, 1.* Moscow: Ellis Luck. 880 p. ISBN 978-5-902152-72-9. (In Russ.).

Gazdanov, G. (2009). *Collected works: in 5 volumes, 5.* Moscow: Ellis Luck. 733 p. ISBN 978-5-902152-78-1. (In Russ.).

Slonim, M. (1930). Literary diary. Two Mayakovskys. Roman Gazdanova. *The Will of Russia, 5/6:* 446—457. (In Russ.).

Slonim, M. (1929). Young writers abroad. *Volya Rossii, 10/11:* 116—117. (In Russ.).

References

Agenosov, V. V., Vygon, N. S., Ledenev, A. V. (2020). *The history of literature of the Russian Diaspora. The second and third waves.* Moscow: Yurait. 176 p. ISBN 978-5-534-07235-8. (In Russ.).

Andreeva, V. A. (2010). The world as music in the prose of I. Bunin and G. Gazdanov. *Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University, 2 (46):* 150—153. (In Russ.).

Dienes, L. (1982). *Russian Literature in Exile: The Life and Work of Gajto Gazdanov. Slavistische Beiträge, 154.* Munich: Verlag Otto Sagner. 241 p. ISBN 3-87690-223-1.

Fedyakin, S. R. (2000)> The faces of Paris in Gazdanov's work. In: *Russian Abroad, library-foundation (Moscow). Materials and research, 1.* Moscow: Russian Way. 308 p. ISBN 5-85887-099-6. (In Russ.).

Fedyakin, S. R. (2013). Gaito Gazdanov: the art of fine art. *Proceedings of the Ural Federal University. Ser. 2. Humanities, 4 (120):* 242—251. (In Russ.).

Ivanov, E. (2021). Numinous in the prose of G. Gazdanov. *Bulletin of the State University of Humanities and Technology, 1:* 54—59. (In Russ.).

Ivanov, E., Ivanova, G. (2021). A dream in Gaito Gazdanov's prose as a literary problem. *Neophilology, 7 (25):* 91—101. (In Russ.).

Kabaloti, S. M. (1998). *The poetics of Gaito Gazdanov's prose of the 20 — 30s.* St. Petersburg: Petersburg Writer. 336 p. ISBN 5-88986-007-0. (In Russ.).

Kheteni, J. (2021). Dust and miss. A. Bely and V. Nabokov: Polygenetism, Parallel, parody. *Studia Slavica, 66 (1):* 41—51. DOI: 10.1556/060.2021.00004. (In Russ.).

Krasavchenko, T. M. (2019). Writer and politician: Gaito Gazdanov. In: *Literary abroad as a cultural phenomenon: Collection of scientific papers. Ser. "Theory and history of literary criticism", 2.* Moscow: INION RAS. 105—116. (In Russ.).

Kukhtenkova, A. A. (2021). "The Lyrical World" as one of the manifestations of the existential searches of the heroes of G. I. Gazdanov's works in the perception of music. *Philology and Man, 1:* 134—144. DOI: 10.14258/filichel(2021)1-09. (In Russ.).

Kuznetsova, E. V. (2012). *The poetics of Gaito Gazdanov's prose and the patterns of its development in the context of the traditions of Russian literature of the first third of the twentieth century: a monograph.* Astrakhan: Publisher: Sorokin Roman Vasilyevich. 244 p. ISBN 978-5-91910-136-9. (In Russ.).

Matveeva, Yu. V. (2008a). The Civil War as a meta-theme of the "younger" literary generation of the first Russian emigration: V. Andreev, G. Gazdanov. *Bulletin of the Chelyabinsk State University, 30 (131):* 87—94. (In Russ.).

Matveeva, Yu. V. (2008b). *Self-awareness of the generation in the work of young emigrant writers.* Yekaterinburg: Ural Publishing House. University. 194 p. (In Russ.).

Nikonenko, S. S. *Gaito Gazdanov: the problem of understanding.* Available at: http://hrono.ru/statii/2001/gazdan06.html (accessed 12.02.2026). (In Russ.).

Nizhnik, A. V., Koltsova, N. Z. (2018). Music in the works of G. Gazdanov ("silent concert" in "Evening at Claire's" and "silent symphony" in "Evelina and her friends"). *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Russian Philology, 3:* 111—120. DOI: 10.18384/2310-7278-2018-3-111-120. (In Russ.).

Osmukhina, O. Y. (2019). V. *Nabokov & V. Nabokov: prose as a cultural phenomenon: a monograph.* Nizhny Novgorod: Publishing House of Nizhny Novgorod State University. 160 p. ISBN 978-5-91326-501-2. (In Russ.).

Proskurina, E. N. (2013). Thanatological plot-motive complex in novelistic prose G. Gazdanova. *Criticism and Semiotics, 2 (19):* 196—219. (In Russ.).

Proskurina, E. N. (2015). The poetics of the eschatological plot in the novel prose of G. Gazdanov. *Culture and text, 3 (21):* 141—158. (In Russ.).

Proskurina, E. N. (2016). The artistic philosophy of death in the short stories of G. Gazdanov. *Siberian Philological Journal, 2:* 72—82. DOI: 10.17223/18137083/55/9. (In Russ.).

The article was submitted 16.12.2025;
approved after reviewing 19.03.2026;
accepted for publication 07.04.2026.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(3), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]
Check for updates

Информация для цитирования:

Синь Мэнфэй. Обзор исследований Горького в Китае на основе базы данных CNKI / Синь Мэнфэй, Ван Юн // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 3. — С. 312—331. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-3-312-331.

Xin Mengfei, Wang Yong. (2026). A Survey of Gorky Studies in China Based on CNKI Database. *Nauchnyi dialog, 15* (3): 312-331. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-3-312-331. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus Q1 · DOAJ · ERIHPLUS · eLIBRARY.RU РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Обзор исследований Горького в Китае на основе базы данных CNKI

Синь Мэнфэй
orcid.org/0009-0009-3382-7075
аспирант, Институт
иностранных языков
xmfzju@zju.edu.cn

Ван Юн
orcid.org/0009-0000-2612-3293
доктор филологических наук,
профессор,
Институт иностранных языков,
корреспондирующий автор
wangyongrus@zju.edu.cn

Чжэцзянский университет
(Ханчжоу, Китай)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке
ключевого проекта Национального
фонда
общественных наук Китая
«Квантитативные исследования
русской литературы и её цифровая
интеллектуальная трансформация»
(№ 25AWW009)

A Survey of Gorky Studies in China Based on CNKI Database

Xin Mengfei
orcid.org/0009-0009-3382-7075
Postgraduate Student,
School of International Studies
xmfzju@zju.edu.cn

Wang Yong
orcid.org/0009-0000-2612-3293
Doctor of Philology, Professor,
School of International Studies,
corresponding author
wangyongrus@zju.edu.cn

Zhejiang University
(Hangzhou, China)

Acknowledgments:
The study was carried out
with the financial support
of a Key Project of the National
Social Science Fund of China
“Quantitative Research
of Russian Literature and its digital
intellectual transformation”
(№ 25AWW009)

© Синь Мэнфэй, Ван Юн, 2026

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проведено исследование корпуса китайских научных публикаций о М. Горьком в базе CNKI по состоянию на 31 декабря 2024 года. Проанализировано 562 единицы материала. Научные статьи как материал для анализа извлечены из базы CNKI методом систематического поиска с последующей статистической обработкой и ручной верификацией. Установлено, что пиковые этапы интереса к Горькому в Китае пришлись на 1981, 1986 и 1997 годы и были связаны с юбилейными датами, конференциями и введением новых биографических и эпистолярных материалов. Выявлено, что ядро китайского горьковедения составляют исследования романа «Мать», «Песни о Буревестнике», гуманистической проблематики, концепции «литература как человековедение» и сопоставления Горького с Лу Синем. Показано, что статьи преимущественно публикуются в профильных изданиях по русской, советской и зарубежной литературе, но заметно расширяются в теоретико-литературных и междисциплинарных журналах. Подчеркивается, что в китайском литературоведении Горький осмысляется как автор революционно-гуманистических текстов, источник дискуссий о человеке и литературе и ключевая фигура русско-китайских сравнительных исследований. Сделан вывод о переходе китайского горьковедения от оценочно-рецептивных работ к многоаспектной модели, объединяющей текстовый анализ, идейную интерпретацию и межкультурное сопоставление.

Ключевые слова:
Максим Горький; Лу Синь; CNKI; китайское горьковедение; межкультурное сопоставление.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study presents a comprehensive analysis of Chinese-language scholarly publications on Maxim Gorky available in the CNKI database as of December 31, 2024. A total of 562 publications were examined. The research corpus was compiled through a systematic search of the CNKI database, followed by statistical processing and manual verification of the retrieved materials. The analysis reveals that peaks in scholarly interest in Gorky in China occurred in 1981, 1986, and 1997, coinciding with anniversaries, academic conferences, and the introduction of new biographical and epistolary sources. The core focus of Chinese Gorky scholarship is shown to center on the novel Mother, The Song of the Stormy Petrel, humanistic themes, the concept of "literature as a study of humanity," and comparative studies between Gorky and Lu Xun. It is demonstrated that research articles are predominantly published in specialized journals on Russian, Soviet, and world literature, while there is a noticeable expansion into theoretical literary studies and interdisciplinary publications. The study emphasizes that within Chinese literary scholarship, Gorky is interpreted as an author of revolutionary-humanist texts, a catalyst for debates on man and literature, and a pivotal figure in Russian-Chinese comparative studies. The findings suggest a transition in Chinese Gorky studies from predominantly evaluative and receptive approaches to a multidimensional model that integrates textual analysis, ideological interpretation, and cross-cultural comparison.

Key words:
Maxim Gorky; Lu Xun; CNKI; Chinese Gorky studies; cross-cultural comparison.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(3), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 821.161.1Горький.06+82.091(510)
DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-3-312-331

Научная специальность ВАК
5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации
5.9.2. Литературы народов мира

Обзор исследований Горького в Китае на основе базы данных CNKI

© Синь Мэнфэй, Ван Юн, 2026

1. Введение = Introduction

Популярность русской литературы в Китае, обусловленная активной переводческой деятельностью и научным интересом, обеспечивает ей широкую читательскую аудиторию. В 1920—1930-е годы, когда, по выражению Лю Вэньфэя, «русская литература стала целью китайских литераторов»[Цюй Цюбо, 1986, с. 248], на китайский язык было переведено значительное количество произведений русской и советской классики. Процесс перевода особенно интенсифицировался в период, предшествовавший Октябрьской революции 1917 года и последовавший за ней. Во время «Движения за новую культуру» Лу Синь охарактеризовал русскую литературу как «контрабандное оружие для восставших рабов» [Лю Вэньфэй, 2015, с. 153], подчеркнув ее значение в качестве идейного ресурса. Ключевую роль в переводе и популяризации русской литературы сыграли деятели Коммунистической партии Китая, такие как Ли Дачжао и Цюй Цюбо, а также основоположники «новой литературы» — Лу Синь, Мао Дунь и Ба Цзинь. В течение одного десятилетия были переведены и получили широкое распространение произведения крупнейших русских писателей. В своей статье Лу Синь отмечал: «Русская литература — наш учитель и друг»[Лу Синь, 1932, с. 2]. Общий объем переведенных им произведений русской и советской литературы составил около двух миллионов иероглифов, что сопоставимо с объемом его собственного творчества. Благодаря деятельности нескольких поколений китайских писателей, переводчиков и исследователей имена А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, М. Горького, М. А. Шолохова и других классиков прочно вошли в культурный обиход китайских читателей.

В китайской русистике исследования творчества М. Горького занимают важное место, поскольку его наследие рассматривается как «связующее звено между традиционной русской словесностью и литературой

CC BY

XX века» [Чжан Цзяньхуа, 2010, с. 267]. Мао Дунь утверждал, что после «Движения 4 мая» (1919 года) новое китайское искусство развивалось по пути реализма, который формировался под влиянием традиций русской и европейской классической литературы, однако воздействие М. Горького было «самым непосредственным и наибольшим» [Мао Дунь, 1947, с. 51]. Научные исследования, посвященные писателю, характеризуются высокой продуктивностью: по данным Ван Юна, в рамках затронутой проблематики «с 1979 года по настоящее время регулярно публикуются новые работы»[Ван Юн, 2024, с. 141]. В фундаментальных трудах по истории литературы, таких как «История русской литературы» под редакцией Жэнь Гуансюаня (2003) и «История русской литературы XX века» под редакцией Ли Юйчжэня (2000), творчеству М. Горького посвящены отдельные главы. В области переводной литературы М. Горький стал первым русским писателем, чье 20-томное собрание сочинений было издано в Китае с начала политики реформ и открытости [Чэнь Цзяньхуа, 2008, с. 13]. Количество академических статей, посвященных его творчеству, исчисляется сотнями, что делает этот корпус текстов важным источником для анализа тенденций развития китайского литературоведения в области изучения зарубежной литературы. Однако систематизация и выявление ключевых характеристик данных исследований представляют значительную сложность из-за обширности и разнородности материала. Решение этой задачи является необходимым условием для постановки новых исследовательских проблем и определения перспективных научных направлений.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Эффективным инструментом для решения данной задачи могут служить количественные методы исследования. Источниковой базой настоящей работы послужили данные Китайской национальной информационной инфраструктуры знаний (CNKI). В результате систематического сбора и статистического анализа статей, посвященных М. Горькому, с последующей ручной верификацией и исключением нерелевантных публикаций, была сформирована выборка из 562 научных работ (Статистика по состоянию на 31 декабря 2024 года). На основе анализа динамики ежегодных публикаций, их распределения по научным журналам и изучения ключевых слов в настоящей статье выявляются основные тенденции и приоритетные направления в изучении творчества М. Горького в Китае за последнее столетие. Заметное место в современном литературоведении занимают исследования, посвящённые восприятию и интерпретации творчества М. Горького в китайской и шире — восточной культурной традиции. Так, в работе Ли Фэй и И. В. Монисовой анализируется драматургия Горького

как объект научного изучения и творческого освоения в китайской культурной среде [Ли Фэй, Монисова, 2019]. В статье Цай И рассматривается рецепция раннего романтического творчества Горького с акцентом на переход от идеологического прочтения к более комплексному эстетическому и культурному анализу [Цай, 2025]. Наконец, работа А. М. Грачевой посвящена философско-культурным аспектам взаимодействия Горького с Востоком и осмыслению проблем рациональности и веры в «чудо» [Грачева, 2025]. В совокупности данные исследования позволяют глубже понять специфику восприятия и интерпретации творчества Горького в китайской и восточной культурной традиции. Вместе с тем следует отметить, что в существующем корпусе исследований на сегодняшний день отсутствуют работы, специально посвящённые комплексному количественному и наукометрическому анализу китайских научных публикаций о М. Горьком на материале базы CNKI.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Характеристики ежегодного распределения публикаций

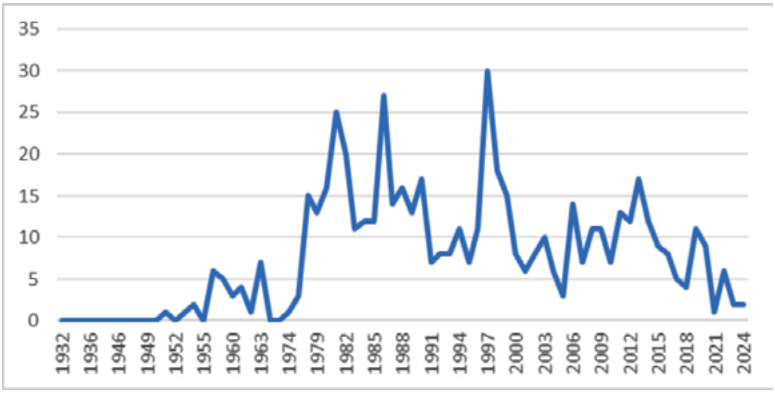

Рис. 1. Ежегодовое распределение публикаций о Горьком в Китае

На графике представлено хронологическое распределение публикаций по исследуемой теме в Китае (рис. 1). Выявлена общая тенденция к росту числа исследовательских работ, при этом существенная активизация научной деятельности в данной области наблюдается в период после начала политики реформ и открытости.

В общей динамике выделяются три периода пиковой публикационной активности: 1981, 1986 и 1997 годы. Увеличение количества публикаций в эти годы было обусловлено социокультурными и научными событиями.

CC BY

Первый пик в 1981 году связан с проведением с 11 по 19 июня научной конференции, приуроченной к 45-летию со дня смерти М. Горького. Организаторами мероприятия выступили Всекитайское общество по изучению советской литературы, Редакционная коллегия сочинений Горького и Ляонинский педагогический институт. Данная конференция определяется как «первое с момента основания КНР крупное всекитайское мероприятие, направленное на обсуждение художественно-эстетических идей Горького», ставшее «новой отправной точкой отечественного горьковедения» [Чэнь Шоупэн, 2015, с. 168]. Рост числа публикаций в 1986 году отмечается и в период торжеств в связи с 50-летием со дня смерти писателя. Третий всплеск публикационной активности в 1997 году был инициирован появлением в российской академической среде в 1995—1996 годах новых источников, раскрывающих ранее неизвестные аспекты биографии автора. К таким источникам относятся издания «Архив А. М. Горького. М. Горький и Р. Роллан. Переписка (1916—1936)» и «Максим Горький без грима». Публикация этих материалов стимулировала в китайском научном сообществе процесс переоценки и нового осмысления творческого наследия М. Горького, что привело к достижению нового максимума годового числа публикаций.

3.2. Характеристики распределения опубликованных журналов

Проведённый анализ распределения научных публикаций о творчестве М. Горького в китайском академическом пространстве свидетельствует об их сосредоточении в узком круге профильных журналов и одновременно обнаруживает выраженную тенденцию к междисциплинарным исследованиям.

Согласно статистическим данным, наибольшая часть работ сосредоточена в профильных журналах. Издания «Русская литература и искусство» и «Исследования зарубежной литературы» занимают лидирующие позиции по количеству публикаций (по 33 статьи), что в совокупности составляет 11,7 % от общего числа. Далее следуют «Мировая литература» с 18 статьями и «Советская литература» с 16 статьями. В общей сложности на десять ведущих журналов (с числом публикаций ≥ 7) приходится 161 статья, что соответствует 28,6 % от всего массива проанализированных материалов.

В дисциплинарном разрезе основной объем публикаций приходится на специализированные журналы, посвященные русской и советской литературе (например, «Русская литература и искусство» — 33 статьи, «Советская литература» — 16 статей), а также на издания широкого профиля по зарубежной литературе (например, «Исследования зарубежной литературы» — 33 статьи, «Зарубежная литература» — 12 статей). На долю этих категорий журналов приходится свыше 30 % всех работ. Публикации в теоретико-литературных журналах, таких как «Теория и критика литературы», «Литературные дискуссии» и «Исследования по теории литера-

CC BY

туры», свидетельствуют о расширении исследовательского поля и охвате проблем, выходящих за рамки текстового анализа, включая теорию литературы, творческие методы и идеологическую критику.

Около 15 % статей опубликовано в «Вестниках» университетов (например, «Вестник Пекинского университета (серия философии и общественных наук)») и в журналах смежных научных областей, таких как журналистика («Международная журналистика») и театроведение («Театральное искусство»), при этом охватывается более десяти различных направлений. Данный факт указывает на смещение исследовательской перспективы от анализа литературного текста к изучению проблем культурной коммуникации и художественной адаптации. Таким образом, сложившаяся структура распределения публикаций отражает как доминирование традиционных направлений в изучении русско-советской литературы, так и актуальную для современной науки тенденцию к междисциплинарности.

3.3. Особенности ключевых слов

Анализ ключевых слов позволяет выявить приоритетные направления исследований в отношении изучаемых проблем, объектов, применяемых теоретических подходов и методологических инструментов. В настоящей работе для анализа высокочастотных ключевых слов используется метод наукометрического картирования, обеспечивающий визуализацию их совстречаемости. Изучение структур совстречаемости дает возможность реконструировать исследовательский контекст, связанный с наиболее актуальными научными понятиями. В данном разделе представлены статистические данные по ключевым словам из корпуса в 562 статьи, а также проведен анализ сети совместной встречаемости (кооккурренции) наиболее частотных терминов.

3.3.1. Статистика ключевых слов

В результате анализа 562 статей было выявлено 2130 ключевых слов. В таблице 1 представлены высокочастотные ключевые слова, частота употребления которых составляет 10 и более. Из данного перечня исключено ключевое слово «Горький».

Библиометрический анализ ключевых слов в 562 научных работах, посвященных творчеству М. Горького, выявил основные исследовательские приоритеты академического сообщества. Высокочастотные термины (частота ≥ 10) указывают на устойчивый интерес к изучению литературного статуса писателя, что подтверждается частотностью лексем *оценка* (34) и *память* (29). Анализ художественного наследия сфокусирован на канонических текстах, таких как *«Мать»* (31) и *«Песня о Буревестнике»* (16), а также на категориях, определяющих периодизацию и стилистику его творчества: *раннее творчество* (21), *романтизм* (19) и *социалистический реализм* (13).

CC BY

Таблица 1

Статистика ключевых слов

Ключевые слова	**Частота**	**Ключевые слова**	**Частота**	**Ключевые слова**	**Частота**
Оценка	34	«Мать»	31	Память	29
Влияние	26	Ленин	26	Лу Синь (китайский писатель)	23
Раннее творчество	21	Романтизм	19	«Песня о Буревестнике»	16
Гуманизм	16	Исторический контекст	15	Социалистический реализм	13
Художественные особенности	12	Реализм	12	Китай	11
«Литература как человековедение»	11	Цянь Гужун (китайский литературовед)	10	Письма	10

В аспекте идейного наследия ключевые понятия *гуманизм* (16) и *литература как человековедение* (11) отражают интерес к философским воззрениям Горького. В области компаративистики доминируют термины *Лу Синь* (23), *влияние* (26) и *Китай* (11), свидетельствующие о значимости сопоставительного анализа творчества Горького и китайской модернистской литературы.

Несмотря на высокую частотность, ключевые слова *оценка* и *память* относятся к тематическому полю, в рамках которого исследовательская парадигма характеризуется относительной стабильностью. В отличие от этого, такие направления, как интерпретация ключевых произведений (*«Мать», «Песня о Буревестнике»*), теоретическое осмысление концепции гуманизма (*гуманизм, литература как человековедение*) и сравнительный анализ творчества Горького и Лу Синя, обладают значительным потенциалом для углубленного текстуального анализа и теоретической разработки. Данные направления позволяют применять методы визуализации, в частности картографию знаний, для выявления эволюции и взаимосвязей научных подходов.

На основании изложенного, настоящее исследование концентрируется на трёх направлениях, обладающих высоким эвристическим потенциалом. В области анализа произведений основное внимание уделяется микропоэтике текстов «Мать» и «Песня о Буревестнике», включая нарратологические аспекты и символические структуры. В сфере изучения идейного наследия через призму понятий «гуманизм» и «литература как человековедение» анализируются интертекстуальные связи мировоззрения Горького

с российской гуманистической традицией. В рамках сравнительного литературоведения фигура Лу Синя используется в качестве объекта сопоставления, что в сочетании с визуализацией на основе карт знаний позволяет реконструировать диалогические механизмы осмысления модернистской проблематики в русской и китайской литературах.

3.3.2. Анализ публикаций по ключевым словам «Мать» и «Песня о Буревестнике»

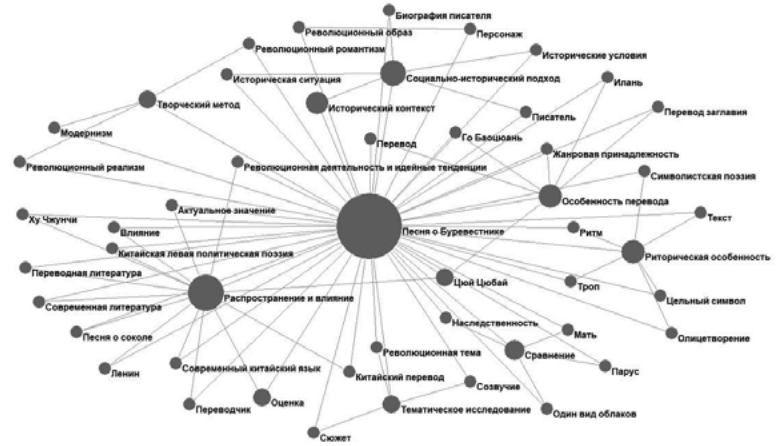

Рис. 2. Сеть совместной встречаемости слов в публикациях, посвященных исследованию произведения «Песня о Буревестнике»

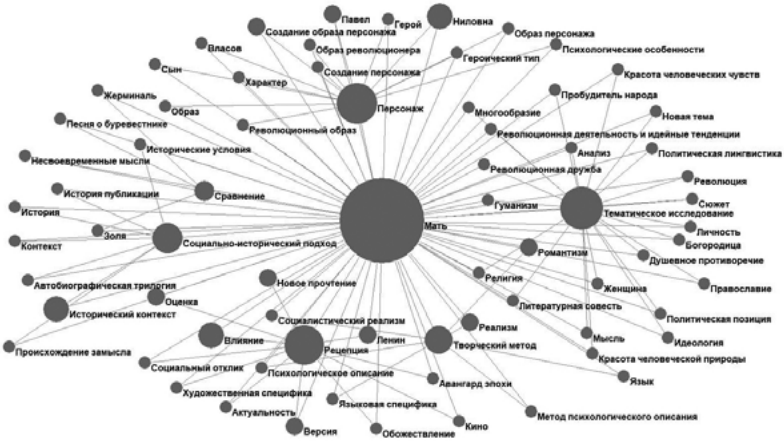

Рис. 3. Сеть совместной встречаемости слов в публикациях, посвященных исследованию произведения «Мать»

CC BY

Выявленная в рамках анализа публикаций о Горьком сеть слов, характеризующихся высокой частотностью в контекстном соседстве с названием произведения *«Мать»*, включает всего 153 вхождения ключевых слов. Кластеризация данных позволяет выделить три основных тематических направления: религия, гуманизм и природа человека. Ван Шуфэн анализирует двойственность образа Ниловны, сформированного под влиянием православия, отмечая сочетание подчинённости, обусловленной идеей «женского первородного греха», и жертвенности, восходящей к культу Богородицы. Гао Юцю и другие исследователи рассматривают роман «Мать» и сборник «Несвоевременные мысли» как составные части единой гуманистической концепции М. Горького, где первое произведение является её художественным выражением, а второе — публицистическим. Сун Иньчжань подчёркивает, что роман демонстрирует потенциал человеческой натуры и её способность к проявлению высоких нравственных качеств даже в экстремальных условиях.

Исследования, посвящённые персонажам романа, фокусируются преимущественно на образе Ниловны. Цзинь Цзяньян прослеживает эволюцию героини от забитой женщины до участницы революционного движения. Ма Сяохуа определяет её характер через доминанты любви и религиозности, при этом отмечается трансформация любви от частного материнского чувства к всеобщему братству единомышленников.

В рамках социально-исторического подхода реконструируется процесс создания и публикации романа. Шэнь Цзяжэнь указывает, что замысел произведения, возникший под впечатлением от сормовских событий 1902 года, получил развитие под влиянием революции 1905—1907 годов. Первая версия романа была завершена в США в 1906 году и впервые опубликована на английском языке. В России произведение выходило с цензурными изъятиями и только после 1917 года было издано в полном объёме. Данные факты свидетельствуют о международном значении романа и отражают сложность его бытования в историческом контексте эпохи.

В исследованиях рецепции романа центральное место занимает процесс его канонизации. Тан Дэлинь отмечает, что оценка, данная В. И. Лениным в 1907 году («чрезвычайно своевременная книга»), способствовала закреплению за произведением статуса одного из ключевых текстов пролетарской литературы. Установлен двойственный характер восприятия романа: он стал элементом идейной подготовки революционных деятелей и одновременно получил широкий отклик в рабочей среде. Совокупность политического признания и массовой популярности определила специфику рецепции произведения.

Анализ 75 ключевых слов в сети кооккурренций названия произведения *«Песня о Буревестнике»* показывает, что исследования этой поэмы

CC BY

в прозе посвящены преимущественно изучению ее распространения и влияния. Цай Цзин и Фан Вэйбао отмечают, что влияние текста на китайскую поэзию левого направления проявилось в образной системе и художественных приёмах. Созданная М. Горьким парадигма идеологической оппозиции (образы животных и природных стихий) стала моделью для китайских авторов, способствуя развитию гимнической формы и революционного стиля. Чжун Вэнь подчёркивает, что неоднократные отсылки В. И. Ленина к произведению придали ему статус «духовного призыва» русской революции, который продолжал формировать революционный нарратив.

Значительное внимание в китайском литературоведении уделяется риторическим и переводческим аспектам текста. Го Баоцюань указывает, что посредством олицетворения в произведении создана целостная символическая система, где буревестник является аллегорией пролетарского авангарда, а образы бури и молний символизируют революционный процесс. В области переводоведения Ван Вэйшэн, сопоставляя три версии перевода, приходит к выводу, что работа Цюй Цюбая характеризуется наибольшей точностью в передаче поэтической интонации и ритма. Перевод Гэ Баоцюаня наследует структурные решения Цюй Цюбая, но отличается синтаксическими и образными неточностями. Версия Илань, выполненная с английского языка-посредника, имеет прозаизированный характер.

В рамках компаративного анализа выявляются параллели «Песни о Буревестнике» с другими литературными произведениями. Тянь Цзин указывает на стилистическую и символическую близость текста стихотворению М. Ю. Лермонтова «Парус», отмечая, что если парус символизирует духовного искателя, то буревестник — революционного предвестника. Хуан Минъянь сопоставляет «Песню о Буревестнике» и стихотворение в прозе китайского автора Цюй Цюбо «Один вид облаков». Оба произведения принадлежат к жанру поэмы в прозе и используют природные образы для символического изображения социальных сил, однако текст Цюй Цюбо имеет более выраженный публицистический характер и ориентирован на китайские реалии, в то время как произведение М. Горького отличается поэтической ритмикой и вписано в контекст русской революции.

3.3.3. Анализ публикаций по ключевым понятиям «гуманизм» и «литература как человековедение»

Сеть совместной встречаемости слова *гуманизм* с другими языковыми единицами в научных публикациях о М. Горьком включает 86 вхождений ключевых слов, сеть кооккурренций термина *литература как человековедение* — 62 вхождения номинаций. Они демонстрируют многомерный и междисциплинарный характер. Анализ гуманистической мысли писателя

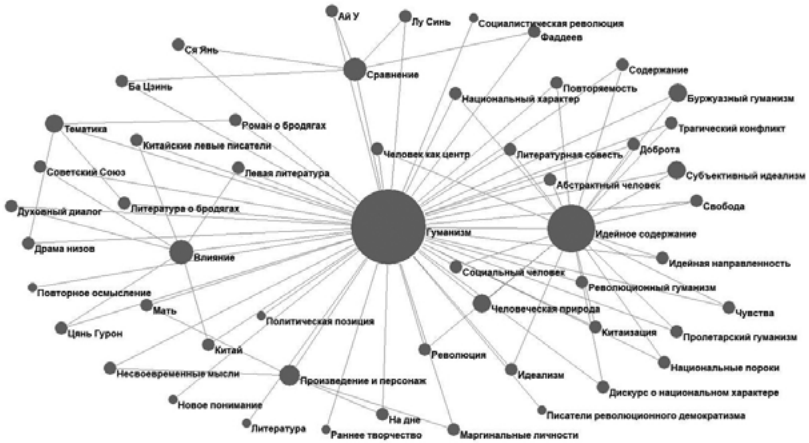

Рис. 4. Контекстное окружение термина *гуманизм* в научных публикациях о М. Горьком в базе CNKI

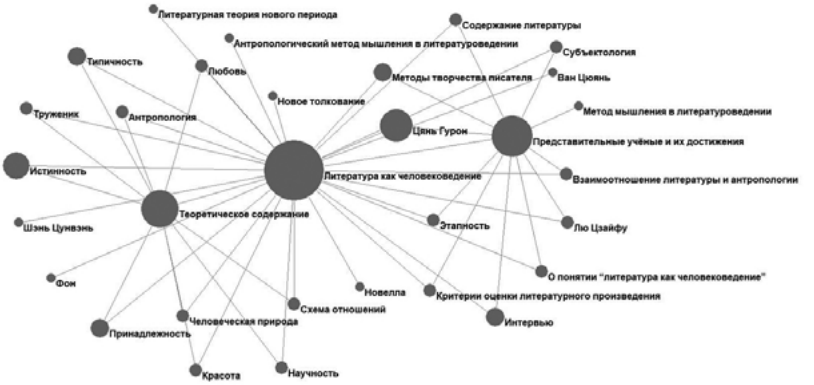

Рис. 5. Контекстное окружение термина *литература как человековедение* в научных публикациях о М. Горьком в базе CNKI

сфокусирован преимущественно на её идейном содержании, межкультурном влиянии, сопоставлении с творчеством других авторов и на характеристике персонажей. Вэй Цзяньго определяет гуманизм Горького как субъективно-идеалистический, акцентируя творческую силу «мысли», которая «создаёт и богов, и людей, становится духовным двигателем преобразования мира, прямо влияя на его “теорию боготворчества”» [Вэй Цзяньго,

CC BY

1996, с. 47]. Согласно этой интерпретации, «мысль может создать всё… на прочном основании свободы, красоты и уважения к человеку, выкованном мыслью, создаётся новое» [Там же]. Мяо Вэньхуа выявляет двойственную природу гуманизма Горького, разграничивая пролетарский и буржуазный типы. Пролетарский гуманизм, основанный на марксизме, направлен на освобождение человечества через классовую борьбу, при этом подчёркивается ее преобразующая, а не насильственная сущность. Буржуазный гуманизм, несмотря на его прогрессивную роль в антифеодальный период, из-за своей биологизаторской ограниченности и игнорирования классовых противоречий вступил в конфликт с реальностью пролетарской революции. Данные подходы выявляют противоречие между классовой позицией и универсальными ценностями в гуманизме Горького.

Научные работы, посвящённые концепции «литература как человековедение», сосредоточены на интерпретации её теоретического содержания и на анализе вклада отдельных учёных. Дискуссии ведутся вокруг таких ключевых категорий, как истинность и типичность. Чэнь Шицзе подчёркивает, что данная формула не является прямой цитатой из произведений Горького, а представляет собой творческое обобщение его идей, предложенное Цянь Гуруном, то есть является «синтезом различных идей» [Чэнь Шицзе, 1984, с. 78]. Систематический анализ показывает, что, хотя Горький и утверждал, что «литература исследует человека», его высказывание относилось к пролетарской литературе в конкретном историческом контексте, что отличает его позицию от универсальной трактовки. В рамках категории «типичность» Хэ Маочжэн сводит концепцию к следующим положениям: центральное место человека в творчестве, отказ от формализма; отражение в художественных образах социальной реальности с соединением эстетической и документальной ценности; уважение к трудящемуся человеку и внимание к его природе в единстве с коммунистической идеологией; воспитательная функция литературы.

Особое значение имеет работа Цянь Гуруна «О понятии “литература как человековедение”», которая стимулировала реконструкцию китайской литературной теории. Его вклад заключается не в создании новой формулы, а в критическом переосмыслении концепции «человековедения» Горького в интерпретации С. Т. Тимофеева и в отказе от её сведения исключительно к классовому анализу. Концепция Цянь Гуруна носит диалектический характер: её минимальное требование заключается в восприятии человека как такового, что предполагает отказ от инструментализации персонажа; высшая цель состоит в стремлении к благу и красоте, что подчёркивает катарсическую функцию литературы. В современном контексте эта теория сохраняет практическую ценность для преодоления кризисных явлений

CC BY

в литературной среде и восстановления гуманистических критериев культурного развития.

3.3.4. Анализ исследований по ключевому слову Лу Синь

Рис. 6. Контекстное окружение имени *Лу Синь* в научных публикациях о М. Горьком в базе CNKI

Ключевое слово *Лу Синь* является наиболее частотным в корпусе исследований среди персоналий, сеть его совместной встречаемости с другими единицами включает 109 вхождения ключевых слов. Данный факт свидетельствует о том, что в китайском литературоведении сопоставлению творчества М. Горького и Лу Синя уделяется первостепенное внимание. На ранних этапах развития сравнительного литературоведения отмечалось, что «число статей о Лу Сине и Сервантесе уступает лишь исследованиям о Лу Сине и Горьком» [Ли Чуньлинь, 1999, с. 25], что подтверждает центральное значение научного исследовательского вектора «Лу Синь — Горький». На рисунке 6 показано, что тематика исследований, связанных с этими ключевыми словами, классифицируется по нескольким категориям: идейные особенности творчества, рецепция и влияние, личные контакты, а также анализ конкретных произведений.

Анализ идейного уровня творчества писателей сфокусирован на сопоставлении их взглядов на национальный характер и гуманистическую мысль. По мнению исследователя Хоу Миня, для Лу Синя была характерна острая социальная критика, направленная на выявление глубинных пороков и рабской психологии китайского народа, что обусловило трагическое мироощущение писателя. М. Горький, в свою очередь, был склонен к критике общечеловеческой природы и верил в созидательный потенциал

CC BY

народных масс, что придавало его идеям оптимистическое звучание. Интерес Лу Синя к «Русским сказкам» М. Горького, согласно Хоу Миню, объясняется обнаружением в них черт «русского национального характера», которые оказались созвучны социальным проблемам Китая, что и послужило основой для идейной близости двух авторов.

Мао Цзянь подчеркивает, что оба писателя выходили за рамки определения «писатели пролетариата» и стремились к самоидентификации в качестве «писателей всего человечества», в связи с чем их гуманизм носил универсальный, надклассовый характер. Нье Бэйбэй полагает, что критика Лу Синя была направлена против апатии и рабской психологии народа, в то время как М. Горький возлагал надежды на массы; данное различие определяет расхождение в их идейных позициях. Сунь Юйин отмечает, что, анализируя «рабскую психологию», оба автора стремились к пробуждению народного самосознания и обновлению национального духа, что свидетельствует об их общей гуманистической миссии.

Исследования, посвященные рецепции и влиянию литературного творчества русского писателя, сосредоточены на анализе того, каким образом в китайской левой литературной среде был сконструирован образ М. Горького и какую роль в этом процессе сыграл Лу Синь. Установлено, что признание Лу Синя «китайским Горьким» не возникло спонтанно, а целенаправленно формировалось в определенном международном и национальном политико-культурном контексте. Как отмечает Кун Хайчжу, после учреждения в 1930 году Международного объединения революционных писателей китайская Лига левых писателей позиционировала М. Горького как образец революционного автора, укрепляя его авторитет посредством международных кампаний.

Чжан Уцзюнь показывает, что тезис «Лу Синь — это китайский Горький» первоначально использовался правой прессой Гоминьдана в качестве инструмента стигматизации. Однако после смерти Лу Синя он был закреплен в публичном дискурсе Ван Мином и Сяо Санем в пропагандистских целях. Мао Цзэдун, напротив, определял Лу Синя как «святого нового Китая», что в большей степени соответствовало его политическим задачам. Фань Гофу указывает, что Лу Синь посредством переводческой деятельности и написания предисловий способствовал формированию образа М. Горького как «пролетарского писателя», однако отвергал попытки провести прямую параллель между собой и Горьким, не принимая атрибуцию «китайский Горький». Утияма Мандзо приводит цитату писателя: «Я не китайский Горький, я — китайский писатель Лу Синь». Такое дистанцирование демонстрирует осознание им противоречия между навязываемым международным шаблоном и национальной идентичностью. Таким обра-

зом, Лу Синь выступал одновременно как субъект формирования образа М. Горького в Китае и как объект конструирования собственного образа, которому он, однако, противостоял.

Количество исследований, посвященных реальным контактам между писателями, невелико и основывается на ограниченном круге источников, свидетельствующих об их опосредованном взаимодействии. Центральное место в них занимают коллективные телеграммы Китайской ассоциации литераторов 1936 года. Согласно документальному анализу, проведенному Кун Хайчжу, Ассоциация действительно направила письмо М. Горькому во время его болезни и траурную телеграмму после его смерти; «однако Лу Синь лично не подписывал эти документы» [Кун Хайчжу, 1998, с. 72]. Сун Цзинъюнь, опираясь на сложившуюся ранее традицию, писал о личной отправке телеграммы Лу Синем, но не представил новых документальных подтверждений этого, лишь акцентировав внимание на идейной близости писателей. «В тот день, когда не стало Максима Горького, Лу Синь сильно болел. Но, несмотря на болезнь, он всё равно отправил телеграмму с соболезнованиями и написал статью в память о писателе» [Сун Цзинъюнь, 1997, с. 110]. Ни Моян уточнил, что телеграмма была отправлена от имени Ассоциации и «не могла быть подписана Лу Синем» [Ни Моян, 1985, с. 23] по состоянию здоровья. В целом научное сообщество сходится во мнении об отсутствии личной переписки между авторами. Их контакты ограничивались коллективными обращениями, тогда как уважение Лу Синя к творчеству М. Горького находило выражение в его произведениях и идейных позициях.

Кроме того, китайские исследователи проводят сравнительный анализ отдельных произведений двух писателей, в частности новелл «Демонстративное наказание» Лу Синя и «Вывод» М. Горького. Отмечается, что текст Лу Синя отличается сдержанной манерой повествования и сосредоточен на психологии наблюдателей, в то время как произведение М. Горького более драматично и акцентирует трагическое положение низших слоев общества. По мнению Гун Болу, обе новеллы через изображение толпы раскрывают состояние пассивности и духовного оцепенения народа. В цитируемом отрывке подчеркивается: «авторы с особой силой описывают не тех, кого ведут на позор, а зевак… Эти духовно омертвевшие зрители собираются смотреть на чужое унижение, но не осознают, что сами тоже становятся объектом показательного шествия» [Гун Болу, 1994, с. 47].

4. Заключение = Conclusions

На основе проведенного анализа можно заключить, что исследования творчества М. Горького в академической среде Китая демонстрируют этапность развития и тенденцию к дисциплинарной экспансии. Эти выводы

подтверждаются данными, полученными при изучении хронологии публикаций, их распределения по научным журналам и анализа ключевых слов.

Хронологический анализ научной периодики показывает неравномерную динамику роста числа китайских публикаций, посвященных творчеству М. Горького и его личности, обусловленную социокультурным контекстом. Пики научного интереса коррелируют с юбилейными датами, а также со значимыми событиями в международном академическом пространстве, что свидетельствует о связи исследовательских векторов с актуальной научной повесткой. Основной массив статей сосредоточен в профильных изданиях, посвященных русской, советской и зарубежной литературе. Одновременно наблюдается увеличение числа публикаций в журналах по теории литературы и в междисциплинарных изданиях. Данный факт указывает на расширение теоретического аспекта исследований и отражает переход от узколитературоведческого подхода к междисциплинарной интеграции.

Тематический анализ, основанный на ключевых словах, выявляет широкий спектр исследовательских приоритетов. Они включают текстуальный анализ и изучение рецепции знаковых произведений («Мать», «Песня о Буревестнике»), концептуальную разработку гуманистических идей и тезиса «литература как человековедение», а также компаративные исследования, в частности, сопоставление с творчеством Лу Синя и китайской новой литературой. В совокупности эти направления формируют комплексную модель изучения наследия М. Горького, охватывающую три аспекта: литературный текст, идейно-теоретическое содержание и межкультурная коммуникация.

Результаты исследования получены с использованием методов статистического анализа, что обеспечивает высокую степень объективности. Следует отметить, что источниковая база данной работы ограничена статьями из научных журналов и не охватывает монографии и переводные издания. Тем не менее анализ годового распределения публикаций, их структуры по изданиям и тематических векторов позволяет репрезентативно охарактеризовать общие тенденции и исследовательские приоритеты. Перспективы дальнейших изысканий предполагают включение в анализ монографий и переводов для получения более целостной и детализированной научной картины.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

CC BY

Источники и принятые сокращения

1. *Лу Синь.* К дружбе китайской и русской письменности / Лу Синь // Литературный ежемесячник. — 1932. — Т. 1. — № 5—6. — С. 1—4 (鲁迅. 祝中俄文字之交[J]. 文学月报, 1932, 1(5—6):1—4.).

2. *Мао Дунь.* Горький и китайская литература / Мао Дунь // Ежегодник «Изучение Горького». — Шанхай : Шанхай Таймс, 1947. — С. 50—52 (茅盾. 高尔基和中国文学//高尔基研究年刊（1947年）. 上海: 上海时代书报出版社, 1947: 50—52.).

3. *Цюй Цюбай.* Предисловие к «Сборнику рассказов известных русских писателей» / Цюй Цюбай // Собрание сочинений Цюй Цюбая. Литературное издание. — Пекин : Народное литературное издательство, 1986. — Т. 2. — 419 с (瞿秋白. 俄罗斯名家短篇小说集·序[A]//瞿秋白文集·文学编[M]. 第2卷. 北京: 人民文学出版社, 1986: 419.).

Литература

1. *Ван Юн.* 40 лет исследований русской литературы в Китае на основе анализа данных / Ван Юн // Исследования зарубежной литературы. — 2024. — № 2. — С. 135—149 (王永. 基于数据分析的中国俄罗斯文学研究40年[J]. 外国文学研究, 2024(02):135—149.).

2. *Вэй Цзяньго.* Новое осмысление гуманистических идей Горького / Вэй Цзяньго // Русская литература и искусство. — 1996. — № 4. — С. 45—50 (韦建国. 高尔基人道主义思想再认识[J]. 俄罗斯文艺, 1996(04):45—50.).

3. *Грачева А. М.* О прагматике разума и вере в чудо : Максим Горький и Восток / А. М. Грачева // Русская литература. — 2025. — № 1. — С. 257—259. — DOI: 10.31860/0131-6095-2025-1-257-259.

4. *Гун Болу.* Паралич души — эпидемия равнодушия и эгоизма — сопоставление «Вывод» Горького и «Демонстративное наказание» Лу Синя / Гун Болу // Вестник Юньмэн. — 1994. — № 1. — С. 47—49 (龚伯禄. 灵魂麻痹症——冷漠自私的时疫——高尔基的《游街》和鲁迅的《示众》之比较[J]. 云梦学刊, 1994(01):47—49.).

5. *Кун Хайчжу.* О визите представителей Китайской литературной ассоциации к больным Горькому и Лу Синю / Кун Хайчжу // Ежемесячник исследований Лу Синя. — 1998. — № 7. — С. 73—76 (孔海珠. 中国文协慰问病重的高尔基和鲁迅事宜查考[J]. 鲁迅研究月刊, 1998(07):73—76.).

6. *Ли Фэй.* Драматургия Максима Горького как предмет научного исследования и творческого освоения в Китае / Ли Фэй, И. В. Монисова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Литературоведение. Журналистика. — 2019. — Т. 24. — № 3. — С. 449—461. — DOI: 10.22363/2312-9220-2019-24-3-449-461.

7. *Ли Чуньлинь.* Сравнительно-литературный подход к творчеству Лу Синя : обзор и размышления / Ли Чуньлинь // Ежемесячник исследований Лу Синя. — 1999. — № 11. — С. 25—32 (李春林. 比较文学方法解读鲁迅的回顾与反思[J]. 鲁迅研究月刊, 1999(11):25—32.).

8. *Лю Вэньфэй.* Органическое строение русской литературы / Лю Вэньфэй. — Пекин : Издательство Пекинского университета, 2015. — 460 с (刘文飞. 俄国文学的有机构成[M]. 北京: 北京大学出版社, 2015: 460.).

9. *Не Чжэньчжао.* История зарубежной литературы. Литература XX века / Не Чжэньчжао. — Пекин : Издательство высшего образования, 2010. — Т. IV. — 438 с (聂珍钊主编. 外国文学史·第四卷·20世纪文学[M]. 北京: 高等教育出版社, 2010: 438.).

10. *Ни Моянь.* Посылал ли Лу Синь соболезнование по случаю смерти Горького? / Ни Моянь // Вестник исследований Лу Синя. — 1985. — № 6. — С. 23—25 (倪墨炎. 高尔基逝世时鲁迅是否署名发过唁电[J]. 鲁迅研究动态, 1985(06):23—25.).

11. *Сунь Цзинъюнь.* Горький и Лу Синь / Сунь Цзинъюнь // Зарубежная литература. — 1997. — № 1. — С. 110—113 (孙静云. 高尔基与鲁迅[J]. 国外文学, 1997(01):110—113.).

12. *Цай И.* Раннее романтическое творчество Максима Горького в рецепции литературоведения Китая / Цай И // Litera. — 2025. — № 6. — С. 303—310. — DOI: 10.25136/2409-8698.2025.6.72483.

13. *Чэнь Цзяньхуа.* Тридцать лет литературных связей между Китаем и Россией / Чэнь Цзяньхуа // Вестник Академии искусств НОАК. — 2008. — № 3. — С. 12—18 (陈建华. 中俄文学关系三十年[J]. 解放军艺术学院学报, 2008(03):12—18.).

14. *Чэнь Шицзе.* Моё мнение о концепции «литература как человековедение» / Чэнь Шицзе // Вестник Шаньсийского университета (серия философии и социальных наук). — 1984. — № 1. — С. 77—78 (陈世杰. 对“文学是人学”的我见[J]. 山西大学学报(哲学社会科学版), 1984(01):77—78.).

15. *Чэнь Шоупэн.* История горьковедения / Чэнь Шоупэн, Цю Юньхуа. — Нанкин : Илинь, 2015. — 364 с (陈寿朋, 邱运华等. 高尔基学术史研究[M]. 南京: 译林出版社, 2015: 364.).

Статья поступила в редакцию 29.10.2025,
одобрена после рецензирования 12.02.2026,
подготовлена к публикации 05.04.2026.

Material resources

Lu Xin. (1932). Towards friendship of Chinese and Russian writing. *Literary Monthly, 1 (5—6):* 1—4. (In Chin.).

Mao Dun. (1947). Gorky and Chinese Literature. In: *Yearbook “The Study of Gorky”.* Shanghai: Shanghai Times. 50—52 (In Chin.).

Qu Qiubai. (1986). Preface to the “Collection of short stories by famous Russian writers”. In: *Collected works of Qu Qiubai. A literary publication, 2.* Beijing: People’s literature publishing house. 419 p. (In Chin.).

References

Chen Jianhua. (2008). Thirty years of Literary ties between China and Russia. *Bulletin of the PLA Academy of Arts, 3*: 12—18. (In Chin.).

Chen Shijie. (1984). My opinion on the concept of “literature as human science”. *Bulletin of Shanxi University (Philosophy and Social Sciences series), 1:* 77—78. (In Chin.).

Chen Shoupeng., Qiu Yunhua. (2015). *The history of bitterness.* Nanjing: Yilin Publ. 364 p. (In Chin.).

Gong Bolu. (1994). Paralysis of the soul — an epidemic of indifference and selfishness — a comparison of Gorky’s “Withdrawal” and Lu Xin’s “Demonstrative Punishment”. *The Herald Is An Easy, 1:* 47—49. (In Chin.).

Grachev, A. M. (2025). On the pragmatics of reason and faith in a miracle: Maxim Gorky and East. *Russian literature, 1:* 257—259. DOI: 10.31860/0131-6095-2025-1-257-259. (In Russ.).

Kun Haizhu. (1998). About the visit of representatives of the Chinese Literary Association to patients Gorky and Lu Xin. *Monthly research of Lu Xin, 7:* 73—76. (In Chin.).

Li Chunlin. (1999). A comparative literary approach to Lu Xin’s work: a review and Reflections. *Monthly Research of Lu Xin, 11:* 25—32. (In Chin.).

Li Fei, Monisova, I. V. (2019). Maxim Gorky's drama as a scientific research and creative development in China. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism, 24* (3): 449—461. DOI: 10.22363/2312-9220-2019-24-3-449-461. (In Russ.).

Liu Wenfei. (2015). *The organic structure of Russian literature.* Beijing: Peking University Press. 460 p. (In Chin.).

Ni Moyan. (1985). Did Lu Xin send condolences on Gorky's death? *Bulletin of Lu Xin's research, 6:* 23—25. (In Chin.).

Not Zhenzhao. (2010). *The history of foreign literature. Literature of the 20th century, IV.* Beijing: Publishing House of Higher Education. 438 p. (In Chin.).

Sun Jingyun. (1997). Gorky and Lu Xin. *Foreign literature, 1:* 110—113. (In Chin.).

Tsai I. (2025). The early romantic work of Maxim Gorky in the reception of literary criticism of China. *Litera, 6:* 303—310. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.6.72483. (In Russ.),.

Wang Yun. (2024). 40 years of research on Russian literature in China based on data analysis. *Research on foreign literature, 2:* 135—149. (In Chin.).

Wei Jianguo. (1996). A new understanding of Gorky's humanistic ideas. *Russian Literature and Art, 4:* 45—50. (In Chin.).

The article was submitted 29.10.2025;
approved after reviewing 12.02.2026;
accepted for publication 05.04.2026.

CC BY

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(3), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Швецова Т. В. Динамика русского литературного процесса XIX века в аспекте категории поступка литературного героя / Т. В. Швецова // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 3. — С. 332—351. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-3-332-351.

Shvetsova, T. V. (2026). Dynamics of 19th-Century Russian Literary Process in Context of Literary Hero's Act. *Nauchnyi dialog, 15* (3): 332-351. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-3-332-351. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus Q1 · DOAJ · ERIHPLUS · eLIBRARY.RU РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Динамика русского литературного процесса XIX века в аспекте категории поступка литературного героя

Швецова Татьяна Васильевна
orcid.org/0000-0001-9637-6958
кандидат филологических наук,
доцент кафедры литературы
и русского языка
t.shvetsova@narfu.ru

Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова
(Архангельск, Россия)

Dynamics of 19th-Century Russian Literary Process in Context of Literary Hero's Act

Tatyana V. Shvetsova
orcid.org/0000-0001-9637-6958
PhD in Philology, Associate Professor
of the Department of Literature
and the Russian Language
t.shvetsova@narfu.ru

Northern (Arctic) Federal University
named after M.V. Lomonosov
(Arkhangelsk, Russia)

© Швецова Т. В., 2026

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

На фоне необходимости углубления исторического понимания литературного процесса цель исследования заключается в разработке категории поступка литературного героя как критерия переходного периода в русском литературном процессе XIX века на материале художественной прозы. Выбор метода моделирования как основного метода исследования обусловлен способностью модели представить сущностные черты изучаемого явления и его функции в совершенствовании литературного процесса, способствовать обогащению читательской культуры и опыта, «раздвигая» границы впечатлений, художественного восприятия и смыслов. Моделирование понимается как основа аналитической, интерпретационной и оценочной форм дискурсивной деятельности, способствующая решению задач структурирования художественного пространства и концептуального осмысления литературы. В продолжение наблюдений М. М. Бахтина, Н. И. Николаева и других исследователей категория поступка литературного героя рассматривается как моделирующий критерий в рамках предложенной авторской модели литературного процесса XIX века. Отмчеается, что модель характеризуется цикличностью, эволюционной динамикой, включает четыре траектории (модели героя) и семь хронологических (последовательных) этапов. Автор приходит к выводу, что динамика русского историко-литературного процесса XIX века коррелирует с вариациями взаимодействия картины мира и поступка литературного героя.

Ключевые слова:
литературный герой; история русской литературы; поступок литературного персонажа; динамика литературного процесса; история поэтических форм.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

Against the backdrop of a growing need for a deeper historical understanding of literary evolution, this study aims to develop the category of the literary hero's act as a criterion for identifying transitional periods within the 19th-century Russian literary process, with a focus on works of artistic prose. The selection of modeling as the primary research method is justified by the model's capacity to reveal the essential features of the phenomenon under investigation and its function in advancing the literary process, as well as in enriching reader culture and experience by expanding the boundaries of aesthetic perception and interpretive meaning. Modeling is understood as the foundation for analytical, interpretative, and evaluative forms of discursive activity, facilitating the structuring of literary space and the conceptual comprehension of literature. Building upon the observations of M. M. Bakhtin, N. I. Nikolaev, and other scholars, the category of the literary hero's act is examined as a modeling criterion within the proposed authorial framework for the 19th-century literary process. It is noted that this model is characterized by cyclical patterns and evolutionary dynamics, comprising four trajectories (heroic archetypes) and seven chronologically successive stages. The author concludes that the dynamics of the 19th-century Russian literary-historical process correlate with variations in the interaction between the worldview and the act of the literary hero.

Key words:
literary hero; history of Russian literature; literary character's act; dynamics of literary process; history of poetic forms.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(3), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 821.161.1(091)“18”
DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-3-332-351

Научная специальность ВАК
5.9.1. Русская литература и литературы
народов Российской Федерации
5.9.3. Теория литературы

Динамика русского литературного процесса XIX века в аспекте категории поступка литературного героя

© Швецова Т. В., 2026

1. Введение = Introduction

Традиционно история литературы рассматривалась как линейный процесс, хронологическая последовательность литературных явлений, основанная на литературных направлениях. Линейные модели не всегда отражают сложность и многогранность литературного процесса. В том числе поэтому в последние десятилетия наблюдается тенденция к пересмотру традиционных подходов к изучению литературного процесса, его типологии и периодизации. Предпринимаются попытки создания новых концепций и моделей истории русской литературы с учетом различных факторов, социокультурных и эстетических критериев, с учетом ментальных парадигм художественности.

В статье «Динамика поэтических форм» Ю. В. Манн отмечает отсутствие исследований, которые бы освещали историю поэтических форм на протяжении длительного времени, хотя именно благодаря их изучению можно построить картину динамики литературного процесса, скажем, XIX века. Ю. В. Манн подчеркивает исследовательскую «уязвимость» таких универсалий научного описания, как «романтизм» или «реализм» [Манн, 1996, с. 21—25].

Тема исследовательской «уязвимости» поднималась им и ранее — в работе «Динамика русского романтизма» [Манн, 1995], где констатируются трудности исторического отграничения русского романтизма от предшествующих направлений. Ю. В. Манн наблюдает смещение романтической поэтики в сторону философского универсализма, исторически и национально-характерного, наблюдает «размывание» романтического конфликта, выдвижение «среднего» героя, смещение в сторону иронического остранения романтического конфликта. Ю. В. Манн дополняет эти рассуждения мыслями об интенсивном проникновении неромантических моментов в романтическую основу и смещении перспективы, то есть он

CC BY

наблюдает такое стремительное развитие в русской литературе, при котором предшествующие фазы опережают последующие [Там же].

Распространение эстетики реализма в России, хотя оно и происходило постепенно, можно назвать центральным по значимости событием литературного процесса XIX века с учетом того вклада, который внесли в историю литературы и критики русские писатели-реалисты. В 1840-х — начале 1850-х годов дебютировали Ф. М. Достоевский, И. А. Гончаров, Д. В. Григорович, М. Е. Салтыков-Щедрин, А. Н. Островский, Н. А. Некрасов, Л. Н. Толстой.

В то же время, несмотря на свою событийную значимость, реализм отнюдь не представлял собой явление, изолированное от историко-культурного контекста и предшествующей литературной традиции. Напротив, он оказался тесно переплетен с социокультурными феноменами эпохи, что часто затрудняет разграничение реалистической эстетики и эстетики другого типа при непосредственном изучении художественных текстов.

Более того, осмысление реализма в рамках литературоведения обнаруживает сложности не только ввиду комплексного характера реализма и его многогранных связей с другими течениями, но и ввиду методологических искажений, совершенных в прошлом. В частности, А. Д. Степанов утверждает, что трудности концептуализации реализма как литературного направления во многом обусловлены «…влиянием советского литературоведения, стремившегося распространить неисторически понимаемый “реализм” на всю историю литературы и превратить его в конечную цель литературного развития» [Степанов, 2022, с. 497]. Е. К. Созина [Созина, 2002] указывает на необходимость методологического обновления подходов к изучению реализма, подчеркивая негативное воздействие на этот процесс устоявшихся методологических стереотипов, к которым относит, например, стремление мыслить произведение исключительно «в составе метода и направления». По мнению исследовательницы, действительная эволюция реализма не поддается схематическому описанию, поэтому ее осмысление требует построения нового категориального аппарата, достаточно чувствительного к семиотическим аспектам реалистического письма, которые должны быть рассмотрены в общем контексте развития литературного языка и художественных форм.

Тесная и многовекторная связь реализма с литературными феноменами эпохи детально продемонстрирована в диссертационном исследовании Г. А. Шпилевой [Шпилевая, 2007]. На примере творчества Н. А. Некрасова исследовательница показывает эклектичность его текстов, активное использование элементов беллетристики и классической литературы, прозы и поэзии, а также разных жанров. Соединение разнородных элементов, как

CC BY

утверждает автор, во многом способствовало формированию динамичной целостности произведений, отражающей сложные взаимоотношения героя и мира — это, в частности, справедливо для незавершенного романа «Жизнь и похождения Тихона Тростникова», где сопряжены черты физиологического очерка и авантюрного романа. Именно результатом синтеза до того малосвязанных литературных элементов Г. А. Шпилевая объясняет и возникновение социально-идеологического романа, который инкорпорирует — в случае некрасовского «Тонкого человека, его приключений и наблюдений» — элементы жанровых модусов: идиллии, утопии и драмы, что едва ли строго вписывается в логику линейных моделей литературного процесса.

Опытом осмысления реализма, выходящим за пределы линейных моделей развития литературного процесса, также является монография Г. Ю. Филипповского [Филипповский, 2008; Лебедев, 2009, с. 46—47]. Теоретико-методологическая основа этого исследования требует рассмотрения эволюции русской литературы не как смены формальных художественных парадигм, а как подвижного единого пространства: новые литературные феномены в такой концепции не отменяют предыдущие, а, скорее, по-новому раскрывают интегральные темы и ценности русского самосознание. Такое понимание литературного процесса позволяет Г. Ю. Филипповскому при изучении реализма не ограничиваться его полемическим отношением к романтизму, а сфокусироваться на общих принципах построения художественного текста, которые роднят русский реализм даже с хронологически далекими литературными явления. В частности, внимания заслуживают прослеживаемые автором тесные связи между русским реализмом и древнерусской литературой. Так, по мнению Г. Ю. Филипповского, их объединяет тема истоков русского национального поэтического самосознания, особое внимание к христианским мотивам, которые тесно переплетаются с народной культурой, а также специфическая значимость женских образов. Таким образом, концепция Г. Ю. Филипповского привносит новое измерение в понимание эволюции русской литературы и реализма как этапа ее развития.

Примером интегрального подхода к изучению литературного процесса может быть и концепция К. А. Баршта [Баршт, 2020а, с. 18—35], который, опираясь на теоретико-методологическое наследие В. Н. Топорова, А. Н. Веселовского, Д. С. Лихачева, Ю. Н. Лотмана и др., предлагает рассматривать историю литературы как метасюжет, которому присуща внутренняя дихотомия: периоды стагнации чередуются с семантико-стилевыми катастрофами. Развивая свою концепцию, К. А. Баршт приходит к мысли, что литературу можно описывать как непротиворечивую цельную структуру, историческую устойчивость которой придает сакральный

ценностный центр [Баршт, 2020б, с. 32—49]. Более того, исследователю удается выявить устойчивые связи между системой ценностей литературного персонажа, окружающим его пространством и характером сюжетной событийности. Утверждая, что фабульные факты и явления имеют ценностную окраску, поскольку, например, поступок актуализируется в условиях противопоставленности ценностных систем героя и окружения, К. А. Баршт указывает на возможность построения литературно-эстетической типологии на основе ценностных универсалий, что также позволяет продуктивно переосмыслить условия становления реализма на русской почве, выходя за ограничения линейных моделей литературного процесса.

Таким образом, исследования последних десятилетий открывают новые, ранее не попадавшие в фокус изучения измерения в литературном процессе вообще и в реализме в частности, что потенциально позволяет существенно обогатить современные представления об эволюции литературных форм.

В продолжение указанных выше подходов к пониманию историко-литературного процесса, как более общих, так и тех, где роль моделирующего фактора принадлежит конкретным мотивам (мотив света [Харлушина, 2016], мотив безумия [Зимина, 2007] и т. п.), и на фоне необходимости углубления исторического понимания литературного процесса XIX века и распространения доминирующей впоследствии эстетики реализма рассмотрим категорию поступка литературного героя.

Цель предпринятого исследования заключается в разработке категории поступка литературного героя как моделирующего критерия в динамике русского литературного процесса XIX века на материале художественной прозы тех лет.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В гуманитарной сфере изучением поступка стали заниматься относительно недавно. Первые попытки исследования поступка (не применительно к категории «литературный герой») предпринимались лингвистами [Ускова, 2012, с. 75—78; Бушуева, 2018, с. 155—159; Бушуева, 2021а, с. 15—21; Бушуева, 2021б, с. 45—49; Курцева, 2017; Панченко, 2009, с. 240—247 и др.], философами [Бахтин, 1986; Кривошеев, 2007; Гусейнов, 2001, с. 3—26], психологами [Пчелина, 2020, с. 115—119] и т. д.

С недавних пор поступок из абстрактной категории перешел в разряд таких понятий, которые можно описать при помощи моделей, «взвесить», измерить.

CC BY

Л. А. Бушуева [Бушуева, 2018, с. 155—159; Бушуева, 2021а, с. 15—21; Бушуева, 2021б, с. 45—49] проводит пропозиционально-фреймовый анализ ситуаций поступков различных групп в русском языке («выходка», «номер», «фортель», «шалость» и др.), доказывая принадлежность соответствующих слов к одной категории. Новизна ее подхода заключается в том, что она выстраивает фреймовые модели поступков, в структуре которых выделяются слоты «Агент поступка и его свойства», «Контрагент поступка», «Пациенс поступка», «Действие как проявление поступка», «Оценка поступка, агента поступка», «Место совершения поступка», актуализирующие различные аспекты рассматриваемых ситуаций.

А. П. Романенко и З. С. Санджи-Горяева [Романенко и др., 2018, с. 279—283] анализируют восприятие и оценку речевого поступка «покаяния» русскими писателями XX века, рассматривая его как важный советский культурный акт, дают их культурно-историческую интерпретацию.

О. В. Пчелина [Пчелина, 2020, с. 115—119] раскрывает теоретическое представление о совершении поступка посредством внутреннего диалога, протекающего на осознаваемом и неосознаваемом уровне. Ее эмпирическое исследование показало, что при решении сложной жизненной задачи повышению уровня зрелости поступка способствуют два вида внутреннего диалога: эксплицитный (осознаваемый) и имплицитный (неосознаваемый).

Описание поступков конкретной исторической личности представлено в исследовании И. А. Лобаковой [Лобакова, 2021, с. 41—49].

В наши годы изучением поступка стали заниматься представители точной науки. Так, Ю. Т. Глазунов [Глазунов, 2016] рассматривает поступок с позиций математической психологии, вводит понятие весомости поступка, устанавливает, что весомость поступка определяется характером его мотивации. Автор уверен, что поступок может находиться в области точных исследований, в возможности числовой оценки поступка. В качестве основания для измерения весомости поступка исследователь принимает энергию мотивации. Он устанавливает связь энергии мотивации и эмоционального переживания. Ученый ставит перед собой задачу отыскать инвариант поступка, лежащий в основе всех поступков, и на его основе построить метрическую теорию поступка.

Специалисты в области теории и истории литературы рассматривают поступок как одну из характеристик поведения литературного героя. В частности, Р. М. Ханинова [Ханинова, 2006] считает поступок отражением одной из новых форм психологизма. Автор монографии анализирует проблему поступка героя в свете исторической ситуации «кризиса поступка», отказа личности от «инициативы поступка»; противопоставляет

CC BY

«поступающее» и «непоступающее» сознание, активный поведенческий потенциал и напряженное бездействие персонажей. И. В. Кузмичева [Кузмичева, 2014, с. 148] относит поступок и его мотивацию к аспектам духовной внутренней жизни персонажа.

Выбор основного метода исследования обусловлен способностью модели представить сущностные черты изучаемого явления. Моделирование способствует обогащению читательской культуры и исследовательского опыта, «раздвигая» границы впечатлений, художественного восприятия и смыслов, наглядно представляя скрытые от прямого наблюдения моменты. Модели позволяют производить сопоставления и прогнозирование изучаемых явлений. Применение метода моделирования также способствует осмыслению функций или роли того или иного явления или категории в совершенствовании литературного процесса.

Таким образом, моделирование становится основой аналитической, интерпретационной и оценочной форм дискурсивной деятельности, способствуя решению задач структурирования художественного пространства и целостного концептуального осмысления литературы прошедших эпох [Шильникова, 2006, с. 75—82]. При этом в идеале моделирование предполагает уход от субъективности индивидуальных критических систем, хотя на практике моделирование нередко, например, в области литературной критики и литературоведения, осуществляется в конкретной парадигме оценочных координат.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Поступок в концепции М. М. Бахтина

Изучение вышеуказанных работ позволило установить, что не каждое действие литературного героя можно квалифицировать как поступок, разрывающий цепь причинно-следственной детерминации предметов и явлений, как акт свободного (осознанного) выбора с осознаваемой ответственностью за последствия.

Поступок есть способ подлинного человеческого существования. М. М. Бахтин пишет об этом так: «Каждая мысль моя с ее содержанием есть мой индивидуально ответственный поступок, один из поступков, из которых слагается вся моя единственная жизнь как сплошное поступление, ибо вся жизнь в целом может быть рассмотрена как некоторый сложный поступок: я поступаю всею своею жизнью, каждый отдельный акт и переживание есть момент моей жизни-поступления. Эта мысль, как поступок, цельна: и смысловое содержание ее, и факт ее наличности в моем действительном сознании единственного человека, совершенно определенного и в определенное время, и в определенных условиях, т. е. вся конкретная

CC BY

историчность ее свершения, оба эти момента, и смысловой и индивидуально-исторический (фактический), едины и нераздельны в оценке ее как моего ответственного поступка» [Бахтин, 1995, с. 23].

В философии М. М. Бахтина представлено уникальное открытие, существенная связь поступка с моделью мира. В поступке принципиально важно то, что он не предопределяется прошлым, а требует становящегося в бытии субъекта как актора, способного реализовать потенциал бытия в соответствии со своими ценностями и переживаниями, а не в силу некой предзаданности.

Поступок, воплощая в себе бытие и субъекта, демаркирует субъекта и бытие, указывает на изменение траектории развития мира, которое произошло не в силу детерминированного воздействия объективных сил, а по причине проявления в мире субъектного начала, противостоящего предопределенности и обнаруживающего в бытии нереализованный до совершения поступка потенциал. В поступке человек утверждается как личность, то есть не как один из многих, а как уникальный человек, который существует в конкретных обстоятельствах. Каждый поступок, в свою очередь, несет в себе печать совершившей его индивидуальности.

Поступок может возникать в качестве такового только в мире, где обнаруживается зазор между состоянием мира до и после совершения поступка, где этим поступком обнаруживаются и реализуются потенциальные траектории развития мира, имеющие значимые последствия для населяющих его субъектов.

Глубинная соотнесенность «плана мира» и «мира поступка», которая прослеживается в реальном мире, обнаруживает себя и в художественном мире, а потому должна быть учтена в теории и практике анализа литературных текстов. Поступок есть категория, маркирующая положение героя в мире текста. Художественный мир должен пониматься по преимуществу как мир поступков героев, каждый из которых обладает уникальным положением в этом мире и уникальной субъектностью. Соотношение модели мира и мира поступка героя определяет содержание художественного текста. М. М. Бахтин первым обратил внимание на данный фактор.

3.2. Динамика литературного процесса XIX века

Рассмотрим структуру и типологические характеристики стадий литературного процесса в их тесной связи с эволюцией эстетического осмысления действительности. Мы будем отталкиваться от концептуальной модели [Теория …, 2001], предложенной Е. Ивановой в качестве основания для типологизации литературного процесса в целом. Ее центром является человек в его отношениях к природе, Богу, внешнему и внутреннему миру.

Для построения авторской модели динамики русской литературы XIX века проведен анализ литературных произведений этого периода и

CC BY

социокультурных факторов, влияющих на литературную активность: эволюция эстетического осмысления действительности человеком, мировой литературный контекст, национальная специфика русской литературы, уникальность отдельных ее этапов, оригинальность авторов и, наконец, специфика литературоведческой теории и критики.

Под *катализатором развития литературного процесса* понимается «кризис поступка» литературного героя. Изучая кризисную природу поступка, мы исходили в числе прочего из последовательной четверичной типизации кризисов, предложенной В. П. Океанским и Ж. Л. Океанской: краткосрочные, среднесрочные, долгосрочные и, наконец, сверхдолгие кризисы, в основании которых лежит понимание тщетности усилий и бренности очеловеченного мира, осознаваемое неснимаемое напряжение, глубинная конфликтологичность или кризисологичность Логоса, осознание универсального характера кризисологического понимания реальности [Океанский и др., 2017, с. 58—59; Океанский и др., 2019, с. 49—57].

Литературный процесс изучаемого периода обнаруживает определенные тенденции, выявляемые посредством анализа поступков, совершаемых героями произведений и выступающих ключевым классификационным признаком.

До первой трети XIX века в своих ценностных установках герой русской литературы обнаруживал согласованность с ценностями русской культуры, на основании чего его функционирование в пространстве художественного мира может рассматриваться как представительство. Его агентность не обнаруживала принципиального противоречия с миром и проявлялась ограниченно в ситуациях, когда его решения прежде всего утверждали правомерность существующего миропорядка.

В 30—40-е годы XIX столетия в русской литературе происходит трансформация парадигмы отношений героя и мира, во многом под влиянием европейской литературы. Заимствованные из европейской литературы типы героев имеют индивидуальные системы ценностей и готовность отвергать и перестраивать миропорядок в соответствии с этими ценностями, что органично европейской культуре эпохи Реформации, сформировавшей запрос на свободу мысли и проекты переустройства социальных отношений.

Абсолютизация индивидуального сознания и ценностей героя как трансформирующей силы, однако, оказалась чужда русской картине мира. Носитель такого сознания, вступающий в противоречие с мирозданием, не мог обрести полноценную агентность в поле русской культуры, отчего этот период развития литературы характеризуется «кризисом героя» и его поступка, преодоление которого потребовало формирования специфической для русской литературы взаимосвязи героя и мира.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(3), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

3.3. Авторская модель развития русской литературы XIX века

При построении авторской модели русской литературы XIX века мы исходим из того, что 1830—1850 годы — это период перехода, смены художественных парадигм, ментального сдвига. Идеологические и эстетические противостояния этого времени не только обогатили саму литературу, но и способствовали формированию ее нового исторического облика.

Авторская модель русского литературного процесса XIX века, понимаемая с позиции изменения представлений о русском литературном герое, представлена на рис. 1.

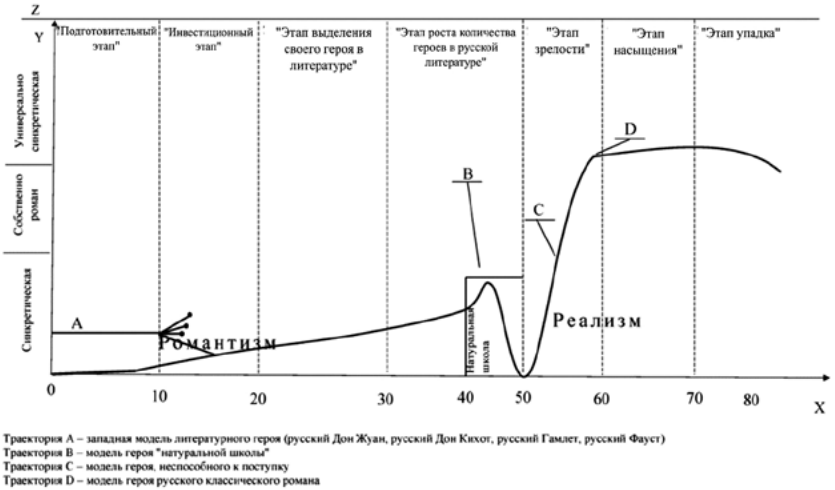

Рис. 1. Модель развития русской литературы XIX века с позиции изменения представлений о литературном герое и его поступке (составлена автором), где *X* — хронологическая шкала (десятилетия XIX века); *Y* — фазы развития русского романа (согласно концепции В. А. Недзвецкого); *Z* — этапы развития представлений русской критики о русском литературном герое

В основе предложенной модели лежит анализ взаимосвязи между художественным миром произведения и его героем. Прослеживая, как эта взаимосвязь меняется от эпохи к эпохе, модель выстраивает системное видение исторической динамики русской литературы XIX века.

Составленная модель в определенной степени ориентирована на экономическую теорию жизненного цикла товара Теодора Левитта [Levitt et al. 1965]. В концепции Т. Левитта товар рассматривается как продукт, проходящий ряд последовательных этапов существования на рынке: от выхода на рынок до спада продаж. Объект переноса в нашем случае применя-

CC BY

ется не к литературе как рынку, а к эволюции конкретной категории внутри литературы — представлений о поступке героя и его мотивации. Экстраполяция модели Левитта на историю развития представлений о герое и его поступке в русской литературе XIX века позволяет смоделировать собственное видение динамики русского историко-литературного процесса с фокусом на проблеме «кризиса поступка».

Значительным потенциалом для модели динамики представлений о поступке, основанной на теории жизненного цикла Левитта, обладает теория В. А. Недзвецкого о фазах развития русского романа XIX века. Фазы русского романа — синкретическая фаза 20—30-х годов XIX века (А. С. Пушкин — М. Ю. Лермонтов), фаза собственно романа 40—50-х годов XIX века (И. А. Гончаров — И. С. Тургенев — А. И. Герцен), универсально-синтетическая фаза 60—70-х годов XIX века (Ф. М. Достоевский — Л. Н. Толстой — М. Е. Салтыков-Щедрин) — частично соответствуют маркерам, предложенным Левиттом (подготовка, инвестиция, зрелость, насыщение, спад и т. д.). Параллельный анализ позволяет увидеть, как структурные изменения жанра (по Недзвецкому) конкретно проявлялись в эволюции изображения героя и его поступка.

В основе нашей модели динамики русского литературного процесса XIX века лежит совмещение трех лучей:

— на луче *X* представлена хронологическая шкала — десятилетия XIX века;

— на луче *Y* отмечены фазы развития русского романа (согласно концепции В. А. Недзвецкого [Недзвецкий, 2013, с. 56—66]): синкретическая, собственно романная, универсально-синтетическая;

— на луче *Z* указаны этапы развития представлений профессиональной русской критики о русском литературном герое и его поступке.

Графическое изображение демонстрирует смену ведущих эстетических принципов, переход от романтизма к «натуральной школе» и далее к реализму. Соответствующие каждой фазе эволюционные линии представляют четкую структуру моделей русского литературного героя: траектория *A* строится на типах героев русской литературы, ориентированных на западные модели («русские» Дон Жуан, Дон Кихот, Гамлет, Фауст); траектория *B* отражает типологию героя «натуральной школы»; траектория *C* строится на образах, патологически неспособных к совершению поступка; в основе траектории *D* лежит комплекс характеров классической русской прозы XIX века.

Рассмотрим указанные выше стадии эволюции представлений о литературном герое и его поступке в русской словесности. Каждая стадия соответствует стадии цикла Левитта и характеризуется специфическим

CC BY

состоянием представлений о поступке и доминированием определенных траекторий.

Подготовительная стадия («подготовительный этап» отмечен на луче *Z*) — конец XVIII — первые десятилетия XIX века — характеризуется пониманием поступков персонажа как предопределенных существующим миропорядком.

Стадия заимствования («инвестиционный этап», отмеченный на луче *Z*) знаменует проникновение в отечественную литературу 20-х годов XIX века образов европейских героев, расширение представлений писателей о национальной модели художественного мира. Ключевое расхождение европейского и русского героя обнаруживается в отношении авторов к проблеме существования мирового зла и личной свободы человека.

Мир, в котором оказывается европейской герой, предстает изначально дисгармоничным (в произведениях В. Шекспира, Ж.-Ж. Руссо, Дж. Г. Байрона, И.-В. Гете, Г. Гейне и др.). Изначальная богоотчужденность мира заставляет героя западноевропейской литературы, ощущающего свою иноприродность, активно противостоять миру, искать пути его преобразования, вступая в конфликт с господствующим в нем злом. Герой — преобразователь мира в этой модели — становится естественной ее составляющей.

Модель мира, выстроенная в русских художественных текстах, не предполагает изначальной и фатальной дисгармонии. Зло имеет локальный характер и берет начало в деяниях, ошибках, просчетах и пороках конкретных его носителей. В этом контексте усилия человека, направленные на преобразование мира как целого, оказываются неоправданными. Естественный поступок героя в таких условиях — это поступок ревностного охранителя, восстанавливающего равновесие в мире.

Следующий этап — «этап “выделения” своего героя в литературе» (30-е годы XIX века) — связан с формированием отечественного типа героя, ориентированного на западную традицию, однако раздираемого внутренними противоречиями относительно национальных ценностей и идеалов. Среди таковых — Евгений Онегин, Григорий Печорин, Павел Чичиков, поступки которых оказываются невозможными вследствие конфликта с нормами миропорядка, характерными для русской литературы. В литературе возникает герой, патологически неспособный к поступку.

Сороковые годы XIX века — «этап количественного роста героев в русской литературе» — совпадают с развитием литературы «натуральной школы», характеризующейся появлением множества второстепенных персонажей (гончары, извозчики, торговцы, водовозы, дворники, нищие), исполняющих преимущественно функциональные роли в художественном

CC BY

мире. В фокусе внимания европейских и русских авторов оказывается категория «среды». Стратегия миромоделирования предполагает воссоздание образа мира, лишенного Абсолюта, воплощается в русских альманахах и сборниках А. П. Башуцкого, Ф. В. Булгарина, Н. П. Кукольника, Н. А. Некрасова, В. Г. Белинского, Я. П. Буткова. В таком мире поступок героя утрачивает свою актуальность. Назревает «кризис поступка» героя, на который обратили внимание критики-современники (В. Г. Белинский, А. В. Никитенко, Е. Н. Эдельсон, П. Анненков, Ю. Самарин и др.) и литературоведы XX века (Л. М. Лотман, Б. И. Бурсов, Г. Д. Гачев и др.).

«Этап зрелости» представлений о герое и его поступке совпадает с периодом становления реалистического метода в искусстве (50-е годы XIX века), когда возникают персонажи, неспособность которых действовать обусловлена несоответствием личностных качеств масштабам действительности («маленький человек», «лишний человек») в многочисленных повестях русских авторов. «Несоразмерным миру» русским литературным героем (при этом неважно: «несоразмерно малым» или «несоразмерно большим») утверждается невозможность поступка, неопределенность и неопределимость места героя в событии бытия. Именно эта неопределенность места в мире как «точка исхождения» поступка делает поступок невозможным.

Далее следует фаза расцвета классической русской литературы — «этап насыщения» (60-е годы XIX века), отмеченная формированием жанра романа, воплощающего идею свободы воли человека перед лицом Божественного начала. Здесь мы видим русских романистов-классиков (И. С. Тургенев, И. А. Гончаров, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, Н. С. Лесков).

Уникальная художественная концепция мира русской литературы классического периода устанавливала смысловую границу, очерчивающую пространство, в котором возможен поступок героя, и тем самым грань, за которую принципиально не может проходить его своеволие. Эта модель мира по-разному воплощалась в различных художественных практиках: она заявляла о себе в персонаже, чутко ощущающем пределы своего поступка (например, «праведники» Н. С. Лескова); по-другому та же концепция обнаруживала себя в судьбе персонажа, претендующего на безграничность своей воли в мире (например, Раскольников Ф. М. Достоевского). Ценностная модель мира, рожденная в результате многочисленных художественных опытов русского классического литературного периода, отличалась уникальностью построения и удивительной смысловой сбалансированностью. Однако только эти ее качества не могли обеспечить ее бесконечное доминирование в русском литературном дискурсе. Постклас-

CC BY

сический период создает новые вызовы, новые кризисы поступка русского литературного героя, новые способы выхода из него и новый литературный продукт, порожденный этим процессом.

Наконец, заключительный этап — «этап упадка» (70—90-е годы XIX века) — ознаменован кризисом восприятия героического начала и возвращением идеи отсутствия центрального героя в художественной практике. Данный подход реализуется в произведениях А. П. Чехова, позднего Л. Н. Толстого, В. Г. Короленко. Поступки «повседневного существования» окрашены экзистенциальной тоской, импрессионистичностью, недоговоренностью в изображении мотивации.

4. Заключение = Conclusions

В связи с появлением новой (романной) картины мира в 50-е годы XIX века и потребностью в диалоге с признанными подходами в литературоведении возникает задача отслеживания изменения категории поступка литературного героя.

В продолжение философско-эстетической концепции М. М. Бахтина [Бахтин, 1995], наблюдений Н. И. Николаева [Николаев, 2012] (которые предлагают подходить к проблеме литературного героя через призму его поступка, что вносит новые оттенки в осмысление логики историко-литературного процесса) и других исследователей мы предложили рассматривать категорию поступка литературного героя как критерий в рамках авторской модели литературного процесса XIX века, где стимулом изменений выступает «кризис поступка» литературного героя.

В модели визуализируются точки взлета, зрелости и упадка в эволюции «поступающего» или «непоступающего» героя в русской словесности. Модель характеризуется цикличностью, динамикой, соотнесенностью с западными литературными аналогами и отечественными литературными направлениями. Модель включает четыре траектории (модели героя) и семь хронологических (последовательных) этапов.

Принимая во внимание наблюдения Н. И. Николаева об универсальности понимания «осевого положения» героя в произведении через совершаемый им поступок с точки зрения литературных родов и жанров [Николаев, 2012, с. 173—176], мы полагаем, что изучение специфики развития литературного процесса при помощи категории поступка литературного героя в дальнейшем может быть продолжено в формате исследования гипотетически жанрово-обусловленных модификаций этой категории.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

CC BY

Литература

1. *Баршт К. А.* Уральские горы или таблица Менделеева. О предмете и методе истории русской литературы / К. А. Баршт // Новый филологический вестник. — 2020а. — № 2 (53). — С. 18—35.

2. *Баршт К. А.* Уральские горы или таблица Менделеева. О предмете и методе истории русской литературы / К. А. Баршт // Новый филологический вестник. — 2020б. — № 4 (55). — С. 32—49. — DOI: 10.24411/2072-9316-2020-00093.

3. *Бахтин М. М.* Литературно-критические статьи / М. М. Бахтин. — Москва : Рипол Классик, 1986. — 541 с. — ISBN 5458433920.

4. *Бахтин М. М.* К философии поступка / М. М. Бахтин // Человек в мире слова. — Москва : Изд-во Российского университета, 1995. — С. 22—67.

5. *Бушуева Л. А.* Категоризация поступков (на материале поступков категории «проделка») / Л. А. Бушуева // Вестник нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2018. — № 1. — С. 155—159.

6. *Бушуева Л. А.* Структура словарной статьи в лингвокогнитивном словаре поступков (на примере имени поступка ИЗМЕНА) / Л. А. Бушуева // Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка : сборник научных статей / ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», Воронежская психолингвистическая ассоциация Центр коммуникативных исследований. — Воронеж : Издательство Ритм, 2021. — Выпуск 7. — С. 15—21. — ISBN 978-5-6047073-9-5.

7. *Бушуева Л. А.* Фрейм поступка «измена в любви» и его эвфемистические репрезентации в русской и английской лингвокультурах / Л. А. Бушуева // Научный диалог. — 2021. — № 7. — С. 45—49. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-45-59.

8. *Глазунов Ю. Т.* Единица измерения весомости поступка / Ю. Т. Глазунов // Научно-методический электронный журнал «Концепт». — 2016. — № 7 (июль). — С. 7—13.

9. *Гусейнов А. А.* Закон и поступок (Аристотель, И. Кант, М. М. Бахтин) / А. А. Гусейнов // Этическая мысль. — 2001. — № 2. — С. 3—26.

10. *Зимина М. А.* Дискурс безумия в исторической динамике русской литературы от романтизма к реализму : диссертация … кандидата филологических наук : 10.01.01 / М. А. Зимина. — Барнаул, 2007. — 191 с.

11. *Кривошеев А. В.* Философия поступка М. М. Бахтина как онтологический проект : диссертация … кандидата философских наук : 09.00.03 / А. В. Кривошеев. — Томск, 2007. — 130 с.

12. *Кузмичева И. В.* Лингвопоэтика интерперсонажа (на материале романа Б. Акунина «ФМ») / И. В. Кузмичева // Человек в информационном пространстве : сборник научных трудов / под общ. ред. Т. П. Курановой. — Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2014. — С. 146—152.

13. *Курцева З. И.* Риторический поступок: риторический и методический аспекты : монография / З. И. Курцева. — Москва : МПГУ, 2017. — 280 с. — ISBN 978-5-4263-0540-3.

14. *Лебедев Ю. В.* О книге Г. Ю. Филипповского «Динамическая поэтика русской литературы» / Ю. В. Лебедев // Литература в школе. — 2009. — № 10. — С. 46—47.

15. *Лобакова И. А.* Страх — жестокость — насилие — страх : объяснение поступков Ивана Грозного в литературе XVI — XVII вв. / И. А. Лобакова // Вся ненависть мира : насилие в литературе и искусстве : Сборник статей. Серия «Неканоническая эстетика». — Санкт-Петербург, Москва : [б. и.], 2021. — С. 41—49. — ISBN 978-5-00166-483-3.

16. *Манн Ю. В.* Динамика поэтических форм / Ю. В. Манн // Вопросы литературы. — 1996. — № 3. — С. 21—25.

CC BY

17. *Манн Ю. В.* Динамика русского романтизма / Ю. В. Манн. — Москва : Аспект Пресс, 1995. — 384 с. — ISBN 5-7567-0025-0.

18. *Недзвецкий В. А.* Русский роман XIX века : задачи и перспективы целостной жанровой истории / В. А. Недзвецкий // Вестник Московского университета. Серия 9 «Филология». — 2013. — № 2. — С. 56—66.

19. *Николаев Н. И.* Литературный герой в мире его поступка / Н. И. Николаев // Дискуссия. — 2012. — № 3. — С. 173—176.

20. *Океанский В. П.* Кризисы : имя сущности и уровневая типология / В. П. Океанский, Ж. Л. Океанская // На пути к гражданскому обществу. — 2017. — № 3 (27). — С. 58—59.

21. *Океанский В. П.* Последний вагон уходящего прогресса : эсхатология и ноосфера / В. П. Океанский, Ж. Л. Океанская // Философия хозяйства. — 2019. — № 2 (122). — С. 49—57.

22. *Панченко В. П.* Когнитивно ориентированное описание лексических значений производных глаголов «поступка и поведения» (по данным современных лексикографических источников) / В. П. Панченко // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». — 2009. — Т. 151. — № 6. — С. 240—247.

23. *Пчелина О. В.* Внутренний диалог при совершении поступка : уровни и эффекты / О. В. Пчелина // Современная наука : актуальные проблемы теории и практики. Серия «Познание». — 2020. — № 12. — С. 115—119. — DOI: 10.37882/2500-3682.2020.12.31.

24. *Романенко А. П.* Восприятие речевого поступка «покаяние» русскими писателями XX века / А. П. Романенко, З. С. Санджи-Гаряева // Русский язык и литература в профессиональной коммуникации и мультикультурном пространстве : материалы Международной научно-практической конференции, Саратов-Москва, 24—26 октября 2018 года. — Саратов-Москва : Перо, ООО «Амирит», 2018. — С. 279—283. — ISBN 978-5-00140-085-1.

25. *Созина Е. К.* Динамика художественного сознания в русской прозе 1830—1850-х годов и стратегия письма классического реализма : автореферат диссертации … доктора филологических наук : 10.01.01 / Е. К. Созина. — Екатеринбург, 2002. — 36 с.

26. *Созина Е. К.* Эволюция русского реализма XIX в. : семиотика и поэтика : учеб. пособие / Е. К. Созина. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2006. — 124 с. — ISBN 5-7996-0240-4.

27. *Степанов А. Д.* Переходная эпоха в литературе и термин реализм (1840—1850-е гг.) / А. Д. Степанов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. — 2022. — № 19 (3). — С. 497—514. — DOI: 10.21638/spbu09.2022.306.

28. *Теория* литературы. Литературный процесс / Под ред. Ю. Б. Борева. — Москва : ИМЛИ РАН, «Наследие», 2001. — Т. IV. — 624 с.

29. *Ускова С. А.* Семантический потенциал лексемы поступок в русском языке / С. А. Ускова // Язык и социальная динамика. — 2012. — № 12—1. — С. 75—78.

30. *Филипповский Г. Ю.* Динамическая поэтика русской литературы / Г. Ю. Филипповский. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин (ДБ), 2008. — 416, [1] с. — ISBN 978-5-86007-596-2.

31. *Ханинова Р. М.* Психология литературного героя в аспекте философии поступка / Р. М. Ханинова // Поэтика малой прозы Всеволода Ивановна : психологический аспект : Монография. — Элиста : Изд-во Калмыцкого ун-та, 2006. — С. 12—38.

32. *Харлушина А. А.* Динамика «светового сюжета» в русской литературе XVIII века / А. А. Харлушина // Социальные и гуманитарные знания. — 2016. — Т. 2. — № 1 (5). — С. 53—59.

CC BY

33. *Шильникова О. Г.* Моделирование художественного пространства в литературно-критическом дискурсе / О. Г. Шильникова // Вестник ВолГУ. Серия 8 «Литературоведение. Журналистика». — 2006. — № 5. — С. 75—82.

34. *Шпилевая Г. А.* Динамика прозы Н. А. Некрасова : художественный метод и стиль, жанр и межродовые отношения : диссертация … доктора филологических наук : 10.01.01 / Г. А. Шпилевая. — Воронеж, 2007. — 347 с.

35. *Levitt T.* Exploit the Product Life Cycle / T. Levitt. — Cambridge, MA, USA : Graduate School of Business Administration, Harvard University, 1965. — Vol. 43. — Pp. 71—75.

Статья поступила в редакцию 30.09.2025,
одобрена после рецензирования 09.03.2026,
подготовлена к публикации 08.04.2026.

References

Bakhtin, M. M. (1986). *Literary and critical articles.* Moscow: Ripol Classic. 541 p. ISBN 5458433920. (In Russ.).

Bakhtin, M. M. (1995). Towards the philosophy of action. In: *Man in the world of words.* Moscow: Publishing House of the Russian University. 22—67. (In Russ.).

Barsht, K. A. (2020a). Ural Mountains or the periodic table. On the subject and method of the history of Russian literature. *New Philological Bulletin, 2 (53):* 18—35. (In Russ.).

Barsht, K. A. (2020b). Ural Mountains or the periodic table. On the subject and method of the history of Russian literature. *New Philological Bulletin, 4 (55):* 32—49. DOI: 10.24411/2072-9316-2020-00093. (In Russ.).

Borev, Yu. B. (ed.). (2001). *Theory of literature. The literary process, IV.* Moscow: IMLI RAS, Heritage. 624 p. (In Russ.).

Bushueva, L. A. (2018). Categorization of actions (based on the material of actions of the category "trick"). *Bulletin of the Nizhny Novgorod Lobachevsky University, 1:* 155—159. (In Russ.).

Bushueva, L. A. (2021). The structure of a dictionary entry in the linguocognitive dictionary of deeds (on the example of the name of the deed TREASON). In: *Meaning as a phenomenon of the actual linguistic consciousness of a native speaker: a collection of scientific articles, 7.* Voronezh: Ritm Publishing House. 15—21. ISBN 978-5-6047073-9-5. (In Russ.).

Bushuyeva, L. A. (2021). Frame of Act of "Infidelity in Love" and Its Euphemistic Representations in Russian and English Linguocultures. *Nauchnyi dialog, 1 (7):* 45—59. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-7-45-59. (In Russ.).

Filippovsky, G. Y. (2008). *Dynamic poetics of Russian literature.* Saint Petersburg: Dmitry Bulanin (DB). 416, [1] p. ISBN 978-5-86007-596-2. (In Russ.).

Glazunov, Yu. T. (2016). Unit of measurement for the weight of an act. *Scientific and methodological electronic journal "Concept", 7:* 7—13. (In Russ.).

Huseynov, A. A. (2001). Law and deed (Aristotle, I. Kant, M. M. Bakhtin). *Ethical thought, 2:* 3—26. (In Russ.).

Khaninova, R. M. (2006). Psychology of a literary hero in the aspect of the philosophy of action. In: *Poetics of small prose Vsevoloda Ivanovna: psychological aspect: Monograph.* Elista: Publishing House of the Kalmyk University. 12—38. (In Russ.).

Kharlushina, A. A. (2016). Dynamics of the "light plot" in Russian literature of the XVIII century. *Social and humanitarian knowledge, 2 / 1 (5):* 53—59. (In Russ.).

Krivosheev, A. V. (2007). *The philosophy of M. M. Bakhtin's deed as an ontological project.* PhD Diss. Tomsk. 130 p. (In Russ.).

Kurtseva, Z. I. (2017). *Rhetorical act: rhetorical and methodological aspects: monograph.* Moscow: Moscow State University. 280 p. ISBN 978-5-4263-0540-3. (In Russ.).

Kuzmicheva, I. V. (2014). Linguopoetics of interpersonal art (based on B. Akunin's novel "FM"). In: *Man in the information space: a collection of scientific papers.* Yaroslavl: YaGPU Publishing House. 146—152. (In Russ.).

Lebedev, Yu. V. (2009). About the book by G. Y. Filippovsky "Dynamic Poetics of Russian Literature". *Literature at School, 10:* 46—47. (In Russ.).

Levitt, T. (1965). *Exploit the Product Life Cycle, 43.* Cambridge, MA, USA: Graduate School of Business Administration, Harvard University. 71—75.

Lobakova, I. A. (2021). Fear — cruelty — violence — fear: an explanation of the actions of Ivan the Terrible in the literature of the XVI — XVII centuries. In: *All the hatred in the world: violence in literature and art: A collection of articles. The series "Non-canonical aesthetics".* St. Petersburg, Moscow: [b. i.]. 41—49. ISBN 978-5-00166-483-3. (In Russ.).

Mann, Yu. V. (1995). *Dynamics of Russian Romanticism.* Moscow: Aspect Press. 384 p. ISBN 5-7567-0025-0. (In Russ.).

Mann, Yu. V. (1996). Dynamics of poetic forms. *Questions of literature, 3:* 21—25. (In Russ.).

Nedzvetskiy, V. A. (2013). The Russian novel of the XIX century: tasks and prospects of a holistic genre history. *Bulletin of the Moscow University. Series 9 "Philology", 2:* 56—66. (In Russ.).

Nikolaev, N. I. (2012). Literary hero in the world of his deed. *Discussion, 3:* 173—176. (In Russ.).

Okeansky, V. P., Okeanskaya, J. L. (2017). Crises: the name of the entity and the level typology. *On the way to civil society, 3 (27):* 58—59. (In Russ.).

Okeansky, V. P., Okeanskaya, J. L. (2019). The last wagon of outgoing progress: eschatology and the noosphere. *Philosophy of economy, 2 (122):* 49—57. (In Russ.).

Panchenko, V. P. (2009). Cognitively oriented description of the lexical meanings of the derived verbs "deed and behavior" (according to modern lexicographic sources). *Scientific Notes of Kazan State University. The series "Humanities", 151 (6):* 240—247. (In Russ.).

Pchelina, O. V. (2020). Internal dialogue when committing an act: levels and effects. *Modern science: actual problems of theory and practice. The series "Cognition", 12:* 115—119. DOI: 10.37882/2500-3682.2020.12.31. (In Russ.).

Romanenko, A. P., Sanji-Garyaeva, Z. S. (2018). Perception of the speech act "repentance" by Russian writers of the twentieth century. In: *Russian language and literature in professional communication and multicultural space: proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Saratov-Moscow, October 24—26, 2018.* Saratov-Moscow: Pero, Amirit LLC. 279—283. ISBN 978-5-00140-085-1. (In Russ.).

Shilnikova, O. G. (2006). Modeling of artistic space in literary and critical discourse. *Bulletin of the Volga. Series 8 "Literary criticism. Journalism", 5:* 75—82. (In Russ.).

Shpilevaya, G. A. (2007). *Dynamics of N. A. Nekrasov's prose: artistic method and style, genre and intergenerational relations.* Doct. Diss. Voronezh. 347 p. (In Russ.).

Sozina, E. K. (2002). *Dynamics of artistic consciousness in Russian prose of the 1830s and 1850s and the strategy of writing classical realism.* Author's abstract of Doct. Diss. Yekaterinburg. 36 p. (In Russ.).

Sozina, E. K. (2006). *The evolution of nineteenth-century Russian Realism: semiotics and Poetics: textbook. the manual.* Yekaterinburg: Ural Publishing House. Univ. 124 p. ISBN 5-7996-0240-4. (In Russ.).

Stepanov, A. D. (2022). The transitional era in literature and the term realism (1840—1850's). *Bulletin of St. Petersburg University. Language and literature, 19 (3):* 497—514. DOI: 10.21638/spbu09.2022.306. (In Russ.).

Uskova, S. A. (2012). Semantic potential of the lexeme deed in the Russian language. *Language and social dynamics, 12—1:* 75—78. (In Russ.).

Zimina, M. A. (2007). *The discourse of madness in the historical dynamics of Russian literature from Romanticism to realism.* PhD Diss. Barnaul. 191 p. (In Russ.).

The article was submitted 30.09.2025;
approved after reviewing 09.03.2026;
accepted for publication 08.04.2026.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(3), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ
HISTORY

Алексей Геннадьевич Топильский, канд. истор. наук (Тамбов)
Амо Каренович Сукиасян, канд. истор. наук (Ереван, Республика Армения)
Андрей Александрович Иванов, д-р истор. наук (Санкт-Петербург)
Бакыт Жумагазиевна Атантаева, д-р истор. наук (Семей, Казахстан)
Владимир Николаевич Мамяченков, д-р истор. наук (Екатеринбург)
Владимир Павлович Мотревич, д-р истор. наук (Екатеринбург)
Гаяне Хачиковна Казарян, канд. истор. наук (Ереван, Республика Армения)
Георгий Николаевич Буслаев, соискатель (Москва)
Елена Валерьевна Миронова, канд. истор. наук (Казань)
Лилит Сашаевна Закарян, канд. истор. наук (Ереван, Республика Армения)
Мади Ермекович Турлыбаев, докторант (Семей, Казахстан)
Михаил Николаевич Барышников, д-р истор. наук (Санкт-Петербург)
Раушан Дюсенбековна Ахметова, канд. истор. наук (Семей, Казахстан)
Роман Отмарович Райнхардт, канд. экон. наук (Москва)
Руслан Магометович Житин, канд. истор. наук (Тамбов)
Светлана Сергеевна Зубарева, ассистент (Екатеринбург)
Святослав Сергеевич Колегов, канд. истор. наук (Екатеринбург)
Тимур Альбертович Магсумов, д-р истор. наук (Набережные Челны)
Ху Лиян, аспирант (Екатеринбург)

CC BY

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(3), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Атантаева Б. Ж. Восстание Фёдора Толстоухова как форма крестьянского сопротивления в 1930 году / Б. Ж. Атантаева, Р. Д. Ахметова, М. Е. Турлыбаев // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 3. — С. 353—374. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-3-353-374.

Atantaeva, B. Z., Akhmetova, R. D., Turlybaev, M. E. (2026). Tolstoukhov Uprising as a Form of Peasant Resistance in 1930. *Nauchnyi dialog, 15* (3): 353-374. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-3-353-374. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus · Q1 · DOAJ · ERIHPLUS · eLIBRARY.RU РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Восстание Фёдора Толстоухова как форма крестьянского сопротивления в 1930 году

Атантаева Бакыт Жумагазиевна
orcid.org/0000-0001-6104-9797
доктор исторических наук, профессор
кафедры истории
bakytatantaeva@gmail.com

Ахметова Раушан Дюсенбековна
orcid.org/0000-0003-1359-0006
кандидат исторических наук,
ассоциированный профессор
кафедры истории,
корреспондирующий автор
r.d.akhmetova@mail.ru

Турлыбаев Мади Ермекович
orcid.org/0009-0009-1384-8047
докторант,
кафедра истории
toleuoffmadi@gmail.com

Университет Шакарима
(Семей, Казахстан)

Благодарности:
Статья подготовлена в рамках реализации научного проекта грантового финансирования Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан AP23485479 «Вооруженные выступления в Семипалатинском округе в документах: история и судьбы участников (1929—1931 годы)»

Tolstoukhov Uprising as a Form of Peasant Resistance in 1930

Bakyt Zh. Atantaeva
orcid.org/0000-0001-6104-9797
Doctor of History, Professor,
Department of History
bakytatantaeva@gmail.com

Raushan D. Akhmetova
orcid.org/0000-0003-1359-0006
PhD in History, Associate Professor,
Department of History,
corresponding author
r.d.akhmetova@mail.ru

Madi E. Turlybaev
orcid.org/0009-0009-1384-8047
Doctoral degree seeker,
Department of History
toleuoffmadi@gmail.com

Shakarym University
(Semey, Kazakhstan)

Acknowledgments:
The article was prepared as part of a scientific project funded by the Science Committee. Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan AP23485479 “Armed demonstrations in the Semipalatinsk district in documents: the history and fate of the participants (1929—1931)”

© Атантаева Б. Ж., Ахметова Р. Д., Турлыбаев М. Е., 2026

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются вопросы истории одного из наименее изученных крестьянских выступлений периода коллективизации — «толстоуховского восстания» 1929—1931 годов на территории Зыряновского района. Уделяется внимание причинам, ходу и последствиям движения, а также мерам его подавления партийными и карательными органами. Авторы исходят из того, что всесторонний анализ восстания требует привлечения архивно-следственных материалов Объединённого государственного политического управления Казахской АССР, документов региональных и республиканских архивов, что позволяет реконструировать как ход событий, так и поведенческую модель руководителя движения Фёдора Толстоухова. Сделан вывод о том, что особенности восстания заключались в масштабности подготовительных мероприятий и в разработке идеологической платформы, отражавшей интересы крестьянства. Показано, что идеологические установки восставших формировались как реакция на насильственные методы коллективизации и перегибы местных властей. Особое внимание уделяется характеру репрессивной политики и ее реализации на местном уровне. Впервые проведён комплексный источниковедческий анализ следственных дел, позволяющий глубже понять мотивы и структуру восстания. Доказано, что анализ привлечённых материалов позволяет уточнить социальный состав участников, мотивы их действий и особенности организации движения.

Ключевые слова:
Казахстан; вооруженные восстания; Федор Толстоухов; протестные настроения; Объединённое государственное политическое управление Казахской АССР.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines one of the least studied episodes of peasant resistance during the collectivization campaign — the so-called “Tolstoukhov Uprising” of 1929–1931 in the Zyryanovsk district. The authors focus on the causes, development, and aftermath of the movement, as well as the measures taken by party and security agencies to suppress it. It is argued that a comprehensive analysis of the uprising requires the use of investigative materials from the Joint State Political Directorate (OGPU) of the Kazakh ASSR, along with documents from regional and republican archives. This approach enables a detailed reconstruction of both the course of events and the behavioral patterns of the uprising’s leader, Fyodor Tolstoukhov. The study concludes that the distinctive features of the uprising were its large-scale preparatory activities and the formulation of an ideological platform reflecting peasant interests. The ideological stance of the rebels is shown to have emerged as a direct response to the coercive methods of collectivization and the excesses of local authorities. Special attention is given to the nature of repressive policies and their implementation at the local level. For the first time, a comprehensive source analysis of investigative case files is conducted, allowing for a deeper understanding of the motives and structure of the uprising. The authors demonstrate that an analysis of these materials clarifies the social composition of participants, their motivations, and the organizational features of the movement.

Key words:
Kazakhstan; armed uprisings; Fyodor Tolstoukhov; protest movements; Joint State Political Directorate (OGPU) of the Kazakh ASSR.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(3), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94(574)“1930”+929Толстоухов
DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-3-353-374

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история
5.6.2. Всеобщая история

Восстание Фёдора Толстоухова как форма крестьянского сопротивления в 1930 году

© Атантаева Б. Ж., Ахметова Р. Д., Турлыбаев М. Е., 2026

1. Введение = Introduction

Проблематика истории крестьянских выступлений всегда находится в тренде научных исследований ввиду достаточно значительного массива открытых архивных материалов и не менее существенных для ученых закрытых данных. Приближающееся столетие трагических событий конца 1920-х — начала 1930-х обусловило всплеск и непроходящий интерес к теме, по которой, казалось бы, закрыты все вопросы. Установлено, что именно политико-идеологическая регламентация, искажение норм управления, чрезвычайные меры, эскалация силовых воздействий наряду с комплексом социальных и экономических факторов способствовали возникновению конфликта между крестьянами и властью.

Вместе с тем короткий хронологический промежуток 1929 по 1931 годы оказался одним из самых трагически-напряженных в период протестов, проявившихся в различных формах от несанкционированных выступлений до вооруженных схваток. Все это получало отражение в информационно-аналитических материалах Секретно-политического отдела Объединённого государственного политического управления (далее — ОГПУ) и в общих обзорах по повстанческому движению.

Объектом нашего исследования являются архивные материалы ОГПУ КАССР, впервые вводимые в научный оборот по истории восстания Федора Толстоухова. Предметом изучения является восстание Ф. Толстоухова, взгляды и планы руководителя, предпринимаемые им действия, реконструируемые на основе анализа архивно-следственных материалов из ведомственных архивов. Внимание сосредоточено на восприятии его личности как сотрудниками ОГПУ, так и непосредственными участниками событий, ставшими обвиняемыми по политической статье 58-2 Уголовного Кодекса РСФСР.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Комплекс архивных документов, составивших источниковую базу исследования, можно условно разделить на три большие группы.

CC BY

1) Документальные материалы открытого доступа партийной и исполнительной власти, отложившиеся в республиканских и региональных архивных учреждениях, к которым можно отнести источники, раскрывающие причинно-следственные связи протестных вооруженных выступлений крестьян: постановления и нормативно-правовые акты, протоколы и многоуровневые решения власти. Документы партийной и исполнительной власти отложились в Архиве Президента Республики Казахстан [АП РК, ф. 141], Государственном архиве Восточно-Казахстанской области [ГАВКО, ф. 1276]. Подобные документы, в том числе воспоминания участников подавления восстания Ф. Толстоухова вскрывают множество нюансов в содержании реализуемой политики по различным кампаниям согласно поступающей документации сверху.

2) Документальные материалы частично открытого доступа ведомственных архивов МВД РК, КНБ РК. К ним относятся циркуляры, директивы, приказы, инструкции, оперативно-разведывательные сводки, политобзоры, донесения, информативные справки. рассекреченные протоколы и сводки ОГПУ и прочая переписка — внутренняя и внешняя. Все указанные документы литерованы грифом: секретно / совершенно секретно.

3) К источникам закрытого доступа относятся архивно-следственные материалы участников вооруженных восстаний, многотомные дела обвинительных заключений. «Труднодоступная» [Тепляков, 2018, с. 232] документация наиболее информативна в фокусе детализации макро- и микроистории исследуемого авторами периода. Уникальная специфика их содержания позволяет реконструировать события, выявить значимые детали исторической ситуации.

Основу предложенного исследования составили документы, отложившиеся в фондах Специального государственного архива Департамента полиции города Алматы Министерства внутренних дел Республики Казахстан (далее — СГА ДП г. Алматы МВД РК) и Комитета Национальной Безопасности Республики Казахстан (далее — СГА КНБ РК). Одиннадцать томов «По обвинению банды Толстоухова» содержат материалы допросов участников «контрреволюционной организации» под руководством Ф. Толстоухова, многие из которых были арестованы до начала восстания. По плану восстание намечено было начать на территории Семипалатинского округа, включая пограничные районы с Китаем, 20 февраля 1930 года. ОГПУ произвело упреждающие задержания, однако, несмотря на произведенные ОГПУ аресты, восстание все-таки началось, хоть и на день позже, 21 февраля, в Зыряновском и Усть-Каменогорском районах. Дополнительно к одиннадцати томам нами изучены 67 архивно-следственных материалов участников, разгруппированных по районам, и отдельные

CC BY

индивидуальные архивно-следственные дела на косвенно причастных и соотнесенных к прослойке поддерживающих повстанцев. Указанные документы отложились в Специальном государственном архиве Департамента полиции Восточно-Казахстанской области Министерства внутренних дел Республики Казахстан (далее — СГА ДП ВКО МВД РК).

Архивные материалы ОГПУ по истории вооруженных восстаний крестьян 1920—1930-х годов, сформированные согласно внутреннему шаблонному документообороту, обладают высокой информативностью и потенциалом для междисциплинарных исследований. В перечне документооборота ОГПУ имеются «Справки…» и «Меморандумы». Это действительно «яркие оперативные документы» [Тепляков, 2018, с. 241], реконструирующие мозаику событий, в них собраны по крупицам сведения из разных источников, однако они являются одним из самых убедительных доказательств вины обвиняемых. Справки и меморандумы представляют интерес прежде всего как источники фактических сведений о событиях и действиях, которые в данном случае иллюстрируют механизмы социального манипулирования посредством искажения сведений и распространения недостоверной информации. Выявленные документы способны существенно дополнить историографию вооружённых восстаний, раскрыв аспекты повседневной жизни, адаптивных практик и стратегий выживания в условиях мятежа. Кроме того, они позволяют исследовать судьбы рядовых участников событий, реконструировать фрагменты устной истории на основе архивно-следственных материалов, включая листовки, прокламации и плакаты, а также проанализировать поведенческие мотивы, формы пассивного и активного сопротивления и экспрессивные дискурсы информационного противоборства.

При работе с выявленными протоколами возникли трудности методологического плана, связанные с отсутствием приемов и методов работы с подобными источниками. Воссоздание картины событий по содержанию протоколов требует верификации, анализа и сопоставления выявленных фактов, подтверждения или опровержения другими архивными материалами. Вполне можно согласиться с Д. Бранденбергом, поставившим под сомнение “возможность использования протоколов допросов сталинской эпохи в качестве надежных источников для современных исторических исследований», даже при учете недоказанности использования насилия и фальсификации [Бранденберг, 2023, с. 376]. Необходимо учитывать ценность содержания протоколов с учётом их субъективного характера, рассматривая их как источник справочных данных. При этом исследователи не вправе квалифицировать информацию протоколов как безусловно истинную или ложную, поскольку критерии объективности выходят за рамки научной методологии. Событие, зафиксированное в протоколе, может об-

CC BY

рести статус объективной реальности лишь при условии наличия дополнительных подтверждающих документов.

Авторская исследовательская практика опиралась на общенаучный исторический инструментарий, а также выработанные методологические подходы, использованные зарубежными и отечественными учеными в опубликованных ими научных трудах и изданиях.

Историография по теме статьи представлена немногочисленными работами. Зарубежные исследователи истории советского государства опираются на материалы российских архивов, в случае обращения к истории Казахстана — на казахстанские архивные материалы. Для русскоязычного читателя опубликованные за рубежом монографии в большинстве своем становятся известными после публикации их научных трудов в переводе (см.: [Киндлер, 2017]).

К числу работ, переведенных и опубликованных в России, принадлежит монография Л. Виолы, посвященная крестьянскому бунту. Автором выстроены структурные концептуальные компоненты анализа «крестьянских бунтов» в шаблонных образах. Протестные настроения и вооруженное сопротивление крестьян зарубежные ученые обозначили гражданской войной «между деревней и городом». Как отмечает Л. Виола, если крестьяне переходят к вооруженным актам, это означает, что они решили высказаться «в полный голос» [Виола, 2010, с. 13]. Однако среди них оказались «неуслышанные голоса» [«Неуслышанные голоса», 1987], имевшие различный статус в сводках и материалах ОГПУ. Крестьянский бунт был «очеловечен» Л. Виолой. Антропологизация «высшей формы народного сопротивления» вскрыла целые пласты неизвестной истории маленького человека [Виола, 2010, с. 13]. Результатом итальянско-казахстанской коллаборации авторов Н. Пианчоло и А. Жарасова стала опубликованная статья в казахстанском журнале, посвященная восстаниям 1929—1931 годов [Пианчоло, Жарасов, 2020]. Отличительной чертой публикации является глубокий анализ работ европейских историков по рассматриваемой теме, выдвинуто предложение о разработке микроисторического подхода к изучению повстанческой тематики на основе материалов ведомственных архивов [Там же, с. 13]. В настоящей статье также реализуется данный подход, базирующийся на документах, содержащихся в архивных фондах.

Вооруженные выступления периода коллективизации в современной историографии классифицируются как повсеместное явление, вызванное радикальной ломкой традиционного уклада. При этом подчеркивается широкая география и социальная база сопротивления [Козлов, 2024].

Существенный вклад в разработку проблемы внесли исследования отечественного историка Т. Алланиязова, основанные на материалах ОГПУ.

CC BY

В его публикациях представлен наиболее полный анализ казахстанской историографии по повстанческой тематике [Алланиязов, 2009, 2024].

Как отмечается в исследованиях, посвященных протестным процессам рубежа 1920—1930-х годов, ключевым фактором нарастания социального напряжения выступала политика заготовительных кампаний. Так, нарушения правовых норм и злоупотребления в ходе хлебозаготовок, по мнению Б. К. Альжаппаровой, существенно усилили протестные настроения и спровоцировали крестьян на вооруженные выступления [Альжаппарова, 2018].

В региональной историографии проблемы протестного движения получили освещение в ракурсе анализа вооруженных выступлений и массовых откочевок, при этом восстания 1930 года рассматриваются как системный ответ крестьянского общества на разрушение традиционного уклада и конфискационную политику [Maslov, 2024]. Наряду с этим в историографии раскрываются социально-экономические и демографические последствия коллективизации, затронувшие как казахские аулы, так и районы с преимущественно русским населением [Атантаева и др., 2024].

Важной составляющей всех повстанческих движений являлись слухи и провокационные заявления. Повстанцы сопровождали свои действия воззваниями, лозунгами, листовками, изучаемое нами восстание не было исключением. Тема слухов и воззваний повстанцев затронута во многих трудах исследователей, они отражают фрагменты устной истории крестьянских восстаний [Виола, 2010, Омарканова, 2024].

В рамках работы Государственной комиссии по реабилитации за последние три года в регионах Казахстана, в том числе области Абай и Восточно-Казахстанской области, были опубликованы ранее неизвестные материалы по истории повстанческого движения. В исследуемый хронологический отрезок времени, в 1929—1931 годах, вышеуказанные области составляли единый Семипалатинский округ. Получили освещение вопросы истории восстаний на этой территории, в том числе Чингистауского, Абралинского, Чубартауского и Толстоуховского [Байсарина, 2025; Protest sentiments ..., 2025]. Однако по вопросам истории Толстоуховского восстания новых материалов не обнаружено, кроме изданных ранее работ, посвященных анализу политической платформы Ф. Толстоухова с детализацией событий [Жанбосинова, 2018; Жанбосинова, 2019].

Признавая значимость работ предшественников, авторы фокусируются на аспекте, ранее не получавшем специального освещения, — динамике этнического состава повстанцев. Если в существующей историографии восстание Ф. Толстоухова трактовалось преимущественно как однородное по своему социальному и национальному составу выступление, то про-

веденное исследование показывает его межэтнический характер. Анализ архивных материалов свидетельствует о том, что около 90 % повстанцев составляли русские крестьяне и казаки, однако в ходе продвижения к Китаю в этих событиях участвовали и казахские роды. Исследование этого взаимодействия в условиях аграрного кризиса, а также смещение акцента с событийного описания на изучение поведенческих моделей участников, их личных мотивов и стратегий выживания составляет научную новизну работы и дополняет существующие представления о социальной базе сопротивления 1930-х годов.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. От эсера до борца с советской властью

В истории Казахстана за 1929—1931 годы произошло 397 выступлений, в том числе 25 вооруженных восстания, в которых участвовали около 80 тысяч человек [Алланиязов и др., 2009]. Большая часть названий вооруженных восстаний была связана с территорией. В отличие от других вооружённых выступлений на территории Казахстана, уникальность рассматриваемого восстания определяется рядом факторов: названием «Толстоуховское» (по фамилии руководителя), масштабностью замыслов и широкой географией распространения, наличием связей с антисоветской эмиграцией в Китае, а также разработанной платформой и идеологией повстанческого движения.

Социально-политическая ситуация (или «фактор ситуации») конца 1920-х — начала 1930-х годов способствовала формированию новых поведенческих моделей, таких как самоорганизация протестных настроений и формирование идеологической платформы, то есть конструирование действий и адаптивных практик. Особую роль в организации восстания сыграл Федор Дорофеевич Толстоухов, 1887 года рождения, уроженец Орловской губернии. Интересная неординарная личность, он оказался в Бухтарминском крае волей случая: был сослан туда как эсер в 1909 году [Жанбосинова, 2019, с. 138]. По специальности учитель, бывший эсер, бывший помощник командира полка партизанского отряда, бывший командир отряда ЧОН (части особого назначения), бывший нэпман, бывший плановик-экономист в районной власти, бывший член Бухтарминского ревкома, он был приверженцем теории Н. Бухарина «врастание кулака в социализм». Прозвание «бывший нэпман» Ф. Толстоухов получил потому, что при нэпе, воспользовавшись различными льготами и применяя наемную силу, он превратил свое маломощное хозяйство в “крепкое кулацкое” хозяйство. Местные власти объясняли участие бывшего партизана в организации восстания его личной обидой на советскую власть. «Партизана, который

CC BY

боролся за нее и имел награды, лишают того, что он завоевал борьбой» [ГАВКО, ф. 1276, оп. 1, д. 105, л. 116].

Формирование идейных взглядов Ф. Толстоухова во многом определялось противоречивостью государственной политики в отношении крестьянской собственности. Практика продразвёрстки, сопровождавшаяся полным изъятием сельскохозяйственной продукции, шла вразрез с большевистским лозунгом «Земля — крестьянам», что не могло не отразиться на мировоззрении будущего лидера восстания. Попытка Ф. Толстоухова защитить местных крестьян сначала привела к исключению его из партии, затем он был восстановлен с последующим избранием членом губкома и делегатом на X съезд РКП(б). В результате противостояния с местными партийцами, нарушавшими политику продовольственного налога и обвинявшими Ф. Толстоухова в фракционной борьбе в Зыряновском районе, он был вынужден перебраться на Дальний Восток. Возвращение Ф. Толстоухова на родину в мае 1929 года пришлось на самый пик обострения экономической ситуации и начала крестьянских протестов. В протоколах сельсоветов Зыряновского района обсуждение борьбы с противниками коллективизации, как правило, сводилось к стандартным обобщающим формулировкам: «... ликвидировать как класс на основе сплошной коллективизации, как врага советской власти, мешающего колхозному строительству» [Там же, л. 11].

Местом зарождения Тостоуховского восстания стал Зыряновский район, деревня Пихтовый ключ. Накануне восстания, в 1929 году, район занимал значительную территорию почти на границе с Китаем, практически не имел телефонной связи с местными сельскими советами. Связь с Семипалатинском как окружным центром поддерживалась не только посредством телеграфа, но и речным транспортом — пароходами по реке Иртыш до станции Гусиная. В состав повстанческих отрядов по версии ОГПУ вошли «...бывшие кулаки, окулачившиеся красные партизаны, антисоветский элемент деревни, репрессированные, а также недовольные мероприятиями советской власти середняки и бедняки...» [СГА ДП ВКО, ф. 19, оп. 1, д. 3641, л. 206].

3.2. Подготовка, организационная структура и ход восстания

В задачи «контрреволюционной организации» входила подготовка вооруженного выступления в пределах большинства районов Семипалатинского округа и за его пределами на всем протяжении границы Семиречья, Сибирского края, Урала, а также в приграничных районах с Китаем с созданием «чисто крестьянской власти». С этой целью Ф. Толстоуховым были приняты меры по установлению связи с округами Сибирского края.

Согласно материалам ОГПУ КАССР, Ф. Толстоухов начал вести «организационную работу по созданию контрреволюционной группы с июля

CC BY

месяца 1929 года». Участники объединялись в тройки, которые принимали на себя руководящую роль. Движение расширялось за счет формируемых троек [СГА ДП г. Алматы, ф. 1, оп. 1, д. 11317, т. 5, л. 5—6]. Создание новых ячеек Толстоухов объяснял необходимостью того, что в момент начала восстания они должны сгруппироваться «в одно целое с тем, чтобы сделать выступление и захватить одно село, переходить к другому близко расположенному… До города Семипалатинска … и так можно будет дойти в течение 2-х суток, конечно при условии перервать телеграфную связь …» [СГА ДП г. Алматы, ф. 1, оп. 1, д. 11317, т. 1, л. 13]. Судя по размаху и вовлечению в подготовку восстания жителей разных районов, значительно удаленных от Зыряновского, — Самарского, Кокпектинского, Катон-Карагайского, а также городов Усть-Каменогорска, Риддера, Зайсана, Ф. Толстоухов надеялся на одновременное выступление по всему округу. Активными помощниками Ф. Толстоухова были бывшие офицеры царской армии Кленовицкий, Зиньковский, Паутов и др.

В «контрреволюционную организацию» Ф. Толстоухова входили казахские аулы, где также были созданы ячейки для подготовки восстания [СГА КНБ РК, ф. 11, оп. 1, д. 27, л. 13]. Ф. Толстоухов изначально готов был с ним сотрудничать. Его посланники наладили связи с аульными баями, которые стали объектами силового давления со стороны местной власти. В частности, в архивно-следственных материалах присутствуют имена Калель (Халель) Онов, Мухамбет Муканов, Нургали Самаев, Хадыбул Саканов, Касен Токсанов и др. В доме М. Самаева посланники Толстоухова проводили совещания с казахскими баями. Согласно материалам ОГПУ, «контрреволюционные группы» были созданы в третьем, четвертом и шестом аулах Курчумского района. Ф. Толстоухов со своими сподвижниками, среди которых был его помощник Сливкин, знавший казахский язык, спасаясь от преследования отрядов ОГПУ, нередко обращался в казахские аулы по пути движения, закупая мясо, хлеб прочие продукты [СГА ДП г. Алматы, ф. 1, оп. 1, д. 11317, т. 5, л. 245].

«Контрреволюционная» организация с ячейками по районам, независимо от этнического расселения, сформированная Ф. Толстоуховым провела два съезда: в селе Зубовском 17 января и в Теребиловке — Братском Самарского района с 13 на 14 февраля 1930 года. Датой второго съезда в некоторых протокольных документах названо 17 февраля [СГА ДП ВКО, ф. 19, оп. 1, д. 3398, л. 4]. Выступление Толстоухова на первом съезде носило программно-организационный характер. В нём были затронуты вопросы тактики вооружённой борьбы, дана оценка работы подпольных ячеек и проанализированы каналы связи и внешней поддержки. Докладчик также проинформировал делегатов о планах по привлечению на свою сторону

CC BY

русского казачества и первых итогах этой деятельности. Свидетельством решимости и серьезности намерений Ф. Толстоухова можно считать его заявление о том, что «… надо все делать с таким расчетом, чтобы крестьянин весеннюю посевкампанию проводил в новой обстановке…». На втором съезде в выступлении Ф. Толстоухова была объявлена дата начала восстания — 20 февраля 1930 года. Соответственно, обсуждались практические вопросы готовности ячеек, наличия оружия, согласие участников на повсеместное выступление в один назначенный день как в деревне, так и в городе. Завершая, ф. Толстоухов сказал: «Деревня одна не может восстать без города, а город без деревни, а поэтому нужно назначить число и сообщить по цепочке всем организациям деревни и города, чтобы к назначенному числу все было готово к выступлению» [СГА ДП г. Алматы, ф. 1, оп. 1, д. 11317, т. 1, л. 18]. Итоговой датой выступления по решению второго съезда стали дни с 20 по 25 февраля 1930 года, что стало логическим воплощением установки Ф. Толстоухова, настаивавшего на одновременном выступлении с постепенным усилением натиска повстанцев.

В селах Зевакино, Барашки, Таврическое и во многих других действовали ячейки Ф. Толстоухова. Согласно данным ОГПУ, такие организации функционировали практически во всех селах до Рубцовска и Омска. Группу в селе Зевакино возглавляли братья Чекаловы Егор и Яков, Мартынов Федот, Шабалкин Петр; группой в селе Барашки руководил Толмачев Николай. У Зевакинской группы имелись три пулемета, 10 наганов, намечался подвоз трех бричек с винтовками с Усть-Каменогорска [СГА ДП ВКО, ф. 19, оп. 1, д. 2748, л. 9].

В селе Мякотиха ячейку возглавлял Семен Бурнашев, ее активными участниками и впоследствии руководителями воинских формирований были Михаил Какоулин, Петр Какоулин, Дмитрий Никитин, Семен Екимов, Василий Селезнев, Осип Палкин, Николай Усенко, Семен Лопатин с пристани Гусиной. На собрании в феврале 1930 года Семен Бурнашев информировал своих соратников, что их организация охватывает территорию от границы до Капала и Новосибирска. Главным руководителем указанной организации на Бухтарме он назвал Федора Толстоухова [СГА ДП ВКО, ф. 19, оп. 2, д. 3749, л. 240].

В результате к началу восстания практически все группы имели оружие и были готовы к выступлению.

Планы и действия Ф. Толстоухова сочетали, с одной стороны, разумные и довольно аргументированные шаги. Восстание предполагалось начать повсеместно в один день и в городе, и в деревне с созданием фронта протяженностью до тысячи верст и с захватом Туркестано-Сибирской железной дорогой. Он предполагал, что захват железной дороги позволит

CC BY

блокировать возможность переброски регулярных воинских частей Красной армии против повстанцев. С другой стороны, он питал наивные надежды на повсеместную поддержку повстанцев и захват власти без излишнего кровопролития ввиду масштабности созданной им повстанческой группы от китайской границы до Урала. Поддержку своих идей он искал у обиженных властью крестьян, но стремился набирать в повстанческую армию бывших богатых крестьян, то есть «кулаков» — основную ставку он делал на них [СГА КНБ РК, ф. 9, оп. 1, д. 27, л. 63—66].

В прописываемый шаговый алгоритм начальных действий повстанцев Ф. Толстоуховым были включены заблаговременный захват телеграфа своими проверенными кадрами, что лишало, по его мнению, окружную власть возможности оперативно реагировать и действовать против вооруженного восстания. Одновременно планировалось нападение на помещения, где располагались советские и общественные организации, прямо или косвенно связанные с властью или представлявшие власть. Захват власти сопровождался изоляцией представителей советской администрации, партийных функционеров и их сторонников из числа бедноты. При этом Ф. Толстоухов выступал против применения террора, предлагая по завершении операции по свержению власти не прибегать к расстрелам, а выслать арестованных коммунистов, отказавшихся от сотрудничества, за пределы Уральского региона с последующей отправкой в центральные районы СССР: «Пусть они себе там строят коммуну, а мы в Сибири будем автономны» [СГА КНБ РК, ф. 11, оп. 1, д. 27, л. 14.].

В намеченный срок восстание не состоялось из-за упреждающих действий ОГПУ. К ликвидации повстанческих групп в районах Семипалатинского округа органы ОГПУ приступили 17 февраля 1930 года, и к 20 февраля было арестовано 72 человека. В сохранившихся архивных материалах содержатся следующие заметки: казалось, «… дело начинает проваливаться…», начался разброд и стали звучать «разные мнения…», задержания вызвали «…панические настроения», отряды повстанцев частично ушли в лес, частично в горы [СГА ДП ВКО, ф. 19, оп. 1, д. 3398, л. 5—6]. Несмотря на разрозненное и хаотичное состояние, в котором находились повстанцы, им удалось сгруппироваться и даже в отдельных населенных пунктах захватить власть, арестовать членов сельского совета. Ход и детализированный процесс вооруженного Толстоуховского восстания в деревнях получил отражение в трудах А. Жанбосиновой [Жанбосинова, 2018, с. 192—204]. Оно началось по заранее подготовленному плану: повстанцы частично вооружились, провели аресты представителей советской власти и местного актива. Они разоружали уполномоченных, освобождали арестованных сторонников и устанавливали фактический контроль над

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(3), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

отдельными населёнными пунктами. Идея восстания была реализована через создание штаба, формирование отрядов, мобилизацию населения (в том числе принудительную), захват власти в сёлах и попытки распространить выступление на соседние территории. Повстанцы вели активную агитацию против коллективизации и советской власти, выдвигая лозунги «свободного труда» и «свободной торговли», рассчитывая на расширение движения на Алтай, Урал и Сибирь.

Повстанцы занимались активной мобилизацией населения в повстанческие отряды, вывешивали воззвания. Так, на арке главной улицы села Мякотиха появилось красное полотнище с лозунгом: «Долой колхозы, долой пятилетку, долой коммунистов и грабежи, да здравствует свободный труд и свободная торговля». Организовывались митинги с призывами: «Товарищи, нам надо держаться, власть мы возьмем в свои руки, грабежи и коллективизацию долой, будет свободный труд» [СГА ДП ВКО, ф. 19, оп. 2, д. 3749, л. 245].

Мобилизация населения в охваченных восстанием населенных пунктах производилась под угрозой применения оружия и возможного расстрела в случае отказа. Отметим, что руководители повстанцев понимали зыбкость настроений мобилизуемого населения, шаткость их «политических» позиций. С целью избежать дезертирства и их бегства на сторону красных, они распространяли слухи, что взятых в плен повстанцев коммунисты подвергают издевательствам и самый лучший вариант избежать плена — застрелиться. К мобилизуемой бедноте руководители и активисты повстанческого движения не стеснялись применять оружие вплоть до расстрела за отказ от исполнения приказа, сопровождая свои действия угрозами: «У нас пуль на красных не хватит, но на вас хватит. Все должны идти в бой» [СГА ДП ВКО, ф. 19, оп. 2, д. 3749, л. 246].

Отметим, что повстанцам удалось собраться и выступить — возможно, не вполне организованно, но все же они грамотно рассредоточили силы. В районе сел Зубовка и Крестовка Зыряновского района, в селах Горно-Ульбинка, Северное и Винное располагалось около 400 повстанцев, в селе Мякотиха, по данным ОГПУ, — 300.

Самарскому району, где также были сформированы повстанческие тройки Ф. Толстоухова, уделялось особое внимание ввиду его стратегического, пограничного положения. В случае неблагоприятного исхода его позиция давала возможность отступления. Последующие события, связанные с активными действиями ОГПУ по срыву планов повстанцев, показали, что тактический ход Ф. Толстоухова с Самарским районом оказался оправданным. Село Пантелеймоновка Самарского района приобрело особую роль в связи с тем, что восстание в этом селе было организовано лично

CC BY

Ф. Толстоуховым, прибывшим сюда 18 февраля (в других источниках — 24 февраля) в статусе беженца в Китай [СГА ДП г. Алматы, ф. 1, оп. 1, д. 11317, т. 9, л. 490]. Проезжая с группой сподвижников в направлении китайской границы, Ф. Толстоухов провел собрание, обратившись к противникам и недовольным советской властью лицам со словами: «…кругом восстание — в Риддере, в Семипалатинске, Усть-Каменогорске… нужно начинать разоружение коммунистов… если хотите начинать, то давайте, а если не хотите, то я поеду в Китай…». Пантелеймоновцы не согласились на призыв к немедленному восстанию, однако Ф. Толстоухова уже в дороге догнали их посланники, он вернулся назад и возглавил восстание [СГА КНБ РК, ф. 9, оп. 1, д. 3376, л. 44]. Арест местной власти и переворот в Пантелеймоновке совершался при непосредственном участии во всех событиях Ф. Толстоухова и прибывших к нему лесорубов с Каиндинского леса. Им был сформирован отряд добровольцев, двинувшийся в сторону села Гусиное для слияния с восставшими отрядами. Последующие события заставили Толстоухова отступить от планов возобновления восстания и бежать в Китай с группой сподвижников.

Согласно следственным материалам, на тот момент была велика вероятность выступления русского казачества в Усть-Бухтарме и захвата экономического центра с большими складами Госхлеба на станции Гусиная Пристань, что по сути давало возможность повстанцам территориально отрезать два больших пограничных административных района — Катон-Карагайский и Зыряновский. Это показывает правильность разработанного Ф. Толстуховым плана по выбору исходной точки восстания на местности. Далее, по плану Толстоухова, должны были развернуться такие события, как соединение с Самарским районом и выступление в последнем; сосредоточение больших повстанческих сил в первый же день выступления непосредственно под городом Усть-Каменогорском. Взятие города Усть-Каменогорска и выпуск из ИТЛ арестованных кулаков около 1000 человек давали бы им возможность скоро распространить свое влияние на Шемонаихинский, Разинский и Убинский районы, создав тем самым непосредственную угрозу городу Семипалатинску и установив связь через Самарский район с Семиречьем. Можно предположить, что в случае начала восстания в назначенный срок (по плану) советская власть оказалась бы перед фактом формирования повстанческой дуги, охватывающей восточные и южные районы Казахской автономии, включая приграничные территории с Китаем, а также Сибирским и Алтайским округами. Такая конфигурация могла бы серьёзно осложнить оперативные действия советских органов в регионе.

Вернувшись летом 1930 года из Китая, Ф. Толстоухов предпринял вторую попытку организации восстания с учетом опыта первого. В пер-

CC BY

вую очередь было решено восстановить ячейки и связи, утерянные и ликвидированные ОГПУ. Во-вторых, Ф. Толстоухов решил объединить все бездействующие и действующие антисоветские группы на территории Семипалатинского округа и близлежащих пограничных территорий — Алтайского, Сибирского края, а также активизировать скрытые формы антисоветской пропаганды среди населения. Сам Толстоухов с группой верных ему людей расположился в районе села Кутиха Зыряновского района, ставшего временным штабом новых повстанческих идей. Через некоторое время локацию штаба переместили на Щебнюхинский перевал, расположенный на стыке Зыряновского района и Ойратии [СГА ДП ВКО, ф. 19, оп. 1, д. 2089, л. 142]. За очень короткое время Толстоухов наладил связи и практически заново запустил процесс вторичной подготовки восстания, он даже определил дату — август 1930 года. На втором этапе он изменил тактику действий, заявив, что после начала восстания в Усть-Каменогорске и Риддере вступают села, соединяясь, они разворачивают движение до Урала и Сибири. Вероятно, Толстоухов предполагал возможные риски, отметив, что при неудачном исходе он отправится на Дальний Восток.

Опергруппа Семипалатинского округа вторично сорвала планы Ф. Толстоухова, однако ему удалось скрыться по реке Бухтарме, где в нижнем ее течении он был убит ожидавшей его засадой 28 сентября 1930 года. Акт об опознании убитого и признании в нем Ф. Толстоухова был подписан его ближайшими родственниками [СГА ДП г. Алматы, ф. 1, оп. 1, д. 11317, т. 11, л. 154].

По непроверенным данным ОГПУ, в «банде» Ф. Толстоухова приняло участие около 900 человек, из них было убито 160, ранено 70, покончило жизнь самоубийством 3, взято в плен 597 человек [АП РК, ф. 141, оп. 17, д. 455, л. 43—60]. Согласно материалам, через следственно-оперативные мероприятия прошло 269 человек, по многотомному архивно-следственному делу через тройку ОГПУ прошло 152 человека, 31 из них приговорены к расстрелу [СГА ДП г. Алматы, ф. 1, оп. 1, д. 11317, т. 8, л. 548—549].

3.3. Идейная платформа «Тостоуховского восстания»

Барометр общественно-политических настроений советского общества всегда был объектом контроля ОГПУ. Полномочные представительства на местах, а именно информационный отдел, впоследствии объединенный с секретным — секретно-политический отдел (СПО), готовил специальные обзоры, иллюстрирующие общую социально-экономическую и общественно-политическую ситуацию в регионах. Обзоры готовились ежемесячно в объеме от 50 до 70 и более страниц с приложениями и указанием списка адресатов рассылки по ранжиру. Уникальность содержания

CC BY

документальных источников, исходящих из ОГПУ, заключалась в демонстрации социальной повседневной ситуации с ее будничными реалиями и структурами. В материалах истории восстания нами выявлены значительный объем повстанческих лозунгов, воззваний, листовок и обращений к населению, красноармейцам, к власти.

Политическая платформа Ф. Толстоухова на первом этапе была нацелена на вооруженное свержение советской власти, о чем свидетельствовали лозунги: «Советская власть без коммунистов», «Да здравствует свободный труд», «Долой колхозы и коллективизацию», «Долой пятилетку и индустриализацию». Довольно часто в обращении с единомышленниками Ф. Толстоухов употреблял словосочетание «чистая советская власть» [СГА КНБ РК, ф. 11, оп. 1, д. 27, л. 17].

Идеи и воззрения Ф. Толстоухова радикально эволюционировали под влиянием социально-экономических и политических изменений в советском государстве. Будучи партизаном, он боролся против политики царской империи за свободу, равенство и братство. Советская власть продекларировала «Свободу. Равенство. Братство», в реальности, по мнению Ф. Толстоухова, вернув феодальный строй, поработив крестьян через включение их в колхозы и совхозы. «А где же вольный труд? Я хочу вывести народ из коммунистического ига и дать ту свободу, которую хочет крестьянство». Цель, поставленная им, была направлена на формирование крестьянской власти и выборы правительства крестьянами [СГА ДП ВКО, ф. 19, оп. 1, д. 1894, л. 101]. По мнению повстанцев, проблема заключалась в «нехороших коммунистах». Поддерживая своих сподвижников, Ф. Толстоухов говорил, что не все коммунисты одинаковы. Острие крестьянского воззвания направлено против коммунистов: «Граждане…Нас Советская власть обманула, сулила свободу и равенство, а дала крепкие тисы. Мы… крестьяне увидя ложную диктатуру власти не потерпели насилия, вспрянули воздвигнуть кровное наше, этим самым дадим укрепление крестьянских хозяйств и государства. …Советская власть нам первая дала то, чего мы хотели, но увы — партия ВКП(б) быстрым шагом пятилетнего плана нас в корень разорила, этим самым дала понять, что нас крестьян посадили в галошу...» [СГА ДП г. Алматы, ф. 1, оп. 1, д. 11317, т. 1, л. 213]. Вся проблема, по их мнению, заключалась в неправильной экономической политике, именно поэтому повстанцы выступали против пятилетнего плана, выражая недовольство установленными разнарядками и планами по хлебо- и мясозаготовкам и пр. Все их лозунги увязаны с термином «свободный труд» и направлены против коллективизации: «Долой пятилетку, долой коллективизацию, да здравствует свободный труд и вольная торговля» [СГА ДП ВКО, ф. 19, оп. 1, д. 3376, л. 44].

CC BY

Призывы повстанцев несли установку на кардинальные действия: «Вам эта власть не надоела, что вы не идете, нужно сбросить ее»; «Нужно честно защищать чистую советскую власть, а не такую, которой руководят коммунисты» [СГА ДП ВКО, ф. 19, оп. 2, д. 3743, л. 18]. Повстанцы использовали метод летучих митингов, на которых лейтмотивом был призыв: «Товарищи, настало время сбросить всех паразитов и грабителей, уничтожить насилие и рабство, за нами миллионные армии восстали, все, все за нами, долой коммунистов, долой грабителей, да здравствует свободное крестьянство» [СГА ДП ВКО, ф.19, оп. 2, д. 3746, л. 176].

В историографии вооруженных выступлений 1929—1931 годов подчеркивается их направленность против политики советской власти, нацеленной на насильственную трансформацию традиционного крестьянского хозяйства. Этот вывод подтверждается результатами анализа агитационных материалов восстания Ф. Толстоухова: «Требования, изложенные в программных документах организации, а также лозунги, опубликованные в многочисленных листовках и воззваниях, носили выраженную пропагандистскую направленность и были рассчитаны на мобилизацию широких крестьянских масс» [Козлов, 2024, с. 75].

Содержание лозунгов позволяет выявить представления повстанцев о сложившейся политической ситуации: в них содержится призыв к исключению из советской власти коммунистов, которые, по их мнению, «украли свободу» [Омарканова, 2024, с. 46]. Их манифест объяснял мотивы выступления: «крестьянину жизнь стала невозможной, задушили налогами, хлебозаготовками и т. п. повинностями, а теперь благодаря пятилетнему плану должна уничтожиться собственность. Уничтожить собственность мы не должны допустить» [СГА ДП г. Алматы, ф. 1, оп. 1, д. 11317, т. 6, л. 337].

Повстанцы выдвигали требования отмены директивного планирования («…против пятилетки), возвращения к свободе сельскохозяйственного труда («свободный труд крестьянину») и восстановления свободной торговли («дать свободную торговлю»). Одновременно в их обращениях выражалась готовность к диалогу с властью при условии пересмотра аграрной политики («Приветствуем власть — дайте нам жить») [СГА ДП г. Алматы, ф. 1, оп. 1, д. 11317, т. 6, л. 338—340].

Идейная платформа восстания Ф. Толстоухова заложена в его выступлении: «Советская власть без насилия, без издевательств, с немедленным переходом к социалистическому строительству, сместить всю сволочь, которая руководила раньше и сейчас нам мстит за старое, то есть за прошлую их роскошь, которые стараются разорить нашу страну…» [Омарканова, 2024, с. 44].

CC BY

4. Заключение = Conclusions

В период 1929—1931 годов, согласно выводам казахстанской историографии и результатам изучения материалов архивных фондов, в регионе сложилась наиболее напряженная социально-экономическая обстановка, характеризовавшаяся массовыми открытыми протестными выступлениями аулов и деревень, нередко носившими вооруженный характер. Политика «великого перелома» представляла собой курс, при котором партийные и советские органы в решении задач социалистического строительства опирались на карательную мощь РККА и ОГПУ. Данный курс был направлен на формирование жестко централизованной системы общественной, экономической и культурной жизни, что фактически означало полный отказ от гуманистических и демократических ценностей, провозглашённых после октября 1917 года.

Восстание Ф. Толстоухова стало следствием форсированной модернизации и ликвидации экономических свобод крестьянства. Ключевой фигурой и идеологом движения выступил Федор Толстоухов, чей авторитет и организаторский опыт позволили скоординировать выступления в ряде районов. Активная фаза восстания пришлась на 21 февраля 1930 года, оно началось в Зыряновском и Усть-Каменогорском районах, охватив широкие территории вплоть до границы с Китаем. Выступление носило организованный характер и сопровождалось выдвижением требований: отмены директивного планирования и восстановления экономических свобод.

Важной особенностью и элементом научной новизны исследования является установление межэтнического характера восстания: возникнув в русской переселенческой среде, движение в ходе своего развития охватило и казахское население. К концу сентября 1930 года, после гибели руководителя, восстание было окончательно подавлено силами ОГПУ и воинских подразделений. Его поражение было предопределено военно-техническим превосходством государства и локальным характером протеста. Лидеры и активные участники движения подверглись внесудебному и судебному преследованию.

Значение восстания Фёдора Толстоухова в контексте региональной истории коллективизации определяется тем, что оно стало закономерной реакцией крестьянства на разрушение традиционного уклада. Ф. Толстоухов точно уловил трансформацию политического режима: от продекларированной в 1917 году «свободы» к началу 1930-х годов не осталось и следа. Именно осознание этого разрыва между лозунгами и реальностью обусловило идеологическую платформу повстанцев — стремление «выселить коммунистов за Урал» и установить «чистую советскую власть» [СГА ДП ВКО, ф. 19, оп. 2, д. 3743, л. 18] без диктата партийных функционеров.

CC BY

Восстание продемонстрировало неэффективность исключительно административных мер управления сельским населением, и власть вынуждена была признать, что сопротивление методам проведения коллективизации приняло характер вооруженного противоборства. Трагический исход восстания и последующие репрессии закрепили переход к командно-административным методам в экономике, где подавление любого инакомыслия стало обязательным условием проведения аграрных преобразований. Таким образом, восстание Ф. Толстоухова является не просто локальным эпизодом, а отражением масштабного системного кризиса, спровоцированного принудительной трансформацией социально-экономического уклада региона.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. АП РК — *Архив* Президента Республики Казахстан. Ф. 141 (Казахский Краевой Комитет Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). (КазКрайком ВКП(б). Оп. 17. Д. 455.

2. ГАВКО — *Государственный* архив Восточно-Казахстанской области. Ф. 1276 (Партийные, советские и судебные органы Восточного Казахстана). Оп. 1. Д. 105.

3. СГА ДП г. Алматы — *Специальный* государственный архив Департамента полиции города Алматы. Ф. 1 (Секретная переписка (передачи по прямому проводу). Оп. 1. Д. 11317.

4. СГА ДП ВКО — *Специальный* государственный архив Департамента полиции Восточно-Казахстанской области. Ф. 19 (Оперативно-разведывательные сводки ПП ОГПУ). Оп. 1. Д. 3641, 3398, 2089, 1894, 3376, 2748 ; Оп. 2. Д. 3749, 3743, 3746.

5. СГА КНБ РК — *Специальный* государственный архив Комитета Национальной безопасности Республики Казахстан. Ф. 11 (Инфосводки ОГПУ). Оп. 1. Д. 27 ; Ф. 9 (Следственные дела по контрреволюционным восстаниям и антисоветским выступлениям). Оп. 1. Д. 27.

Литература

1. *Алланиязов Т. К.* Последний рубеж защитников номадизма. История вооруженных выступлений и повстанческих движений в Казахстане (1929—1931 годы) / Т. К. Алланиязов, А. С. Таукенов. — Алматы : ОО «OST — XXI век», 2009. — 424 с. — ISBN 9965-659-77-X.

2. *Алланиязов Т. К.* Вооружённые выступления и повстанческие движения 1929—1931 годов в Казахстане : историография и источниковедение / Т. К. Алланиязов. — Караганда : ТОО «Типография Арко», 2024. — 222 с.

3. *Альжаппарова Б. К.* Крестьянство Центрального Казахстана и сталинский режим (рубеж 1920-х — 1930-х гг.) / Б. К. Альжаппарова // Вестник Евразийского наци-

онального университета им. Л. Н. Гумилева. Серия : Исторические науки. Философия. Религиоведение. — 2018. — № 2 (123). — С. 27—33. — DOI: 10.32523/2616-7255-2018-124-3-57-63.

4. *Атантаева Б. Ж.* Семей округінде ауыл шаруашылығын ұжымдастыру : әкімшілік озбырлық және оның салдары (1928—1930 жж.) / Б. Ж. Атантаева, А. Р. Ботабекова, М. Е. Турлыбаев // Вестник университета Шакарима. Серия Исторические науки. — 2024. — № 1. — С. 74—91.

5. *Байсарина К.* Семей округіндегі шаруалардың ауылды күштеп модернизациялау кезеңдегі қарсылығы (1929—1931 жж.) / К. Байсарина, М. Карибаев, М. Турлыбаев // Gumilyov Journal of History. — 2025. — Vol. 150. — № 1. — Pp. 128—151. — DOI: 10.32523/3080-129X-2025-150-1-128-151.

6. *Бранденбергер Д.* Роль насилия и фальсификаций при подготовке протоколов допросов эпохи сталинизма / Д. Бранденбергер // Новейшая история России. — 2023. — Т. 13. — № 2. — С. 376—399. — DOI: 10.21638/spbu24.2023.208.

7. *Виола Л.* Крестьянский бунт в эпоху Сталина : коллективизация и культура крестьянского сопротивления / Л. Виола. — Москва : Фонд первого Президента России Б. Н. Ельцина : РОССПЭН, 2010. — 367 с. — ISBN 978-5-8243-1311-6.

8. *Жанбосинова А.* Толстоуховский мятеж в источниках и материалах / А. Жанбосинова // Отан тарихы. — 2018. — Т. 83. — № 3. — С. 192—203. — DOI: otan.history.iie.kz/main/issue/view/19/20.

9. *Киндлер Р.* Сталинские кочевники : власть и голод в Казахстане / Р. Киндлер ; пер. с нем. Л. М. Пантиной. — Москва : Политическая энциклопедия, 2017. — 382 с. — ISBN 978-5-8243-2186-9.

10. *Козлов А. П.* Крестьянские вооруженные выступления и повстанческие движения в Казахстане 1929—1931 гг. / А. П. Козлов // Клио. — 2024. — № 8 (212). — С. 69—76. — DOI: 10.24412/2070-9773-2024-8-69-76.

11. *Лухтанов А.* Да здравствует власть рабочих и крестьян, долой коммунистов и коммунию / А. Лухтанов // Простор. — 2005. — № 12. — С. 10—39.

12. *Наземцева Е.* История русской эмиграции в Китае 1920—40 гг. : эволюция правового статуса / Е. Наземцева // Человеческий капитал. — 2012. — № 5 (41). — С. 198—205.

13. *Неуслышанные голоса* : Документы Смоленского архива / Сост. С. Максудов. — Ann Arbor : Ardis, 1987. — Книга 1. — 286 с.

14. *Омарканова А.* Листовки, воззвания и прокламации в деревне в конце 1920-х — начале 1930-х гг. (на примере Казахской советской автономии) / А. Омарканова, А. Жанбосинова // Известия Алтайского государственного университета. — 2024. — № 5 (139). — С. 41—47. — DOI: 10.14258/izvasu(2024)5-05.

15. *Пианчоло Н.* Неуловимые мятежники : исследование восстаний накануне Великого голода в Казахстане (1929—1931 гг.) / Н. Пианчоло, А. Жарасов // Вестник КазНУ. Серия историческая. — 2020. — Т. 97 (2). — С. 34—43. — DOI: 10.26577/jh.2020.v97.i2.04.

16. *Тепляков А. Г.* Деятельность органов ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД (1917—1941 гг.) : историографические и источниковедческие аспекты / А. Г. Тепляков. — Новосибирск : НГУЭУ, 2018. — 434 с. — ISBN 978-5-7014-0858-4.

17. *Maslov Kh.* Armed uprisings in the east of the Kazakh SSR as a result of socio-economic challenges / Kh. Maslov, S. Sarmanova // Bulletin of Shakarim University. Historical Sciences Series. — 2024. — № 1. — Pp. 31—46.

18. *Protest* sentiments and survival strategies of the kazakh population in the 1929—1930s : behavioral motives and forms of resistance / B. Atantayeva, R. Akhmetova, T. Shcheglova, A. Botabekova // Gumilyov Journal of History. — 2025. — T. 152. — № 3. — Pp. 60—78. — DOI: 10.32523/3080-129X-2025-152-3-60-78.

Статья поступила в редакцию 30.10.2025,
одобрена после рецензирования 25.02.2026,
подготовлена к публикации 09.04.2026.

Material resources

AP RK — *Archive of the President of the Republic of Kazakhstan. F. 141 (Kazakh Regional Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks). (KazKraykom VKP(b). Op. 17. D. 455.* (In Russ.).

GAVKO — *State Archive of the East Kazakhstan Region. F. 1276 (Party, Soviet and Judicial Bodies of East Kazakhstan). Op. 1. D. 105.* (In Russ.).

SGA DP of Almaty — *Special State Archive of the Police Department of Almaty. F. 1 (Secret correspondence (transmissions over direct line). Op. 1. D. 11317.* (In Russ.).

SGA DP of East Kazakhstan Region — *Special State Archive of the Police Department of East Kazakhstan Region. F. 19 (Operational and Intelligence Reports of the OGPU). Op. 1. D. 3641, 3398, 2089, 1894, 3376, 2748; Op. 2. D. 3749, 3743, 3746.* (In Russ.).

SGA KNB RK — *Special State Archive of the Committee of National Security of the Republic of Kazakhstan. F. 11 (OGPU Information Reports). Op. 1. D. 27; F. 9 (Investigation cases on counter-revolutionary uprisings and anti-Soviet actions). Op. 1. D. 27.* (In Russ.).

References

Allaniyazov, T. K. (2024). *Armed actions and rebel movements of 1929—1931 in Kazakhstan: historiography and source study.* Karaganda: Printing House Arco LLP. 222 p. (In Russ.).

Allaniyazov, T. K., Taukenov, A. S. (2009). *The last frontier of the defenders of nomadism. The history of armed actions and rebel movements in Kazakhstan (1929—1931).* Almaty: NGO “OST — XXI century”. 424 p. ISBN 9965-659-77-X. (In Russ.).

Alzhapparova, B. K. (2018). The peasantry of Central Kazakhstan and the Stalinist regime (the turn of the 1920s — 1930s). *Bulletin of the Eurasian National University named after L. N. Gumilyov. Series: Historical Sciences. Philosophy. Religious studies, 2 (123):* 27—33. DOI: 10.32523/2616-7255-2018-124-3-57-63. (In Russ.).

Atantaeva, B. Zh., Botabekova, A. R., Turlybaev, M. E. (2024). Semey rounded up auyl sharuashylyk ұ zhymdastyr: ә kumshilik ozbyrly қ zhune ony ң saldary (1928—1930). *Bulletin of the University Shakarima. Historical Sciences series, 1:* 74—91. (In Russ.).

Atantayeva, B., Akhmetova, R., Shcheglova, T., Botabekova, A. (2025). Protest sentiments and survival strategies of the kazakh population in the 1929—1930s: behavioral motives and forms of resistance. *Gumilyov Journal of History, 152 (3):* 60—78. DOI: 10.32523/3080-129X-2025-152-3-60-78.

Baysarina, K., Karibaev, M., Turlybaev, M. (2025). Semey okrug ndeg i sharualardy ң auyldy kүshtep modernization kezedeg i қ arsylygy (1929—1931). *Gumilyov Journal*

of History, 150 (1): 128—151. DOI: 10.32523/3080-129X-2025-150-1-128-151. (In Russ.).

Brandenberger, D. (2023). The role of violence and falsifications in the preparation of interrogation protocols of the era of Stalinism. *Recent history of Russia, 13 (2):* 376—399. — DOI: 10.21638/spbu24.2023.208. (In Russ.).

Kindler, R. (2017). *Stalin's nomads: power and hunger in Kazakhstan.* Moscow: ROSSPEN. 382 p. ISBN 978-5-8243-2186-9. (In Russ.).

Kozlov, A. P. (2024). Peasant armed demonstrations and rebel movements in Kazakhstan 1929—1931. *Klio, 8 (212):* 69—76. DOI: 10.24412/2070-9773-2024-8-69-76. (In Russ.).

Lukhtanov, A. (2005). Long live the power of workers and peasants, down with the communists and the commune. *Prostor, 12:* 10—39. (In Russ.).

Maslov, Kh., Sarmanova, S. (2024). Armed uprisings in the east of the Kazakh SSR as a result of socio-economic challenges. *Bulletin of Shakarim University. Historical Sciences Series, 1:* 31—46.

Nazemtseva, E. (2012). History of Russian emigration in China 1920—40: evolution of legal status. *Human capital, 5 (41):* 198—205. (In Russ.).

Omarkanova, A., Zhanbosinova, A. (2024). Leaflets, appeals and proclamations in the village in the late 1920s — early 1930s. (on the example of the Kazakh Soviet autonomy). *Izvestia of Altai State University, 5 (139):* 41—47. DOI: 10.14258/izvasu(2024)5-05. (In Russ.).

Pianciolo, N., Zharasov, A. (2020). Elusive rebels: a study of uprisings on the eve of the Great Famine in Kazakhstan (1929—1931). *Bulletin of KazNU. The series is historical, 97 (2):* 34—43. DOI: 10.26577/jh.2020.v97.i2.04. (In Russ.).

Teplyakov, A. G. (2018). *The activities of the bodies of the Cheka-GPU-OGPU-NKVD (1917—1941): historiographic and source study aspects.* Novosibirsk: NSUEU. 434 p. ISBN 978-5-7014-0858-4. (In Russ.).

Unheard voices: Documents of the Smolensk archive, 1. (1987). Ann Arbor: Ardis. 286 p. (In Russ.).

Viola, L. (2010). *Peasant riot in the era of Stalin: collectivization and culture of peasant resistance.* Moscow: Fund of the First President of Russia B. N. Yeltsin: ROSSPEN. 367 p. ISBN 978-5-8243-1311-6. (In Russ.).

Zhanbosinova, A. (2018). Tolstoukhovsky rebellion in sources and materials. O*tan tarikha, 83 (3):* 192—203. DOI: otan.history.iie.kz/main/issue/view/19/20. (In Russ.).

The article was submitted 30.10.2025;
approved after reviewing 25.02.2026;
accepted for publication 09.04.2026.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(3), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]
Check for updates

Информация для цитирования:

Барышников М. Н. Учреждение и перспективы функционирования регулярной судоходной линии между Россией и Болгарией (1880—1913 годы) / М. Н. Барышников // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 3. — С. 375—397. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-3-375-397.

Baryshnikov, M. N. (2026). Establishment and Prospects of Regular Shipping Line between Russia and Bulgaria (1880–1913). *Nauchnyi dialog, 15* (3): 375-397. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-3-375-397. (In Russ.).

Clarivate Web of Science Scopus Q1 DOAJ ERIHPLUS eLIBRARY.RU РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Учреждение и перспективы функционирования регулярной судоходной линии между Россией и Болгарией (1880—1913 годы)

Барышников Михаил Николаевич
orcid.org/0000-0002-0636-8864
доктор исторических наук, профессор,
кафедра истории
mbarishnikov@herzen.spb.ru

Российский государственный
педагогический университет
им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия)

Establishment and Prospects of Regular Shipping Line between Russia and Bulgaria (1880–1913)

Mikhail N. Baryshnikov
orcid.org/0000-0002-0636-8864
Doctor of History, Professor,
Department of History
mbarishnikov@herzen.spb.ru

The Herzen State Pedagogical
University of Russia
(St. Petersburg, Russia)

© Барышников М. Н., 2026

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследуется роль Русского общества пароходства и торговли (РОПиТ) в развитии российско-болгарского регулярного судоходства в 1880—1913 годах. Обращение к многолетней деловой практике фирмы позволяет определить цели и структуру ее операций в контексте геополитической и экономической ситуации рассматриваемого периода. Показано институциональное (правовое и неформальное) разнообразие реализуемых владельцами пароходства решений, при этом выделяется их общая цель: активизация морского сообщения между двумя странами. На основе первоисточников анализируется место РОПиТ в развитии грузовых и пассажирских перевозок на протяжении более тридцати лет. Выявляются причины межрегиональной реструктуризации двухсторонних перевозок. Рассмотрены планы, решения и действия заинтересованных в деятельности компании сторон. Изучение отдельных этапов в работе компании (1880—1886, 1887—1895, 1896—1913) подтверждает заинтересованность правительственных учреждений и РОПиТ в сохранении судоходства в условиях нестабильного характера отношений между Россией и Болгарией. Доказано, что на первом этапе имели место потенциальные возможности для роста объемов транспортировки, второй этап демонстрировал их утрату в связи с разрывом государственных и торговых отношений, а на третьем этапе предпринимались усилия по их восстановлению на фоне сложного положения каждой из двух стран.

Ключевые слова:
история России; история Болгарии; морское судоходство; транспортная фирма; грузовые и пассажирские перевозки.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study examines the role of Russian Steamship and Trading Company (ROPiT) in developing regular shipping services between Russia and Bulgaria from 1880 to 1913. Drawing on long-term business practices of this firm, it identifies objectives and structures within the context of geopolitical and economic circumstances during that period. The institutional diversity of implemented solutions by steamship owners is highlighted, with a focus on their common goal of enhancing maritime communication between both countries. Based on primary sources, the position of ROPiT in cargo and passenger transportation over more than three decades is analyzed. Causes for regional restructuring of bilateral transport are identified. Plans, decisions, and actions taken by stakeholders interested in company activities are explored. A review of specific periods in the company's operations (1880–1886, 1887–1895, 1896–1913) confirms government institutions' and ROPiT's commitment to maintaining shipping amidst unstable relations between Russia and Bulgaria. It demonstrates potential growth opportunities at the first stage, loss of these possibilities due to severed state and trade ties at the second stage, and efforts towards recovery under challenging conditions faced by each country during the third phase.

Key words:
history of Russia; history of Bulgaria; maritime shipping; transportation enterprise; freight and passenger traffic.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(3), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94(47).082/.083:656.611.2+94(497.2)“1880/1913”
DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-3-375-397

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история
5.6.2. Всеобщая история

Учреждение и перспективы функционирования регулярной судоходной линии между Россией и Болгарией (1880—1913 годы)

© Барышников М. Н.., 2026

1. Введение = Introduction

Учрежденное в 1856 году Русское общество пароходства и торговли (РОПиТ) сыграло важную роль в развитии отечественного торгового судоходства. Оформленная на основе государственно-частного партнерства, компания осуществляла деятельность в соответствии с геополитическими, хозяйственными и социокультурными (религиозными) интересами России в прибрежных территориях Европы и Азии. Ее функционирование сопровождалось созданием разветвленной структуры морского сообщения, включавшей регулярные рейсы по каботажным и международным направлениям [Скальковский, 1887; Иловайский, 1907]. В преддверии русско-турецкой войны 1877—1878 годов предприятие превратилось в самую значительную и процветающую отечественную транспортную фирму со своими верфями, портами, заводами, учебными заведениями [Под флагом …, 1995, с. 197]. Одной из особенностей операций РОПиТ в 1880—1890-х годах являлось тесное взаимодействие с властными структурами в сфере поддержки православного паломничества в Святую землю [Frary, 2019; Барышников, 2022]. В последующие годы пароходству удавалось сохранять баланс между геополитическими и социокультурными приоритетами имперской власти и стремлением к увеличению доходности морских операций [Sydorenko, 2022; Барышников, 2023]. Открытие срочного сообщения между Россией и Болгарией стало логичным продолжением предшествующих усилий владельцев пароходства и высокопоставленных петербургских чиновников, направленных на продвижение российских внешнеполитических, религиозных и торговых интересов в черноморском и средиземноморском регионах. Актуальность исследования определяется тем, что впервые в истории отечественного судоходства компания продемонстрировала способность обеспечивать регулярные перевозки на российско-болгарском направлении разнообразных грузов и пассажиров различной национальной и религиозной принадлежности. Значимость со-

CC BY

ответствующей деятельности приобрела особое значение в условиях нестабильных отношений между двумя странами в 1880 — начале 1910-х годов.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В исследовании, основанном на архивных документах и публичной корпоративной отчетности, предпринята попытка рассмотреть процесс оформления двухстороннего морского сообщения как цельный период, включающий ряд самостоятельных этапов в их геополитическом, хозяйственном и организационном содержании. Обращение к истории РОПиТ, как пояснял профессор Новороссийского университета С. И. Иловайский, предполагает отражение работы этого транспортного предприятия с «разных сторон его жизни», в том числе по составу флота, перевозке пассажиров и грузов, фрахтам, курсу акций, величине дивидендов, казенным субсидиям (помильной плате) и другим показателям [РГИА, ф. 678, оп. 1, д. 1382, л. 1].

Цель статьи состоит в том, чтобы объяснить причины реструктуризации операций компании в их временном, пространственном, количественном (соотношении грузовых и пассажирских перевозок) и финансовом измерении. В связи с этим оцениваются планы, решения и действия заинтересованных в развитии российско-болгарского судоходства сторон. Последние, используя трактовку профессора Московского университета И. Х. Озерова, рассматриваются в качестве самостоятельных групп. Принимается во внимание, что в условиях усложнения экономической жизни их организация может приобретать двойственный характер, связанный как с дифференциацией, так и с объединением в целях достижения конкретных интересов [Озеров, 1911, с. 27].

Обращение к концепции заинтересованных сторон позволяет более полно выявить перспективы фирмы с точки зрения организационной устойчивости и ресурсных возможностей ее функционирования [Freeman et al., 2021, p. 1767]. Ведущую роль в достижении баланса интересов как одного из ключевых показателей эффективности судоходного бизнеса играли члены правления РОПиТ, деловые партнеры и клиенты компании, а также правительственные чиновники. Их взаимодействие сопровождалось генерацией экономической прибыли, поскольку обеспечивалось доступностью для фирмы необходимых специализированных ресурсов [Barney, 2018, p. 3320]. События, которые характеризуют результативность и перспективы развития российско-болгарского морского сообщения, анализируются в контексте ранее выявленного [Барышников, 2024] стремления заинтересованных сторон использовать финансовые, материальные и управленческие возможности в целях активизации торговых связей на фоне сложной международной обстановки начала XX века.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(3), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Открытие и итоги функционирование морского сообщения между Россией и Болгарией в 1880—1886 годах

Болгарское княжество, созданное по итогам русско-турецкой войны 1877—1878 годов, виделось России военным и политическим оплотом на Балканах, а со временем, возможно, объединительным центром стран этого региона, заинтересованных в ликвидации турецких владений и расширении собственных территорий [Косик, 1991, с. 1]. На фоне геополитических последствий войны правительственные чиновники и распорядительный директор РОПиТ Н. М. Чихачев согласовали цели и условия возобновления морских перевозок (по количеству судов и объему казенных субсидий) по внутренним и заграничным направлениям. Осуществление рейсов планировалось в соответствии с договором о государственно-частном партнерстве, нашедшим отражение в новой редакции устава РОПиТ [Устав …, 1879]. Одним из итогов проходивших между Министерством финансов и правлением фирмы переговоров стало положение Комитета министров об открытии румелийской морской линии. Она связала Одессу с Варной, Бургасом и Константинополем [РГИА, ф. 95, оп. 1, д. 424, л. 35]. Уже в 1879 году последовали 179 рейсов в болгарские порты для вывоза военного снаряжения (18,1 тыс. т) и личного состава (87 170 человек) русской армии [Скальковский, 1887, с. 543].

28 марта 1880 года, вслед за докладом министра финансов С. А. Грейга, правительственное положение об открытии нового судоходного направления было утверждено императором Александром II [Общее собрание …, 27 апреля 1880 года, 1881, с. 3]. В первое пятилетие функционирования линии наблюдался рост объемов транспортных операций с последующим их некоторым снижением к середине 1880-х годов (табл. 1 и 2; порты обозначены: Б — Бургас, В — Варна, К — Константинополь, О — Одесса; обозначено пассажиров — человек, грузов — тонн).

Таблица 1

Вывоз из портов румелийской линии в 1880—1884 годах

Порт	1880 г.		1882 г.		1884 г.	
	пассажиров	грузов	пассажиров	грузов	пассажиров	грузов
Б	3 685	411	3 900	1 281	1 966	318
В	2 784	659	2 056	649	1 336	222
К	4 132	1 675	5 439	2 090	3 954	2 762
О	1 288	14 488	1 084	9 204	2 000	8 539

Источник: [РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 2777, л. 19—20; д. 2779, л. 19—20; д. 2781, л. 14—15].

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(3), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Таблица 2

Ввоз в порты румелийской линии в 1880—1884 годах

Порт	1880 г.		1882 г.		1884 г.	
	пассажиров	грузов	пассажиров	грузов	пассажиров	грузов
Б	3 556	1 130	3 904	1 476	2 715	1 702
В	3 085	700	3 640	1 071	2 794	1 406
К	4 020	3 625	3 813	3 614	1 878	3 458
О	894	1 190	865	847	1 252	966

Источник: [РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 2777, л. 19—20; д. 2779, л. 19—20; д. 2781, л. 14—15].

В первой половине 1880-х годов деятельность РОПиТ сопровождалась согласованием коммерческих интересов трех сторон — российской, болгарской и турецкой. Структура операций на болгарском направлении демонстрировала преимущественную ориентацию клиентов на Одессу и Константинополь как по грузовым, так и пассажирским перевозкам. Часть пассажиров приобретали билеты с целью пересадки в этих городах для следования на других судах компании по внутрироссийским или восточно-средиземноморским линиям. Значительная часть товаров, вывозимых из Одессы, следовала транзитом через Бургас и Варну в Константинополь и далее к портам Восточного Средиземного. Еженедельно в столице Османской империи происходила встреча судов трех линий: александрийской прямой, севастопольской и румелийской. С целью их бесперебойного обслуживания компанией был приобретен мощный паровой буксир [Общее собрание … (26 апреля 1881 года), 1881, с. 5]. Вместе с тем в связи с необходимостью большего времени для перегрузки товаров и пересадки пассажиров с судна на судно правление РОПиТ, по согласованию с Департаментом торговли и мануфактур Министерства финансов, приняло решение об увеличении срока пребывания пароходов в Константинополе [РГИА, ф. 95, оп. 1, д. 424, л. 65].

Среди тех, кто использовал рейсы румелийской линии для паломнических путешествий, в 1882 году насчитывался 731 пассажир, в 1884 году —597. Определенные сложности в организации движения в 1882 году последовали после выхода из строя парохода «Черкасск». В январе, при движении в Бургасском заливе, он нашел на подводные камни. Капитан судна объяснил случившееся неправильными показаниями компаса [Общее собрание …, 1882, с. 6]. Впрочем, к этому времени аварии пароходов не являлись для РОПиТ существенными препятствиями при организации транспортных операций. Свой вклад в бесперебойное судо-

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(3), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

ходство вносили ремонтные мастерские в Одессе. Здесь не только обслуживались суда компании, но и выполнялись сторонние заказы, в том числе Болгарского княжества [Общее собрание …, 1884, с. 14].

В середине 1880-х годов, на фоне похолодания в российско-болгарских отношениях, румелийская линия демонстрировала неустойчивый характер операций как по грузовым, так и пассажирским перевозкам. Попытку оценить перспективы функционирования линии предприняли владельцы РОПиТ в 1884 году. По предложению акционеров член правления А. Н. Мицкевич осуществил ревизионную поездку по агентствам в Константинополе, Бургасе и Варне [Общее собрание …, 1885, с. 10]. Результаты проверки в целом внушили оптимизм руководству компании. Результативность работы линии в 1885 году (выручка в рублях) отражена в таблице (табл. 3).

Таблица 3

Перевозки по Румелийской линии в 1885 году

Порт	Вывоз			Ввоз		
	пассажиров	грузов	выручка	пассажиров	грузов	выручка
Б	3 193	957	11 881	2 786	1 731	18 117
В	1 923	1 055	10 581	2 197	1 429	16 266
К	3 020	2 567	25 315	2 845	5 267	36 879
О	1 173	6 746	54 580	1 279	777	15 272

Источник: [РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 2582, л. 23—24].

Назревавшая кризисная ситуация в отношениях между Россией и Болгарией завершилась отъездом русских дипломатов из страны [Косик, 2017, с. 76—77] и приостановкой функционирования румелийской линии в ноябре 1886 года [Познер, 1895, с. 307]. Отказ от рейсов в Болгарию правление пароходства предпочло объяснить «беспорядками» в этой стране [Объяснительная записка …, 1887, с. 5]. Примечательно, что в сравнении с 1884 годом показатели 1886 года фиксировали сокращение рейсов на 15,4 % (до 44 в год) при одновременном увеличении объема грузоперевозок на 24 % (до 14 721 т) и уменьшении выручки на 6 % (до 75,1 тыс. руб.). Подобное соотношение объяснялось сохранявшимся интересом клиентов к доставке товаров на судах РОПиТ, в том числе вследствие поддерживаемых Н. Ф. Фан дер Флитом (в 1884 году избран распорядительным директором компании) сравнительно низких ставок фрахта на болгарском направлении. В последующее десятилетие этот интерес будет утрачен в условиях переориентации болгарских коммерсантов на договорные отношения с ту-

CC BY

рецкими и европейскими судоходными фирмами. Что касается показателей пассажирских перевозок в 1884 и 1886 годах, то они свидетельствовали о заметном снижении интереса к румелийской линии (количество пассажиров уменьшилось на 37 %) и сопутствующем уменьшении выручки (на 53 %) [Объяснительная записка …, 1885, с. 1—2; Объяснительная записка …, 1887, с. 1—2].

3.2. Взаимодействие РОПиТ и Общества Черноморско-Дунайского пароходства на болгарском направлении

Переговоры членов правления с чиновниками Министерства финансов о закрытии румелийской линии сопровождались обсуждением Н. Ф. Фан дер Флита и распорядительного директора Общества Черноморско-Дунайского пароходства (ОЧДП) князя Ю. Е. Гагарина перспектив совместной деятельности в черноморском регионе. ОЧДП, учрежденное в 1886 году с ежегодной субсидией от правительства в 58 270 руб., обеспечивало к этому времени сообщение между Одессой и Измаилом и между Одессой и Систово [Вишняков, 2023, с. 144—145].

Заключенным в 1886 году договором с ОЧДП правление РОПиТ предполагало реструктуризировать операции в черноморском регионе в условиях прекращения рейсов в Болгарию. Соглашением заявлялось об открытии на «неопределенное время» прямого, через Одессу, грузового сообщения между портами, которые обслуживались РОПиТ (Николаев, Херсон, Евпатория, Севастополь, Ялта, Феодосия, Керчь, Мариуполь, Бердянск, Таганрог, Ростов-на-Дону, Анапа, Новороссийск, Сухум, Поти и Батум) и ОЧДП (Силина, Килия, Тульча, Измаил, Рени, Галац, Браилов, Чернавода, Силистрия, Журжево, Рущук, Систово) [Прямое …, 1886, с. 3].

Попытки организовать товарное движение по Дунаю и черноморскому побережью России оказались для ОЧДП неудачными [История …, 1913, с. 24]. Главной причиной стала усиливающаяся конкуренция со стороны австрийских, венгерских и румынских пароходств. При общем росте грузоперевозок с 15,2 тыс. т в 1886 году до 55,2 тыс. т в 1891 году работа компании демонстрировала снижение фрахтов и падение рентабельности [Познер, 1895, с. 320—321]. Основную проблему руководство видело в ресурсных ограничениях, последовавших в отношении компании после разрыва русско-болгарских отношений. Пароходству «приходилось претерпевать всевозможные притеснения со стороны тогдашнего Болгарского правительства, стремившегося всякими путями в такой степени затруднить его деятельность в портах Болгарии, чтобы совершенно вытеснить ненавистное русское предприятие из пределов этой страны» [Высочайше …, 1897, с. 17]. Заметим, что для российских чиновников сложности в работе фирмы представлялись в другом. Трудности, по их мнению, воз-

CC BY

никли вследствие «крайне нерационального, расточительного и неумелого хозяйничанья» правления и лично Ю. Е. Гагарина, лишившего предприятие капитала и оборотных средств [К истории …, 1901, с. 1]. С 1888 года деятельность ОЧДП сопровождалась растущими убытками, достигшими в 1892 году 152,1 тыс. руб. [Акционерное …, 1899, с. 1444—1445].

В январе 1887 года министр финансов И. А. Вышнеградский распорядился полностью прекратить движение по румелийской линии. После разрыва межгосударственных отношений с Россией Болгария на протяжении нескольких лет займет центральное место в планах австро-венгерской дипломатии. Ориентация на Вену, основывавшаяся на стабильном экономическом проникновении австрийского и венгерского капиталов в Болгарию, станет определяющей для Софии [Золотухин, 1993, с. 278—279]. С этого же времени заметно увеличат перевозки на болгарском направлении Австрийский Ллойд, британские и турецкие судоходные фирмы. Болгарские суда, как свидетельствовал агент РОПиТ в Варне, занимали четвертое место по объемам грузоперевозок через этот порт [РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 3238, л. 9].

С прекращением рейсов РОПиТ в болгарские порты ОЧДП, по мнению правления этой компании, «служило единственной связью между Россией и Болгарией, в тяжелое время их разрыва, и сделало немало в отношении сохранения фактической связи этих народностей, не допустив Болгарию подпасть под экономическое иго Австрии всецело» [Высочайше …, 1897, с. 17]. Со своей стороны российские власти, предполагая в будущем восстановить морское сообщение между двумя странами, настояли на включении в устав РОПиТ пояснения в пункт 5 к § 2, согласно которому пароходство обязывалась начать движение по румелийской линии не позднее трех месяцев после выданного министерством финансов разрешения. Это положение было утверждено в 1891 году императором Александром III в тексте очередного договора о государственно-частном партнерстве [Устав …, 1891, с. 4].

В 1893 году Ю. Г. Гагарин покинул пост распорядительного директора ОЧДП. На эту должность был избран А. Д. Колокольцов. Вслед за этим начались его переговоры с Н. Ф. Фан дер Флитом об условиях нового соглашения о сотрудничестве. Для РОПиТ желание сохранить деловое партнерство объяснялось наличием двух ресурсных возможностей: первыми прибылями ОЧДП в 1893—1894 годы и сохранением им финансовой поддержки со стороны правительства. В 1893 году ежегодные казенные субсидии в виде помильной платы были увеличены до 225,8 тыс. руб. Кроме того, правительство разрешило ОЧДП увеличить уставной капитал с целью погашения долгов и закупки новых судов.

CC BY

Существенными изменениями в подходах заинтересованных сторон явилась ориентация на новые направления судоходных операций, а также привлечение более состоятельных зарубежных клиентов. Вместо прежних каботажных рейсов вдоль российского черноморского побережья решено было связать дунайские румынские, болгарские и сербские порты с морскими болгарскими портами (Варна и Бургас), с последующей транспортировкой грузов по пароходным линиям РОПиТ (с выдачей прямых коносаментов) вдоль анатолийского побережья Османской империи (до Батума) и восточно-средиземноморского побережья (до Египта). РОПиТ гарантировало клиентам перевозки в направлении двух «групп» портов: 1. Смирна, Инеболи, Самсун, Орду, Керасунда и Трапезунд; 2. Салоники, Пирей, Триполи, Хиос, Бейрут, Яффа, Александрия и Порт-Саид [Соглашение …, 1894, с. 3—4]. В марте 1894 года, накануне ухода с поста распорядительного директора РОПиТ Н. Ф. Фан дер Флита, достигнутое соглашение было одобрено акционерами двух компаний.

Потенциально новые направления совместных операций, с включенными в них болгарскими портами, могли иметь обнадеживающие перспективы. Правление ОЧДП обещало акционерам «обилие» грузов, доставляемых по международным морским линиям при посредничестве судов РОПиТ [Доклад …, 1894, с. 4]. Регулярные транзитные международные перевозки должны были обеспечить бесперебойную доставку европейских товаров в Персию (через Батум, в направлении которого завершалось строительство железной дороги) и порты Восточного Средиземноморья (через Константинополь). К этому времени руководству ОЧДП внушали оптимизм объемы грузовых перевозок РОПиТ, выросшие с 1886 по 1894 годы в стоимостном выражении на восточно-средиземноморском направлении с 741,8 до 879,8 тыс. руб., на анатолийском — с 115,3 до 136,3 тыс. руб. [Объяснительная записка …, 1887, с. 3—4; Объяснительная записка…, 1895, с. 3—4]. Ключевым портом в действующих двух александрийских линиях РОПиТ выступала столица Османской империи. Соединение Одессы с Константинополем дополнительной линией, включавшей порты Варны и Бургаса, могло способствовать увеличению масштабов судоходных операций за счет перевозимых из балканских стран в Святую землю православных паломников.

Надежды на скорые результаты сотрудничества заинтересованных сторон оказались весомее необходимости контроля финансового состояния ОЧДП. Уже в следующем 1895 году стало понятно реальное положение дел в этой компании. А. Д. Колокольцов вынужден был признать, что ОЧДП «не в силах влачить дальнейшее существование при массе обременявших его долгов, отсутствии всяких средств и ветхости судов, лишенных в тече-

CC BY

ние последних трех лет даже капитального ремонта, без миллионных затрат со стороны правительства» [К истории …, 1901, с. 1]. Последовавший затем вердикт ревизовавших компанию правительственных чиновников гласил: вся ее история представляется «сплошным рядом ошибок, промахов, неосновательных надежд, скороспелых выводов, проявления полной неумелости и некомпетентности в морском коммерческом деле, а зачастую частных злоупотреблений и прямой недобросовестности» [Высочайше…, 1897, с. 28]. В числе прочих обязательств за пароходством сохранялся долг перед РОПиТ в размере 36 тыс. руб. (эта сумма примерно соответствовала убыткам ОЧДП за 1895 год), который удалось погасить только в 1899 году.

3.3. Возобновление перевозок РОПиТ на болгарском направлении

Критическая ситуация в ОЧДП потребовала от руководства РОПиТ изменить планы. Решено было сделать ставку на собственные ресурсы при организации морских перевозок в черноморском регионе. Отчасти этот шаг был вызван снижением государственных субсидий (помильных выплат). В период с 1881 по 1894 годы они уменьшились с 766,7 до 607,4 тыс. руб.

В июле 1895 года С. И. Полушкин, избранный распорядительным директором РОПиТ, запросил мнение членов правления о перспективах взаимодействия с потенциальными клиентами в Болгарии. Помимо прочего речь шла о возможных последствиях приезда в Петербург болгарской делегации во главе с митрополитом Климентом. Особый интерес в компании вызвало предложение болгарской стороны о возобновлении регулярных («срочных») рейсов в Варну и Бургас. В ответном письме правление подтвердило такую возможность из-за «улучшения в последнее время отношений Русского правительства к Болгарии» [РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 1263, л. 1, 4].

Более активно обмен суждениями в руководстве компании по поводу открытия новой линии начался вслед за крещением наследника болгарского престола принца Бориса [Демьяненко, 2020, с. 74—75]. Значимым также становится в это время благожелательное отношение министра финансов С. Ю. Витте к возможности возобновления судоходства на болгарском направлении. В начале марта 1896 года, после месяца переписки между главной конторой в Одессе и правлением в Петербурге, было решено послать представителя РОПиТ К. И. Спандони в неофициальную поездку для «всестороннего исследования» политической и хозяйственной ситуации в Варне и Бургасе.

Двухнедельное пребывание К. И. Спандони в портовых городах завершилось 20 марта написанием конфиденциальной записки членам правления о перспективах грузового и пассажирского сообщения с Болгарией. С одной стороны, высказывалась позитивная оценка имевшихся общественных настроений: «В Болгарии в настоящее время, на вид по крайней мере, никаких

CC BY

более партий не существует, есть только одна партия русофилов, одно общее чувство воодушевления к России, а потому на первое время мы встретим, надо надеяться, и радушный прием, и сочувствие, и всякие облегчения». Вместе с тем констатировалось, что РОПиТ ожидает в этой стране «нигде не виданная» для него конкуренция, прежде всего со стороны Австрийского Ллойда. Проблема заключалась в многолетнем отсутствии транспортных связей с Россией. Отмечалось, что «…вообще наши торговые сношения с Болгарией почти ничтожны и за последние десять лет австрийские и немецкие продукты вытеснили почти совсем из Румелии и Болгарии предметы русского производства, что большая часть болгар и греков, торговавших ранее русскими товарами, должны были прекратить свои операции». Спандони предлагал также учитывать разнообразие этнического состава населения портовых городов, которое могло сказаться на результативности пассажирских перевозок. В Варне он фиксировал две основные группы жителей (по 10 тыс. человек) — болгары и греки, 6 тыс. составляли турки, еще 6 тыс. — армяне и евреи; в Бургасе насчитывалось 5 тыс. болгар, 4 тыс. греков и 1 тыс. турок [РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 1263, л. 24—33].

Ознакомившись с запиской, С. И. Полушкин высказал сомнения по поводу перевозки сколько-нибудь значительного объема грузов между двумя странами. Последовала ссылка на то, что торговые обороты Бургаса и Варны с Россией, производимые морем, уменьшились в сравнении с серединой 1880-х годов до «крайней степени» [РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 1263, л. 21]. В связи с этим больший интерес у руководства компании вызвал потенциал болгарского направления в сфере пассажирских перевозок, в том числе при обслуживании паломнических поездок к Святым местам Ближнего Востока.

Позиция руководства РОПиТ по вопросу о реструктуризации российско-болгарского судоходного сообщения была доведена до министерства финансов С. Ю. Витте. 5 апреля 1896 года, после нескольких дней обсуждения в правительственных кругах, планы компании получили поддержку на высочайшем уровне. Император Николай II повелел обязать компанию содержать регулярные (один раз в две недели) рейсы по Черноморско-Болгарской линии между Одессой и Константинополем с промежуточными заходами в Варну и Бургас. Кроме того, пароходству предоставлялось право осуществлять, при наличии коммерческих интересов, нерегулярные (несрочные) рейсы. Спустя год была открыта еще одна судоходная линия (помимо уже действующих двух линий до Александрии — прямой и круговой), ориентированная на перевозку паломников. Названная *македонской*, она связала Одессу с Константинополем, Афоном и греческими портами. Таким образом, следовавшие из Болгарии пассажиры могли пересаживаться в Константинополе на другие пароходы РОПиТ, направлявшиеся

CC BY

в Эгейское море и Восточное Средиземноморье. Сохранялась также возможность отправиться из столицы Османской империи по анатолийской линии в Батум и другие порты Восточного Причерноморья [Устав ..., 1899].

3.4. РОПиТ в судоходном сообщении между Россией и Болгарией в начале XX века

Результаты деятельности РОПиТ в период с 1896 по 1913 годы свидетельствовали о существенном потенциале роста пассажиропотока, прежде всего транзитного, при одновременном неустойчивом характере функционирования грузового сообщения. Ниже приведены показатели работы РОПиТ в 1903—1905 годах, которые характеризовались ухудшением внутренней (экономический кризис и революционные потрясения) и внешней (русско-японская война) обстановки для России.

По обобщенным членами правления данным, за 1903 год на судах РОПиТ было вывезено из Варны 244,9 т грузов, еще 1 430 т ввезено в порт. Для Бургаса эти показатели составили соответственно 1 248 и 669 т [РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 2764, л. 50—55]. В числе наиболее крупных партий товаров, ввезенных в порт Варны, местное агентство РОПиТ отметило военные грузы, сахар, спирт и различные машины из Одессы, фрукты свежие и сушеные из Инеболу и Ризе, керосин из Батума, мануфактуру из Москвы. Вывезенными из Варны перечислены: скот рогатый в Одессу, железо и мануфактура в Бургас, фасоль в Александрию, кашкавал в Александрию и Смирну [Доклад…, 1905, с. 189]. В перечне ввезенных в Бургас значились сахар, икра, рыба и спирт из Одессы, керосин из Батума. Вывезенными отмечены мука, зерно и шелк в Константинополь, железо в Одессу [Доклад …, 1905, с. 186].

В 1904 году агентство РОПиТ в Варне зафиксировало доставку грузов из России в Варну в объеме 1 263 т, в 1905 году — 850 т. В обратном направлении последовали скромные 22 и 59 т. Однако эти цифры не отражали участие компании в общем грузопотоке из порта. За два года вывоз из Варны на судах РОПиТ в иностранные порты увеличился с 11 до 515 т. В эти же годы количество пассажиров, покинувших порт на пароходах компании, выросло с 3 224 до 4 337 [РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 3238, л. 14—22], главным образом за счет направлявшихся в Константинополь.

В свою очередь объемы ввезенных из России в Бургас грузов сократились с 806 т в 1904 году до 484 т в 1905 году. В обратном направлении эту тенденцию отразили 528 т и 171 т. За эти же годы вывоз из Бургаса судами РОПиТ в иностранные порты увеличился с 710 до 1 997 т. Что касается пассажиропотока, то здесь имела место близкая Варне тенденция: численность вывезенных из Бургаса увеличилась — с 665 до 989 человек [РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 3236, л. 14—23]. Можно сделать вывод, что руководство

CC BY

РОПиТ предпринимало попытки компенсировать падение двухстороннего грузооборота за счет более активного участия в международных товарных и пассажирских перевозках из Болгарии.

В 1908 году последовала очередная реструктуризация судоходных операций. Черноморско-болгарская линия была включена в болгарско-македонско-сирийскую, связавшую западное Причерноморье с Восточным Средиземноморьем. Вслед за этим С. Ф. Гирканов (глава агентства РОПиТ в Варне) и Ю. К. Костов (в Бургасе) отметили сокращение товаропотока между Болгарией и Россией и, напротив, его увеличение между болгарскими и иностранными портами. Одновременно выросло количество пассажиров, доставляемых в порты Леванта. Однако уже в 1909 году последовали существенные изменения в характере судоходных операций. Общий грузопоток по линии вырос в этом году до 53,3 тыс. т (в последнем объеме более 50 % составили товары, местом ввоза и вывоза которых являлась Одесса), численность пассажиров — до 31 577 (более половины последних составили лица, въехавшие и выехавшие через Одессу), выручка — до 500,5 тыс. руб. [РГИА, ф. 95, оп. 6, д. 1341, л. 19, 24—25; д. 1342, л. 110—111].

К началу 1910-х годов компании удавалось сохранять баланс в использовании собственных и казенных (помильные выплаты) ресурсов при реализации экономических, геополитических и религиозных интересов России в ближневосточном регионе. К этому времени перевозки паломников в преддверии Пасхи и Рождества выступали одними из наиболее значимых в работе пароходства [Путеводитель …, 1909, с. 325]. По оценке профессора Харьковского университета П. П. Мигулина, путешествие к Святым местам «стало вполне доступно народной массе, и наши крестьяне, отправляющиеся ежегодно десятками тысяч на пароходах РОПиТ в Палестину, чувствуют себя там так же свободно, как в пределах русской губернии» [Мигулин, 1911, с. 50]. Правление пароходства полагало, что при всей нестабильности отношений между Россией и Болгарией социокультурная близость двух стран могла оказывать положительное влияние на развитие пассажирских (в том числе паломнических) и грузовых перевозок компании и, как следствие, активизацию отечественной судоходной деятельности в Черном и Средиземном морях.

Весной 1911 года председатель правления М. П. Боткин завершил переговоры с правительственными чиновниками и депутатами III Государственной думы об условиях заключения очередного договора о государственно-частном партнерстве. 31 мая император Николай II утвердил закон «О содержании срочных пароходных сообщений под Русским флагом в Черном и Средиземном морях». Предложенная Боткиным реструк-

CC BY

туризация международных перевозок включала отказ от действовавшей с 1908 года прямой связи Болгарии с Эгейским морем и Восточным Средиземноморьем. На первый план были выдвинуты пассажирские и грузовые потоки между Западным и Восточным Причерноморьем, реализовывать которые предполагалось путем привлечения клиентов на рейсы по болгарско-анатолийской линии.

Вместе с тем подтверждалась значимость транспортного сообщения между Россией и Ближним Востоком, осуществлять которое планировалось тремя из пяти срочных линий. В данном случае имело место стремление, с одной стороны, создать прямой транспортный коридор, который связал бы Балканы с российским Закавказьем и Персией через Варну и Батум, с другой стороны — увеличить количество паломнических рейсов в порты Леванта. В любом случае три ближневосточных направления, как полагали владельцы компании и правительственные чиновники, могли использоваться паломниками из Болгарии и других балканских стран для поездок в Святую землю. РОПиТ сохранило также право осуществлять дополнительные, не субсидируемые государством рейсы по этим и другим линиям при условии, если подобная коммерческая деятельность не будет наносить ущерба регулярному сообщению [Полное собрание …, 1914, с. 347—349].

Договор, институционализировавший деятельность РОПиТ на последующие 15 лет, позволил консолидировать значительные ресурсы для содержания протяженных международных линий. С 1910 по 1913 годы чистая прибыль компании выросла с 979,4 до 1,8 млн руб., дивидендные выплаты — с 41 до 60 руб. на 500-рублевую акцию [РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 2558, л. 87—88, 93—94]. В 1911 году на Петербургской бирже последовал взрывной рост стоимости акций до 870 руб. [РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 2195, л. 8].

Правление РОПиТ заявило о намерении следовать стратегии, ориентированной на взаимосвязанное развитие внутренних и международных перевозок. Рейсами компании были соединены в единую транспортную сеть все крупные причерноморские города России, Османской империи и Болгарии, которые, в свою очередь, получили возможность транспортного сообщения с портами дальнего зарубежья, включая Средиземное море, Персидский залив и Балтийское море. Заявленная структура судоходных операций была поддержана влиятельными акционерами РОПиТ. В число последних наряду с Государственным банком входили петербургские кредитные учреждения и их владельцы, которым принадлежало в общей сложности более 40 % всех акций. Данную заинтересованную сторону возглавлял в качестве крупнейшего собственника столичный Азовско-Донской банк [РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 2522, л. 1—13].

CC BY

Ниже представлены итоги судоходства по статистическим материалам портов Варны и Бургаса в преддверии Первой мировой войны. Имеющиеся показатели за 1912—1913 годы следует рассматривать в контексте участия Болгарии в двух балканских войнах, с сопутствующим фоном для результативности операций компании. Эта же ситуация определяла тесное взаимодействие ключевых заинтересованных сторон — членов правления компании, ее акционеров, правительственных чиновников и представителей российского делового мира — при разработке планов и конкретной деятельности РОПиТ в черноморском регионе.

В 1913 году валовый оборот агентства РОПиТ в Варне увеличился в сравнении с 1912 годом на 174,2 тыс. руб., главным образом благодаря перевозке болгарских войск на пароходах компании. За этот же период доставка грузов из России выросла на 101,5 тыс. руб., в том числе на 6,6 тыс. руб. за счет доставки военных припасов в Черногорию, следовавших транзитом через Варну. Вместе с тем вывоз грузов в Россию уменьшился на 109 т при одновременном росте фрахта на 2,2 тыс. руб. (вследствие слабой конкуренции со стороны иностранных пароходств). Общие показатели по грузообороту между двумя странами выглядели следующим образом: в 1913 году судами РОПиТ ввезено российских товаров 2808 т, заграничных — 1518 т. В свою очередь вывоз из Варны увеличился в 1912—1913 годах с 167 т до 307 т при одновременном уменьшении вывоза болгарских товаров в заграничные порты с 738 т до 489 т. На фоне сохранявшейся военно-политической конфронтации в балканском регионе наблюдалось также снижение численности принятых в Варне пассажиров — с 4118 до 3407 [РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 3458, л. 2—14].

Геополитическая нестабильность отразилась также на операциях РОПиТ в направлении Бургаса. В 1913 году в порт прибыли «экстренными» рейсами пять пароходов с военными припасами. Последовали также ряд рейсов с поставками продовольствия, главным образом риса, растительного масла и муки, а также льняной пряжи. Всего было доставлено из России 8870 т грузов (в 1912 году — 1935 т), из заграничных портов — 1914 т; вывезено в Россию минимальное количество — 2,5 т (за граничные порты — 283 т). В отличие от Варны в Бургасе имело место увеличение количества принятых на пароходы — с 1077 пассажиров в 1912 году до 1592 в 1913 году [РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 3457, л. 1—22].

В целом, при всех трудностях в осуществлении трансграничных перевозок результатами функционирования болгарско-анатолийской линии в 1913 году стало увеличение пассажиропотока, главным образом за счет следовавших транзитом между портами западного, южного и восточного Причерноморья, до 34,3 тыс. человек, грузоперевозок — до 24,8 тыс. т.

CC BY

Кроме того, возвращенной в том же году в структуру перевозок черноморско-болгарской линией было доставлено 46,5 тыс. пассажиров и 7 тыс. т грузов [РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 2688 30 — 47]. Накануне Первой мировой войны избранный председателем правления А. Е. Молчанов связывал будущее болгарских рейсов с привлечением клиентов к двум взаимосвязанным судоходным коридорам. Первый — балкано-персидский, между Одессой, Варной, Бургасом, Константинополем и Батумом; второй — черноморско-средиземноморский, между Одессой, Варной, Бургасом, Константинополем и портами Леванта.

4. Заключение = Conclusions

Открытие Русским обществом пароходства и торговли регулярного морского сообщения между Россией и Болгарией имело непосредственную связь с характером складывания двухсторонних политических и экономических отношений. В первую очередь это касалось ситуации, связанной с обострением межгосударственных противоречий и становлением нового баланса геостратегических интересов в черноморском и балканском регионах. Вместе с тем выявленные в контексте многолетней деловой практики цели и структура судоходных операций, сопровождавшиеся институциональными (правовыми и неформальными) особенностями регулирования транспортной деятельности, сохраняли перспективу для реализации на фоне культурной и религиозной близости двух стран.

Исторический анализ функционирования компании свидетельствовал о наличии двух аспектов, каждый из которых представляет самостоятельную исследовательскую ценность. Во-первых, изучение отдельных этапов в работе компании (1880—1886, 1887—1895, 1896—1913) подтверждает заинтересованность правительственных учреждений и РОПиТ в сохранении судоходства в условиях нестабильного характера отношений между Россией и Болгарией. Если на первом этапе имели место потенциальные возможности для роста объемов транспортировки, то второй этап демонстрировал их утрату в связи с разрывом государственных и торговых отношений, а на третьем этапе предпринимались усилия по их восстановлению на фоне сложного положения каждой из двух стран. Во-вторых, роль отдельных заинтересованных сторон в развитии морских линий можно объяснить фактором ресурсных возможностей, которые раскрывают взаимосвязь (финансовую, материальную и управленческую) между ситуацией в межгосударственных отношениях и стремлением транспортной компании к коммерческой выгоде. В данном смысле можно говорить об особенностях реструктуризации российско-болгарских морских перевозок, заключавшихся в стремлении владельцев РОПиТ поддерживать баланс

CC BY

интересов в процессе привлечения правительственных и частных ресурсов при осуществления крупных судоходных проектов в Черном и Средиземном морях.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Акционерное* дело в России. Том второй. Статистика акционерных предприятий. — Санкт-Петербург : Типография А. Бенке, 1899. — Выпуск VI. — С. 1303—1610.

2. *Высочайше* учрежденное Общество Черноморско-Дунайского пароходства. Правление. В Комиссию по вопросу об условиях дальнейшего существования Общества Черноморско-Дунайского пароходства. — Одесса : Типография «Труд», 1897. — 53 с.

3. *Доклад* правления Общества Черноморско-Дунайского пароходства общему собранию акционеров 13 апреля 1894 г. — Одесса : Типография «Труд», 1894. — 6 с.

4. *Доклад* члена правления Русского общества пароходства и торговли К. А. Ржевуского о поездке в Черное и Азовское моря и Одессу, для ознакомления с деятельностью Общества. — Санкт-Петербург : Типография Э. Арнгольда, 1905. — 363 с.

5. *Общее* собрание акционеров Русского общества пароходства и торговли (27 апреля 1880 г.). — Санкт-Петербург : Типография Товарищества «Общественная польза», 1881. — 12 с.

6. *Общее* собрание акционеров Русского общества пароходства и торговли (26 апреля 1881 г.). — Санкт-Петербург : Типография Товарищества «Общественная польза», 1881. — 16 с.

7. *Общее* собрание акционеров Русского общества пароходства и торговли (25 апреля 1882 г.). — Санкт-Петербург : Типография Товарищества «Общественная польза», 1882. — 20 с.

8. *Общее* собрание акционеров Русского общества пароходства и торговли (29 апреля 1884 г.). — Санкт-Петербург : Типография Товарищества «Общественная польза», 1884. — 18 с.

9. *Общее* собрание акционеров Русского общества пароходства и торговли (28 апреля 1885 г.). — Санкт-Петербург : Типография Товарищества «Общественная польза», 1885. — 20 с.

10. *Объяснительная* записка к отчету Русского общества пароходства и торговли за 1884 г. — Санкт-Петербург : Типография Товарищества «Общественная польза», 1885. — 43 с.

11. *Объяснительная* записка к отчету Русского общества пароходства и торговли за 1886 г. — Санкт-Петербург : Типография Товарищества «Общественная польза», 1887. — 48 с.

12. *Объяснительная* записка к отчету Русского общества пароходства и торговли за 1894 г. — Санкт-Петербург : Типография Товарищества «Общественная польза», 1895. — 57 с.

13. *Полное* собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. — Санкт-Петербург : Государственная типография, 1914. — Т. XXXI. — 1411 с.

14. *Прямое* Русско-Дунайское через Одессу товарное сообщение. Соглашение. — Одесса : Типография «Одесского вестника», 1886. — 27 с.

15. *Путеводитель* Русского общества пароходства и торговли. — Одесса : Типография Акционерного Южно-Русского общества печатного дела, 1909. — 476 с.

16. РГИА — *Российский* государственный исторический архив. Ф. 95. Отделы торгового мореплавания и торговых портов Министерства торговли и промышленности ; Ф. 107. Русское общество пароходства и торговли ; Ф. 678. Молчанов Анатолий Евграфович.

17. *Соглашение* о прямом Дунайско-Анатолийско-Александрийском через Константинополь товарном сообщении, установленном между Обществом Черноморско-Дунайского пароходства и Русским обществом пароходства и торговли. — Одесса : Типография «Труд», 1894. — 21 с.

18. *Устав* Русского общества пароходства и торговли. Утвержден 18 мая 1879 г. — Санкт-Петербург : Типография Товарищества «Общественная польза», 1879. — 37 с.

19. *Устав* Русского общества пароходства и торговли. Утвержден 22 января 1891 г. — Санкт-Петербург : Типография Товарищества «Общественная польза», 1891. — 53 с.

20. *Устав* Русского общества пароходства и торговли. — Санкт-Петербург : Типография Товарищества «Общественная польза» 1899. — 50 с.

Литература

1. *Барышников М. Н.* Паломничество и операции Русского общества пароходства и торговли в Восточном Средиземноморье (начало 1880-х гг.) / М. Н. Барышников // Электронный научно-образовательный журнал «История». — 2022. — Т. 13. — № 2. — С. 36—44. — DOI: 10.18254/S207987840019621-2.

2. *Барышников М. Н.* Православное паломничество в ближневосточных операциях Русского общества пароходства и торговли (1894—1914) / М. Н. Барышников // Восточный курьер. — 2023. — № 4. — С. 207—220. — DOI: 10.18254/52686843100249O1-9.

3. *Барышников М. Н.* Болгария в судоходных операциях Русского общества пароходства и торговли / М. Н. Барышников // Петербургский исторический журнал. — 2024. — № 2 (42). — С. 130—141. — DOI: https://doi.org/10.51255/2311-603X-2024-2-130.

4. *Вишняков Я.* «Дело пахнет керосином». Дунайское пароходство и русская политика на Балканах в конце XIX — начале XX в. / Я. Вишняков // Российская история. — 2023. — № 3. — С. 143—155. — DOI: 10.31857/52949124X23030124.

5. *Демьяненко Н. Н.* «Примирение или прощение?». Русская печать о возобновлении российско-болгарских отношений в 1896 году / Н. Н. Демьяненко // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. — 2020. — № 1 (33). — С. 69—79. — DOI: 10.32516/2303-9922.2020.33.7.

6. *Золотухин М. Ю.* Россия, западноевропейские державы и Османская империя в период международных кризисов на Балканах (1885—1888 гг.) / М. Ю. Золотухин. — Москва : Наука, 1993. — 320 с.

7. *Иловайский С. И.* Исторический очерк пятидесятилетия Русского общества пароходства и торговли / С. И. Иловайский. — Одесса : Типография Акционерного Южнорусского общества печатного дела, 1907. — 359 с.

8. *История* торговли и промышленности в России. Торговое мореплавание / под редакцией П. Х. Спасского. — Санкт-Петербург : Типография Императорского училища глухонемых, 1913. — Т. II. — Выпуск IX. — 35 с.

9. *К истории* Общества Черноморско-Дунайского пароходства. Издание второе, исправленное и дополненное. — Одесса : Типография Акционерного Южно-Русского общества печатного дела, 1901. — 49 с.

10. *Косик В. И.* Русская политика в Болгарии, 1879—1886 / В. И. Косик. — Москва : Институт славяноведения и балканистики, 1991. — 179 с.

11. *Косик В. И.* Политическое развитие Болгарии после освобождения / В. И. Косик // История Балкан. На переломе эпох. (1878—1914 гг.) / Отв. Ред. К. В. Никифоров. — Москва : Институт славяноведения РАН, 2017. — С. 55—86.

12. *Мигулин П. П.* Внешняя торговля России и ее торговый флот. К вопросу о субсидировании казной русских пароходных линий / П. П. Мигулин. — Санкт-Петербург : Товарищество художественной печатни, 1911. — 67 с.

13. *Озеров И. Х.* Куда мы идем? (Итоги экономического развития XIX века) / И. Х. Озеров. — Санкт-Петербург : Вестник знания, 1911. — 72 с.

14. *Под флагом* России. История зарождения и развития морского торгового флота/авторский коллектив : В. П. Пузырев (руководитель), В. Д. Скугарев, А. В. Басов, Н. Ю. Березовский, В. Г. Реданский. — Москва : Согласие, 1995. — 564 с.

15. *Познер М. В.* Исторический обзор правительственных мероприятий для развития русского торгового мореходства / М. В. Познер. — Санкт-Петербург : Типография В. Ф. Киршбаума, 1895. — 369 с.

16. *Скальковский К.* Русский торговый флот и срочное пароходство на Черном и Азовском морях / К. Скальковский. — Санкт-Петербург : Типография А. С. Суворина, 1887. — 554 с.

17. *Barney J. B.* Why resource-based theory's model of profit appropriation must incorporate a stakeholder Perspective / J. B. Barney // Strategic Management Journal. — 2018. — Vol. 39 (13). — Pp. 3305—3325.

18. *Frary L.* Pilgrims and Profits. The Russian Company of Steam Navigation and Trade, 1856—1914 / L. Frary // Canadian-American Slavic Studies. — 2019. — Vol. 53. — Iss. 3. — Pp. 286—305. — DOI: 10.1163/22102396-05303005.

19. *Freeman R. E.* Stakeholder Theory and the Resource-Based View of the Firm / R. E. Freeman, S. D. Dmitriev, R. A. Phillips // Journal of Management. — 2021. — Vol. 47 (7). — Pp. 1757—1770. — DOI: 10.1177/0149206321993576.

20. *Sydorenko A.* The Russian Steam Navigation and Trading Company : The Transition from Sail to Steam in the Russian Black Sea (1856—1914) / A. Sydorenko // Mediterranean Seafarers in Transition Maritime Labour, Communities, Shipping and the Challenge of Industrialization 1850s—1920s. — 2022. — Pp. 478—508. — DOI: 10.1163/9789004514195_018.

Статья поступила в редакцию 27.04.2025,
одобрена после рецензирования 25.01.2026,
подготовлена к публикации 02.03.2026.

Material resources

Agreement on direct Danube-Anatolian-Alexandrian freight traffic through Constantinople established between the Society of the Black Sea-Danube Shipping Company and the Russian Society of Shipping and Trade. (1894). Odessa: Printing house "Trud". 21 p. (In Russ.).

Charter of the Russian Society of Shipping and Trade. Approved on January 22, 1891. (1891). St. Petersburg: Printing house of the Partnership "Public Benefit". 53 p. (In Russ.).

Direct Russian-Danube freight service via Odessa. Agreement. (1886). Odessa: Printing house of the Odessa Bulletin. 27 p. (In Russ.).

Explanatory note to the report of the Russian Society of Shipping and Trade for 1884. (1885). St. Petersburg: Printing House of the Public Benefit Association. 43 p. (In Russ.).

Explanatory note to the report of the Russian Society of Shipping and Trade for 1894. (1895). St. Petersburg: Printing House of the Partnership "Public Benefit". 57 p. (In Russ.).

General Meeting of Shareholders of the Russian Shipping and Trade Company (April 27, 1880). (1881). St. Petersburg: Printing House of the Public Benefit Partnership. 12 p. (In Russ.).

General Meeting of Shareholders of the Russian Shipping and Trade Society (April 26, 1881). (1881). St. Petersburg: Printing House of the Public Benefit Partnership. 16 p. (In Russ.).

General Meeting of Shareholders of the Russian Shipping and Trade Company (April 25, 1882). (1882). St. Petersburg: Printing House of the Public Benefit Partnership. 20 p. (In Russ.).

General Meeting of Shareholders of the Russian Shipping and Trade Society (April 29, 1884). (1884). St. Petersburg: Printing House of the Public Benefit Partnership. 18 p. (In Russ.).

General Meeting of Shareholders of the Russian Shipping and Trade Society (April 28, 1885). (1885). St. Petersburg: Printing House of the Public Benefit Partnership. 20 p. (In Russ.).

Guidebook of the Russian Shipping and Trade Society. (1909). Odessa: Printing House of the Joint-Stock South Russian Printing Company. 476 p. (In Russ.).

Joint-stock business in Russia. Volume two. Statistics of joint-stock companies, VI. (1899). St. Petersburg: A. Benke Printing House. 1303—1610. (In Russ.).

Report by K. A. Rzhevusky, a member of the Board of the Russian Shipping and Trade Society, on a trip to the Black and Azov Seas and Odessa to familiarize himself with the activities of the Society. (1905). St. Petersburg: Printing house of E. Arngold. 363 p. (In Russ.).

Report of the Board of the Black Sea-Danube Shipping Company to the General Meeting of Shareholders on April 13, 1894. (1894). Odessa: Printing house "Trud". 6 p. (In Russ.).

Russian Society of Shipping and Trade for 1886. Explanatory note to the report of the Russian Society of Shipping and Trade for 1886. (1887). St. Petersburg: Printing House of the Partnership "Public Benefit". 48 p. (In Russ.).

Russian State Historical Archive. F. 95. Departments of Merchant Shipping and Commercial Ports of the Ministry of Trade and Industry; F. 107. Russian Society of Shipping and Trade; F. 678. Molchanov Anatoly Yevgrafovich. (In Russ.).

The Charter of the Russian Shipping and Trade Society. (1899). St. Petersburg: Printing house of the Partnership "Public benefit". 50 p. (In Russ.).

The Charter of the Russian Shipping and Trade Society. Approved on May 18, 1879. (1879). St. Petersburg: Printing House of the Public Benefit Partnership. 37 p. (In Russ.).

The Complete Collection of laws of the Russian Empire. The 3rd meeting, XXXI. (1914). St. Petersburg: State Printing House. 1411 p. (In Russ.).

The highly established Society of the Black Sea-Danube Shipping Company. Governance. To the Commission on the conditions of the further existence of the Black Sea-Danube Shipping Company. (1897). Odessa: Trud Printing House. 53 p. (In Russ.).

References

Barney, J. B. (2018). Why resource-based theory's model of profit appropriation must incorporate a stakeholder Perspective. *Strategic Management Journal, 39 (13):* 3305—3325.

Baryshnikov, M. N. (2022). Pilgrimage and operations of the Russian Society of Shipping and Trade in the Eastern Mediterranean (early 1880s). *Electronic scientific and educational journal "History", 13 (2):* 36—44. DOI: 10.18254/S207987840019621-2. (In Russ.).

Baryshnikov, M. N. (2023). Orthodox pilgrimage in the Middle Eastern operations of the Russian Society of Shipping and Trade (1894—1914). *Vostochny Courier, 4:* 207—220. DOI: 10.18254/5268684310024901-9. (In Russ.).

Baryshnikov, M. N. (2024). Bulgaria in the shipping operations of the Russian Shipping and Trade Society. *St. Petersburg Historical Magazine, 2 (42):* 130—141. DOI: https://doi.org/10.51255/2311-603X-2024-2-130. (In Russ.).

Demyanenko, N. N. (2020). "Reconciliation or forgiveness?". The Russian Press on the resumption of Russian-Bulgarian relations in 1896. *Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University, 1 (33):* 69—79. DOI: 10.32516/2303-9922.2020.33.7. (In Russ.).

Frary, L. (2019). Pilgrims and Profits. The Russian Company of Steam Navigation and Trade, 1856—1914. *Canadian-American Slavic Studies, 53 (3):* 286—305. DOI: 10.1163/22102396-05303005.

Freeman, R. E., Dmitriev, S. D., Phillips, R. A. (2021). Stakeholder Theory and the Resource-Based View of the Firm. *Journal of Management, 47 (7):* 1757—1770. DOI: 10.1177/0149206321993576.

Ilovaisky, S. I. (1907). *Historical sketch of the fiftieth anniversary of the Russian Society of Shipping and Trade.* Odessa: Printing House of the Joint—stock South Russian Printing Company. 359 p. (In Russ.).

Kosik, V. I. (1991). *Russian policy in Bulgaria, 1879—1886.* Moscow: Institute of Slavic Studies and Balkanistics. 179 p. (In Russ.).

Kosik, V. I. (2017). Political development of Bulgaria after liberation. In: *History of the Balkans. At the turning point of epochs. (1878—1914).* Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. 55—86. (In Russ.).

Migulin, P. P. (1911). *Foreign trade of Russia and its merchant fleet. On the issue of Treasury subsidies for Russian steamship lines.* St. Petersburg: Art Printing Company. 67 p. (In Russ.).

On the history of the Black Sea-Danube Shipping Company Society. Second edition, revised and expanded. Russian Policy in Bulgaria, 1879—1886. (1901). Odessa: Printing House of the Joint-Stock Southern Russian Printing Company. 49 p. (In Russ.).

Ozerov, I. H. (1911). *Where are we going? (Results of the economic development of the 19th century).* St. Petersburg: Bulletin of Knowledge. 72 p. (In Russ.).

Pozner, M. V. (1895). *Historical review of government measures for the development of Russian merchant shipping. St*. Petersburg: V. F. Kirshbaum Printing House. 369 p. (In Russ.).

Skalkovsky, K. (1887). *Russian merchant fleet and express shipping on the Black and Azov Seas.* St. Petersburg: Printing house of A. S. Suvorin. 554 p. (In Russ.).

Spassky, P. H. (ed.). (1913). *The history of trade and industry in Russia. Merchant shipping, II (IX).* St. Petersburg: Printing House of the Imperial College of the Deaf and Dumb. 35 p. (In Russ.).

Sydorenko, A. (2022). The Russian Steam Navigation and Trading Company: The Transition from Sail to Steam in the Russian Black Sea (1856—1914). *Mediterranean Seafarers in Transition Maritime Labour, Communities, Shipping and the Challenge of Industrialization 1850s—1920s.* 478—508. DOI: 10.1163/9789004514195_018.

CC BY

Under the flag of Russia. The history of the origin and development of the merchant marine. (1995). Moscow: Consent. 564 p. (In Russ.).

Vishnyakov, Ya. (2023). "It smells like kerosene." The Danube Shipping Company and Russian Politics in the Balkans in the Late 19th and early 20th centuries. *Russian History, 3:* 143—155. DOI: 10.31857/52949124X23030124. (In Russ.).

Zolotukhin, M. Y. (1993). *Russia, the Western European Powers and the Ottoman Empire during the international Crises in the Balkans (1885—1888).* Moscow: Nauka Publ. 320 p. (In Russ.).

The article was submitted 27.04.2025;
approved after reviewing 25.01.2026;
accepted for publication 02.03.2026.

CC BY

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(3), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Закарян Л. С. Потребление пива в Армении в годы новой экономической политики (1921—1928 годы) / Л. С. Закарян, Г. Х. Казарян, А. К. Сукиасян // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 3. — С. 398—418. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-3-398-418.

Zakaryan, L. S., Ghazaryan, G. K., Sukiasyan, H. K. (2026). Beer Consumption in Armenia during New Economic Policy Era (1921–1928). *Nauchnyi dialog, 15* (3): 398-418. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-3-398-418. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus · Q1 · DOAJ · ERIHPLUS · eLIBRARY.RU · РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Потребление пива в Армении в годы новой экономической политики (1921—1928 годы)

Закарян Лилит Сашаевна
orcid.org/0009-0005-4497-5410
кандидат исторических наук, доцент,
старший научный сотрудник,
корреспондирующий автор
lilit_zakaryan@mail.ru

Казарян Гаяне Хачиковна
orcid.org/0009-0001-6403-140X
кандидат исторических наук,
младший научный сотрудник
gayane.ghazaryan.1992@mail.ru

Сукиасян Амо Каренович
orcid.org/0009-0009-3062-2285
кандидат исторических наук, доцент,
старший научный сотрудник
hamosukiasyan@gmail.com

Институт истории Национальной академии наук Республики Армения
(Ереван, Республика Армения)

Благодарности:
Исследование выполнено при финансовой поддержке Комитета по высшему образованию и науке МОНКС РА, проект № 25RG-6A104

Beer Consumption in Armenia during New Economic Policy Era (1921–1928)

Lilit S. Zakaryan
orcid.org/0009-0005-4497-5410
PhD in History, Associate Professor,
senior research scientist,
corresponding author
lilit_zakaryan@mail.ru

Gayane Kh. Ghazaryan
orcid.org/0009-0001-6403-140X
PhD in History, junior research scientist,
gayane.ghazaryan.1992@mail.ru

Hamo K. Sukiasyan
orcid.org/0009-0009-3062-2285
PhD in History, Associate Professor,
senior research scientist
hamosukiasyan@gmail.com

Institute of History of the National Academy of Sciences of Armenia
(Yerevan, Republic of Armenia)

Acknowledgments:
The study was carried out with financial support supported by the Committee on Higher Education and Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Armenia,
Project № 25RG-6A104

© Закарян Л. С., Казарян Г. Х., Сукиасян А. К., 2026

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются культура и практики потребления пива в Советской Армении периода новой экономической политики (нэп) (1921—1928). Междисциплинарное исследование направлено на выявление социокультурных изменений раннесоветского общества. В качестве источников использованы архивные документы, законодательные акты СССР, ЗСФСР и Советской Армении, научные исследования, материалы периодической печати и литературные тексты. Многие данные вводятся в научный оборот впервые. Проанализированы культурные практики потребления пива и их отражение в публичном дискурсе. Показано, что пиво становилось элементом новой культуры потребления, находившейся на пересечении традиционного и модернизирующегося уклада. Выявлено, что пивная повседневность отражала противоречия между нэповской моделью быта и идеологией. Установлено, что популяризация пива сопровождалась столкновением представлений о «старом», преимущественно восточном, и «новом», советски-урбанизированном быте. Подчеркивается, что формирование пивной культуры происходило в русле общесоветских тенденций, сходных с российским опытом нэпа, где пиво осмыслялось как символ модернизированного досуга рабочего класса. Тема статьи не изучена в армянской историографии. Актуальность исследования обусловлена возможностью альтернативного подхода к оценке повседневности нэповского периода.

Ключевые слова:
потребление пива; пивные заведения; антиалкогольная политика; пивоваренная промышленность; нэп; городской досуг.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines beer consumption culture and practices in Soviet Armenia during the period of the New Economic Policy (NEP) from 1921 to 1928. An interdisciplinary study aims at uncovering socio-cultural transformations within early Soviet society. The sources include archival documents, legislative acts of the USSR, Transcaucasian Federation, and Soviet Armenia, scholarly research, materials from contemporary press, and literary texts. Many data are introduced into academic discourse for the first time. Cultural practices associated with beer consumption and their representation in public discourse have been analyzed. It is demonstrated that beer became an element of a new consumer culture situated between traditional customs and modernizing lifestyles. The everyday life of brewing establishments reflected tensions between NEP-influenced living standards and ideological norms. The study reveals how the popularization of beer was accompanied by conflicts between representations of “old,” predominantly Eastern, and “new,” urbanized Soviet ways of life. Emphasis is placed on the fact that the formation of beer-drinking culture followed general trends across the Soviet Union similar to those observed in Russia under the NEP era, where beer was conceptualized as a symbol of industrial leisure among workers. The topic has not previously been addressed in Armenian historiography. The relevance of this research lies in its potential to offer alternative perspectives on evaluating daily life during the NEP period.

Key words:
beer consumption; taverns; anti-alcohol policy; brewing industry; NEP; urban recreation.

CC BY OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(3), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94(479.25)“1921/1928”
DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-3-398-418

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история
5.6.2. Всеобщая история

Потребление пива в Армении в годы новой экономической политики (1921—1928 годы)

© Закарян Л. С., Казарян Г. Х., Сукиасян А. К., 2026

1. Введение = Introduction

Период новой экономической политики (нэп) в Советской Армении стал временем глубоких социальных и культурных преобразований. В условиях частичной экономической либерализации и восстановления хозяйственной активности происходили заметные изменения в структуре повседневности, формах досуга и привычках потребления.

Одним из показательных аспектов этих процессов являлось отношение к алкоголю. Алкоголь, издавна занимавший значимое место в армянской культуре, в 1920-е годы оказался в центре противоречивых тенденций: с одной стороны, он осуждался как «пережиток старого быта» и «остаток буржуазного прошлого», с другой — сохранял важное место в социальной коммуникации и выступал источником дохода для государства. Особенно ярко это противоречие проявилось в отношении к пиву, которое вначале рассматривалось как «безопасный» напиток, соответствующий образу «нового советского человека» и заменяющий традиционные крепкие спиртные изделия.

Культура потребления пива, формировавшаяся в Ереване и Ленинакане, отражала как процессы восстановления пищевой промышленности, так и эволюцию городского досуга. В начале 1920-х годов в прессе периодически представлялась информация о развитии пивоваренной промышленности, организовывались экскурсии на эти заводы. Однако к концу десятилетия была разработана и начала внедряться антиалкогольная политика, которая приобрела черты масштабной дисциплинарной кампании. Власти стремились не только ограничить потребление алкоголя, но и переопределить саму культуру отдыха, подчиняя её идеологическим нормам советского быта.

В российской историографии тема повседневных алкогольных практик рассматривалась в контексте российской истории нэпа. Анализ историографии показывает, что в исследованиях, посвящённых Армении пери-

ода новой экономической политики, потребление пива как самостоятельный объект изучения не рассматривалось. Основное внимание уделялось экономическим аспектам этого периода.

Актуальность данного исследования определяется потребностью в новом взгляде на советскую повседневность нэповского времени. Новизна работы заключается во введении в научный оборот архивных материалов и в междисциплинарном подходе, сочетающем исторический, культурологический и этнографический методы.

Настоящее исследование ставит своей целью показать, как в Советской Армении периода нэпа «пивная повседневность» вбирала в себя как личные практики, так и идеологические установки и экономические интересы.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Настоящее исследование основано на междисциплинарном подходе, объединяющем методы социальной истории, культурологического и этнографического анализа. Такой подход позволяет рассматривать потребление пива не только в хозяйственно-экономическом измерении, но прежде всего как социально-культурную практику, формирующуюся на пересечении государственной политики, идеологических установок, бытовых привычек и форм городского досуга.

Источниковую базу исследования составляют архивные документы, нормативно-правовые акты СССР, Закавказской СФСР и Советской Армении, материалы периодической печати 1920-х годов, а также художественные произведения.

Поскольку в период нэпа потребление пива было наиболее распространено в городах Ленинакан и Ереван, особую ценность представляют материалы фондов соответствующих уездных исполнительных комитетов, хранящиеся в Национальном архиве Армении [НАА, ф. 131; ф. 133]. Эти документы вводятся в научный оборот впервые. Они позволяют реконструировать условия и формы потребления пива в городской среде, а также систему государственного регулирования, направленную на контроль мест и времени реализации, формирование нормативных представлений о допустимом поведении и применение санкций за пьянство и асоциальные практики. Законодательство Советской Армении рассматривается как локализованная версия общесоюзного нормативного поля, адаптированная к социально-экономическим и культурным особенностям республики.

Методологически работа опирается также на элементы контент-анализа периодической печати и художественной литературы, а также на историко-сравнительный анализ, позволяющий сопоставить армянский материал с общесоюзным, прежде всего российским, контекстом нэпа.

CC BY

Важным источником являются материалы периодической печати Советской Армении 1920-х годов, отражающие практики потребления пива, формы городского досуга и публичные оценки пьянства. Наибольший интерес представляют публикации в ленинаканской газете «Банвор» и ереванских изданиях «Авангард» и «Советская Армения», позволяющие проследить официальную позицию властей, динамику общественных настроений и способы формирования представлений о социально приемлемом поведении в городской среде.

Существенным дополнением к официальным и публицистическим источникам служат художественные произведения армянских писателей 1920-х годов [Зорян, 1924; Радио, 1927; Григорян, 1927; Маари, 1962; Маари, 2004; Маари, 2009; Маари, 2016а; Маари, 2016б]. Литературные тексты рассматриваются как форма символического осмысления социальных процессов, передающая язык эпохи, эмоциональные реакции и моральные ориентиры, а их анализ позволяет выявить устойчивые образы и модели допустимого поведения, а также механизмы культурного и идеологического контроля.

Проблематика потребления алкоголя в годы нэпа получила достаточно широкое освещение в современной российской историографии. Основное внимание исследователей сосредоточено на крепких алкогольных напитках, прежде всего водке и самогоноварении, в контексте антиалкогольной политики, социальной дисциплины и экономических последствий запретительных мер [Такала, 2007; Данихно, 2006; Камардин, 2011; Панин, 2009; Сидорчук, 2025, Ильин, 2012; Котельников, 2016]. В ряде работ подчёркиваются укоренённость алкогольных практик в повседневной культуре и ограниченная эффективность административных методов регулирования, а также связь алкогольной политики с развитием теневой экономики и фискальными интересами государства [Комплеева, 2012].

Социальные и культурные аспекты пьянства рассматриваются также в исследованиях, посвящённых рабочему быту и городской культуре, где отмечается расширение круга потребителей и включённость алкогольных практик в повседневные и трудовые ритмы [Гатауллина, 2008; Орлов, 2024; Бочаров и др., 2025]. На этом фоне пиво длительное время оставалось на периферии научного интереса. В отдельных работах подчёркивается его особый статус как слабого алкоголя, рассматриваемого властью в качестве допустимой альтернативы крепким напиткам, а также анализируются пивные заведения как пространства городского досуга и неформального общения [Замостьянов, 2015; Кравцова, 2018; Шевченко и др., 2023; Петюкевич, 2024; Андреевский, 2008].

В исследованиях по истории Советской Армении небольшое внимание уделялось пивоварению как отрасли пищевой промышленности и из-

CC BY

менениям уровня жизни в годы нэпа [Воскерчян, 1966; Казахецян, 2006], а также трансформациям городской культуры и традиционного быта [Базеян и др., 2015; Нагапетян, 2019]. При этом практики потребления пива, их социальные значения и место в системе городской коммуникации и досуга не становились специальным предметом анализа.

Таким образом, несмотря на обширную литературу по истории алкоголя, городской культуры и социальной политики нэпа, тема потребления пива в Советской Армении еще не выступала предметом отдельного научного анализа. Настоящая статья направлена на восполнение данного пробела на основе комплексного анализа архивных, нормативных, публицистических и литературных источников.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Алкогольная реальность нэпа. Пиво как «безопасный» алкогольный напиток

Введение ограничений на продажу алкоголя в Российской империи в 1914 году нанесло серьёзный удар по отрасли. После Октябрьской революции и в годы «военного коммунизма» запрет сохранялся. Перелом наступил лишь в 1921 году, когда переход к новой экономической политике позволил частично легализовать торговлю спиртным. Продажа алкоголя могла обеспечить значительные поступления в бюджет молодой советской республики, находившейся в экономической блокаде и нуждавшейся в доходах для социалистического строительства, тем более что употребление спиртного оставалось неотъемлемой частью народной культуры и «культурно-антропологического процесса» [Камардин, 2011, с. 26]. К тому же, несмотря на запрет, производство алкоголя в годы «диктатуры трезвости» [Такала, 2007, с. 55] не прекратилось — оно ушло в тень. «Ножницы цен» между промышленными и сельскохозяйственными товарами делали для крестьян выгодным использование зерна для самогона. Самодельная водка служила средством досуга и обмена, но не приносила дохода государству [Комплеева, 2012, с. 722]. Для большевиков, связывавших пьянство с «наследием старого режима», отмена запрета требовала идеологического оправдания.

В начале 1920-х партийное руководство обсуждало, как совместить борьбу с алкоголизмом и бюджетные интересы. Сталин объяснял продажу спиртного как «наименьшее из зол»: отказ от водки не избавит от самогоноварения, а только приведёт к «самоотравлению» населения [Сталин, 1949, с. 232]. Лев Троцкий, выступив 12 июля 1923 года в «Правде», также отмечал, что пьянство препятствует культурному развитию рабочего класса, но признал торговлю алкоголем необходимым источником доходов [Троцкий, 1923, с. 2].

CC BY

В 1921 году декретом СНК была разрешена продажа населению виноградных и плодово-ягодных вин крепостью до 14°. В 1922—1923 годах была проведена первая государственная кампания по развитию пивоварения, однако одновременно повысились акцизы на спирт и пиво [Такала, 2007, с. 63]. 28 августа 1925 года ЦИК и Совнарком СССР разрешили продажу алкогольных напитков, установив государственную монополию на производство и реализацию [Собрание …, 1925, с. 795—797].

Отмена «сухого закона» вызвала рост бытового пьянства: застолье стало частью как праздничных, так и повседневных практик. В рабочей среде ежедневное употребление алкоголя воспринималось как обычное явление [Камардин, 2011, с. 27; Данихно, 2006, с. 59—60; Сидорчук, 2025, с. 39; Панин, 2009, с. 121]. В деревне, где ранее пьянство не было широко распространено, оно усилилось под влиянием демобилизованных солдат и городских рабочих. Современники отмечали, что к спиртному приобщались даже дети [Орлов, 2024, с. 240]. Пристрастие к алкоголю принимало угрожающие масштабы, превращаясь в «эпидемию поголовного пьянства» [Ильин, 2012, с. 47—48].

На этом фоне пиво стало рассматриваться как «наиболее безопасный» алкогольный напиток [Петюкевич, 2024, с. 377—378]. Такие попытки предпринимались и раннее, еще в период принятия «сухого закона», представляя пиво как безвредный напиток, противопоставленный водке и крепким спиртным [Шевченко и др., 2023, с. 527]. В условиях ориентации на западноевропейские традиции, особенно немецкие, где пивные были пространством рабочих дискуссий, советская власть воспринимала пиво как «цивилизованный» напиток, соответствующий образу культурного рабочего. В первые годы в пивных и трактирах иногда можно было увидеть портреты Маркса, Энгельса и Ленина [Замостьянов, 2015, с. 9].

В периодической печати появлялись рекламные объявления и корреспонденции из пивоваренных цехов, рассказы о жизни пивных. К рекламе пива привлекались известные писатели и художники, например, Маяковский и Родченко [Кравцова, 2018, с. 431]. Пивная воспринималась как мужское пространство общения, где, в отличие от рабочих столовых, царила атмосфера неформальности. Государство модернизировало пивоваренные заводы, контролировало производство и продажи, стремясь вписать сферу пивного потребления в регулируемую систему социалистической экономики и культуры. Примером удачной модернизации производства являлся Самарский пивной завод, арендаторы которого смогли возродить производство «Жигулевского» пива [Котельников, 2016, с. 25].

Аналогичные процессы происходили и в советизированной в декабре 1920 года Армении. Короткий опыт «военного коммунизма», вызвавший

CC BY

антибольшевистское восстание в феврале 1921 года, заставил власть перейти к более мягкой политике. С введением нэпа в мае 1921 года началось оживление хозяйственной жизни, развитие частного предпринимательства способствовало росту благосостояния населения [Казахецян, 2006, с. 218—222]. Активизация коснулась и производства алкогольных напитков.

Как и в других регионах СССР, в Армении алкоголь выполнял социальные функции — был средством досуга, общения, «веселья». Широко употреблялись вино и самогон, перегоняемый из фруктов и ягод. Пиво, известное в Армении с древности, в конце XIX века получило распространение прежде всего в Александраполе (позднее Ленинакане), где открылись пивные заведения. Старшее поколение относилось к ним настороженно, считая их «сбивающими молодёжь с пути» и насаждающими пьянство [Базеян и др., 2015, с. 81; Нагапетян, 2019, с. 196].

В годы нэпа (1921—1929) началась национализация и возобновление работы пивоваренных предприятий, существовавших до советизации Армении. Из трёх пивоваренных заводов возобновили работу лишь два, и то не в полную мощность [Воскерчян, 1966, с. 134]. В июне 1923 года заработал завод в Александраполе, а в июле 1924 года — Ереванский пивоваренный завод. Эти города стали центрами пивоварения Советской Армении.

3.2. Пиво как элемент городской повседневности в период нэпа

В городах пивные и павильоны становились не только местами продажи напитков, но и пространствами досуга и общения. Здесь обсуждали новости, рабочие вопросы и политические события, но нередко рядом с ними было небезопасно пройти, поскольку вокруг таких мест собирался «хулиганствующий элемент» [Бочаров и др., 2025, с. 92].

В первые годы нэпа в Армении пиво оставалось дорогим напитком: высокий акциз делал его недоступным для большинства населения. Тем не менее рабочие стремились позволить себе кружку пива хотя бы в «зарплатные дни», превращавшиеся в небольшие коллективные праздники. Несмотря на обязательные отчисления в профсоюзы, комсомол, МОПР и подписку на прессу, рабочие находили возможность собраться в пивных и пообщаться [Радио, 1927, с. 3]. Пиво подавалось в пивных, ресторанах, клубах и летних павильонах, а также в киосках и буфетах. Особенно популярным оно было в Ереване и Ленинакане.

Столица Советской Армении представляла собой сплав восточного и западного укладов, где пиво становилось частью новой городской культуры. Старый быт сохранялся в чайханах на берегах Гетара, в Конде и на Базаре, где звучали нарды и журчали арыки. Новый же проявлялся в рабочих клубах, столовых, бильярдных, светлых зданиях и новых формах досуга —

CC BY

игре в шашки и шахматы [Григорян, 1927, с. 3]. На ереванском Бульваре действовала частная пивная «Нагасаки» — небольшое, но популярное заведение, где по вечерам зажигались «неяркие электрические огни». Оно славилось своим ленинаканским «Бархатным» пивом. В пивной подавали только пиво и фисташки; рядом на Бульваре работал павильон, где продавали кофе и пиво [Маари, 1962, с. 456; Маари, 2016б, с. 229, 361, 542]. Существование подобных заведений отражало относительную свободу экономических инициатив периода нэпа, когда частные предприятия сосуществовали с государственными, создавая новые места для общения и отдыха. Недалеко находился квартал Гантар — базарная площадь, где можно было отведать ванский *жажик* и ереванский *тжвжик* — популярные мясные блюда армянской кухни. На берегу Раздана было заведение, где пиво охлаждали прямо в реке. В буфете у железнодорожного вокзала пиво спасало пассажиров от летней жары, а в кафе на улице Абовяна формировалась новая культура городского досуга. Однако обстановка в большинстве пивных точек оставалась далека от идеальной: там почти всегда царил шум, толкотня, слышались ругательства и нередко происходили драки [Маари, 1962, с. 153; Маари, 2016а, с. 133—134; Маари, 2016б, с. 214, 226—227].

Ленинакан к тому времени превращался в промышленный город. Здесь действовали несколько первоклассных кафе и пивных. Писатель описывал город так: «В Ленинакане есть множество прекрасных мест, которых нет даже в Ереване… имеется пивоваренный завод, пиво которого, как отличное и известное, вывозится в Тифлис, Ереван и другие города» [Зорян, 1924, с. 3].

Предприниматели, пользуясь частичной свободой нэпа, прибегали к разным приёмам для увеличения продаж. В России тех лет на стенах некоторых пивных можно было увидеть рекламную надпись: «Пейте пиво, господа — пиво лучше, чем вода» [Андреевский, 2008, с. 375]. Похожие тенденции наблюдались и в Армении. Один владелец в Ленинакане назвал свою точку продажи пива «Рабочий уголок» [Демджян, 1924, с. 3], стремясь придать заведению «социально одобряемый» облик.

В рабочих клубах, чтобы привлечь посетителей, устанавливали нарды, шахматы, а чаще — бильярд. Формально клубы предназначались для культурно-политического воспитания рабочих, но часто превращались в места отдыха. Пресса иронизировала, что читальные залы в них «обречены оставаться закрытыми» [Анкез, 1928, с. 2]. В некоторых клубах подавали пиво, и они становились частью общей досуговой среды.

Газеты критиковали засилье частников, отмечая, что рабочие «оставляют свою зарплату в их заведениях», и предлагали открывать при фабри-

CC BY

ках «красные столовые». В таких столовых продавалось и пиво: например, с 13 июля 1924 года в заведении при Первом советском доме местного хозяйства Ленинакана [Советская столовая ..., 1924, с. 4]. Однако качество этих заведений было неоднородным: рядом с опрятными встречались тёмные и грязные помещения, вызывавшие недовольство посетителей и местных властей [Орбелян, 2018, с. 110]. Кооперативные магазины также подвергались критике: вместо хлеба и круп в них часто продавали пиво и табак — товары, приносящие прибыль [Л., 1928, с. 4].

В частных столовых нередко играли струнные оркестры, создавая атмосферу городского уюта. Зажиточные посетители заказывали бифштексы и шашлык, запивая их пивом. Кооперативные столовые, напротив, отличались бедным ассортиментом и низкой культурой обслуживания. Продукты здесь продавались по сравнительно высоким ценам: кружка пива стоила дороже, порции обедов были небольшими, а ассортимент — ограниченным [Как нас кормят …, 1929, с. 2; Сарян, 1928, с. 7].

Рост спроса на пиво вызывал повышение цен. Для стабилизации ситуации 29 декабря 1926 года управляющий ленинаканским трестом «Арарат» установил фиксированные расценки: ведро «столового» — 4 р. 50 к., «Экспорт» — 5 р., «Пльзенского» — 5 р. 50 к., «Бархатного» — 6 р. [НАА, ф. 131, оп. 3, д. 687, л. 21]. Постановлением от 10 июля 1928 года были определены предельные цены: бутылка «Баварского» — 28 к., «Экспорта» — 30 к., лимонада — 10 к. Нарушителей ожидала судебная ответственность, но магазины нередко продавали пиво дороже — по 35—45 копеек [Ваге, 1928, с. 4].

Ленинаканское пиво пользовалось спросом не только в республике, оно поставлялось в Тифлис, Баку, Гянджу, Ахалкалаки, Нахичевань и другие города Закавказья. Однако завод не всегда справлялся с растущим спросом: не хватало средств и кадров, заказы выполнялись за счёт сверхурочной работы [НАА, ф. 131, оп. 3, д. 687, л. 16—17; д. 718, л. 149, 156—157].

К Армении вполне применимы выводы одного из российских исследователей о широком распространении пива: «В пивных мужчины согревали свои души, отдыхали от неудобств цехов, коммунальных квартир и общежитий, от грубости начальства и сварливости жён, от крика упрямых и ненасытных детей». Здесь душевное напряжение спадало, и становилось возможным выдержать ещё один беспокойный день, однообразную жизнь — с надеждой на то, что вечером они снова окажутся в кругу «пивного братства» [Андреевский, 2008, с. 372].

Таким образом, в годы нэпа пиво стало неотъемлемой частью повседневной жизни городов Армении. Среди молодёжи оно воспринималось как признак современности и прогрессивности.

CC BY

3.3. Государственная политика регулирования питьевого поведения и борьбы с пьянством

В годы нэпа потребление алкоголя в СССР достигло значительных масштабов, что с 1923 года вызвало необходимость систематической борьбы с пьянством различными методами. Активизация пивного рынка рассматривалась как одна из стратегий этой борьбы, однако она не принесла ожидаемых результатов. Кампания велась через ценовую политику, моральное осуждение, деятельность товарищеских судов и иные формы общественного контроля, но её неудачи объяснялись внутренней противоречивостью. В отношении пива наблюдалась двойственность: с одной стороны, пресса отмечала рост производства и продаж, с другой — осуждала пьянство. Алкоголизм рассматривался как «пережиток старого быта» — наряду с жертвоприношениями, паломничеством и суевериями [Акопян, 1929, с. 7; Жизнь в …, 1930, с. 16—17].

В 1924 году городские власти Еревана и Ленинакана приняли постановления, ограничивавшие время продажи спиртных напитков и работу заведений. В Ереване подвалы, где продавали алкоголь, могли работать с 8:00 до 16:30, а клубные и кооперативные столовые — с 5:00 до 1:00 ночи [НАА, ф. 133, оп. 1, д. 2107, л. 66]. В Ленинакане рестораны, где реализовывалось спиртное, открывались с 10:00 до 24:00, чайные без алкоголя — с 6:00 до 22:00 [О открытии …, 1924, с. 4].

Несмотря на значительное потребление спиртного, в Армении не наблюдалось массового алкоголизма. Газета «Банвор» писала: «Вряд ли кто-либо станет отрицать сравнительную трезвость Армении» [Статистик, 1927, с. 2]. Борьба с алкоголизмом в Армении являлась, скорее, данью общесоюзной кампании. За пьянство рабочих могли исключить из комсомола, поскольку «сынам Вакха» не было места в нем, или наложить штраф. Комсомольская ячейка села Кулиджан, например, штрафовала пьяниц на 30 фунтов пшеницы «в поддержку германского пролетариата» [Налбандян, 1923, с. 4; Что …, 1924, с. 4].

Официальная пропаганда связывала пьянство с «пережитками царизма» и политикой дашнаков (Армянской революционной федерации, руководившей Республикой Армения в 1918—1920 годах), а в годы нэпа — с частным предпринимательством. Решением считалось просвещение населения, организация культурного досуга. Рабочие клубы и читальни должны были формировать «новый быт», противопоставленный царским трактирам, где рабочих, с юных лет пребывавших «в невежестве и мраке», «приучали к вину и водке» [Укрепим …, 1923, с. 4].

В печати активно пропагандировался отказ от алкоголя: подчеркивалось, что рабочие «растрачивают заработанное горьким потом» на напи-

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(3), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

ток, губящий их физически и морально. Газета «Банвор» описывала, как до революции рабочие станции Санаин «шли в питейные за мостом», тогда как при советской власти на их месте появились библиотеки и читальни. Однако на деле пьянство сохранялось: рабочие станции продолжали покупать алкоголь у кооперативов и «спекулянтов-кулаков» [Тотолян, 1924, с. 3; Мнацаканян, 1924, с. 3].

Постепенно формировался особый дискурс контроля — над поведением, речью и эмоциями. Особенно это касалось интеллигенции и поэтов, в чьих произведениях алкоголь нередко выражал радость жизни или духовный кризис. С точки зрения идеологии такие мотивы считались неприемлемыми. «Нэповское пиво» воспринималось как символ вольнодумства и западных влияний. Так, стихотворение Гургена Маари «Гюмри» (1924) вызвало обвинения в «босячестве» и «интеллигентщине»:

Я пришёл забрать твоё сердце — с бокалом пива,
Свою песню в твою вплести — с бокалом пива.
О, ты, город открытый, пьяный, весёлый, пыльный, голодный,
Выпей за моё возвращение — с бокалом пива [Маари, 2004, с. 13].

Его поэтика перекликалась с короткими куплетами российской городской среды:

Ленинград — город большой,
В каждом доме — по пивной...
«Красная Бавария» –
Всё для пролетария [Андреевский, с. 373].

Маари был исключён из Союза пролетарских писателей Армении, поскольку членом организации мог быть лишь тот, кто «стоит на позициях пролетарской литературы». От писателя ожидалось отражение «строительства социализма», а не воспевание пива и праздности [Маари, 2009, с. 587, 791, 796—797]. Этот случай стал показателем давления на литературу: в дальнейшем свободные и ироничные интонации уступили место идеологически выдержанной поэтике.

Одновременно власти пытались повышать санитарно-гигиеническую грамотность населения. В прессе разъяснялось, что существуют напитки с высокой концентрацией «алкогольного яда» (водка, коньяк) и менее вредные (вино, пиво), однако рекомендовалось воздерживаться и от них. Газета «Ашхатанк» связывала пивные с распространением туберкулёза: «Те, кто предпочитает трактиры и пивные клубам и читальням, распространяют болезнь вокруг себя» [Белорусский, 1925, с. 17]. Особое внимание уделялось воспитанию детей: в стихотворении от лица ребёнка звучал призыв: «Не давай мне вино, пиво, водку, коньяк и кофе — я хочу быть здоровым» [Если бы я умел говорить …, 1924, с. 34].

CC BY

К концу нэпа в армянской прессе всё чаще публиковались сообщения о борьбе с пьянством в России, где закрывались пивные и винные заведения [Организуем …, 1929, с. 4; Пролетариат …, 1928, с. 1]. Центральный исполнительный комитет Закавказской Федерации 11 января 1928 года принял постановление об усилении борьбы с самогоноварением: за изготовление и продажу самогона устанавливался штраф до 500 рублей [Собрание …, 1928, с. 34—35]. 15 марта 1930 года было запрещено продавать крепкие напитки в железнодорожных буфетах и магазинах, допуская лишь вина и пиво крепостью до 14° [Собрание …, 1930, с. 182].

Таким образом, антиалкогольная политика, проводившаяся в СССР, в завершающий период нэпа получила конкретные формы и в Советской Армении, сочетая общесоюзные установки с местными проявлениями.

4. Заключение = Conclusions

Политика советской власти в отношении алкоголя в годы новой экономической политики носила противоречивый характер, сочетая идеологическое неприятие пьянства с прагматическими экономическими интересами государства. Отмена «сухого закона» и восстановление государственной монополии на производство и продажу спиртных напитков были продиктованы прежде всего бюджетными соображениями и стремлением вывести алкогольное производство из теневого сектора. В этих условиях пиво рассматривалось как менее вредный напиток и в определённой степени легитимировалось государством. В Советской Армении это отражалось как в восстановлении дореволюционных пивоваренных предприятий, так и в функционировании сети пивных заведений, сконцентрированных главным образом в Ленинакане и Ереване. Пивные заведения в городах Советской Армении выполняли не только экономическую, но и социальную функцию. Они становились пространствами общения, отдыха после рабочего дня и неформальной социализации, прежде всего в среде рабочих и служащих. Подобные формы досуга отражали влияние нэповской либерализации. Пивные, кафе, клубы и столовые выступали пространствами, где пересекались различные социальные группы — рабочие, служащие, ремесленники, мелкие предприниматели, — а само потребление пива приобретало значение ритуала коллективного отдыха, особенно в «зарплатные дни».

Потребление пива отражало противоречивый характер нэповской модернизации. С одной стороны, пиво воспринималось как «цивилизованный» и сравнительно мягкий напиток, ассоциированный с городским образом жизни и европейскими пролетарскими практиками досуга. С другой стороны, повседневная реальность пивных вызывала критику со стороны прессы и властей. Пьянство и связанные с ним формы городского досуга

воспринимались как угроза формированию «нового человека». В Советской Армении отсутствие массового алкоголизма делало антиалкогольные меры менее жёсткими, однако не отменяло стремления власти к нормативному регулированию повседневного поведения.

Особое значение имел культурный аспект контроля над пивной повседневностью. Упоминания пива, пивных и связанных с ними образов в литературе и публицистике становились объектом критики как проявления нэповской вольности и «чуждых» быту советского человека форм поведения. Ограничения времени торговли, дисциплинарные меры в отношении рабочих и комсомольцев, а также пропаганда трезвости служили прежде всего инструментами морального и социального контроля.

В целом пивная повседневность в Советской Армении 1920-х годов выступает показателем границ допустимого в советском обществе периода нэпа. Она отражает напряжённое сосуществование элементов экономической свободы и усиливающегося идеологического контроля, характерное для конца 1920-х годов. Исследование данной темы позволяет по-новому осмыслить повседневную историю Советской Армении, дополнив представления о социальной структуре, культуре досуга и механизмах советской регуляции быта в период перехода от нэповской модели к более жёсткой системе управления.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Акопян А.* Против алкоголизма и религии / А. Акопян // Анаствац (Безбожник) : [журнал]. — 1929. — № 10. — С. 7—9. (На арм. яз.). [*Հակոբյան Ա.* Ալկոհոլիզմի և կրոնի դեմ / Ա. Հակոբյան // Անաստված : [ամսագիր]. — 1929. — № 10. — էջ 7–9].

2. *Анкез Н.* Клуб / Н. Анкез // Банвор (Рабочий) : [газета]. — 1928. — № 50. — С. 3. (На арм. яз.). [*Անկեզ Ն.* Ակումբը / Ն. Անկեզ // Բանվոր : [թերթ]. — 1928. — № 50. — էջ 3].

3. *Белорусский Я.* Туберкулёз и методы борьбы с ним / Я. Белорусский // Ашхатанк (Труд) : [газета]. — 1925. — № 12—13. — С. 8—20. (На арм. яз.). [*Բելոռուսկի Յա.* Տուբերկուլյոզը և նրա դեմ պայքարելու միջոցները / Յա. Բելոռուսկի // Աշխատանք : [թերթ]. — 1925. — № 12—13. — էջ 8—20].

4. *Ваге.* Обязательное постановление не применяется / Ваге // Банвор (Рабочий) : [газета]. — 1928. — № 81. — С. 4. (На арм. яз.) [*Վահե.* Պարտադիր որոշումը չի կիրառվում / Վահե // Բանվոր : [թերթ]. — 1928. — № 81. — էջ 4].

5. *Григорян А.* Красный квадрат / А. Григорян // Авангард : [газета]. — 1927. — № 3. — С. 3. (На арм. яз.). [*Գրիգորյան Ա.* Կարմիր քառակուսին / Ա. Գրիգորյան // Ավանգարդ : [թերթ]. — 1927. — № 3. — էջ 3].

6. *Демджян Г.* Несколько слов о «Рабочем уголке», где продаётся пиво / Г. Демджян // Банвор (Рабочий) : [газета]. — 1924. — № 187. — С. 3. (На арм. яз.) [*Դեմջյան Հ.* Մի քանի խոսք «Բանվորական անկյան» մասին, որտեղ ծախվում է գարեջուր / Հ. Դեմջյան // Բանվոր : [թերթ]. — 1924. — № 187. — էջ 3].

7. *Если* бы я умел говорить, я бы сказал ... // Айастани ашхатаворуи (Работница Армении) : [журнал]. — 1924. — № 1. — С. 34. (На арм. яз.). [Եթե ես խոսել իմանայի՛, կասեի թե՛ ... // Հայաստանի աշխատավորուհի : [ամսագիր]. — 1924. — № 1. — էջ 34].

8. *Жизнь* в ячейках СВБ // Анаствац (Безбожник) : [журнал]. — 1930. — № 12. — С. 16—17. (На арм. яз.). [Կյանքը ՄԱՄ բջիջներում // Անաստված : [ամսագիր]. — 1930. — № 12. — էջ 16–17].

9. *Замостьянов А.* Страна мечтателей, страна учёных ... / А. Замостьянов // Литературная газета : [газета]. — 2015. — № 22 (6511). — С. 9.

10. *Зорян С.* Пять дней в Ленинакане / С. Зорян // Хорурдаин Айастан (Советская Армения) : [газета]. — 1924. — № 199. — С. 2—3. (На арм. яз.). [*Զորյան Ս.* Հինգ օր Լենինականում / Ս. Զորյան // Խորհրդային Հայաստան : [թերթ]. — 1924. — № 199. — էջ 2–3].

11. *Как* нас кормят кооперативные столовые // Авангард : [газета]. — 1929. — № 70. — С. 2. (На арм. яз.). [Ինչպես են մեզ կերակրում կոոպերատիվ ճաշարանները // Ավանգարդ : [թերթ]. — 1929. — № 70. — էջ 2].

12. *Л.* Недостатки сельской потребительской кооперации / Л. // Банвор (Рабочий) : [газета]. — 1928. — № 97. — С. 4. (На арм. яз.). [*Լ.* Գյուղի սպառողական կոոպերացիայի բացերից / Լ. // Բանվոր : [թերթ]. — 1928. — № 97. — էջ 4].

13. *Маари Г.* Звук тишины / Г. Маари. — Ереван : Айпетрат, 1962. — 574 с. (На арм. яз.). [*Մահարի Գ.* Լռության ձայնը / Գ. Մահարի. — Երևան : Հայպետհրատ, 1962. — 574 էջ].

14. *Маари Г.* Неличное / Г. Маари. — Ереван : Аполон, 2004. — 80 с. — ISBN 99930-54-40-2. (На арм. яз.). [*Մահարի Գ.* Անանձնական / Գ. Մահարի. — Երևան : Ապոլոն, 2004. — 80 էջ].

15. *Маари Г.* Сибирское / Г. Маари. — Ереван : Издательство ЕГУ, 2009. — 848 с. — ISBN 578-5-8084-1145-6. (На арм. яз.). [*Մահարի Գ.* Սիբիրական / Գ. Մահարի. — Երևան : ԵՊՀ հրատ., 2009. — 848 էջ].

16. *Маари Г.* Полное собрание сочинений / Г. Маари. — Ереван : Антарес, 2016. — Т. 7. — 496 с. — ISBN 978-9939-51-858-9. (На арм. яз.). [*Մահարի Գ.* Երկերի լիակատար ժողովածու / Գ. Մահարի. — Երևան : Անտարես, 2016. — Հատոր 7. — 496 էջ].

17. *Маари Г.* Полное собрание сочинений / Г. Маари. — Ереван : Антарес, 2016. — Т. 9. — 608 с. — ISBN 978-9939-51-865-7. (На арм. яз.). [*Մահարի Գ.* Երկերի լիակատար ժողովածու / Գ. Մահարի. — Երևան : Անտարես, 2016. — Հատոր 9. — 608 էջ].

18. *Мнацаканян А.* Нужно положить конец. Письмо со станции Санаин / А. Мнацаканян // Банвор (Рабочий) : [газета]. — 1924. — № 133. — С. 3. (На арм. яз.). [*Մնացականյան Ա.* Պետք է վերջ տալ. նամակ Սանահին կայարանից / Ա. Մնացականյան // Բանվոր : [թերթ]. — 1924. — № 133. — էջ 3].

19. НАА — *Национальный* архив Армении. Ф. 131 (Ленинканский городской-уездный исполнительный комитет депутатов рабочих, крестьян и красноармейцев ССРА). Оп. 3. Д. 687, 718; Ф. 133 (Ереванский городской-уездный исполнительный комитет депутатов рабочих, крестьян и красноармейцев ССРА). Оп. 1. Д. 2107.

20. *Налбандян Б.* Очистим наши ряды от пьяниц / Б. Налбандян // Банвор (Рабочий) : [газета]. — 1923. — № 50. — С. 4. (На арм. яз.). [*Նալբանդյան Բ.* Հարբեցողներին մաքրենք մեր շարքերից / Բ. Նալբանդյան // Բանվոր : [թերթ]. — 1923. — № 50. — էջ 4].

21. *Об открытии* и закрытии торгово-промышленных предприятий в пределах города Ленинакана // Банвор (Рабочий) : [газета]. — 1924. — № 160. — С. 4. (На арм. яз.). [Լենինական քաղաքի սահմաններում գործող առևտրա-արդյունաբերական ձեռնարկների բացման ու փակման մասին // Բանվոր : [թերթ]. — 1924. — № 160. — էջ 4].

22. *Организуем* общества по борьбе с пьянством // Авангард : [газета]. — 1929. — № 5. — С. 4. (На арм. яз.). [Կազմակերպենք հարբեցողության դեմ պայքարող ընկերություններ // Ավանգարդ : [թերթ]. — 1929. — № 5. — էջ 4].

23. *Пролетариат* Ленинграда против пьянства // Банвор (Рабочий) : [газета]. — 1928. — № 85. — С. 1. (На арм. яз.). [Լենինգրադի պրոլետարիատը հարբեցողության դեմ // Բանվոր : [թերթ]. — 1928. — № 85. — էջ 1].

24. *Радио Х.* Кровавый носовой платок (Из дневника молодого рабочего) / Х. Радио // Авангард : [газета]. — 1927. — № 70. — С. 3. (На арм. яз.). [*Ռադիո Խ.* Արնոտ թաշկինակը (Երիտասարդ բանվորի օրագրից) / Խ. Ռադիո // Ավանգարդ : [թերթ]. — 1927. — № 70. — էջ 3].

25. *Сарян Г.* Чужой человек / Г. Сарян // Банвор (Рабочий) : [газета]. — 1928. — № 117. — С. 7. (На арм. яз.). [*Սարյան Գ.* Օտար մարդը / Գ. Սարյան // Բանվոր : [թերթ]. — 1928. — № 117. — էջ 7].

26. *Собрание* законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. — 1925. — Отдел I. — № 57.

27. *Собрание* узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства ЗСФСР. — 1928. — Отдел I. — № 2 ; 1930. — Отдел I. — № 6.

28. *Советская* столовая // Хорурдаин Айастан (Советская Армения) : [газета]. — 1924. — № 186. — С. 4. (На арм. яз.). [Խորհրդային ճաշարան // Խորհրդային Հայաստան : [թերթ]. — 1924. — № 186. — էջ 4].

29. *Сталин И. В.* Сочинения / И. Сталин. — Москва : Госполитиздат, 1949. — Т. 10. — 399 с.

30. *Статистик.* Рост сельского населения Закавказья / Статистик // Банвор (Рабочий) : [газета]. — 1927. — № 97. — С. 2. (На арм. яз.). [*Վիճակագրող.* Անդրկովկասի գյուղական ազգաբնակչության աճումը / Վիճակագրող // Բանվոր : [թերթ]. — 1927. — № 97. — էջ 2].

31. *Тотолян А.* На станции Санаин / А. Тотолян // Банвор (Рабочий) : [газета]. — 1924. — № 112. — С. 3. (На арм. яз.). [*Թոթոլյան Ա.* Սանահին կայարանում / Ա. Թոթոլյան // Բանվոր : [թերթ]. — 1924. — № 112. — էջ 3].

32. *Троцкий Л.* Водка, церковь и кинематограф / Л. Троцкий // Правда : [газета]. — 1923. — № 154. — С. 2.

33. *Укрепим* молодежную секцию // Банвор (Рабочий) : [газета]. — 1923. — № 73. — С. 4. (На арм. яз.). [Ուժեղացնենք երիտասարդական սեկցիան Укрепим молодежную секцию // Բանվոր : [թերթ]. — 1923. — № 73. — էջ 4].

34. *Что делают* ячейки // Банвор (Рабочий) : [газета]. — 1924. — № 124. — С. 4. (На арм. яз.). [Ինչ են անում բջիջները // Բանվոր : [թերթ]. — 1924. — № 124. — էջ 4].

Литература

1. *Андреевский Г. В.* Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху. 1920—1930-е годы / Г. В. Андреевский. — Москва : Молодая гвардия, 2008. — 555 с. — ISBN 978-5-235-03123-4.

2. *Базеян К.* Александрапольские : этнографические эскизы / К. Базеян, Г. Аганян // Археологические и историко-этнографические исследования Ширака 2. — Ереван–

Гюмри : Издательство «Гитутюн» НАН РА, 2015. — С. 5—117. — ISBN 978-5-8080-1135-9. (На арм. яз.). [*Բագեյան Կ.* Ալեքսանդրապոլ: Ազգագրական էսքիզներ / Կ. Բագեյան, Գ. Աղանյան // Շիրակի հնագիտական և պատմազգագրական ուսումնասիրություններ 2. — Երևան–Գյումրի : ՀՀ ԳԱԱ «Գիտություն» հրատ., 2015. — էջ 5–117].

3. *Бочаров А. А.* Маргинально-криминальные аспекты повседневной жизни Петрограда первой половины 1920-х годов в повести В. Каверина «Конец хазы» и связанном с ней фильме «Чертово колесо» / А. А. Бочаров, И. В. Аладышкин // Клио. — 2025. — № 9. — С. 89—95. — DOI: 10.24412/2070-9773-2025-9225-89-95.

4. *Воскерчян П. Т.* Промышленность Советской Армении (1920—1940) / П. Т. Воскерчян. — Ереван : Айастан, 1966. — 184 с. (На арм. яз.). [*Ոսկերչյան Պ. Տ.* Սովետական Հայաստանի արդյունաբերությունը (1920—1940) / Պ. Տ. Ոսկերչյան. — Երևան : Հայաստան, 1966. — 184 էջ].

5. *Гатауллина И. А.* Городская повседневность Среднего Поволжья в 1920-е гг. / И. А. Гатауллина // Известия Алтайского государственного университета. Серия История. — 2008. — № 4/3. — С. 52—61.

6. *Данихно С. Н.* Пьянство как социальная болезнь промышленных рабочих юго-востока России в период НЭПа / С. Н. Данихно // Известия вузов. Северо-кавказский регион. Общественные науки. Приложение. — 2006. — № 10. — С. 59—64.

7. *Ильин Ю. А.* Рядовой обыватель провинции эпохи НЭПа : негативные стороны повседневной жизни / Ю. А. Ильин // Вестник Ивановского государственного университета. Гуманитарные науки. — 2012. — № 4. — С. 47—53.

8. *Казахецян В. Н.* Армения в 1920—1940 гг. / В. Н. Казахецян. — Ереван : Институт истории, 2006. — 564 с. — ISBN 99941-991-2-9. (На арм. яз.). [*Ղազախեցյան Վ. Ն.* Հայաստանը 1920–1940 թթ. / Վ. Ն. Ղազախեցյան. — Երևան : Պատմության ինստիտուտ, 2006. — 564 էջ].

9. *Камардин И. Н.* Пьянство среди рабочих Поволжья в период НЭПа / И. Н. Камардин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. — 2011. — № 4 (20). — С. 26—33.

10. *Комплеева Л. Ю.* Культура потребления алкоголя в средневолжской деревне в период НЭПа / Л. Ю. Комплеева // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. — 2012. — № 27. — С. 722—724.

11. *Котельников А. С.* Развитие частного предпринимательства в середине 1920-х гг. : особенности развития и причины крушения (на материалах Нижнего Поволжья) / А. С. Котельников // Каспийский регион : политика, экономика, культура. — 2016. — № 2 (47). — С. 26—32.

12. *Кравцова Л. П.* «Дайте народу пиво» : о советской рекламе алкогольного рынка (лингвокультурологический аспект) / Л. П. Кравцова // Медиалингвистика. — 2018. — Т. 5. — № 4. — С. 424—435. — DOI: 10.21638/spbu22.2018.403.

13. *Нагапетян Р.* Об этнокультурном характере армянского традиционного блюда / Р. Нагапетян // Историко-филологический журнал. — 2019. — № 2. — С. 175—199. (На арм. яз.). [*Նահապետյան Ռ.* Հայոց ավանդական ուտեստի էթնոմշակութային բնութագրության շուրջ / Ռ. Նահապետյան // Պատմա-բանասիրական հանդես. — 2019. — № 2. — էջ 175–199].

14. *Орбелян Г.* Развлекательные заведения старого и нового Еревана / Г. Орбелян // Ереван–5. Сборник научных статей. — Ереван : Музей истории города Еревана, 2018. — С. 102—122. (На арм. яз.). [*Օրբելյան Գ.* Հին ու նոր Երևանի ժամանցի վայրերը / Գ.

Օրբելյան // Երևան–5. Գիտական հոդվածների ժողովածու. — Երևան : Երևան քաղաքի պատմության թանգարան, 2018. — էջ 102–122].

15. *Орлов И. Б.* Советская повседневность : исторический и социологический аспекты становления / И. Б. Орлов. — Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2024. — 317 с. — ISBN 978-5-7598-2959-1.

16. *Панин С. Е.* «Пьяная» преступность в России в 1920-е гг. / С. Е. Панин // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. — 2009. — Т. 11. — № 2. — С. 121—126.

17. *Петюкевич Т. В.* «Губит людей не пиво…» : борьба с пьянством в БССР в период НЭПа (1921—1928) / Т. В. Петюкевич // Пичетовские чтения — 2024. История : наука, образование, память. — Минск : БГУ, 2024. — С. 376—381. — ISBN 978-985-881-715-2.

18. *Сидорчук И. В.* Пьянство в Советской России 1920-х гг. : совокупность причин главной социальной девиации эпохи / И. В. Сидорчук // История : факты и символы. — 2025. — № 1 (42). — С. 36—53. — DOI: 10.24888/2410-4205-2025-42-1-36-53.

19. *Такала И.* «За трезвый быт!» : Алкогольная политика советского государства в 1920-е годы / И. Такала // The NEP Era : Soviet Russia 1921—1928. — 2007. — № 1. — С. 55—88.

20. *Шевченко И. А.* Борьба за трезвость в России начала XX века : дискуссия вокруг слабо-алкогольных напитков / И. А. Шевченко, Л. И. Земцов // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 9. — С. 517—532. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-517-532.

Статья поступила в редакцию 23.10.2025,
одобрена после рецензирования 11.01.2026,
подготовлена к публикации 09.04.2026.

Material resources

About the opening and closing of commercial and industrial enterprises within the city of Leninakan. (1924). *Banvor (Worker): [newspaper], 160:* P. 4. (In Armen.).

Ankez, N. (1928). Club. *Banvor (Worker): [newspaper], 50:* P. 3. (In Armen.).

Belorussky, Ya. (1925). Tuberculosis and methods of combating it. *Ashkhatank (Trud): [newspaper], 12—13:* 8—20. (In Armen.).

Collection of laws and regulations of the Worker's and Peasant's Government of the USSR, 57. (1925). (In Russ.).

Collection of Laws and Regulations of the Worker's and Peasant's Government of the Soviet Socialist Republic, 2, 6. (1928, 1930). (In Russ.).

Demjian, G. (1924). A few words about the "Working corner" where beer is sold. *Banvor (Worker): [newspaper], 187:* P. 3. (In Armen.).

Grigoryan, A. (1927). Krasny kvadrat. *Avangard: [newspaper], 3:* P. 3. (In Armen.).

Hakobyan, A. (1929). Against alcoholism and religion. *Anastvac (The Godless): [magazine], 10:* 7—9. (In Armen.).

How cooperative canteens feed us. (1929). *Avangard: [newspaper], 70:* P. 2. (In Armen.).

If I could speak, I would say ... (1924). *Hayastani ashkhatavorui (Armenian Worker): [magazine], 1:* P. 34. (In Armen.).

L. (1928). The disadvantages of rural consumer cooperation. *Banvor (Worker): [newspaper], 97:* P. 4. (In Armen.).

Let's strengthen the youth section. (1923). *Banvor (Worker): [newspaper], 73:* P. 4. (In Armen.).

Life in the cells of the SVB. (1930). *Anastvats (Atheist): [journal], 12:* 16—17. (In Armen.).
Maari, G. (2016). *Complete works, 7.* Yerevan: Antares. 496 p. ISBN 978-9939-51-858-9. (In Armen.).
Maari, G. (2016). *Complete works, 9.* Yerevan: Antares. 608 p. ISBN 978-9939-51-865-7. (In Armen.).
Maari, G. (2004). *Non-personal.* Yerevan: Apolon. 80 p. ISBN 99930-54-40-2. (In Armen.).
Maari, G. (1962). *The sound of silence.* Yerevan: Aypetrat. 574 p. (In Armen.).
Maari, G. (2009). *Sibirskoe.* Yerevan: YSU Publishing House. 848 p. ISBN 578-5-8084-1145-6. (In Armen.).
Mnatsakanyan, A. (1924). It is necessary to put an end. Letter from Sanahin station. *Banvor (Worker): [newspaper], 133:* P. 3. (In Armen.).
NAA — *National Archives of Armenia. F. 131 (Leninkansky city-county Executive Committee of deputies of workers, peasants and Red Army soldiers of the SSR). Op. 3. 687, 718; F. 133 (Yerevan City-County Executive Committee of Deputies of Workers, Peasants and Red Army Soldiers of the SSR). Op. 1. 2107.* (In Russ.).
Nalbandian, B. (1923). Let's clear our ranks of drunkards. *Banvor (Worker): [newspaper], 50:* P. 4. (In Armen.).
Radio, X. (1927). The bloody handkerchief (From the diary of a young worker). *Avangard: [newspaper], 70:* P. 3. (In Armen.).
Saryan, G. (1928). A stranger. *Banvor (Worker): [newspaper], 117:* P. 7. (In Armen.).
Stalin, I. V. (1949). *Essays, 10.* Moscow: Gospolitizdat. 399 p. (In Russ.).
Statistik. (1927). The growth of the rural population of Transcaucasia. *Banvor (Worker): [newspaper], 97:* P. 2. (In Armen.).
The Proletariat of Leningrad against drunkenness. (1928). *Banvor (Worker): [newspaper], 85:* P. 1. (In Armen.).
The Soviet canteen. (1924). *Khorordain Hayastan (Soviet Armenia): [newspaper], 186:* P. 4. (In Armen.).
Totolyan, A. (1924). At Sanahin station. *Banvor (Worker): [newspaper], 112:* P. 3. (In Armen.).
Trotsky, L. (1923). Vodka, church and cinema. *Pravda: [newspaper], 154:* P. 2. (In Russ.).
Vahe. (1928). The mandatory resolution does not apply. *Banvor (Worker): [newspaper], 81:* P. 4. (In Armen.).
We organize societies to combat drunkenness. (1929). *Avangard: [newspaper], 5:* P. 4. (In Armen.).
What cells do. (1924). *Banvor (Worker): [newspaper], 124:* P. 4. (In Armen.).
Zamostyanov, A. (2015). The land of dreamers, the land of scientists ... *Literaturnaya gazeta: [newspaper], 22 (6511):* P. 9. (In Russ.).
Zoryan, S. (1924). Five days in Leninakan. *Khorordain Hayastan (Soviet Armenia): [newspaper], 199:* 2—3. (In Armen.).

References

Andreevsky, G. V. (2008). *The daily life of Moscow in the Stalin era. The 1920s and 1930s.* Moscow: Molodaya Gvardiya Publ. 555 p. ISBN 978-5-235-03123-4. (In Russ.).
Bazeyan, K., Aganyan, G. (2015). Alexandrapol: ethnographic sketches. In: *Archaeological and historical-ethnographic studies of Shirak 2.* Yerevan–Gyumri: Gitutyun Publishing House of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia. 5—117. ISBN 978-5-8080-1135-9. (In Armen.).

Bocharov, A. A., Aladyshkin, I. V. (2025). Marginal and criminal aspects of everyday life in Petrograd in the first half of the 1920s in V. Kaverin's novella "The End of the Khaza" and the related film "The Ferris Wheel". *Klio, 9:* 89—95. DOI: 10.24412/2070-9773-2025-9225-89-95. (In Russ.).

Compleeva, L. Y. (2012). Culture of alcohol consumption in the Middle Volga countryside during the NEP period. *Proceedings of the Penza State Pedagogical University named after V. G. Belinsky, 27:* 722—724. (In Russ.).

Danikhno, S. N. (2006). Drunkenness as a social disease of industrial workers of the Southeast of Russia during the NEP period. *Izvestiya vuzov. The North Caucasus region. Social sciences. Application, 10:* 59—64. (In Russ.).

Gataullina, I. A. (2008). Urban everyday life of the Middle Volga region in the 1920s. *Proceedings of the Altai State University. A series of Stories, 4/3:* 52—61. (In Russ.).

Ilyin, Yu. A. (2012). Ordinary man in the province of the NEP era: the negative aspects of everyday life. *Bulletin of the Ivanovo State University. Humanities, 4:* 47—53. (In Russ.).

Kamardin, I. N. (2011). Drunkenness among the workers of the Volga region during the NEP period. News of higher educational institutions. *The Volga region. Humanities, 4 (20):* 26—33. (In Russ.).

Kazakhetsyan, V. N. (2006). *Armenia in 1920—1940.* Yerevan: Institute of History. 564 p. ISBN 99941-991-2-9. (In Armen.).

Kotelnikov, A. S. (2016). The development of private entrepreneurship in the mid-1920s: features of development and causes of collapse (based on materials from the Lower Volga region). *The Caspian region: politics, economics, culture, 2 (47):* 26—32. (In Russ.).

Kravtsova, L. P. (2018). "Give the people beer": on Soviet alcohol market advertising (linguistic and cultural aspect). *Media linguistics, 5 (4):* 424—435. DOI: 10.21638/spbu22.2018.403. (In Russ.).

Nagapetyan, R. (2019). About the ethno-cultural character of the Armenian traditional dish. *Historical and Philological Journal, 2:* 175—199. (In Armen.).

Orbelian, G. (2018). Entertainment establishments of old and new Yerevan. In: *Yerevan–5. Collection of scientific articles.* Yerevan: Museum of the History of the City of Yerevan. 102—122. (In Armen.).

Orlov, I. B. (2024). *Soviet everyday life: historical and sociological aspects of formation.* Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics. 317 p. ISBN 978-5-7598-2959-1. (In Russ.).

Panin, S. E. (2009). "Drunken" crime in Russia in the 1920s. *Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 11 (2):* 121—126. (In Russ.).

Petyukevich, T. V. (2024). "It's not beer that destroys people...": the fight against drunkenness in the BSSR during the NEP period (1921—1928). In: *Pichet Readings — 2024. History: science, education, memory.* Minsk: BSU. 376—381. ISBN 978-985-881-715-2. (In Russ.).

Shevchenko, I. A., Zemtsov, L. I. (2023). Fight for Sobriety in Russia at Beginning of 20th Century: Discussion on Low-Alcohol Beverages. *Nauchnyi dialog, 12 (9):* 517—532. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-9-517-532. (In Russ.).

Sidorchuk, I. V. (2025). Drunkenness in Soviet Russia in the 1920s: the totality of the causes of the main social deviation of the era. *History: facts and symbols, 1 (42):* 36—53. DOI: 10.24888/2410-4205-2025-42-1-36-53. (In Russ.).

Takala, I. (2007). “For a sober life!”: Alcohol policy of the Soviet state in the 1920s. The NEP Era: Soviet Russia 1921—1928, 1: 55—88. (In Russ.).
Voskerchyan, P. T. (1966). *Industry of Soviet Armenia (1920—1940).* Yerevan: Hayastan. 184 p. (In Armen.).

The article was submitted 23.10.2025;
approved after reviewing 11.01.2026;
accepted for publication 09.04.2026.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(3), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]
Check for updates

Информация для цитирования:

Иванов А. А. «Русские не сдаются» : история зарождения и распространения лозунга в Российской империи / А. А. Иванов // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 3. — С. 419—440. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-3-419-440.

Ivanov, A. A. (2026). "Russians Never Surrender": Origins and Dissemination of a Slogan in Russian Empire. *Nauchnyi dialog, 15* (3): 419-440. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-3-419-440. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus Q1 · DOAJ · ERIHPLUS · eLIBRARY.RU РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

«Русские не сдаются»: история зарождения и распространения лозунга в Российской империи

Иванов Андрей Александрович
orcid.org/0000-0001-6438-5200
доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник,
профессор кафедры
новейшей истории России
andrey.a.ivanov@spbu.ru

Санкт-Петербургский
государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00294 «„Русский мир“ и „русская земля“: исторические и социально-политические аспекты проблемы национальной идентичности в публицистическом дискурсе середины XIX — начала XX в.», https://rscf.ru/project/24-18-00294/

"Russians Never Surrender": Origins and Dissemination of a Slogan in Russian Empire

Andrey A. Ivanov
orcid.org/0000-0001-6438-5200
Doctor of History,
leading research scientist,
Professor of the Department
of Modern History of Russia
andrey.a.ivanov@spbu.ru

St. Petersburg State University
(St. Petersburg, Russia)

Acknowledgments:
The research was carried out at the expense of a grant Russian Science Foundation № 24-18-00294 ""Russian World" and "Russian land": Historical and Socio-Political Aspects of the Problem of National Identity in Journalistic Discourse. XIX — early XX century", https://rscf.ru/project/24-18-00294/

© Иванов А. А., 2026

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проведено исследование возникновения и распространения известного воинского лозунга «*Русские не сдаются*» в дореволюционный период российской истории. Опровергаются распространенные мифы о зарождении лозунга в годы Первой мировой или Великой Отечественной войны. С опорой на многочисленные источники доказывается, что лозунг был хорошо известен с первой четверти XIX века. Выявлены и проанализированы материалы периодической печати конца XIX — начала XX веков, содержащие упоминание данного лозунга, рассмотрен контекст его употребления. Впервые в научный оборот вводятся публицистические тексты из газет «Русь», «Петербургский листок», «Новое время», «Русское слово», «Русский инвалид», «Утро России», «Биржевые ведомости» и др., обращавшихся к лозунгу «*Русские не сдаются*». Проанализирован большой пласт дореволюционной исторической литературы, позволяющий существенно дополнить представление о практиках использования лозунга в различные периоды русской истории. Высказывается предположение, что воинским девизом слова «русские не сдаются» стали в конце XVIII — начале XIX веков. Доказано, что, появившись в печати в 1820-е годы, лозунг быстро стал превращаться в устойчивое клише и в конце XIX — начале XX веков обрел всероссийскую известность, став важным элементом официальной пропаганды. Новизна исследования видится в том, что история зарождения и распространения лозунга в Российской империи подробно рассматривается в исторической науке впервые.

Ключевые слова:
отечественная история; Российская империя; воинский лозунг; *Русские не сдаются*; крепость Осовец; Суворов.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article investigates the emergence and dissemination of the well-known military slogan “Russians never surrender” during the pre-revolutionary period of Russian history. It challenges widespread myths attributing the slogan’s origin to World War I or the Great Patriotic War, demonstrating through extensive source analysis that the phrase was already widely recognized as early as the first quarter of the nineteenth century. The study examines and analyzes materials from periodicals of the late nineteenth and early twentieth centuries where this slogan appears, considering the context of its usage. For the first time, a number of publicistic texts from newspapers such as “Rus’,” “Petersburg Listok,” “Novoye Vremya,” “Russkoye Slovo,” “Russky Invalid,” “Utro Rossii,” and “Birzhevye Vedomosti,” which referenced “Russians never surrender,” are introduced into scholarly discourse. A substantial body of pre-revolutionary historical literature is scrutinized, significantly enriching the understanding of how and when the slogan was employed throughout various periods of Russian history. It is suggested that the expression became a military motto at the turn of the late eighteenth and early nineteenth centuries. The research demonstrates that, having first appeared in print in the 1820s, the slogan rapidly evolved into a fixed cliché and by the late nineteenth and early twentieth centuries had gained nationwide recognition, becoming an important element of official propaganda. The novelty of this study lies in its detailed and systematic examination of the slogan’s origins and spread within the Russian Empire — an aspect that has not previously been explored in depth within historical scholarship.

Key words:
Russian history, Russian Empire, military slogan, Russians never surrender, Osovets Fortress, Suvorov.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(3), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94(47)“17/20”+811.161.1’373.6
DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-3-419-440

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

«Русские не сдаются»: история зарождения и распространения лозунга в Российской империи

© Иванов А. А., 2026

1. Введение = Introduction

Фраза «*Русские не сдаются*» является одним из самых популярных и известных воинских лозунгов нашей страны. Зародившись в конце XVIII — начале XIX веков, этот лозунг вошел в широкое употребление в следующем столетии и в различных вариациях активно использовался в досоветский период. Ставший невостребованным в новых политических реалиях 1920-х — первой половине 1930-х годов, когда большевистское руководство страны вело борьбу с «великорусским шовинизмом», лозунг этот возродился в период Великой Отечественной войны и, широко подхваченный официальной пропагандой, быстро вернул себе былую славу и популярность в СССР, стал известен за рубежом. (Отметим, что книга советского политработника А. Ф. Полякова «В тылу врага: дневник военного корреспондента» [Поляков, 1942], в 1942 году была переведена на английский и издана в США под названием “Russians don’t surrender” («Русские не сдаются») [Poliakov, 1942]). Не теряет популярности этот лозунг и сегодня. Между тем, несмотря на то что этот популярный лозунг уверенно можно отнести к девизам-долгожителям, к важным ценностным ориентирам русского мира, его подробная история все еще не написана. Более того, она в значительной степени мифологизирована и полна ошибок.

В Советском Союзе, видимо в рамках «интернационализации» лозунга, широкое распространение получило утверждение, что слова «*Русские не сдаются*» впервые были произнесены молодым поэтом-адыгейцем Х. Б. Андрухаевым, младшим политруком, героически павшим 8 ноября 1941 года [Сборник статей ..., 1975, с. 98]. Согласно официальной версии, прикрывая отход солдат, Андрухаев заманил немцев на безымянную высоту и, будучи окруженным, на выкрики противника «Русский, сдавайся!», крикнул в ответ «Русские не сдаются!», а затем подорвал себя и окруживших его врагов связкой гранат [Демиховский, 1942, с. 3]. Эта версия популярна и сегодня [Россия и Северный Кавказ ..., 2006, с. 288; Ачмиз, 2022]. Однако обращение к периодике эпохи заставляет усомниться в том, что Андрухаевым

CC BY

была произнесена именно эта фраза, поскольку в газетах 1942 года встречаются различные вариации предсмертного возгласа героя. Главный идеологический рупор страны газета «Правда» утверждала, что последними словами Андрухаева были «*Возьмите, гады!*» [Калашник, 1942, с. 2], а «Адыгейская правда» вложила в уста советского политрука фразу «*Большевики не сдаются!*» [Забота ..., 1942, с. 1]. На это обстоятельство историки уже обращали внимание, отмечая, что фраза «Русские не сдаются», вложенная в уста героя-адыгейца официальной пропагандой, является вымышленной [Безугольный, 2012, с. 34—35]. Но даже если лозунг «*Русские не сдаются*» не был приписан герою советской пропагандой, он точно не был первым, кто его произнес. В годы Великой Отечественной войны, благодаря газетам, описывавшим подвиги советских бойцов, он уже был хорошо известен с первых месяцев боев — с лета 1941 года [Боевые эпизоды ..., 1941, с. 2; Кононенко, 1941, с. 3; Максимович, 1941, с. 2]. История же возникновения этого лозунга относится к дореволюционному периоду.

В этой связи в последние годы широкое хождение получил другой миф, согласно которому своим рождением лозунг обязан героям Первой мировой войны, а точнее, «атаке мертвецов», как вслед за участником тех событий инженером-фортификатором С. А. Хмельковым [Хмельков, 1939, с. 79] стали называть контратаку гарнизона крепости Осовец, состоявшуюся 24 июля 1915 года при отражении немецкой газовой атаки. Как отмечает современный исследователь, всплеск общественного интереса к этому сюжету «произошел после публикации журналистом В. Вороновым статьи под названием “Русские не сдаются” [Воронов, 2009]», и с этого момента «миф и реалии событий 1914—1915 годов все больше “отдаляются” друг от друга» [Ипатов, 2024, с. 57]. Журналисты подхватили эту историю, юная белорусская певица В. Стрижак в 2012 году спела проникновенную песню и выпустила музыкальный клип «Атака мертвецов, или Русские не сдаются!», посвященный подвигу героев Осовца [Табакова, 2016, с. 79—80]; вскоре был опубликован сборник научных статей «“Русские не сдаются”: забытые страницы истории Первой мировой войны» [«Русские не сдаются» ..., 2016], а интернет-пространство заполнилось клонированными утверждениями о том, что именно тогда и родился данный лозунг, причем фраза эта «облетела весь мир» [Откуда пошло ..., 2018]. Версия стала настолько популярной, что закрепилась и в исследовательской литературе. «…Вполне вероятно, что крылатая фраза “Русские не сдаются” действительно родилась под стенами Осовца», — пишет современный историк, оговариваясь, правда, что «утверждение о том, что оно (это выражение. — *А. И.*) облетело весь мир еще в годы Первой мировой войны, пока не подтверждено» [Мокшин, 2018, с. 71]. Однако фактов, позволяющих утверждать, что герои обороны Осовца действительно

CC BY

произносили знаменитый лозунг, нет. Достаточно обратиться к ведущим периодическим изданиям эпохи, писавшим об обороне крепости и прославлявшим доблесть ее защитников, чтобы убедиться в том, что в них и термин «*атака мертвецов*», и лозунг «*Русские не сдаются*» отсутствуют [Падение Осовца ..., 1915, с. 2; Как защищался Осовец ..., 1915, с. 1; Из-под Осовца ..., 1915, с. 2; Филатов, 1915, с. 4; Леонтьев, 1915, с. 2]. Единственное исключение — правая газета «Земщина», в которой еще в 1914 году была опубликована заметка, посвященная обороне Осовца с характерным названием «Русские крепости врагу не сдаются» [Русские крепости ..., 1914, с. 4]. Однако эта близкая по содержанию рассматриваемому лозунгу фраза не имела никакого отношения к событиям 1915 года. Очевидно, что лозунг «*Русские не сдаются*» не ассоциировался у современников с оборонявшими Осовец солдатами 226-го пехотного Землянского полка и был вложен в их уста уже современными авторами.

Таким образом, мифологизация популярного лозунга «*Русские не сдаются*», продолжающего широко использоваться и в наши дни, заставляет обратиться к научному изучению его возникновения, бытования и осмысления с опорой на достоверные исторические факты.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Научных работ, специально посвященных генезису и использованию лозунга «*Русские не сдаются*» в различные периоды истории России, на данный момент все еще не написано. Хотя в названиях журнальных статей лозунг встречается достаточно часто, в большинстве случаев он используется лишь как крылатое выражение, призванное привлечь читательское внимание к сюжетам, связанным с теми или иными событиями из военной истории нашей страны, воинскими подвигами [Окороков, 2022; Любавин, 2023], или в рамках патриотического воспитания [Саввина, 2023]. Помимо историков и педагогов, к данному лозунгу обращаются филологи, рассматривая его как одно из самых известных «победных клише-слоганов», закрепившихся в исторической памяти народа [Голоскоков, 2021, с. 90], или же как важную составляющую русской идеи [Данилевская, 2023, с. 29]. Так, например, А. В. Разумкова, разбирая лозунг, отмечает, что «крылатая фраза “Русские не сдаются” используется как положительная оценка характера русского человека», поскольку выражает «автостереотип русских как этноса, который всегда идет до конца», «не отступает» и «не проигрывает» [Разумкова, 2018, с. 80].

Однако вопрос о происхождении лозунга все еще изучен слабо. Достаточно отметить, что, несмотря на то, что фраза «*Русские не сдаются*» давно уже стала крылатой, многократно употреблялась в речах известных

CC BY

военных, государственных и политических деятелей, в словарях крылатых слов и выражений этого выражения до сих пор нет (но при этом есть менее распространенная фраза: «Русские идут!» [Серов, 2005, с. 671—672]). При этом в сети Интернет поисковые запросы при вводе фразы «*Русские не сдаются*» выдают огромное количество типовых текстов, подавляющее большинство из которых транслируют устоявшиеся мифы и тиражируют фактические ошибки. В связи с этим необходимость научного исторического исследования происхождения и использования лозунга «*Русские не сдаются*» представляется назревшей и весьма важной.

Цель данной статьи — систематизировать накопленный историками материал, касающийся истории возникновения лозунга «*Русские не сдаются*», и, опираясь на исторические источники, значительная часть которых впервые вводится в научный оборот, максимально подробно реконструировать практику использования этого выражения в императорский период российской истории. В таком ракурсе тема рассматривается впервые и позволяет существенно обогатить имеющиеся в исторической науке представления по данному вопросу. Работа опирается на труды дореволюционных историков, затрагивавших сюжеты, связанные с употреблением этого крылатого выражения, а также на дореволюционную военно-патриотическую литературу, призванную воспитать молодое поколение на примере воинских подвигов предков. Особо следует отметить мемуары и материалы периодической печати указанной эпохи, которые позволяют существенно расширить представления об употреблении лозунга «*Русские не сдаются*» в дореволюционный период.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Первые упоминания лозунга

Документально использование фразы «*Русские не сдаются*» в качестве воинского лозунга подтверждается историческими источниками XIX века. Хотя ее употребление отненесено ими к периоду более раннему — концу века XVIII-го. Пожалуй, самым ранним временем, к которому авторы XIX века относили возникновение этого воинского лозунга, следует считать 1770 год. В работе А. И. Красницкого, посвященной генералиссимусу А. В. Суворову, утверждается, что эту фразу прославленный русский военачальник произнес во время сражения с польскими конфедератами при деревне Орехово. Согласно этому рассказу, Суворов во главе русского отряда в 450 человек кинулся на двухтысячный польский отряд под командованием К. Пулавского, сына маршала конфедерации. Обладая численным превосходством, поляки окружили суворовский отряд и привели его в замешательство. Видя, что положение становится опасным, к Суворову об-

CC BY

ратился дежурный майор: «“Мы окружены, ваше превосходительство, нам остается только сдаться!» На что, в передаче Красницкого, последовал следующий ответ прославленного полководца: «Сдаться! Под арест! Под суд! Взять его! — завопил не своим голосом Суворов, — русские не сдаются... Вперед! с нами Бог!» [Красницкий, 1900, с. 94].

Другие свидетельства относятся к 1790 году. Известный консервативный публицист С. Н. Глинка, описывая в десятом томе своей «Истории» события Русско-шведской войны (1788—1790), в рассказе о Фридрихсгамском сражении 1790 года между русской и шведской галерными эскадрами в Финском заливе писал, как шведский король Густав III самолично пустился со всем своим гребным флотом к Фридрихсгаму, где находилось лишь несколько русских судов. «Флота капитан Селезнев, не взирая на превосходство неприятельских сил, сразился с ним 5 мая. В продолжении упорного боя, продолжавшегося три часа, шведы всеми силами окружили малый отряд гребного нашего флота. Русские, издержав все снаряды, принуждены были отступить. Ни одно судно не сдалось. Свезя на шлюпках людей, начальники зажгли суда свои; шведы успели погасить пламень. Торжествующий Густав немедленно послал требовать, чтобы Фридрихсгам сдался; комендант отвечал: *Русские не сдаются*» [Глинка, 1823, с. 76]. О том же повествовал историк и государственный деятель Д. Н. Бантыш-Каменский, приписывая произнесение фразы «*Русские не сдаются*» видному военному деятелю екатерининского царствования генералу В. И. Левашову. «В 1788 году возгорелась война с шведами, — писал он, — и Левашов, с горстью людей, мужественно защитил Фридрихсгам против многочисленного неприятеля, пожалован за этот подвиг в генерал-поручики. На сделанное ему предложение [шведским] королем, который сам командовал осадным гребным флотом, чтобы он сдал крепость — Левашов отвечал: *Русские не сдаются*» [Бантыш-Каменский, 1847, с. 265].

Таким образом, авторам первой половины XIX века фраза «*Русские не сдаются*» была, безусловно, хорошо известна. Они вкладывали ее в уста видных русских военных деятелей, однако никто из них не акцентировал внимания на ее происхождении или авторстве и не приводил доказательств тому, что Суворов или Левашов эти слова действительно произносили. Весьма вероятно, что в конце XVIII века это выражение уже появилось, но говорить о том, что оно уже стало крылатым и превратилось в воинский лозунг, на данный момент оснований недостаточно.

3.2. «Завет 1812 года»

Самое раннее упоминание об использовании лозунга в XIX веке относится к 1803 году. В знаменитом труде начальника Военно-исторического отдела при штабе Кавказского военного округа и военного историка гене-

CC BY

рала В. А. Потто о Кавказской войне содержится рассказ о схватке отряда капитана Секерина с лезгинами. В 1803 году Секерин, командуя ротой из 44 человек, бросился в погоню за лезгинами, угнавшими у местных жителей скот. Оказавшись в дремучем бору, русский отряд попал в засаду и был окружен численно превосходящим противником. «Молодой Секерин три раза опрокидывал неприятеля, но ему пришла неудачная мысль растянуть свою цепь, чтобы показаться врагам многочисленнее. Лезгины скоро поняли маневр, всей массой ринулись в шашки и разорвали цепь. Сам Секерин одним из первых был тяжело ранен в ногу. Отойдя в сторону, он начал платком перевязывать рану, как вдруг толпы лезгин бросились на него. Егеря, имевшие каждый по двадцать лезгин против себя, не могли прийти на помощь к своему капитану, и он был изрублен на глазах отряда. Умирая, Секерин успел крикнуть старшему Рогульскому: “Помни, русские не сдаются!”» — пишет историк [Потто, 1994а, с. 309]. Поручик Рогульский сумел отбросить неприятеля, но и сам пал в этом бою, успев крикнуть своему младшему брату: «Помни слова Секерина: русские не сдаются!» [Там же]. «Юный Рогульский, — заключает Потто, — обратился к солдатам с воодушевленными словами, но его поражает пуля — и последнего офицера роты не стало. Видя гибель всех начальников, лезгины кричали солдатам, предлагая сдаться, но егеря бросились в штыки, окружили себя мертвыми телами и пали все до последнего» [Там же]. Подробности этого дела, по словам историка, рассказали тяжелораненые, которых удалось отбить подошедшим подкреплением.

В 1912 году, когда в Российской империи торжественно отмечалась столетняя годовщина Отечественной войны 1812 года, в ряде публикаций периодической печати появилось упоминание лозунга «*Русские не сдаются*» в контексте войны с Наполеоном. Одно из изданий, рассказывая своим читателям об обороне в ходе Бородинской битвы русскими войсками Шевардинского редута, отмечало, что доблесть и мужество наших солдат произвели настолько сильное впечатление на французов, что «всем в армии Наполеона, от первого маршала до последнего солдата, ясно стало, какой небывалый по упорству и мужеству враг заслонил им путь к Москве. “Трудно победить русскую армию. Русские умирают, но не сдаются”, говорили в рядах французских войск» [Бородино, 1912, с. 1001]. Другое издание, повествуя о Бородинской битве, заключало: «Хотя Наполеон считал себя победителем при Бородино, но впоследствии, уже на острове св. Елены, он сам признавался, что из 50-ти данных им сражений в битве под Москвою, “было выказано наиболее доблести и одержан наименьшей успех”. На самом же деле и успеха не было, — не было обычных трофеев; мало было пленных. “Отчего так мало пленных?” — недоумевал Наполеон. “Русские умирают, но не сдаются”, — отвечали ему маршалы» [Реферат ..., 1912,

CC BY

с. 794]. Этот сюжет встречается и в других публикациях 1912 года [Речь ..., 1912, с. 675; Жизнь и подвиги , 1912, с. 22]. Впоследствии данный эпизод с упоминанием лозунга попал в написанную в 1936 году работу академика Е. В. Тарле о Наполеоне [Тарле, 2010, с. 265].

Здесь стоит отметить, что вариант лозунга «*Русские умирают, но не сдаются*» невольно наводит на мысль о том, что он является калькой с высказывания, приписываемого наполеоновскому генералу П. Камбронну, который, якобы, в битве при Ватерлоо (1815) на предложение англичан сдаться ответил «Гвардия умирает, но не сдается» (“La Garde meurt mais ne se rend pas!”). Последнее весьма вероятно, так как это высказывание было широко растиражировано в европейских странах, хотя на самом деле Камбронн, по его собственному признанию, ничего подобного не говорил, а сказал своим подчиненным кое-что «менее блестящее», но «по-солдатски энергичное», так как «в такие моменты нет времени на фразы», а дальше уже постарались журналисты [Houssaye, 1907, p. 51—53, 56—57].

Однако даже если русские авторы начала XX века несколько приукрасили слова французских генералов о русских солдатах, сомневаться в том, что во время Отечественной войны фраза «*Русские не сдаются*» уже бытовала, нет оснований. Участник войны, романист и драматург Р. М. Зотов, вступивший в петербургское ополчение в 1812 году, вспоминая сражение у села Юревичи, в ходе которого он был порублен французскими кирасирами и получил десять ран, утверждал, что он и сам произносил эту фразу. «Огромная кавалерийская колонна летела на нас. Это была знаменитая атака того дня, которая, прорвав нашу линию, едва не захватила в плен самого графа [П. Х.] Витгенштейна, — вспоминал Зотов. — Оставшись один командиром своего отряда, я велел ему производить беспрестанный огонь по этой бесчисленной колонне врагов, в которой многие пали от выстрелов моих стрелков, но которая не подъезжала ко мне, потому что кирпичные шанцы защищали меня. Но когда вся колонна проскакала, задний эскадрон скомандовал в атаку на мою группу стрелков, и, видя нашу малочисленность, начальник эскадрона подъехал ко мне и предложил мне сдаться. Я ему отвечал чистым французским ругательством на это предложение, говоря, что русские не сдаются, а умирают» [Записки, 1896, с. 787].

Похожее свидетельство содержит и рассказ о занятии наполеоновской армией г. Сычевки Смоленской губернии. Из него следует, что жители Сычевки оборонялись, дав отпор отряду польских улан. Партизанский отряд, собранный из городских обывателей под командованием городничего П. М. Корженковского, при содействии отряда инвалидной команды заставил улан выйти из города, после чего те взяли его в осаду. «Два дня прошло, а город не сдавался. Уланы не раз пытались атаковать, но напрас-

CC BY

но. Наконец, к Корженковскому явился парламентер. “Мой капитан желает сдачи”, — объявил офицер на русском языке с польским акцентом. “Русские люди живыми не сдаются”, — ответил городничий» [Слезскинский, 1900, с. 653; Среди газет ..., 1900, с. 3]. Приводивший этот рассказ в 1900 году А. Слезскинский утверждал, что источником его послужило дело, хранившееся в архиве Новгородского губернского правления, а также частные письма партизан [Слезскинский, 1900, с. 651].

Приведенные свидетельства, кажется, убедительно показывают, что как у современников событий, так и у писавших об Отечественной войне спустя годы сформировалось устойчивое представление о том, что фраза «*Русские не сдаются*» к тому времени уже была широко употребительна. Военный министр князь В. А. Долгоруков в 1854 году называл этот лозунг «заветом 1812 года» и призывал твердо его держаться [Зиссерман, 1888, с. 61]. Однако заметим: все приведенные выше свидетельства появились уже после Отечественной войны, а потому несомненными доказательствами того, что эта фраза действительно звучала из уст участников боев 1812 года, увы, не являются. Но, поскольку фраза «*Русские не сдаются*» зафиксирована уже в литературе 1820-х годов, есть все же достаточные основания предполагать, что во время Отечественной войны она действительно могла уже окончательно сформироваться как популярное клише и достаточно широко распространиться. В пользу этой версии говорит и то, что, в отличие от упоминаний, касающихся XVIII века, приписывающих эту фразу выдающимся военным деятелям, все перечисленные случаи, относящиеся к началу XIX столетия, свидетельствуют о том, что лозунг «демократизировался» и стал звучать из уст рядовых участников военных конфликтов.

3.3. От Кавказской войны до обороны Баязета

Неоднократно лозунг «*Русские не сдаются*» встречается в исторической литературе, посвященной Кавказской войне (1817—1864). В работе уже цитировавшегося ранее В. А. Потто приводится примечательный документ — секретное письмо персидскому шаху, написанное в 1829 году Главнокомандующим Отдельным Кавказским корпусом генерал-адъютантом И. Ф. Паскевичем. Обращаясь к шаху, желавшему начать очередную войну против Российской империи, Паскевич предупреждал его, что, несмотря на то, что провинции России в Закавказье не имеют достаточного прикрытия и войска там остались только в крепостях, на успех противнику рассчитывать не следует. «…Вы можете вторгнуться в незащищенный край, можете разорить его, — но крепостей не возьмете, ибо вашему высочеству хорошо известно, что русские крепостей не сдают» [Потто, 1994b, с. 286—287]. Очевидно, что фраза «*Русские крепостей не сдают*» является вариацией лозунга «*Русские не сдаются*», а факт упоминания этого

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(3), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

выражения в письме Паскевича указывает на то, что к этому времени выражение уже устоялось и было довольно хорошо известно.

В вышедшей в 1904 году книге «Покоренный Кавказ» фраза «*Русские не сдаются*» присутствует в рассказе о подвиге рядового Тенгинского полка, героя обороны Черноморской береговой линии Архипа Осипова, который подорвал пороховой погреб, погибнув вместе с осаждавшими Михайловское укрепление горцами (1840). Но слова «*Русские не сдаются*» приписываются не ему, а штабс-капитану Н. К. Лико, который вдохновил Осипова на подвиг. «Лико созвал офицеров и в их присутствии сообщил гарнизону о близкой опасности и о том, что “русские не сдаются”. Ответом ему было единодушное “ура”» [Каспари, 1904, с. 465]. На слова горца-парламентера, предложившего русскому гарнизону сдаться, Лико крикнул: «Ребята, убейте его! русские не сдаются!» [Там же, с. 467].

Есть и другие свидетельства обращения к этому лозунгу в период Кавказской и Крымской войны. Военный министр князь В. А. Долгоруков писал генерал-адъютанту, начальнику главного штаба войск на Кавказе князю А. И. Барятинскому 31 марта 1854 года: «…Я должен Вам сказать, что государь был очень неприятно удивлен инструкциями, данными гарнизону Гагры на случай сильной атаки со стороны неприятеля. Мнение Его Величества, которое я вполне разделяю, заключается в том, что русские умирают, но не сдаются» [Зиссерман, 1888, с. 61]. По мнению военного министра, если англо-французская эскадра решится атаковать крепость с моря, она ни в коем случае не должна была сдаваться, даже если шансов отстоять ее не было бы вовсе. Здесь особо примечательно, что военный министр приписывает следование этому лозунгу императору Николаю I, отмечая свое согласие с ним. Интересен в рамках рассматриваемого вопроса и комментарий публикатора, сделанный в 1880-х годах к этому письму: «Самая же фраза в письме князя Долгорукова “Русские умирают, но не сдаются”, звучит, конечно, прекрасно и может воодушевлять молодых воинов: но как осторожно следует обращаться с подробными фразами, доказал весьма скоро после писем князя Долгорукова комендант Бомарзунда (крепость в Финляндии на территории Аландских островов. — *А. И.*) [генерал Я. А.] Бодиско, сдавшийся англо-французскому флоту с 2 т[ыс]. гарнизона, не взирая на более сильные укрепления и вооружения, чем имелись в жалком форте Гагры…» [Там же, с. 66].

Во время Русско-турецкой войны (1877—1878) лозунг «*Русские не сдаются*» стал уже неотъемлемой частью официальной пропаганды. Он неоднократно встречается в газетных заметках, посвященных героической обороне крепости Баязет (1877). «Петербургский листок», описывая действия русских войск в Баязете, писал: «Горсть … наших храбрецов, запертых в ба-

CC BY

язетской цитадели, ничего не могла сделать против огромной массы турок и курдов, которые сильно напирали на цитадель. 23 дня томился русский отряд, изнуряемый защитою крепости, постоянною перестрелкой и бессонницей, а главное, полнейшим голодом и недостатком воды. Последнее время, войска наши питались одною дохлою кониною. Наконец, не стало вовсе воды. Приходилось всем погибнуть, потому что русские не сдаются» [Военный листок ..., 1877, с. 4]. Опубликовавший в «Русском вестнике» воспоминания о действиях Эриванского отряда С. Любимский, повествуя о решении генерала А. А. Тергукасова идти на выручку гарнизону Баязета, писал: «Хотя доносили ему также, что наш гарнизон сдался, но генерал этому не верил. “Не может быть, не может быть, твердил он, — русские не сдаются. Там верят и надеются на нашу помощь”» [Любимский, 1879, с. 751].

Таким образом, за 1820—1870-е годы фраза «*Русские не сдаются*» продолжила свое «триумфальное шествие», превращаясь в устойчивое клише и порождая производные от него вариации. А благодаря периодической печати, подхватившей ее в 1870-е годы, она обрела всероссийскую известность и стала важным элементом официальной пропаганды.

3.4. От Русско-японской до Первой мировой войны

В годы царствований императоров Александра III и Николая II лозунг «*Русские не сдаются*» прочно вошел в систему военно-патриотического воспитания солдат и юношества. В выдержавшей в конце XIX века несколько изданий книжке для нижних чинов Русской императорской армии содержался раздел, красноречиво названный «Русские солдаты побеждают, или умирают, но не сдаются». В нем на примерах известных подвигов прошлого солдатам объяснялось, что они так же, как и их великие предки, всегда должны руководствоваться данным принципом [Служба солдата ..., 1897, с. 12—13]. В книге, посвященной военно-патриотическому воспитанию «потешных» (отряды подростков 10—14 лет, созданные в начале XX века для обучения азам воинского дела и названные по аналогии с потешными полками Петра Великого), содержался следующий посыл: «“Русские умирают — но не сдаются”. Честь и слава оружия — дороже собственной жизни. Зато и память о таких героях сохраняется в потомстве на веки. Почитая память героев, следует подражать им» [Назимов, 1911, с. 153]. Официальная газета Военного министерства «Русский инвалид», повествуя о подвиге отряда майора И. А. Монтрезора (1804), который, уступая персидскому войску по численности в 60 раз, отклонил все предложения противника сдаться и ценою собственных жизней героически выполнил задачу, назидательно заключала: «Да, русские не сдаются!..» [В царстве героев ..., 1911, с. 3]. В это время лозунг также попадает на страницы художественной литературы. Например, он встречается в вышедшей

CC BY

в 1911 году третьей части романа В. И. Немировича-Данченко «Сторожевые огни» [Немирович-Данченко, 1911, с. 100].

С началом Русско-японской войны (1904—1905) лозунг снова зазвучал в сообщениях газет и журналов. Описывая бой крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец» с превосходящими силами противника, газета «Русь» писала: «К Чемульпо подошла целая японская эскадра и понятно, что один крейсер и небольшая канонерская лодка не могли бороться с такой эскадрой. Не могли… а все же боролись. Когда у “Варяга” была сбита мачта, и получено серьезное повреждение в кормовой части, — повреждение, вследствие которого начался пожар, “Варяг” отошел вместе с “Корейцем” на внутренний рейд. Здесь наши моряки, верные своему старинному воинскому долгу, что “русские не сдаются”, взорвали “Корейца”, а “Варяг” — сгорел и затонул» [Россия исполнилась ..., 1904, с. 2]. Интересно отметить, что в статье советского журнала «Огонек», посвященной полувековому юбилею знаменитого морского сражения, утверждалось, что командир «Варяга» В. Ф. Руднев перед началом боя под одобрение команды крейсера заявил японцам на предложение сдаться: «Русские в плен не сдаются!» [Пономарев, 1954, с. 22].

В дни войны с Японией лозунг оказался весьма востребованным для поднятия воинского духа русских солдат и моряков. Священник Апполинарий Ромоданов, обращаясь с пастырским словом к отправлявшимся на Дальний Восток морякам, призывал их «свято исполнить свой долг — умереть за Царя и Русь, а не срамить русский флот». «Русские не сдаются, а или побеждают или умирают, — наставлял священник. — Вот вам и от нас такой завет: победите или умрите с честью на поле брани» [Ромоданов, 1904, с. 582].

Обращались публицисты к этому лозунгу при описании обороны и последующей сдачи японцам Порт-Артура. «…Ни одна русская крепость в годину осады не может пасть сама, не может быть сдана по постановлению военного совета, а должна быть взята врагом; другими словами, перефразируя известное восклицание: “крепость берется, но не сдается”! Ее гарнизон от генерала до солдата должен предпочесть верную, но геройскую смерть, чем почетную, но бесславную сдачу», — рассуждал один из авторов в 1910 году [Петропавловский, 1910, с. 4]. Утверждая на примерах геройских подвигов прошлого, что красивая смерть производит «глубокое впечатление» и «имеет несомненное воспитательное значение», «закаляя дух гражданского мужества и боевой отваги», автор противопоставлял сожжение Московского Кремля в 1812 году позорной сдаче Порт-Артура и ставил в укор генералам, принявшим решение о капитуляции, что они не смогли уподобиться спартанскому царю Леониду и «умереть красивой смертью, спасая военную честь России» [Там же]. «Вспомните положение Баязета в Русско-турец-

CC BY

кую войну, положение во много раз худшее, чем положение Порт-Артура. Но Баязет не был сдан; его защищали не многоумные генералы, а простой армейский капитан Штоквич. “Русские крепостей не сдают, они их лишь берут”, — отвечал доблестный комендант Баязета Штоквич на предложение турок сдаться…», — напоминал публицист [Там же]. О том же писал и известный русский публицист М. О. Меньшиков. Откликаясь на судебный процесс над порт-артурскими генералами, колумнист «Нового времени» отмечал, что «не всегда русские сдавали крепости», и приводил слова героя обороны Баязета Ф. Э. Штоквича [Меньшиков, 1907, с. 4].

Снова на страницах российских газет лозунг появился в 1912 году в связи с подвигом штабс-капитана Мингрельского полка Н. И. Федорова. Этот русский офицер отличился во время боя с фидаями — религиозными фанатиками-революционерами, с которыми в 1909—1912 годах боролись российские военные, отправленные в Персию. С горстью солдат раненный в ногу Федоров оборонял дом в Тавризе (Тебризе) от атаковавших толп фанатиков. Как отмечал журналист, «этот бой — один из самых трагических эпизодов тавризской смуты», а понятие «Дом Федорова» стало на короткое время общеизвестным [Борей, 1912, с. 5]. Рассказывая о состоявшемся 8 декабря 1911 года бое с численно превосходившими и окружившими его команду фидаями, Федоров сообщил, что в какой-то момент им было предложено сдаться, поскольку положение было безнадежным. Однако он ответил решительным отказом, заявив противнику: «Русские умирают, но не сдаются!» В итоге, понеся большие потери, отряд сумел отбить персов [Там же]. «“Русские умирают, но не сдаются”... В этом красивом тоне построен весь рассказ штабс-капитана Федорова» — отмечало издание «Русский инвалид» [Обзор печати ..., 1912, с. 5].

В годы Первой мировой войны лозунг снова оказался востребованным. И хотя, как было указано выше, нет подтверждений, что он прозвучал во время контратаки русских бойцов, защищавших Осовец, он встречается в периодике в связи с другими поводами и событиями. В 1915 году одна из провинциальных газет, комментируя сообщения германской прессы о захвате немецкой армией в плен более 50 тысяч русских военнослужащих, категорически отвергала достоверность этой информации, утверждая, что «русские не сдаются и попадают в плен лишь ранеными в исключительных случаях» [О германских ..., 1915, с. 2]. В том же году, когда появились слухи, что командующий 2-й армией во время Восточно-Прусской операции генерал А. В. Самсонов не застрелился, а тяжелораненый попал в плен, «Русское слово», а вслед за ним и другие периодические издания опубликовали материал, опровергавший эту версию. Согласно рассказу «Русского слова», тяжелораненый Самсонов на слова подскакавшего к нему немецко-

CC BY

го офицера «Ваше превосходительство, вы — пленник императора Германии» твердо ответил: «Вы ошибаетесь, русские генералы в плен живыми не сдаются». После чего Самсонов якобы выхватил револьвер, произвел в себя два выстрела и, обливаясь кровью, упал замертво [Генерал Самсонов ..., 1915, с. 110—111]. Хоть этот рассказ от и до является вымыслом, однако он весьма показателен как средство пропаганды, призванное напомнить русским воинам о том, что плену они должны предпочесть смерть.

В годы последнего царствования, прерванного революционными событиями 1917 года, лозунг «*Русские не сдаются*» не потерял своей популярности. Напротив, за счет распространения грамотности, увеличения тиражей печатной продукции и формирования системы военно-патриотического воспитания он стал еще более известным и популярным.

4. Заключение = Conclusions

Установить точную дату появления лозунга «*Русские не сдаются*» пока не представляется возможным. В том или ином виде он мог прозвучать когда угодно (можно вспомнить слова из «Повести временных лет», приписываемые князю Святославу: «Так не посрамим земли Русской, но ляжем здесь костьми, ибо мертвые сраму не имут», которые весьма близки по смыслу рассматриваемому лозунгу). К тому же сам факт произнесения слов «*русские не сдаются*» еще не означает появления лозунга, — чтобы превратится в таковой, они должны стать призывом, руководящей идеей. В этом плане можно с осторожностью предположить, что лозунгом русской армии эти слова стали в конце XVIII — начале XIX веков. Более вероятно, что распространению этого лозунга в широких массах поспособствовала Отечественная война 1812 года и вызванный ею патриотический подъем. С уверенностью же можно утверждать, что, появившись в печати в 1820—30-е годы, лозунг к этому времени был уже известен образованному русскому обществу. В период 1840—1870-х годов он стал превращаться в устойчивое клише и расширять аудиторию. По мере развития газетной периодики, роста грамотности населения, появления системы целенаправленного военно-патриотического воспитания молодежи этот лозунг в конце XIX — начале XX веков обрел всероссийскую известность и стал важным элементом официальной пропаганды. Возрождение лозунга в годы Великой Отечественной войны и его популярность в наши дни свидетельствуют о том, что эта чеканная фраза не утратила своего значения, являясь важной составляющей архетипа национального сознания.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

CC BY

Источники и принятые сокращения

1. *Бантыш-Каменский Д. Н.* Словарь достопамятных людей Русской земли / Д. Н. Бантыш-Каменский. — Санкт-Петербург : Типография штаба Отдельного корпуса внутренней стражи, 1847. — Ч. 2. — 570 с.

2. *Боевые эпизоды* // Вечерняя Москва : газета. — 1941. — № 173 (5304). — 24 июля. — С. 2.

3. *Борей* [Шуф В. А.] в Персии. XIX. Рассказ штабс-капитана Федорова / В. А. Шуф // Новое время : газета. — 1912. — № 12920. — 1 (14) марта. — С. 5—6.

4. *Бородино* // Таврический церковно-общественный вестник. — 1912. — № 25. — 1 сентября. — С. 997—1009.

5. *Военный листок*. Из Дунайской армии // Петербургский листок : газета. — 1877. — № 134. — 14 (26) июля. — С. 4.

6. *В царстве героев*. (По поводу книги проф. П. И. Ковалевского «Завоевание Кавказа Россией») // Русский инвалид. — 1911. — № 129. — 18 июня. — С. 3.

7. *Генерал Самсонов* жив // Тверские епархиальные ведомости. — 1915. — № 6. — 9 февраля. — С. 110—111.

8. *Глинка С. Н.* Русская история. Изд. 3-е, доп / С. Н. Глинка. — Москва : Университетская типография, 1823. — Ч. 10. — 194 с.

9. *Демиховский Н.* Герой Советского Союза политрук Хусен Андрухаев / Н. Демиховский // Знамя Родины : газета. — 1942. — № 89 (366). — 30 марта. — С. 3.

10. *Жизнь и подвиги* генерал-лейтенанта Дмитрия Петровича Неверовского. 1771—1813 г. / Под ред. Ген. штаба полк. В. А. Афанасьева. — Москва : Кружок ревнителей памяти Отечественной войны 1812 г., 1912. — 32 с.

11. *Забота* о нуждах населения — священный долг горисполкома // Адыгейская правда : газета. — 1942. — № 6 (3117). — 8 января. — С. 1.

12. *Записки* Рафаила Михайловича Зотова // Исторический вестник. — 1896. — Т. LXIV. — С. 762—797.

13. *Зиссерман А. Л.* Фельдмаршал князь А. И. Барятинский / А. Л. Зиссерман // Русский архив. — 1888. — Книга 3. — С. 49—68.

14. *Из-под Осовца* // Биржевые ведомости : газета. — Утренний выпуск. — 1915. — № 15027. — 15 августа. — С. 2.

15. *Как защищался Осовец* // Утро России : газета. — 1915. — № 225. — 16 августа. — С. 1.

16. *Калашник М.* Одна из многих / М. Калашник // Правда : газета. — 1942. — № 55 (8826). — 24 февраля. — С. 2.

17. *Каспари А. А.* Покоренный Кавказ. Очерки исторического прошлого и современного положения Кавказа с иллюстрациями / А. А. Каспари. — Санкт-Петербург : Родина, 1904. — 663 с.

18. *Кононенко Е.* Вот что такое советский характер! / Е. Кононенко // Пионерская правда : газета. — 1941. — № 95 (2607). — 12 августа. — С. 3.

19. *Красницкий А. И.* Русский чудо-вождь : Граф Суворов-Рымникский, князь Италийский, его жизнь и подвиги / А. И. Красницкий. — Санкт-Петербург : Издание А. Ф. Девриена, 1900. — 373 с.

20. *Леонтьев В.* Осовец. (Из воспоминаний участника обороны) / В. Леонтьев // Русское слово : газета. — 1915. — № 202. — 2 сентября. — С. 2.

21. *Любимский С.* От гор Кавказа до фортов Эрзерума. Воспоминания о действиях Эриванского отряда Кавказской армии в Русско-турецкую войну 1877—1878 года / С. Любимский // Русский вестник. — 1879. — Т. 144. — Декабрь. — С. 732—754.

22. *Максимович Г.* Воспитываем истребителей танков / Г. Максимович // Тревога : газета. — 1941. — № 229 (3636). — 28 сентября. — С. 2.

23. *Меньшиков М. О.* Показание капитана Штоквича / М. О. Меньшикова // Новое время : газета. — 1907. — № 11412. — 18 (31) декабря. — С. 4.

24. *Назимов С. И.* Русское потешное войско. История его происхождения и развития. Теория и практика дела в наши дни / С. И. Назимов, И. В. Яцко — Москва : Типография товарищества И. Д. Сытина, 1911. — 162 с.

25. *Немирович-Данченко В. И.* Сторожевые огни / В. И. Немирович-Данченко. — Санкт-Петербург : Типолитография Акционерного общества «Самообразование», 1911. — Ч. 3. — 305 с.

26. *О германских* военных сообщениях // Сибирская жизнь : газета. — 1915. — № 134. — 21 июня. — С. 2.

27. *Обзор печати* // Русский инвалид : газета. — 1912. — № 5. — 4 марта. — С. 5.

28. *Падение Осовца* // Утро России : газета. — 1915. — № 221. — 12 августа. — С. 2.

29. *Петропавловский С.* «Русские крепостей не сдают» / С. Петропавловский // Русский север : газета. — 1910. — № 641. — 14 января. — С. 4.

30. *Поляков А.* В тылу врага : дневник военного корреспондента / А. Ф. Поляков. — Москва : Военмориздат, 1942. — 180 с.

31. *Потто В. А.* Кавказская война. В 5-ти тт. С древнейших времен до Ермолова / В. А. Потто. — Ставрополь : Кавказский край, 1994a. — Т. 1. — 672 с.

32. *Потто В. А.* Кавказская война. В 5-ти тт. Турецкая война (1828—1829 гг.). Ставрополь : Кавказский край, 1994b. — Т. 4. — 576 с.

33. *Реферат* о причинах и главных моментах Отечественной войны // Могилевские епархиальные ведомости. — 1912. — № 23. — 1 декабря. — С. 781—798.

34. *Речь* пред молебном по случаю столетия Отечественной войны, сказанная в 1-ой жен. гимназии свящ. С. И. Введенским 26 авг. 1912 г. // Симбирские епархиальные ведомости. — 1912. — № 18. — 15 сентября. — С. 674—677.

35. *Ромоданов А.*, свящ. Речь к отправляющимся на Дальний Восток воинам запаса флота 1899—1904 г. с. Каменки, Мелитоп. Узда / А. Ромоданов // Таврические епархиальные ведомости. — 1904. — № 8. — 15 апреля. — С. 581—582.

36. *Россия исполнилась* гневом... // Русь : газета. — 1904. — № 51. — 1 (14) февраля. — С. 2.

37. *Русские крепости* врагу не сдаются // Земщина : газета. — 1914. — № 179. — 24 сентября. — С. 4.

38. *Слезскинский А.* Смоленские партизаны в 1812 году / А. Слезскинский // Русская старина. — 1900. — Т. 103. — С. 651—665.

39. *Служба солдата* в примерах с рисунками / сост. Д. Д. Кашкаров. Изд. 3-е. испр. и доп. — Санкт-Петербург : [б. и.], 1897. — 99 с.

40. *Среди газет* и журналов // Новое время : газета. — 1900. — № 8813. — 9 (22) сентября. — С. 3.

41. *Филатов В.* Осовец / В. Филатов // Биржевые ведомости : газета. — Утренний выпуск. — 1915. — № 15133. — 7 октября. — С. 4.

42. *Poliakov A.* Russians don't surrender / A. Poliakov. — New York : E. P. Dutton, 1942. — 191 p.

Литература

1. *Ачмиз К. Г.* «Русские не сдаются!» Подвиг самопожертвования советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. / К. Г. Амчиз // Наука. Общество. Оборона. — 2022. — Т. 10. — № 1 (30). — С. 2—2. — DOI: 10.24412/2311-1763-2022-1-2-2.

2. *Безугольный А. Ю.* Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне, 1941—1945 : проблемы истории, историографии и источниковедения / А. Ю. Безугольный, Н. Ф. Бугай, Е. Ф. Кринко. — Москва : Центрполиграф, 2012. — 478 с. — ISBN 978-5-227-03570-7.

3. *Воронов В.* Русские не сдаются [Электронный ресурс] / В. В. Воронов // Совершенно секретно. — 2009. — № 8/243. — Режим доступа : https://www.sovsekretno.ru/articles/politika/russkie-ne-sdayutsya/ (дата обращения 26.10.2025).

4. *Пономарев И.* Врагу не сдается наш гордый «Варяг» / И. Пономарев // Огонек. — 1954. — № 54. — С. 22—23.

5. *Голоскоков В. А.* «Победные» фразы-клише как нарративный компонент политики памяти о Великой Отечественной войне / В. А. Голосков, О. Ф. Русакова // Научный журнал «Дискурс-Пи». — 2021. — Т. 18. — № 3. — С. 76—95. — DOI: 10.17506/18179568_2021_18_3_76.

6. *Данилевская Н. В.* Идеологические смыслы социальной рекламы нового времени (на материале текстов, посвященных СВО) / Н. В. Данилевская // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. — 2023. — Т. 15. — Выпуск 4. — С. 25—36. — DOI: 10.17072/2073-6681-2023-4-25-36.

7. *Ипатов А. М.* Оборона крепости Осовец в современных отечественных научных исследованиях и в исторической памяти / А. М. Ипатов // Первая мировая война в исторической памяти и актуальном дискурсе ученых : Сборник научных статей. — Калининград : Балтийский федеральный университет им. И. Канта, 2024. — С. 57—67. — ISBN 978-5-9971-0898-4.

8. *Любавин И. В.* «Русские не сдаются» : оборона Осовца / И. В. Любавин, Р. С. Кирсанов // Актуальные проблемы науки : сборник статей по материалам XIX Международной научно-практической конференции. — Пенза : Пензенский государственный университет, 2023. — С. 76—78. — ISBN 978-5-907752-38-2.

9. *Мокшин Г. Н.* 226-й пехотный Землянский полк : история и современность / Г. Н. Мокшин // История : факты и символы. — 2018. — № 1 (14). — С. 69—75. — DOI: 10.24888/2410-4205-2018-14-1-69-75.

10. *Окороков А. В.* Русские не сдаются! / А. В. Окороков // Журнал института наследия— 2022. — № 4 (31). — DOI: 10.34685/HI.2022.55.74.007.

11. *Откуда пошло* выражение «русские не сдаются!»? [Электронный ресурс] // Аргументы и Факты. — 2018. — № 35. — 29 августа. — Режим доступа : https://aif.ru/society/history/otkuda_poshlo_vyrazhenie_russkie_ne_sdayutsya (дата обращения 26.10.2025).

12. *Разумкова А. В.* Этнокультурная специфика образа «себя» и образа «другого» в языковом сознании русских, татар, коми (зырян) : диссертация … кандидата филологических наук : 10.02.19 / А. В. Разумкова. — Москва, 2018. — 236 с.

13. *Россия и Северный Кавказ*: история и современность. — Москва : Академический проект, 2006. — 463 с. — ISBN 5-8291-0661-2.

14. *«Русские не сдаются» :* забытые страницы истории Первой мировой войны : сборник научных трудов / отв. ред. В. В. Бахтин. — Воронеж : Воронежский государственный педагогический университет, 2016. — 216 с. — ISBN 978-5-00044-455-9.

15. *Саввина О. А.* «Русские не сдаются». Об опыте патриотического воспитания в процессе изучения курса «История отечественного школьного математического образования» / О. А. Саввина // Патриотическое воспитание как основа духовно-нравственного формирования студенческой молодежи (к 80-летию Сталинградской битвы) : Сбор-

ник материалов межрегионального круглого стола. — Вологда : Вологодский институт права и экономики ФСИН России, 2023. — С. 54—59. — ISBN 978-5-94991-703-9.

16. *Сборник статей* по адыгейской литературе и фольклору. — Майкоп : [б. и.], 1975. — 204 с.

17. *Серов В. В.* Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. 2-е изд. / В. В. Серов. — Москва : Издательство «Локид- Пресс», 2005. — 880 с. — ISBN 5-320-00323-4.

18. *Табакова З. П.* «Атака мертвецов» и «огненный ангел» в истории и поэзии / З. П. Табакова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. — 2016. — № 6—4. — С. 8—83.

19. *Тарле Е. В.* Наполеон / Е. В. Тарле. — Москва : АСТ, 2010. — 413 с. — ISBN 978-5-17-067797-9.

20. *Хмельков С. А.* Борьба за Осовец / С. А. Хмельков. — Москва : Воениздат НКО СССР, 1939. — 96 с.

21. *Houssaye H.* La garde meurt et ne se rend pas : Histoire d'un mot historique / H. Houssaye. — Paris : Perrin et Cie, 1907. — 61 p.

Статья поступила в редакцию 31.10.2025,
одобрена после рецензирования 02.12.2025,
подготовлена к публикации 09.04.2026.

Material resources

About German military reports. (2015). *Sibirskaya zhizn: gazeta, 134:* P. 2. (In Russ.).

Afanasyev, V. A. (ed.). (1912). *The life and exploits of Lieutenant General Dmitry Petrovich Neverovsky. 1771—1813.* Moscow: Circle of zealots of the memory of the Patriotic War of 1812. 32 p. (In Russ.).

Among newspapers and magazines. (1900). *Novoe vremya: gazeta, 8813:* P. 3. (In Russ.).

Bantysh-Kamensky, D. N. (1847). *Dictionary of the memorable people of the Russian land, 2.* St. Petersburg: Printing house of the headquarters of the Separate Corps of the Internal Guard. 570 p. (In Russ.).

Borey [V. A. Shuf]. (1912). In Persia. XIX. The story of Staff Captain Fedorov. *Novoe vremya: gazeta, 12920:* 5—6. (In Russ.).

Borodino. (1912). *Tauride Church and Public Bulletin, 25:* 997—1009. (In Russ.).

Caring for the needs of the population is a sacred duty of the city Executive Committee. (1942). Adygeiskaya Pravda: gazeta, 6 (3117): P. 1. (In Russ.).

Combat episodes. (1941). *Evening Moscow: newspaper, 173 (5304):* P. 2. (In Russ.).

Demikhovsky, N. (1942). Hero of the Soviet Union, political instructor Husen Andrukhaev. *Znamya Rodiny: gazeta, 89 (366):* P. 3. (In Russ.).

Filatov, V. (1915). *Osovets. Birzhevye vedomosti: gazeta. Morning edition, 15133:* P. 4. (In Russ.).

From under Osovets. (1915). *Birzhevye vedomosti: gazeta. Morning edition, 15027:* P. 2. (In Russ.).

General Samsonov is alive. (1915). *Tver Diocesan Gazette, 6:* 110—111. (In Russ.).

Glinka, S. N. (1823). *Russian history, 10.* Moscow: University Printing House. 194 p. (In Russ.).

How Osovets defended himself. (1915). *Morning of Russia: newspaper, 225:* P. 1. (In Russ.).

In the kingdom of heroes. (Regarding the book by Professor P. I. Kovalevsky "The Conquest of the Caucasus by Russia"). (1911). *Russian disabled, 129:* P. 3. (In Russ.).

Kalashnik, M. (1942). *One of many. Pravda: gazeta, 55 (8826):* P. 2. (In Russ.).
Kaspari, A. A. (1904). *The Conquered Caucasus. Sketches of the historical past and the current situation of the Caucasus with illustrations.* St. Petersburg: Rodina. 663 p. (In Russ.).
Kononenko, E. (1941). That's what the Soviet character is! *Pionerskaya pravda: gazeta, 95 (2607):* P. 3. (In Russ.).
Krasnitsky, A. I. (1900). *The Russian miracle leader: Count Suvorov-Rymniksky, Prince of Italy, his life and exploits.* St. Petersburg: Edition of A. F. Devrien. 373 p. (In Russ.).
Leontiev, V. (1915). Osovets. (From the memoirs of a participant in the defense). *Russian word: newspaper, 202:* P. 2. (In Russ.).
Lyubimskiy, S. (1879). From the mountains of the Caucasus to the forts of Erzurum. *Russian Russian Bulletin: Memoirs of the actions of the Erivan detachment of the Caucasian Army in the Russo-Turkish War of 1877—1878. Russian Bulletin, 144:* 732—754. (In Russ.).
Maksimovich, G. (1941). Educating tank destroyers. *Alarm: newspaper, 229 (3636):* P. 2. (In Russ.).
Menshikov, M. O. (1007). The testimony of Captain Shtokvich. *Novoe vremya: gazeta, 11412:* P. 4. (In Russ.).
Military leaflet. From the Danube Army. (1877). *Peterburgsky leaflet: newspaper, 134:* P. 4. (In Russ.).
Nazimov, S. I., Yatsko, I. V. (1911). *The Russian funny army. The history of its origin and development. Theory and practice of business in our days.* Moscow: Printing House of the I. D. Sytin Association. 162 p. (In Russ.).
Nemirovich-Danchenko, V. I. (1911). *Watchtower lights, 3.* St. Petersburg: Typolithography of the Joint-stock company "Samoobrazovanie". 305 p. (In Russ.).
Notes by Rafail Mikhailovich Zotov. (1896). *Historical bulletin, LXIV:* 762—797. (In Russ.).
Petropavlovsk, S. (1910). Russian fortresses do not surrender. *Russkiy Sever: gazeta, 641:* P. 4. (In Russ.).
Poliakov, A. (1942). *Russians don't surrender.* New York: E. P. Dutton. 191 p.
Polyakov, A. (1942). *Behind enemy lines: the diary of a war correspondent.* Moscow: Voenmorizdat Publ. 180 p. (In Russ.).
Potto, V. A. (1994a). *The Caucasian War. In 5 volumes, 1.* Stavropol: Kavkazsky Krai. 672 p. (In Russ.).
Potto, V. A. (1994b). *The Caucasian War. In 5 volumes, 4.* Stavropol: Kavkazsky Krai. 576 p. (In Russ.).
Review of the press. (1912). *Russian invalid: newspaper, 5:* P. 5. (In Russ.).
Romodanov, A., sacred. (1904). Speech to the soldiers of the reserve fleet of 1899—1904 going to the Far East in the village of Kamenka, Melitope. Uzda. *Tauride Diocesan Gazette, 8:* 581—582. (In Russ.).
Russia was filled with anger ... (1904). *Rus: gazeta, 51:* P. 2. (In Russ.).
Russian fortresses do not surrender to the enemy. (1914). *Zemshchyna: gazeta, 179:* P. 4. (In Russ.).
Slezskinsky, A. (1900). Smolensk partisans in 1812. *Russian antiquity, 103:* 651—665. (In Russ.).
Speech before the prayer service on the occasion of the centenary of the Patriotic War, delivered in the 1st women's gymnasium by St. S. I. Vvedensky on August 26, 1912. (1912). *Simbirsk Diocesan Gazette, 18:* 674—677. (In Russ.).

Summary of the causes and main moments of the Patriotic War. (1912). *Mogilev Diocesan Gazette, 23:* 781—798. (In Russ.).

The fall of Osovets. (1915). Morning of Russia: newspaper. *Russian fortresses do not surrender, 221:* P. 2. (In Russ.).

The soldier's service in examples with drawings. (1897). St. Petersburg: [b. i.]. 99 p. (In Russ.).

Zisserman, A. L. (1888). Field Marshal Prince A. I. Baryatinsky. *Russian archive, 3:* 49—68. (In Russ.).

References

Achmiz, K. G. (2022). "Russians don't give up!" The feat of self-sacrifice of the Soviet people in the Great Patriotic War of 1941—1945. *Science. Society. Defense, 10 / 1 (30):* 2—2. DOI: 10.24412/2311-1763-2022-1-2-2. (In Russ.).

Bakhtin, V. V. (ed.). (2016). *"Russians do not give up": forgotten pages of the history of the First World War: a collection of scientific papers.* Voronezh: Voronezh State Pedagogical University. 216 p. ISBN 978-5-00044-455-9. (In Russ.).

Bezugolny, A. Y., Bugai, N. F., Krinko, E. F. (2012). *Highlanders of the North Caucasus in the Great Patriotic War, 1941—1945: problems of history, historiography and source studies.* Moscow: Tsentrpoligraf. 478 p. ISBN 978-5-227-03570-7. (In Russ.).

Collection of articles on Adyghe literature and folklore. (1975). Maikop: [b. i.]. 204 p. (In Russ.).

Danilevskaya, N. V. (2023). The ideological meanings of social advertising of the new age (based on the texts devoted to the SVO). *Bulletin of Perm University. Russian and foreign philology, 15 (4):* 25—36. DOI: 10.17072/2073-6681-2023-4-25-36. (In Russ.).

Goloskokov, V. A., Rusakova, O. F. (2021). "Victorious" cliche phrases as a narrative component of the Great Patriotic War memory policy. *Scientific Journal "Discourse-Pi", 18 (3):* 76—95. DOI: 10.17506/18179568_2021_18_3_76. (In Russ.).

Houssaye, H. (1907). *La garde meurt et ne se rend pas: Histoire d'un mot historique.* Paris: Perrin et Cie. 61 p. (In Frenc.).

Ipatov, A. M. (2024). The defense of the Osovets fortress in modern Russian scientific research and in historical memory. In: *The First World War in historical memory and the current discourse of scientists: A collection of scientific articles.* Kaliningrad: I. Kant Baltic Federal University. 57—67. ISBN 978-5-9971-0898-4. (In Russ.).

Khmelkov, S. A. (1939). *Struggle for Osovets.* Moscow: Voenizdat NKOS of the USSR. 96 p. (In Russ.).

Lyubavin, I. V., Kirsanov, R. S. (2023). "Russians do not give up": the defense of Osovets. In: *Actual problems of science: a collection of articles based on the materials of the XIX International Scientific and Practical Conference.* Penza: Penza State University. 76—78. ISBN 978-5-907752-38-2. (In Russ.).

Mokshin, G. N. (2018). 226th Infantry Zemlyansky Regiment: history and modernity. History: facts and symbols, 1 (14): 69—75. DOI: 10.24888/2410-4205-2018-14-1-69-75. (In Russ.).

Okorokov, A. V. (2022). Russians don't give up! *Journal of the Heritage Institute, 4 (31).* DOI: 10.34685/HI.2022.55.74.007. (In Russ.).

Ponomarev, I. (1954). Our proud "Varyag" does not surrender to the enemy. *Ogonek, 54:* 22—23. (In Russ.).

Razumkova, A. V. (2018). *The ethnocultural specificity of the image of "oneself" and the image of "the other" in the linguistic consciousness of Russians, Tatars, Komi (Zyryans).* PhD Diss. Moscow. 236 p. (In Russ.).

Russia and the North Caucasus: History and Modernity. (2006). Moscow: Academic Project. 463 p. ISBN 5-8291-0661-2. (In Russ.).

Savvina, O. A. (2023). *"Russians don't give up." About the experience of patriotic education in the process of studying the course "The history of Russian school mathematical education". In: Patriotic education as the basis of the spiritual and moral formation of student youth (on the 80th anniversary of the Battle of Stalingrad): A collection of materials of the interregional round table.* Vologda: Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia. 54—59. ISBN 978-5-94991-703-9. (In Russ.).

Serov, V. V. (2005). *Encyclopedic dictionary of popular words and expressions. 2nd ed.* Moscow: Publishing house "Lockid- Press". 880 p. ISBN 5-320-00323-4. (In Russ.).

Tabakova, Z. P. (2016). "Attack of the dead" and "fiery angel" in history and poetry. *Actual problems of the humanities and natural sciences, 6—4:* 8—83. (In Russ.).

Tarle, E. V. (2010). *Napoleon.* Moscow: AST. 413 p. ISBN 978-5-17-067797-9. (In Russ.).

Voronov, V. (2009). Russians don't give up. (2009). *Top secret, 8/243.* Available at: https://www.sovsekretno.ru/articles/politika/russkie-ne-sdayutsya/ (accessed 26.10.2025). (In Russ.).

Where did the expression "Russians don't give up!" come from? (2018). *Arguments and Facts, 35.* Available at: https://aif.ru/society/history/otkuda_poshlo_vyrazhenie_russkie_ne_sdayutsya (accessed 26.10.2025). (In Russ.).

The article was submitted 31.10.2025;
approved after reviewing 02.12.2025;
accepted for publication 09.04.2026.

CC BY

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(3), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Магсумов Т. А. Хозяйственные комитеты средних школ позднеимперской России : модернизация внутришкольного управления / Т. А. Магсумов // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 3. — С. 441—462. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-3-441-462

Magsumov, T. A. (2026). School Management Committees in Late Imperial Russia: Modernization of Internal School Governance. *Nauchnyi dialog, 15* (3): 441-462. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-3-441-462. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus Q1 · DOAJ · ERIHPLUS · eLIBRARY.RU РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Хозяйственные комитеты средних школ позднеимперской России: модернизация внутришкольного управления

Магсумов Тимур Альбертович
orcid.org/0000-0003-0117-7513
WoS ResearcherID: I-5300-2013
Scopus Author ID: 55799874500
доктор исторических наук, доцент,
кафедра педагогики
им. З. Т. Шарафутдинова
nabonid1@yandex.ru

Набережночелнинский государственный
педагогический университет
(Набережные Челны, Россия)

School Management Committees in Late Imperial Russia: Modernization of Internal School Governance

Timur A. Magsumov
orcid.org/0000-0003-0117-7513
WoS ResearcherID: I-5300-2013
Scopus Author ID: 55799874500
Doctor of History,
Associate Professor,
Department of Pedagogy
named after Z. T. Sharafutdinov
nabonid1@yandex.ru

Naberezhnye Chelny State
Pedagogical University
(Naberezhnye Chelny, Russia)

© Магсумов Т. А., 2026

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена исследованию деятельности таких структур, как школьные хозяйственные комитеты в Российской империи в последней трети XIX — начале XX веков, в русле модернизационных процессов демократизации социума и децентрализации управления. Базовыми источниками выступили нормативные акты и эго-документы. Автор доказывает, что создание хозяйственных комитетов в последней трети XIX века стало важным шагом по децентрализации внутришкольного управления. Установлено, что, несмотря на положительное влияние на инфраструктуру и финансирование школ, хозяйственные комитеты стали формальными структурами, неэффективность которых росла из-за конфликта между принципами единоначалия и коллегиальности, ограниченных финансовых полномочий комитетов, недостаточного государственного надзора за ними, слабой вовлеченности их членов и зависимости последних от школьной администрации. Показано, что к началу XX века хозяйственные комитеты переживали кризис, что привело к их упразднению. Значение комитетов автор видит в том, что они ослабили авторитаризм внутришкольного управления и создали условия для становления бюрократической и государственно-общественной моделей управления школой.

Ключевые слова:
Российская империя; история образования; управление образованием; внутришкольное управление; средняя школа; хозяйственный комитет.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the role and functioning of school management committees in the Russian Empire during the last third of the 19th and early 20th centuries, situating their development within the broader context of societal modernization, democratization, and administrative decentralization. Drawing on normative documents and ego-documents as primary sources, the author argues that the establishment of these committees represented a significant step toward decentralizing internal school governance. While the committees contributed positively to school infrastructure development and financial management, their effectiveness was undermined by persistent tensions between principles of collegiality and unilateral authority, limited financial autonomy, insufficient state oversight, low engagement among committee members, and their dependence on school administrations. By the early 20th century, these structural weaknesses led to a crisis in the functioning of management committees, culminating in their eventual abolition. Nevertheless, the author contends that these bodies played a crucial role in mitigating authoritarian tendencies within school governance and laid the groundwork for the emergence of both bureaucratic and state-public models of educational administration.

Key words:
Russian Empire; history of education; educational administration; internal school governance; secondary school; school management committee.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(3), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94:373.5(47).082/.083
DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-3-441-462

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Хозяйственные комитеты средних школ позднеимперской России: модернизация внутришкольного управления

© Магсумов Т. А., 2026

1. Введение = Introduction

Образование, выступавшее одним из факторов модернизации позднеимперской России во второй половине XIX столетия, одновременно становилось и местом приложения многих модернизационных процессов. В их числе усиливались бюрократизация, демократизация и тесно связанная с ней общественная активность. В этом контексте во внутришкольное управление во второй половине позапрошлого столетия проникало все больше характерных черт принципа коллегиальности, а к концу века — и механизмов государственно-общественного управления, вылившихся в создание попечительских советов и родительских организаций в средних школах.

Атрибутивная черта модернизации — противоречивость традиции — выразилась во внутришкольном управлении в конфликте между принципами единоначалия и коллегиальности. Это привело к тому, что «директорам надо быть большими дипломатами, чтобы, без ущерба для себя, ловко лавировать между этими Сциллой и Харибдой хозяйского желания и бюрократического формализма» [Великопольский, 1909, с. 177], — с сочувствием метко отметил управленческую ситуацию, в которой оказывались многие директора российских школ в начале XX века, педагог А. А. Великопольский, воспоминания которого, подчеркну, явно не блещут любовью к директорскому корпусу.

Однако это, скорее, промежуточные результаты, полученные в ходе достаточно долгого развертывания модернизационных процессов бюрократизации и демократизации. Статья будет о «первой ласточке» этих процессов — хозяйственных комитетах. Созданные «сверху» (и это черта далеко не только российской позднеимперской догоняющей модернизации, часто насильно «насаживающей» модерные элементы, чтобы переломить традицию) в 1870-е годы, они стали первым (конечно, не считая педагогических советов, созданных по уставу 1828 года) в модернизирующейся России коллегиальным органом управления школой.

CC BY

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Поставленная задача определила необходимость подбора материалов двух групп: о правовом статусе комитетов и о том, как они в реальности организовывали и осуществляли свою деятельность. Работа с источниками (как эмпирическая часть исследования) осуществлялась на базе историко-критического метода [Litvin, 2016].

Первая группа материалов изыскивалась в многообразных нормативно-правовых источниках. Общие «Положения» и «Уставы» об определенном типе (виде) учебных заведений раскрывают нам важные вехи изменений правовых норм, включая датировку, состав и полномочия комитетов; правоприменительную регламентацию уточняет «Инструкция хозяйственным комитетам гимназий и прогимназий ведомства МНП» 1872 года [Свод …, 1888, с. 51—53]. И, наконец, в относительно полной мере нормативная регламентация содержится в различных специализированных к типу учебных заведений правовых сборниках (сводах). Ретроспективное погружение в правовую форму позволило определить традицию следования норме, а перспективное воссоздание — ее изменение вслед за модернизацией.

Во второй группе материалов особо выделяются эго-документы педагогов и общественных деятелей в сфере образования, как приводящих примеры реальной управленческой практики школьной администрации, так и дающих ей оценку. Эти сведения уточняются статистическими данными о работе хозяйственных комитетов, представленными в делопроизводстве (в российских и местных масштабах) в виде отчетов и примыкающих к ним по форме наррации исторических очерках, в последних все же дается и некоторая сравнительная аналитика в дополнение к описанию.

Стремление к видению хозяйственных комитетов в их развитии и взаимосвязи с множеством иных элементов общественных систем обусловило, в опоре на принципы историзма и системности, использование в качестве базового историко-генетического метода, а задаваемая характером источников логика сделала историко-сравнительный метод в исследовании вспомогательным. Основой для определения базового и вспомогательного методов послужили условия противоречивости развития этого управленческого органа, которые определили его изучение с позиций модернизационной (доминирующей в исследовании), но с опорой на конфликтологическую и бюрократическую теории.

Логика построения статьи предусматривала ретроспективный взгляд от кризисного состояния хозяйственных комитетов, сложившегося к концу XIX века, к определению причин, приведших к этому кризису, через выявление условий создания хозяйственных комитетов, их состава, полномочий и организации работы, а затем, уже через перспективу, — и к сложив-

CC BY

шимся в начале XX века альтернативам развития как способам решения ключевой проблемы. Движение от ретроспективы к генезису и перспективе здесь выступило способом изложения (и ни в коем случае — противоречивой триадой методов), призванным заострить внимание на изначальной несостоятельности комитетов, при всей возросшей необходимости развития коллегиальности.

Движение от авторитарности к коллегиальности и общественному участию в управлении школой воспринимается историками образования как один из важных шагов в модернизации образования и повышении его эффективности [Adam, 2012; History …, 2023]. Исследования показывают, что современное общественное и коллегиальное управление положительно влияет на улучшение школьной инфраструктуры, финансирования [Asim, 2025] и даже на качество образования [Santibanez, 2014], создавая взаимосвязь школы и социума, но утверждают, что в историческом контексте эта взаимосвязь в странах первого и второго эшелона модернизации складывалась противоречиво и централизация школьного управления воспринималась обществом не менее благосклонно, чем децентрализация, в силу имеющейся коррупции и неорганизованности хозяйственной жизни школ [Fierro, 2025]. Тем не менее исследования в странах третьего эшелона модернизации показывают важность смены «образовательного надзора» (авторитарности) на управление образованием (многоагентность) [School ..., 2024].

Российские исследователи отдельно не останавливались на органах внутришкольного управления, например, указанной теме напрямую посвящена лишь одна статья, да и то в контексте одного типа учебных заведений одной губернии, что привело к описательности ее материалов и поверхностности выводов [Филимонов, 2022]. При этом в российской историографии, посвященной истории образования, существует множество исследований о руководящем персонале системы образования на всех ее уровнях, включая директоров школ, тогда как зарубежная политическая и социальная истории образования директоров школ обходили стороной, «как будто директора вообще не существовало» [Rousmaniere, 2007, p. 4]. Полагаем, во всех случаях задействована историографическая ситуация: превалирование единоначалия во внутришкольном управлении в нашей стране на всем протяжении прошлого века, равно как и развитие различных форм общественного участия и коллегиальности — на западе. Тем не менее отечественные историки образования все же рассматривают хозяйственные комитеты в аспекте развития идей образовательного попечительства [Хасанов, 2024] или в контексте истории учебных заведений [Cherkasova, 2025], губернских [Аминов, 2014] и окружных [Cherkasov, 2023; Magsumov, 2023], уровневых [Zharova, 2024], отраслевых [Loginova, 2024] систем образования.

CC BY

В числе современных проблем общественного управления школой исследователи из стран третьего эшелона модернизации видят слабую вовлеченность общества и коллективов во внутришкольное в силу недостаточной информированности, неадекватной подотчетности и неоднозначности обязанностей, неподготовленности к полноценному участию во внутришкольном управлении, превращающих коллегиальные и общественные органы управления в чисто символические [Adil; 2018] или занимающиеся узкими вопросами своей сферы ответственности [The parents' …, 2024], а риторика высказываний о них в отдельных случаях становится важнее их содержания. Все это связывается с традиционными укладами: централизованной системой образования и жесткой иерархичной системой управления [Moradi, 2016].

Автор стремится воссоздать институциональную историю хозяйственных комитетов средних школ России во второй половине XIX — начале XX веков как часть модернизационных процессов демократизации и децентрализации управления образовательными учреждениями Российской империи.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Кризис принципа коллегиальности внутришкольного управления к концу XIX столетия

К концу XIX столетия в перечне органов внутришкольного управления хозяйственные комитеты средних школ педагогической общественностью воспринимались как полностью нежизнеспособные: «Трудно себе представить что-либо более несостоятельное, чем это учреждение» [Стратонов, 1910, с. 110]. Властями же этот обязательный для государственной средней школы орган определялся как важный и необходимый элемент коллегиального управления и ведомственного контроля над работой школьной администрации.

Тем не менее администраторы Министерства народного просвещения (далее — МНП), по меньшей мере к началу XX века, осознавали противоречивость сложившейся ситуации. В одном из «исторических» (наряду, например, с отменой летних каникулярных (домашних) работ учеников средних учебных заведений) циркуляров министра народного просвещения Н. П. Боголепова от 1 августа 1900 года констатировалось, что «коллегиальные учреждения (педагогические советы и хозяйственные комитеты. — *Т. М.*), которые, по мысли законодателя, призваны ведать наиболее важные дела школы и иметь преобладающее значение при их рассмотрении и разрешении, в действительности <...> частью не в полном объеме исполняют свои обязанности, а частью относятся к ним лишь формально. Интересы школы настоятельно требуют оживления этих учреждений» [О введении …, 1900, с. 13].

CC BY

Впрочем, само МНП было отчасти виновато в данном положении вещей. Именно такое вторичное («второсортное») восприятие роли хозяйственных комитетов было свойственно министерским чинам. Так, в инструкции окружным инспекторам и ревизорам средних школ от 3 марта 1871 года, несмотря на объем указаний по ревизии хозяйственной части учебных заведений (11 параграфов из 35 по документу в целом), напрямую анализ организации и деятельности хозяйственных комитетов не указывался в качестве направления ревизорской деятельности, тогда как в отношении других коллегиальных органов — попечительных и педагогических советов — рекомендовалось изучить, принимают ли они «деятельное участие в преуспевании заведений и отличаются ли их совещания должным единодушием, энергией и целесообразностью своих постановлений» [Лаурсон, 1916, с. 1085—1092]. Еще более скудно — всего одним общим предложением — дан итог работы хозяйственных комитетов в историческом обзоре деятельности МНП времен Александра III, а вот педагогическим советам средних школ там уделено полторы страницы [Обзор …, 1901, с. 235—237].

С кризисом коллегиальности внутришкольного управления, но в отношении педсоветов (хозяйственных комитетов тогда не существовало) пытался бороться еще Н. И. Пирогов, находясь на постах Попечителя Одесского, а затем и Киевского учебных округов, требуя сбора педсоветов не реже раза в месяц, гласного обсуждения проблем, доходя в своих предложениях до выборности директора педагогическим советом [Пирогов, 1986, с. 80, 90, 101, 151, 155]. Все это происходило прямо накануне «Великих реформ».

К началу XX века педагогическая общественность четко обозначила необходимость сочетания единоначалия и коллегиальности во внутришкольном управлении. Так, В. И. Чарнолуский, о котором всегда забывают сказать, что он работал последовательно и в министерстве просвещения Временного правительства, и в Наркомпросе, видел за «единоличными специалистами» текущую работу «по заведыванию школами», а за коллегиальными органами — «всестороннее, тщательное обсуждение многочисленных сложных задач и интересов, <…> решение общих вопросов, связанных с функционированием этой организации (школы. — *Т. М.*), и разработку проектов для представления на решение органов общественного самоуправления» [Чарнолуский, 1909, с. 51]. Общественный деятель предлагал соединить принцип коллегиальности с принципом общественного участия в управлении школой посредством включения в состав коллегиальных органов представителей «населения, образовательные потребности которого» они обслуживают. Реализацию этого принципа он предполагал через комплектование состава этих органов посредством выборов от представительных органов местного самоуправления (так, например,

CC BY

формировались попечительные советы коммерческих училищ), однако идеальным видел путь через прямые выборы от всего населения; закономерными членами коллегиальных органов он считал и представителей от участников образовательных отношений — учителей данного региона, школьных врачей, инспекторов учебных заведений, студентов и старшеклассников [Чарнолуский, 1909, с. 51].

А что же власти? В упомянутом Боголеповском циркуляре констатировалось, что, «по имеющимся в министерстве сведениям, учреждения эти (хозяйственные комитеты. — *Т. М.*) существуют только номинально, но не действуют; по крайней мере, они нередко проявляют свою жизнь выполнением внешних формальностей: заседания не собираются, дела решаются председателем единолично, а заранее заготовленные определения подписываются членами в короткие промежутки времени между уроками» [О введении …, 1900, с. 16]. В циркуляре министр практически прямо указывает на виновных в «столь незаконном порядке ведения дел» — начальников учебных заведений. Впрочем, далее констатации проблемы циркуляр, как и большинство шагов в министерство Н. П. Боголепова, не пошел: руководителям школ предлагалось восстановить работу коллегиальных органов по правовым нормам и указывалось на их персональную ответственность за организацию школьной жизни и работу этих органов как их председателей. Рассмотреть нарастание кризиса нам позволит его предыстория.

3.2. Истоки становления хозяйственных комитетов в российских средних школах

Хозяйственные комитеты при гимназиях были созданы по уставу 1871 года. Устав 1864 года о них не упоминает, а дела по хозяйственной части должны были обсуждаться в педсоветах [Устав …, 1864, с. 47]; о первом появлении по уставу 1871 года хозяйственных комитетов как особых новых органов, которым «переданы хозяйственные функции», говорит и Исторический очерк работ по реформе средних школ [Краткий …, 1915, с. 9]; не указывались они и в «Положении о Молодечнянской учительской семинарии» 1870 года [Положение …, 1874, с. 271] (впоследствии стало типовым и было распространено на все учительские семинарии). При государственных средних профессиональных школах хозяйственные комитеты стали создаваться со времени их учреждения или выхода последующих (после гимназического устава 1871 года) положений, например, в земледельческих училищах — с момента выхода обновленного положения 1878 года [Сборник …, 1909, с. 74].

В разделах, касающихся общих положений, учредительных актов различных типов учебных заведений хозяйственные комитеты, ставшие, наряду с педагогическими советами, двумя основными и обязательными

CC BY

коллегиальными органами внутреннего управления государственной школой, получили в свое ведение «дела хозяйственные» (педсоветы — дела по учебной и воспитательной части) [Устав …, 1871, с. 44].

Причиной создания хозяйственных комитетов и передачи им полномочий педсоветов в хозяйственных делах МНП видело «неудобство» внутришкольного управления: решение хозяйственных дел отвлекало педсоветы (именно на них до создания хозяйственных комитетов возлагалось обсуждение вопросов по хозяйственной части школ) от их прямых функций — ведения дел учебной и воспитательной части, а доля ответственности, падавшей на каждого члена многолюдного педсовета в отдельности, в значительной степени уменьшалась [Свод …, 1888, с. 49]. Проблема эта, на которую «особенно указывали попечители округов Санкт-Петербургского и Одесского», и была решена МНП в уставе 1871 года по примеру военных гимназий (именно в них хозяйственные комитеты учреждены впервые в средних школах страны — по уставу 1866 года [Положение …, 1873, с. 133, 141]).

Отметим, что, несмотря на консервативную оценку устава 1871 года в советской историографии, в нем был заложен ряд модернизационных положений: в частности, это усиление коллегиальности внутришкольного управления и децентрализация последнего.

3.3. Состав хозяйственных комитетов как отражение движения от авторитарности к коллегиальности в управлении школой

Великое разнообразие типов школ в позднеимперской России с соответствующей ему пестротой нормативной базы усложняет определение состава хозяйственных комитетов. Если все же попытаться обобщить, то состав комитетов был обязательно представлен директором (обычно как председателем) и, при их наличии, инспектором учебного заведения (инспектор четырехклассной прогимназии был председателем комитета в силу отсутствия в ней должности директора; в женских гимназиях председательствовал также инспектор классов, а не начальница гимназии [Кузьменко, 1912, с. 551; Ошанин, 1906, с. 26], почетным попечителем или учредителем — частным лицом (или лицами, избранными от попечительного совета из его состава) в качестве непременных (обязательных) членов, а также несколькими штатными преподавателями школы. В гимназиях их было трое, избираемых педсоветом на три года [Устав …, 1871, с. 63], в земледельческих училищах — один, также избираемый педсоветом из числа учителей на три года, но утверждаемый министерским департаментом по представлению директора [Сборник …, 1910, с. 15]. Секретарь комитета его членом не был.

Это избрание педсоветом и попечительным советом представителей из своей среды в комитет устанавливало их косвенное верховенство над

CC BY

последним. Впрочем, весьма условное, поскольку преподаватели в качестве членов комитета отражали традицию предыдущего устава 1864 года, сам орган воспроизводил принцип коллегиальности руководства, и иного коллективного представительства штатных работников школы, кроме как членов преподавательской корпорации, у директора могло и не быть.

Лишь к концу XIX столетия, с повышением статуса школьного врача, последний получает возможность на вхождение с правом голоса в состав комитета (равно как и педсовета): так, для сельскохозяйственных училищ это было закреплено в 1900 году, для землемерных училищ — в 1912 году [Сборник …, 1907, с. 185; Положение …, 1914, с. 7]. Устав сельскохозяйственных училищ 1912 года уже и вовсе трактовал присутствие врача в комитете как обязательное: «В заседаниях комитета присутствует, с правом голоса, врач училища» [Устав …, 1912, с. 18—19]. Причем эта его дополнительная должность, как и у непременных членов комитета, не проходила утверждение через министерский департамент земледелия [Там же].

Следующим важным аспектом, предварявшим государственно-общественный характер управления школой и, по мысли законодателя, имевшим целью «вызвать общественный почин в деле сельскохозяйственного образования», «сблизить сельскохозяйственные учебные заведения с сельскохозяйственными сферами и тем установить ту связь, при которой учебные заведения и в состоянии удовлетворить местные потребности» [Мещерский, 1905, с. 6], стало дозволение с 1904 года председателям комитетов (и педсоветов) земледельческих училищ приглашать «в их заседания, с правом совещательного голоса, местных хозяев и других лиц, которые могут оказать содействие при обсуждении вопросов учебных и хозяйственных» [Сборник …, 1907, с. 185; Сборник …, 1909, с. 304]. Гимназический устав 1871 года не указывал на возможность внешнего присутствия в комитете, но инструкция хозяйственным комитетам 1872 года допустила приглашение в их заседания для объяснений других лиц, но лишь состоявших при гимназии и без права голоса [Устав …, 1871, с. 63; Свод …, 1888, с. 51].

Примат педсовета над комитетом гимназии проявлялся и в неполной коллегиальности последнего: делопроизводство в нем возлагалось на письмоводителя [Свод …, 1888, с. 51], то есть должность секретаря комитета была невыборной и полностью зависящей от директора школы; впрочем (и при этом), делопроизводитель не был членом комитета (в отличие от секретаря педсовета). Секретарь комитета в сельскохозяйственных училищах также не был его членом, но его статус был выше: как и секретарь педсовета, он утверждался министерским департаментом по представлению директора, но без соответствующего избрания в коллегиальном органе. Занимать эту должность мог, в отличие от гимназии, не только письмово-

CC BY

дитель (письмоводитель-бухгалтер), но также преподаватель или надзиратель (воспитатель) [Сборник …, 1910, с. 15; Устав …, 1912, с. 19].

Избираемость члена комитета от преподавательской корпорации на три года устанавливала не только сам принцип выборности в коллегиальном управлении гимназией, но и содействовала развитию принципа сменяемости руководства, усилившемуся возможностью для членов комитета отказываться от права избрания на эту должность в следующее трехлетие [Устав …, 1871, с. 63]. Последнее право было прибавлено законодателем в виде примечания «на том основании, что выполнение обязанностей этого звания (члена комитета. — *Т. М.*) могло бы оказаться обременительным, если бы одни и те же преподаватели были избираемы по несколько раз подряд, тем более что им не предоставляется за то никакого вознаграждения» [Свод …, 1888, с. 49]. Обременение педагога множеством функций коллегиального управления, добавим, усиливалось его участием еще в педсовете, он мог быть также членом его предметной комиссии и комиссии наблюдателей. По видимости, в стремлении обеспечить полноценную коллегиальность состава комитетов земледельческих училищ устав 1888 года предполагал утверждение кандидатов для исполнения обязанностей члена комитета «в случае болезни или отсутствия кого-либо из членов этого комитета» [Сборник …, 1910, с. 15]. Отдельным письмом в 1880 году министерство земледелия уточнило, что учителя, исполняющие иные обязанности по училищу (секретарь педсовета, библиотекарь), могут избираться на должность кандидата члена комитета, «во всяком случае и в виду того, что по должности кандидата члена хозяйственного комитета не полагается особого вознаграждения», хотя и признало возложение нескольких дополнительных обязанностей на одного человека неудобным [Сборник …, 1910, с. 670].

Принципиально иным был состав хозяйственных комитетов в негосударственных школах. В общественных коммерческих училищах (учрежденных городом, земством или общественной организацией) он состоял из одного-двух членов попечительного совета (последний выбирал из их числа председателя комитета), директора, инспектора (при наличии) и двух преподавателей по выбору попечительного совета [Сборник …, 1907, с. 35]; в частных — из руководителя учебного заведения как председателя, учредителя и одного из лиц по его выбору, одного из преподавателей [Сборник …, 1907, с. 40]. В негосударственной школе, таким способом, власть закладывала директорско-преподавательский (и по факту — собственный, в силу зависимости назначений двух последних групп от министерства) контроль деятельности хозяйственных комитетов, дойдя в частной коммерческой школе до передачи председательской должности в руки начальника учебного заведения.

CC BY

Аналогичной была политика в отношении государственных школ: в случае наличия в них почетного попечителя, последний автоматически считался членом комитета, занимая в нем первое место, но не председательствуя [Устав …, 1889, с. 18—19], а статус директора, становившегося по должности председателем комитета (как и педсовета), гимназический устав 1871 года подчеркивал аж три раза [Устав …, 1871, с. 53, 54, 63].

Это положение вещей так суммировал Е. И. Стратонов: «Хозяйственный комитет является, прежде всего, недоразумением по своему внутреннему противоречию. Из кого состоит он? — Из начальства и трех непосредственно ему подчиненных. В чем его обязанность? — в наблюдении за своим прямым начальством в поверке и исправлении его действий и предложений» [Стратонов, 1910, с. 110]. Такой контроль подчиненных над начальством вынуждал последнее делать составы комитетов лояльными. Так, в Царицынской Александровской гимназии из трех выборных членов комитета в течение шести сроков (1883—1900 годы) один человек избирался все шесть раз, двое — по три раза, трое — по два раза; и это при том, что штатный состав гимназии на 1900 год составлял 16 преподавателей [Адрес-календарь …, 1900, с. 328; Горбатов, 1900, с. 122].

3.4. Функционирование: направления деятельности и полномочия хозяйственных комитетов

Заседания комитетов (текущие и «чрезвычайные») могли созываться директором или по предложению двух членов комитета; директор вносил повестку (остальные члены комитета также могли вносить вопросы, но не менее 2/3 голосов), направлял прения и объявлял решения, его голос давал перевес в случае равенства голосов. В случае несогласия с мнением комитета директор представлял данный вопрос на решение попечителя учебного округа, а в случае безотлагательности вопроса мог решить его по своему усмотрению. Вопросы в комитете решались большинством голосов, кворум для заседания включал председателя и двух членов (что с постепенным увеличением численности членов комитетов стало нарушать принцип большинства), все документы на заседания предъявлялись в подлиннике. Директор представлял комитет во всех внешних сношениях, под его, совместно с бухгалтером, ответственностью находились все выплаты [Ошанин, 1906, с. 17; Свод …, 1888, с. 51, 53].

Зачастую реальная картина отличалась от нормативной: «Комитет, обыкновенно, собирается. Ему подносят счета расходов. Он подписывает, что все перечисляемое нужно и действительно приобретено. Показывают и смету. Объясняют. Соглашаются и подписывают. Содержания члены не получают, но наградные им свободно выдаются» [Стратонов, 1910, с. 111]. Почему же в коллегиальном выборном и голосующем органе были столь

CC BY

редки противоречия при обсуждении и принятии решений? Мы уже упоминали о лояльном составе выборных членов комитетов, получавших наградные по иным формулировкам, но даже при возможной их нелояльности «подчиненные хорошо понимают, что как бы интересы дела и школы не были дороги и близки и как бы не заманчива была слава безукоризненного блюстителя их, но своя голова дороже и ближе». Да и сами «директора принимают во всяком случае и всяческие меры, чтобы не допустить разногласий, а если <…> таковые получаются, — не выносить их за стены школы» [Стратонов, 1910, с. 110—111].

Упоминавшееся выше признание образовательными ведомствами страны избыточности работы педагогов в комитетах было неслучайным. Число заседаний хозяйственных комитетов было большим, чем у педсоветов. Так, в 1902 и 1903 годах (табл.) количество заседаний хозяйственных комитетов в среднем на шесть превышало число педсоветов в каждом среднем учебном заведении страны, находящемся в ведении МНП. В этом

Таблица

Число заседаний коллегиальных органов управления
в средних школах ведения МНП в 1902 и 1903 годах

Table

Number of meetings of collegiate governing bodies in secondary schools under the jurisdiction of the Ministry of Public Education in 1902 and 1903 *

	1902 год			**1903 год**		
	Количество школ	**Число заседаний педсоветов**	**Число заседаний хозяйственных комитетов**	**Количество школ**	**Число заседаний педсоветов**	**Число заседаний хозяйственных комитетов**
Средние технические училища	20	567	1032	22	531	885
Мужские гимназии и прогимназии	243	7414	9400	246	7450	9520
Реальные училища	124	3267	3150	131	3339	3367
Всего	387	11248	13582	399	11320	13772
В среднем на одну школу		29,06	35,09		28,37	34,51

* Источники: [Отчет …, 1904, с. 150, 193, 251, 555—566; Отчет …, 1905, с. 152, 213, 321, 610].

CC BY

числе не учтены предметные и классные комиссии педсоветов, равно как строительные комиссии, занимавшиеся организацией, обеспечением и контролем строительства зданий учебных заведений.

В числе обязанностей комитета нормативные акты предусматривали:

1) имущественный контроль, в том числе через ежегодную инвентаризацию материальной части школы;

2) финансовый контроль, осуществляемый с помощью финансовой ревизии путем сравнения приходно-расходных книг, счетов и сумм со сметой учебного заведения три раза в год;

3) финансовый и имущественный учет расходов учебного заведения вне сметы посредством фиксации «действительного производства важнейших работ и поступления таких предметов, которые приобретаются единовременно в большом количестве» и через процедуру утверждения этих расходов («рассмотрение расчетов с подрядчиками и поставщиками»);

4) составление финансовой отчетности — общих годовых смет, представляемых попечителю учебного округа;

5) финансовое управление: операционное планирование («составление предположений о строительных работах, необходимых в зданиях» школы), оптимизация расходов («определение выгоднейшего способа приобретать предметы»), назначение и производство торгов (на работы подрядным способом, продажу негодного имущества), управление активами («попечение об извлечении доходов с оброчных статей заведения»), управление операционными рисками («рассмотрение случаев затруднений в подрядах и поставках и обсуждение мер к их устранению», выполнение работ и покупка вещей в счет залогов поставщиков и подрядчиков в случае их «неисправности») [Ошанин, 1906, с. 26; Свод …, 1888, с. 51—52].

Естественно, финансовые полномочия комитетов были расписаны особенно четко. Комитеты ограничивались правом разрешать денежные выдачи по определенным штатом статьям расходов. При этом расходы до 300 руб. комитет мог производить самостоятельно; до 1000 руб. — обязан был произвести торги и только в случае, если они не состоятся или окажутся невыгодными — произвести закупку до той же суммы самостоятельно; на расходы выше 1000 руб. испрашивалось разрешение министерства. Торги не объявлялись на закупку книг и учебного оборудования, а также оплату освещения, водопровода, страхования зданий. Комитет мог списывать утраченное воспитанниками и пришедшее в негодность имущество. В гимназиях, согласно уставу, издержки, по постановлению комитета, мог производить директор на сумму не более 30 руб. на один предмет сверх штатного положения (причем в министерской инструкции это право было закреплено за комитетом) [Ошанин, 1906, с. 17; Сборник …, 1910, с. 16; Свод …, 1888, с. 52—53].

CC BY

В частных коммерческих училищах комитет, принимавший плату за обучение и составлявший смету расходов, распоряжался суммами из платы за учение, вносившимися в одно из местных кредитных учреждений и расходовавшимися комитетом по смете. Излишек же выдавался учредителю, равно как и возможные остатки из сметных сумм по полугодиям [Сборник …, 1907, с. 40]. Такой механизм, видимо, был нацелен на ограничение возможных злоупотреблений со стороны учредителя и защиту финансовых средств родителей. Однако за учредителем сохранялось право не согласиться с представленной сметой; в таком случае она поступала на рассмотрение министерства, а поступавшая в банк сумма могла тратиться на «текущие и необходимые расходы» [Сборник …, 1907, с. 40].

3.5. Две альтернативы хозяйственным комитетам начала XX века

В условиях становления государственно-общественной модели образования и управления им новым механизмом стало упразднение хозяйственных комитетов в случае учреждения попечительных советов с передачей их функций последним. Эту возможность для негосударственных средних школ (гимназий, прогимназий и реальных училищ) предоставил закон от 1 июля 1914 года [Лаурсон, 1916, с. 694]. Впрочем, в отдельных типах негосударственных школ, например, коммерческих и мореходных училищах, комитет был и изначально необязательным органом. При этом уже по первому положению (1896 года) тем же средним коммерческим школам было разрешено создавать комитет «в случае надобности, в помощь попечительному совету по делам хозяйственным» [Сборник …, 1907, с. 35]. Это право положением 1900 года было распространено на все частные коммерческие учебные заведения всех уровней образования с оговоркой, что в исключительных случаях комитет может создаваться при школе по усмотрению министра финансов [Сборник …, 1907, с. 40].

Иной механизм отражала средняя профессиональная школа. Так, устав сельскохозяйственных училищ 1912 года сократил преподавательское представительство в комитете до одного человека за счет добавления управляющего хозяйством [Устав …, 1912, с. 18] (то есть учебной фермой училища). Усиление административного представительства в комитете (75 % его членов) снижало коллегиально-представительный характер этого органа, приближая его к своеобразному «совещанию при директоре», хотя одновременно профессионализировало это коллегиальное управление. Эта модель реализовывалась и в средних технических училищах, устав которых 1889 года предполагал в составе комитета директора, инспектора, всех заведующих учебной частью отделений, руководителя работ и одного или двух преподавателей, впрочем, устанавливая минимальное количество членов комитета в четыре лица [Устав …, 1912, с. 17].

CC BY

4. Заключение = Conclusions

Созданные, а скорее даже «насаженные» государством в последней трети XIX века хозяйственные комитеты мыслились властью управленческим структурным подразделением школы, нацеленным на развитие коллегиальности и функциональной специализации во внутришкольном управлении, подспудно усиливая финансово-хозяйственное самоуправление и самоконтроль школы.

Заявленный условиями догоняющей модернизации (то есть априорно внедренный в условиях, когда участники образовательных отношений были еще не готовы к оперированию им), этот коллегиальный и обязательный орган внутришкольного управления изначально оказался неэффективным. В частности:

а) незначительные, по суммам и функционалу, полномочия по операционному финансовому управлению, равно как и несущественный государственный надзор за этим органом, снижали его важность;

б) высокая доля руководящих работников, соединенных в составе комитетов с подчиненными им специально подбираемыми преподавателями, загруженными основной деятельностью и работой в педсоветах, ослабляла контроль комитетов над администрацией;

в) расширение состава представительства, несмотря на позитивную цель, коллегиальность не развивало, поскольку шло за счет штатных работников школ.

К началу XX столетия в условиях роста негативных общественных настроений и неспособности изменить несостоятельность хозяйственных комитетов власти пошли на существенное изменение их места в организационной структуре управления учреждениями среднего образования. В негосударственной школе, направленной по пути развития принципа государственно-общественного управления, полномочия комитетов были переданы попечительным советам, а в государственной — трансформация достигалась через профессионализацию и развитие внутришкольной бюрократии.

Несмотря на низкую эффективность в развитии принципа коллегиальности, хозяйственные комитеты (даже самим своим существованием) ослабляли директорское единоначалие и приобщали школу к коллегиальности, подготовив почву для появления и большей успешности работы уже иных — государственно-общественных, а не только коллегиальных — органов управления школой, действенность которых была выше в силу общественного, а не государственного, как в случае хозяйственных комитетов, характера создания и деятельности этих институций.

В отношении современной образовательной практики полученные выводы доказывают важность промежуточных (внутренних коллегиальных) форм, постепенного и последовательного внедрения новаций в управление

CC BY

школой для стран второго и третьего эшелона модернизации при их движении к демократизации школы. Даже в случае формальности и слабой эффективности (в ближайших своих последствиях) таких демократических форм управления школой они позитивно влияют в отдаленной перспективе на внедрение практики управления на базе школы (School-based management).

В перспективе нужно определить роль коллективных акторов школьной жизни и коллективных моделей самоуправления в школе в становлении государственно-общественного управления образованием в Российской империи к началу XX века.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Адрес-календарь* Саратовской губернии на 1900 год. — Саратов : Губернский статистический комитет, 1900. — 453 с.

2. *Краткий* исторический обзор хода работ по реформе средней школы Министерства народного просвещения с 1871 г. — Петроград : Типография В. И. Андерсона и Г. Д. Лойцянского, 1915. — 56 с.

3. *Кузьменко Д. П.* Сборник постановлений и распоряжений по женским гимназиям и прогимназиям Министерства народного просвещения за 1870—1912 годы / Д. П. Кузьменко. — Москва : Юридический книжный магазин "Правоведение" И.К. Голубева, 1912. — 752 с.

4. *Лаурсон А. М.* Справочная книга для учебных заведений и учреждений ведомства Министерства народного просвещения / А. М. Лаурсон. — Петроград : Типография В.Д. Смирнова, 1916. — 1154 с.

5. *Мещерский И. И.* Новое положение о сельскохозяйственном образовании и его применение / И. И. Мещерский. — Санкт-Петербург : Типография В. Ф. Киршбаума, 1905. — 189 с.

6. *О введении* новых учебных планов по древним языкам в мужских гимназиях: Циркуляры министра народного просвещения попечителям учебных округов. — Казань : Типо-литография императорского университета, 1900. — 20 с.

7. *Обзор* деятельности ведомства Министерства народного просвещения за время царствования императора Александра III. — Санкт-Петербург : Государственная типография, 1901. — 676 с.

8. *Отчет* министра народного просвещения за 1902 год. — Санкт-Петербург : Сенатская типография, 1904. — 609 с.

9. *Отчет* министра народного просвещения за 1903 год. — Санкт-Петербург : Сенатская типография, 1905. — 731 с.

10. *Ошанин М. А.* Положение о мужских и женских гимназиях и прогимназиях Министерства народного просвещения / М. А. Ошанин. — Ростов : Типография А.Х. Оппель, 1906. — 47 с.

11. *Положение о* военных гимназиях [утверждено 15.10.1866] // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 2. — Санкт-Петербург : Государственная типография, 1873. — Т. 41. — С. 132—141.

CC BY

12. *Положение о* землемерных училищах [утверждено 26.04.1909]. — Житомир : Волынская губернская типография, 1914. — 10 с.

13. *Положение о* Молодечнянской учительской семинарии [утверждено 17.03.1870] // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. — Санкт-Петербург : Государственная типография, 1874. — Т. 45. — С. 270—272.

14. *Сборник* сведений по сельскохозяйственному образованию. Действующие узаконения по сельскохозяйственному образованию. — Санкт-Петербург : Типография В. Ф. Киршбаума, 1909. — Выпуск XIV. — 437 с.

15. *Сборник* сведений по сельскохозяйственному образованию. Действующие распоряжения по сельскохозяйственным учебным заведениям. — Санкт-Петербург : Типография В. Ф. Киршбаума, 1910. — Выпуск XV. — 798 с.

16. *Сборник* узаконений об учебных заведениях, не состоящих в ведомстве Министерства народного просвещения. Средние учебные заведения. — Санкт-Петербург : Государственная типография, 1907. — Выпуск II. — 212 с.

17. *Свод* постановлений и распоряжений по гимназиям и прогимназиям ведомства Министерства народного просвещения. — Санкт-Петербург : Типография В. С. Балашева, 1888. — 480 с.

18. *Устав* гимназий и прогимназий ведомства Министерства народного просвещения [утвержден 19.11.1864] // Журнал министерства народного просвещения. — 1864. — Ч. CXXIV (124). — Отд. I. — С. 45—71.

19. *Устав* гимназий и прогимназий ведомства Министерства народного просвещения [утвержден 30.07.1871] // Журнал министерства народного просвещения. — 1871. — Ч. CLVI (156). — Отд. I. — С. 42—73.

20. *Устав* средних сельскохозяйственных училищ по Положению 26 мая 1904 года [утвержден 04.01.1912]. — Санкт-Петербург : Типография В. Ф. Киршбаума, 1912. — 24 с.

21. *Устав* средних технических училищ [утвержден 27.09.1889]. — Санкт-Петербург : Типография Императорской Академии наук, 1889. — 44 с.

Литература

1. *Аминов Т. М.* Система профессионального образования в регионах дореволюционной России (на примере Башкирии) / Т. М. Аминов // Вопросы образования / Educational Studies Moscow. — 2014. — Vol. 3. — Pp. 244—262. — DOI: 10.17323/1814-9545-2014-3-244-262.

2. *Горбатов А. М.* Двадцатипятилетие Царицынской Александровской гимназии. 1875—1900 г. / А. М. Горбатов. — Казань : Типография Императорского университета, 1900. — VI, 208 с.

3. *Пирогов Н. И.* Избранные педагогические сочинения / Н. И. Пирогов. — Москва : Педагогика, 1985. — 496 с.

4. *Филимонов С. В.* Деятельность хозяйственных комитетов как фактор развития гимназического образования в Рязанской губернии в начале XX века / С. В. Филимонов // Вопросы национальных и федеративных отношений. — 2022. — № 12 (4(85)). — С. 1259—1268.

5. *Хасанов Т. Т.* Нормативно-правовая база системы попечительства над несовершеннолетними в Российской империи в XIX — начале XX вв. На примере Уфимской губернии / Т. Т. Хасанов // Современные исследования социальных проблем. — 2024. — № 16 (4). — С. 241—254. — DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-4-444.

6. *Чарнолуский В. И.* Основные вопросы организации школы в России / В. И. Чарнолуский. — Санкт-Петербург : Знание, 1909. — IV, 131 с.

7. *Adam E.* The equity consequences of school based management / E. Adam, M. Meir // International Journal of Educational Management. — 2012. — Vol. 20 (2). — Pp. 116—126. — DOI: 10.1108/09513540610646109.

8. *Adil N.* Strengthening school management committees : a framework for process and outcome / N. Adil, Z. Rashidi, R. Frooghi // International Journal of Educational Management. — 2018. — Vol. 32 (4). — Pp. 701—718. — DOI: 10.1108/IJEM-03-2017-0072.

9. *Asim A.* Strengthening school governance : assessing the impact of school management committees on school administration in public schools of Pakistan / A. Asim, Nasrullah, T. Yasmin // Regional Lens. — 2025. — Vol. 4 (2). — Pp. 58—64. — DOI: 10.62997/rl.2025.42055.

10. *Cherkasov A.* Educational districts of the Russian empire, their demographic and scientific potential (late XIX — early XX centuries) / A. Cherkasov // Bylye Gody. — 2023. — Vol. 18 (4). — Pp. 1683—1694. — DOI: 10.13187/bg.2023.4.1683.

11. *Cherkasova I.* Tambov men's gymnasium (1825—1918) : an essay to the 200th anniversary of its establishment / I. Cherkasova, L. Koroleva, V. Nikitina // Bylye Gody. — 2025. — Vol. 20 (1). — Pp. 103—109. — DOI: 10.13187/bg.2025.1.103.

12. *Fierro C.* "The Unpleasant duty of vain complaint" : school building hygiene, educational administration, and the historical roots of late nineteenth-century clinical discourse in Philadelphia / C. Fierro // History of Education Quarterly. — 2025. — Vol. 65 (3). — Pp. 1—40. — DOI: 10.1017/heq.2025.10071.

13. *Ayoko, V.* History and developments of schools administration in Nigeria : from natives to present / V. Ayoko, A. Florence, F. Sohe, K. Chimeremeze // International Journal of Education and Teaching Zone. — 2023. — Vol. 2 (3). — Pp. 389—400. — DOI: 10.57092/ijetz.v2i3.140.

14. *Litvin A.* Availability of Russian archives and illusion of the source study updating : what Russian and foreign researches dealing with the documents should know / A. Litvin // Man in India. — 2016. — Vol. 96 (3). — Pp. 711—717.

15. *Loginova O.* Historical genesis of pedagogical education in Russia in the 19th — early 20th centuries / O. Loginova // Russian Journal of Education and Psychology. — 2024. — Vol. 15 (5SE). — Pp. 108—128. — DOI: 10.12731/2658-4034-2024-15-5SE-575.

16. *Magsumov T.* The emergence of secondary professional education in Kazan educational district in the course of the Russian empire modernization / T. Magsumov // Journal of Frontier Studies. — 2023. — Vol. 8(4). — Pp. 230—276. — DOI: 10.46539/jfs.v8i4.506.

17. *Moradi S.* Comparative comparison of implementing school-based management in developed countries in the historical context : from theory to practice / S. Moradi, A. Beidokhti, F. Kourosh // International Education Studies. — 2016. — Vol. 9. — Pp. 191—198. — DOI: 10.5539/ies.v9n9p191.

18. *Rousmaniere K.* Presidential address : go to the principal's office : toward a social history of the school principal in North America / K. Rousmaniere // History of Education Quarterly. — 2007. — Vol. 47 (1). — Pp. 1—22. — DOI: 10.1111/j.1748-5959.2007.00072.x.

19. *Santibanez L.* School based management effects : resources or governance change? Evidence from Mexico / L. Santibanez, R, Abreu-Lastra, J. O'Donoghue // Economics of Education Review. — 2014. — Vol. 39. — Pp. 97—109. — DOI: 10.1016/j.econedurev.2013.11.008.

20. *Evangelista, M.* School management : administration, supervision, guidance and inspection throughout the history of education / M. Evangelista, S. de Almeida, H. dos Santos, F. de Aquino // Research, Society and Development. — 2024. — Vol. 13 (9). — P. e6213946820. — DOI: 10.33448/rsd-v13i9.46820.

21. *Larracilla-Salazar, N.* The parent's role in the teaching online process : a confirmatory approach / N. Larracilla-Salazar, T. Zamora-Lobato, A. García-Santillán, V. Molchanova // European Journal of Contemporary Education. — 2024. — Vol. 13 (1). — Pp. 95—105. — DOI: 10.13187/ejced.2024.1.95.

22. *Zharova E.* Teacher training at physics and mathematics faculties of universities in the Russian empire in the 19th century : between classicism and realism / E. Zharova // Russian Journal of Education and Psychology. — 2024. — Vol. 15 (5SE). — Pp. 54—84. — DOI: 10.12731/2658-4034-2024-15-5SE-637.

Статья поступила в редакцию 08.10.2025,
одобрена после рецензирования 02.12.2025,
подготовлена к публикации 09.04.2026.

Material resources

A brief historical overview of the progress of work on the reform of secondary schools of the Ministry of Public Education since 1871. (1915). Petrograd: Printing House of V. I. Anderson and G. D. Loitsyansky. 56 p. (In Russ.).

A set of resolutions and orders on gymnasiums and progymnasiums of the Department of the Ministry of Public Education. (1888). St. Petersburg: Printing house of V. S. Balashev. 480 p. (In Russ.).

Address-calendar of Saratov province for the year 1900. (1900). Saratov: Provincial Statistical Committee. 453 p. (In Russ.).

Collection of information on agricultural education. Current laws on agricultural education, XIV. (1909). St. Petersburg: V. F. Kirshbaum Printing House. 437 p. (In Russ.).

Collection of information on agricultural education. Current regulations on agricultural educational institutions, XV. (1910). St. Petersburg: V. F. Kirshbaum Printing House. 798 p. (In Russ.).

Collection of laws on educational institutions that are not affiliated with the Ministry of Public Education. Secondary educational institutions, II. (1907). St. Petersburg: State Printing House. 212 p. (In Russ.).

Kuzmenko, D. P. (1912). *Collection of resolutions and orders on female gymnasiums and progymnasiums of the Ministry of National Education for 1870—1912.* Moscow: I. K. Golubev's Law Bookstore Pravovedenie. 752 p. (In Russ.).

Laurson, A. M. (1916). *A reference book for educational institutions and institutions of the Ministry of Public Education.* Petrograd: V. D. Smirnov Printing House. 1154 p. (In Russ.).

Meshchersky, I. I. (1905). *A new regulation on agricultural education and its application.* St. Petersburg: V. F. Kirshbaum Printing House. 189 p. (In Russ.).

On the introduction of new curricula in ancient languages in men's gymnasiums: Circulars of the Minister of Public Education to the trustees of educational districts. (1900). Kazan: Printing and Lithography of the Imperial University. 20 p. (In Russ.).

Oshanin, M. A. (1006). *Regulations on male and female gymnasiums and progymnasiums of the Ministry of National Education.* Rostov: A. H. Oppel Printing House. 47 p. (In Russ.).

Regulations on military gymnasiums [approved on 15.10.1866]. (1873). In: *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 2, 41.* St. Petersburg: State Printing House. 132—141. (In Russ.).

Regulations on surveying schools [approved 26.04.1909]. (1914). Zhytomyr: Volyn Provincial Printing House. 10 p. (In Russ.).

Regulations on the Molodechno Teacher's Seminary [approved 17.03.1870]. (1874). In: *Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 2, 45.* Saint Petersburg: State Printing House. 270—272. (In Russ.).

Report of the Minister of National Education for 1902. (1904). Saint Petersburg: Senate Printing House. 609 p. (In Russ.).

Report of the Minister of National Education for 1903. (1905). St. Petersburg: Senate Printing House. 731 p. (In Russ.).

Review of the activities of the Department of the Ministry of Public Education during the reign of Emperor Alexander III. (1901). Saint Petersburg: State Printing House. 676 p. (In Russ.).

The Charter of gymnasiums and gymnasiums of the Department of the Ministry of Public Education [approved on 19.111864]. (1864). *Journal of the Ministry of Public Education, CXXIV (124):* 45—71. (In Russ.).

The Charter of gymnasiums and gymnasiums of the Department of the Ministry of Public Education [approved 30.07.1871]. (1871). *Journal of the Ministry of Public Education, CLVI (156):* 42—73. (In Russ.).

The Charter of secondary agricultural schools according to the Regulations of May 26, 1904 [approved on 04.01.1912]. (1912). St. Petersburg: V. F. Kirshbaum Printing House. 24 p. (In Russ.).

The Charter of secondary technical schools [approved on 27.09.1889]. (1889). St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences. 44 p. (In Russ.).

References

Adam, E., Meir, M. (2012). The equity consequences of school based management. *International Journal of Educational Management, 20 (2):* 116—126. DOI: 10.1108/09513540610646109.

Adil, N., Rashidi, Z., Frooghi, R. (2018). Strengthening school management committees: a framework for process and outcome. *International Journal of Educational Management, 32 (4):* 701—718. DOI: 10.1108/IJEM-03-2017-0072.

Aminov, T. M. (2014). The system of vocational education in the regions of pre-revolutionary Russia (on the example of Bashkiria). *Questions of education / Educational Studies Moscow, 3:* 244—262. DOI: 10.17323/1814-9545-2014-3-244-262. (In Russ.).

Asim, A., Nasrullah., Yasmin, T. (2025). Strengthening school governance: assessing the impact of school management committees on school administration in public schools of Pakistan. *Regional Lens, 4 (2):* 58—64. DOI: 10.62997/rl.2025.42055.

Ayoko, V., Florence, A., Sohe, F., Chimeremeze, K. (2023). History and developments of schools administration in Nigeria: from natives to present. *International Journal of Education and Teaching Zone, 2 (3):* 389—400. DOI: 10.57092/ijetz.v2i3.140.

Charnolusky, V. I. (1909). *Basic issues of school organization in Russia.* Saint Petersburg: Znanie Publ. IV, 131 p. (In Russ.).

Cherkasov, A. (2023). Educational districts of the Russian empire, their demographic and scientific potential (late XIX — early XX centuries). *Bylye Gody, 18 (4):* 1683—1694. DOI: 10.13187/bg.2023.4.1683.

Cherkasova, I., Koroleva, L., Nikitina, V. (2025). Tambov men's gymnasium (1825—1918): an essay to the 200th anniversary of its establishment. *Bylye Gody, 20 (1):* 103—109. DOI: 10.13187/bg.2025.1.103.

Evangelista, M., De Almeida, S., Dos Santos, H., De Aquino, F. (2024). School management: administration, supervision, guidance and inspection throughout the history of education. *Research, Society and Development, 13 (9):* P. e6213946820. DOI: 10.33448/rsd-v13i9.46820.

Fierro, C. (2025). "The Unpleasant duty of vain complaint": school building hygiene, educational administration, and the historical roots of late nineteenth-century clinical discourse in Philadelphia. *History of Education Quarterly, 65 (3):* 1—40. DOI: 10.1017/heq.2025.10071.

Filimonov, S. V. (2022). The activity of economic committees as a factor in the development of gymnasium education in the Ryazan province at the beginning of the twentieth century. *Issues of national and federal relations, 12 (4(85)):* 1259—1268. (In Russ.).

Gorbatov, A. M. (1900). *The Twenty-fifth anniversary of the Tsaritsyn Alexander Gymnasium. 1875—1900.* Kazan: Printing House of the Imperial University. VI, 208 p. (In Russ.).

Khasanov, T. T. (2024). Regulatory and legal framework of the guardianship system juvenile abuse in the Russian Empire in the 19th and early 20th centuries. On the example of Ufa province. *Modern studies of social problems, 16 (4):* 241—254. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-4-444. (In Russ.).

Larracilla-Salazar, N., Zamora-Lobato, T., García-Santillán, A., Molchanova, V. (2024). The parent's role in the teaching online process: a confirmatory approach. *European Journal of Contemporary Education, 13 (1):* 95—105. DOI: 10.13187/ejced.2024.1.95.

Litvin, A. (2016). Availability of Russian archives and illusion of the source study updating: what Russian and foreign researches dealing with the documents should know. *Man in India, 96 (3):* 711—717.

Loginova, O. (2024). Historical genesis of pedagogical education in Russia in the 19th — early 20th centuries. *Russian Journal of Education and Psychology, 15 (5SE):* 108—128. DOI: 10.12731/2658-4034-2024-15-5SE-575.

Magsumov, T. (2023). The emergence of secondary professional education in Kazan educational district in the course of the Russian empire modernization. *Journal of Frontier Studies, 8 (4):* 230—276. DOI: 10.46539/jfs.v8i4.506.

Moradi, S., Beidokhti, A., Kourosh, F. (2016). Comparative comparison of implementing school-based management in developed countries in the historical context: from theory to practice. *International Education Studies, 9:* 191—198. DOI: 10.5539/ies.v9n9p191.

Pirogov, N. I. (1985). *Selected pedagogical works.* Moscow: Pedagogika Publ. 496 p. (In Russ.).

Rousmaniere, K. (2007). Presidential address: go to the principal's office: toward a social history of the school principal in North America. *History of Education Quarterly, 47 (1):* 1—22. DOI: 10.1111/j.1748-5959.2007.00072.x.

Santibanez, L., Abreu-Lastra, R., O'Donoghue, J. (2014). School based management effects: resources or governance change? Evidence from Mexico. *Economics of Education Review, 39:* 97—109. DOI: 10.1016/j.econedurev.2013.11.008.

Zharova, E. (2024). Teacher training at physics and mathematics faculties of universities in the Russian empire in the 19th century: between classicism and realism. *Russian Journal of Education and Psychology, 15 (5SE):* 54—84. DOI: 10.12731/2658-4034-2024-15-5SE-637.

The article was submitted 08.10.2025;
approved after reviewing 02.12.2025;
accepted for publication 09.04.2026.

CC BY

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(3), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Миронова Е. В. Трансформация помещичьего хозяйства в юго-западной части Казанской губернии в пореформенный период / Е. В. Миронова // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 3. — С. 463—478. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-3-463-478.

Mironova, E. V. (2026). Transformation of Noble Estates in Southwestern Region of Kazan Province during Post-Reform Period. *Nauchnyi dialog, 15* (3): 463-478. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-3-463-478. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus Q1 · DOAJ · ERIHPLUS · eLIBRARY.RU РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Трансформация помещичьего хозяйства в юго-западной части Казанской губернии в пореформенный период

Миронова Елена Валерьевна
orcid.org/0000-0003-2818-8490
кандидат исторических наук,
отдел новой истории
Yelena.Mironova@yandex.ru

Институт истории
имени Шигабутдина Марджани
Академии наук Республики Татарстан
(Казань, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено за счет предоставленного в 2024 году Академией наук Республики Татарстан гранта молодым кандидатам наук (постдокторантам) с целью защиты докторской диссертации

Transformation of Noble Estates in Southwestern Region of Kazan Province during Post-Reform Period

Elena V. Mironova
orcid.org/0000-0003-2818-8490
PhD in History,
Department of Modern History
Yelena.Mironova@yandex.ru

Marjani Institute of History
of the Tatarstan Academy of Sciences
(Kazan, Russia)

Acknowledgments:
The research was carried out at the expense of a grant provided in 2024 by the Tatarstan Academy of Sciences to young candidates of sciences (postdoctoral students) in order to defend their doctoral dissertation

© Миронова Е. В., 2026

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

На примере черноземной полосы Казанской губернии был проанализирован опыт адаптации дворянских хозяйств к экономическим условиям второй половины XIX — начала XX веков. Источниковую базу исследования составили оценочные описи Казанского отделения Государственного Дворянского земельного банка. В статье изучены природно-географические и социально-экономические факторы развития поместий в юго-западной части Казанской губернии, пути приспособления землевладельцев к капиталистическому укладу и результаты этой деятельности. Показаны примеры успешного ведения хозяйства, рассмотрены отрасли, которые получили наибольшее развитие. Сделан вывод о роли кредитов в трансформации поместий. В статье показано, что в уездах с наиболее плодородными почвами — Ядринском, Цивильском, Свияжском и Тетюшском — преобладали владения мелких и средних дворян, и незначительным было количество крупных помещиков. Автор утверждает, что именно помещики с большим достатком и значительными земельными владениями обладали наибольшим потенциалом для ведения рентабельного хозяйства и что ссуды, полученные в банке, служили капиталом для внедрения агротехнических новшеств. Доказано, что мелким и средним собственникам тяжелее было приспособиться к рыночным условиям развития экономики и заложенные в банке земли почти не удавалось выкупить.

Ключевые слова:
Казанская губерния; пореформенный период; поместье; капиталистический уклад; агротехника; Дворянский банк; кредит.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The study examines the adaptation experience of noble estates to economic conditions in the second half of the nineteenth century through the early twentieth century, using as a case study the fertile regions of Kazan province. The research is based on appraisal inventories from the State Land Bank's Kazan branch. It investigates both the natural geographical and socio-economic factors influencing estate development in the southwestern part of Kazan province, including strategies for landowners' adjustment to capitalist organization and outcomes thereof. Illustrative examples are provided highlighting successful agricultural management practices along with sectors that saw significant growth. A key finding underscores the role played by credit access in transforming these estates. Notably, smaller and medium-sized nobility dominated ownership patterns in districts such as Yadrinsky, Tsivilsky, Sviyazhsky, and Tetyushsky — areas characterized by highly productive soils — while large-scale landed gentry were relatively scarce. The author argues that it was primarily those wealthy landholders possessing substantial holdings who demonstrated greater potential for sustainable profitability, utilizing bank loans to implement modern agronomic techniques. Conversely, small-to-medium property owners faced greater challenges adapting to market-driven economic shifts, often failing to redeem their mortgaged lands.

Key words:
Kazan Province; post-reform period; manor estate; capitalist structure; agronomy; Nobles' Land Bank; credit financing.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(3), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94(470.41)“18/19”
DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-3-463-478

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Трансформация помещичьего хозяйства в юго-западной части Казанской губернии в пореформенный период

© Миронова Е. В., 2026

1. Введение = Introduction

Термин *трансформация помещичьего хозяйства* в данной работе означает процесс структурных изменений в экономическом устройстве землевладения дворян после отмены крепостного права и их адаптацию к капиталистическому укладу. Впервые к изучению данной темы обратились советские исследователи, рассмотревшие в своих работах материально-техническую базу помещичьего хозяйства, систему организации в период аграрно-капиталистической эволюции в Российской империи, торгово-промышленное предпринимательство дворян [Анфимов, 1969; Минарик, 1971; Ковальченко, 1982]. На региональном уровне примеры рационализации помещичьих хозяйств в Казанской губернии нашли отражение в работах исследователей аграрной истории в Поволжье [Смыков, 1958; Перельман, 1978; Кабытов, 1982].

Наибольшее развитие тема модернизации помещичьих хозяйств пореформенного периода получила на современном этапе. Исследователи сосредоточили внимание на состоянии поместий и основных направлениях их адаптации к условиям рынка. Авторами был выполнен анализ хозяйственной деятельности дворян, охарактеризованы модели модернизации поместий, различавшиеся методикой управления и характером использования природных ресурсов, но во всех случаях опиравшиеся на банковские кредиты [Житин, 2018; Михайлова, 2008; Роднов, 2017]. Кроме того, специальные исследования были посвящены отдельным отраслям сельскохозяйственного производства, определившим специализацию поместий [Шуваев, 2011; Юдин, 2024]. Обращение к изучению опыта образцовых имений позволяет выявить эффективные способы ведения хозяйства, однако не воссоздает целостную картину дворянского сельскохозяйственного производства. В связи с этим представляют интерес работы, посвященные хозяйственным практикам мелкопоместных владельцев [Шаповалов, 2009; Морозан, 2012], обладавших наименьшими возможностями для реорганизации своих имений, но продолжавших свою деятельность во второй по-

CC BY

ловине XIX — начале XX веков и пытавшихся поставить свои имения на капиталистический путь развития.

Поместья Казанской губернии пореформенного времени ранее уже становились предметом изучения современных исследователей. В частности, были изучены имения Казанского, Лаишевского, Спасского и Чистопольского уездов, поскольку именно здесь наблюдалась высокая концентрация дворянской собственности [Миронова, 2024; Богатырев, 2019; Федосеев, 2020]. Некоторые аспекты истории помещичьего хозяйства в Казанской губернии также нашли отражение в трудах, посвященных истории отдельных дворянских родов [Ключевская, 2023], усадеб [Фролова, 2009; Краснобаев, 2004; Долгов, 2001], а также в генеалогических исследованиях [Двоеносова, 2001].

Между тем вне поля зрения осталась юго-западная часть Казанской губернии, где количество дворян было сравнительно меньше и в основном преобладали мелкие и средние помещики, но при этом местность отличалась высокой плодородностью. Цель настоящего исследования — восполнить данную лакуну и дать комплексную характеристику поместий Свияжского, Тетюшского, Цивильского и Ядринского уездов, показав специфику и особенности их развития в пореформенное время.

2. Материал, методы, обзор = Materials, Methods, Review

Исследование базируется на оценочных описях Казанского отделения Государственного дворянского земельного банка. В них содержится информация о размере полученной под залог имения ссуды, структуре дворянских владений, специализации, инвентаре, доходных заведениях, работниках и администрации поместий, их рентабельности. Основной массив документов был связан с залогом имений в Тетюшском и Свияжском уездах, поскольку именно здесь располагалась основная часть поместий юго-западной части Казанской губернии. Кроме того, были использованы ряд сборников, содержащих статистические сведения о динамике частного землевладения.

При изучении делопроизводственной документации Дворянского банка, а также при работе со статистическими материалами были использованы историко-сравнительный и историко-сопоставительный методы исследования, позволившие выявить и сопоставить факторы развития поместий нескольких уездов, проследить изменения в организации хозяйства в условиях становления капиталистических отношений в деревне.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Развитие крупных поместий

Дворянских владений в юго-западной части Казанской губернии было сравнительно мало. По данным на 1877 год, из 769 поместий на Свияжский

CC BY

уезд приходилось 80, Тетюшский — 52, Цивильский — 16 и Ядринский — 11. Эти 159 имений занимали 98 440 дес., то есть менее 17 % всей дворянской земельной собственности в губернии. При этом в Свияжском уезде преобладали мелкие помещики — в среднем каждому принадлежало по 74,8 дес. земли. В Ядринском (147,8 дес.), Тетюшском (523,2 дес.) и Цивильском (612,6 дес.) большинство составляли помещики средней руки [Центральный…, 1906, с. 12].

Почва в юго-западной части Казанской губернии не требовала удобрения [Материалы …, 1861, с. 49], благодаря чему здесь получило распространение хлебопашество. Зерновое хозяйство было довольно прибыльным, поэтому помещики не предпринимали никаких усилий для развития других отраслей хозяйства. Например, в начале 1890-х годов в залоге оказалась часть имения потомственных дворян Н. Д. Сверчкова и его сестры Е. Д. Терениной. Поместье располагалось при д. Зеленовке и д. Федоровке в Тетюшском уезде. Общая площадь принадлежавшей им земли составляла 4041,4 дес. [Двоеносова, 2001, с. 494], больше половины этого владения поступило в залог. Основу хозяйства составляло хлебопашество. Об этом свидетельствует структура имений: свыше 1800 дес. занимала пашня. Причем основная часть пахотной земли была сдана в исполу крестьянам, и только незначительная часть обрабатывалась поденщиками.

Хозяйство базировалось на традиционной трехпольной системе севооборота, без попыток перехода к более выгодному при разведении скота четырехполью, при котором выращивались бы в том числе и кормовые культуры. Однако такой необходимости в данных имениях не существовало, так как оно было обеспечено сенными угодьями, дававшими в достаточном количестве сено и солому. В обоих хозяйствах насчитывалось 70 лошадей, 50 голов рогатого скота, 80 овец. Навоз шел на удобрение пашни, урожайность которой, по свидетельству оценщика банка, в 1880-х — начале 1890-х годов уменьшилась из-за непогоды [ГАРТ, ф. 259, оп. 1, д. 162, л. 8 об.]. Также собственный рабочий скот использовался как тягловая сила при выполнении полевых работ.

С целью увеличения доходности в имении использовался разнообразный инвентарь, в частности, молотильная машина с приводом, конная веялка, сохи, бороны и т. д. [ГАРТ, ф. 259, оп. 1, д. 161, л. 6 об.]. Для хранения и переработки выращенного зерна имелись постройки: риги, молотильные сараи, амбары, погреба, а также водяная мельница о трех поставах (*постав* — пара мельничных жерновов) с ежегодным доходом в 500 руб.

Валовой доход с имения составлял 30 тыс. руб. Однако из этой суммы 10 тыс. уходило на выплату налогов, оплату труда домашней прислуги, содержание постоянных рабочих и администрации поместья, наем поденщиков, ремонт строений и инвентаря и т. д.

CC BY

Несмотря на то, что треть доходов уходила на разные хозяйственные нужды, имения можно рассматривать как рентабельные. Большую роль в этом играли несколько факторов, в частности, имения располагались вблизи уездного города Тетюши и пристани в с. Красная Поляна, куда отправлялся хлеб [ГАРТ, ф. 259, оп. 1, д. 161, л. 11 об.].

Помещик Н. Д. Сверчков, скупая участки у соседних помещиков [ГАРТ, ф. 259, оп. 1, д. 257, л. 40 об.], увеличил свои владения в Тетюшском и Спасском уездах до 6 тыс. дес. земли. Находясь на общественной службе, Сверчков в качестве председателя Тетюшского уездного земского собрания принимал активное участие в содействии крестьянскому хозяйству. Так, в заметке, помещенной в газете «Волжский вестник», отмечалось, что зажиточные селения Монастырское и Красная Поляна своим благополучием обязаны действиям Сверчкова, оказывавшим им своевременную экономическую поддержку [Волжский …, 1888, с. 2].

В имениях Сверчкова и Терениной был целый штат для управления всеми хозяйственными вопросами: 2 старост, 1 приказчик. Однако болезнь Н. Д. Сверчкова прервала динамичное развитие хозяйства. С 1891 года дворянин по состоянию здоровья был признан недееспособным, и имение перешло под опекунское управление. Вероятно, по этой причине каких-либо экспериментов по внедрению новаций со времени болезни собственника не проводилось. И имение развивалось по той системе, которая сложилась еще при личном управлении делами Сверчковым. Кроме того, помимо непосредственно хозяйственных дел, опекунам приходилось судиться с другими помещиками [В Казанский…, 1896]. Кроме того, в 1890-х годах опекунам пришлось судиться с дворянами Молоствовыми и княгиней А. Г. Ухтомской.

Другая владелица имения, Е. Д. Теренина, проживая в имении мужа, тоже не занималась хозяйственными вопросами. В 1896 году Елена Дмитриевна овдовела, что значительно ухудшило ее материальное положение. Через два года имение ее покойного мужа в Спасском уезде было выставлено на продажу за долги перед Дворянским банком. И только благодаря ходатайству перед губернским предводителем дворянства Н. Д. Сазоновым поместье было снято с торгов, а на оплату долгов была предоставлена рассрочка на трехлетний период [ГАРТ, ф. 1, оп. 3, д. 11055, л. 9]. В 1907 году в уплату долга по имениям Н. Д. Сверчкова и его сестры при д. Федоровка и д. Зеленовка Дворянский банк при посредстве Крестьянского банка продал 1457 дес. 1200 саж. земли местным крестьянам [ГАРТ, ф. 259, оп. 1, д. 162, л. 120 об.].

Таким образом, кредит стал возможностью продолжить хозяйственную деятельность, но не дал толчок для реорганизации имения — новые отрасли

CC BY

не появились, поместье по-прежнему носило зерновой характер с применением испольщины и при господстве трехпольной системы севооборота.

Аналогично развивалось имение потомственной дворянки М. П. Еремеевой. Ей принадлежало свыше 3000 дес. земли в Свияжском уезде. С целью обеспечения устойчивого развития поместья она заложила в банке всю землю. Но, предполагая возможные риски, она не стала закладывать усадебный участок. Благодаря высокому плодородию почвы, получило развитие хлебопашество. Кроме того, под пашню была расчищена часть лесных угодий. Обработка пахотной земли велась испольно и своими рабочими.

В имении был целый парк усовершенствованного сельскохозяйственного инвентаря. Среди них запашники системы Эккерта с колесами, механическая зерносушильня Аккермана, самотаска с прибором и др. Кроме того, в имении для обеспечения пожарной безопасности имелись пожарнозаливная машина, гидропульт и пожарная телега. Однако расходы на обслуживание орудий труда, а также хозяйственных построек обходились помещику в 1500 руб. ежегодно.

Благодаря значительной площади сенокосных и выгонных угодий в хозяйстве получило развитие скотоводство. Кроме 224 голов рогатого скота, в имении также насчитывалось 68 лошадей и 214 овец [ГАРТ, ф. 259, оп. 1, д. 68, л. 4].

Примером успешного развития крупного поместья было хозяйство Г. В. Молоствова. Оно располагалось в 8 верстах от рынка в селе Сюкеево и в 15 — от торгового города Тетюшей, в густонаселенной местности рядом с двумя большими татарскими деревнями, жители которых как бывшие государственные крестьяне получили хорошие наделы, поэтому они соглашались только на поденные сельскохозяйственные работы. Крестьяне Долгой Поляны нуждались в земле, они брали ее в исполу, но у них имелись дополнительные заработки в горах на каменоломнях. Поэтому помещичье хозяйство лишь отчасти велось на батрачной основе. В аналогичных условиях находились соседние имения остальных наследников Германа Молоствова [ГАРТ, ф. 259, оп. 1, д. 477, л. 3 — 6 об.].

Вместе с тем полная обработка земли наемными рабочими и агротехникой, проведение мелиоративных процедур при надзоре специалиста могли повысить урожайность, а с ней и прибыльность. Эти вопросы получили актуальность в период сильных неурожаев 80—90-х годов XIX века, когда землевладельцы стали повсеместно производить оптимизацию методов ведения хозяйства. В 1898 году в Долго-Полянском поместье происходит отказ от испольной обработки земли, позднее был взят подряд на поставку асфальтового камня в Тетюши для постройки шоссе. Разные породы камня, в изобилии залегавшие во владении В. Г. Молоствова, в нача-

CC BY

ле 1900-х годов сулили большие выгоды. Запасы поступили в 10-летнюю аренду к сызранским купцам, которым предстояло построить завод для обеспечения широкого сбыта камня. В 1903 году землевладелец получил в Дворянском банке на поддержание хозяйства кредит до 20 тыс. руб. В целом, можно говорить о достаточно благоприятных условиях развития молоствовского хозяйства, но помещику еще предстояло снизить производственные издержки, «съедавшие» больше половины всех доходов [ГАРТ, ф. 259, оп. 1, д. 477, л. 7 об., 10 — 10 об., 130 об.].

3.2. Развитие средних поместий

Предусмотренные уставом Дворянского банка правила предоставления кредитов на льготных условиях позволяли не только получать долгосрочные ссуды, но и прибегать к займам неоднократно. В 1897 году помещик В. П. Куприянов вступил во владение поместьем при с. Христофоровке. Вместе с имением к нему перешел долг в 9 тыс. руб. В 1898—1899 годах помещик прибегнул к соло-вексельному кредиту, в общей сложности составившему 7800 руб. В 1902 году он получил в Дворянском банке еще 9900 руб. И хотя хозяйство велось на смешанной основе — испольно и своими рабочими, — к концу 1913 года Куприянову удалось снизить сумму долга более чем в 2 раза [ГАРТ, ф. 259, оп. 1, д. 450, л. 4 — 5 об., 61].

В 1891 году председатель Тетюшской уездной земской управы М. А. Городецкий получил в Дворянском банке ссуду в размере 20 200 руб. сроком на 44 года под залог 465 дес. земли. Обеспечением для получения ссуды стала уже заложенная недвижимость. Имение в Тетюшском уезде было сравнительно рентабельным: только четверть от суммы доходов шла на хозяйственные нужды [ГАРТ, ф. 259, оп. 1, д. 160, л. 8 об.]. В результате размер чистой прибыли составлял 2656 руб. Поскольку земля в имениях была черноземная, хозяйство специализировалось на выращивании зерновых культур. Однако помещик в силу высокой занятости по земской службе предпочитал сдавать пашню в аренду — испольную и денежную. И только часть земли обрабатывалась самостоятельно — для этого в хозяйстве имелся разнообразный инвентарь: молотилка Раушенбах с деревянным приводом, веялка Буденопа, плуг венгерский и др. Кроме того, выращенное зерно обрабатывалось самостоятельно. Так, среди хозяйственных построек во владении Городецкого были молотильный сарай и при нем амбар для хранения зерна и муки [ГАРТ, ф. 259, оп. 1, д. 160, л. 6 об.].

Скот держали лишь для собственных нужд: навозом удобряли землю — около 2 дес. в год. Причем значительную часть лугов также сдавали в аренду, и только 5 дес. лугов было оставлено «в пользу экономии» — для прокорма собственного скота, также солому использовали для оплаты труда крестьян, возивших хлеб в уездный город Тетюши [ГАРТ, ф. 259, оп. 1, д. 160, л. 8 об.].

CC BY

Поскольку земельная собственность Городецкого была незначительной по размеру и находилась преимущественно в арендном пользовании, то штат работников включал только старосту, 2 рабочих и стряпку [ГАРТ, ф. 259, оп. 1, д. 160, л. 9 об.].

Об ответственном отношении к своему хозяйству свидетельствовал тот факт, что дворянин застраховал все имущество в страховом обществе «Россия».

Однако справиться с денежными обязательствами перед банком Городецкому не удалось, и 150 дес. было продано в 1902 году, еще 105 дес. — в 1907. Покупателями стали окрестные жители, получившие необходимую ссуду в Казанском отделении Крестьянского поземельного банка. В итоге владелец потерял половину заложенных в банке земель.

К залогу имения была вынуждена прибегнуть помещица средней руки Е. Х. Фигнер (ур. Куприянова). После смерти супруга в 1870 году она стала управлять хозяйством. При этом на руках у нее остались дети, самому младшему ребенку было 8 лет. Имение обладало выгодными природно-географическими условиями развития — преобладала суглинистая почва, в 25 верстах находился торговый город Тетюши, на таком же расстоянии — пристань на Волге. Земля в аренду не сдавалась и полностью обрабатывалась своими работниками и наймом. В хозяйстве господствовал трехпольный севооборот. Ежегодно удобрялось 69 дес. земли. Навоз для удобрения давал собственный скот. Так, поголовье состояло из 7 лошадей, 30 волов, коров и быков.

Несмотря на благоприятные факторы развития хозяйства, помещице не удавалось погасить долг. Получив ссуду в размере 6000 руб., она исправно вносила платежи в течение четырех лет, однако сократила сумму долга лишь на 225 руб., потому что проценты пожирали большую часть платежей [ГАРТ, ф. 259, оп. 1, д. 27, л. 45].

Изучение поместий, оказавшихся в залоге, показало, что кредиты не всегда являлись свидетельством их экономической несостоятельности. Напротив, для некоторых заемщиков ссуды служили капиталом для поддержания хозяйства или же становились выгодной сделкой. Так, коллежский советник П. Н. Фигнер в 1893 году приобрел у другого дворянина М. Ф. Елачича поместье всего за 4 тыс. руб. В том же году, обратившись в Дворянский банк, за это имение Петр Николаевич получил 27 100 руб. Хозяйство П. Н. Фигнер оказалось весьма доходным. Для этого здесь имелись все необходимые постройки, инвентарь. Чистая прибыль составляла 4 тыс. руб., доходы с садоводства и скотоводства покрывали расходы поместья. За 9 лет сумма банковского долга сократилась на 13 % [ГАРТ, ф. 259, оп. 1, д. 192, л. 3, 6 об., 8, 13 об., 48, 58 об.].

CC BY

3.3. Развитие мелких поместий

Мелкопоместные дворяне не предпринимали попыток для реорганизации хозяйства. Так, помещица М. А. Кабалерова, получив ссуду в 1898 году под залог 65 дес. земли в Дворянском банке, уже через 10 лет полностью продала крестьянам имение площадью 188 дес. 720 саж. в Свияжском уезде [ГАРТ, ф. 259, оп. 1, д. 371, л. 11].

Другая владелица, дочь подполковника А. И. Беликович, которой принадлежали 147 дес. земли при сц. Сундырь Цивильского уезда, заложила 98 дес. в Дворянском банке. Согласно оценочной описи, доход с имения составлял 800 руб. При этом пашня целиком сдавалась в испольную аренду крестьянам, никакого инвентаря и построек в имении не было, поэтому вся земля обрабатывалась исключительно крестьянскими орудиями труда [ГАРТ, ф. 259, оп. 1, д. 190, л. 3]. Кроме хлебопашества, развивать другие отрасли сельскохозяйственного производства не было необходимости, поскольку густонаселенная местность в округе обеспечивала стабильный спрос на помещичью землю. Через 15 лет после получения ссуды владелица умерла, и поместье вместе с долгами досталось сестре покойной дворянки — В. И. Беликович. К этому времени из 3000 руб. полученного кредита было погашено только 332 руб. [ГАРТ, ф. 259, оп. 1, д. 190, л. 16].

Иногда поместье могло быть заложено с целью сохранения других владений. Например, потомственная дворянка А. А. Кроль получила ссуду под залог имения в с. Большая Таяба в Тетюшском уезде. Другое ее поместье находилось в Мамадышском уезде. Имения дополняли друг друга, и прибыль с одного имения покрывала расходы другого. Например, за счет средств, полученных с мамадышского имения, содержался скот в тетюшском имении. А кредит, полученный под залог тетюшского имения, помог продолжить хозяйственную деятельность в обоих имениях.

Единственным источником дохода с тетюшского поместья Анны Александровны было хлебопашество. Почва в этой местности отличалась высоким плодородием, поэтому не было необходимости развивать другие направления сельского хозяйства. И, в частности, скотоводство служило лишь вспомогательной отраслью — для обеспечения хозяйства тягловой силой и навозом для удобрения полей. При этом нужно заметить, что поголовье скота было значительным и включало в себя 7 лошадей, 20 волов, 2 коровы, 15 овец. Они давали органическое удобрение по 10 дес. ежегодно [ГАРТ, ф. 259, оп. 1, д. 19, л. 5]. Существовавшая трехпольная система севооборота не давала дополнительной кормовой базы для скота.

Кроме того, другие сельскохозяйственные угодья, которые могли стать основой для развития лесного хозяйства и скотоводства, тоже были расчи-

CC BY

щены под пашню. Также под эти нужды были осушены болота и уничтожена часть проселочных дорог [ГАРТ, ф. 259, оп. 1, д. 19, л. 4].

Половина пашни сдавалась в испольную аренду, остальное обрабатывалось силами экономии. Для полевых работ в хозяйстве имелись молотилки, веялки, сеялки, 5 телег, 5 борон, 3 плуга. Управлял имением приказчик, также в хозяйстве были 2 постоянных работника, 4 служащих и скотник, а во время страды нанимались временные рабочие.

Таким образом, имение развивалось экстенсивно — за счет введения в эксплуатацию новых угодий. Вырученные в результате залога имений деньги не шли на модернизацию хозяйства, так как черноземные земли, обеспечивавшие высокий уровень урожая, давали ежегодную прибыль в размере 3500 руб. [ГАРТ, ф. 259, оп. 1, д. 19, л. 4 об.].

Кроме объективных ограничителей развития дворянских экономий, существовали субъективные причины, связанные с образом жизни владельцев. Характерной чертой этого времени стали взятые под опекунское управление имения, процентные бумаги, свидетельства, хранившиеся в банках и сберегательных кассах. Благодаря разветвленной сети кредитных учреждений дворяне получали средства к безбедному существованию. Но не всегда деньги направлялись на хозяйственные нужды. Мелкопоместный дворянин Тетюшского уезда Н. Я. Горемыкин вел разорительный образ жизни. Ему ежегодно приходилось уплачивать по займу проценты в размере 200 руб. Всего же на его имении при селе Семь Ключей числился долг до 5 тыс. руб. банку и частным лицам. Дабы спасти владение от публичной продажи, жена помещика инициировала учреждение опеки над имуществом супруга. Более 20 лет поместье состояло в ведении уездной дворянской опеки, что позволило помещику не «впасть в полную нищету» и продолжить вести «нетрезвую жизнь» [ГАРТ, ф. 1, оп. 3, д. 8839, л. 1—59]. Вероятно, имение не было выставлено на продажу благодаря семейному происхождению должника. Его дед и отец занимали должность предводителя дворянства Тетюшского уезда. Сам Николай Яковлевич являлся земским начальником 2-го участка в этом же уезде.

4. Заключение = Conclusions

В рассматриваемых уездах 8 % имений состояли в залоге в Дворянском банке. Причем из 11 заложенных поместий 6 приходились на Тетюшский уезд, 4 — на Свияжский и только 1 — на Цивильский. Незначительное количество заложенных поместий объяснялось тем, что мелкопоместные дворяне и помещики средней руки, преобладавшие в указанных уездах, не успевали воспользоваться ссудой для модернизации хозяйства, так как они разорялись, и их имущество уходило с молотка. Например, в Тетюш-

CC BY

ском уезде в период с 1877 по 1905 годы численность поместий сократилась на треть. Всего же по четырем уездам юго-западной части Казанской губернии дворянское землевладение уменьшилось на 20 %. Аналогичная ситуация наблюдалась по всей губернии: земельная собственность дворян сократилась за треть века на 22 % [Центральный …, 1906, с. 10—13].

Проблема снижения расходов была одной из самых важных в процессе адаптации к рыночным условиям экономики. Предстояло нанять постоянных рабочих для обслуживания хозяйства в течение года. Для них требовалось построить избы, баню, обеспечить содержанием и жалованьем. Самыми надежными работниками становились семейные люди, так как им тоже нужна была стабильность для жизни. Количество постоянных и временных рабочих зависело от размеров хозяйства и влияло на численный состав управляющего персонала, включавшего в себя приказчика, старосту, ключника, караульщика, скотника и пр. Но ни в одном из поместий юго-западной части Казанской губернии не было специалистов с агрономическим образованием. По этой причине ни управляющие, ни помещики не учитывали климатогеографические условия, что не позволяло подобрать подходящие для местной почвы сельскохозяйственные орудия, что, в свою очередь, вело к некачественной обработке земли, требовало найма рабочей силы для дополнительной вспашки. А большое количество агротехники и новых хозяйственных построек ложилось «мертвым грузом», так как для их покупки и последующего ремонта требовались средства.

В результате поместья рассматриваемых уездов продолжали развиваться экстенсивно — за счет введения в эксплуатацию новых земель. При этом господствовала трехпольная система севооборота, и, кроме хлебопашества, другие отрасли практически не получили развития. Только в крупных поместьях было развито скотоводство. В хозяйствах существовала смешанная система обработки земли. Так, помещичью землю возделывали крестьяне-арендаторы либо свои рабочие, которые постоянно проживали в имении, либо работники, нанятые на короткий срок. Мелкопоместные дворяне предпочитали полностью сдавать свою землю в испольщину.

Благодаря преобладанию черноземных почв поместья юго-западной части Казанской губернии приносили своим владельцам стабильный доход. Однако без банковского кредита развивать хозяйства было невозможно, так как весь инвентарь и постройки требовали расходов на их содержание и ремонт. При этом не было зафиксировано ни одного случая полной выплаты долгов по взятым ссудам. Напротив, даже при исправной уплате всех процентов в срок дворянам не удавалось закрыть долг. В результате имение (либо его часть) поступало в продажу.

CC BY

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *В Казанский* окружной суд поверенного опекунов над имуществом и личностью душевно-больного статского советника Николая Дмитриевича Сверчкова, присяжного поверенного Сергея Соломоновича Венецианова, по делу с ответчиками дворянами Молоствовыми и княгиней Александрой Германовной Ухтомской, исковое прошение. — Казань : Скоропечатня Л. П. Антонова, ценз, 1896. — 36 с.

2. *Волжский вестник*. — 1888. — № 72. — С. 2.

3. ГАРТ — *Государственный* архив Республики Татарстан. Ф. 1 (Канцелярия казанского губернатора). Оп. 3. Д. 11055. Л. 9 ; Ф. 259 (Казанское отделение Государственного Дворянского земельного банка). Оп. 1. Д. 19. Л. 4, 4 об. ; Ф. 259. Оп. 1. Д. 27. Л. 45 ; Ф. 259. Оп. 1. Д. 68. Л. 4 ; Ф. 259. Оп. 1. Д. 160. Л. 8 об. ; Ф. 259. Оп. 1. Д. 161. Л. 6 об., 11 об. ; Ф. 259. Оп. 1. Д. 162. Л. 8 об., 120 об. ; Ф. 259. Оп. 1. Д. 190. Л. 3 ; Ф. 259. Оп. 1. Д. 192. Л. 3, 6 об., 8, 13 об., 48, 58 об. ; Ф. 259. Оп. 1. Д. 257. Л. 45 об. ; Ф. 259. Оп. 1. Д. 371. Л. 11 ; Ф. 259. Оп. 1. Д. 450. Л. 4—5 об., 61; Ф. 259. Оп. 1. Д. 477. Л. 3 — 6 об., 7 об., 10—10 об., 130 об.

4. *Двоеносова Г. А.* Казанское дворянство 1785—1917 гг. Генеалогический словарь / Г. А. Двоеносова. — Казань : Гасыр, 2001. — 639 с. — ISBN 5-93001-010-2.

5. *Материалы* для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Казанская губерния / Сост. М. Лаптев. — Санкт-Петербург : Военн. тип., 1861. — 616 с.

6. *Центральный* статистический комитет М.В.Д. Статистика землевладения, 1905. — Санкт-Петербург : Типолит. М. Я. Минкова, 1906. — Выпуск 7. — 54 с.

Литература

1. *Анфимов А. М.* Крупное помещичье хозяйство Европейской России (Конец XIX — начало XX в.) / А. М. Анфимов. — Москва : Наука, 1969. — 389 с.

2. *Богатырев Э. Д.* Залог земли дворянами в Государственном дворянском земельном банке в казанской губернии в конце XIX — начале XX в. / Э. Д. Богатырев // Экономическая история. — 2019. — Т. 15. — № 3. — С. 257—265. — DOI: 10.15507/2409-630X.046.015.201903.257-265.

3. *Долгов Е. Б.* «…Оное же село Алексеевское, что за Камою, строится вновь» / Е. Б. Долгов // Гасырлар авазы = Эхо веков. — 2001. — № 1/2. — С. 187—190.

4. *Житин Р. М.* Модели хозяйственного развития помещичьих хозяйств Центрально-Черноземного региона в конце XIX — начале XX века / Р. М. Житин // Вестник Тамбовского университета. Серия : Гуманитарные науки. — 2018. — Т. 23. — № 176. — С. 146—153. — DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-176-146-153.

5. *Кабытов П. С.* Аграрные отношения в Поволжье в период империализма (1900—1917 гг.) / П. С. Кабытов. — Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1982. — 199 с.

6. *Ключевская Е. П.* Панаевы — казанский контекст (из истории дворянства Спасского и Тетюшского уездов Казанской губернии) / Е. П. Ключевская // Эхо веков — Гасырлар авазы. — 2023. — № 3. — С. 131—141.

7. *Ковальченко И. Д.* Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма : Источники и методы изучения / И. Д. Ковальченко, Н. Б. Селунская, М. Б. Литваков. — Москва : Наука, 1982. — 264 с.

8. *Краснобаев И. В.* Аркадия в арских пределах. Усадьба Перцовых в селе Хотня Казанского уезда / И. В. Краснобаев // Казань. — 2004. — № 1. — С. 62—67.

9. *Минарик Л. П.* Экономическая характеристика крупнейших земельных собственников России конца XIX — начала XX в. : землевладение, землепользование, система хозяйства / Л. П. Минарик. — Москва : Сов. Россия, 1971. — 145 с.

10. *Миронова Е. В.* Помещичье хозяйство в Казанской губернии в первой половине XIX века / Е. В. Миронова // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. — 2024. — Т. 14. — № 3. — С. 118—136. — DOI: 10.22378/2410-0765.2024-14- 3.118-136.

11. *Михайлова М. А.* Образцовые хозяйства и их роль в изменении дворянской усадьбы во второй половине XIX — начале XX вв. (на примере Верхневолжского региона) / М. А. Михайлова // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. Серия : «История. Филология». — 2008. — № 49. — С. 26—29.

12. *Морозан В. В.* Мелкопоместное дворянство Центрально-земледельческого района России в XIX веке / В. В. Морозан // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. — Санкт-Петербург : Исторический факультет Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2012. — С. 23—42.

13. *Перельман С. Б.* Помещичье хозяйство Казанской губернии в конце XIX — начале XX вв. / С. Б. Перельман // Вопросы аграрной истории Среднего Поволжья. Дооктябрьский период. — Йошкар-Ола : МарНИИ, 1978. — С. 132—142.

14. *Роднов М. И.* Крупный агробизнес Уфимской губернии (вторая половина XIX — начало XX века) / М. И. Роднов // Крестьяноведение. — 2017. — Т. 2. — № 1. — С. 51—65. — DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-1-51-65.

15. *Смыков Ю. И.* Сельскохозяйственные машины и орудия в пореформенной деревне Казанской губернии / Ю. И. Смыков. — Казань : [б. и.], 1958. — 44 с.

16. *Федосеев Р. В.* Структура и доходность дворянского хозяйства согласно оценочным описям Государственного Дворянского земельного банка в конце XIX в. (по материалам Казанской губернии) / Р. В. Федосеев // Экономическое развитие. — 2020. — Т. 16. — № 1. — С. 31—41. — DOI: 10.15507/2409-630X.048.016.202001.031-041.

17. *Фролова С. А.* «Здесь жизнь из тайников глубин восходит до вершин» : поэтика Долгополянской усадьбы / С. А. Фролова // Гасырлар авазы — Эхо веков. — 2009. — № 2. — С. 190—201.

18. *Шаповалов В. А.* Арендные отношения в мелкопоместных хозяйствах Центрального Черноземья в пореформенный период / В. А. Шаповалов // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2009. — № 3 (37). — С. 117—120.

19. *Шуваев Д. А.* Рационализация животноводства в имениях тамбовских дворян Давыдовых в конце XVIII — начале XX в. / Д. А. Шуваев // Вестник Тамбовского государственного университета. Гуманитарные науки. История и политология. — 2011. — Выпуск 3 (95). — С. 198—202.

20. *Юдин Е. Е.* «Новая» индустрия в имениях крупнейших землевладельцев Российской империи в 1890—1914 гг. : промышленное производство в Ракитянской экономии князей Юсуповых / Е. Е. Юдин // Локус : люди, общество, культуры, смыслы. — 2024. — Т. 15. — № 2. — С. 54—69. — DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-2-54-69.

Статья поступила в редакцию 25.09.2025,
одобрена после рецензирования 14.10.2025,
подготовлена к публикации 09.04.2026.

CC BY

Material resources

Central Statistical Committee M.V.D. Statistics of land ownership, 1905, 7. (1906). St. Petersburg: Typolit. M. Ya. Minkova. 54 p. (In Russ.).

Dvoinosova, G. A. (2001). *Kazan nobility of 1785—1917. Genealogical dictionary.* Kazan: Gasyr. 639 p. ISBN 5-93001-010-2. (In Russ.).

GARTH — *The State Archive of the Republic of Tatarstan. F. 1 (Office of the Kazan Governor). Op. 3. D. 11055. l. 9; F. 259 (Kazan branch of the State Noble Land Bank).* (In Russ.).

Materials for geography and statistics of Russia, collected by officers of the General Staff. Kazan province. (1861). St. Petersburg: Military Printing House. 616 p. (In Russ.).

To the Kazan District Court, the attorney for the guardians of the property and personality of the mentally ill State Councilor Nikolai Dmitrievich Sverchkov, the sworn attorney Sergei Solomonovich Venetsianov, in the case of the defendants, the nobles Molostvov and Princess Alexandra Germanovna Ukhtomskaya, a petition of claim. (1896). Kazan: L. P. Antonov's Skoroprinnya, censorship. 36 p. (In Russ.).

Volzhsky Vestnik, 72. (1888). P. 2. (In Russ.).

References

Anfimov, A. M. (1969). *Large landowner farming in European Russia (Late XIX — early XX century).* Moscow: Nauka Publ. 389 p. (In Russ.).

Bogatyrev, E. D. (2019). The pledge of land by nobles in the State Noble Land Bank in the Kazan province at the end of the XIX — beginning of the XX century. *Economic history, 15 (3):* 257—265. DOI: 10.15507/2409-630X.046.015.201903.257-265. (In Russ.).

Dolgov, E. B. (2001). "…The same village of Alekseevskoye, which is behind the Kama River, is being built again". *Gasyrlar avaza = Echo of the Centuries, ½:* 187—190. (In Russ.).

Fedoseev, R. V. (2020). The structure and profitability of the noble economy according to the valuation inventories of the State Noble Land Bank at the end of the 19th century (based on the materials of the Kazan province). *Economic development, 16 (1):* 31—41. DOI: 10.15507/2409-630X.048.016.202001.031-041. (In Russ.).

Frolova, S. A. (2009). "Here life rises from the recesses of the depths to the peaks": the poetics of the Dolgopolyanskaya estate. *Gasyrlar avaza — The Echo of centuries, 2:* 190—201. (In Russ.).

Kabytov, P. S. (1982). *Agrarian relations in the Volga region during the period of imperialism (1900—1917).* Saratov: Sarat Publishing House. University. 199 p. (In Russ.).

Klyuchevskaya, E. P. (2023). Panayevs — the Kazan context (from the history of the nobility of the Spassky and Tetyushsky counties of the Kazan province). *The echo of centuries — Gasyrlar avaza, 3:* 131—141. (In Russ.).

Kovalchenko, I. D., Selunskaya, N. B., Litvakov, M. B. (1982). *Socio-economic system of the landowner economy of European Russia in the era of capitalism: Sources and methods of study.* Moscow: Nauka Publ. 264 p. (In Russ.).

Krasnobaev, I. V. (2004). Arcadia in the Arsk territories. The Pertsov's estate in the village of Khotnya, Kazan district. *Kazan, 1:* 62—67. (In Russ.).

Mikhailova, M. A. (2008). Model farms and their role in changing the noble estate in the second half of the XIX — early XX centuries. (on the example of the Upper Volga region). *Bulletin of the Novgorod State University named after Yaroslav the Wise. Series: "History. Philology", 49:* 26—29. (In Russ.).

Minarik, L. P. (1971). *Economic characteristics of Russia's largest landowners in the late 19th and early 20th centuries: land ownership, land use, and the economic system.* Moscow: Sov. Russia. 145 p. (In Russ.).

Mironova, E. V. (2024). Landowner economy in the Kazan province in the first half of the 19th century. *History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region, 14* (3): 118—136. DOI: 10.22378/2410-0765.2024-14-3.118-136 (In Russ.).

Morozan, V. V. (2012). Small-scale nobility of the Central agricultural region of Russia in the 19th century. In: *Proceedings of the Historical Faculty of St. Petersburg University.* Saint Petersburg: Faculty of History, Saint Petersburg State University. 23—42. (In Russ.).

Perelman, S. B. (1978). The landlord economy of the Kazan province in the late 19th — early 20th centuries. In: *Questions of the agrarian history of the Middle Volga region. The pre-October period.* Yoshkar-Ola: MarNII. 132—142. (In Russ.).

Rodnov, M. I. (2017). Large—scale agribusiness of the Ufa province (the second half of the XIX — early XX century). *Peasant studies, 2 (1):* 51—65. DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-1-51-65. (In Russ.).

Shapovalov, V. A. (2009). Rental relations in small-scale farms of the Central Chernozem region in the post-reform period. *Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University, 3 (37):* 117—120. (In Russ.).

Shuvaev, D. A. (2011). Rationalization of animal husbandry on the estates of the Tambov Davydov nobles in the late 18th — early 20th centuries. *Bulletin of the Tambov State University. Humanities. History and political science, 3 (95):* 198—202. (In Russ.).

Smykov, Yu. I. (1958). *Agricultural machinery and implements in the post-reform village of Kazan province.* Kazan: [b. i.]. 44 p. (In Russ.).

Yudin, E. E. (2024). "New" industry in the estates of the largest landowners of the Russian Empire in 1890—1914: industrial production in the Rakityan economy of the Yusupov princes. *Locus: people, society, cultures, meanings, 15 (2):* 54—69. DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-2-54-69. (In Russ.).

Zhitin, R. M. (2018). Models of economic development of landlords in the Central Chernozem region in the late 19th — early 20th century. *Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities, 23 (176):* 146—153. DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-176-146-153. (In Russ.).

The article was submitted 25.09.2025;
approved after reviewing 14.10.2025;
accepted for publication 09.04.2026.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(3), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]
Check for updates

Информация для цитирования:

Мотревич В. П. Производственная деятельность совхозов Башкирской АССР в 1945—1953 годах / В. П. Мотревич, В. Н. Мамяченков // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 3. — С. 479—498. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-3-479-498.

Motrevich, V. P., Mamyachenkov, V. N. (2026). State Farm Production in Bashkir ASSR, 1945—1953. *Nauchnyi dialog, 15* (3): 479-498. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-3-479-498. (In Russ.).

Clarivate Web of Science Scopus Q1 DOAJ ERIHPLUS eLIBRARY.RU РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Производственная деятельность совхозов Башкирской АССР в 1945—1953 годах

Мотревич Владимир Павлович [1]
orcid.org/0000-0002-1184-3631
доктор исторических наук,
профессор кафедры
истории государства и права
vladimir.motrevich@mail.ru

Мамяченков Владимир Николаевич [2]
orcid.org/0000-0001-6070-8746
доктор исторических наук, профессор
кафедры государственного
и муниципального управления,
корреспондирующий автор
mamyachenkov@mail.ru

[1] Уральский государственный
юридический университет
имени В. Ф. Яковлева
(Екатеринбург, Россия)

[2] Уральский государственный
экономический университет
(Екатеринбург, Россия)

State Farm Production in Bashkir ASSR, 1945—1953

Vladimir P. Motrevich [1]
orcid.org/0000-0002-1184-3631
Doctor of History, Professor,
Department of State
and Law History
vladimir.motrevich@mail.ru

Vladimir N. Mamyachenkov [2]
orcid.org/0000-0001-6070-8746
Doctor of History, Professor,
Department of State and
Municipal Administration,
corresponding author
mamyachenkov@mail.ru

[1] Ural State Law University
named after V. F. Yakovlev
(Yekaterinburg, Russia)

[2] Ural State
University of Economics
(Yekaterinburg, Russia)

© Мотревич В. П., Мамяченков В. Н., 2026

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена производственной деятельности государственных (советских) сельских хозяйств (совхозов) Башкирской АССР в 1945—1953 годах. Актуальность исследования обусловлена высоким уровнем интереса представителей общественных наук к исследуемому в статье временно́му периоду. Источниками выступили сводные годовые отчёты совхозов и другие материалы из фондов двух федеральных и двух областных архивов. Все они вводятся в научный оборот впервые. Проводится комплексный анализ производственной деятельности советских хозяйств, прежде всего — в растениеводстве и животноводстве. Утверждается, что система управления совхозами республики носила децентрализованный характер. Констатируется, что ведущей отраслью совхозного сектора агросферы Башкирии в исследуемом периоде было растениеводство. Авторы приходят к выводу, что в первые послевоенные годы в совхозной системе шел процесс укрепления материально–технической базы и восстановления ее довоенного экономического потенциала. Подчеркивается, что даже в начале 1950-х годов уровень 1940 года по производству и сдаче государству основных видов сельскохозяйственной продукции достигнут не был. Доказано, что в целом государственный сектор в сельском хозяйстве республики (как и во всей стране) так и не смог составить серьезную конкуренцию колхозной системе.

Ключевые слова:
Башкирская АССР; совхозы; послевоенные годы; растениеводство; животноводство; валовое производство.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the production activities of state-owned agricultural enterprises (sovkhozes) in the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic (ASSR) during the period from 1945 to 1953. The study is motivated by the sustained scholarly interest in the postwar transformation of Soviet agriculture. The research draws upon consolidated annual reports of sovkhozes and other archival materials sourced from two federal and two regional archives, all of which are introduced into academic discourse for the first time. A comprehensive analysis of sovkhoz performance is provided, with particular emphasis on crop farming and livestock production. It is argued that the management system of republican sovkhozes exhibited a notable degree of decentralization. The findings indicate that crop cultivation constituted the leading sector within the state farm economy of Bashkiria during the period under review. The authors conclude that in the immediate postwar years, the sovkhoz system underwent a process of strengthening its material and technical infrastructure and restoring its prewar economic capacity. However, it is emphasized that even by the early 1950s, output and state procurement levels for key agricultural products had not reached those of 1940. The article demonstrates that, overall, the state agricultural sector in the republic — as in the USSR as a whole — failed to emerge as a serious competitor to the collective farm (kolkhoz) system.

Key words:
Bashkir ASSR; sovkhozes; postwar years; crop farming; livestock production; gross output.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(3), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94(47).084.8+94:631.115.71(470.57)“1945/1953”
DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-3-479-498

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Производственная деятельность совхозов Башкирской АССР в 1945—1953 годах

© Мотревич В. П., Мамяченков В. Н., 2026

1. Введение = Introduction

В настоящей статье авторы опираются на материалы, собранные в результате многолетней работы в региональных и федеральных архивах. Исследование направлено на выявление и введение в научный оборот ранее не публиковавшихся сведений, характеризующих деятельность государственных производственно-экономических структур, функционировавших в форме так называемых советских (по своей сути — государственных) хозяйств.

Появление в сельском хозяйстве Советского Союза экономических структур подобного типа было с абсолютной неизбежностью предопределено самим характером советской экономики, которую нередко именуют экономикой «командно-административного» типа. Как известно, характерной особенностью данного типа экономики является стремление к максимальной степени огосударствления имеющихся в стране ресурсов и потенциальных возможностей.

В государствах с командно-административным типом экономики правящие элиты, как правило, крайне неохотно допускают появление и развитие субъектов частного хозяйствования. Подобные уступки обычно происходят лишь под давлением чрезвычайных историко-экономических обстоятельств. Ярким примером служит новая экономическая политика (нэп), провозглашённая советским руководством в 1920-х годах в условиях глубочайшего системного кризиса.

В связи с этим неудивительно, что промышленность Советского Союза в итоге была огосударствлена почти на 100 %. В аграрном же секторе экономики страны наблюдалась интересная картина: большую ее часть составляли так называемые коллективные хозяйства. Значительно меньшую часть аграрного сектора составляли совхозы. Их экономическая роль до сих пор в большинстве регионов изучена довольно слабо, что опять-таки объективно объясняется той скромной ролью, которую совхозы играли в производстве продукции сельского хозяйства страны.

CC BY

В силу вышесказанного данная проблема, как представляется авторам, не утрачивает своей актуальности и в наши дни, требуя дальнейшей ее разработки. Предлагаемая статья определенно должна послужить этой цели.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Обозревая перечень научных публикаций, в той или иной мере освещающих различные аспекты исследуемой нами в данной статье проблемы, надо признать, что работ, непосредственно посвященных развитию совхозной системы Башкирской АССР в исследуемом нами историческом периоде, на сегодня еще не создано. Поэтому весь объем исследований по заявленной нами теме можно разделить на следующие категории:

1. Работы, в которых данная тема освещается частично или фрагментарно, в том числе и за рамками исследуемого нами периода.

Пожалуй, первым из ряда таких работ было небольшое коллективное исследование уральских авторов, опубликованное в 1986 году [Совхозы ..., 1986].

В 1993 году выходит в свет монография В. П. Мотревича, в которой автор ввел в научный оборот ряд сведений, характеризующих производственную деятельность совхозов Урала (по каждому региону). Так, в монографии впервые были опубликованы данные, касающиеся валовой стоимости продукции сельского хозяйства совхозов в ценах 1926—1927 годов, тоннажа государственных заготовок и закупок зерна, молокопродуктов, среднего веса отдельных видов сдаваемого государству скота и т. д. [Мотревич, 1993].

Выделим также труды С. Г. Масалимова, М. Б. Ямалова, Н. В. Ахмадиевой [Масалимов и др., 2003], Г. Ш. Илишева [Илишев, 1982], раскрывающие некоторые аспекты совхозной тематики в рамках Уральского региона. В конце прошлого века статья М. Н. Денисевича и В. П. Мотревича, посвященная совхозам Урала, была включена в Уральскую историческую энциклопедию [Денисевич и др., 1998]. Уже в нашем веке появляются первые работы, посвященные историографии совхозов Урала [Степанов, 2013]. Наконец, совсем недавно авторы настоящей статьи опубликовали исследование, посвященное непосредственно совхозам Свердловской области [Мотревич и др., 2025].

2. Работы общего характера, посвященные развитию совхозной системы СССР и РСФСР в советском периоде.

Приоритет в создании первых таких работ принадлежит двум известным советским историкам-аграрникам — М. Л. Богденко и И. Е. Зеленину, которые опубликовали свои монографии и статьи в конце 1960-х — начале 1970-х годов [Богденко, 1972; Богденко, 1977; Зеленин, 1969; Зеленин, 1971].

CC BY

3. Работы, имеющие целью осветить различные аспекты деятельности совхозов, в частности:

а) проблемы управления хозяйствами [Башмачников и др., 1977; Дейнеко, 1973; Дьякова, 1972];

б) эффективность производства, его рентабельность, развитие хозрасчетных отношений [Демидов, 1976; Ланг, 1976; Нифонтова, 1970; Фазлыев, 1973];

в) эффективность использования совхозами имеющихся у них основных и оборотных фондов [Булатов, 1971; Голдин, 1974; Долгополова, 1972; Экономическая эффективность ..., 1978; Смолина, 1976];

г) процесс преобразования колхозов в совхозы [Шлыкова, 2008];

д) материальную базу совхозов [Горбачев, 2019];

е) историю совхозной системы в СССР [Романченко, 2016].

Из приведенного перечня видно, что большинство работ выполнены на региональном материале, в том числе на материалах Урала.

Целью настоящей работы стал комплексный анализ производственной деятельности советских хозяйств Башкирской АССР в 1945—1953 годах, то есть в период послевоенного восстановления экономики Советского Союза. Объектом исследования явилась система советских хозяйств Башкирии, а предметом — динамика ее экономических показателей в исследуемом нами периоде.

Наше исследование проведено на основе сводных годовых отчётов 1945—1953 годов всех типов советских хозяйств Башкирии. Кроме того, нами были использованы материалы, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации [ГА РФ], Российском государственном архиве экономики [РГАЭ], а также в Национальном архиве Республики Башкортостан [НА РБ]. Упомянутые архивные материалы вводятся в научный оборот впервые, обеспечивая исследованию максимальный уровень научной новизны и верификации.

Наконец, при написании настоящей статьи авторы использовали в качестве источников энциклопедические, статистические и другие справочники [Коммунистическая партия ..., 1985; Сельское хозяйство …, 1988; Уральская историческая энциклопедия …, 1998], сборники законодательных актов Республики Башкортостан [Ведомости …, 1952, 1953; Свод законов …, 2021; Свод законов …, 2022] и, наконец, материалы периодических изданий [Красная Башкирия …; Правда …; Советская Башкирия …].

Началом временно́го интервала предлагаемого исследования нами был определен 1945 год, явившийся годом начала послевоенного восстановления экономики страны, в первую очередь — на территориях, освобожденных от немецко-фашисткой оккупации. При выборе 1953 года в качестве

CC BY

верхней границы исследуемого периода нами были приняты во внимание два обстоятельства. Во-первых, с упомянутого года в стране, хотя и медленно, начался демонтаж тоталитарной системы, инициированный смертью И. В. Сталина. Во-вторых, в 1954 году в государственной совхозной статистике произошли серьезные изменения, резко сузившие объем цифрового материала, который мог бы быть использован исследователями совхозной экономики.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Последствия войны самым серьезным образом сказались не только на состоянии, но и на структуре совхозной составляющей аграрного сектора такого, казалось бы, глубоко тылового региона, как Башкирия. Прежде всего, за годы войны сократилось количество совхозов республики с 57 в 1940 году до 48 в 1945 году [РГАЭ, ф. 1562, оп. 324, д. 59, л. 13; д. 1257, л. 23]. При этом главной причиной стало то, что часть советских хозяйств была передана промышленным предприятиям для организации на их базе подсобных хозяйств, в результате число совхозов сократилось.

Необходимо отметить, что, по странному стечению обстоятельств, совхозная система СССР фактически с момента ее создания постоянно подвергалась различного рода преобразованиям. В результате к началу Великой Отечественной войны основная масса советских хозяйств входила в состав трех наркоматов — Наркомата совхозов СССР, Наркомата пищевой промышленности СССР, Наркомата мясомолочной промышленности, а также в тресты пригородных хозяйств. После окончания войны процесс «совершенствования» совхозной системы возобновился: в марте 1946 года основную массу совхозов страны подчинили вновь созданным Министерству земледелия СССР и Министерству животноводства СССР, ликвидировав при этом Наркомат совхозов. На территории БАССР в упомянутом году имелось 49 совхозов, из которых 48 были союзного подчинения: 25 относились к Министерству животноводства, 15 — к Министерству земледелия, 4 — к Министерству мясной и молочной промышленности, 3 — к Министерству вкусовой и пищевой промышленности и 1 — даже к Министерству резиновой промышленности СССР. Еще один совхоз был местного подчинения [РГАЭ, ф. 1562, оп. 324, д. 1275, л. 2—4].

Таким образом, система управления совхозами республики не имела единого центра управления, то есть была децентрализована.

3.1. Растениеводство в совхозах Башкирии: трудный рост

Анализ данных о специализации сельского хозяйства в Башкирии в послевоенные годы показывает, что его ведущей отраслью было растениеводство. Об этом свидетельствуют данные о валовой продукции отрасли в стоимост-

CC BY

ном выражении в ценах 1926/1927 годов. Судя по ним, за 1946—1952 годы сельское хозяйство республики произвело сельскохозяйственной продукции на сумму в 2379,1 млн руб., из них 1647,2 млн, то есть 69 % стоимости, приходилось на растениеводство. В совхозах же эта цифра составила 78 %.

Цифры свидетельствуют, что даже в начале 1950-х годов размеры посевов в совхозном секторе не достигли довоенного уровня (табл. 1): настолько значительными были последствия войны.

Табл. 1

Посевные площади в совхозах, тыс. га *

Table 1

Cultivated area on state farms, thousand hectares

Виды культур	Годы									
	1940	**1945**	**1946**	**1947**	**1948**	**1949**	**1950**	**1951**	**1952**	**1953**
Зерновые	220,6	73,9	71,7	87,7	137,4	192,1	200,0	210,0	198,8	192,2
Картофель и овощебахчевые	4,3	2,5	2,1	1,4	1,9	2,7	2,4	2,7	2,3	3,6
Технические	0,8	0,5	0,2	0,5	0,5	0,7	0,8	1,2	0,8	1,2
Кормовые	53,0	35,0	49,5	35,9	36,7	46,9	84,0	94,6	108,5	138,4
Всего	278,7	111,9	123,5	125,5	176,5	242,4	287,2	308,5	310,4	335,4

* Источник: [РГАЭ, ф. 1562, оп. 324, д. 59, л. 2 об., 13; д. 1257, л. 29—34; д. 1672, л. 9, 47; д. 2029, л. 12, 46; д. 2468, л. 1, 36, 39; д. 2083, л. 30 об.; д. 3473, л. 1, 30 об.; д. 3965, л. 30; д. 4579, л. 39; д. 4972, л. 51—52].

В структуре совхозных посевов с начала 1950-х годов происходят существенные изменения: сокращаются посевы зерновых культур и возрастают посевы кормовых. Если в 1947 году на долю зерновых приходилось 70 % всех совхозных посевов, а на кормовые культуры — 29 %, то в 1953 году это соотношение выглядело как 57 и 41 % (табл. 1).

1946 год стал крайне тяжёлым для сельского хозяйства Башкирии: если в 1945 году валовая продукция отрасли оценивалась в республике в 257,4 млн руб., то в 1946 году — в 256,8 млн. В госсекторе сельского хозяйства (совхозы и подсобные хозяйства) снижение вала в стоимостном выражении было еще больше: с 22,1 млн руб. в 1945 году до 19,7 в 1946 году [РГАЭ, ф. 1562, оп. 324, д. 1492, л. 26; д. 1870, л. 36]. Это было результатом как неудовлетворительной работы многих хозяйств, так и природных условий этого года [РГАЭ, ф. 1562, оп. 324, д. 1492, л. 26; д. 1870, л. 36].

Следующий, 1947-й, год в совхозах Башкирии оказался более урожайным. Если в 1946 году урожай зерновых составлял 6,2 ц/га, картофеля — 26

CC BY

и овощей — 27, то в 1947-м аналогичные цифры составили соответственно 8,5, 64,5 и 31,5 ц/га [РГАЭ, ф. 1562, оп. 324, д. 1672, л. 41; д. 2029, л. 43].

Но наступивший затем 1948 год снова оказался неблагоприятным для земледелия. Причины были все те же: засуха и нарушения агротехники. В результате, например, совхоз «Спартак» получил урожай зерновых всего лишь 7,2 ц/га, а соседний с ним совхоз «Им. 8 Марта» вообще 3,6 ц/га [ГА РФ, ф. 374, оп. 14, д. 3150, л. 3].

Об отсутствии прогресса в земледелии, несмотря на громадный прирост посевных площадей, свидетельствуют и данные о валовой продукции растениеводства: в 1948 году по сравнению с 1947-м она увеличилась в стоимостном выражении всего на 0,5 % [РГАЭ, ф. 1562, оп. 324, д. 2270, л. 23—25; д. 2692, л. 23, 23 об].

В связи с вышесказанным возникла насущная необходимость в разработке специальных мер. Постановление Совета Министров и ЦК ВКП(б) от 20 октября 1948 года, ознаменовавшее начало так называемого «Сталинского плана преобразования природы», предполагало внедрение более прогрессивных методов обработки полей путём применения чёрных паров, зяби и лущения стерни, внесения в почву минеральных и органических удобрений, посевы семенами высокоурожайных сортов. Кроме того, предусматривалось и широкое внедрение травопольной системы, при которой часть пашни в севооборотах засеивалась многолетними травами, которые одновременно служили кормовой базой для животноводства и естественным средством восстановления плодородия почв.

Предлагаемые в постановлении меры по подъёму земледелия стали активно внедряться в совхозах Башкирии. Уже в 1952 году посевы озимых по парам составили 47,1 тыс. га против 25,9 тыс. в 1946-м. Под яровые в 1952 году пары были подняты на площади 11 тыс. га против 1,9 тыс. В том же 1946-м чёрных паров подняли соответственно 9,3 тыс. и 330 га. Если в 1946 году зяблевая вспашка составляла 9,7 тыс. га, то в 1950-м уже 116,3, а в 1952-м — 173,5 тыс., что было значительно больше, чем в довоенном 1940-м — 105,7 тыс. [РГАЭ, ф. 1562, оп. 324, д. 59, л. 17об.; д. 1672, л. 14; д. 3473, л. 30об.; д. 4579, л. 40об].

Возможно, отчасти поэтому 1949 год для растениеводства республики стал достаточно успешным: валовые сборы зерновых и картофеля оказались самыми высокими за период 1941—1948 годов.

Еще более успешным для совхозов республики оказался 1950 год, когда все 15 зерносовхозов в агротехнические сроки завершили сев яровых зерновых, а совхозы «Альшеевский», «Давлекановский», «Казангуловский», «Красная Башкирия», «Смычка» и «Стерлитамакский» успели отсеяться даже к 1 мая. В совхозах улучшилась агротехника, была организо-

CC BY

вана весенняя подкормка зерновых минеральными удобрениями при помощи авиации [НА РБ, ф. 472, оп. 9, д. 203, л. 20]. Некоторые хозяйства даже превысили плановые задания по урожайности: совхоз «Дмитриевский» получил урожайность пшеницы 14,1 ц/га при плане 13 ц, а ржи — 13,5 при плане 13 ц/га [НА РБ, ф. 472, д. 1672, л. 24]. В результате в 1950 году в совхозах БАССР был получен урожай зерновых выше, чем даже в урожайном 1940 году.

Но, несмотря на достигнутые в 1950 году результаты, в начале 1950-х годов проблем в совхозах оставалось еще достаточно. В 1951 году по сравнению с 1950-м показатели растениеводства в сельском хозяйстве, в том числе в совхозах, снизились, уменьшились урожаи зерновых и картофеля [РГАЭ, ф. 1562, оп. 324, д. 3752, л. 24; д. 374, л. 13; д. 4174, л. 18].

Одной из главных проблем было состояние семенного фонда: например, в ходе подготовки к весеннему севу 1953 года совхозам Башкирии недоставало 24 % семян многолетних трав и 60 % — однолетних [ГА РФ, ф. 259, оп. 6, д. 2810, л. 63]. Не всегда удавалось выполнять планы и по внесению минеральных удобрений: например, в 1953 году совхозы республики выполнили его всего на 43 % [НА РБ, ф. 472, оп. 9, д. 1649, л. 33].

Наконец, серьёзным препятствием для развития земледелия и получения высоких урожаев служили различные вредители. Так в июле 1952 года нашествию саранчи подверглись колхозы и совхозы Абзелиловского района [НА РБ, ф. 933, оп. 14, д. 50, л. 174].

3.2. Животноводство в совхозах Башкирии

Великая Отечественная война крайне негативно отразилась и на состоянии совхозного животноводства: поголовье скота в них заметно сократилось (табл. 2). Из-за нехватки концентратов в наибольшей степени пострадало свиноводство, а в наименьшей — овцеводство. Снизилась и продуктивность скота: если в 1940 году среднегодовой надой молока в совхозах составлял 1383 л, то в 1945 году — 1201, настриг шерсти с овцы составил соответственно 2,2 и 2,0 кг [РГАЭ, ф. 1562, оп. 324, д. 59, л. 18; д. 1257, л. 39].

В этой ситуации в марте 1946 года Верховный Совет СССР принял Закон «О четвёртом пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства страны». В сфере животноводства данный план предусматривал восстановление и превышение довоенного поголовья всех видов скота, а также рост продуктивности скота, прежде всего за счет улучшения его породности и создания прочной кормовой базы [Правда, 1946, 18 марта]. Кроме того, на общесоюзном уровне в первые послевоенные годы был принят ряд других документов, направленных на подъём животноводства в стране, в том числе в Башкирии.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(3), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Табл. 2

Поголовье скота, птицы и пчёл в совхозах (на конец года, тыс. голов)

Table 2

Number of livestock, poultry and bees on state farms
(at the end of the year, thousand heads)

Виды животных	Годы								
	1940	1945	1946	1947	1948	1949	1950	1951	1952
КРС	47,0	21,8	22,8	23,1	27,2	31,8	35,7	46,7	46,7
в т.ч. коровы	19,5	7,5	7,7	7,0	8,3	9,8	10,3	13,1	13,1
Свиньи	26,7	9,0	10,1	9,2	18,5	28,4	30,6	34,0	34,0
Овцы и козы	35,1	24,6	23,3	24,3	31,3	41,9	49,6	66,7	66,2
Лошади	17,1	7,7	8,6	8,8	10,1	11,3	12,6	14,3	13,4
Птица	н/св.	6,0	7,3	10,7	19,8	19,7	н/св.	43,3	59,1
Пчелы, семей	н/св.	1,2	1,2	1,6	2,0	2,2	н/св.	2,6	2,6

Источник: [РГАЭ, ф. 1562, оп. 324, д. 59, л.4, 23 об., 26; д. 1257, л. 32—4; д. 1672, л. 14, 47, 53; д. 2029, л. 17, 50; д. 2468, л. 45 об; д. 2083, л. 36; д. 3473, л. 39, 42; д. 3965, л. 38; д. 4579, л. 26, 26 об., 29; д. 4972, л. 47—48].

Пожалуй, самым авторитетным из документов такого уровня стало постановление Февральского пленума ЦК ВКП(б) «О мерах подъёма сельского хозяйства в послевоенный период» (1947), для реализации решений которого была выделена значительная часть капиталовложений, направлявшихся в экономику страны [Правда, 1949, 19 апр.].

В Башкирии в целях создания прочной кормовой базы для животноводства постановлением Совмина и Бюро Башкирского обкома ВКП(б) от 7 ноября 1949 года «О крайне неудовлетворительном ходе заготовки кормов в колхозах и совхозах республики» было решено восстановить в колхозах и совхозах бригады и звенья по кормодобыванию, установив им ежедневные задания по заготовке кормов [Свод законов ..., 2021, с. 368—369]. Был достигнут положительный результат: в совхозах увеличился приплод скота и сократился его отход: если в 1946 году в расчёте на 100 маток приплод составил 72 телёнка и 75 ягнят и козлят, то в 1950-м — соответственно 77 и 94 голов [РГАЭ, ф. 1562, оп. 324, д. 3473, л. 39, 42].

Улучшилась и работа ветеринарной службы. В результате в совхозах ежегодно увеличивалось поголовье скота, особенно заметным этот прирост был в 1950—1951 годах: по численности скота, особенно крупного рогатого, в среднем на один совхоз показатели 1940 года были превышены. Возрастала и продуктивность скота: если в 1946 году надои молока на корову составили в совхозах в среднем 1264 л, то в 1947-м — 1397, 1948-м —

CC BY

1624, 1949-м — 1544, 1950-м — 1740, 1951-м — 1957 и 1953-м — 2026 [РГАЭ, ф. 1562, оп. 324, д. 1672. л. 53; д. 2029, л. 52; д. 2468, л. 18; д. 2083, л. 27; д. 3473, л. 36; д. 3965, л. 36; д. 4575а, л. 49; д. 4972, л. 67]. В некоторых же хозяйствах показатели продуктивности были еще выше. В совхозе «Уршак», например, за 11 месяцев 1950 года надоили по 3230 л на корову, а доярка из этого хозяйства Шестерикова надоила по 3,4 тыс. [Красная …, 1950, 29 дек.].

Наконец, стало уделяться внимание развитию птицеводства и такой традиционной для Башкирии отрасли, как пчеловодство. В республике неоднократно принимались решения о мерах, направленных на развитие пчеловодства. В результате количество птицы и пчелосемей в совхозах с конца 1940-х годов заметно увеличилось (табл. 2).

Советское государство не забывало и о поощрениях: за полученные в аграрном производстве результаты многие работники совхозов периодически удостаивались государственных наград. Так в 1952 году орденом Ленина были удостоены работники совхоза «Им. Цюрупы» М. М. Аминов, Д. А. и Я. В. Служаевы, совхоза «Уршак» — М. С. Коротков, Г. Г. Сотсков, И. А. Сурнин и А. С. Фахретдинов. Кроме того, 12 работников этих совхозов награждены медалями «За трудовую доблесть» и «За трудовое отличие» [Ведомости ..., 1952, 20 авг.]. В 1953 году медаль «За трудовую доблесть» получили работники совхоза Буздякский» Р. Г. Курамшин и В. Н. Пятков [Ведомости ..., 1953, 14 ноября]. Звание Героя Социалистического Труда в 1949 году было присвоено В. С. Солонину — звеньевому Зилаирского зерносовхоза (Байкинский район БАССР), получившему урожай пшеницы 33,8 ц/га на площади 26 га [ГА РФ, ф. 7689, оп. 13, д. 224, л. 74].

3.4. Валовое производство в совхозах и сдача продукции государству

В результате принимаемых мер и усилий тружеников сельского хозяйства в 1950 году довоенный уровень производства в сельском хозяйстве СССР был превышен по сахарной свёкле, картофелю, мясу, молоку и шерсти. Однако недосягаемым оставался довоенный уровень по производству зерновых, не удалось это сделать и в 1951—1953 годах [Сельское хозяйство ..., 1988, с. 10]. Иная картина наблюдалась в совхозах Башкирии: к концу четвёртой пятилетки довоенный уровень производства в них превысила продукция зерна, картофеля и шерсти (табл. 3).

В начале 1950-х годов урожаи зерновых несколько снизились, но зато заметно возросло производство молока (табл. 3). В целом следует констатировать, что, несмотря на рост аграрного производства, роль государственного сектора (совхозов и подсобных хозяйств предприятий, организаций и учреждений) была в Башкирии, как и в целом по стране, невелика.

CC BY

Табл. 3

Продукция сельского хозяйства в совхозах*

Table 3

Agricultural output on state farms*

Виды продукции	Годы									
	1940	**1945**	**1946**	**1947**	**1948**	**1949**	**1950**	**1951**	**1952**	**1953**
Зерновые	1602	659	439	719	674	1037	1856	1485	1536	н/св.
Картофель	58	64	43	55	109	113	211	86	97	н/св.
Молоко	275	98	98	102	125	143	179	232	226	302
Шерсть	857	389	443	464	574	711	922	1157	1843	1673
Мед	н/св.	250	418	390	411	576	447	498	573	579
Яйца	н/св.	н/св.	195	108	486	853	1239	1857	2828	2951

* Данные по зерновым, картофелю, молоку приведены в тыс. ц, по шерсти и мёду в ц, по яйцу — в тыс. шт. В разработках сводных годовых отчётов совхозов СССР за 1940 год «графа продукция яиц» отсутствует, аналогичная графа за 1945 год не заполнена. — *Авторы.*

Источник: [РГАЭ, ф. 1562, оп. 324, д. 59, л. 2 об., 13 об; д. 1257, л. 27, 28—31, 39; д. 1672, л. 9, 41, 44, 60; д. 2029, л. 9, 6 об, 40 об., 43, 47, 52; д. 2468, л. 36; д. 2083, л. 29, 30, 33; д. 3473, л. 30, 33, 36; д. 3965, л. 41, 94; д. 4579, л. 20, 40 об; д. 4575а, л. 49; д. 4972, л. 33, 67—68].

В 1949 году на их долю приходилось 8,4 % валовой продукции отрасли в стоимостном выражении, в 1950-м — 9,8, 1951-м — 8,5 и 1952-м — 8,3 [РГАЭ, ф. 1562, оп. 324, д. 3236, л. 27; д. 3752, л. 24; д. 3774, л. 13; д. 4174, л. 18, 20].

В то же время получаемая совхозами продукция была дорогой: высокая себестоимость и убыточность были характерными чертами экономики совхозов всего СССР. Нерентабельными оказаллись и большинство совхозов Башкирии. За 1947—1949 годы в сводных годовых отчетах СССР всех систем такие графы, как «прибыли» и «убытки», остались незаполненными, а данные за 1950 год показывают, что чистая прибыль совхозов БАССР составила 1,1 млн руб., а чистый убыток — 18,6 млн, в 1952 году — соответственно 2,1 и 17,6 млн [РГАЭ, ф. 1562, оп. 324, д. 3473, л. 57; д. 4579, л. 41]. Причина заключалась в существенном повышении себестоимости совхозной продукции на протяжении военных и первых послевоенных лет.

Рост же себестоимости, в свою очередь, объяснялся прежде всего ростом зарплат работников совхозов за счет введения надбавок в связи с повышением пайковых цен, а также увеличением зарплат руководящему составу совхозов и специалистам. Кроме того, сказался резкий скачок цен на концентрированные корма, минеральные удобрения и строймате-

CC BY

риалы, а также оказало влияние увеличение затрат на текущий ремонт и амортизацию основных средств в связи повышением цен на тракторы, комбайны и другую сельскохозяйственную технику. Так, оптовая цена на трактор ХТЗ-НАТИ возросла с 13,1 тыс. руб. в 1940 году до 21,2 тыс. в 1951 году. На трактор «Универсал» цена выросла на 124 %, на комбайн «Сталинец-6» — на 135 % и т. д. [ГА РФ, ф. 7803, оп. 1, д. 1495, л. 63, 65].

В результате себестоимость совхозной продукции намного превышала уровень государственных сдаточных цен, установленных еще в довоенные годы. По данным за 1953 год в совхозах, подведомственных Министерству совхозов СССР, себестоимость центнера зерновых исчислялась в 38 руб., а сдаточная цена — в 12. По молоку эти показатели составляли соответственно 117 и 50 руб., по мясу крупного рогатого скота — 664 и 187, а по свинине — 999 и 314 [Богденко, 1972, с. 75].

Данные о себестоимости продукции сельского хозяйства в совхозах Башкирии показывают, что на протяжении исследуемого нами периода она в среднем была значительно выше средней по совхозам Министерства. Так, себестоимость центнера зерновых колебалась в диапазоне от 75 руб. за центнер в 1948 году до 42 руб. в 1952-м, хотя в некоторых хозяйствах она была даже ниже плановой. Здесь необходимо указать, что для совхозов разных трестов плановая себестоимость устанавливалась неодинаковая: например, в 1953 году для совхозов Башкирского молсвинотреста себестоимость производства зерна составляла 38,02 руб. за центнер, а для совхозов Башкирского зернотреста — 28,58 руб. В этом же году трём зерносовхозам в БАССР удалось получить себестоимость ниже плановой. Ими оказались совхозы «Зилаирский», «Красная Башкирия» и «Стерлитамакский», где себестоимость центнера зерна составляла всего 21 руб., и при этом все равно была выше сдаточной.

Аналогичная ситуация была и с другой продукцией. В том же 1953 году цена на сдаваемое совхозами БАССР молоко была установлена в размере 117 руб. за центнер. При этом для совхозов Мосвинотреста она составляла 114 руб., а для совхозов Зернотреста — 118 [НА РБ, ф. 472, оп. 9, д. 1649, л. 11, 45]. Себестоимость же молока в послевоенные годы была в совхозах Башкирии в диапазоне от 111 руб. в 1946 году до 127 в 1952 году [РГАЭ, ф. 1562, оп. 324, д. 1257, л. 38; д. 1672, л. 41; д. 2029, л. 52; д. 2468, л. 16, 48; д. 2083, л. 68; д. 3473, л. 30об., 36; д. 3965, л. 89; д. 4579, л. 23, 23 об.]. Таким образом, получалась парадоксальная ситуация: чем больше продукции совхозы сдавали государству, тем больше у них становился чистый убыток. Поэтому для компенсации убытков государство ежегодно выделяло совхозам дотацию на покрытие разницы между плановой себестоимостью и ценой реализации.

CC BY

В табл. 4 мы привели данные об объемах сдачи сельскохозяйственной подукции совхозами Башкирии в исследуемом периоде. Они показывают, что к концу войны сдача зерновых уменьшилась в 1,9 раза, а животноводческой продукции (мяса, молока, шерсти) — в 2—3. В 1946 году в связи с засухой сдача мяса и, особенно, зерна сократилась еще больше. Чтобы как-то улучшить ситуацию со сдачей зерна в соответствии с постановлением Верховного Совета СССР от 31 июля 1946 года № 1708 Совмин БАССР 6 августа 1946 года принял решение № 855 «О запрещении торговли хлебом и семенами подсолнуха». Этим решением продажа и обмен хлеба вплоть до выполнения плана его сдачи государству были запрещены [Красная Башкирия …, 1946, 7 авг.]

Табл. 4

Сдача совхозами сельхозпродукции государству*

Table 4

Supply of agricultural products by state farms to the state*

Виды продукции	Год									
	1940	**1945**	**1946**	**1947**	**1948**	**1949**	**1950**	**1951**	**1952**	**1953**
Зерновые**	950	495	277	402	395	531	895	928	721	н/св.
Мясо**	48	17	13	11	17	26	40	39,7	53,0	59,5
Молока**	194	66	74,8	78	98	112	147	192	182,5	253,3
Шерсть***	947	382	443	450	558	831	939	1192	1280	1692
Яйца****	–	–	–	–	–	–	1142	2491	2085	2719

* Данные за 1940, 1945—1948 годы приведены в фактическом, за 1949—1953 годы — в зачётном весе.

** Зерновые, скот и мясо приведены в переводе на живой вес, молочные продукты — в переводе на молоко, тыс. ц.

*** Шерсть овечья и козья, ц.

**** Яйца, тыс. шт. В разработках сводных годовых отчётов совхозов СССР графа «сдача государству яиц» появляется начиная с 1950 года — *Авторы.*

Источник: [РГАЭ, ф. 1562, оп. 324, д. 59, л. 16 об; д. 1257, л. 41—43; д. 1672, л. 20, 53 об., 56; д. 2029, л. 52, 55; д. 2468, л. 51; д. 2083, л. 36 об; д. 3473, л. 36; д. 3965, л. 36, 41; д. 4579, л. 23; д. 4972, л. 67; ф. 8040, оп. 8, д. 381, л. 45, 49, 74, 77, 79].

В последующие годы в связи с восстановлением и развитием совхозного производства объем сдачи продукции государству постоянно возрастал. Этот рост стал особенно заметен в 1950—1953 годах по ходу реализации трёхлетнего плана по развитию животноводства республики. Тем не менее, несмотря очевидные успехи, спускаемые сверху планы удавалось выполнить далеко не всегда. Так, в 1953 году совхозы БАССР выполнили план только по сдаче мяса и яиц — на 103 и 102 % соответственно, но при

CC BY

этом «провалили» планы сдачи молока и шерсти, обеспечив их выполнение только на 93 и 85 % соответственно [НА РБ, ф. 472, оп. 9, д. 1649, л. 46].

4. Заключение = Conclusions

Начиная работу над данной статьей, мы наметили в качестве цели ее написания осуществление комплексного анализа производственной деятельности советских хозяйств Башкирской АССР в 1945—1953 годы. Подводя его итоги, следует еще раз подчеркнуть, что в исследованном нами историческом периоде всю упомянутую производственную деятельность надо рассматривать в контексте *послевоенного восстановления* довоенного экономического потенциала совхозов — и в растениеводстве, и в животноводстве, и в том, что называется человеческим ресурсом.

В окончательном виде упомянутое выше восстановление в полной мере (прежде всего — по качественном показателям) состоялось уже только за пределами исследованного нами периода, то есть не ранее середины 1950-х годов. Например, производительность труда тракторного и комбайнового парков даже в 1953 году была ниже аналогичного показателя довоенного 1940-го года. Похожая картина наблюдалась и в двух ведущих сферах сельского хозяйства республики — растениеводстве и животноводстве, хотя по некоторым направлениям его деятельности и были достигнуты неплохие результаты.

При этом основными особенностями производственной деятельности совхозов БАССР в первые послевоенные годы были:

— невысокие темпы восстановления экономического потенциала советских хозяйств, чему в значительной мере способствовал управленческий фактор. Суть его была в том, что совхозная система подвергалась непрерывным преобразованиям, причем далеко не всегда удачным. В результате в исследованные нами годы система управления совхозами республики не имела единого центра управления, то есть была децентрализована;

— преобладающая роль растениеводства: в 1946—1952 годах объемы его производства в стоимостном выражении составили 78 % всей продукции совхозов республики;

— высокая себестоимость производимой продукции и, по сути, плановая убыточность: в исследованном периоде большинство совхозов Башкирии были нерентабельными и являлись хроническими потребителями государственных дотаций;

— значительное влияние погодно-климатического фактора, усиленного невысоким уровнем технологической и технической оснащенности советских хозяйств.

CC BY

Таким образом, в рассмотренные нами годы государственный сектор в сельском хозяйстве Башкирии постепенно набирал силу, но так и не смог составить достойную конкуренцию колхозной системе.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Ведомости* Верховного Совета Советских Социалистических Республик : официальное еженедельное печатное издание Верховного Совета Союза СССР, 1952, 1953 гг.

2. ГА РФ — *Государственный* архив Российской Федерации. Ф. А-259 (Совет Министров РСФСР). Оп. 6 ; Ф. А-317 (Министерство совхозов РСФСР). Оп. 1 ; Ф. А-374 (Государственный комитет РСФСР по статистике). Оп. 8, 14 ; Ф. Р-7689 (Центральные комитеты профессиональных союзов работников АПК). Оп. 12, 13, 16, 20.

3. *Коммунистическая* партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898—1986). — Москва : Политиздат, 1985. — Т. 8. — 544 с.

4. *Красная* Башкирия : (орган Башкирского обкома и Уфимского горкома ВКП(б), Верховного Совета БАССР и Уфимского горсовета). 1946, 1950 гг.

5. НА РБ — *Национальный* архив Республики Башкортостан. Ф. Р-472 (Статистическое управление при Совете Министров БАССР). Оп. 9 ; Ф. Р-933 (Совет Министров Башкирской АССР). Оп. 1.

6. *Правда* : орган Центрального Комитета и МК ВКП(б). 1946, 1949 гг.

7. РГАЭ — *Российский* государственный архив экономики. Ф. Р-1562 (Центральное статистическое управление при Совете Министров СССР). Оп. 15, 323, 324 ; Ф. Р-7733 (Министерство финансов СССР). Оп. 31 ; Ф. Р-7803 (Министерство совхозов СССР). Оп. 1 ; Ф. Р-8040 (Министерство хлебопродуктов СССР). Оп. 8.

8. *Сельское* хозяйство СССР : статистический сборник. — Москва : Финансы и статистика, 1988. — 535 с.

9. *Свод* законов и нормативных правовых актов Башкортостана : 1946—1950 годы : сост. Р. А. Валишин. — Уфа : Секретариат Государственного Собрания-Курултая Республики Башкортостан, 2021. — Т. 26. — 512 с. — ISBN 978-5-85051-527-0.

10. *Свод* законов и нормативных правовых актов Башкортостана : 1951—1955 годы : сост. Р. А. Валишин. — Уфа : Секретариат Государственного Собрания-Курултая Республики Башкортостан, 2022. — Т. 27. — 512 с. — ISBN 978-5-85051-537-9.

11. *Советская* Башкирия : (орган Башкирского крайкома и Уфимского горкома ВКП(б), Верховного Совета БАССР и Уфимского горсовета депутатов трудящихся). 1952 г.

12. *Уральская* историческая энциклопедия. — Екатеринбург : ИИиА УрО РАН, 1998. — 621 с. — ISBN 5-7691-0795-2.

Литература

1. *Башмачников В.* Пути совершенствования структуры управления в совхозе / В. Башмачников, А. Вдовин, В. Соловьев. — Свердловск : Средне-Уральское книжное издательство, 1977. — 134 с.

2. *Богденко М. Л.* Совхозы СССР : 1951—1958 / М. Л. Богденко. — Москва : Наука, 1972. — 366 с.

3. *Богденко М. Л.* Проблемы развития совхозов в новейшей литературе / М. Л. Богденко // Сельское хозяйство и крестьянство СССР в современной советской историографии. — Кишинев : Штиинца, 1977. — С. 106—117.

4. *Булатов А. Е.* Основные фонды совхозов и эффективность их использования / А. Е. Булатов. — Свердловск : Средне-Уральское книжное издательство, 1971. — 123 с.

5. *Голдин В. Н.* Использование основных фондов совхозами лесостепной зоны (Зауралье) в восьмой пятилетке / В. Н. Голдин // Труды Уральского политехнического института. — 1974. — Сб. 232. — С. 190—194.

6. *Горбачев А. О.* Материальная база совхозов и колхозов в 1960-е—1970-е гг. (на материалах Свердловской области) / А. О. Горбачев // Шаг в историческую науку. Материалы XIX Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых. — Екатеринбург : [б. и.], 2019. — С. 232—234.

7. *Дейнеко Г. Ф.* Искусство управлять совхозом / Г. Ф. Дейнеко, О. В. Кульдяев. — Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1973. — 114 с.

8. *Демидов Г. М.* Повышение рентабельности и развитие хозрасчётных отношений в совхозах Урала / Г. М. Демидов // Труды Свердловского сельскохозяйственного института. — 1976. — Т. 41. — С. 113—142.

9. *Денисевич М. Н.* Совхозы / М. Н. Денисевич, В. П. Мотревич // Уральская историческая энциклопедия. — Екатеринбург : ИИиА УрО РАН, 1998. — С. 486.

10. *Долгополова Л. П.* Оборотные фонды совхозов Пермского района и эффективность их использования / Л. П. Долгополова // Труды Пермского сельскохозяйственного института. — 1972. — Т. 96. — С. 49—53.

11. *Дьякова З. Г.* К вопросу о совершенствовании структуры управления в совхозе / З. Г. Дьякова // Труды Пермского сельскохозяйственного института. — 1972. — Т. 96. — С. 91—97.

12. *Зеленин И. Е.* Совхозы СССР (1941—1950 гг.) / И. Е. Зеленин. — Москва : Наука, 1969. — 342 с.

13. *Зеленин И. Е.* О некоторых проблемах изучения истории совхозного строительства в СССР / И. Е. Зеленин // Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири. — Курган : [б. и.], 1971. — С. 63—76.

14. *Илишев Г. Ш.* Деятельность Башкирской партийной организации по развитию сельского хозяйства (1946—1970 гг.) / Г. Ш. Илишев. — Саратов : Изд-во Сарат. Ун-та, 1982. — 176 с.

15. *Ланг М. О.* Анализ экономической эффективности применения минеральных удобрений в Николо-Павловском совхозе Пригородного района Свердловской области / М. О. Ланг // Труды Свердл. с.-х. ин-та. — 1976. — Т. 41. — С. 173—180.

16. *Масалимов С. Г.* Село Башкортостана в 1945—2000 годы / С. Г. Масалимов, М. Б. Ямалов, Н. В. Ахмадиева. — Уфа : Вост. ун-т, 2003. — 255 с.

17. *Мотревич В. П.* Сельское хозяйство Урала в показателях статистики (1941—1950 гг.) / В. П. Мотревич. — Екатеринбург : Наука : Уральское отд-ние, 1993. — 307 с.

18. *Мотревич В. П.* Совхозы Свердловской области в 1945—1953 годах / В. П. Мотревич, В. Н. Мамяченков // Научный диалог. — 2025. — Т. 14, № 6. — С. 460—481. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-6-460-481.

19. *Нифонтова Г. В.* Некоторые данные эффективности производства яиц в совхозах Пермской области / Г. В. Нифонтова // Труды Пермского сельскохозяйственного института. — 1970. — Т. 52. — С. 41—50.

20. *Романченко В. Я.* Государственные сельские хозяйства России в условиях нэпа и сталинской модернизации / В. Я. Романченко // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2016. — № 7 (69). — Ч. 1. — С. 140—142.

21. *Смолина Р. Т.* Эффективность использования основных производственных фондов в совхозах Челябинской области / Р. Т. Смолина // Труды Челябинского института механизации и электрификации сельского хозяйства. — 1976. — Выпуск 120. — С. 27—29.

22. *Совхозы* Урала в период социализма (1938—1985 гг.) : Сборник научных трудов / АН СССР, Уральский науч. Центр ; [редкол. : Р. П. Толмачева (отв. ред.) и др.] — Свердловск : УНЦ АН СССР, 1986. — 77 с.

23. *Степанов В. В.* Совхозы Урала в отечественной историографии / В. В. Степанов // Аграрный вестник Урала. — 2013. — № 9 (115). — С. 61—66.

24. *Фазлыев Х. Ф.* Об экономической эффективности производства в совхозах степного Предуралья / Х. Ф. Фазлыев // Труды Башк. НИИ с/х. — 1973. — Выпуск 4. — С. 44—52.

25. *Шлыкова О. В.* Преобразование колхозов в совхозы в 1950—1960-е годы / О. В. Шлыкова // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. — 2008. — Т. 3. — С. 152— 154.

26. *Экономическая* эффективность основных производственных фондов в совхозах Урала / Ю. А. Нагаев, В. П. Тур, В. Н. Голдин, А. С. Журавлев // Региональные особенности развития общественного производства : Сб. ст. — Свердловск : УНЦ АН СССР, 1978. — С. 63—68.

Статья поступила в редакцию 28.08.2025,
одобрена после рецензирования 25.01.2026,
подготовлена к публикации 10.04.2026.

Material resources

Agriculture of the USSR. St. collection. (1988). Moscow: Finance and Statistics. 535 p. (In Russ.).

Code of Laws and regulatory legal acts of Bashkortostan: 1951—1955, 27. (2022). Ufa: Secretariat of the State Assembly-Kurultai of the Republic of Bashkortostan. 512 p. ISBN 978-5-85051-537-9. (In Russ.).

Code of laws and regulatory legal acts of Bashkortostan: 1946—1950, 26. (2021). Ufa: Secretariat of the State Assembly-Kurultai of the Republic of Bashkortostan. 512 p. ISBN 978-5-85051-527-0. (In Russ.).

GA RF — *The State Archive of the Russian Federation. F. A-259 (Council of Ministers of the RSFSR). Op. 6; F. A-317 (Ministry of State Farms of the RSFSR).* (In Russ.).

IN the Republic of Bashkortostan — *The National Archive of the Republic of Bashkortostan. F. R-472 (Statistical Office under the Council of Ministers of the BASSR). Op. 9; F. R-933 (Council of Ministers of the Bashkir ASSR). Op. 1.* (In Russ.).

Krasnaya Bashkiria: (the body of the Bashkir Regional Committee and the Ufa City Committee of the CPSU (b), the Supreme Council of the BASSR and the Ufa City Council). 1946, 1950. (In Russ.).

Pravda: the organ of the Central Committee and the MK of the CPSU(b). 1946, 1949. (In Russ.).

RGAE — *Russian State Archive of Economics. F. R-1562 (Central Statistical Office under the Council of Ministers of the USSR). Op. 15, 323, 324; F. R-7733 (Ministry of Fi-*

nance of the USSR). Op. 31; F. R-7803 (Ministry of State Farms of the USSR). Op. 1; F. R-8040 (Ministry of Bakery Products of the USSR). Op. 8. (In Russ.).

Soviet Bashkiria: (the body of the Bashkir Regional Committee and the Ufa City Committee of the CPSU(b), the Supreme Council of the BASSR and the Ufa City Council of Worker's Deputies). 1952. (In Russ.).

The Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee (1898—1986), 8. (1985). Moscow: Politizdat. 544 p. (In Russ.).

Ural Historical Encyclopedia. (1998). Yekaterinburg: IIA Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 621 p. ISBN 5-7691-0795-2. (In Russ.).

Vedomosti of the Supreme Soviet of the Soviet Socialist Republics: the official weekly print edition of the Supreme Soviet of the USSR, 1952, 1953. (In Russ.).

References

Bashmachnikov, V., Vdovin, A., Solovyov, V. (1977). *Ways to improve the management structure in the state farm.* Sverdlovsk: Sredne-Uralsky Book Publishing House. 134 p. (In Russ.).

Bogdenko, M. L. (1972). *State farms of the USSR: 1951—1958.* Moscow: Nauka Publ. 366 p. (In Russ.).

Bogdenko, M. L. (1977). Problems of development of state farms in the latest literature. In: *Agriculture and peasantry of the USSR in modern Soviet historiography.* Chisinau: Stiinca. 106—117. (In Russ.).

Bulatov, A. E. (1971). *Fixed assets of state farms and the effectiveness of their use.* Sverdlovsk: Sredne-Uralsky Book Publishing House. 123 p. (In Russ.).

Deineko, G. F., Kuldyaev, O. V. (1973). *The art of managing a state farm.* Chelyabinsk: South Ural Publishing House. 114 p. (In Russ.).

Demidov, G. M. (1976). Increasing profitability and developing self-financing relations in the state farms of the Urals. *Proceedings of the Sverdlovsk Agricultural Institute, 41:* 113—142. (In Russ.).

Denisevich, M. N., Motrevich, V. P. (1998). State farms. In: *Ural Historical Encyclopedia.* Yekaterinburg: IIA Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. P. 486. (In Russ.).

Dolgopolova, L. P. (1972). Revolving funds of state farms in the Perm region and the effectiveness of their use. *Proceedings of the Perm Agricultural Institute, 96:* 49—53. (In Russ.).

Dyakova, Z. G. (1972). On the issue of improving the management structure in the state farm. *Proceedings of the Perm Agricultural Institute, 96:* 91—97. (In Russ.).

Fazlyev, H. F. (1973). On the economic efficiency of production in state farms of the steppe Urals. *Proceedings of Bashkiria. Research Institute of Agriculture, 4:* 44—52. (In Russ.).

Goldin, V. N. (1974). The use of fixed assets by state farms of the forest-steppe zone (Trans-Urals) in the eighth five-year plan. *Proceedings of the Ural Polytechnic Institute.* 190—194. (In Russ.).

Gorbachev, A. O. (2019). The material base of state farms and collective farms in the 1960s—1970s. (based on materials from the Sverdlovsk region). In: *Step into historical science. Materials of the XIX All-Russian Scientific and Practical Conference of Young Scientists.* Yekaterinburg: [b. i.]. 232—234. (In Russ.).

Ilishev, G. S. (1982). *Activity of the Bashkir party organization for the development of agriculture (1946—1970).* Saratov: Sarat Publishing House. University. 176 p. (In Russ.).

Lang, M. O. (1976). Analysis of the economic efficiency of the use of mineral fertilizers in the Nikolo-Pavlovsky state farm of the Prigorodny district of the Sverdlovsk region. *Proceedings of the Sverdlovsk Agricultural Institute, 41:* 173—180.

Masalimov, S. G., Yamalov, M. B., Akhmadieva, N. V. (2003). *Village of Bashkortostan in 1945—2000.* Ufa: East. Univ. 255 p. (In Russ.).

Motrevich, V. P. (1993). *Agriculture of the Urals in statistical indicators (1941—1950).* Yekaterinburg: Nauka: Ural Publishing House. 307 p. (In Russ.).

Motrevich, V. P., Mamyachenkov, V. N. (2025). State Farms of Sverdlovsk Region in 1945—1953. *Nauchnyi dialog, 14* (6): 460—481. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-6-460-481. (In Russ.).

Nagaev, Yu. A., Tur, V. P., Goldin, V. N., Zhuravlev, A. S. (1978). Economic efficiency of fixed production assets in state farms of the Urals. In: *Regional features of the development of social production: Collection of art.* Sverdlovsk: UNTS of the USSR Academy of Sciences. 63—68. (In Russ.).

Nifontova, G. V. (1970). Some data on the efficiency of egg production in state farms in the Perm region. *Proceedings of the Perm Agricultural Institute, 52:* 41—50. (In Russ.).

Romanchenko, V. Ya. (2016). State agricultural enterprises of Russia in the conditions of NEP and Stalinist modernization. *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice, 7 (69) / 1:* 140—142. (In Russ.).

Shlykova, O. V. (2008). Transformation of collective farms into state farms in the 1950s and 1960s. *Bulletin of the Saratov State Socio-Economic University, 3:* 152—154. (In Russ.).

Smolina, R. T. (1976). Efficiency of the use of fixed production assets in state farms of the Chelyabinsk region. *Proceedings of the Chelyabinsk Institute of Agricultural Mechanization and Electrification, 120:* 27—29. (In Russ.).

Stepanov, V. V. (2013). State farms of the Urals in Russian historiography. *Agrarian Bulletin of the Urals, 9 (115):* 61—66. (In Russ.).

Tolmacheva, R. P. (ed.). (1986). *State farms of the Urals during the period of socialism (1938—1985): Collection of scientific papers.* Sverdlovsk: UNC of the USSR Academy of Sciences. 77 p. (In Russ.).

Zelenin, I. E. (1969). *Sovkhozes of the USSR (1941—1950).* Moscow: Nauka Publ. 342 p. (In Russ.).

Zelenin, I. E. (1971). On some problems of studying the history of state farm construction in the USSR. In: *Questions of the agrarian history of the Urals and Western Siberia.* Kurgan: [b. i.]. 63—76. (In Russ.).

The article was submitted 28.08.2025;
approved after reviewing 25.01.2026;
accepted for publication 10.04.2026.

CC BY

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(3), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Райнхардт Р. О. Несостоявшаяся «научная репатриация» профессора Филиппа Шварца в Германию после Второй мировой войны / Р. О. Райнхардт, Г. Н. Буслаев // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 3. — С. 499—520. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-3-499-520.

Reinhardt, R. O., Buslaev, G. N. (2026). Failed "Scientific Repatriation" of Professor Philipp Schwartz to Germany after World War II. *Nauchnyi dialog, 15* (3): 499-520. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-3-499-520. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus · Q1 · DOAJ · ERIHPLUS · eLIBRARY.RU РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Несостоявшаяся «научная репатриация» профессора Филиппа Шварца в Германию после Второй мировой войны

Райнхардт Роман Отмарович
orcid.org/0000-0002-0890-8844
кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры дипломатии,
корреспондирующий автор
don.reinhardt@mail.ru

Буслаев Георгий Николаевич
orcid.org/0000-0003-0595-3831
соискатель кафедры дипломатии
buslaev.egor98@gmail.com

Московский государственный институт
международных отношений
(университет)
Министерства иностранных дел
Российской Федерации
(Москва, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Российского научного фонда,
проект № 23-78-10136

Failed "Scientific Repatriation" of Professor Philipp Schwartz to Germany after World War II

Roman O. Reinhardt
orcid.org/0000-0002-0890-8844
PhD in Economic, Associate Professor,
Department of Diplomacy,
corresponding author
don.reinhardt@mail.ru

Georgy N. Buslaev
orcid.org/0000-0003-0595-3831
Degree Seeker,
Department of Diplomacy
buslaev.egor98@gmail.com

Moscow State Institute
of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation
(Moscow, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 23-78-10136

© Райнхардт Р. О., Буслаев Г. Н., 2026

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются обстоятельства и причины несостоявшейся «научной репатриации» в ФРГ видного патолога Филиппа Шварца (1894—1977), учредителя Чрезвычайной ассоциации немецких ученых за рубежом, по окончании Второй мировой войны. Анализируются предпосылки и мотивы его возвращения во Франкфуртский университет, который он покинул в 1933 году, спасаясь от преследования нацистских властей, после чего длительное время работал в Стамбульском университете. Исследованы эпизоды, относящиеся к попыткам ученого возобновить трудовые отношения с бывшим работодателем, в контексте борьбы с гитлеровским наследием в 1950-е годы. Также изучен феномен его продолжительного забвения в конце жизни, равно как и после смерти вплоть до 2014 года в Германии как стране, где был заложен фундамент его выдающейся научно-исследовательской карьеры. В качестве основных источников использованы впервые вводимые в отечественный научный оборот документы из архивных фондов Франкфуртского университета, другие ценные материалы и данные, относящиеся к биографии Шварца, а также некоторых его современников. Результаты биографического и отчасти просопографического анализа позволили сделать вывод о том, что случай Шварца, безусловно, был не единичным, однако во многом обусловливался, во-первых, его деятельностью в качестве главы названной научно-диаспоральной организации и, во-вторых, особенностями его характера.

Ключевые слова:
Филипп Шварц; Чрезвычайная ассоциация немецких ученых за рубежом; научная диаспора; утечка умов; репатриация ученых; научная дипломатия.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the circumstances and underlying causes behind the unsuccessful “scientific repatriation” of the prominent pathologist Philipp Schwartz (1894–1977), founder of the Emergency Association of German Scientists Abroad, to the Federal Republic of Germany in the aftermath of World War II. The study analyzes the preconditions and motivations for his attempted return to the University of Frankfurt, which he had been forced to leave in 1933 due to persecution by the Nazi regime, after which he spent many years working at Istanbul University. The paper investigates key episodes related to Schwartz’s efforts to reestablish professional ties with his former employer, situating them within the broader context of the struggle to overcome the Nazi legacy in German academia during the 1950s. Additionally, the article explores the phenomenon of his prolonged obscurity both in the final years of his life and after his death until 2014 in Germany — the country where the foundation of his distinguished scientific career was laid. The research draws primarily on previously unpublished archival documents from the University of Frankfurt, as well as other valuable biographical materials concerning Schwartz and some of his contemporaries, which are introduced into Russian scholarship for the first time. The findings of the biographical and prosopographical analysis lead to the conclusion that Schwartz’s case, while not unique, was significantly shaped by his leadership of the aforementioned scientific diaspora organization and by his personal character traits.

Key words:
Russian Philipp Schwartz; Emergency Association of German Scientists Abroad; scientific diaspora; brain drain; repatriation of scholars; science diplomacy.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(3), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94(430)“1933/1977”+929Schwartz
DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-3-499-520

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история
5.6.2. Всеобщая история
5.6.7. История международных отношений и внешней политики

Несостоявшаяся «научная репатриация» профессора Филиппа Шварца в Германию после Второй мировой войны

© Райнхардт Р. О., Буслаев Г. Н., 2026

1. Введение = Introduction

Репатриация представителей научных диаспор представляет собой достаточно сложную и малоизученную тему. С точки зрения эмигрантологии, допустимо исходить из того, что многие уехавшие по тем или иным причинам за рубеж ученые возвращались и возвращаются на родину для возобновления там трудовой деятельности. История практически каждого научного сообщества знает немало подобных примеров. Причины, мотивы и обстоятельства возвращения ученых и исследователей в «родную научную гавань», то есть в страны исхода, предоставляют богатый эмпирический материал, весьма интересный в плане исторического и науковедческого анализа. Такой анализ имеет не только теоретическое, но и прикладное значение, а его выводы могут представлять ценность для практиков, включая лиц, принимающих решения в области научной политики и научной дипломатии.

Наиболее свежий феномен такого рода — относительно массовое возвращение германских ученых, ранее переехавших в США, после второго прихода к власти президента Дональда Трампа в 2025 году [Wissenschaftler, 2025]. В силу того, что это явление началось недавно и продолжается, оно еще не получило полноценного экспертного и тем более научного осмысления. Думается, что давать ему оценку и делать выводы на данном этапе преждевременно.

В этом контексте интерес, на наш взгляд, представляет исследование соотносимых с ним более ранних исторических прецедентов. Одним из них может служить опыт немецких ученых, вернувшихся или пытавшихся вернуться в Германию по окончании Второй мировой войны после бегства от нацистов. В одной из предыдущих работ нами была подробно описана и проанализирована деятельность Чрезвычайной ассоциации немецких ученых за рубежом в 1933—1946 годах как успешный и не имеющий прямых

CC BY

аналогов образец научно-диаспорального строительства в экстремальных условиях [Райнхардт, 2025]. Определяющую роль в ее становлении и развитии сыграла личность организатора — патолога Филиппа Шварца (1894—1977, далее — Шварц).

23 марта 1933 года Шварц, спасаясь от нацистских властей, вместе с пятилетнем сыном Андреасом (1928—2011) сел на ночной поезд и уехал из Франкфурта-на-Майне (далее — Франкфурт), где он трудился начиная с 1919 года, к своему тестю в Цюрих. Через несколько дней за ним последовали его жена Вера (1898—1992) с дочерью Сузанной (1931—2023). Тучи над ним самим и над его семьей начали сгущаться после выборов в рейхстаг 5 марта 1933 года и особенно после торжественной церемонии, состоявшейся в связи с его созывом 21 марта, которая по месту проведения получила название «День Потсдама». За несколько дней до бегства полиция провела обыск в квартире Шварца под предлогом поиска хранившегося там автоматического (!) оружия [Pauli, 2019]. Зачем скромному профессору держать дома пулеметы или автоматы, представители правоохранительных органов объяснить не удосужились. Хотя вещественные доказательства не были найдены, это стало «последней каплей» в стремительно разворачивавшейся кампании травли и побудило ученого к немедленному бегству. Благодаря своевременной помощи коллег и друзей эвакуация удалась, и следующие несколько десятилетий семья провела в эмиграции — сначала в Цюрихе, затем в Стамбуле и, наконец, в ряде городов США.

После краха гитлеровского режима у Шварцев возникло закономерное желание вернуться во Франкфурт с тем, чтобы отец семейства смог продолжить там свой путь в науке, а дети — получить качественное высшее образование. Однако несколько попыток вернуться не принесли желаемого результата. В настоящей статье на базе архивных материалов, других документальных источников и немногочисленных научных публикаций приведен анализ причин, в связи с которыми «научная репатриация», которая, вероятно, могла бы принести пользу не только семье, но и немецкому академическому сообществу, так и не состоялась. В свете отсутствия такого анализа в отечественных специализированных трудах и его неполного отражения в зарубежных работах, данный сюжет представляется новым, значимым и актуальным для рассмотрения.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалы, относящиеся к истокам, хронологии и результатам деятельности Чрезвычайной ассоциации немецких ученых за рубежом, были подробно изучены, классифицированы и отражены в нашей предыдущей работе [Райнхардт, 2025].

CC BY

Биографии Шварца посвящен ряд сочинений немецких [Hellbrügge, 1978; Kreft, 2007; Kreft, 2014; Pauli, 2019; Winkelmann, 2005], турецких [Demirci, 2022; Paksoy, 2020; Paksoy, 2022] и венгерских [Kenéz, 1978; Emed, 2004; Makovitzky, 2014] историков медицины. Для более полной реконструкции отдельных этапов его научной карьеры мы также обращались к некоторым сочинениям самого Шварца собственно по медицинской проблематике [Schwartz, 1935; Schwartz, 1949], а также посвященным деятельности Чрезвычайной ассоциации немецких ученых за рубежом [Schwartz, 1972; Schwartz, 1995].

Что касается источниковой базы, то в качестве впервые вводимых в отечественный научный оборот документов нами были использованы архивные фонды Медицинского факультета Франкфуртского университета имени Иоганна Вольфганга Гете (далее — Франкфуртский университет), и в первую очередь — хранящееся там личное дело Шварца [UAF, Personalhauptakte]. Также к анализу были привлечены фундаментальный труд Ноткера Хаммерштайна по истории Франкфуртского университета [Hammerstein, 1989] и доклад представителя МИД Германии Герберта Скурлы об итогах командировки в Стамбул в мае 1939 года, содержащий характеристики работавших в турецких вузах немецких ученых-эмигрантов [Scurla, 1987].

Основным методом исследования выступил биографический анализ, позволивший не только реконструировать основные вехи научного и жизненного пути Шварца, но и «подсветить» малоизвестные факты, важные с точки зрения понимания характера его взаимоотношений с научными сообществами Германии, а также отчасти других стран (Турция, Соединенные Штаты Америки, Израиль).

Еще одним методом, который был частично использован в данной работе, стал просопографический анализ [Stone, 1971], то есть комплексное сопоставление биографий исторических лиц, объединенных отношением к исследуемой эпохе (в данном случае — 1920—1970-е годы), социальной группе (профессиональное сообщество ученых) и стране (Германия — Веймарская республика, Третий Рейх, ФРГ). Объектами такого анализа стали биографии отдельных членов профессорско-преподавательского состава Франкфуртского университета (Б. Гольдшмида, Ф. Ноймарка [Neumark, 1980], Б. Н. Раевского, Б. Фишера-Вазельса, Г. Шмидта [Kalckar, 1987]) и ряда других ученых-выходцев из германских академических кругов, в основном — беженцев, работавших с 1933 года по начало 1950-х годов в Стамбульском университете [Fischer, 1991; Grüttner, 2007].

Работа с перечисленными источниками, материалами и применение описанных выше методов позволили провести комплексный анализ исследуемого сюжета и прийти за счет этого к теоретически значимым выводам.

CC BY

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Вопрос гражданства и турецкий этап «научной одиссеи» профессора Шварца

27 октября 1933 года Филипп Шварц в составе группы 42 профессоров-беженцев из нацистской Германии прибыл в Стамбул для того, чтобы возглавить Институт патологии Медицинского факультета Стамбульского университета [Schwartz, 1995]. Обстоятельства достижения соответствующей договоренности, роль в этом процессе самого Шварца, его соратников, а также созданной им ранее в том же году Чрезвычайной ассоциации немецких ученых за рубежом были подробно описаны нами в предыдущей работе [Райнхардт, 2025]. В рамках настоящей статьи считаем целесообразным сконцентрироваться на некоторых важных моментах, которые могли оказать влияние на его в конечном счете неудавшуюся «научную репатриацию», под которой мы контекстуально понимаем возвращение (как прижизненное, так и, возможно, посмертное, то есть в форме научного наследия) ученого в страну, ставшую основной (или одной из основных) для его научной карьеры [Лаптева, 2013]. Как в рассматриваемом нами случае, эта страна не обязательно должна совпадать со страной, где ученый родился, однако еще не начал свой путь в науке, в связи с чем условное «научное гражданство» не обязательно тождественно гражданству или подданству в строгом юридическом смысле этих категорий.

Так, будучи уроженцем города Вершец (в настоящее время — Вршац в Сербии), Шварц оставался подданым Австро-Венгерской Империи до ее распада в октябре 1918 года. Данных о приобретении им гражданства какого-либо из государств, образованных на ее территории после распада (например, Венгрии, Румынии, Королевства сербов, хорватов и словенцев) ни в исследованных нами архивных фондах, ни в иных источниках и посвященных ему научных публикациях обнаружить не удалось. Заключенный в 1927 году брак с Верой Чулок, уроженкой Российской Империи (при этом владевшей русским языком, что отчасти позволяет соотнести семью Шварцев не только с немецкой, но и с русскоязычной (!) научной диаспорой [Буслаев, 2024; Рязанцев, 2013]), еще до революции 1917 года переехавшей вместе с родителями в Швейцарию, также не давал ему правовых оснований для приобретения нового гражданства. Таким образом, вполне вероятно, что до приобретения им гражданства Веймарской республики в 1930 году [UAF, Personalhauptakte, S. 2] он оставался апатридом.

Механизмом же, позволявшим лишить Шварца данного гражданства, стал Закон об аннулировании натурализации и лишении немецкого гражданства, принятый правительством Третьего Рейха 14 июля 1933 года [Gesetz, 1933]. Под его действие попадали многие граждане, приобретшие

CC BY

устойчивую правовую связь с германским государством в период с 9 ноября 1918 года по 30 января 1933 года, — прежде всего, евреи. Описывая свой первый визит в Стамбул в июле 1933 года, Шварц упоминает о том, что турецкий пограничник поставил ему в паспорте специальную отметку «heimatlos» (нем. без родины). Данное «клеймо» со временем стало нарицательным и в какой-то степени формирующим групповую идентичность немецкой научной диаспоры в Турции [Paksoy, 2022].

В этом статусе Шварц оставался на протяжении практически всего периода работы в Стамбуле. С одной стороны, это обусловливало шаткость его положения и было сопряжено с бюрократическими сложностями. Существовал имманентный риск того, что с «ученым без родины» разорвут трудовые отношения или даже вышлют его из страны. Супруга и двое детей Шварца испытывали трудности при оформлении документов и при устройстве в школу [Kreft, 2007]. С другой стороны, то, что Шварц и его коллеги рассматривались пригласившим их правительством Турецкой Республики в качестве ценных иностранных (пусть формально уже и не аффилированных ни с одним государством) специалистов, давало им ряд привилегий перед национальными кадрами — главным образом, в части оплаты труда [Fischer, 1991].

Вместе с тем условия контракта предусматривали обязательства со стороны нанимаемых преподавать и публиковаться на турецком языке. Выполняя их, Шварц с первых месяцев своего пребывания в Стамбуле стал осваивать его и уже к концу 1934 года начал вести на нем отдельные курсы [Demirci, 2022]. Родившийся в исторической области Банат — территории в Центральной Европе, разделенной между Венгрией, Сербией и Румынией, за счет близости к границе с Османской Империей, испытавшей в свое время сильное культурное влияние последней, ученый вырос в мультиязычной среде. Принадлежность к фронтирной культуре [Сенина, 2023], вероятно, предопределила его высокий адаптационный потенциал и положительно сказалась на способности к изучению иностранных языков.

В 1939 году был опубликован конспект его лекций по паталогической анатомии на турецком языке, за ним в 1940 году последовало сочинение, посвященное изучению туберкулеза легких, и ряд других работ [Demirci, 2022]. Всего в библиографических базах данных нами было обнаружено 13 уникальных трудов под авторством Шварца, изданных на турецком языке с 1939 по 1950 годы. Конечно, переводы текстов были осуществлены при содействии турецких коллег и учеников.

Примечательно, что в 1935 году (то есть спустя два года после вынужденной эмиграции Шварца) в именитом лейпцигском издательстве «Барт» вышла его монография «Чувствительность и туберкулез» [Schwartz, 1935]. Параллельно с этим, в феврале того же года в обращении к Ученому совету

CC BY

Франкфуртского университета его ректор Вальтер Платцхофф со ссылкой на характеристику Шварца, «с которым он лично не был знаком», данную тому директором Института патологии, высказался за подачу ходатайства о лишении эмигрировавшего профессора немецкого гражданства [UAF, Kuratoriumsakte, S. 7]. Руководителем названного подразделения, то есть непосредственным начальником Шварца, был Бернгард Фишер-Вазельс (1877—1941).

То, что последний действительно мог выступить инициатором процедуры аннулирования натурализации Шварца, вызывает большие сомнения. Во-первых, именно Фишер (с 1926 года — Фишер-Вазельс) впервые принял Шварца на работу во Франкфуртский университет в 1919 году [Pauli, 2019]. Демобилизовавшийся после Первой мировой войны лейтенант Королевского Гонведа (вооруженные силы Венгрии в составе Сухопутных сил Австро-Венгерской Империи) Шварц изначально планировал строить карьеру в Париже. Он прекрасно владел французским, что впоследствии помогло ему в прямом смысле слова найти общий язык с турецкими визави, использовавшими тот в качестве *lingua franca* в дипломатических и академических кругах [Kreft, 2014]. По пути во французскую столицу он остановился у своих родственников во Франкфурте, где во многом случайно свел знакомство с директором Института патологии, который сразу же позвал его к себе в ассистенты. В 1927 году по ходатайству Фишера-Вазельса, на тот момент декана Медицинского факультета, Шварцу было присвоено звание экстраординарного профессора без статуса чиновника (максимум, на который последний мог на тот момент претендовать, будучи иностранцем, а не гражданином Германии) [Райнхардт, 2025]. Более того, в марте 1933 года, вероятно, именно Фишер-Вазельс предупредил Шварца в числе других своих подопечных, преимущественно евреев (Эдгар Гольдшмид, Герхард Шмидт), впоследствии сделавших блестящую исследовательскую карьеру в эмиграции, о надвигавшейся со стороны нацистских властей опасности. Поданный руководителем сигнал позволил подчиненным своевременно принять меры и, «сыграв на опережение», спастись. Промедление в ожидании официальных решений, скорее всего, было бы равнозначно гибели.

В то время как о Фишере-Вазельсе в роли «информатора-спасителя» можно судить лишь косвенно, без наличия документальных доказательств, известно, что в НСДАП, несмотря на оказываемое давление, он вступать отказался [Demeter, 1991] и характеризовался некоторыми коллегами как «сознательный ученый и администратор, испытывавший отвращение к любым проявлениям антисемитизма» [Kalckar, 1987]. Тем не менее видный исследователь германской медицины соответствующего периода Геральд Крефт выдвигает гипотезу о том, что после прихода к власти нацистов учитель Шварца постепенно перестал дистанцироваться от их

CC BY

взглядов. По его мнению, поведение этого ученого в середине 1930-х годов во многом диктовалось «сочетанием упреждающего послушания и стратегии самосохранения, нацеленной на минимизацию ущерба» [Kreft, 2014]. В качестве опять же непрямого доказательства он указывает на назначение Фишера-Вазельса в 1936 году председателем Немецкого патологического общества, которое было возможным лишь при отсутствии сомнений в политической лояльности. Впрочем, тот факт, что в стремлении выслужиться перед гитлеровскими приспешниками уже заслуженный научный работник в довольно зрелом (58 лет) возрасте и со сложившейся репутацией стал бы проактивно участвовать в преследовании своего бывшего воспитанника (о наличии между ними каких-либо конфликтов неизвестно), нам представляется маловероятным.

Как бы то ни было, документов, подтверждающих запуск процедуры лишения Шварца немецкого гражданства в 1935 году по ходатайству руководства Франкфуртского университета, в проанализированных нами источниках и материалах обнаружить не удалось. Возможно, они обнаружатся в архивах МВД и других уполномоченных государственных органов ФРГ, к которым у нас в ближайшее время едва ли появится доступ. Таким образом, вопрос о формальном сохранении за Шварцем данного гражданства с 1935 года до 1941 года пока остается открытым. Однако после принятия 25 ноября 1941 года одиннадцатого распоряжения к Закону о гражданстве Рейха все евреи, находящиеся за его пределами (как эмигрировавшие, так и депортированные), автоматически лишались гражданства [Damskis, 2009, P. 18]. В результате самое позднее с конца ноября 1941 года Шварц, скорее всего, вновь стал апатридом. Добавим, что его первый проводник в германские академические круги Фишер-Вазельс скончался 23 декабря того же года.

Понимая, что в условиях нахождения НСДАП у власти в Германии его правовое положение вряд ли изменится в лучшую сторону, в 1939 году Шварц подал прошение о приобретении гражданства Турецкой Республики. Дополнительным импульсом послужило составление и последующее обнародование так называемого доклада Скурлы [Scurla, 1987]. Данный доклад был составлен старшим советником МИД Германии и специальным референтом по странам Востока Германской службы академических обменов Гербертом Скурлой (1905—1981) на базе отчета о его командировке в Турцию в мае 1939 года. В ходе этой по существу разведывательной миссии он составил досье на большинство работавших в турецких университетах профессоров-выходцев из Германии. Богатая картотека содержала не только и не столько информацию об академических заслугах и научных достижениях ее фигурантов, сколько данные им чиновником характеристики с точки зрения отношения к гитлеровскому режиму, а

CC BY

также «чистоты крови». В ходе беседы с министром образования Турции Хасаном Али Юджелем дипломат выразил просьбу заменить работавших в Стамбульском университете и других вузах профессоров-эмигрантов на «арийцев» [Ibidem, P. 15]. Просьба эта была отклонена, однако по возвращении из командировки Скурла подготовил подробный доклад, который вскоре оказался на столе лично у фюрера.

Несмотря на стойкость и последовательность турецких властей в части обеспечения безопасности немецкой научной диаспоры, это стало для ее представителей «тревожным звонком». Многие ученые по возможности стремились уехать в третьи страны [Grüttner, 2007]. Шварц же, наоборот, решил «закрепиться» в стране пребывания за счет обретения ее гражданства. С учетом высоких требований и тонкостей законодательства, оно было получено им лишь в 1948 году.

3.2. Безуспешные попытки возвращения профессора Шварца в Германию в 1950-е — 1970-е годы

«Обратной стороной медали» для новоиспеченного турецкого гражданина стало лишение его привилегий, причитавшихся приглашенному иностранному специалисту, и, как следствие, в том числе снижение уровня дохода. Шварц становился полноценным налоговым резидентом и в перспективе должен был участвовать в конкурсе на замещение занимаемой должности наравне с местными кадрами. Безусловно, наработанное реноме, подтвержденное за пятнадцать лет работы в стране, давало ему определенное негласное преимущество перед ними. Однако с формальной точки зрения речь шла уже не об элитном «научном туризме» (пусть и вынужденном), не о временном убежище, но о полной интеграции в правовую и административную систему Турции, причем не только в профессиональной, но также и в бытовой плоскости.

Тем временем послевоенная ситуация в Западной Германии начинала стабилизироваться. Академический мир, как и другие сферы общества, постепенно возвращался к нормальной жизни. В начале 1950-х годов властями ФРГ была начата *Wiedergutmachungspolitik* (нем. политика искупления вины). На этом фоне с учетом личных и семейных обстоятельств (дети закончили школу и намеревались получать высшее образование) у Шварца возникло резонное желание вернуться в страну, где тридцатью годами ранее начала восходить его приближающаяся уже к зениту «научная звезда».

Для такой репатриации у него, казалось бы, имелись солидные основания. Во-первых, исследовательские: после фокуса главным образом на дидактике в начале и середине «стамбульского периода» (упомянутое выше издание учебной и справочной тюркоязычной литературы) он по окончании войны вновь стал публиковать результаты своих научных изысканий. Ста-

CC BY

тьи Шварца, посвященные изучению туберкулеза, выходили в ведущих профильных журналах. Одна из его работ по родовым травмам была напечатана в израильском специализированном издании [Schwartz, 1949]. Он начал активно участвовать в представительных научных конференциях. Во-вторых, научно-дипломатические: думается, среди без малого 2 тысяч ученых, которым в свое время оказала реальное содействие созданная им Чрезвычайная ассоциация немецких ученых за рубежом (а нескольких из них она и вовсе спасла от неминуемой смерти), нашлось бы немало тех, кто по запросу и без мог дать ему положительные рекомендации и при необходимости «замолвить словечко» за бывшего благодетеля перед руководством вуза.

Тем не менее первые попытки восстановить контакты с Франкфуртским университетом не дали результатов. В ожидании ответа Шварц в 1950 году принял приглашение государственной школы Рентама в штате Массачусетс (в настоящее время — Рентамский центр развития) реализовать исследовательский проект, посвященный внутричерепным родовым травмам. По завершении проекта в 1951 году ученый вернулся в Стамбул, однако меньше чем через год вновь перебрался в Новый свет, уже окончательно покинув берега Босфора.

Впрочем, США не были для Шварца «страной первого выбора». В 1952 году в соответствии с Законом об искуплении вины национал-социалистов перед государственными служащими от 11 мая 1951 года [Gesetz, 1951] ему вернули звание ординарного профессора Франкфуртского университета. Подобное «восстановление справедливости» носило скорее формальный характер, поскольку, согласно решению Ученого совета, отнюдь не влекло за собой автоматическое восстановление его в занимаемой до 1933 года профессорской должности, но лишь давало право с 1 января 1954 года до такого восстановления на «причитающееся ординарному профессору содержание» [UAF, Kuratoriumsakte, Ss. 8—11]. Иными словами, его ретроспективно признали заслуженным профессором с последующим правом на пенсионные выплаты, данных о получении им которых, однако, в архивных фондах нами обнаружено не было.

Разумеется, Шварц претендовал на большее и подал прошение о полноценном трудоустройстве. Просьба эта не была удовлетворена с объясняющей формулировкой «... уже в силу возраста» [Winkelmann, 2005]. Отметим, что ученому на тот момент было 58 лет, и вновь подчеркнем, что он активно участвовал в научной жизни.

Испытав, таким образом, немалое разочарование, профессор продолжил работу в США, где с 1953 года и до выхода на пенсию в 1976 году был аффилирован с Уорренской государственной (психиатрической) больницей в штате Пенсильвания. Там он снискал признание, достигнув значи-

CC BY

тельных успехов в изучении инсультов, патологии опухолей, туберкулеза и болезни Альцгеймера [Paksoy, 2022]. Достижения Шварца в соответствующих разделах нашли подробное описание историками медицины.

В контексте же нашего исследования обратим внимание на то, что в 1957—1958 годах ученый предпринял вторую попытку вернуться во Франкфуртский университет. В разделе «Разное» протокола заседания Медицинского факультета от 28 июля 1958 года рассматривается просьба Шварца открыть для него дополнительную позицию ординарного профессора во исполнение положений упомянутого выше закона 1951 года. По итогам рассмотрения было принято решение сообщить Шварцу через декана факультета, что «все ставки заняты, а на открытие вакансий прозектора в городских и иных больницах факультет не может оказывать влияния» [UAF, Fakultätssitzungsprotokolle]. Пассаж, относящийся к находившейся вне поля ведения структурного подразделения опции занятости в качестве прозектора, может восприниматься как граничащий с оскорблением.

Еще одним свидетельством того, что даже спустя два десятилетия после падения нацистского режима Шварц оставался во Франкфурте не просто невостребованным, но фактически *persona non grata*, может служить его упоминание в списке профессорско-преподавательского состава университета за летний семестр 1967 года с пометкой «не ведет лекций» [Kreft, 2007]. В письме Шварцу от 9 августа 1966 года ректор сообщает, что «по необъяснимому недоразумению» информация о возвращении ему звания профессора поступила лишь тогда [UAF, Kuratoriumsakte, S. 28]. Между тем со вступления в силу соответствующего решения прошло почти 15 лет, а Шварц в 1967 году был назначен главой созданного отчасти специально «под него» Института гериатрических исследований при Уорренской государственной больнице.

Своего рода «развязкой» непростых отношений Шварца с первым работодателем стал его визит во Франкфурт в 1973 году по случаю пятидесятилетия с защиты диссертации. Хотя он и был принят тогдашним деканом Медицинского факультета, получил от него поздравительный адрес, ему, как обычно принято в таких случаях, не было предложено выступить с речью, не говоря уже о гостевой лекции [Der vergessene Retter, 2014]. С тех пор, судя по имеющимся материалам, Шварц более не возвращался во Франкфурт.

Его уход из жизни 1 декабря 1977 года в Форт-Лодердейл, штат Флорида, на берегах Майна остался незамеченным: во всяком случае, там некрологов опубликовано не было. Более того, когда спустя почти четверть века Франкфуртское медицинское общество выступило с инициативой проведения 8 мая 2002 года конференции памяти Шварца и его вклада в консо-

CC BY

лидацию немецкого научного сообщества в эмиграции (термин «научная диаспора» тогда еще практически не употреблялся), ему со стороны деканата Медицинского факультета без объяснения причин было отказано в размещении соответствующего анонса в информационном бюллетене [Makovitzky, 2014].

3.3. Возможные причины неприятия и забвения профессора Шварца в ФРГ до 2014 года

В то время как в США и в Турции заслуги Шварца перед наукой и научным сообществом начали официально признаваться еще при жизни, в Германии его фактически продолжали игнорировать вплоть до 2010-х годов. В 1973 году ученому было присвоено звание почетного доктора Медицинского факультета Стамбульского университета [Emed, 2004]. Как было отмечено выше, в том же году Медицинский факультет Франкфуртского университета ограничился готовностью весьма скромно принять его с визитом вежливости. В 2002 году турецкая сторона посмертно наградила Шварца медалью Авиценна [Paksoy, 2020], немецкая же отнеслась холодно, если не сказать отрицательно, даже к инициативе проведения конференции, посвященной его памяти и наследию.

В фундаментальном труде Ноткера Хаммерштайна об истории Франкфуртского университета (по существу — его всеобъемлющей летописи) Шварц упоминается лишь один раз как «венгерский еврей», основавший совместно с Альбертом Мальхе Чрезвычайную ассоциацию немецких ученых за рубежом [Hammerstein, 1989, P. 433].

Чествование «венгерского еврея» состоялось лишь в 2014 году, ознаменованном, с одной стороны, столетним юбилеем Франкфуртского университета и, с другой стороны, его собственным 120-летним юбилеем. 11 апреля 2014 года в Цюрихе, куда в 1992 году после кончины его вдовы были перенесены останки Шварца, ему было устроено почетное захоронение [Der vergessene Retter, 2014]. 25 ноября того же года на территории кампуса Франкфуртского университета была установлена мемориальная стела с изображением его портрета и перечислением имен всех, по текущим оценкам, 1794 ученых, содействие которым оказала созданная им ассоциация [Райнхардт, 2025]. В 2017 году (40 лет после кончины) на доме во франкфуртском квартале Нидеррад, где с 1927 по 1932 год снимал квартиру Шварц, была установлена памятная табличка [Plakette, 2017]. Во всех трех церемониях наряду с представителями академических кругов и общественности присутствовала дочь ученого, профессор психиатрии Сузанна Ференц-Шварц, а также тогдашний вице-президент Франкфуртского университета Манфред Шуберт-Жилавец (в проекции на российские реалии — проректор по науке), который в своих речах последовательно при-

CC BY

носил извинения от имени представляемого им вуза за отношение к Шварцу в период нацизма и *после него* [Pauli, 2019].

В 2016 году германский правительственный Фонд имени Александра Гумбольдта запустил программу по поддержке преследуемых ученых, названную в честь Шварца [Райнхардт, 2025]. Наряду с этим звучали призывы дать его имя одной из улиц или небольших площадей Франкфурта (как вариант — вблизи того самого дома в Нидерраде, где ранее была установлена памятная табличка [Plakette, 2017]), которые, однако, пока не получили развития.

В свете этого возникает вопрос о том, чем могла быть обусловлена такая в известной мере недружественная позиция Франкфуртского университета и отчасти немецкого научного сообщества по отношению к Шварцу в послевоенные годы.

Формальный предлог отказа ему в повторном трудоустройстве в 1952 году в современных терминах может быть расценен как проявление эйджизма. Вместе с тем данное объяснение, скорее всего, не в полной мере отражает истинные причины. На рубеже 1940—1950-х годов германские университеты вообще и Франкфуртский в частности нередко принимали на работу не только ровесников Шварца, но и более «возрастных» профессоров, причем иногда даже с довольно «интересными» биографиями [Peiffer, 1998]. В качестве показательного примера можно привести Бориса Николаевича Раевского (1893—1974) — видного радиолога и биофизика. Его карьерный путь до прихода Гитлера к власти в части хронологии и географии отдаленно напоминает траекторию Шварца. Уроженец города Чигирина Киевской губернии, он в 1922 году эмигрировал в Германию, в 1927 году получил ее гражданство, в 1929 году стал доцентом, а впоследствии — профессором Франкфуртского университета. Однако, в отличие от Шварца, в 1933 году он остался в стране и продолжил работу при новой власти. В 1937 году Раевский вступил в НСДАП, а спустя два года — в Национал-социалистический союз немецких доцентов. Это не помешало ему в 1949 году стать ректором Франкфуртского университета. Он занимал этот пост до 1951 года, перейдя затем на должность проректора (до 1954 года) [Hammerstein, 1989, P. 899].

Наличие лиц с национал-социалистическим (в той или иной степени) прошлым в руководстве Франкфуртского университета в послевоенные годы уже, возможно, в большей степени проливает свет на феномен продолжившегося неприятия Шварца. Этот тезис отчасти коррелирует с его собственным предположением о том, что причиной такого неприятия стала деятельность в качестве учредителя Чрезвычайной ассоциации немецких ученых за рубежом. Так, в своем выступлении на Втором международном симпозиуме, посвященном немецкоязычным изгнанникам, в Копенгагене

CC BY

в 1972 году Шварц заявил, что его «... деятельность в качестве основателя и подвижника организации немецких эмигрантов воспринималась в Германии как антигерманская не только в период правления Гитлера, но и после оного»: «У меня есть достаточные основания полагать, что некоторые мои коллеги по университету до сих пор придерживаются такой установки» [Schwartz, 1972; Vermächtnis, 2013] (пер. авторов). Действительно, нельзя исключать, что многие коллеги «по университетскому цеху» и после войны по инерции продолжали воспринимать Шварца, равно как и его соратников по названной ассоциации, в качестве не героев, а предателей.

Такой враждебный догматизм вкупе с рудиментарным антисемитизмом был присущ не только определенной фракции франкфуртских академических кругов. С их проявлениями, судя по всему, сталкивались и другие представители медицинских наук (не говоря уже о других областях знания [The unlikely haven, 2018]), например, патологи Вальтер Пагель (1898—1983) и Пауль Киммельштайль (1900—1970) в университетах Гейдельберга и Гамбурга соответственно [Pauli, 2019]. По имеющимся оценкам, лишь 4—5 % ученых-евреев, эмигрировавших из нацистской Германии, удалось вернуться на работу в университеты ФРГ [Damskis, 2007, P. 160].

Вместе с тем наряду с политическим нельзя не учитывать и влияние личностного фактора. Так, в своих мемуарах один из современников Шварца, относивший себя к числу его первых друзей во время «франкфуртского периода», экономист Фритц Ноймарк (1900—1991), восхваляя неординарный ум и трудовую дисциплину товарища, упоминает, однако, о его непростом характере. По словам Ноймарка, из-за присущей Шварцу ехидности и саркастичности он нажил себе немало врагов «даже среди тех, кто сам вовсе не хотел быть ему таковыми» [Neumark, 1980, P. 107]. Тот факт, что Ноймарк, будучи тоже «не-арийцем», с 1933 по 1952 годы преподававшим в Стамбульском университете, смог в 1952 году вернуться во Франкфуртский университет и даже дважды возглавить его в качестве ректора (в 1954—1955 и 1960—1961 годах), свидетельствует о том, что, несмотря на схожесть карьерных путей, судьбы профессоров зачастую складывались совершенно по-разному. В рамках просопографического анализа это обстоятельство повышает объясняющую силу личностного фактора. Иначе говоря, при всей банальности такого суждения, путь каждого ученого, включая представителей научных диаспор, среди которых были как успешные, так и несостоявшиеся «научные репатрианты», сугубо индивидуален.

4. Заключение = Conclusions

Возвращение Шварца, как и некоторых других его товарищей по несчастью, в Германию после Второй мировой войны не состоялось. Если трак-

CC BY

товать понятие «научной репатриации» [Лаптева, 2013] широко, то есть не только в узком смысле как физическое возвращение ученого в страну исхода, но и как чествование и признание его заслуг перед научным сообществом соответствующей страны (в том числе посмертное), то она не состоялась четырежды: в 1952, 1958, 1973 годах и в период с 1977 по 2014 годы.

Первые две попытки оказались неуспешными в связи с прямым отказом Франкфуртского университета восстановить в должности изгнанного в 1933 году профессора, несмотря на законодательно оформленную государственную «политику искупления вины». После этого Шварц, вероятно, смирился с такой позицией бывшего работодателя, однако полностью не оставлял надежд на возвращение хотя бы в каком-то формате и статусе. Третий эпизод уже не предполагал повторного трудоустройства: к тому времени Шварцу действительно исполнялось 77 лет (первый раз ему формально отказали, ссылаясь на возраст), и стимулов смены работы с весьма благоприятными условиями труда в США практически не было. Однако прочесть приглашенную лекцию в университете, где он проработал почти пятнадцать лет, думается, профессор бы не отказался. Тем не менее руководство ему такой возможности не предоставило.

Наконец, четвертый эпизод — период пассивного отрицания после смерти и до 120-летнего юбилея Шварца в 2014 году. Единственный в Германии некролог был опубликован профессором педиатрии Мюнхенского университета Теодором Хельбрюгге [Hellbrügge, 1978], еще один — в Венгрии (на его исторической, а не «научной» родине) [Kenéz, 1978]. Столетний юбилей тоже никак не отмечался. Мероприятия, посвященные памяти и наследию, на протяжении без малого четырех десятилетий практически не проводились. Так продолжалось до 2014 года, когда от имени руководства Франкфуртского университета Шварцу наконец посмертно были принесены извинения. К счастью, их успела принять его к тому времени его пожилая дочь (вдовы и сына в живых уже не было).

Отвечая на исследовательский вопрос о причинах такого развития событий, условно разделим их на групповые и индивидуальные. Что касается первых, то история Шварца была, конечно, далеко не единственной в своем роде. С аналогичной дискриминацией в послевоенный период столкнулись многие ученые, сумевшие спастись от нацистов в 1930-е годы. Однако были и обратные случаи — истории успешной репатриации в различных ее модальностях среди представителей обозначенной группы, что подталкивает обратить дополнительное и особое внимание на вторую категорию причин.

Говоря о ней, стоит, во-первых, отметить деятельность Шварца как основателя Чрезвычайной ассоциации немецких ученых за рубежом. То,

что ее «клиентами», а в течение последних десяти лет и большей частью современного научного сообщества как в Германии, так и за ее пределами воспринимается как акт героизма, в первые послевоенные годы (и отчасти даже десятилетия) рассматривалось некоторыми с противоположных позиций. Создав и возглавив организацию, Шварц, судя по всему, обрел немало недоброжелателей. В этом заключались его личные издержки и, если угодно, плата за безвозмездное и нацеленное на общественное благо научно-диаспоральное созидание.

Во-вторых, как многие выдающиеся ученые и «лучшие умы», Шварц, по свидетельствам современников, иногда был в общении язвителен и саркастичен. Это, вероятно, тоже сыграло определенную роль в нежелании ряда бывших коллег возобновлять с ним институциональные связи и трудовые отношения. Впрочем, реконструировать детали такой коммуникации и, соответственно, оценить ее значение методологически затруднительно. Тем не менее, стремясь к объективной трактовке событий, позволим себе заключить, что характерологические особенности ученого тоже могли оказать влияние на его несостоявшуюся «научную репатриацию». Это не умаляет признаваемой ими самими вины руководства и коллектива вуза за неблагосклонное отношение к Шварцу, однако позволяет до некоторой степени лучше понять его подоплеку.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Beham, S.* Wissenschaftler verlassen die USA — Deutschland profitiert [Electronic Resource] / S. Beham // BR24, 18.12.2025. — Access mode : https://www.br.de/nachrichten/deutschland-welt/wissenschaftler-verlassen-usa-deutschland-profitiert,V5jzO41 (accessed 12.01.2026).

2. *Böker, F.* Plakette für Mediziner im Exil [Electronic Resource] / F. Böker // Frankfurter Rundschau, 20.04.2017. — Access mode : https://www.fr.de/politik/spd-org26325/plakette-mediziner-exil-11085845.html (accessed 12.01.2026)

3. *Damskis L.* Zerrissene Biografien. Jüdische Ärzte zwischen nationalsozialistischer Verfolgung, Emigration und Wiedergutmachung / L. Damaskis. — München : Allitera, 2009. — 256 p.

4. *Demeter R.* Der Pathologe Bernhard Fischer-Wasels (1877—1941) : ein Leben im Dienste der Tumorforschung. Dissertation / R. Demeter. — Frankfurt am Main : Universität Frankfurt am Main, 1991. — 381 p.

5. *Gesetz über den Widerruf* von Einbürgerungen und die Aberkennung der deutschen Staatsangehörigkeit vom 14. Juli 1933. Reichsgesetzblatt 1933, Teil I, 480.

6. *Gesetz zur Regelung* der Wiedergutmachung nationalsozialistischen Unrechts für Angehörige des öffentlichen Dienstes vom 11. Mai 1951 in der Fassung vom 23. Dezember 1955. Bundesgesetzblatt 1955, Teil I, 820.

7. *Grant A.* The unlikely haven for 1930s German scientists [Electronic Resource] / A. Grant // Physics Today, 27.09.2018. — Access mode : https://physicstoday.aip.org/news/the-unlikely-haven-for-1930s-german-scientists (accessed 12.01.2026)

8. *Hammerstein N.* Die Johann-Wolfgang-Goethe-Universität Frankfurt am Main. Von der Stiftungsuniversität zur staatlichen Hochschule / N. Hammerstein. — Neuwied : Metzner, 1989. — B. 1. — 907 p.

9. *Hürlimann, B.* Das Vermächtnis des Philipp Schwartz [Electronic Resource] / B. Hürlimann // Neue Zürcher Zeitung, 22.02.2013. — Access mode : https://www.nzz.ch/zuerich/das-vermaechtnis-des-philipp-schwartz-ld.1018696 (accessed 12.01.2026).

10. *Ludwig, A.* Der vergessene Retter [Electronic Resource] / A. Ludwig // Jüdische Allgemeine, 25.11.2014. — Access mode : https://www.juedische-allgemeine.de/kultur/der-vergessene-retter/ (accessed 12.01.2026).

11. *Neumark F.* Zuflucht am Bosporus: Deutsche Gelehrte, Politiker und Künstler in der Emigration 1933—1953 / F. Neumark. — Frankfurt am Main : Knecht, 1980. — 228 p.

12. *Schwartz P.* Empfindlichkeit und Schwindsucht / P. Schwartz. — Leipzig : Barth, 1935. — 381 p.

13. *Schwartz P.* Notgemeinschaft : zur Emigration deutscher Wissenschaftler nach 1933 in die Türkei / P. Schwartz. — Marburg : Metropolis, 1995. — 100 p.

14. *Schwartz P.* Sub-ependymal cysts of the caudate nucleus : a typical birth injury / P. Schwartz // Harefuah. — 1949. — № 37 (12). — Pp. 168—170.

15. *Schwartz P.* Über die Notgemeinschaft deutscher Wissenschaftler im Exil / P. Schwartz // Protokoll des II. internationalen Symposiums zur Erforschung des deutschsprachigen Exils nach 1933 in Kopenhagen 1972. hrsg. vom Deutschen Institut der Universität Stockholm ; Redaktion : H. Müssener. — Stockholm : Universitet, 1972. — Pp. 251—262.

16. *Scurla H.* Bericht des Oberregierungsrates Dr. rer. pol. Herbert Scurla von der Auslandsabteilung des Reichserziehungsministeriums in Berlin über seine Dienstreise nach Ankara und Istanbul vom 11. — 25. Mai 1939 : "Die Tätigkeit deutscher Hochschullehrer an türkischen wissenschaftlichen Hochschulen" / H. Scurla ; hrsg. und eingel. von Klaus-Detlev Grothusen unter Mitw. von Ruşen Keleş. — Frankfurt am Main : Dağyeli, 1987. — 168 p.

17. *Universitätsarchiv* Frankfurt am Main (UAF). Abteilung 120 / Nummer 5k. Fakultätssitzungsprotokolle 1954—1958.

18. *Universitätsarchiv* Frankfurt am Main (UAF). Abteilung 14 / Nummer 17. Personalhauptakte Philipp Schwartz.

19. *Universitätsarchiv* Frankfurt am Main (UAF). Abteilung 4 / Nummer 169. Kuratoriumsakte der Frankfurter Universität.

Литература

1. *Буслаев Г. Н.* Российская научная диаспора в Германии в 1990—2010-е годы : пути формирования и особенности развития / Г. Н. Буслаев, К. А. Немудров // Научный диалог. — 2024. — № 3. — С. 308—330. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-308-330.

2. *Лаптева Т. Н.* Научная репатриация профессора А. В. Флоровского / Т. Н. Лаптева // Миллеровские чтения : к 285-летию Архива Российской академии наук. Сборник научных статей по материалам международной научной конференции 23—25 апреля

2013 г., Санкт-Петербург. — Санкт-Петербург : Общество с ограниченной ответственностью «Нестор-История», 2013. — С. 358—362.

3. *Райнхардт Р. О.* Германская научная диаспора за рубежом в 1933—1946 годах : механизм самоорганизации и инструменты взаимопомощи / Р. О. Райнхардт, Г. Н. Буслаев // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 2. — С. 483—502. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-483-502.

4. *Рязанцев С. В.* Эмиграция ученых из России : «циркуляция» или «утечка» умов / С. В. Рязанцев, Е. Е. Письменная // Социологические исследования. — 2013. — № 4 (348). — С. 24—35.

5. *Сенина Е. В.* Образ восприятия России и русских в современном Китае / Е. В. Сенина, К. А. Полякова // Концепт : философия, религия, культура. — 2023. — Т. 7. — № 3 (27). — С. 90—103. — DOI: 10.24833/2541-8831-2023-3-27-90-103.

6. *Demirci S.* Philipp Schwartz ve yükseköğretim sistemine katkilari / S. Demirci // Akademik Hassasiyetler. — 2022. — № 9 (19). — Pp. 97—122.

7. *Emed A.* Schwartz Fülöp (1894—1977) / A. Emed // Orvosi hetilap. — 2004. — № 145 (48). — Pp. 2444—2445.

8. *Fischer K.* Die Emigration von Wissenschaftlern nach 1933 / K. Fischer // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. — 1991. — № 4 (39). — Pp. 123—186.

9. *Grüttner M.* Die Vertreibung von Wissenschaftlern aus den deutschen Universitäten 1933—1945 / M. Grüttner, S. Kinas // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. — 2007. — № 1 (55). — Pp. 535—549.

10. *Hellbrügge T.* In memoriam Prof. Dr. med. Philipp Schwartz / T. Hellbrügge // Kinderarzt. — 1978. — № 8 (9). — P. 1263.

11. *Kalckar H.* Gerhard Schmidt 1901—1981 / H. Kalckar // National Academy of Sciences. Biographical Memoirs. — 1987. — № 57. — Pp. 399—428.

12. *Kenéz J.* In memoriam of Philipp Schwartz / J. Kenéz // Pneumologica Hungarica. — 1978. — № 11. — Pp. 479—480.

13. *Kreft G.* In Memoriam Philipp Schwartz (1894—1977) : Neuropathologe — Patriot — Weltbürger / G. Kreft // Neuroforum. — 2007. — № 1. — Pp. 31—33.

14. *Kreft G.* Der vergessene Retter. Philipp Schwartz. Organisator der Wissenschaftsemigration während des Nationalsozialismus / G. Kreft // Forschung Frankfurt. — 2014. — № 2 (33). — Pp. 122—126.

15. *Makovitzky J.* Schwartz Fülöp emlékezete (1894—1977) / J. Makovitzky // Művelődés-, Tudomány- és Orvostörténeti Folyóirat. — 2014. — № 8 (5). — Pp. 72—80.

16. *Paksoy N.* German pathology professor Philipp Schwartz : His enduring life from Frankfurt to Istanbul during the Second World War era : A “forgotten savior” / N. Paksoy // Annals of Diagnostic Pathology. — 2022. — № 52. — Pp. 151—155. — DOI: 10.1016/j.anndiagpath.2022.151955.

17. *Paksoy N.* Role of German-speaking scholars in the development of pathology in Turkey / N. Paksoy // Wiener Medizinische Wochenschrift. — 2020. — № 170. — Pp. 92—100. — DOI: 10.1007/s10354-019-0686-y.

18. *Pauli R.* Der Pathologe Philipp Schwartz (1894—1977) / R. Pauli, J. Sziranyi, D. Groß // Der Pathologe. — 2019. — № 5 (40). — Pp. 548—558. — DOI: 10.1007/s00292-019-0620-5.

19. *Peiffer J.* Die Vertreibung deutscher Neuropathologen 1933—1939 / J. Peiffer // Nervenarzt. — 1998. — № 69. — Pp. 99—109.

20. *Stone L.* Prosopography / L. Stone // Daedalus. — 1971. — № 1 (100). — Pp. 46—79.

21. *Winkelmann O.* "Schon aus Gründen des Alters ablehnen". Der Pathologe Philipp Schwartz (1894—1977) und die Frankfurter Medizinische Fakultät / O. Winkelmann // Hessisches Ärzteblatt. — 2005. — № 12 (66). — Pp. 862—863.

Статья поступила в редакцию 13.01.2026,
одобрена после рецензирования 16.03.2026,
подготовлена к публикации 10.04.2026.

Material resources

Beham, S. (2025). *Wissenschaftler verlassen die USA — Deutschland profitiert. BR24, 18.12.* Available at: https://www.br.de/nachrichten/deutschland-welt/wissenschaftler-verlassen-usa-deutschland-profitiert,V5jzO41 (accessed 12.01.2026). (In Germ.).

Böker, F. (2017). *Plakette für Mediziner im Exil. Frankfurter Rundschau, 20.04.* Available at: https://www.fr.de/politik/spd-org26325/plakette-mediziner-exil-11085845.html (accessed 12.01.2026). (In Germ.).

Damskis, L. (2009). *Zerrissene Biografien. Jüdische Ärzte zwischen nationalsozialistischer Verfolgung, Emigration und Wiedergutmachung.* München: Allitera. 256 p. (In Germ.).

Demeter, R. (1991). *Der Pathologe Bernhard Fischer-Wasels (1877—1941): ein Leben im Dienste der Tumorforschung. Dissertation.* Frankfurt am Main: Universität Frankfurt am Main. 381 p. (In Germ.).

Gesetz über den Widerruf von Einbürgerungen und die Aberkennung der deutschen Staatsangehörigkeit vom 14. Juli 1933. Reichsgesetzblatt 1933, Teil I, 480. (In Germ.).

Gesetz zur Regelung der Wiedergutmachung nationalsozialistischen Unrechts für Angehörige des öffentlichen Dienstes vom 11. Mai 1951 in der Fassung vom 23. Dezember 1955. Bundesgesetzblatt 1955, Teil I, 820. (In Germ.).

Grant, A. (2018). *The unlikely haven for 1930s German scientists. Physics Today, 27.09.* Available at: https://physicstoday.aip.org/news/the-unlikely-haven-for-1930s-german-scientists (accessed 12.01.2026). (In Germ.).

Hammerstein, N. (1989). *Die Johann-Wolfgang-Goethe-Universität Frankfurt am Main. Von der Stiftungsuniversität zur staatlichen Hochschule, 1.* Neuwied: Metzner. 907 p. (In Germ.).

Hürlimann, B. (2013). *Das Vermächtnis des Philipp Schwartz. Neue Zürcher Zeitung, 22.02.* Available at: https://www.nzz.ch/zuerich/das-vermaechtnis-des-philipp-schwartz-ld.1018696 (accessed 12.01.2026). (In Germ.).

Ludwig, A. (2014). Der vergessene Retter. *Jüdische Allgemeine, 25.11.* Available at: https://www.juedische-allgemeine.de/kultur/der-vergessene-retter/ (accessed 12.01.2026). (In Germ.).

Neumark, F. (1980). *Zuflucht am Bosporus: Deutsche Gelehrte, Politiker und Künstler in der Emigration 1933—1953.* Frankfurt am Main: Knecht. 228 p. (In Germ.).

Schwartz, P. (1935). *Empfindlichkeit und Schwindsucht.* Leipzig: Barth. 381 p. (In Germ.).

Schwartz, P. (1995). *Notgemeinschaft: zur Emigration deutscher Wissenschaftler nach 1933 in die Türkei.* Marburg: Metropolis. 100 p. (In Germ.).

Schwartz, P. (1949). Sub-ependymal cysts of the caudate nucleus: a typical birth injury. *Harefuah, 37 (12):* 168—170. (In Germ.).

Schwartz, P. (1972). Über die Notgemeinschaft deutscher Wissenschaftler im Exil. In: *Protokoll des II. internationalen Symposiums zur Erforschung des deutschsprachi-*

gen Exils nach 1933 in Kopenhagen 1972. Stockholm: Universitet. 251—262. (In Germ.).

Scurla, H. (1987). *Bericht des Oberregierungsrates Dr. rer. pol. Herbert Scurla von der Auslandsabteilung des Reichserziehungsministeriums in Berlin über seine Dienstreise nach Ankara und Istanbul vom 11. — 25. Mai 1939: "Die Tätigkeit deutscher Hochschullehrer an türkischen wissenschaftlichen Hochschulen"*. Frankfurt am Main: Dağyeli. 168 p. (In Germ.).

Universitätsarchiv Frankfurt am Main (UAF). Abteilung 120 / Nummer 5k. Fakultätssitzungsprotokolle 1954—1958. (In Germ.).

Universitätsarchiv Frankfurt am Main (UAF). Abteilung 14 / Nummer 17. Personalhauptakte Philipp Schwartz. (In Germ.).

Universitätsarchiv Frankfurt am Main (UAF). Abteilung 4 / Nummer 169. Kuratoriumsakte der Frankfurter Universität. (In Germ.).

References

Buslaev, G. N., Nemudrov, K. A. (2024). Russian Scientific Diaspora in Germany in 1990s—2010s: Formation Paths and Development Features. *Nauchnyi dialog, 13 (3):* 308—330. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-3-308-330. (In Russ.).

Demirci, S. (2022). Philipp Schwartz ve yükseköğretim sistemine katkilari. *Akademik Hassasiyetler, 9 (19):* 97—122. (In Turkish.).

Emed, A. (2004). Schwartz Fülöp (1894—1977). *Orvosi hetilap, 145 (48):* 2444—2445. (In Hung.).

Fischer, K. (1991). Die Emigration von Wissenschaftlern nach 1933. *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte, 4 (39):* 123—186. (In Germ.).

Grüttner, M., Kinas, S. (2007). Die Vertreibung von Wissenschaftlern aus den deutschen Universitäten 1933—1945. *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte, 1 (55):* 535—549. (In Germ.).

Hellbrügge, T. (1978). In memoriam Prof. Dr. med. Philipp Schwartz. *Kinderarzt, 8 (9):* P. 1263. (In Germ.).

Kalckar, H. (1987). Gerhard Schmidt 1901—1981. National Academy of Sciences. *Biographical Memoirs, 57:* 399—428.

Kenéz, J. (1978). In memoriam of Philipp Schwartz. *Pneumologica Hungarica, 11:* 479—480.

Kreft, G. (2007). In Memoriam Philipp Schwartz (1894—1977): Neuropathologe — Patriot — Weltbürger. *Neuroforum, 1:* 31—33. (In Germ.).

Kreft, G. (2014). Der vergessene Retter. Philipp Schwartz. Organisator der Wissenschaftsemigration während des Nationalsozialismus. *Forschung Frankfurt, 2 (33):* 122—126. (In Germ.).

Lapteva, T. N. (2013). Scientific repatriation of Professor A. V. Florovsky. In: *Miller Readings: on the 285th anniversary of the Archive of the Russian Academy of Sciences. Collection of scientific articles based on the materials of the international scientific conference on April 23—25, 2013, St. Petersburg.* St. Petersburg: Nestor-Istoriya Limited Liability Company. 358—362. (In Russ.).

Makovitzky, J. (2014). Schwartz Fülöp emlékezete (1894—1977). *Művelődés-, Tudomány- és Orvostörténeti Folyóirat, 8 (5):* 72—80. (In Hung.).

Paksoy, N. (2020). Role of German-speaking scholars in the development of pathology in Turkey. *Wiener Medizinische Wochenschrift, 170:* 92—100. DOI: 10.1007/s10354-019-0686-y. (In Germ.).

Paksoy, N. (2022). German pathology professor Philipp Schwartz: His enduring life from Frankfurt to Istanbul during the Second World War era: A "forgotten savior". *Annals of Diagnostic Pathology, 52:* 151—155. DOI: 10.1016/j.anndiagpath.2022.151955.

Pauli, R., Sziranyi, J., Groß, D. (2019). Der Pathologe Philipp Schwartz (1894—1977). *Der Pathologe, 5 (40):* 548—558. DOI: 10.1007/s00292-019-0620-5. (In Germ.).

Peiffer, J. (1998). Die Vertreibung deutscher Neuropathologen 1933—1939. *Nervenarzt, 69:* 99—109. (In Germ.).

Reinhardt, R. O., Buslaev, G. N. (2025). German Scientific Diaspora Abroad (1933—1946): Mechanisms of Self-Organization and Instruments of Mutual Assistance. *Nauchnyi dialog, 14 (2):* 483—502. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2025-14-2-483-502. (In Russ.).

Ryazantsev, S. V., Pisennaya, E. E. (2013). Emigration of scientists from Russia: "circulation" or "leakage" of minds. *Sociological Research, 4 (348):* 24—35. (In Russ.).

Senina, E. V., Polyakova, K. A. (2023). The image of perception of Russia and Russians in modern China. *Concept: philosophy, religion, culture, 7 / 3 (27):* 90—103. DOI: 10.24833/2541-8831-2023-3-27-90-103. (In Russ.).

Stone, L. (1971). Prosopography. *Daedalus, 1 (100):* 46—79.

Winkelmann, O. (2005). "Schon aus Gründen des Alters ablehnen". Der Pathologe Philipp Schwartz (1894—1977) und die Frankfurter Medizinische Fakultät. *Hessisches Ärzteblatt, 12 (66):* 862—863. (In Germ.).

The article was submitted 13.01.2026;
approved after reviewing 16.03.2026;
accepted for publication 10.04.2026.

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(3), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Топильский А. Г. Аграрное просвещение земледельцев королевства Галиции и Лодомерии во второй половине XIX — начале XX веков / А. Г. Топильский, Р. М. Житин // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 3. — С. 521—540. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-3-521-540.

Topilsky, A. G., Zhitin, R. M. (2026). Agrarian Enlightenment of Farmers in Kingdom of Galicia and Lodomeria in Second Half of 19th — Early 20th Centuries. *Nauchnyi dialog, 15* (3): 521-540. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-3-521-540. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Аграрное просвещение земледельцев королевства Галиции и Лодомерии во второй половине XIX — начале XX веков

Топильский Алексей Геннадьевич
orcid.org/0000-0001-9416-1312
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии,
корреспондирующий автор
a-topil@yandex.ru

Житин Руслан Магометович
orcid.org/0000-0002-6031-6088
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Лаборатории социальной истории
istorik08@mail.ru

Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина
(Тамбов, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
№ 24-28-01520,
https://rscf.ru/project/24-28-01520/

Agrarian Enlightenment of Farmers in Kingdom of Galicia and Lodomeria in Second Half of 19th — Early 20th Centuries

Alexey G. Topilsky
orcid.org/0000-0001-9416-1312
PhD in History, Associate Professor,
Department of History and Philosophy,
corresponding author
a-topil@yandex.ru

Ruslan M. Zhitin
orcid.org/0000-0002-6031-6088
PhD in History,
Senior Research Scientist,
Social History Laboratories
istorik08@mail.ru

Derzhavin Tambov State University
(Tambov, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 24-28-01520,
https://rscf.ru/project/24-28-01520/

© Топильский А. Г., Житин Р. М., 2026

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена аграрному просвещению земледельцев Галиции во второй половине XIX — начале XX веков. Источниками выступили газеты, журналы, брошюры и иные издания сельскохозяйственной тематики, распространявшиеся среди сельского населения в указанный период. Материалы для анализа извлечены из польскоязычных и русинско-украинских публикаций, а также из трудов польских и украинских историков, занимавшихся вопросами сельского хозяйства. В работе анализируются характер и доступность сельскохозяйственной литературы для русино-украинских и польских земледельцев региона. Установлено, что среди аграрной литературы преобладали издания на польском языке, однако русино-украинские крестьяне читали издания на русинском и русском языках. Проанализирован порядок приобретения научно-популярных монографий и сельскохозяйственных журналов, доставляемых из Российской империи. Установлено, что издания о земледелии и животноводстве охватывали широкий спектр сельскохозяйственной деятельности, включая рыбоводство, пчеловодство, внесение удобрений, коневодство, разведение крупного и мелкого рогатого скота и т. п. Автор останавливается на том, что в специализированных журналах присутствовали сведения как для крупных, так и для средних и мелких хозяев, что давало возможность внедрять новации всем категориям землевладельцев. Сообщается, что уровень грамотности среди крестьян оставался низким, что затрудняло усвоение новых агротехнологий.

Ключевые слова:
Галиция; аграрное просвещение; крестьяне; Общество имени Михаила Качковского; сельское хозяйство.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the agrarian enlightenment of farmers in Galicia during the latter half of the 19th century and the early 20th century. The research is based on a diverse array of sources, including newspapers, journals, brochures, and other publications related to agriculture that were circulated among the rural populace during this period. The analysis draws from Polish-language and Rusyn-Ukrainian publications, as well as scholarly works by Polish and Ukrainian historians focusing on agricultural issues. The study investigates the nature and accessibility of agricultural literature for Rusyn-Ukrainian and Polish farmers in the region. It has been established that while Polish-language publications predominated, Rusyn-Ukrainian peasants also engaged with literature in their native languages. The article further explores the acquisition processes of popular science monographs and agricultural journals imported from the Russian Empire. It highlights that these publications covered a broad spectrum of agricultural practices, including aquaculture, beekeeping, fertilization, horse breeding, and the raising of both large and small livestock. The author emphasizes that specialized journals provided valuable information for landowners of all sizes, facilitating the adoption of innovations across various categories of farmers. Additionally, the article notes that low literacy rates among peasants posed significant challenges to the assimilation of new agricultural technologies.

Key words:
Galicia; agrarian enlightenment; peasants; Society of St. Michael Kachkovsky; agriculture.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(3), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94:63(477.83/.86)“187/191”
DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-3-521-540

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история
5.6.2. Всеобщая история

Аграрное просвещение земледельцев королевства Галиции и Лодомерии во второй половине XIX — начале XX веков

© Топильский А. Г., Житин Р. М., 2026

1. Введение = Introduction

В статье рассматривается изменение экономических и экологических практик русино-украинских и польских крестьян австрийской Галиции в период 1867—1914 годов. Данная эпоха дуалистической австро-венгерской монархии была временем бурно развивавшихся общественно-политических объединений, стремившихся оказать влияние на преобладающее крестьянское население региона — как из бескорыстных побуждений отдельных деятелей, так и для привлечения сельского избирателя на свою сторону. Польским консервативным, польским социалистическим, украинофильским и русофильским структурам было важно показать выгоду для села от своей деятельности, чтобы крестьяне видели перспективы от расширения их деятельности и голосовали за них. В связи с этим деятельность общественно-политических организаций приобретает особую актуальность и значимость при изучении аграрных новаций со стороны населения.

Научная проблема состоит в характере взаимодействия селян и просветителей в сфере сельского хозяйства. Большинство крестьян занимались как земледелием, так и животноводством, обеспечивающими пропитание и денежные средства. Однако во второй половине XIX века они столкнулись с вызовами резкого демографического роста и дешевого импортного хлеба. Из-за этого сельское население объективно беднело и было вынуждено искать способы дополнительного заработка, в том числе благодаря интенсификации сельского хозяйства.

Передовыми хозяйствами в Галиции были крупные земельные владения магнатов (преимущественно поляков). Однако следует отметить, что далеко не все порядки, принятые в крупных экономиях, могли быть перенесены на почву средних и мелких хозяйств. В связи с этим крестьяне были заинтересованы в усвоении эффективных практик животноводства и земледелия применительно к их условиям. Поэтому в рассматриваемой нами проблеме сельскохозяйственные знания включают не столько теоре-

CC BY

тические научные соображения, сколько популярную информацию, сформулированную в сельскохозяйственной публицистике.

Новизна работы заключается в комплексном рассмотрении просветительской деятельности как русинско-украинских, так и польских общественно-политических организаций и издательств.

2. Материал, методы, обзор = Material, methods, review

Основой источниковой базы работы являются газеты, журналы, брошюры и иные издания сельскохозяйственной тематики, распространявшиеся среди сельского населения в указанный период.

Применение в работе метода количественного анализа позволило осуществить подборку публикаций по сельскохозяйственной тематике. Установлено, что в сельскохозяйственной публицистике и периодике в Галиции преобладали полоноязычные издания. Их не только читали польские крестьяне, но и активно скупали русино-украинские просветительские организации. В частности, в 1910 году центральный отдел Общества имени Михаила Качковского из 19 наименований журналов выписал 3 польских [Отчет …, 1911, с. 9].

Эти журналы, как и многие другие издания, популяризировали различные темы в области сельскохозяйственного производства. Отдельные вопросы быта крестьян затрагивались непосредственно в партийной печати (в том числе в журнале Русько-украинской радикальной партии (РУРП) «Народ» [Франко, 1890], что позволяет охарактеризовать порядок распространения аграрных знаний среди земледельцев с учетом критически настроенных к органам власти политических организаций.

Изучение распространения аграрных знаний в Галиции началось еще на рубеже XIX — XX веков. Профессор Тадеуш Пилат, возглавлявший Львовский статистический департамент в 1874—1920 годах, систематизировал материал как по крупному, так и по крестьянскому землевладению, отмечая, что для развития крупного землевладения необходимо, в частности, проводить комплексные реформы, которые позволят поднять уровень жизни и расширить тем самым рынок сбыта местной продукции [Wiadomosci…, 1880].

Францишек Буяк [Bujak, 1908; Bujak, 1910; Bujak, 1917], один из первых польских историков защитивший диссертацию по аграрной истории, описывая экономическое развитие Галиции, указывал, что в крупных поместьях урожайность выше, чем в крестьянских хозяйствах, прежде всего за счет рационально поставленного хозяйствования.

Влияние помещиков на крестьянское население проявлялось в том числе за счет существования привилегий в производстве и реализации ал-

CC BY

коголя и предоставления кредитов, что отражено в трудах Владимира Навроцкого [Навроцький, 1876].

Вячеслав Будзиновский характеризует аграрный кризис в Галиции и Буковине как проблему, требующую для своего решения комплекса социально-экономических преобразований [Будзиновский, 1894]. Перенаселение и отсталые технологии, по его мнению, делали крайне затруднительным развитие эффективного хозяйства: рост производительности труда привел бы к высокой безработице и социальному взрыву [Будзиновський, 1895].

Австрийский историк и статистик Герман Бидерман, сравнивая характер землепользования Галиции с другими австрийскими землями, отмечал значительную долю крупных магнатских поместий, которые становились очагами капиталистической модернизации [Bidermann, 1862].

В работах российских дореволюционных исследователей рассматривался аграрный вопрос Галиции прежде всего в контексте особенностей польского крупного землевладения русских [Василевский, 1900; Крюков, 1915]. Следует выделить работы, посвященные сравнению развития отдельных восточноевропейских регионов [Симоненко, 1878]. Отмечалось, что из-за сильной чересполосицы в рассматриваемом регионе крайне затруднена интенсификация сельского хозяйства, так как выгоняемый соседями по время пара скот потопчет сделанные по многопольной системе посевы кормовых растений. В результате создавался замкнутый круг, когда крестьяне не могли увеличить доходы со своего участка для интенсификации сельского хозяйства и не росли ни урожайность, ни поголовье скота.

В советское время различные аспекты экономического развития русино-украинского крестьянства Галиции рассматривались в трудах В. Макаева [Макаєв, 1968], П. В. Свежинского [Свєжинський, 1966], в которых обсуждалась тематика развития крестьянского хозяйства и народных выступлений, в том числе исследовались общие черты крестьянских волнений 1902 года в австрийской Галиции и губерниях европейской части Российской империи. Следует отметить, что авторы приходили к мнению о значительных успехах развития крупного землевладения региона [Кравець, 1964; Герасименко, 1959; Богайчук, 1966]. Е. Н. Гуменюк на основании микроисторического подхода делает вывод о передовом характере ведения сельского хозяйства в отдельных имениях [Гуменюк, 1970; Гуменюк, 1966; Гуменюк, 1971].

В современной российской историографии рассматривается процесс социально-экономического развития Галиции в контексте российской политики [Миллер, 1998; Миллер, 2000; Зубачевский, 2009] и национальных проблем [Топильский, 2020]. Отечественный историк-славист А. С. Мыльников рассматривает влияние деятельности культурных обществ на развитие национального самосознания австрийских славян, а также на про-

CC BY

цесс межэтнического взаимодействия. Он утверждает, что формирование у украинцев как у парциального этноса национального самосознания относится к обычному для европейских народов типу становления наций на базе предшествующего стабильного развития этнических общностей донационального периода [Мыльников, 1997].

Современная зарубежная историография сосредотачивается на изучении отдельных аспектов развития сельского хозяйства региона [Michalewicz, 1988; Клапчук, 2015], в том числе и бытовых проблем крестьян, связанных с нехваткой земли [Franaszek, 2016]. Изучение отдельных имений продолжается с привлечением большего числа источников [Лобко, 2006; Темірова, 2003]. Важным направлением является рассмотрение роли крестьян в развитии национального самосознания [Himka, 1988; Kappeler, 2011]. Германский историк К. Струве сосредоточил внимание на выяснении роли и значения крестьянства в создании украинской нации в австрийской Галиции и Российской империи [Штруве, 2001]. По его мнению, русофилам удалось только в незначительной степени преодолеть социальную дистанцию между интеллигенцией и крестьянами, поэтому они не играли важной роли в аграрном просвещении населения.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Приобщение населения к новейшим достижениям земледелия

В середине XIX века крестьянское земледелие Галиции вступает в полосу затяжного кризиса. Этому способствовали в том числе и внешние факторы: конкуренция дешевого венгерского и американского зерна, нарушение традиционных торговых связей (чтобы добраться до Данцига, через который велась основная часть экспорта зерна, нужно было дважды пересечь государственные границы). Как результат — сокращение доходов препятствовало внедрению новых способов агротехники, и крестьяне продолжали пахать сохой. При низких урожаях (средний урожай зерновых в середине века оценивался в 4,5—6,0 ц/га) производство зерна не росло. Большую часть года крестьянам не хватало зерна на хлеб [Топильский, 2019, с. 303]. При этом значительная часть крестьян не осознавала необходимости посева новых сортов зерна или использования современных инструментов и машин. Практиковалось ежегодное укоренение полей через выпас скота по стерне (сжатой ниве), что не позволяло проводить раннюю вспашку. Ситуацию частично спасло развитие картофельных культур и овцеводства. Экономическое отставание в сельском хозяйстве преодолевалось путем создания сельскохозяйственных обществ и внедрения аграрных новатик через развитие образования.

В Западной Галиции было основано Краковское сельскохозяйственное общество, а в Восточной Галиции Галицкое сельскохозяйственное обще-

CC BY

ство со штаб-квартирой в Львове. Большую роль в популяризации сельскохозяйственных знаний стала играть образованная в 1856 году Дублянская сельскохозяйственная академия. Их труды были направлены на внедрение новатики как для крупных, так и для средних и мелких сельских хозяев.

Во второй половине XIX века произошло увеличение количества публикаций на тему земледелия. Научные исследования углубляли сельскохозяйственные знания и давали импульс к внедрению новых способов агрикультуры. Дискуссии о сельском хозяйстве велись в законодательном органе Галиции (Сейм). В регионе также были организованы сельскохозяйственные выставки с целью показать достижения и недостатки сельскохозяйственного производства, а также начато развитие кооперативного движения.

В начале XX века растениеводство Галиции давало в среднем в 1,5 раза меньшую урожайность, чем в Чехии и Германии. Выращивание зерновых на территории Галиции не удовлетворяло национальных потребностей. В свою очередь, экспортировались лошади, крупный рогатый скот, птица, продукты животного происхождения (яйца, сырая кожа, шерсть) и продукты пищевой промышленности (в первую очередь спирт). Важную роль в сельском хозяйстве страны в то время играло разведение крупного рогатого скота, которого в 1910 году насчитывалось около 2,5 млн голов. В частности, благодаря этому экономическое положение Галиции в то время несколько улучшилось, о чем в 1917 году писал Ф. Буяк: «Мы пошли в последние годы перед войной на хороший путь, мы проделали обширную работу по рациональной организации нашей хозяйственной жизни, начали понимать отставание и пренебрежение своим. Из пассивного общества, эксплуатируемого иноземцами, мы становились активным обществом, которое само взялось за потребление богатства своей страны и для удовлетворения своих потребностей. Если бы нам было дано идти дальше по этому пути со всей настойчивостью и последовательностью, это, несомненно, быстро уменьшило бы разрыв между нами и нашими западными соседями» [Bujak, 1917, s. 57—58].

Развитие сельского хозяйства Галиции во второй половине XIX — начале XX веков сталкивалось с рядом трудностей, присущих центрально-восточноевропейскому региону в целом. Прежде всего следует выделить резкий рост демографического давления на деревню: плотность населения Галиции на 1 км^2 увеличилась с 58 человек в 1850 году до 84 человек к 1890 году [Василевский, 1900, с. 36], что требовало роста сбора урожая для элементарного выживания, и это стимулировало крестьян обращать внимание на агротехнические новации в передовых хозяйствах.

Большинство крестьянских хозяйств были раздробленными, что делало крайне затруднительным налаживание современных способов земледелия. Сама психология земледельца, его неразрывная связь с пашней

CC BY

вела к необходимости траты заработанных средств на развитие своего подворья. Если в экономически развитых территориях малоземельные и безземельные крестьяне могли податься на фабрики и заводы, то в слаборазвитой Галиции работу в городе могла найти незначительная часть сельского населения. Выход был в трудовой эмиграции: русины уезжали на заработки, преимущественно сезонно в Венгрию, другие в австро-венгерские земли, Россию и Германию, а нередко на несколько лет или на всю жизнь — в США, Бразилию и Канаду. Как отмечали современники, «в Галицию ежегодно приходят более 2 000 000 гульденов из Америки, и сплошь и рядом случается, что семья переселившегося в Америку крестьянина покупает земли, строит новую избу, разводит скот и начинает вести правильное хозяйство» [Василевский, 1900, с. 95].

Прогресс в области земледелия в конце XIX века шел в крупных хозяйствах благодаря применению передовых инструментов и машин, удобрений, внедрению многопольного севооборота. Постепенно углублялись знания о происхождении и составе почвы. Однако в малых и средних, раздробленных крестьянских владениях было невозможно использовать те же методы, к которым прибегали крупные хозяева: этому мешали чересполосица и отсутствие денег для инвестиций в свое владение. В сельскохозяйственной литературе обсуждалось много вопросов из этой области. Авторы подчеркивали среди прочего необходимость научного изучения почв, предназначенных для выращивания, необходимость использования результатов этих исследований для улучшения растениеводства и, как следствие — получение оптимальных урожаев.

Идеологи сельскохозяйственного труда утверждали, что он не может быть модернизирован без применения машин при земледелии и переработке сельскохозяйственных плодов. В то время, однако, большей части сельских хозяев были доступны только устаревшие или плохо изготовленные инструменты и машины. Целью просветительских изданий было своего рода поощрение крестьян к использованию современного оборудования. Стоит подчеркнуть, что в галицкой деревне редко пахали плугом, правильно рыхлящим почву. Как правило, его делал кузнец-самоучка, без всякой точности инструмента. Поэтому вспашка, сделанная таким плугом, только разрезала землю на полосы и комья. Современники отмечали, что сельскохозяйственные инструменты, машины и все приспособления, которые должным образом соответствуют условиям и потребностям хозяйства, являются самым смелым средством улучшения производства, снижения его стоимости и наиболее выгодной переработки [Франко, 1890, с. 97—98].

Авторы работ по выращиванию зерновых стремились бороться с консервативными стереотипами, препятствующими прогрессу. Объектом ана-

CC BY

лиза стали культуры пшеницы, ячменя, ржи и овса. Публиковались рекомендации, как и когда сеять зерно, а когда его жать.

В растениеводстве важную роль играло выращивание корнеплодов, особенно картофеля. Сельскохозяйственная литература того времени изобиловала публикациями, посвященными выращиванию этих растений, в основном обсуждавшими сорта, болезни, а также удобрения и уход во время роста [Курилов, 1906]. В научных публикациях того времени активно продвигались агротехнические рекомендации по возделыванию картофеля. В частности, авторы подвергали критике распространённую практику ручной обработки почвы мотыгой и предлагали использовать органические удобрения (навоз), а также увеличивать ширину междурядий для повышения урожайности и облегчения ухода за культурой.

В публикациях, посвящённых картофелю, значительное место занимали сведения о выведении новых сортов и результатах экспериментальных исследований по их культивированию. Опыт, накопленный специалистами, позволил выявить особенности агротехники картофеля и определить наиболее перспективные сорта. В обществе возлагались большие надежды на распространение этой культуры, поскольку её выращивание рассматривалось как важный фактор развития дистилляционного производства [Michalewicz, 1988, s. 42].

Важно отметить распространение аграрных знаний в сфере овощеводства и садоводства. В XIX веке было усовершенствовано садоводство за счет скрещивания сортов. В этот период популяризаторы-аграрии также поощряли овощеводство, давая подробные рекомендации по этому предмету. Были организованы садовые и овощные выставки. Следует отметить, что овощные культуры не вызывали такого интереса у авторов, как садоводство, которому было посвящено гораздо больше публикаций. Они верили, что выращивание плодовых деревьев может способствовать улучшению материального положения населения. Францишек Буяк рекомендовал создать в Кракове торговое агентство для поддержки владельцев садов [Bujak, 1908, s. 366—367].

Слабой стороной галицких садов — как крестьянских, так и владельческих — считалось слишком большое разнообразие сортов плодовых деревьев, а также отсутствие интереса молодых хозяев к этой отрасли сельскохозяйственного производства. Из книжных работ, выпущенных в первом десятилетии прошлого века, заслуживает упоминания вышедшая в 1902 году книга Антония Куровского и Виктора Табо «Выращивание деревьев и плодовых кустов» [Kurowski et al., 1902]. Это было практическое руководство, в котором авторы обсуждали вопросы питания растений, размножения деревьев и плодовых кустов, выращивание яблони, груши, виш-

CC BY

ни, черешни, сливы, орехов и плодовых кустарников. В книге Куровского и Табо подчеркивалась необходимость упорной работы в саду и необходимость выращивания различных сортов деревьев.

Распространение публикаций о поставленном на научную основу садоводстве было тем более необходимо, потому что земледельцы гордились своими садовыми традициями и были убеждены, что знания о плодовых деревьях, передаваемые из поколения в поколение, служат залогом добросовестного труда и высокого урожая. В журналах также публиковались статьи о выращивании смородины, крыжовника, винограда и малины.

В период автономии в экономической литературе все чаще поднималась проблема индустриализации Галиции, использования сельскохозяйственной продукции для переработки и процветания таких сфер производства, связанных с сельским хозяйством, как сахарное, мукомольное, винокуренное, пивоваренное и дрожжевое. Ф. Буяк писал: «Земледельцы современные строят ликероводочные заводы и вместо зерна выращивают картофель, они продают спиртные напитки и, возможно, готовую к употреблению водку; они создают сахарные заводы для выращивания свеклы; они создают пивоварни, чтобы лучше монетизировать ячмень; они превращают пшеницу и отруби в муку для хлеба в своих пекарнях; они поддерживают сады, превращая фрукты и овощи в консервы» [Bujak, 1910, s. 289.].

3.2. Распространение научных знаний о животноводстве

Отсутствие профессиональных книг по животноводству побудило Галицкое сельскохозяйственное общество объявить в 1879 году конкурс на научно-популярную работу. Конкурс выиграл Антоний Попель, подготовивший произведение, состоящее из восьми глав, содержащее сведения о задачах животноводства как одной из отраслей производства национального сельского хозяйства, а также разъяснение вопросов, связанных с выбором направления земледелия и его адаптации к существующим экономическим условиям [Popiel, 1882]. В работе последовательно анализировались принципы рационального кормления крупного рогатого скота различных возрастных групп и хозяйственного назначения, определялись условия, обеспечивающие здоровое содержание животных, а также подвергались критическому разбору распространённые ошибки в практике разведения скота. Завершая своё исследование, Попель сформулировал рекомендации по корректному обращению с молочными продуктами, тем самым охватив весь цикл животноводческого производства.

В первые годы XX века проблемы животноводства часто поднимались в сельскохозяйственной литературе. Так, в Отчете Общества им. Михаила Качковского зафиксировано приобретение следующих книг: «Полная Энци-

CC BY

клопедия русского сельского хозяйства» (11 томов), «Кормление молочных коров», «Настольная книга русского земледельца» [Отчет …, 1911, с. 9—10].

Среди форм популяризации знаний о скоте были выставки с вручением премий. Они проходили в разных регионах Галиции, на них демонстрировались животные, выращенные в крестьянских и дворянских хозяйствах. Награждали владельцев коров, отличающихся молочностью, поощряли сельских хозяев к выращиванию крупного рогатого скота симментальской породы.

В сельском хозяйстве Галиции овцеводство занимало значимое место, что нашло отражение в специализированной литературе, посвящённой вопросам разведения и содержания овец. Авторы подобных трудов стремились популяризировать овцеводство среди крестьянства, предлагая в доступной форме практические рекомендации по уходу за ягнятами и взрослыми особями, организации овчарни, а также рациональному кормлению и содержанию стада.

Особое место среди этих публикаций занимает работа К. Павликовского «Krotka nauka o chowie owiec poprawnych» («Краткое руководство по правильному содержанию овец») [Pawlikowski, 1840]. Автор объясняет прежде всего, почему он приступил к написанию книги по этой теме: «Основав у себя овчарню, я не нашел между столькими авторами, о разведении овец пишущими, ни одного, труды которого я мог бы с полным удовлетворением в качестве руководства в овчарской профессии для простых наших крестьян использовать; ибо одни слишком многословные и ученые, другие же слишком кратко и мало говорят о том, что об овчарне, в сущности, нужно знать» [Pawlikowski, 1840, s. IX—X]. Павликовский детально рассматривает вопросы содержания овчарни, мечения овец (номерного учета), организации летнего выпаса, заготовки кормов, разведения ягнят и т. д. В его работе содержатся рекомендации по поддержанию здоровья стада и определению возраста животных.

Авторы публикаций стремились преодолеть распространённые среди крестьянства предубеждения относительно невыгодности этой отрасли. При этом объём литературы по овцеводству уступал количеству публикаций, посвящённых коневодству и особенно свиноводству. В частности, в исследовании Тадеуша Чайковского «Свиноводство» [Czaykowski, 1909] представлен широкий спектр вопросов: от описания пород свиней до организации ухода за свиноматками и поросятами, строительства свинарников, кормления, кастрации и вопросов торговли и убоя. Таким образом, идеологи хозяйственного прогресса прилагали усилия для убеждения крестьян в необходимости развития свиноводства как одной из перспективных отраслей сельского хозяйства.

CC BY

На рубеже XIX—XX веков появились и труды по развитию птицеводства. В этих работах авторы рекомендовали развивать данную отрасль, особенно в рамках небольших хозяйств. Так, Ф. Буяк отмечал, что крестьяне, располагая даже незначительным земельным наделом, способны получать ощутимую выгоду от продажи яиц и мяса птиц, в частности гусей. «Дело рационального птицеводства будет продвигаться вперед, когда найдет опору в зарождающихся в стране школах домашнего хозяйства для женщин, ибо обучение и пробуждение любви к делу гораздо больше значат в этом вопросе, чем финансовая поддержка со стороны государства (из-за легкости быстрого разведения и дешевизны птицы)» [Bujak, 1908, s. 351].

Теоретики и практики птицеводства доказывали в своих публикациях, что оно столь же важно, как и разведение важнейших сельскохозяйственных животных, то есть лошадей и крупного рогатого скота.

Наибольшее количество публикаций было посвящено разведению кур. Например, в 1908 году на страницах «Głos Rolniczy» были изложены собранные в перечень из двенадцати пунктов важнейшие рекомендации по разведению кур. Так, было рекомендовано разводить кур и петухов, происходящих из мартовских, апрельских и майских выводков, а также обеспечивать птицу свежим, богатым питательными веществами кормом. Подчёркивалась важность защиты как молодняка, так и взрослых особей от воздействия влаги и гнили. На страницах газеты давались следующие советы: «Кормите на утро смешанным кормом, вы сэкономите средства и получите яйца. На вечер дайте зерно по горстке. Заплесневелый или подкисленный корм вреден. Выращивайте цыплят на дробленом ячмене (без отрубей), его нужно размешать обезжиренным кислым молоком с рубленой зеленью. Кормите их 5 раз в день. Подрощенные цыплята едят 3 раза до сытости, взрослые куры — зимой дважды, а летом один раз вечером» [Najważniejsze…, 1908, s. 90—91]. Как видим, автор подробно и доступным языком разъясняет, как при минимальных расходах получить при выращивании кур наибольшую прибыль.

Соображения аграрных просветителей сельского хозяйства касались и прудового хозяйства — отрасли животноводства, довольно необычной для традиционного крестьянского хозяйства у славянских народов. Заявлялось, что традиционная рыбалка уже не могла восполнить потребности в рыбе из-за роста демографического давления на окружающую среду. В связи с этим предлагалось увеличить биологическую продуктивность водоемов. Авторы поощряли создание прудов, их пополнение и расширение знания о разведении таких рыб, как форель, карп, карась и линь. Было показано, что правильно управляемые пруды снабжают население не только рыбой: ил можно использовать в качестве удобрения. Один из авторов утверждал:

CC BY

«Каждую яму, каждую траншею, каждое болото можно превратить в пруд и получить обильный доход. В небольших водоемах, не имеющих притока и оттока воды, но где вода теплая, можно разводить карпа и линя. Нужно подкармливать рыбу все лето отходами с кухни, а осенью выловить ее и продать... Водоемы с холодной водой используются для разведения форели и щуки» [Wilkosz, 1895, s. 23.].

Анализируя развитие сельскохозяйственных знаний в Галиции, нельзя упускать из виду проблемы пчеловодства. В то время в пчеловодстве происходили существенные изменения, являющиеся результатом открытий и изобретений в обустройстве пасеки и появления исследований о жизни пчел. Шло развитие в организационном плане: в Кракове было основано Общество пчеловодства, шелководства и садоводства (1866—1880), а в 70-х годах XIX века во Львове было основано Галицкое пчеловодческое и садоводческое общество. Также была создана первая Галицкая медовая компания. На собраниях пчеловодов обсуждались вопросы совершенствования организаций пасек и реализации готовой продукции — меда, воска, прополиса, перги.

Среди авторов, писавших о пчеловодстве, можно найти выдающихся знатоков разведения этих насекомых. Здесь следует упомянуть прежде всего Юлиана Любенецкого. В своей книге «Полное практическое руководство для пасечников» он рекомендовал распространять знания о разведении пчел: «Единственный секрет пасек — это детальное знание пчеловодства; тот, кто владеет этим секретом, не нуждается в каких-либо других. Знание делает пасеки, мед, воск и деньги, а незнание портит и разрушает все. Но это знание зависит от того, чтобы знать, прежде всего, основательно природу пчел, их социальную жизнь, их свойства и потребности (теорию); а затем — чтобы иметь возможность управлять пчелиным хозяйством в улье, чтобы они размножались как можно больше и дали как можно больше меда (практику)» [Lubieniecki, 1859, s. 1.]. Пчеловоды убеждали, что те, кто приступает к созданию пасеки, должны иметь соответствующие черты характера: прежде всего, должны быть терпеливыми и не бояться трудностей. Авторы давали практические рекомендации пчеловодам, подробно рассматривая сезонные работы, которые необходимо выполнять на пасеке в течение года, пропагандировали идеи создания пасек в школьных садах, участие учителей в популяризации пчеловодческих знаний.

Анализируя издававшуюся в Галиции литературу, посвященную земледелию и животноводству, легко увидеть в ее содержании сельскохозяйственную педагогику. Авторы отмечали связь между воспитанием, образованием и сельскохозяйственным прогрессом. В связи с этим народная школа должна была стать неотъемлемой частью просвещения крестьян

[Топильский, 2020, с. 2628]. Стремясь заинтересовать молодёжь, общественность возлагала надежды на сельскохозяйственные школы, которые должны были передать своим воспитанникам не только основы земледелия, но и современные агротехнологии, применимые в крестьянских хозяйствах. Подобная задача приобретала особую актуальность в условиях, когда, несмотря на расширение сети начальных школ, в начале XX века уровень грамотности населения оставался низким: «В 1902 г. в Галиции было 7 315 тыс. чел. населения, в т. ч. 3 042 тыс. русских. Из 1 млн детей Галиции только 700 тыс. посещало школы, 42 % русских сел не имело школ и 67 % русского населения было неграмотно по сравнению с 52 % неграмотности остального населения» [Зиновьев и др., 2016, с. 123].

4. Заключение = Conclusions

Развитие сельскохозяйственных знаний в Галиции убедительно подтверждается обилием публикаций, посвящённых вопросам земледелия и животноводства. На страницах книг и газет активно обсуждались такие темы, как состав почв, механизация, удобрения, мелиорация, а также возделывание зерновых, корнеплодов, садоводство и различные направления животноводства — от коневодства и свиноводства до разведения птицы, рыбы и пчёл.

Авторы стремились вселить в читателей уверенность: повышение культуры ведения сельского хозяйства способно не только улучшить экономическое положение владельца, но и увеличить производительность труда в аграрной сфере. Этому во многом способствовали публикации о передовых хозяйствах, где подробно описывались внедрённые новшества и достигнутые успехи.

Стоит отметить, что многие практики рационально поставленного хозяйства крупных помещиков были невозможны для внедрения в крестьянских хозяйствах, что обуславливало необходимость рассмотрения рационализации в малых масштабах. Среди наиболее доступных (и в то же время необходимых) способов модернизации сельского хозяйства можно выделить приобретение современных орудий труда. Это значительно повышало производительность труда и позволяло минимизировать эрозию почвы из-за неправильной ее обработки. Также важно отметить социальное последствие: дороговизна приобретения плугов требовала развития потребительской кооперации, что вело к сплочению крестьян. В животноводстве наиболее рациональным способом внедрения новации было скрещивание беспородного крестьянского скота с породистым помещичьим, что открывало перспективы, в свою очередь, к снижению напряженности между помещиками и крестьянами благодаря их сотрудничеству.

CC BY

Аналогичный метод рационализации — скрещивание — сыграл значительную роль и в развитии садоводства и овощеводства. Популяризаторы аграрных знаний активно поддерживали распространение овощных культур, предлагая подробные практические рекомендации. Вместе с тем следует подчеркнуть, что овощеводство вызывало у авторов меньший интерес по сравнению с садоводством, которому посвящалось заметно больше публикаций. Особое внимание уделялось выращиванию плодовых деревьев, поскольку считалось, что их распространение способно существенно улучшить материальное благосостояние населения Галиции.

Таким образом, немаловажную роль в распространении аграрной новатики играли сочинения, написанные «для народа», в доступной форме распространявшие сельскохозяйственные знания. Реализация изданий при помощи сельскохозяйственных обществ и народных читален способствовала приобщению широких слоев крестьян и мелких помещиков к достижениям аграрной науки.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Курилов В. В.* Наука о почве и о ей удобренью : короткое практичное руководство для земледельческой химии / В. В. Курилов. — Львов : Типографія Ставропигійского Института, 1906. — 176 с.

2. *Отчет* о деятельности Общества им. Михаила Качковского за время от 16 (29) сентября 1910 г. до 15 (28) сентября 1911 г. — Львовъ : Типографія Ставропигійского Института, 1911. — 40 с.

3. *Франко І.* Машини і порядки громадскі / І. Франко // Народ [газета]. — 1890. — № 7. — С. 96—99.

4. *Czaykowski T.* Hodowla trzody chlewnej / T. Czaykowski. — Tarnów : Drukiem J. Pisza w Tarnowie, 1909. — 296 s.

5. *Kurowski A.* Hodowla drzew i krzewów owocowych / A. Kurowski, W. Tabeau. — Lwów : Nakladem Seyfartha i Czajkowskiego, 1902. — 154 s.

6. *Lubieniecki J.* Dokładna praktyczna nauka dla pasieczników. Jak mają chodzić koło pszczół, aby rozmnożyć prędko pasieki i wydobyć z nich zysk największy możliwy, tak we zwyczajnych naszych ulach krajowych, jako też w ulach dzierżonowskich / J. Lubieniecki. — Lwów : [b. i.], 1859. — 378 s.

7. *Łopuszański T.* Pamiętnik c.k. Galicyjskiego Towarzystwa Gospodarskiego 1845—1894 / T. Łopuszański. — Lwów : C. k. Galicyjskie Tow. Gospodarskie, 1894. — 188 s.

8. *Najważniejsze* zasady hodowli kur // Głos Rolniczy [газета]. — 1908. — № 6. — S. 90—91.

CC BY

9. *Pawlikowski K.* Krótka nauka o chowie owiec poprawnych / K. Pawlikowski. — Lwów–Tarnów–Stanisławów : Nakład J. Milikowskiego, 1840. — XII + 82 s.

10. *Popiel A.* Podręcznik do hodowli bydła rogatego / A. Popiel. — Lwów : Nakładem wydawcy, 1882. — 166 s.

11. *Wiadomosci* statystyczne o stosunkach krajowych. Wydane przez krajowe biuro statystyczne / pod redakcja T. Pilata. — Lwow : [b. i.], 1880. — 156 s.

12. *Wilkosz F.* Hodowla ryb jako środek polepszenia doli gospodarzy wiejskich / F. Wilkosz // Okólnik Krajowego Towarzystwa Rybackiego w Krakowie [газета]. — 1895. — № 18. — S. 23.

Литература

1. *Богайчук В. І.* Становище сільського господарства Тернопільщини напередодні Першої світової війни / В. І. Богайчук // Тези доповідей звітно-наукової конференції кафедр інституту. — Івано-Франківськ : Івано-Франківський державний педагогічний інститут, 1966. — С. 92—96.

2. *Будзиновский В*. Аграрні відносини в Галичині / В. Будзиновський // Записки НТШ. — Львів : [б. и.], 1894. — С. 29—123.

3. *Будзиновський В.* Хлопська посілість / В. Будзиновський. — Львів : з «Народної Друкарні» В. Манецкого, 1895. — 98 с.

4. *Василевский А.* Современная Галиция / А. Василевский. — Санкт-Петербург : Тип. Т-ва «Народная польза», 1900. — 231 с.

5. *Герасименко М. П.* Аграрні відносини в Галичині в період кризи панщинного господарства / М. П. Герасименко. — Киів : Вид-во АН УРСР, 1959. — 304 с.

6. *Гуменюк Е. Н.* Магнатское поместье в Галиции в период капитализма (1871—1910) (По материалам архива Потоцких) / Е. Н. Гуменюк // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. — Кишинев : [б. и.], 1966. — С. 690—705.

7. *Гуменюк Е. Н.* Раздробление крестьянской земли и применение института рентных имений в Галиции / Е. Н. Гуменюк // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1965 г. — Москва : Изд-во Москов. ун-та, 1970. — С. 389—401.

8. *Гуменюк Е. Н.* Шляхетский фольварк как сельскохозяйственное предприятие в начале 1870-х годов в Галиции / Е. Н. Гуменюк // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. — Таллин : [б. и.], 1971. — С. 435—443.

9. *Зиновьев В. П.* Журнал «Славянский век» о положении русинов Галиции в конце XIX — начале XX в. / В. П. Зиновьев, В. В. Казаков // Русин. — 2016. — № 1 (43). — С. 120—127. — DOI: 10.17223/18572685/43/8.

10. *Зубачевский В. А.* Политика России в отношении восточных территорий Центральной Европы. 1912—1921 гг. / В. А. Зубачевский // Вопросы истории. — 2009. — № 9. — С. 100—110.

11. *Клапчук В. М.* Сільське господарство Галичини / В. М. Клапчук. — Івано-Франковськ : Фоліант, 2015. — 336 с.

12. *Кравець М. М.* Селянство східної Галичини і північної Буковини у другій половині XIX ст. / М. М. Кравець. — Львів : Видавництво Львівського університету, 1964. — 240 с.

13. *Крюков Н. А.* Славянские земли. Галиция : Сельское хозяйство в Галиции в свете с общим развитием страны / Н. А. Крюков. — Петроград : Типография В. О. Киршбаума, 1915. — Т. II. — Ч. I. — 215 с.

14. *Лобко О. А.* Теплицько-Бубновецько-Ситковецький маєток родини Потоцьких XIX — початку XX ст. / О. А. Лобко // Наукові записки НаУКМА. — 2006. — Т. 52. — С. 18—25.

15. *Макаєв В.* Робітничий клас Галичини в останній третині XIX ст. / В. Макаєв. — Львів : Видавництво Львівського університету, 1968. — 205 с.

16. *Миллер А. И.* «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.) / А. И. Миллер. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2000. — 260 с.

17. *Миллер А. И.* Украинские крестьяне, польские помещики, австрийский и русский император в Галиции 1872 г. / А. И. Миллер // Центральная Европа в новое и новейшее время / под ред. А. С. Стыкалина. — Москва : [б. и.], 1998. — С. 175—180.

18. *Мыльников А. С.* Народы Центральной Европы : формирование национального самосознания. XVIII—XIX вв. / А. С. Мыльников. — Санкт-Петербург : ТОО ТК «Петрополис», 1997 — 176 с.

19. *Навроцький В.* Що нас коштує пропінація / В. Навроцький. — Львів : [б. и.], 1876. — 54 с.

20. *Свєжинський П. В.* Аграрні відносини на Західній Україні в кінці XIX — на початку XX ст. / П. В. Свєжинський. — Львів : Видавництво Львівського університету, 1966. — 192 с.

21. *Симоненко Г. Ф.* Царство Польское сравнительно с Познанью и Галицией в отношении их успехов экономических, умственных и нравственных со времени крестьянских реформ 1848, 1850 и 1864 годов в этих провинциях / Г. Ф. Симоненко. — Варшава : Типография медицинской газеты, 1878. — 86 с.

22. *Темірова Н. Р.* Поміщики України в 1861—1917 рр. : соціально-економічна еволюція / Н. Р. Темірова. — Донецьк : ДонНу, 2003. — 320 с.

23. *Топильский А. Г.* Крестьянское землевладение Восточной Галиции во второй половине XIX — начале XX века / А. Г. Топильский // Вестник Тамбовского университета. Серия : Гуманитарные науки. — 2019. — Т. 24. — № 182. — С. 299—304. — DOI: 10.20310/1810-0201-2019-24-182-299-304.

24. *Топильский А. Г.* Национальный вопрос русино-украинских крестьян Галиции во второй половине XIX — начале XX века / А. Г. Топильский, Р. М. Житин // Былые годы. — 2020. — № 58 (4). — С. 2622—2630. — DOI: 10.13187/bg.2020.4.2622.

25. *Штруве Кай.* Селяни та українська нація в Австро-Угорській монархії та Російській імперії / Кай Штруве // Україна. Процеси націотворення / упор. А. Каппелер. — Київ : К.І.С., 2011. — С. 167—181.

26. *Bidermann H. I.* Die Ungarischen Ruthenen, ihr Wohgebiet, ihr Erwerb und ihre Geschichte / H. I. Bidermann. — Innsbruck : [b. i.], 1862. — T. 1. — 140 s.

27. *Bujak F.* Galicya. Kraj. Ludnosc. Spoleczenstwo. Rolnictwo / F. Bujak. — Lwow : Księgarnia H. Altenberga, 1908. — T. 1. — 562 s.

28. *Bujak F.* Galicya. Kraj. Ludnosc. Spoleczenstwo. Rolnictwo / F. Bujak. — Lwow : Księgarnia H. Altenberga, 1910. — T. 2. — 509 s.

29. *Bujak F.* Rozwój gospodarczy Galicji (1772—1914) / F. Bujak. — Lwów : Nakładem wydawcy, 1917. — 63 s.

30. *Franaszek P.* Dieta chłopów galicyjskich w drugiej połowie XIX w. i na początku XX w. / P. Franaszek // Roczniki Dziejów Społecznych i Gospodarczych. — 2016. — T. 76. — S. 289—313. — DOI: 10.12775/RDSG.2016.10.

31. *Himka J.-P.* Galician Villagers and the Ukrainian National Movement in the Nineteenth Century / J.-P. Himka. — Edmonton, London : The Macmillan Press Ltd, 1988. — 358+XXXVI p.

32. *Kappeler A.* Die Ukraine. Prozesse der Nationsbildung / A. Kappeler. — Wien : Böhlau Verlag, 2011. — 453 s.

33. *Michalewicz J.* Przemysł gorzelniany Galicji doby autonomicznej. Między monopolem dworskim a monopolem państwowym / J. Michalewicz. — Kraków : Nakł. Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1988. — 310 s.

34. *Wiadomosci* statystyczne o stosunkach krajowych. Wydane przez krajowe biuro statystyczne / pod redakcja T. Pilata. — Lwow : [b. i.], 1880. — 156 s.

35. *Wilkosz F.* Hodowla ryb jako środek polepszenia doli gospodarzy wiejskich / F. Wilkosz // Okólnik Krajowego Towarzystwa Rybackiego w Krakowie [газета]. — 1895. — № 18. — S. 23.

Статья поступила в редакцию 18.10.2025,
одобрена после рецензирования 14.11.2025,
подготовлена к публикации 09.04.2026.

Material resources

Czaykowski, T. (1909). *Hodowla trzody chlewnej.* Tarnów: Drukiem J. Pisza w Tarnowie. 296 s. (In Polish.).

Franko, I. (1890). Machines and public orders. *People [Gazeta], 7:* 96—99. (In Ukr.).

Kurilov, V. V. (1906). *Science of soil and its fertilizers: a short practical guide for agricultural chemistry.* Lviv: Printing House of the Stavropol Institute. 176 p. (In Russ.).

Kurowski, A., Tabeau, W. (1902). *Hodowla drzew i krzewów owocowych.* Lwów: Nakladem Seyfartha i Czajkowskiego. 154 s. (In Polish.).

Lubieniecki, J. (1859). *Dokładna praktyczna nauka dla pasieczników. Jak mają chodzić koło pszczół, aby rozmnożyć prędko pasieki i wydobyć z nich zysk największy możliwy, tak we zwyczajnych naszych ulach krajowych, jako też w ulach dzierżonowskich.* Lwów: [b. i.]. 378 s. (In Polish.).

Łopuszański, T. (1894). *Pamiętnik c.k. Galicyjskiego Towarzystwa Gospodarskiego 1845—1894.* Lwów: C. k. Galicyjskie Tow. Gospodarskie. 188 s. (In Polish.).

Najważniejsze zasady hodowli kur. (1908). *Głos Rolniczy [газета], 6:* 90—91. (In Polish.).

Pawlikowski, K. (1840). *Krótka nauka o chowie owiec poprawnych.* Lwów–Tarnów–Stanisławów: Nakład J. Milikowskiego. XII + 82 s. (In Polish.).

Popiel, A. (1882). *Podręcznik do hodowli bydła rogatego.* Lwów: Nakładem wydawcy. 166 s. (In Polish.).

Report on the activities of the Society named after Mikhail Kachkovsky during the period from September 16 (29), 1910 to September 15 (28), 1911. (1911). Lviv: Printing House of the Stavropol Institute. 40 p. (In Russ.).

Wiadomosci statystyczne o stosunkach krajowych. Wydane przez krajowe biuro statystyczne. (1880). Lwow: [b. i.]. 156 s. (In Polish.).

Wilkosz, F. (1895). Hodowla ryb jako środek polepszenia doli gospodarzy wiejskich. *Okólnik Krajowego Towarzystwa Rybackiego w Krakowie [газета], 18:* S. 23. (In Polish.).

References

Bidermann, H. I. (1862). *Die Ungarischen Ruthenen, ihr Wohgebiet, ihr Erwerb und ihre Geschichte, 1.* Innsbruck: [b. i.]. 140 s. (In Germ.).

Bogaychuk, V. I. (1966). *The position of Agriculture in Ternopil region on the eve of the first World War.* Ivano-Frankivsk: Ivano-Frankivsk State Pedagogical Institute. 92—96. (In Ukr.).

Budzinovsky, V. (1894). Agrarian relations in Galicia. In: *Notes of the NTSH.* Lviv: [b. i.]. 29—123. (In Ukr.).

Budzinovsky, V. (1895). *Khlopskaya posilost.* Lviv: from the "People's Printing House" of V. Manetsky. 98 p. (In Ukr.).

Bujak, F. (1910). *Galicya. Kraj. Ludnosc. Spoleczenstwo. Rolnictwo, 2.* Lwow: Księgarnia H. Altenberga. 509 s. (In Polish.).

Bujak, F. (1917). *Rozwój gospodarczy Galicji (1772—1914).* Lwów: Nakładem wydawcy. 63 s. (In Polish.).

Bujak, F. Galicya. Kraj. Ludnosc. Spoleczenstwo. Rolnictwo, 1. Lwow: Księgarnia H. Altenberga. 562 s. (In Polish.).

Franaszek, P. (2016). Dieta chłopów galicyjskich w drugiej połowie XIX w. i na początku XX w. *Roczniki Dziejów Społecznych i Gospodarczych, 76:* 289—313. DOI: 10.12775/RDSG.2016.10. (In Polish.).

Gerasimenko, M. P. (1959). *Agrarian relations in Galicia in the period of the crisis of panshchinny economy.* Kiev: Publishing House of the Academy of Sciences of the Ukrainian SSR. 304 p. (In Ukr.).

Gumenyuk, E. N. (1966). The magnate estate in Galicia during the period of capitalism (1871—1910) (Based on the materials of the Potocki archive). In: *Yearbook on the agrarian history of Eastern Europe.* Chisinau: [b. i.]. 690—705. (In Russ.).

Gumenyuk, E. N. (1970). Fragmentation of peasant land and the use of the institute of rental estates in Galicia. In: *Yearbook on the agrarian history of Eastern Europe. 1965.* Moscow: Moscow Publishing House. University. 389—401. (In Russ.).

Gumenyuk, E. N. (1971). The gentry farm as an agricultural enterprise in the early 1870s in Galicia. In: *Yearbook on the agrarian history of Eastern Europe.* Tallinn: [b. i.]. 435—443. (In Russ.).

Himka, J.-P. (1988). *Galician Villagers and the Ukrainian National Movement in the Nineteenth Century.* Edmonton, London: The Macmillan Press Ltd. 358+XXXVI p.

Kappeler, A. (2011). *Die Ukraine. Prozesse der Nationsbildung.* Wien: Böhlau Verlag. 453 s. (In Germ.).

Klapchuk, V. M. (2015). *Agriculture of Galicia.* Ivano-Frankivsk: Folio publ. 336 p. (In Ukr.).

Kravets, M. M. (1964). *The peasantry of Eastern Galicia and Northern Bukovina in the second half of the XIX century.* Lviv: Publishing House of Lviv University. 240 p. (In Ukr.).

Kryukov, H. A. (1915). *Slavic lands. Galicia: Agriculture in Galicia in the light of the general development of the country, II (I).* Petrograd: V. O. Kirshbaum Printing House. 215 p. (In Russ.).

Lobko, O. A. (2006). Teplitsko-Bubnovetsko-Sitkovetsky estate of the Potocki family of the XIX — early XX centuries. *Scientific notes of Naukma, 52:* 18—25. (In Ukr.).

Makaev, V. (1968). *Working class of Galicia in the last third of the XIX century.* Lviv: Lviv University Publishing House. 205 p. (In Ukr.).

Michalewicz, J. (1988). *Przemysł gorzelniany Galicji doby autonomicznej. Między monopolem dworskim a monopolem państwowym.* Kraków: Nakł. Uniwersytetu Jagiellońskiego. 310 s. (In Polish.).

Miller, A. I. (1998). Ukrainian peasants, Polish landowners, the Austrian and Russian emperors in Galicia in 1872. In: *Central Europe in modern and modern times.* Moscow: [b. i.]. 175—180. (In Russ.).

Miller, A. I. (2000). *"The Ukrainian question" in the policy of the authorities and Russian public opinion (the second half of the 19th century).* Saint Petersburg: Aleteya Publ. 260 p. (In Russ.).

Mylnikov, A. S. (1997). *The peoples of Central Europe: the formation of national identity. XVIII—XIX centuries.* St. Petersburg: TC "Petropolis" LLP. 176 p. (In Russ.).

Navrotsky, V. (1876). *That we are worth propination.* Lviv: [b. i.]. 54 p. (In Ukr.).

Simonenko, G. F. (1878). *The Kingdom of Poland in comparison with Poznan and Galicia in relation to their economic, mental and moral successes since the peasant reforms of 1848, 1850 and 1864 in these provinces.* Warsaw: Medical Newspaper Printing House. 86 p. (In Russ.).

Struve Kai. (2011). Peasants and the Ukrainian nation in the Austro-Hungarian monarchy and the Russian Empire. In: *Ukraine. Processes of nation-building.* Kiev: K. I. S. 167—181. (In Ukr.).

Svezhinsky, P. V. (1966). *Agrarian relations in western Ukraine in the late XIX — early XX centuries.* Lviv: Lviv University Publishing House. 192 p. (In Ukr.).

Temirova, N. R. (2003). *Landlords of Ukraine in 1861—1917: socio-economic evolution.* Donetsk: Donnu publ. 320 p. (In Ukr.).

Topilsky, A. G. (2019). Peasant land ownership in Eastern Galicia in the second half of the 19th — early 20th century. *Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities, 24 (182):* 299—304. DOI: 10.20310/1810-0201-2019-24-182-299-304. (In Russ.).

Topilsky, A. G., Zhitin, R. M. (2020). The national question of the Rusino-Ukrainian peasants of Galicia in the second half of the XIX — early XX century. *Bygone years, 58 (4):* 2622—2630. DOI: 10.13187/bg.2020.4.2622. (In Russ.).

Vasilevsky, A. (1900). *Modern Galicia.* St. Petersburg: Tip. T-va "National benefit". 231 p. (In Russ.).

Wiadomosci statystyczne o stosunkach krajowych. Wydane przez krajowe biuro statystyczne. (1880). Lwow: [b. i.]. 156 s. (In Polish.).

Wilkosz, F. (1895). Hodowla ryb jako środek polepszenia doli gospodarzy wiejskich. *Okólnik Krajowego Towarzystwa Rybackiego w Krakowie, 18:* S. 23. (In Polish.).

Zinoviev, V. P., Kazakov, V. V. (2016). The journal "Slavic Century" on the situation of the Rusyns of Galicia in the late XIX — early XX century. *Rusin, 1 (43):* 120—127. DOI: 10.17223/18572685/43/8. (In Russ.).

Zubachevsky, V. A. (2009). Russia's Policy towards the Eastern territories of Central Europe. 1912—1921. *Questions of history, 9:* 100—110. (In Russ.).

The article was submitted 18.10.2025;
approved after reviewing 14.11.2025;
accepted for publication 09.04.2026.

CC BY

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(3), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Ху Лиян. Республика Сингапур и Китайская Народная Республика : особенности сотрудничества (1990—2025) / Ху Лиян, С. С. Зубарева, С. С. Колегов // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 3. — С. 541—559. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-3-541-559.

Hu Liyang, Zubareva, S. S., Kolegov, S. S. (2026). Republic of Singapore and People's Republic of China: Peculiarities of Cooperation (1990–2025). *Nauchnyi dialog, 15* (3): 541-559. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-3-541-559. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus Q1 · DOAJ · ERIHPLUS · eLIBRARY.RU РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Республика Сингапур и Китайская Народная Республика: особенности сотрудничества (1990—2025)

Ху Лиян
orcid.org/0009-0001-0542-2240
аспирант кафедры
зарубежного регионоведения,
корреспондирующий автор
1344776862@qq.com

Зубарева Светлана Сергеевна
orcid.org/0000-0003-4751-0289
ассистент кафедры
зарубежного регионоведения
zubareva97@yandex.ru

Колегов Святослав Сергеевич
orcid.org/0000-0001-5253-0722
кандидат исторических наук,
доцент кафедры
зарубежного регионоведения
sv.kolev@mail.ru

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

Republic of Singapore and People's Republic of China: Peculiarities of Cooperation (1990–2025)

Hu Liyang
orcid.org/0009-0001-0542-2240
post-graduate student, Department
of Foreign Regional Studies,
corresponding author
1344776862@qq.com

Svetlana S. Zubareva
orcid.org/0000-0003-4751-0289
assistant lecturer, Department
of Foreign Regional Studies
zubareva97@yandex.ru

Svyatoslav S. Kolegov
orcid.org/0000-0001-5253-0722
PhD in History, Associate Professor,
Departments of Foreign
Regional Studies
sv.kolev@mail.ru

Ural Federal University
named after the First President of Russia
B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)

© Ху Лиян, Зубарева С. С., Колегов С. С., 2026

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье исследуется эффективность реализации политики Китая в отношении Сингапура в период с 1990 по 2025 годы. Выявляются проблемы в четырех сферах взаимодействия двух стран: экономико-политическое сотрудничество, культурное взаимное обогащение, сотрудничество в области образования и сотрудничество в области безопасности. Выявлено, что, как образец взаимного обогащения и прагматичного сотрудничества, отношения между Китаем и Сингапуром постепенно становятся ориентиром для новых моделей международных отношений в Азии. Доказано, что при этом сохраняются структурные вызовы, такие как значительный дисбаланс между политическим и экономическим сотрудничеством, разрыв в культурной идентичности и недостаточная глубина сотрудничества в сфере образования и безопасности. Основными источниками выступили официальные документы, а также публикации в СМИ Китая и Сингапура, которые отражают наличие определенных трудностей в отношениях двух стран. Авторы считают, что, сохраняя преимущества торгово-экономического сотрудничества, Китай повышает уровень политического взаимодоверия, создает инновационную модель сотрудничества, усиливает стратегическую адаптивность и влияние в странах Юго-Восточной Азии, способствуя тем самым трансформации отношений между Китаем и Сингапуром от «экономически движимых» к «всестороннему стратегическому синергизму.

Ключевые слова:
внешняя политика; Китай; Сингапур; культурное сотрудничество; региональная безопасность; высшее образование.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the effectiveness of China's policy toward Singapore during the period from 1990 to 2025, focusing on the evolving dynamics of bilateral relations. The study identifies key challenges in four principal areas of cooperation: political and economic partnership, cultural exchange, collaboration in higher education, and cooperation in the field of regional security. It argues that Sino-Singaporean relations, as a paradigm of pragmatic engagement and mutual enrichment, are gradually emerging as a reference model for new patterns of international relations in Asia. However, structural challenges persist, including a significant imbalance between political and economic cooperation, divergences in cultural identity, and insufficient depth in educational and security collaboration. The research is based on an analysis of official documents as well as media publications from China and Singapore, which reflect existing difficulties in bilateral ties. The authors conclude that, while preserving the advantages of trade and economic cooperation, China is enhancing political trust, developing an innovative model of partnership, strengthening strategic adaptability and influence in Southeast Asia, and thereby facilitating the transformation of Sino-Singaporean relations from an "economics-driven" framework to a "comprehensive strategic synergy."

Key words:
foreign policy; China; Singapore; cultural cooperation; regional security; higher education

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(3), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94(595)“1990/2025”+94(510).093
DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-3-541-559

Научная специальность ВАК
5.6.2. Всеобщая история
5.6.7. История международных
отношений и внешней политики

Республика Сингапур и Китайская Народная Республика: особенности сотрудничества (1990—2025)

© Ху Лиян, Зубарева С. С., Колегов С. С., 2026

1. Введение = Introduction

Сингапур на протяжении всего периода его независимого существования вызывал большой интерес в Китае: особенности этнического состава населения Сингапура создавали в Китае восприятие Сингапура как части китайской цивилизационной системы, «Большого Китая». Естественно, между китайским населением Сингапура и населением Южного Китая сохранялись и естественные «родственные» контакты, поскольку многие сингапурские китайцы сохраняли семейные связи с населением Южного Китая.

С момента установления дипломатических отношений между Китаем и Сингапуром в 1990 году двусторонние связи постепенно превратились из первоначальных осторожных контактов во всеобъемлющее стратегическое партнёрство. Этот скачкообразный прогресс стал результатом политической мудрости и прагматичных усилий лидеров обеих стран. Однако в контексте глубокой трансформации глобальной геополитической структуры Сингапур придерживается сбалансированной стратегии «не выбирать стороны» в стратегическом противоборстве между Китаем и США.

В статье оценивается эффективность взаимоотношений Китайской Народной Республики и Республики Сингапур в период с 1990 по 2025 годы с акцентом на следующие вопросы:

1. Политико-экономическое взаимодействие: почему при тесных экономических связях между Китаем и Сингапуром политический диалог сохраняет определённую дистанцию?
2. Культурная идентичность: почему при глубоких культурных истоках у молодёжи Сингапура в целом наблюдается слабое чувство идентификации с китайской культурой?
3. Сотрудничество в сфере высшего образования: почему, несмотря на активные обмены и совместные проекты, сохраняется дисбаланс академической мобильности?

CC BY

4. Сотрудничество в области безопасности: почему при наличии общих интересов в сфере традиционной и нетрадиционной безопасности практическое оборонное сотрудничество остаётся ограниченным?

Концептуальной особенностью взаимоотношений между Китаем и Сингапуром стала идея, сформулированная в этой связи фактическим создателем независимого Сингапура премьер-министром Ли Куан Ю: «Торопиться надо не спеша» [Сингапурское чудо …, 2016, с. 132]. Реализация различных аспектов взаимодействия Китая и Сингапура предусматривала именно такое «неспешное сотрудничество», результатом которого должно было быть эффективное развитие сингапурско-китайских отношений в сферах, вызывавших наибольший взаимный интерес.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Историография, связанная с отношениями Китая и Сингапура, а также с анализом их внешних политик, достаточно обширна.

Экономическо-политическое сотрудничество Китая и Сингапура в контексте общего сотрудничества Китая со странами Юго-Восточной Азии изучали такие ученые, как Д. В. Мосяков [Мосяков, 2012], Е. М. Астафьева [Астафьева, 2021], А. В. Лукин и С. Коротич [Лукин и др., 2017], Чжан Бинь [Чжан Бинь, 2018], Сюй Синьюй [Сюй Синьюй, 2025]. О культурном сотрудничестве и китайской диаспоре в Сингапуре, помимо 10 тома «Истории Китая» под ред. Л. М. Гудошникова и Г. А. Степановой [История Китая …, 2014], писали работы А. Г. Ларин [Ларин, 2013], Е. В. Новикова [Новикова, 2008]. Среди авторов, писавших статьи о сотрудничестве в сфере высшего образования, можно выделить А. М. Бобыло [Бобыло, 2017], К. Г. Муратшину и А. Е. Иванову [Муратшина и др., 2017], Е. Ю. Лицареву [Лицарева, 2017]. О формировании систем безопасности писали Е. А. Канаев и Лю Синтао [Канаев и др., 2022], Т. В. Мусиенко, В. Н. Лукин и А. В. Матвеев [Мусиенко и др., 2021], Якова [Якова, 2025].

Среди китайских авторов, которые изучают отношения Китая и Сингапура в разных аспектах, можно выделить у Цяньцзинь [У Цяньцзинь, 2006], Дин Жуйчан и Сюй Жулинь [Дин Жуйчан и др., 2020], Шэнь Юньи, Мэн Фаньчао, Хань Бинян и Жэнь Сяопин [Анализ научно-технического потенциала ... 2024], Фан Лэй [Фан Лэй, 2013].

Источниковую базу исследования составляют прежде всего официальные документы государственных органов, материалы государственных и международных организаций, материалы университетов и научных центров, а также публикации в СМИ и аналитических платформах.

CC BY

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Китай и Сингапур: дисбаланс между политическим и экономическим сотрудничеством

Экономическое сотрудничество между Китаем и Сингапуром достигло значительных и очевидных успехов: области партнерства непрерывно расширяются, торгово-экономические обмены становятся всё более тесными, демонстрируя высокую устойчивость развития и высокую взаимодополняемость. Начиная с 2013 года Китай является крупнейшим торговым партнёром Сингапура. В 2024 году объём двусторонней торговли между Китаем и Сингапуром составил 111,11 млрд долларов США, что на 2,6 % больше, чем в предыдущем году. В то же время начиная с 2013 года Сингапур является крупнейшим источником новых инвестиций в Китай [Отношения …, 2025].

Помимо двустороннего сотрудничества, страны имеют прочные связи и в рамках региональных и глобальных проектов. Проект «Один пояс, один путь» стал еще одной возможностью для Сингапура увеличить спрос на свои товары и услуги в регионе [Астафьева, 2021, с. 135].

Это в полной мере демонстрирует мощный импульс и огромный потенциал экономического сотрудничества двух стран. Оглядываясь на историю сотрудничества между Китаем и Сингапуром, можно отметить впечатляющий «скачок в три этапа»: созданный в 1994 году Сучжоуский промышленный парк стал новым примером сотрудничества двух стран; проект эко-города в Тяньцзине, начатый в 2008 году, установил глобальный ориентир в области устойчивого развития; запущенный в 2015 году проект соединения Чунцина характеризуется стратегической конфигурацией «нового морско-сухопутного коридора».

Кроме того, интенсивно развивается сотрудничество в финансовой сфере. На Сингапур как ключевой финансовый хаб АСЕАН, по данным SWIFT, до 2018 года приходилось до 95 % платежей в юанях [Current Situation and Potential…, 2008]. Это значительное преимущество не только отражает ключевую роль Сингапура в региональной финансовой системе, но и демонстрирует глубокое влияние, которое Китай оказывает на экономику АСЕАН через Сингапур как стратегическую опору.

Однако между экономическим влиянием Китая в Сингапуре и его политическим влиянием существует очевидный «разрыв в трансформации». Эта «дилемма трансформации влияния» отражает стратегическую мудрость и философию выживания Сингапура как малой экономики в условиях конкуренции великих держав. Например, в вопросе Южно-Китайского моря Сингапур выступает за мирное урегулирование споров в соответствии с международным правом, включая признание процедуры арби-

CC BY

тража по Южно-Китайскому морю, игнорируя незаконный характер арбитражного процесса, что является завуалированной поддержкой действий Филиппин и явно отклоняется от позиции Китая, заключающейся в «двусторонних консультациях и исключении вмешательства третьих сторон».

Кроме того, несмотря на очевидную обеспокоенность противостоянием между Китаем и США, Сингапур придерживается стратегии «динамического баланса». Так, в 2020 году при развёртывании сетей 5G правительством было отдано предпочтение Ericsson и Nokia, а не Huawei [Singapore Decides on…, 2020], а в 2023 году, когда США ввели ограничения на экспорт чипов в Китай, Сингапур принял стратегию «осторожного сотрудничества», согласившись с контролем над чипами со стороны США, но при этом не вводя собственный запрет на экспорт чипов из Китая [Transcript of Second Minister…, 2025]. Это наглядно иллюстрирует тактику балансирования Сингапура между Китаем и США. Сингапур выступает за открытое сотрудничество, которое укрепляло бы существующие формы и направления. Что касается отношений США и Китая и их противоборства, то Сингапур, тесно связанный с этими странами, сохраняет позицию нейтралитета [Shangri-La Dialogue: Fundamental…, 2019].

Таким образом, строительство политического взаимодоверия между Китаем и Сингапуром по-прежнему является долгим и трудным делом. В будущем Китай может продолжать укреплять дипломатический диалог через экономическое сотрудничество, расширять каналы коммуникации, накапливать стратегическое взаимодоверие и способствовать переходу китайско-сингапурских отношений от «экономической горячей фазы» к «политическому теплу».

3.2. Культурное взаимное обогащение

Большинство сингапурских китайцев ведут свою родословную из южных регионов Китая [Сингапур. Культурный путеводитель…, 2016], что создаёт глубокую историческую связь с китайской культурой. Хотя две страны объединяют богатые культурные традиции, двусторонние культурные обмены демонстрируют яркую особенность — «поверхностное процветание при глубинной отчуждённости». Общий язык и исторические традиции создают естественный мост для культурного обмена: путунхуа, являясь одним из официальных языков Сингапура, способствует распространению китайских фильмов и сериалов на языке оригинала; популярность TikTok и WeChat значительно усиливает повседневный культурный контакт и взаимодействие между гражданами двух стран; кроме того, создание Институтов Конфуция и классов Конфуция не только предоставляет сингапурскому обществу систематизированную сеть для изучения китайского языка, но и предлагает официальные каналы для знакомства с китайской культурой.

CC BY

Однако на уровне культурной идентичности традиционные праздники и обычаи в Сингапуре претерпели значительную локальную трансформацию. Хотя Праздник Весны и Праздник середины осени являются общим культурным наследием двух стран, они приобрели яркий южноазиатский колорит — например, «карри-лунные пирожные» (традиционное лакомство «лунные пряники») приобрели статус сезонного гастрономического тренда, а электронная музыка стала исполняться на одной сцене с традиционным танцем льва. За этим культурным смешением стоит смена ценностных ориентиров молодого поколения: исследования показывают, что лишь относительно небольшая доля сингапурской молодёжи сохраняет сильную идентификацию с китайской культурой, в то время как интерес к другим популярным культурам (например, корейской волне) является значительным.

Помимо этого, правительством Сингапура крайне негативно воспринимаются попытки китайских властей рассматривать Сингапур как часть «китайской нации» [Singapore–China relations…, 2016]. Однако многие китайские политологи относят Сингапур к «Большому Китаю» (помимо самого Китая, Тайваня, Гонконга и Макао), как и другие страны региона, где многочисленна китайская диаспора [Мосяков, 2012, с. 22].

Очевидно, что Китай и Сингапур обладают естественными преимуществами для культурного сотрудничества. В будущем две страны могут углубить сотрудничество в таких сферах, как традиционная культура, молодёжные обмены, образование и преподавание, сформировать более устойчивую и долговечную новую архитектуру культурного диалога и вывести двустороннее культурное взаимодействие на новый уровень.

3.3. Сотрудничество в сфере высшего образования

В XXI веке в условиях глобализации и интернационализации высшего образования сотрудничество в сфере высшего образования становится все более интенсивным. Сингапур как крупнейший образовательный центр со своими образовательными ресурсами, естественно, привлек внимание китайских образовательных организаций.

В 1999 году был подписан Меморандум о взаимопонимании по образовательному обмену между Министерствами образования двух стран сроком на 3 года с дальнейшим продлением. В нем были обозначены и стандартизированы основные направления сотрудничества в течение срока действия меморандума, а именно:

— обмен делегациями, студенческий обмен (обмены 10 студентами ежегодно, обучающихся в рамках стипендиальной годовой программы);

— обмен преподавателями и обучение языкам (Сингапур предоставляет 35 преподавателей английского языка в китайские университеты, в то время как Китай оказывает содействие в преподавании китайского языка);

CC BY

— академический обмен и сотрудничество университетов (обмены учебной и научно-исследовательской информацией, проведение научных мероприятий, создание совместных университетских программ) [Меморандум о взаимопонимании …, 1999].

Важность сотрудничества в сфере образования была подчеркнута и в таких документах, как Совместное заявление о двустороннем сотрудничестве между Правительством Китайской Народной Республики и Правительством Республики Сингапур (2000 год) [Совместное заявление …, 2000], Совместное заявление о создании всестороннего сотрудничества и партнерства в ногу со временем (2015 год) [Совместное заявление …, 2015], Совместное заявление правительств (2018 год) [Совместное заявление …, 2018].

Одним из ключевых направлений сотрудничества в сфере образования двух стран являются совместные образовательные учреждения и программы подготовки специалистов разных областей. Несмотря на то, что официально созданных совместных образовательных организаций нет, есть яркие примеры сотрудничества университетов.

В 2015 году было подписано три меморандума о взаимопонимании между шестью университетами Китая и Сингапура с целью развития сотрудничества в области обмена студентами, преподавателями, а также для проведения совместных исследований и разработок: Национальный университет Сингапура (NUS) и Университет Цинхуа, Наньянский технологический университет (NTU) и Пекинский университет, а также Сингапурский университет технологии и дизайна (SUTD) и Чжэцзянский университет [Singapore and the People's Republic…, 2015].

Партнерство Национального университета Сингапура и Университета Цинхуа сосредоточено в основном на таких областях, как аналитика данных и искусственный интеллект, урбанистика и здравоохранение. Начиная с 2009 года организуется студенческий обмен (около 100 студентов из Сингапура и 80 студентов из Китая обучались по разным программам подготовки), а также университетом Сингапура в Китае запущена программа «Зарубежные школы», в которой более 30 студентов из Сингапура заочно проходили обучение по предпринимательству в Школе экономики и менеджмента Университета Цинхуа.

Кафедрой архитектуры Национального университета Сингапура и Школой архитектуры Университета Цинхуа была создана исследовательская дизайн-студия о городах совместного пользования (NT-DRISC). Основной целью студии стало объединение ученых, студентов и других экспертов для изучения новых практик совместного использования пространства и специализированных типологий городских пространств [NUS-Tsinghua Joint Design…, 2021].

CC BY

В мае 2010 года появился научно-исследовательский центр NExT для анализа гетерогенных данных и исследований в области больших данных и искусственного интеллекта. Считается одним из первых центров по аналитике больших данных [Research overview].

В 2023 году сотрудничество двух университетов расширилось за счет создания новой программы в сфере здравоохранения (на базе двух Школ общественного здравоохранения) для содействия совместным исследованиям и разработкам [Memorandum of Understanding…, 2023]. За 3 года существования программы более 70 студентов прошли краткосрочные клинические стажировки в больницах, связанных с проектом [Tsinghua Medicine Hosts…, 2025].

Исследовательское сотрудничество Сингапурского университета технологии и дизайна (SUTD) с Чжэцзянским университетом (ZJU) началось еще в 2010 году. Оно охватывает такие направления, как образование (преподавание факультативных дисциплин), исследования (в области энергетики, охраны окружающей среды, здравоохранения и транспорта), а также студенческий обмен (15-недельная программа обмена для 100 студентов из SUTD и 50 студентов из ZJU).

В настоящее время известно о 74 реализованных и продолжающихся проектах, инициированных совместно преподавателями и студентами двух университетов в рамках грантов [SUTD-ZJU Research Collaboration...]. Помимо этого, в 2017 году был создан Альянс инноваций, дизайна и предпринимательства (STUD-ZJU (IDEA), который управляет исследовательскими программами и проектами, а также содействует обмену студентами и преподавателями.

В 2018 году Наньянским технологическим университетом и Пекинским университетом образована двуязычная программа двойной магистратуры. Студентам предлагается 4 специализированные магистерские программы (финансы, страхование, налогообложение и международный бизнес). По их окончании выпускникам будут присвоены степени магистра двух университетов. Каждый год предоставляется 10 мест на обучение [PKU and Nanyang…, 2018].

Помимо этого, Наньянский технологический университет участвует в масштабном проекте «Город знаний Гуанчжоу — Китай и Сингапур» (SSGKC). Это научно-исследовательский кластер, целью которого является развитие инноваций и обмена знаниями между двумя странами. Основные направления исследований: информационные и коммуникационные технологии, здравоохранение, новая энергетика, умные города, защита окружающей среды.

Оценивая результативность имеющихся проектов и программ сотрудничества, можно сделать вывод, что обе страны получают выгоду от такого

CC BY

партнерства: Китай получает доступ к передовым международным образовательным моделям, а Сингапур усиливает свой научный потенциал и доступ к китайскому рынку студентов и другим исследовательским ресурсам.

Однако, несмотря на впечатляющие достижения двусторонних отношений, сотрудничество сталкивается с рядом глубинных проблем и противоречий.

Наиболее очевидной является проблема дисбаланса мобильности студентов. Число китайских студентов, выбирающих Сингапур для получения образования, многократно превышает число сингапурских в Китае, о чем сообщали местные СМИ Сингапура [China Power…, 2025]. Помимо этого, такая «экспансия» создает напряжение в студенческой среде. Второй существенной проблемой является ограниченность работы и влияния названных научных и исследовательских центров. Результаты и достижения этих совместных организаций остаются в рамках этой узкой академической и профессиональной группы, не оказывая воздействия на образовательные системы.

В целом, Китай использует передовой опыт сингапурской модели образования, что модернизирует его собственную систему. Совместные образовательные программы, а также создание научно-исследовательских организаций по ключевым направлениям способствуют повышению качества подготовки высококвалифицированных кадров и уровня образования в целом.

3.4. Сотрудничество в области безопасности

В последние годы Китай и Сингапур путём создания механизмов высокоуровневого военного диалога и продвижения регулярных совместных морских учений вывели двустороннее оборонное сотрудничество на новый стратегический уровень. Такой институционализированный режим сотрудничества в сфере безопасности не только значительно повысил способность двух армий к совместным операциям, но и внес существенный вклад в поддержание безопасности и стабильности в Южно-Китайском море и прилегающих акваториях. Официальный представитель Министерства обороны КНР У Цянь заявил, что проведение совместных морских учений между армиями Китая и Сингапура способствует дальнейшему укреплению взаимного доверия и дружбы, а также содействует прагматическому обмену и сотрудничеству между двумя вооружёнными силами [Совместные морские учения…, 2015].

Тем не менее при более глубоком рассмотрении становится очевидным, что военное сотрудничество между Китаем и Сингапуром по-прежнему имеет явные ограничения, например, по частоте взаимодействия: согласно открытым отчётам, в 2024 году было проведено лишь одно совместное

CC BY

учение Китая и Сингапура («Кооперация-2024» — сухопутные совместные учения), что составляет разительный контраст с двумя учениями Китая и Таиланда «Штурм-2024» и «Удар орла-2024», проведенными в августе и октябре [China-Thailand "Falcon…, 2024], [China-Thailand Commando…, 2024], а также многонациональные учения Таиланда «Cobra Gold 2024», в которых помимо военнослужащих НОАК приняли участие военнослужащие Республики Корея и США [Cobra Gold, 2024].

По содержанию сотрудничество в основном сосредоточено в сферах нетрадиционной безопасности, таких как морские удары, морское снабжение, совместные поисково-спасательные операции, инспекция и задержание судов, и ещё не распространилось на ключевые вопросы традиционной безопасности, такие как противоракетная оборона или совместная ПВО. Коренная причина такой ситуации заключается в выборе Сингапура в области стратегии безопасности — углублении оборонного партнерства с США в Индо-Тихоокеанском регионе, включая масштабные закупки передовых американских систем вооружений, таких как F-35, а также предоставление военно-морской базой Чанги условий для захода и логистической поддержки американских кораблей [Singapore].

На более глубоком уровне существует структурное противоречие между концепцией «всеобъемлющей безопасности», продвигаемой Китаем, которая отражает идеи общей, совместной и устойчивой безопасности, и зависимостью Сингапура от «американской системой безопасности». Это противоречие особенно ярко проявилось в участии Сингапура в 2023 году в совместных ежегодных учениях США и ряда стран Юго-Восточной Азии CARAT. Их масштаб и направленность выходят далеко за рамки сотрудничества Китая и Сингапура в области нетрадиционной безопасности. Такое различие не только отражает фундаментальные расхождения в подходах двух стран к безопасности, но и создаёт потенциальные ограничения для углубления развития оборонных отношений между Китаем и Сингапуром.

Однако, несмотря на такие тесные отношения, Сингапур не стремится стать частью сил США по сдерживанию Китая в регионе [Якова, 2025, с. 232]. Это подтверждается отсутствием установления статуса «официального союзника», несмотря на имеющиеся соглашения.

4. Заключение = Conclusions

Подводя итог, можно заключить, что китайско-сингапурские отношения находятся на ключевом этапе развития, характеризующемся как возможностями, так и вызовами. Внешняя политика Китая в отношении Сингапура демонстрирует ярко выраженные особенности: «высокая экономическая зависимость при слабом политическом диалоге, активное культур-

ное взаимодействие при недостаточной идентификации, поверхностный характер сотрудничества в сфере безопасности».

В экономической области достигнуты многочисленные результаты, и это можно назвать главным вектором сотрудничества и фундаментом отношений двух стран. С 2013 года Китай является крупнейшим торговым партнером Сингапура, а Сингапур в свою очередь — крупнейшим инвестором.

Однако тесные экономические связи не влияют на политическую обстановку и решения правительства Сингапура по важным для них вопросам. Это подтверждается позицией по арбитражу в Южно-Китайском море, выбором поставщика сетей 5G и в целом политикой «осторожного сотрудничества». Сингапур использует стратегию баланса между КНР и США, которые имеют конкурирующее влияние в регионе.

Культурные обмены являются активными, но ещё не трансформировались в ценностную общность, сохраняется напряжение и дисбаланс мобильности: поток студентов из КНР в Сингапур многократно превышает обратный.

Сотрудничество в сфере безопасности носит скорее «символический» характер, что указывает на противоречия между китайской политикой «всеобъемлющей безопасности» и зависимостью Сингапура от США.

Несмотря на существующие многослойные вызовы, авторы считают, что двусторонние отношения по-прежнему обладают значительным потенциалом для развития и возможностями для совершенствования. Путем разработки новых форм сотрудничества, модернизации институциональных механизмов и проявления стратегического терпения Китай способствует переходу отношений на уровень всесторонней, многоуровневой и масштабной интеграции.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Культурный* путеводитель Банка Китая по странам инициативы «Пояс и путь». — Пекин : Издательство социальных наук и академической литературы. 2016. — 123 с. (新加坡（文化中行：“一带一路”国别文化手册）。北京：中国银行股份有限公司 社会科学文献出版社，2016. 123 p).

2. *Меморандум* о взаимопонимании об образовательном обмене и сотрудничестве между Министерством образования Республики Сингапур и Министерством образования Китайской Народной Республики [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики. — 23 июня 1999. — Режим доступа : https://

www.mfa.gov.cn/ziliao_674904/tytj_674911/tyfg_674913/200203/t20020321_7949395.shtml (дата обращения 20.11.2025) (新加坡共和国教育部与中华人民共和国教育部教育交流与合作备忘录 // 中华人民共和国外交部. URL: https://www.mfa.gov.cn/ziliao_674904/tytj_674911/tyfg_674913/200203/t20020321_7949395.shtml).

3. *Отношения* между Китаем и Сингапуром. [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики. — Режим доступа : https://www.mfa.gov.cn/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_677076/sbgx_677080 (дата обращения 20.11.2025). (中国同新加坡的关系 // 中华人民共和国外交部. URL: https://www.mfa.gov.cn/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_677076/sbgx_677080/).

4. *Сингапурское* чудо : Ли Куан Ю. — Москва : Изд-во АСТ, 2016. — 288 с. — ISBN 978-5-17-087995-3.

5. *Совместное* заявление Китайской Народной Республики и Республики Сингапур о создании всестороннего партнёрства в темпе времени (полный текст) [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики. — 7 ноября 2015. — Режим доступа : https://www.mfa.gov.cn/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_677076/1207_677088/201511/t20151107_8005152.shtml (дата обращения 20.11.2025). (中华人民共和国和新加坡共和国关于建立与时俱进的全方位合作伙伴关系的联合声明（全文）// 中华人民共和国外交部. URL: https://www.mfa.gov.cn/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_677076/1207_677088/201511/t20151107_8005152.shtml).

6. *Совместное* заявление о двустороннем сотрудничестве. [Электронный ресурс] // Центральное народное правительство Китайской Народной Республики. — 11 апреля 2000. — Режим доступа : https://www.gov.cn/gongbao/content/2000/content_60155.htm (дата обращения 20.11.2025). (关于双边合作的联合声明 // 中华人民共和国中央人民政府. URL: https://www.gov.cn/gongbao/content/2000/content_60155.htm).

7. *Совместное* заявление правительств Китайской Народной Республики и Республики Сингапур (полный текст). [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики. — 15 ноября 2018. — Режим доступа : https://www.mfa.gov.cn/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_677076/1207_677088/201811/t20181115_8005153.shtml (дата обращения 20.11.2025). (中华人民共和国和新加坡共和国政府联合声明（全文）// 中华人民共和国外交部. URL: https://www.mfa.gov.cn/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_677076/1207_677088/201811/t20181115_8005153.shtml).

8. *Совместные* морские учения «Китайско-сингапурское сотрудничество-2025» усиливают возможности двух вооружённых сил. [Электронный ресурс] // Министерство обороны Китайской Народной Республики. — 15 мая 2015. — Режим доступа : http://www.mod.gov.cn/gfbw/qwfb/16386201.html (дата обращения 20.11.2025) (“中新合作-2025”海上联合演习提升两军海上联合行动能力 // 中华人民共和国国防部. URL: http://www.mod.gov.cn/gfbw/qwfb/16386201.html).

9. *China* Power: Washington’s loss, Beijing’s gain as Chinese students shun the US for Southeast Asia? [Electronic resource] // Channel news Asia. — 16 April 2025. — Access mode : https://www.channelnewsasia.com/east-asia/chinese-students-in-southeast-asia-boost-beijing-soft-power-5066591 (accessed 17.11.2025).

10. *China-Thailand* “Falcon Strike 2024” joint air force training exercise concludes successfully. [Electronic resource] // Ministry of National Defense. — 30 august 2024. — Access mode : http://eng.mod.gov.cn/xb/News_213114/TopStories/16334821.html (accessed 17.11.2025).

11. *China-Thailand* Commando 2024 joint army training wraps up [Electronic resource] // Ministry of National Defense. — 28 October 2024. — Access mode : http://eng.mod.gov.cn/xb/News_213114/TopStories/16347952.html (accessed 17.11.2025).

11. *Cobra* Gold 2024. [Electronic resource] // Indo-Pacific Defense FORUM. — 26 August 2024. — Access mode : https://ipdefenseforum.com/2024/08/cobra-gold-2024/ (accessed 17.11.2025).

12. *Memorandum* of Understanding Signed to Further Collaboration with Tsinghua University Vanke School of Public Health [Electronic resource] // Saw Swee Hock School of Public Health. — 2 May 2023. — Access mode : https://sph.nus.edu.sg/news/memorandum-of-understanding-signed-to-further-collaboration-with-tsinghua-university-vanke-school-of-public-health (accessed 18.11.2025).

13. *NUS-Tsinghua* Joint Design Studio on Sharing Cities [Electronic resource] // College of Design and Engineering. — 2021. — Access mode : https://cde.nus.edu.sg/arch/news_and_events/news_ay2021_zhang_ye_teach_learn_sharing_cities_220121/#:~:text=AUTHOR&text=Sponsored%20by%20Ng%20Teng%20Fong,and%20promote%20meaningful%20sharing%20activities (accessed 18.11.2025).

14. *PKU and Nanyang* Technological University signs an agreement on Double Masters Programme [Electronic resource] // Peking University — 28 May 2018. — Access mode : https://english.pku.edu.cn/news_events/news/focus/7277.html (accessed 17.11.2025).

15. *Research* overview [Electronic resource] // NExT. — Access mode : https://www.nextcenter.org/research (accessed 18.11.2025).

16. *Shangri-La Dialogue :* Fundamental problem between US and China is 'mutual lack of strategic trust', says Lee Hsien Loong [Electronic resource] // The Straits Times. — 31 may 2019. — Access mode : https://www.straitstimes.com/politics/fundamental-problem-between-us-and-china-is-mutual-lack-of-strategic-trust-pm-lee-hsien (accessed 19.11.2025).

17. *Singapore* and the People's Republic of China universities to strengthen educational and research collaborations. [Electronic resource] // Nanyang Technological University (Singapore). — 7 December 2015. — Access mode : https://www.ntu.edu.sg/rose/news-events/news/detail/singapore-and-the-people's-republic-of-china-universities-to-strengthen-educational-and-research-collaborations (accessed 18.11.2025).

18. *Singapore* Decides on 5G Networks : Is Huawei Banned? [Electronic resource] // The Diplomat. — 2020. — Access mode : https://thediplomat.com/2020/07/singapore-decides-on-5g-networks-is-huawei-banned/#:~:text=In%20conclusion%2C%20Singapore%20did%20not,being%20an%20agent%20of%20influence (accessed 19.11.2025).

19. *Singapore* [Electronic resource] // Naval Sea System Commad. — Access mode : https://www.navsea.navy.mil/Home/RMC/SRF-JRMC/Organization/Singapore/#:~:text=Unlike%20other%20locations%20in%20the,U.S.%20military%20base%20in%20Singapore (accessed 17.11.2025).

20. *Singapore–China* relations : past, present, and future [Electronic resource] // National University of Singapore. — 15 March 2016. — Access mode : https://tembusu.nus.edu.sg/news/2016/professor-tommy-koh-singapore-china-relations-past-present-and-future/ (accessed 18.11.2025).

21. *SUTD-ZJU* Research Collaboration Grant [Electronic resource] // Singapore University of Technology and Design. — Access mode : https://www.sutd.edu.sg/research/research-programmes-fellowships/sutd-zju-research-collaboration/#:~:text=SUTD%2DZJU%20IDEA%20Grant%20for,Design%20Intelligence (accessed 17.11.2025).

22. *Transcript* of Second Minister for Trade and Industry Dr Tan See Leng and Minister for Foreign Affairs Dr Vivian Balakrishnan's Oral Reply to Supplementary Questions [Electronic resource] // Ministry of Trade and Industry. — 18 February 2025. — Access mode : https://www.mti.gov.sg/newsroom/transcript-of-second-minister-for-trade-and-industry-dr-tan-see-leng-and-minister-for-foreign/ (accessed 19.11.2025).

23. *Tsinghua* Medicine Hosts 12 Medical Students from Singapore for International Medical Exchange. [Electronic resource] // Tsinghua Medicine. — 28 March 2025. — Access mode : https://www.med.tsinghua.edu.cn/en/info/1036/2456.htm (accessed 18.11.2025).

Литература

1. *Анализ* научно-технического потенциала Китая и Сингапура. Инновации (НТИ) и сотрудничество с аналитической точки зрения. Оценка научно-технического потенциала / Шэнь Юньи, Мэн Фаньчао, Хань Бинян, Жэнь Сяопин // Мировые научно-технические исследования и разработки. — 2024. — № 46 (5). — С. 664—676. (沈云怡. 从科技评估视角分析中国与新加坡科技创新实力及合作现状 / 沈云怡, 孟繁超, 韩炳阳, 任孝平 // 世界科技研究与发展. — 2024. — V. 46(5). 页. 664–676).

2. *Астафьева Е. М.* Сингапур и КНР : перешагнув 30-летний рубеж установления дипломатических отношений / Е. М. Астафьева // Юго-Восточная Азия : актуальные проблемы развития. — 2021. — Т. IV. — № 4 (53). — С. 132—146.

3. *Бобыло А. М.* Политика интернационализации высшего образования в странах АТР как инструмент «Мягкой силы» (на примере США, КНР, Сингапура и РФ) / А. М. Бобыло // Ойкумена. Регионоведческие исследования. — 2017. — № 1 (40). — С. 18—29.

4. *Дин Жуйчан.* Обзор и перспективы китайско-сингапурского образовательного обмена и сотрудничества в рамках инициативы «Один пояс, один путь» / Дин Жуйчан, Сюй Жулинь // Сравнительные исследования в области образования. — 2020. — № 12. — С. 30—37 (丁瑞常. “一带一路”倡议下中新教育交流合作回顾与前瞻 / 丁瑞常, 徐如霖 // 比较教育研究. — 2020. — V. 42. — №371(12). — 页. 30–37).

5. *История* Китая с древнейших времен до начала XXI века в 10 томах. Тайвань, Сянган (Гонконг), Аомэнь (Макао), зарубежная китайская диаспора / А. Л. Верченко, Л. М. Гудошников, А. А. Козлов и др. — Москва : Наука, 2014. — 764 с. — ISBN 978-5-02-038486-6.

6. *Канаев Е. А.* Азиатско-тихоокеанские системы безопасности : динамика и факторы развития / Е. А. Канаев, Лю Синтао // Юго-Восточная Азия : актуальные проблемы развития. — 2022. — Т. 2. — № 2 (55). — С. 11—25. — DOI: 10.31696/2072-8271-2022-2-2-55-011-025.

7. *Ларин А. Г.* Мировая китайская диаспора и новая миграционная концепция России / А. Г. Ларин // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. — 2013. — Выпуск XVIII. — С. 193—222.

8. *Лицарева Е. Ю.* «Мягкая инфраструктура» Тайваня, Республики Корея и Сингапура в области науки и образования по привлечению человеческих ресурсов / Е. Ю. Лицарева // Вестн. том. гос. ун-та. — 2017. — № 421. — С. 133—143.

9. *Лукин А.* Между Вашингтоном и Пекином : что ждет азиатско-тихоокеанские альянсы США? / А. Лукин, С. Коротич // Мировая экономика и международные отношения. — 2017. — Т. 61. — № 4. — С. 5—15. — DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-4-5-15

10. *Мосяков Д. В.* Политика Китая в Юго-Восточной Азии : от прошлого к настоящему / Д. В. Мосяков. — Москва : Институт востоковедения РАН, 2012. — 220 с. — ISBN 978-5-89282-512-2.

11. *Муратшина К. Г.* Сотрудничество Китая со странами ЮВА в сфере образования как проявление политики «Мягкой силы» и средство решения ключевых внешнеполитических задач / К. Г. Муратшина, А. Е. Иванова // Юго-Восточная Азия : актуальные проблемы развития. — 2017. — № 35. — С. 58—69.

12. *Мусиенко Т. В.* Стратегический регион Юго-Восточной Азии : формирование архитектуры безопасности / Т. В. Мусиенко, В. Н. Лукин, А. В. Матвеев // Евразийская интеграция : экономика, право, политика. — 2021. — № 15 (4). — С. 122—133. — DOI: 10.22394/2073-2929-2021-04-122-133.

13. *Новикова Е. В.* Социо-культурный облик современной китайской диаспоры Малайзии и Сингапура / Е. В. Новикова // Юго-Восточная Азия : актуальные проблемы развития. — 2008. — № 11. — С. 193—205.

14. *Сюй Синьюй.* Исследование торговли между Китаем и Сингапуром / Сюй Синьюй // Территория науки и образования. — 2025 — № 7 — С. 30—32.

15. *Титович А. М.* Дискурс внешнеполитической стратегии Республики Сингапур в сфере обеспечения региональной безопасности во второй половине 2010-х гг. / А. М. Титович // Новизна. Эксперимент. Традиции. — 2020. — № 6 (1). — С. 64—73.

16. *У Цяньцзинь.* Развитие гражданских отношений между Китаем и Сингапуром с 1990 г. / У Цяньцзинь // Социальные науки. — 2006. — Т. 10. — С. 83—91. (吴前进. 1990年以来中国一新加坡民间关系的发展 / 吴前进 // 社会 科学. 2006年. — 第10期. — 页. 83–91.)

17. *Фан Лэй.* Новые китайские мигранты в Сингапуре. Дилемма идентичности и подход к управлению / Фан Лэй // Международный журнал китаеведения. — 2013. — № 5. — Т. 2. — С. 23—43. (范磊. 新加坡的中国新移民 认同困境与治理路径 / 范磊 // 华人研究国际学报. — 2013年. — 第五卷. — 第二期. — 页23–43).

18. *Чжан Бинь.* Сравнительный анализ результатов модернизации крупнейших экономик азиатских стран / Чжан Бинь // Экономическая наука сегодня. — 2018. — № 7. — С. 270—284.

19. *Якова Т. С.* Территориальные споры в Южно-китайском море в фокусе медиагеографии / Т. С. Якова // Власть. — 2025. — № 6. — С. 229—236.

20. *Ying Jian.* Current Situation and Potential of RMB. Use in Southeast Asia and the Role of Hong Kong / Ying Jian // Economic review (a monthly issue). Bank of China. Hong Kong Financial Research Institute. — 2024. — Issue 12. — Pp. 2—7.

Статья поступила в редакцию 06.01.2026,
одобрена после рецензирования 19.02.2026,
подготовлена к публикации 10.04.2026.

Material resources

China Power: Washington's loss, Beijing's gain as Chinese students shun the US for Southeast Asia? (2025). *Channel news Asia. 16 April.* Available at: https://www.channelnewsasia.com/east-asia/chinese-students-in-southeast-asia-boost-beijing-soft-power-5066591 (accessed 17.11.2025).

China-Thailand "Falcon Strike 2024" joint air force training exercise concludes successfully. (2024). *Ministry of National Defense. 30 august.* Available at: http://eng.mod.gov.cn/xb/News_213114/TopStories/16334821.html (accessed 17.11.2025).

China-Thailand Commando 2024 joint army training wraps up. (2024). *Ministry of National Defense. 28 October.* Available at: http://eng.mod.gov.cn/xb/News_213114/TopStories/16347952.html (accessed 17.11.2025).

Cobra Gold 2024. (2026). *Indo-Pacific Defense FORUM. 26 August*. Available at: https://ipdefenseforum.com/2024/08/cobra-gold-2024/ (accessed 17.11.2025).

Joint statement by the Governments of the People's Republic of China and the Republic of Singapore (full text). (2018). *Ministry of Foreign Affairs of the People's Repub-*

lic of China. November 15. Available at: https://www.mfa.gov.cn/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_677076/1207_677088/201811/t20181115_8005153.shtml (accessed 20.11.2025). (In Chin.).

Joint statement of the People's Republic of China and the Republic of Singapore on the creation of a comprehensive partnership at the pace of time (full text). (2015). *Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. November 7.* Available at: https://www.mfa.gov.cn/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_677076/1207_677088/201511/t20151107_8005152.shtml (accessed 20.11.2025). (In Chin.).

Joint statement on bilateral cooperation. (2000). *Central People's Government of the People's Republic of China. April 11.* Available at: https://www.gov.cn/gongbao/content/2000/content_60155.htm (accessed 20.11.2025). (In Chin.).

Memorandum of Understanding on Educational Exchange and Cooperation between the Ministry of Education of the Republic of Singapore and the Ministry of Education of the People's Republic of China. (1999). *Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. June 23.* Available at: https://www.mfa.gov.cn/ziliao_674904/tytj_674911/tyfg_674913/200203/t20020321_7949395.shtml (accessed 20.11.2025). (In Chin.).

Memorandum of Understanding Signed to Further Collaboration with Tsinghua University Vanke School of Public Health. (2023). *Saw Swee Hock School of Public Health. 2 May.* Available at: https://sph.nus.edu.sg/news/memorandum-of-understanding-signed-to-further-collaboration-with-tsinghua-university-vanke-school-of-public-health (accessed 18.11.2025).

NUS-Tsinghua Joint Design Studio on Sharing Cities. (2021). *College of Design and Engineering.* Available at: https://cde.nus.edu.sg/arch/news_and_events/news_ay2021_zhang_ye_teach_learn_sharing_cities_220121/#:~:text=AUTHOR&text=Sponsored%20by%20Ng%20Teng%20Fong,and%20promote%20meaningful%20sharing%20activities (accessed 18.11.2025).

PKU and Nanyang Technological University signs an agreement on Double Masters Programme. (2018). *Peking University. 28 May.* Available at: https://english.pku.edu.cn/news_events/news/focus/7277.html (accessed 17.11.2025).

Relations between China and Singapore. *Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China.* Available at: https://www.mfa.gov.cn/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_677076/sbgx_677080 (accessed 20.11.2025). (In Chin.).

Research overview. *NExT.* Available at: https://www.nextcenter.org/research (accessed 18.11.2025).

Shangri-La Dialogue: Fundamental problem between US and China is 'mutual lack of strategic trust', says Lee Hsien Loong. (2019). *The Straits Times. 31 may.* Available at: https://www.straitstimes.com/politics/fundamental-problem-between-us-and-china-is-mutual-lack-of-strategic-trust-pm-lee-hsien (accessed 19.11.2025).

Singapore and the People's Republic of China universities to strengthen educational and research collaborations. (2015). *Nanyang Technological University (Singapore). 7 December.* Available at: https://www.ntu.edu.sg/rose/news-events/news/detail/singapore-and-the-people's-republic-of-china-universities-to-strengthen-educational-and-research-collaborations (accessed 18.11.2025).

Singapore Decides on 5G Networks: Is Huawei Banned? (2020). *The Diplomat.* Available at: https://thediplomat.com/2020/07/singapore-decides-on-5g-networks-is-huawei-banned/#:~:text=In%20conclusion%2C%20Singapore%20did%20not,being%20an%20agent%20of%20influence (accessed 19.11.2025).

Singapore Miracle: Lee Kuan Yu. (2016). Moscow: Publishing House AST. 288 p. ISBN 978-5-17-087995-3. (In Russ.).

Singapore. *Naval Sea System Commad.* Available at: https://www.navsea.navy.mil/Home/RMC/SRF-JRMC/Organization/Singapore/#:~:text=Unlike%20other%20locations%20in%20the,U.S.%20military%20base%20in%20Singapore (accessed 17.11.2025).

Singapore–China relations: past, present, and future. (2016). *National University of Singapore. 15 March.* Available at: https://tembusu.nus.edu.sg/news/2016/professor-tommy-koh-singapore-china-relations-past-present-and-future/ (accessed 18.11.2025).

SUTD-ZJU Research Collaboration Grant. *Singapore University of Technology and Design.* Available at: https://www.sutd.edu.sg/research/research-programmes-fellowships/sutd-zju-research-collaboration/#:~:text=SUTD%2DZJU%20IDEA%20Grant%20for,Design%20Intelligence (accessed 17.11.2025).

The Bank of China's Cultural Guide to Belt and Road Countries. (2016). Beijing: Publishing House of Social Sciences and Academic Literature. 123 p. (In Chin.).

The Sino-Singapore Cooperation 2025 joint naval exercises strengthen the capabilities of the two armed forces. (2015). *Ministry of Defense of the People's Republic of China. May 15.* Available at: http://www.mod.gov.cn/gfbw/qwfb/16386201.html (accessed 20.11.2025). (In Chin.).

Transcript of Second Minister for Trade and Industry Dr Tan See Leng and Minister for Foreign Affairs Dr Vivian Balakrishnan's Oral Reply to Supplementary Questions. (2025). *Ministry of Trade and Industry. 18 February.* Available at: https://www.mti.gov.sg/newsroom/transcript-of-second-minister-for-trade-and-industry-dr-tan-see-leng-and-minister-for-foreign/ (accessed 19.11.2025).

Tsinghua Medicine Hosts 12 Medical Students from Singapore for International Medical Exchange. (2025). *Tsinghua Medicine. 28 March.* Available at: https://www.med.tsinghua.edu.cn/en/info/1036/2456.htm (accessed 18.11.2025).

References

Astafieva, E. M. (2021). Singapore and the PRC: stepping over the 30-year milestone of establishing diplomatic relations. *Southeast Asia: pressing development problems, IV / 4 (53):* 132—146. (In Russ.).

Bobylo, A. M. (2017). The policy of internationalization of higher education in the Asia-Pacific countries as an instrument of "Soft Power" (on the example of the USA, China, Singapore and the Russian Federation). *Oykumena. Regional studies, 1 (40):* 18—29. (In Russ.).

Ding Ruichang., Xu Zhulin. (2020). Overview and perspectives on Sino-Singaporean educational exchange and cooperation under the Belt and Road Initiative. *Comparative Studies in Education, 12:* 30—37 (In Chin.).

Fan Lay. (2013). New Chinese migrants in Singapore. Identity dilemma and management approach. *International Journal of Chinese Studies, 5 (2):* 23—43. (In Chin.).

Jacob, T. S. (2025). Territorial disputes in the South China Sea in the focus of media geography. *Power, 6:* 229—236. (In Russ.).

Kanaev, E. A., Liu Xingtao. (2022). Asia-Pacific Security Systems: Dynamics and Development Factors. Southeast Asia: Pressing Development Problems, 2 / 2 (55): 11—25. DOI: 10.31696/2072-8271-2022-2-2-55-011-025. (In Russ.).

Larin, A. G. (2013). The world Chinese diaspora and the new migration concept of Russia. *China in world and regional politics. History and modernity, XVIII:* 193—222. (In Russ.).

Litsareva, E. Yu. (2017). "Soft infrastructure" of Taiwan, the Republic of Korea and Singapore in the field of science and education to attract human resources. *Vestn. volume. state university, 421:* 133—143. (In Russ.).

Lukin, A., Korotich, S. (2017). Between Washington and Beijing: what awaits the Asian-Pacific alliances of the United States? *World Economy and International Relations, 61 (4):* 5—15. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-4-5-15. (In Russ.).

Mosyakov, D. V. (2012). *China's policy in Southeast Asia: from the past to the present.* Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. 220 p. ISBN 978-5-89282-512-2. (In Russ.).

Muratshina, K. G., Ivanova, A. E. (2017). China's cooperation with Southeast Asian countries in the field of education as a manifestation of the Soft Power policy and a means of solving key foreign policy problems. *Southeast Asia: topical development problems, 35:* 58—69. (In Russ.).

Musienko, T. V., Lukin, V. N., Matveev, A. V. (2021). Strategic region of Southeast Asia: the formation of a security architecture. *Eurasian integration: economy, law, politics, 15 (4):* 122—133. DOI: 10.22394/2073-2929-2021-04-122-133. (In Russ.).

Novikova, E. V. (2008). Socio-cultural appearance of the modern Chinese diaspora of Malaysia and Singapore. *Southeast Asia: current development problems, 11:* 193—205. (In Russ.).

Shen Yunyi., Meng Fanchao., Han Bingyang., Ren Xiaoping. (2024). Analysis of the scientific and technological potential of China and Singapore. Innovation (NTI) and collaboration from an analytical perspective. Assessment of scientific and technical potential. *World scientific and technical research and development, 46 (5):* 664—676. (In Chin.).

The history of China from ancient times to the beginning of the XXI century. In 10 tons. Taiwan, Hong Kong (Hong Kong), Macau, foreign Chinese diaspora. (2014). Moscow: Nauka. 764 p. ISBN 978-5-02-038486-6. (In Russ.).

Titovich, A. M. (2020). Discourse of the foreign policy strategy of the Republic of Singapore in the field of ensuring regional security in the second half of the 2010s. *Novelty. Experiment. Traditions, 6 (1):* 64—73. (In Russ.).

Wu Qianjin. (2006). Development of civil relations between China and Singapore since 1990. *Social Sciences, 10:* 83—91. (In Chin.).

Xu Xinyu. (2025). A study of trade between China and Singapore. *Territory of Science and Education, 7:* 30—32. (In Russ.).

Ying Jian. (2024). Current Situation and Potential of RMB. Use in Southeast Asia and the Role of Hong Kong. Economic review (a monthly issue). *Bank of China. Hong Kong Financial Research Institute, 12:* 2—7.

Zhang Bin. (2018). Comparative analysis of the results of modernization of the largest economies in Asian countries. *Economic Science Toda, 7:* 270—284. (In Russ.).

The article was submitted 06.01.2026;
approved after reviewing 19.02.2026;
accepted for publication 10.04.2026.

CC BY

АВТОРАМ

Журнал «Научный диалог». ISSN 2225-756X, e-ISSN 2227-1295
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-86214 от 27.10.2023 г., Роскомнадзор
Издается с 2012 года. Языки публикации — русский, английский.
Включен в Перечень ВАК с 1 декабря 2015 года.
Индексируется в Scopus
Индексируется в Google Академия
Индексируется в РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)
Включен в базу ERIH PLUS с 11 июня 2015 года (идент. номер 485900).
Размещается на платформах НЭБ (eLibrary), DOAJ, на сайте журнала.
Подписной индекс 29255 в Объединенном каталоге «Пресса России».
Обязательные экземпляры журнала отправляются в Российскую государственную библиотеку, Минцифры России.
Электронный адрес: nauka-dialog@mail.ru, editor@nauka-dialog.ru
Сайт: http://www.nauka-dialog.ru/

Перечень ВАК РФ
Область наук: Социальные и гуманитарные науки

Группы научных специальностей	Научные специальности
5.9. Филология	5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)
	5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки)
	5.9.3. Теория литературы (филологические науки)
	5.9.4. Фольклористика (филологические науки)
	5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
	5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)
	5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
	5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)
5.6. Исторические науки	5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
	5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
	5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки)

Журнал «Научный диалог» — рецензируемое периодическое издание открытого доступа (open access), публикующее материалы гуманитарного профиля по двум научным областям — «ФИЛОЛОГИЯ» и «ИСТОРИЯ».

CC BY

Тематика: Россия и мир в диалоге

- ✓ Русский мир: язык, литература, фольклор, история
- ✓ История зарубежья глазами русских исследователей
- ✓ Русский мир в окружении других культур: сопоставительные исследования
- ✓ Медиакоммуникации и журналистика: мир без границ
- ✓ Теория и методология исследований языка и литературы как пространство диалога разных научных традиций

Миссия журнала — организация диалога между национальными исследовательскими традициями в гуманитарных отраслях науки — исторической и филологической.

Задачи:

1) аккумуляция знаний о русской культуре через исследования языка, литературы и отечественной истории как основных маркеров идентичности в окружении других идентичностей;

2) обмен интерпретациями инокультурного текста: русская литература и история в интерпретации зарубежных коллег — и зарубежный литературный и исторический дискурс в трактовках русских исследователей;

3) представление наблюдений исследователей из разных стран за развитием медиа как фактором глобализации;

4) приглашение исследователей разных стран к презентации и обсуждению теорий, подходов, методик, приемов анализа языка, текста, дискурса, поскольку ввиду длительного периода замкнутого развития национальных научных традиций и школ накопились разночтения в выборе проблематики исследований, трактовках ключевых терминов, методических предпочтениях.

ИНСТРУКЦИИ ДЛЯ АВТОРОВ

Принимаются к рассмотрению (1) обзорные статьи, содержащие теоретические и статистические обобщения; (2) оригинальные статьи, в которых представлены результаты исследования эмпирического материала.

Все статьи, поступившие в редакцию, проходят внутреннее рецензирование (анализируются актуальность темы, новизна и оригинальность решений, доказательная база, строгость и однозначность выводов, оснащенность научным аппаратом, качество иллюстративного материала) и публикуются на основании заключения рецензента из числа членов редакционного совета журнала и решения главного редактора. Выполняется двойное слепое рецензирование (автор не знает рецензента; рецензент не знает автора). Если статья будет оценена как не соответствующая требованиям журнала, автор статьи оповещается о необходимости переработки статьи или об отказе в публикации.

Рецензирование статей проводится в срок не более **70** дней.

Средние сроки публикации 2—5 месяцев со дня поступления статьи.

Требования к оформлению

Файл объемом до 5000 слов (22 страницы).

Шрифт 14 Times New Roman, интервал 1,5.

Поля: левое — 3 см, остальные — 2 см. Абзацный отступ — 1,25 см.

Количество авторов не более трех.

Один автор может представить к рассмотрению две статьи в течение года.

Сведения об авторе и финансировании, благодарностях (кегль — 12 pt) по образцу:

Фамилия Имя Отчество
orcid.org/0000-0000-0000-0000
ученая степень, ученое звание
кафедра
mmm@mail.ru

Организация
(Город, Страна)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке Фонда,
проект № 00-000-00

Аннотация (шрифт 12 pt, 150 слов) должна включать короткие ясные предложения и точно отражать содержание статьи: проблему, цель, материал, подробнее всего — результаты.

Ключевые слова – шрифт 12 pt (4–6 слов или словосочетаний, разделенных точкой с запятой).

Англоязычные метаданные не готовятся автором.

Структурирование статьи: IMRaD

1. Введение = Introduction

Текст не менее 1 страницы. Описать научную проблему, степень ее исследованности, актуальность и новизну в сравнении со своими предшествующими и чужими исследованиями.

2. Материал, методы, обзор = Material, methods, review

Текст, 1—3 страницы. Описать используемые методы, процедуру анализа материала, представить методы, подходы, приемы других исследователей, обращавшихся к выбранной проблематике [Воркачев, 2004, с. 37; Зализняк и др., 2005, с. 156—157], [ОР РНБ, ф. 1148, д. 56, л. 5], [НКРЯ].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Текст 7—12 страниц.

3.1. Тематическое название раздела

Текст. Иноязычный материал снабжается переводами (рядом в скобках). Указывается: (здесь и далее перевод наш. — *И. Ф.*). Система оформления материала: слово *жизнь*, понятие «жизнь», концепт ЖИЗНЬ, лексико-семантическое поле «Жизнь».

3.2. Тематическое название раздела

Текст

3.3. Тематическое название раздела

Текст

4. Заключение = Conclusions

Текст 1—2 страницы.

Источники и принятые сокращения

(Словари, архивы, документы, газеты и другие СМИ).

ОПИСАНИЕ ЛИЧНОГО АРХИВА АВТОРОВ СТАТЬИ:

1. АА — *Архив* авторов.

ОПИСАНИЕ СЛОВАРЯ:

1. *Даль В. И.* Толковый словарь живаго великорусскаго языка / В. И. Даль. — Санкт-Петербург : Типография М. О. Вольфа, 1880—1882. Т. 1—4.

ОПИСАНИЕ ГАЗЕТНОЙ ПУБЛИКАЦИИ БЕЗ АВТОРА:

2. *В Британии* ответили на антироссийское заявление // Правда : [газета]. — 2004. — № 4. — С. 1.

ОПИСАНИЕ АРХИВА:

3. ГАСО — *Государственный* архив Свердловской области. Ф.Р1813 (Областное статистическое управление). Ф. Р1813. Оп. 1. Д. 227. Л. 84. Д. 518. Л. 20.

ОПИСАНИЕ ГАЗЕТНОЙ ПУБЛИКАЦИИ С АВТОРОМ:

4. *Ищенко Е.* На Колыму! / Е. Ищенко // Колымская правда : [газета]. — 1994. — № 4 (18). — С. 2.

ОПИСАНИЕ КОРПУСА – ЭЛЕКТРОННОГО РЕСУРСА:

5. НКРЯ — *Национальный* корпус русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.ruscorpora.ru (дата обращения: 16.01.2022).

ОПИСАНИЕ ДОКУМЕНТА:

6. *Об образовании* в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федеральный закон Российской Федерации от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 02.03.2016). — Режим доступа : http://www.assessor.ru/zakon/273-fz-zakon-ob-obrazovanii-2013.

ОПИСАНИЕ АРХИВА:

7. ОР РНБ — *Отдел* рукописей Российской национальной библиотеки.

Ф. 1148. Д. 56. Гревс И. М. Очерки развития средневековой культуры.

Ф. 1148. Д. 56. Гревс И. М. Очерки развития средневековой культуры.

ОПИСАНИЕ СЛОВАРЯ:

8. СРНГ — *Словарь* русских народных говоров. — Москва ; Ленинград : Наука, 1965—. — Вып. 1—.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОГО ЭЛЕКТРОННОГО РЕСУРСА:

9. BNC — *British* National Corpus [Electronic resource]. — Access mode : http://www.natcorp.ox.ac.uk/ (accessed 16.01.2022).

Литература

(Научные исследования:
не менее 15 позиций в алфавитном порядке;
если статья имеет номер DOI, то нужно приводить идентификатор;
автор может сослаться не более чем на две своих работы;
следует опираться на научную литературу, а не на учебники;
должны присутствовать публикации последних десятилетий;

рекомендуется цитировать и зарубежные публикации, их можно найти в базах:
https://www.sciencedirect.com/
https://erih.dimensions.ai/discover/publication
https://doaj.org/
https://mjl.clarivate.com/home
сначала располагается русскоязычная литература, затем англоязычная).

ОПИСАНИЕ КНИГИ:

1. *Воркачев С. Г.* Счастье как лингвокультурный концепт / С. Г. Воркачев. — Москва : Гнозис, 2004. — 192 с. — ISBN 5-94244-002-6.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ С УКАЗАНИЕМ DOI:

2. *Гадомский А. К.* Лексикографическое описание терминологии теолингвистики (на примере русского и польского языков) / А. К. Гадомский // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. — 2018. — № 17 (1). — С. 17—28. — DOI: 10.15688/jvolsu2.2018.1.2.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В СБОРНИКЕ:

3. *Зализняк А. А.* Счастье и наслаждение в русской языковой картине мира / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев // Ключевые идеи русской языковой картины мира. — Москва : Языки славянской культуры, 2005. — С. 153—174. — ISBN 5-94457-104-7.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ:

4. *Иоанесян Е. Р.* Удовольствие : способы номинации в языке / Е. Р. Иоанесян // Вопросы психолингвистики. — 2017. — № 3 (33). — С. 156—169.

ОПИСАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ:

5. *Орлов Э. Д.* Литературный быт 1880-х годов : творчество Чехова и авторов «малой прессы» : диссертация … кандидата филологических наук / Э. Д. Орлов. — Москва, 2014. — 234 с.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ ЧЕТЫРЕХ И БОЛЕЕ АВТОРОВ В ЖУРНАЛЕ:

6. *Содержание* понятия «эффективность образования» в контексте инклюзивных тенденций современной школы / И. С. Самохин, М. Г. Сергеева, Н. Л. Соколова, Е. А. Марченко // Научный диалог. — 2018. — № 1. — С. 278—288.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ:

7. *Lakoff G.* Hedges : A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts /G. Lakoff // Journal of Philosophical Logic. — 1973. — Vol. 2. — No. 4. — Pp. 458—508.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ КНИГИ:

8. *Makuchowska M.* Od wrogów do braci. Posoborowe zmiany w dyskursie Kościoła katolickiego / M. Makuchowska. — Opole : UO, 2011. — 496 p. — ISBN 978-83-7395-431-1.

Material resources и References

НЕ ЗАПОЛНЯТЬ.
АВТОРЫ НЕ ДЕЛАЮТ СПИСОК ПО ЗАРУБЕЖНЫМ СТАНДАРТАМ.
СПИСОК ГОТОВИТСЯ СИЛАМИ РЕДАКЦИИ В СЛУЧАЕ ПРИНЯТИЯ СТАТЬИ.

Внутритекстовые ссылки приводятся в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, год издания статьи или книги и, если приводится цитата, то страница или диапазон страниц, например [Поланин, 2004, с. 47] или [Поланин, 2004, с. 47–48]. Если указывается источник (словарь, архив и др.), то в ссылке указывается сокращенное наи-

менование источника, номер тома (если есть) и страница (если есть), например: [СРНГ, т. 8, с. 75] или [ФСРГС, с. 7] (при этом сокращения должны быть указаны в списке источников). Если даются ссылки на несколько работ, то фамилии авторов приводятся в алфавитном порядке через точку с запятой: [Егоров, 1983, с. 213–218; Капитонова, 1991, с. 83]; в случае, если это работы одного автора, они перечисляются в хронологическом порядке: [Истрин, 1984; Истрин, 1997]. При наличии авторов-однофамильцев после фамилии приводятся инициалы. Если встречаются ссылки на две или несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, они приводятся с буквенным маркером около цифры, обозначающей год: [Иванов, 2001а; Иванов, 2001б]. Если авторов двое или трое, то упоминается только фамилия первого автора, а вместо фамилий остальных пишется «и др.» – в случае русскоязычного источника, «et al.» – в случае с источником на английском языке. Если авторов больше трех, а также если приводится ссылка на сборник, то дается первое слово названия либо два первых слова, если они логически связаны (с многоточием), далее год и страницы (если необходимо), например: [Микрофлора …, 1994], [Методика расчета …, 2007, с. 17].

Цитаты обязательно снабжаются указанием на номер страницы.

Автор направляет статью через «Личный кабинет» на сайте журнала. Условия публикации размещаются на сайте журнала http://www.nauka-dialog.ru/. Справку можно получить по тел. (343)3458984, 89120458984.

Каждая статья, опубликованная в журнале «Научный диалог» с 2017 года, имеет идентификатор DOI. Пожалуйста, если в своих последующих статьях, направляемых в любые другие журналы, Вы будете цитировать свою статью или делать ссылку на любые другие опубликованные в нашем журнале статьи, то УКАЗЫВАЙТЕ номера DOI этих статей (образец оформления выходных данных статьи с номером DOI см. в начале каждой статьи).

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(3), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

CONTENTS

Linguistics

Babenko, L. G. Lexicographic Formats and Parameters of Spatial Modeling of External Structure and Internal Architectonics of Ideographic Dictionaries 9

Bronnikova, O. V., Golovko, A. S., Ulyanova, O. B. Dominants of Time Representation in A. Nerkagi's Novel "White Lichen". 32

Kondratieva, O. N. Marketing-Oriented Analysis of Ergonomic Naming Practices in Law Firms from Kemerovo Region (Kuzbass) 51

Kuznetsova, E. D., Yudin, N. O. Violation of German Language Norms under Influence of Feminist Policy in Contemporary Germany 71

Leontyeva, T. V. Clichéd Responses in Youth Communication: Semantics, Axiology, Pragmatics, and Sociocultural Functions 90

Merkuryeva, N. Yu. Tag Phrases in Dialogues of Ben Jonson's Play 113

Nichiporchik, E. V., Starodubets, S. N. Regional Paremiography (On Preservation of National Paremiological Heritage). 130

Stepykin, N. I. Degree of Semantic Proximity of Words in Mental Lexicon 151

Communcations. Media technologes. Journalism

Babikova, M. R., Zlokazov, K. V., Meshkova, N. V. Antisocial Creativity Through Lens of Experimental Research 169

Bryukhacheva, Ya. A. Linguistic Representation of Russia-China Cooperation in Internet Discourse 187

Zakharova, M. A., Tishina, E. V., Kalinina, M. V. Students' Speech Behavior in Group Chats: Predictions and Prospects 210

Literary studies. Folklore

Bogdanova, O. V. Olga Rozanova: Artist and Poet (Works of Early 1910s). 227

Valyanov, N. A. "Siberian Text" in Literary Tradition of M. A. Tarkovsky: Poetics of Chronotope and Figure of Hero 246

Lamzina, A. V. Apocalyptic Archetypes in M. Voloshin's Poetry of October Revolution and Civil War: Frame Text and Plot Structure 270

Osmukhina, O. Yu., Naumkina, K. O. Specifics of "Turning Point" in G. Gazdanov's Early Work (from "The Hotel of the Future" to "An Evening with Claire"). 292

Xin Mengfei, Wang Yong. A Survey of Gorky Studies in China Based on CNKI Database 312

Shvetsova, T. V. Dynamics of 19th-Century Russian Literary Process in Context of Literary Hero's Act 332

History

Atantaeva, B. Z., Akhmetova, R. D., Turlybaev, M. E. Tolstoukhov Uprising as a Form of Peasant Resistance in 1930 353

Baryshnikov, M. N. Establishment and Prospects of Regular Shipping Line between Russia and Bulgaria (1880–1913). 375

Zakaryan, L. S., Ghazaryan, G. K., Sukiasyan, H. K. Beer Consumption in Armenia during New Economic Policy Era (1921–1928). 398

Ivanov, A. A. "Russians Never Surrender": Origins and Dissemination of a Slogan in Russian Empire 419

Magsumov, T. A. School Management Committees in Late Imperial Russia: Modernization of Internal School Governance 441

Mironova, E. V. Transformation of Noble Estates in Southwestern Region of Kazan Province during Post-Reform Period 463

Motrevich, V. P., Mamyachenkov, V. N. State Farm Production in Bashkir ASSR, 1945—1953 479

Reinhardt, R. O., Buslaev, G. N. Failed "Scientific Repatriation" of Professor Philipp Schwartz to Germany after World War II 499

Topilsky, A. G., Zhitin, R. M. Agrarian Enlightenment of Farmers in Kingdom of Galicia and Lodomeria in Second Half of 19th — Early 20th Centuries 521

Hu Liyang, Zubareva, S. S., Kolegov, S. S. Republic of Singapore and People's Republic of China: Peculiarities of Cooperation (1990–2025) 541

TO AUTHORS 560

ПОДПИСКА
на журнал «Научный диалог»

Уважаемые читатели!

На журнал «Научный диалог» можно оформить подписку.

Подписной индекс **29255**
в Объединенном каталоге «Пресса России».

Вы можете подписаться онлайн через **Интернет-каталог «Пресса по подписке».**

Вы можете также заказать редакции любой из уже вышедших номеров журнала, сделав запрос в адрес редакции: **nauka-dialog@mail.ru.**

Опубликованные в журнале материалы представлены в Международном каталоге периодических изданий Global Serials Directory Ulrichs Web (www.ulrichsweb.com/ulrichsweb/)

Компьютерная верстка и дизайн: Издательский Дом «Ажур»

Подписано в печать 13.04.2026. Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Гарнитура «Times New Roman». Усл. печ. л. 33,12. Тираж 500 экз. Заказ 13/04-1.

Отпечатано в ООО «Издательский Дом «Ажур».
620075, г. Екатеринбург, ул. Восточная, 54.Тел. (343) 350-78-28, 350-78-49.

© Центр научных и образовательных проектов, 2026

Свободная цена

